

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

9

1924

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА
IX

1924

Героический период Великой Русской Революции *).

(Опыт анализа так называемого „военного коммунизма“.)

Механизм революции.

Основной характер русской революции. Механизм пролетарской революции. Механизм аграрной революции. Сложный характер русской революции.

Великая русская революция является исключительно сложным общественным явлением, отражающим в этой своей противоречивой сложности обрисованные выше экономические и социальные противоречия России. Тем не менее основное, мощно вырывающееся наружу содержание русской революции, которое не в состоянии прикрыть все инородные наслоения, это — то, что она является социальной революцией пролетариата. Этот характер ее необычайно рельефно подчеркивается тем резонансом, какой она вызвала на обоих полюсах капиталистического мира — у мирового капитала и мирового пролетариата. Трудно указать другое национальное событие, другое внутреннее событие в жизни одной страны, которое в такой мере приковало бы к себе действительное внимание всего мирового капитала и всего мирового пролетариата, как великая русская революция.

Предпосылки социальной революции пролетариата — господство капитала в русской экономике, концентрация промышленности, транспорта и кредита, развитие внутренних классовых противоречий капитализма, революционная классовая организация про-

*) Настоящая статья является выдержкой (весьма значительной по объему), из подготовляемой автором к печати работы о русской революции. Введение к этой работе было напечатано в № 1 «Вестника Коммунистической Академии».

летариата (его авангарда) и его революционное классовое самосознание были налицо уже в предвоенной России. Но сами по себе они означали лишь возможность пролетарской революции, но отнюдь не ее необходимость ¹⁾. Капитализм еще не стал тогда препятствием для развития производительных сил России. Препятствием для их развития была не капиталистическая организация народного хозяйства, а неполнота власти капитала над народным хозяйством России, над ее сельским хозяйством в первую голову.

Эта возможность пролетарской революции была реализована, была превращена в необходимость мировой империалистской войны. Мировая империалистская война была кризисом мирового капитализма, она означала смену эры подъема производительных сил мирового капитализма эрой их упадка, бессилие капитализма в разрешении задачи подъема и даже простого сохранения производительных сил человечества, превращение его в препятствие для развития производительных сил, в причину их неслыханного разрушения.

Падение производительных сил, снижение жизненного уровня пролетариата и армии, угроза самому существованию масс, их революционное выступление — таков в основном механизм разложения и краха капитализма ²⁾.

В препятствие для развития, в причину упадка и разрушения производительных сил России, как и других стран, превратился по существу дела не русский, а мировой капитализм, но в России этот всемирно-исторический перелом в развитии мирового капитализма проявился в разложении и крахе русского капитализма. Да и не мог проявиться иначе при той, являвшейся предпосылкой самой империалистской войны, общественной структуре эпохи финансового капитализма, когда основным типом капиталистического объединения является капиталистическое народное хозяйство, все более превращающееся в государственно-капиталистический трест ³⁾.

Под влиянием специфических особенностей экономической и социальной структуры русского общества, характер и происхождение

¹⁾ Так, еще в 1907 году тов. Ленин писал (в предисловии к «Развитию капитализма в России»): «...революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией. Это положение марксизма совершенно неопровержимо».

²⁾ Этот процесс изображен т. Бухариным в его книге «Экономика переходного периода».

³⁾ Термин этот введен в употребление Н. Бухариным.

ние которых рассмотрены в двух предшествующих частях, разложение русского капитализма и организованного капиталом народного хозяйства России значительно отличалось — как в формах этого разложения, так и в его темпе — от разложения капитализма в других странах и именно потому и закончилось крахом русского капитализма. Тем не менее в основном механизм разложения и краха русского капитализма, несмотря на все специфически русские его осложнения, вполне сходен с механизмом разложения капитализма в других странах. Это прежде всего разложение и крах капитализма, а лишь во вторую очередь капитализма русского.

Точно так же и великая русская революция, несмотря на всю свою сложность, позволяет обнаружить основное свое содержание социальной революции пролетариата, нащупать в ходе ее развития всеобщий механизм пролетарской революции.

Всякая революция возникает из задержки в развитии производительных сил общества и ведет в конечном результате к устранению этой задержки. Однако не всякая задержка в развитии производительных сил может стать исходным пунктом революции, но лишь такая задержка их, которая коренится в самом обществе и потому может быть устранена путем изменения структуры общества. Более того, не во всяком обществе необходимое для устранения задержки в развитии производительных сил изменение структуры его становится революцией, но лишь в обществе антагонистическом, в обществе, построенном на отделении средств производства от рабочей силы и, следовательно, на эксплуатации, на присвоении общественного прибавочного продукта обособленной частью общества, т. е. в обществе классовом. На основе достигнутого определенным (в нашем случае—капиталистическим) способом производства уровня развития производительных сил достигает определенной коренящейся в производственных отношениях силы социальной класс (в нашем случае—пролетариат), воплощающий в себе динамическую (изменяющуюся) сторону хозяйственной жизни и носящий в себе в потенциальной (скрытой) форме новый (в нашем случае—социалистический) способ производства. Это изменение экономических отношений, находящее свое выражение в рождении нового социального класса, носителя нового способа производства, и в постепенном превращении его в — потенциально — наиболее мощный класс общества остается, несмотря на громадность этой перемены, потенциальным (скрытым) изменением.

Выявление этого изменения в экономических отношениях — переход к новому способу производства — невозможно, пока старый

способ производства консервируется (сохраняется) политическим строем общества, пока существует государственная власть и воплощающая ее государственная организация господствующего при старом способе производства класса, пока благодаря их воздействию классовая борьба происходит в рамках существующего общественного строя. втискивается, вгоняется в эти рамки.

Новый класс — господин в обществе, которое создаст революция — изменяет самым фактом своего нарождения и укрепления и политическую жизнь общества, но и это изменение в области политических отношений остается скрытым (потенциальным). Выявление этого изменения политических отношений — переход к новому политическому строю — невозможно, пока старый политический строй консервируется старой (в нашем случае — капиталистической) идеологией, господствующей в умах объективно революционного класса, идеологией, навязанной ему господствующим классом и консервирующей старое общество.

Но изменения происходят и в идеологии объективно революционного класса¹⁾, резко ускоряясь в эпохи падения производительных сил общества. Революционный переворот начинается в области идеологии (и именно взглядов на государственную власть и отношения к ней) — в высшем этаже «надстройки» над экономическим «фундаментом». Революция прежде всего завоевывает людей (разумеется, определенного класса), и именно то, что отличает их от вещей, их головы. Такова первая фаза революции, в течение которой центр тяжести революции лежит в области идеологии, а основной задачей революционной партии является агитация за политический переворот.

Революция в области идеологии уничтожает в объективно-революционном классе (в нашем случае — в пролетариате) силу, консервирующую старый политический строй, старую идеологию порядка, и новая революционная идеология теперь уже и субъективно революционного класса становится рычагом политического переворота — происходит революционный переворот в области политических отношений, политическая революция, выявляющая оставшееся до того в скрытом виде изменение политических отношений общества. Такова вторая фаза революции, в течение которой центр тяжести революции лежит в области политики (политических

¹⁾ И здесь точно так же в течение долгого времени в скрытой форме, в виде нарастания доступности все больших масс революционного класса воздействию революционной идеологии его авангарда, в виде увеличения предрасположения к революционной идеологии, готовности воспринять ее.

отношений), а основной задачей революционной партии является перестройка политических отношений, разрушение старого и организация нового политического строя; необходимым условием этой второй фазы революции является завершение в существенном первой фазы ее—переворота в области идеологии, ибо необходимой предпосылкой политической революции является наличие революционных масс, т.-е. совершившаяся революция в области идеологии.

Политическая организация общества, государственная организация господствующего класса, это — специфический институт классового общества, порождение антагонистической структуры экономики и в атмосфере (необходимо порождаемой антагонистической структурой экономики) классовой борьбы — средство организовать принудительно классовое сотрудничество (прежде всего в процессе производства). В политической организации общества, в государственной организации господствующего в нем класса концентрируется то сопротивление развитию общества, та задержка развития его производительных сил, которая является исходным пунктом революции. Именно поэтому политическая революция становится концентрированным выражением революции.

Политическая революция уничтожает силу, консервирующую старый способ производства, государственную организацию господствующего класса, превращает революционный класс в политически господствующий, т.-е. монополизирующий в своих руках все средства организованного насилия, и эта новая организация власти революционного класса становится рычагом экономического переворота — происходит революционный переворот в области экономических отношений, экономическая революция, выявляющая остававшееся до того в скрытом виде изменение экономических отношений общества.

Многообразные экономические отношения капиталистического общества (и других обществ) могут быть сведены к двум основным типам: это — отношения между членами (или группами членов) одного и того же класса и отношения между членами (или группами членов) разных классов. Отношения первого типа в главной своей массе являются — в той или иной сфере — отношениями между известными социальными ячейками, отношения второго типа — отношениями внутри этих социальных ячеек¹⁾.

¹⁾ Отношение первого типа аналогичны (но, конечно, только аналогичны) молекулярным взаимодействиям, отношения второго типа — атомистическим, внутри-молекулярным; первые — более поверхностные, вторые — внутренние,

Именно последние и являются необходимо антагонистическими в капиталистическом обществе.

Исходной точкой пролетарской революции является антагонистическая классовая структура капиталистической экономики. Экономическая революция приводит поэтому в первую голову к уничтожению антагонистического характера капиталистической экономики, к уничтожению власти над общественным работником отделенных от него и противопоставленных ему общественных средств производства, персонифицированных в лице капиталистов, т. е. к уничтожению командной власти капитала в экономике, к синтезу общественного работника и средств его производства, к уничтожению эксплуатации. Такова третья фаза революции, в течение которой центр тяжести лежит в области специфических экономических отношений, а основной задачей революционной партии является разрушение старого и организация нового экономического строя в сфере специфических экономических отношений: необходимым условием перехода к этой третьей фазе революции является завершение в существенном ее второй фазы—переворота в области политики, ибо необходимой предпосылкой экономической революции является власть нового класса над обществом, т. е. совершившаяся политическая революция.

Основная работа третьей фазы пролетарской революции, экономической революции в узком, в непосредственном смысле этого

более глубокие. Раньше, чем класс сложился как таковой, его элементы уже существуют как аналогичные составные части различных социальных ячеек (например, прежде чем пролетариат сложился как класс, существовали пролетарии в отдельных капиталистических предприятиях).

Условимся в дальнейшем называть экономические отношения между *разными* классами и между членами *разных* классов *специфическими* экономическими отношениями. С одной стороны, потому, что именно они составляют характерную особенность определенного способа производства, господствующего в обществе, основанном на эксплуатации. А с другой стороны, потому, что в отличие от *общих* экономических отношений (например, отношений между лицами одной и той же или разных профессий и т. п.), вытекающих в основе своей из борьбы с природой (из техники), и хотя и испытывающих на себе влияние классовой структуры общества, но не обязанных ей своим существованием, специфические экономические отношения связаны как раз с этой исторически переходящей специфической классовой структурой общества, возникают и исчезают вместе с нею.

слова состоит в разрушении старой и организации новой командной власти в экономике (нового хозяйственного управления) подобно тому, как основная работа второй фазы пролетарской революции состоит в разрушении старой и организации новой командной власти в политике (нового государственного управления).

Антагонистическая структура капиталистической экономики не есть нечто внешнее по отношению к последней, именно поэтому кризис капиталистических производственных отношений сопровождается, покуда он длится, кризисом и производства.

Мучительность этого кризиса связана с тем обстоятельством, что от всех других известных истории классовых обществ капиталистическое отличается сложностью своей структуры, которая обусловливается ролью технической интеллигенции.

Рост значения технической интеллигенции есть выражение повышения органического состава (общественного) капитала, т.е. необходимого процесса капитализма: рост основной части постоянного капитала, выражение растущего применения науки в производстве, необходимо связан с ростом технической интеллигенции, реализующей и воплощающей в себе научные методы в производстве и являющейся поэтому выражением того же процесса — роста производительных сил, но в сфере живого труда.

Но техническая интеллигенция играет в капиталистическом производстве двойную роль: она не только организатор производства, но и организатор эксплуатации. Именно поэтому крах капиталистической эксплуатации необходимо превращается во временный кризис производства, тем более мучительный (хотя и тем более короткий), чем значительнее роль технической интеллигенции, т.е. чем выше уже достигнутый уровень развития производительных сил.

Эта третья фаза революции является по существу дела завершением революции, ее кульминационной фазой, ибо с уничтожением антагонистической структуры экономики уничтожается основная причина той задержки в развитии производительных сил общества, которая является исходной точкой революции.

Но уничтожение силы, задерживавшей развитие производительных сил общества, еще не означает полного преодоления самой задержки развития. Антагонистическая (классовая) структура капиталистической экономики не только закрепляется капиталистическим государством и капиталистической идеологией, но и сама является источником известных особенностей экономики (и техники) капиталистического общества, затрудняющих развитие производительных

сил общества и не исчезающих сразу после ее исчезновения; в этих особенностях материализуется классовая структура общества.

Общие экономические отношения не обязаны своим существованием классовой структуре общества; но эти экономические отношения в том конкретном виде, в каком они существуют в данном классовом обществе (в нашем случае — в капиталистическом обществе), существуют в этом виде благодаря воздействию на них классовой структуры общества.

Так, распределение производительных сил ¹⁾ по разным отраслям производства является общим экономическим отношением. При всякой структуре общества (классовой или бесклассовой) имеет место распределение производительных сил по разным отраслям производства. Но такое распределение производительных сил общества, когда при данном их уровне значительная часть их сосредоточена в определенных отраслях производства (в производстве средств потребления капиталистов), является следствием определенной классовой структуры общества.

Поскольку существует, например, потребность в тонких винах, существование соответственного производства не связано с классовой структурой общества; но размеры этого производства определяются именно этой структурой; при том же уровне производительных сил общества размеры этого производства будут в пролетарском обществе меньше, чем в капиталистическом.

В распределении производительных сил капиталистического общества материализуется классовая структура этого общества. Но в нем же материализуется и порожденная капитализмом задержка развития производительных сил общества.

Точно так же внутреннее строение производительных сил общества (та или иная степень их концентрации и централизации) является общим экономическим отношением. Но какая именно степень концентрации и централизации производительных сил общества достигнута последним, это зависит от его классовой структуры. При том же уровне производительных сил общества концентрация и централизация их будет в пролетарском обществе значительнее, чем в капиталистическом. Иными словами, капиталистическая структура общества задерживает достижение той степени концен-

¹⁾ Хотя производительные силы сами по себе относятся к области техники, их распределение, следовательно, их отношение, является одновременно и распределением основной производительной силы общества, его рабочей силы — является, следовательно, отношением людей в процессе общественного труда, и, значит, экономическим отношением.

трации и централизации производительных сил общества, какую позволяет достигнуть данный уровень последних, и в этой пониженной степени концентрации и централизации их материализуется порожденная капитализмом задержка развития производительных сил общества.

Третья фаза революции уничтожает силу, порождавшую и консервировавшую те общие экономические отношения, вернее, те характерные для капиталистического общества конкретные формы проявления общих экономических отношений, которые вместе с его специфическими экономическими отношениями и составляют капиталистический способ производства; новая организация экономической власти революционного класса становится рычагом изменения этих общих экономических отношений общества. После того, как экономическая революция уничтожила — в основном — антагонистическую структуру экономики, она приводит к реорганизации общих экономических отношений общества, которые в их конкретном виде являются последствием либо антагонистической структуры его экономики непосредственно (как, например, упомянутое выше распределение производительных сил общества), либо той ступени технико-экономического развития, на которой капиталистическое общество задержано антагонистической структурой его экономики и на которой его застигла революция (сюда относится — также упомянутая выше — степень концентрации и централизации производительных сил общества, а следовательно, и степень достигнутого преодоления рынка, происходящего непрерывно и при капитализме на высших ступенях его развития, хотя и в антагонистических формах). Происходит перераспределение производительных сил общества и изменение характера его общих экономических отношений, переход к следующему этапу в преодолении рынка, а при достаточно высоком уровне производительных сил — переход к полному его преодолению, означающему новый шаг в направлении, — или в последнем случае переход — от анархии производства к производству планомерному, от производства хищнического, расточающего производительные силы, и прежде всего и больше всего основную производительную силу общества, человеческую рабочую силу (но также и недра земли, леса и пр.), к производству рациональному, имеющему в виду не только завтрашний день, не только ближайшее, но и более отдаленное будущее.

Это и есть четвертая фаза революции, не являющаяся уже революцией в действительном смысле этого слова, ибо она

уничтожает препятствия развитию производительных сил общества, уже не корепящиеся в антагонистической структуре общества, но являющиеся лишь отрывком его прежней антагонистической структуры.

В течение этой фазы революции центр тяжести лежит в области экономических (притом общих экономических) отношений, а основной задачей революционной партии является организация нового экономического строя в сфере общих экономических отношений. Следовательно изменение более поверхностных (внешних) общественных отношений, перегруппировка уже не отдельных элементов общества (людей) внутри социальных ячеек, а самих ячеек необходимым условием этой четвертой фазы революции является завершение в существенном ее третьей фазы—экономической революции в прямом и узком смысле этого слова, ибо необходимой предпосылкой экономической революции в сфере общих экономических отношений является власть нового класса над хозяйством, т.е. совершившаяся экономическая (в сфере специфических экономических отношений) революция.

В более широком смысле этого слова третья и четвертая фаза составляют вместе экономическую революцию, перестройку способа производства.

После того, как четвертая фаза революции в существенном завершена, поскольку она является революцией, т.е. уничтожает те общие экономические отношения, которые не соответствуют достигнутому уровню развития производительных сил общества и исчезновение которых задерживалось антагонистической (классовой) структурой экономики,—революция спускается в самый нижний этаж общественной жизни, в область техники, но как революция, начинает сходить на-нет. Так как препятствия для развития производительных сил устранены, то дальнейшее развитие их происходит беспрепятственно,—революция, победив и сделав свое дело, умирает. Ее последнее дело—уничтожение тех особенностей в технических отношениях общества, которые являются последствием прежней антагонистической структуры его экономики (напр., отсталость известных отраслей производства, установка на производство продуктов низкого качества, применение вредных или неприятных для работника технических методов и т. п.).

Такова пятая и последняя фаза революции, когда революция уже перестает быть революцией. В течение этой фазы революции центр тяжести революции лежит в сфере технических отноше-

ний; необходимым условием этой пятой фазы революции является завершение в существенном ее четвертой фазы, ибо необходимой предпосылкой ее является наличие известных свободных ресурсов, которые при данном уровне производительных сил могут быть получены лишь путем реализации экономических преимуществ нового общества, т.е. лишь при условии увеличения ресурсов общества путем реорганизации его общих экономических отношений, иными словами, при условии совершившейся экономической (в сфере общих экономических отношений) революции.

Каждая последующая фаза революции становится возможной только в том случае, если достаточно далеко зашла предшествующая, которая, однако, может быть действительно закреплена лишь в том случае, если произошел переход к последующей стадии. Так, напр., политическая революция становится возможной только после того, как произошла революция идеологическая, а эта последняя только тогда закреплена, когда она действительно привела к революции политической. Но пока какая-нибудь фаза революции еще не завершена, в остальных областях еще необходимо сохраняются в основном старые отношения. В частности, переворот в технических отношениях невозможен, пока в основном не завершены все предшествующие фазы революции. Революция происходит поэтому на основе старой техники, методы последней остаются в существенном неизменными, пока длится революция. Разумеется, в эпоху революции (да и вообще во всякую эпоху) меняются все общественные отношения, но основная масса изменений происходит в каждый период в определенной области, и именно в этой области лежит в соответственный период центр тяжести творческой разрушительно-созидательной работы революции.

Таков механизм пролетарской революции ¹⁾.

Но великая русская революция представляет собой исключительно сложное общественное явление, она является пролетарской революцией лишь по основному своему содержанию. Она — первая пролетарская революция и первый этап мировой революции пролетариата, и в этом ее мировое значение, но она не только антикапиталистическая революция пролетариата, но одновременно и антифеодальная революция крестьянства, и в этом ее нацио-

¹⁾ В сжатом виде эта теория фаз революции была изложена мною в начале революции весной 1918 г. (см. Л. Крицман «Об очередной задаче пролетарской революции» в № 5 журнала «Народное хозяйство» за 1918 год) и была подтверждена — в частности, последний вывод из нее — всем последующим ходом революции.

нальное значение, основное не для мировой истории, но для подавляющего большинства населения России.

Механизм антифеодальной аграрной революции характеризуется фазами, аналогичными обрисованным выше фазам антикапиталистической пролетарской революции. Особенностью крестьянской революции, вытекающей из порождающей ее основанной на мелком хозяйстве крестьянской экономики, является невозможность для крестьянства вследствие его распыленности проделать вторую — по необходимости концентрированную — фазу революции, т. е. политическую революцию, самостоятельно. Все известные истории самостоятельные выступления крестьянства всегда оставались бунтом, не переходя в революцию. Во всех известных истории аграрных революциях господство в обществе переходило не к крестьянству, которое никогда не могло преодолеть своей раздробленности, коренившейся в экономике и технике мелкого крестьянского хозяйства, а к другому революционному классу: в буржуазных революциях — к капиталу, в великой русской революции — к пролетариату. Иными словами, для того, чтобы могла осуществиться аграрная революция, необходимо, чтобы революция была не только аграрной революцией, чтобы наряду с антифеодальным крестьянством выступал и другой революционный класс, гегемон революции, за которым следует крестьянство и который в свою очередь опирается на крестьянство. Политическую революцию крестьянство совершает совместно и под руководством другого класса, от характера которого и зависит основное содержание революции.

Третья фаза аграрной революции состоит в уничтожении феодального землевладения и связанных с ним феодальных отношений зависимости, в уничтожении антагонистического характера феодальной экономики, в уничтожении феодальной эксплуатации, в синтезе индивидуального работника-крестьянина с до того частично отделенным от него основным средством его производства — землею. Отсутствие технической интеллигенции, аналогичной капиталистической, делает эту фазу сравнительно легкой. Результат ее — превращение феодального крестьянина в мелко-буржуазного, в свободного мелкого товаропроизводителя, в члена простого товарного общества.

Четвертая фаза, это — революционное землеустройство, уничтожающее те общие экономические отношения в сельском хозяйстве, которые порождались антагонистической экономикой феодального общества, в них материализованной, и открывающее дорогу развитию производительных сил (мелкого) сельского

хозяйства и тем самым и его диалектическому превращению в капиталистическое сельское хозяйство.

Пятая фаза, это — уничтожение технических особенностей (крестьянского) сельского хозяйства, порождавшихся дореволюционным распределением земли (дальноземельем, чересполосицей и пр.); в совокупности этих особенностей и состояла специфическая отсталость русского дореволюционного сельского (крестьянского) хозяйства.

Само собой разумеется, обрисованный выше механизм пролетарской революции есть механизм чистой пролетарской революции, какой она была бы в изолированном чистом капиталистическом обществе (т.-е. обществе, в котором уже исчезли уже остатки докапиталистических хозяйственных форм и порождаемые ими классы общества)¹⁾.

Но великая русская революция отнюдь не является ни чистой пролетарской (антикапиталистической), ни чистой крестьянской (антифеодальной) революцией, напротив того, она представляет собой исключительно сложное общественное явление.

Этот сложный характер русской революции обуславливается в первую голову (рассмотренной в первой части) задержкой буржуазной революции в России вплоть до момента наступления пролетарской революции, следовательно, историческим совпадением антикапиталистической и антифеодальной революции.

Но дело не только в этом двойном характере русской революции, но и в особенностях сочетания антикапиталистической революции (которая была бы чистой социалистической революцией, если бы не сочеталась с революцией антифеодальной) с революцией антифеодальной (которая была бы чистой буржуазной революцией, если бы не сочеталась с революцией пролетарской).

Первая ее особенность заключается в том, что совпадение антикапиталистической и антифеодальной революции было в данном случае не только совпадением во времени, но и совпадением в пространстве. Поскольку наиболее развитые капиталистические страны по большей части²⁾ владеют значительными колониями,

¹⁾ То же нужно сказать и о намеченном выше механизме крестьянской революции. Это механизм чистой крестьянской революции, какой она была бы в чистом феодальном обществе при том условии, что внешняя сила, помогшая крестьянству осуществить политическую революцию, в дальнейшем не влияла бы на ход революции.

²⁾ Но не все. Так, Германия после мировой войны является высокоразвитым капиталистическим государством, лишенным колоний. Германская революция будет поэтому пролетарской революцией в наиболее чистом виде.

постольку пролетарская революция в каждой такой стране неизбежно будет сопровождаться крестьянской (а в некоторых случаях и буржуазно-капиталистической) революцией в колониях, освобождением колониальных народов от колониальной зависимости.

Но там, совпадая во времени, пролетарская и крестьянская революции будут разобщены в пространстве. Это будут одновременные, но территориально лишь параллельные, а не совпадающие революции: одна—пролетарская—в метрополии, а другая—крестьянская—в колониях.

Напротив, в русской революции революция пролетарская и революция крестьянская совпадают и во времени и в пространстве: вместо двух параллельных территориально разобщенных революций, пролетарской в метрополии и крестьянской в колониях, здесь происходит одна сложная революция в одной и той же стране.

В эпоху финансового капитализма, следовательно, в эпоху (неорганизованного) мирового хозяйства, пролетарские революции в отдельных странах являются лишь этапами мировой пролетарской революции, которая неизбежно будет носить двойной характер, характер сложной революции, в которой переплетаются революция пролетариата и революция (колониального) крестьянства.

Всемирно-историческое значение великой русской революции заключается поэтому не только в том, что она — первая пролетарская революция и, следовательно, первый этап мировой пролетарской революции, но и в том, что она является прообразом всей мировой революции; ибо она в национальном масштабе разворачивает (ставит и разрешает) основную проблему всей мировой революции в целом — сочетание революции пролетарской и революции крестьянской.

Специфическое осложнение русской революции заключается, однако, не в том, что она эту проблему поставила (и разрешает), а в том, что эта проблема стала перед ней в необычайно гипертрофированном (преувеличенном) виде.

Эта специфическая особенность русской революции является результатом того обстоятельства, что русское крестьянское хозяйство было аграрным дополнением не только русского, но и мирового ¹⁾ (западно-европейского) капитала. Это, с одной стороны, дало русскому пролетариату возможность выступить в каче-

¹⁾ Около 60% выходявшего за пределы русской деревни хлеба (ее основного продукта) и от 40 до 50% всех выходявших за пределы русской деревни продуктов ее сельского хозяйства шло за границу.

ство освободителя всей нации (в первую голову составлявшего %, населения крестьянства) от угрожавшей ей колониальной эксплуатации, а с другой стороны, оно в исключительном масштабе перегружало пролетарскую антикапиталистическую революцию революцией антифеодальной, заставило русский пролетариат разрешать вопрос об отношении пролетариата к крестьянству не только за себя, но и за западно-европейский пролетариат.

Сочетание обеих революций, пролетарской и крестьянской, в русской революции сложно не только в силу особого качественного, но и в силу особенного количественного характера этого сочетания.

Некоторые последствия этих особенностей сочетания и взаимодействия обеих революций, пролетарской и крестьянской (предопределенные уже экономикой предвоенной России), были затронуты в 1-й части, а частично и во 2-й, на ряде других мы остановимся ниже.

Но сложный характер великой русской революции не исчерпывается вышеизложенным. Он обуславливается не только сочетанием двух революций, пролетарской и крестьянской, в его специфическом русском виде, но и тем, что эта национальная ¹⁾ (русская) революция происходила отнюдь не в изолированном обществе, но, напротив, в эпоху, когда каждое отдельное народное хозяйство уже стало частью мирового хозяйства.

В этих условиях русская пролетарская революция не могла быть ничем иным, как первым этапом мировой пролетарской революции, мировой — по содержанию — революцией в национальной форме.

Это противоречие между мировым содержанием и национальной формой русской революции, весьма недвусмысленно заявившее о себе в форме интервенции иностранного капитала, неизбежно должно было еще больше осложнить течение русской революции.

С другой стороны, отличие сложной пространственно-сливной пролетарско-крестьянской русской революции от территориально разобщенных параллельных пролетарских и крестьянских революций будущего в других странах не является абсолютным.

Подобно колониальным империям высокоразвитых капиталистических стран Россия была многонациональным государством. Подобно им господствующая (великорусская) нация была

¹⁾ В данном случае национальная в том смысле, что она совершалась в пределах России, в противоположность мировой.

в большей мере втянута в капиталистическое развитие, чем угнетенные нации (исключение составляют некоторые западные окраины царской империи). Результатом этого было то обстоятельство, что пролетариат России был по преимуществу великорусским пролетариатом, а на ряду с этим угнетенные нации, мало — по сравнению с великорусской — втянутые в капиталистическое развитие, были по своему составу почти сплошь крестьянскими ¹⁾).

В этих условиях крестьянская революция неизбежно должна была принять националистический характер, осложниться борьбой против национального угнетения. А это означало дополнительное осложнение русской революции и значительное осложнение основной задачи пролетариата — сочетания пролетарской революции с многоликой, ибо многонациональной, — крестьянской революцией.

Сложный характер русской революции неизбежно вел к изменению, (в большинстве случаев, к осложнению а в некоторых исключительных случаях и к облегчению) течения каждой фазы революции.

Развертывание революции под влиянием внутренних сил.

Легкость октябрьского переворота и ее причины. Общая работа пролетарской и крестьянской революции. Стремительность крестьянской и сдержанность пролетарской революции. Гегемония пролетариата и его уступки крестьянству.

Та поразительная быстрота и легкость, с которой совершился октябрьский переворот, т.е. переход власти в руки пролетариата, всемирно историческое событие, имевшее лишь один даже не прецедент, а скорее намек на прецедент — Парижскую Коммуну, объясняется наличием условий, исключительно благоприятных для первых шагов революции. Задержка в наступлении русской буржуазной революции привела к тому, что вызванная разложением русского капитализма русская пролетарская революция натолкнулась в пролетариате лишь на сравнительно незначительное сопротивление идеологии: вместо сложившейся окостенелой, обладающей громадной инерцией идеологии порядка (старого общественного порядка), она застала напряженно-революционную атмосферу, результат, как мы видели, задержки в наступлении рус-

¹⁾ Исключение, как указано выше, составляли некоторые западные окраины царской империи.

ской буржуазной революции. Значение этого фактора (сопротивления идеологии) с необычайной выпуклостью проявилось в 1919—1920 г.г. в западной Европе, где идеология порядка (идеология капиталистического порядка в пролетариате, в головах пролетариев) получила свое организационное выражение и закрепление в лице нынешней социал-демократии.

Революционная гегемония пролетариата в русской буржуазной революции явилась идеологической (хотя, разумеется, и не только идеологической) предпосылкой, мостом к русской пролетарской революции. Если русское революционное движение победило, как рабочее движение, то побеждающее рабочее движение без труда переходило в революционное движение пролетариата, в пролетарскую революцию.

Но историческое сближение, почти совмещение русской буржуазной и русской пролетарской революции привело к тому, что последняя натолкнулась на сравнительно незначительное сопротивление не только идеологии, но и государственной организации, ибо она имела пред собою не прочную, давно сложившуюся машину буржуазного государственного насилия, а полуразрушенный аппарат феодальной государственной власти (царизма) с только что пачатыми частичными переделками его в буржуазном вкусе. Сопротивление, которое способна была развить такая государственная организация, было, естественно, не велико. Это сопротивление и без того неустойчивой государственной машины было на окраинах сведено почти на-нет развернувшейся в промежуток между февралем и октябрём 1917 г. борьбой угнетённых и до того совершенно придавленных царизмом наций за их освобождение; на Украине перед октябрьским переворотом общероссийская государственная организация практически уже не существовала.

Вынуждая крестьянство к продолжению чуждой ему войны¹⁾ и обнажив свою контр-революционную физиономию в одном из основных вопросов буржуазной революции, в аграрном вопросе, правительство русской буржуазной революции обеспечило русской пролетарской революции поддержку основной массы населения России — ее крестьянства, обеспечила об'единенное революционное выступление пролетариата и крестьянства. И в то же время мощный

¹⁾ После этого русское крестьянство оказалось в состоянии еще *три* года, т.е. такой же срок, сражаться — и победить — в борьбе с помещичьей контр-революцией за переданную ему революцией землю.

антиреволюционный фактор — иностранный капитал — благодаря исторической ситуации был в момент октябрьского переворота исключен из числа действующих сил, ибо на помощь иностранных штыков правительство русской буржуазной революции рассчитывать не могло: германских — вследствие того, что одним из основных его целей было продолжение войны с Германией; стран Согласия — потому, что оно было от них отрезано.

В этих условиях первые этапы великой русской революции были пройдены на глазах у изумленного капиталистического мира с быстротой поистине сказочной. Борьба с Красновым за Петроград длилась лишь одну неделю, в течение трех месяцев после октябрьского переворота почти вся Россия от Гомеля и кончая Сибирью и от Архангельска до Симферополя стала советской. Окончательный характер переворота был подчеркнут не вызвавшим никаких откликов разгоном (5 января 1918 г.) учредительного собрания, состав которого отражал хотя недавнее, но уже канувшее в вечность прошлое революции.

Быстрота, с которой русская революция пределала свои первые шаги, объясняется и тем, что революция антикапиталистическая и революция антифеодальная делали здесь свое общее дело.

Русская буржуазная революция, как мы видели, изменила истории. Именно поэтому исторически необходимая работа буржуазной революции была полностью проделана революцией, по основному своему содержанию, пролетарской.

Она не только уничтожила все правовые институты феодального государственного строя, от сословного неполноправия крестьянства и до правового неравенства женщины, но и разрушила до основания всю машину феодального государственного насилия, построенную в течение двух столетий царизма и лишь слегка затронутую (преимущественно в верхушках ее) февральской революцией: уничтожила царскую армию, в которой февральская революция сменила — и то фиктивно — только главнокомандующего, оставив на командных должностях всех царских генералов; сломала все прежние чиновничьи аппараты (административный, судебный и пр.), можно сказать, едва только затронутые февральской революцией; отделила церковь от государства и школу от церкви: словом, не на словах, а на деле не оставила камня на камне от всей постройки царизма, от политического господства феодального землевладения, материализованного (овеществленного) в аппаратах государственного насилия.

Но октябрьская революция сокрушила не только политическое господство феодалов, но и экономическую базу феодализма — феодальное помещичье землевладение: от помещичьего землевладения осталось только воспоминание. В послереволюционной России помещиком даже и не пахнет¹⁾, помещичий быт остался существовать теперь только в литературе, которую читают с таким же интересом, как и описание крепостного права.

Аграрная революция, как революция антифеодальная, получила самое полное, самое законченное осуществление.

Вся обрабатывавшаяся крестьянами земля перешла в их пользование полностью и бесплатно, без всякого выкупа в прямой или скрытой форме.

Словом, исторически необходимая работа буржуазной революции была проделана октябрьской революцией с исключительной в истории человечества быстротой, последовательностью и законченностью.

В этой работе в качестве активной, хотя и не руководящей, силы выступало на ряду с пролетариатом и крестьянство, как низшее сословие феодального общества, победа которого означает уничтожение феодализма и тем самым уничтожение сословий. Конечно, сильнее всего влияние крестьянства сказалось на аграрной революции.

Тот факт, что русская буржуазная (антифеодальная) и русская пролетарская (антикапиталистическая) революции исторически совпали, что исторически необходимая работа первой была проделана лишь после победы второй, является результатом того совмещения капиталистического развития и капиталистической отсталости, которое характеризовало экономику предреволюционной России и благодаря которому в ней на ряду с трехмиллионной армией современного капиталистического пролетариата, организованного в максимально концентрированной крупной промышленности, продолжало существовать и составляло большинство населения страны насчитывавшееся десятками миллионов в массе своей докапиталистическое крестьянство.

Но общность интересов русского пролетариата и русского крестьянства шла дальше антифеодальной революции, и причиной этого был полуколониальный (а со времени войны, можно утверждать, колониальный) характер дореволюционной России. Объектом

¹⁾ Исключение долгое время составляли (отчасти составляют) окраины, напр., Закавказье, Туркестан, где еще долго сохранялись (в Туркестане сохраняются) остатки феодальных отношений. Мы на этом остановимся ниже.

эксплоатации для мирового капитала был не только русский пролетариат, но и русское крестьянство, из которого мировой капитал, опираясь на свою финансовую мощь, извлекал посредством государственного аппарата царизма значительную часть получавшейся им из России прибавочной ценности. Русский пролетариат выступил в качестве освободителя всей нации от угрожавшей ей колониальной эксплуатации. Октябрьская революция привела поэтому к резкому перелому в отношениях с капиталистическими и великими державами, выразившемуся в последовавшем за октябрьским переворотом аннулировании всех иностранных долгов¹⁾, в решительном отказе от платежа какой бы то ни было дани мировому капиталу. Вместе с экспроприацией иностранных предприятий этот отказ от уплаты процентов по внешним займам и от погашения самих займов явился одной из важнейших причин упорства мирового капитала в политике интервенции, особенно для наиболее «пострадавшего» из хищников, мирового ростовщика — Франции, перенявшей поэтому от своего в бозе почившего союзника, русского царизма, почетную роль европейского жандарма.

Великая русская революция выступила как освободительница основной массы населения — крестьянства, не только от феодализма, но и от колониальной зависимости, и как освободительница от национального угнетения.

Русская буржуазная революция означала неизбежное вступление многочисленных угнетенных наций России в борьбу за свое национальное освобождение. Национальная ограниченность буржуазных революций в такой многонациональной стране, как Россия, должна была, вследствие этого, привести к наступлению эры острых национальных конфликтов, давших себя почувствовать уже в короткий восьмимесячный промежуток между февралем и октябрём 1917 г. Но именно потому, что работа буржуазной революции была проделана отрядом мирового пролетариата, русским пролетариатом, и под его руководством, и только поэтому оказалось возможным преодолеть национальную ограниченность буржуазной революции и осуществить одновременное национальное освобождение многочисленных населяющих Россию наций. Только пролетариат мог осуществить эту задачу буржуазной революции, задачу уничтожения национального угнетения в многонациональной стране.

¹⁾ Декрет от 28/I—1918 г. Пункт 8-й этого декрета гласит: «Безусловно и без всяких ограничений аннулируются все иностранные займы».

Таким образом, окончательное, полное и последовательное разрешение получил не только аграрный, но и национальный вопрос¹⁾. За каждой нацией пролетарская революция признала безусловное право на национальное самоопределение, право на отделение и на образование самостоятельного государства. На этой основе сложилась советская федерация, объединившая 33 советских самостоятельных и автономных республик, автономных коммун и областей: российскую, украинскую, белорусскую, грузинскую, азербайджанскую, армянскую, горскую, дагестанскую, абхазскую, аджарскую, юго-осетинскую, нахичеванскую, горно-карабахскую, туркестанскую, бухарскую, хивинскую, калмыцкую, киргизскую, башкирскую, татарскую, чувашскую, марийскую, вятскую, зырянскую, (Коми), карельскую, немцев Поволжья, якутскую, крымскую, адыгейскую, кабардино-балкарскую, карачево-черкесскую, ойратскую, бурято-монгольскую, связанных договорными отношениями²⁾; ведомства (народные комиссариаты) народного просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, внутренних дел, земледелия, юстиции во всех самостоятельных и автономных республиках автономны; в некоторых из них были автономны и ведомства (народные комиссариаты) продовольствия, инспекции (контроля) и иностранных дел; общими для всей федерации являются (на основании договоров) ведомства (военное и морское) и экономические: промышленности, внешней торговли, финансов, путей сообщения, почт и телеграфов, труда. От старой тюрьмы народов осталось одно только воспоминание.

И все же национальный вопрос явился одним из основных осложняющих моментов в русской революции. Повсюду, где национально-буржуазные партии могли опереться на помощь извне, на территории и старой России возникали национальные антисоветские государства, национальный характер которых был лишь ширмой для их активной контр-революционной антисоветской сущности.

¹⁾ У наиболее отсталых наций, где сильнее всего было влияние землевладельцев-помещиков данной нации и отсутствовало сколько-нибудь оформленное классовое самосознание крестьянства, как раз разрешение национального вопроса, передача судеб нации в ее собственные руки, становилось поперек дороги разрешению аграрного вопроса. Так обстояло дело в Туркестане, Азербайджане и некоторое время и в Грузии.

²⁾ Покуда не сложились все эти национальные республики, существовал специальный орган — народный комиссариат по делам национальностей, на обязанности которого лежали искоренение остатков национального угнетения и подготовка создания национальных республик.

Как только исчезала помощь извне, исчезали и эти государства, превращаясь в советские (Украина, Азербайджан, Грузия, Армения), но на западной границе России, там, где эти государства соприкасались с капиталистической Европой непосредственно, — там они сохранились, составив сплошную завесу от Ледовитого океана до Черного моря, отделяющую капиталистическую Европу от русской пролетарской революции.

Уничтожение сословия дворян-помещиков, а тем самым и сословий и сословного строя вообще, и уничтожение основы этого строя — помещичьего землевладения, словом, уничтожение крепостнических отношений: выход из империалистской войны и аннулирование старых займов и старых договоров, т.е. уничтожение выкованной империалистской войной колониальной зависимости от иностранного капитала; наконец, уничтожение национального угнетения, тяготевшего, за исключением великорусской, над всеми — по своему составу почти сплошь крестьянскими — народностями, — таково основное содержание антифеодальной крестьянской революции, широкая и беспрепятственная дорога которой была открыта именно пролетариатом, опиравшимся на поддержку крестьянства.

Этот вступительный период русской революции, когда она развивалась под почти исключительным влиянием внутренних факторов, характеризуется, с одной стороны, быстрым осуществлением задач буржуазной революции, стремительным углублением крестьянской антифеодальной революции, которая сейчас же после того, как произошел политический переворот, перешла в фазу экономической революции — к уничтожению феодального землевладения, а, с другой стороны, сдержанным, осторожно нащупывающим свои пути развитием пролетарской антикапиталистической революции.

Экономическая революция развивалась быстро, поскольку она была антифеодальной революцией, она развивалась медленно, поскольку она была революцией антикапиталистической.

С точки зрения капитала, неограниченного властелина мира, на господство которого до сих пор никто не смел всерьез — не на словах, а на деле — посягнуть, который считал капиталистический строй естественным строем общества, единственно соответствующим его природе, — в глазах капитала и всего загипнотизированного им мира уже первые шаги русской пролетарской революции являлись уничтожением всех основ общества, безумным крушением мира. Однако между октябрьским переворотом и экспроприацией крупного

промышленного капитала, вернее, провозглашением ее ¹⁾ (декрет от 28 июня 1918 г. о национализации крупнейших предприятий), лежит промежуток времени около восьми месяцев, т. е. такой же, как между февральской и октябрьской революцией. И если бы не внешние факторы, экспроприация капитала не была бы произведена и в июне 1918 г. Рассматриваемая не на фоне прежнего безмятежного существования капитализма, при сравнении этого ее периода с последующим (от июня 1918 г. до апреля 1921 г.) и с одновременной ей аграрной революцией русская пролетарская революция в этот первый период ее развития не может быть охарактеризована иначе, как революция, длительно задерживающаяся на своей второй фазе (на фазе политической революции) и не переходящая в следующую (на фазе политической революции).

Получив из города развязавший ее толчок, революция в деревне далеко обогнала революцию в городе, где она оставалась — по сравнению с революцией в деревне — поверхностной политической революцией, где основной задачей этого периода была организация нового политического — советского — строя. При этом и диктатура пролетариата носила весьма мягкий характер. Беспрепятственно развертывался саботаж всякого рода служащих, покинувших свои учреждения и оставивших новому пролетарскому правительству голые стены и мебель учреждений. Вплоть до июля 1918 г. выходили не только псевдосоциалистические (мелкобуржуазные), но и буржуазные газеты.

Экономические последствия победоносной политической революции пролетариата состояли в этот период прежде всего в том, что политическая власть пролетариата смела преграды, стоявшие перед его экономической революцией, уничтожила то сопротивление, которое оказывала вся политическая (административная, полицейская, судебная и пр.) надстройка капиталистического общества классовой воле пролетариев к уничтожению капиталистической эксплуатации. Теперь, в случае стачки, капиталист не мог уже прибегнуть ни к помощи полиции, ни к помощи суда — и под замок в этом случае попадали уже не пролетарии, а сам капиталист. Лишенный своих политических скреп, капитал повис в воздухе.

Уничтожение всех органов защиты капиталистической эксплуатации и появление на их месте органов пролетарской диктатуры развязало до того подавленную классовую волю пролетариата и привело к стихийно-хаотическому преодолению капита-

¹⁾ На осуществление ее ушло еще полгода.

листической эксплуатации, к стихийно-хаотической пролетарской национализации снизу, стихийно-хаотической не в абсолютном смысле слова, а лишь в смысле отсутствия централизованного единства, в смысле независимости отдельных выступлений.

Среди наиболее отсталых слоев пролетариата, близких к крестьянству и более других сохранивших остатки мелкобуржуазной (крестьянской) идеологии, была ясно заметна тенденция понимать лозунг: «фабрики — рабочим», как переход каждого отдельного предприятия в руки рабочих этого предприятия, т.е. как превращение его в производительный кооператив синдиката его рабочих, как «социализацию» фабрик по аналогии с социализацией земли, при которой земля переходила (в пользование) обрабатывающих ее крестьян. Однако эта своеобразная кооперативно-синдикалистская анархо-коммунистическая тенденция, проявление мелкобуржуазного влияния на пролетариат, нигде не получила перевеса, и стихийная национализация на местах производилась, как национализация, т.е. как переход в руки пролетарского государства и от его имени.

Но это стихийное движение пролетариата, и в первую голову современного индустриального пролетариата, проявившееся поэтому с особенной силой в промышленности, не встречало первое время поддержки центральной политической власти пролетариата и оставалось поэтому разрозненными выступлениями отдельных пролетарских групп. Покуда обострение гражданской войны не заставило отбросить всякие попытки идти по пути постепенных изменений, диктатура пролетариата оставалась орудием не немедленной экономической революции, а лишь обезврежения капитала, как контр-революционной силы, и подготовки будущей экономической революции ¹⁾. Поэтому пролетарская экспроприация экспроприаторов в этот период, не затрагивая основной массы производительного (промышленного) и торгового капитала, захватила нервные центры и систему кровообращения капиталистического народного хозяйства, его кредитную и транспортную организацию: 14 декабря 1917 г. была произведена национализация част-

¹⁾ Самый характер революции стоял, конечно, вне сомнений. Его особенно резко подчеркнул декрет об отмене права наследования от 1 мая 1918 г., начинавшийся следующими словами: «Наследование как по закону, так и по духовному завещанию отменяется». Но и это была мера, грозившая лишь после смерти, а не немедленно: к тому же и она появилась лишь через полгода после октябрьского переворота.

ных банков, 26 января 1918 г.—национализация водного транспорта (железнодорожный, как известно, находился и до революции преимущественно в руках государства). Как банковское дело, так и транспорт не только являлись «стратегическими высотами», позволявшими господствовать над народным хозяйством, но и были наиболее концентрированными отраслями народного хозяйства, следовательно, наиболее подготовленными капиталистическим развитием для их обобществления. Монополия внешней торговли, декретированная 23 апреля 1918 г.¹⁾, отрезала русский капитал от соприкосновения с мировым капиталом, аннулирование государственных займов и национализация банков одним ударом уничтожили господство финансового капитала. Национализация банков (кредита) и транспорта отдавали оставшуюся капиталистической промышленности и торговле в руки пролетарского государства, монополиста кредита и транспорта. Если бы капитал продолжал функционировать в промышленности и торговле, то он, оставаясь капиталом, т. е. орудием эксплуатации пролетариата, был бы вместе с тем вынужден подчиняться регулированию пролетарского государства и возвращать часть прибавочной ценности пролетариату в виде налогов, вносимых пролетарскому государству. Таким образом не только была бы понижена норма эксплуатации, но и капитал оказался бы, в известном смысле, на службе пролетарского государства, будучи связан с последним долговременными (кредитными и иными) отношениями; пролетариат, пользуясь возжами кредита и транспорта, организовал бы народное хозяйство руками капитала.

Тенденция к такого рода переходной организации народного хозяйства, основанной на сотрудничестве капитала и пролетариата на почве и в рамках нового пролетарского общественного строя (неудачно называемой государственным капитализмом, ибо государство тут не капиталистическое), проявилось в том, что в течение почти 4/5 года после октябрьского переворота национализация промышленных и торговых предприятий производилась центральной Советской властью только как карательная мера, применяемая лишь в отдельных случаях. За время с октября 1917 г. по 1 июня 1918 г. было национализировано (и секвестровано) лишь 487 предприятий, и в свыше чем 70% случаев национализация производилась вследствие неисполнения декрета о рабочем контроле или вследствие

¹⁾ П. 1 декрета начинается следующей характерной своим лаконизмом фразой: «Вся внешняя торговля национализируется». См. «Сборник декретов 1917 — 1918 г.». Москва, 1920, стр. 24.

того, что предприятия самовольно закрывались владельцами; при этом центральными властями было национализировано и конфисковано лишь около 20% этого числа предприятий, остальные областными и прочими местными органами власти¹⁾.

Промышленный и торговый капитал не экспроприировался, а только ставился под рабочий контроль. Требование рабочего контроля, бывшее лозунгом пролетариата до октябрьской революции, было осуществлено законом о рабочем контроле, изданном 14 ноября 1917 года; за нарушение закона о рабочем контроле капиталист карался конфискацией предприятия.

Закон этот посягал на святая святых капитала, ибо в пункте 7 его с характерной для пролетарской революции лаконичностью декретировалось: «коммерческая тайна отменяется»; сам рабочий контроль был проявлением здорового пролетарского стремления взнуздать капиталистов, до того бесконтрольно хозяйничавших в «своих» предприятиях и бесконтрольно саботировавших производство, но вытекавшая из нерешительности первого периода пролетарской революции идея рабочего контроля — сначала научиться у своего классового противника искусству вести предприятие во всех его частях, технической, административной, коммерческой, контролируя все его действия и, следовательно, наблюдая все его повадки, — эта идея была идеей несомненно утопической. В действительности, ни капиталист не соглашался функционировать в целях обучения пролетариев искусству управления предприятием, ни органы рабочего контроля не могли в условиях режима пролетарской диктатуры ограничиться контролем. Рабочий контроль оказался поэтому — в силу своей половинчатости — н е у д а ч н ы м — рабочим управлением.

Та же печать половинчатости лежала и на другой окончившейся неудачей попытке этого периода, — а именно попытке организации смешанных акционерных компаний, куда входили бы в качестве акционеров пролетарское советское государство и капитал (русский и иностранный). Еще в апреле 1918 г. в этом направлении между советским правительством и крупными капиталистическими дельцами, во главе с Мещерским²⁾, являвшимся представителем не только русского, но и иностранного капитала, притом как стран Согласия, так и германского, велись переговоры об обра-

¹⁾ См. В. М и л ю т и н, статья в «Народном хозяйстве», в № 5 за 1918 г.

²⁾ См. Г. Циплерович—«Синдикаты и трасты в России», Москва, 1919, стр. 164—7.

вовании мощного металлургического треста, который должен был вместе с комбинированными предприятиями охватить чуть ли не всю тяжелую индустрию России.

Эта тенденция пролетарской власти к соглашению с капиталом на почве нового общественного строя (советского, т.-е. пролетарского) была утопичной для периода, когда стоявший перед угрозой экспроприации капитал еще боролся за господство над обществом, когда борьба шла еще вокруг вопроса о самом строе общества. Только после того, как экспроприация была произведена, действительность нового общественного строя поставлена вне сомнений, мог встать вопрос о классовой борьбе в рамках нового общественного строя; только после этого — пролетарская государственная власть могла стать орудием принудительной организации классового сотрудничества капитала и пролетариата, т.-е. придания этому сотрудничеству, поскольку оно необходимо, наиболее выгодных для пролетариата форм.

Но пролетарская революция не только шла вперед ощупью, она уже с самого начала была вынуждена идти на весьма существенные уступки и ограничения.

Наличие двух революционных сил сделало неизбежным сложный характер русской революции.

Те особенные задачи, которые пришлось и приходится разрешать русскому пролетариату, обуславливаются не только двойным характером русской революции, но и (бегло очерченными выше) особенностями сочетания революции антикапиталистической с революцией антифеодальной.

Именно тем обстоятельством, что сначала главная по своему объему (разумеется, не по своему значению) масса революционных изменений развернулась не в крупном, а в мелком хозяйстве России, и объясняется относительно медленное, задержанное в своем развитии, течение русской пролетарской революции, пролагавшей дорогу гигантской стихии крестьянской революции.

Победа революции не могла быть ни достигнута ни закреплена без союза обеих революционных сил. Внешним политическим выражением его был коалиционный характер первого советского правительства, в состав которого, кроме коммунистов, входили и левые эсеры. В результате революции пролетариат овладел промышленностью и транспортом, крестьянство — сельским хозяйством (в осуществление одного из основных лозунгов революции: «земля — крестьянам, фабрики — рабочим»).

Но хозяйство переходящего к социализму пролетариата и переходящего к простому товарному производству крестьянства при всем различии этих способов производства необходимо остается связанным наиболее прочной из общественных связей вещной связью, так как ни социалистический способ производства не может существовать без хлеба, хлопка, кож и пр., ни простое товарное общество — без транспорта, тканей, гвоздей, сельскохозяйственных машин и орудий и т. п. Экономический союз обеих основных сил русской революции является поэтому необходимостью для обеих.

Но столь же необходим для обеих и военно-политический союз: крестьянство, составляя большинство населения, составляет неизбежно и основную массу революционной армии; но нигде и никогда оно не выступало организующей силой и не может выступить в качестве таковой вследствие аморфного строения простого товарного производства; с в я з к о й всего военного и административного аппарата революции является пролетариат, организационные способности которого преодолевают крестьянское распыление.

Из наличия двух революционных сил, собственные цели которых не совпадают, вытекает необходимость обоюдных уступок, на основе которых и становится возможным союз их. Уступки эти делались обеими сторонами не раз в ходе революции, и притом уступки очень значительные. Со стороны пролетариата это означало прежде всего значительные уступки в основном для крестьянства аграрном вопросе, значительность которых определялась охарактеризованным выше соотношением между антикапиталистической и антифеодальной революцией. Именно потому, что гегемоном революции был пролетариат, именно поэтому первая значительная уступка была сделана пролетариатом. С нею связано (и благодаря ей стало возможно) уже самое рождение русской пролетарской революции — октябрьский переворот.

В дни октябрьского переворота русский пролетариат выступил не с пролетарской, а с крестьянской аграрной программой — в сельском хозяйстве произошла не пролетарская, а крестьянская экспроприация экспроприаторов, раздел не только земли феодалов, но и капиталистического (не крестьянского) сельского хозяйства (хотя и не в собственность, а в пользование крестьянской мелкой буржуазии).

Эта именно уступка пролетариата и осуществила смычку обеих революций, пролетарской и крестьянской. Она дала первой недостававшую ей поддержку громадного большинства населения и громадного большинства армии, второй — недоставав-

шую ей спайку и руководство. Революцию неорганизованных масс крестьянства и революцию организованного пролетарского меньшинства населения она спаяла в победоносную революцию организованных масс.

Юридическое свое выражение эта уступка получила в законе о социализации земли. Социализация земли была, как известно, аграрной программой (и аграрным лицемерием) основной партии правительственной коалиции февральской революции, партии социалистов-революционеров, бывшей и до октябрьского переворота и после него самым заклятым врагом пролетарской революции. В социализации земли нашли свое выражение как исторически-прогрессивная антифеодалная тенденция крестьянской (аграрной) революции, так и исторически-реакционная тенденция ее, направленная не только против капитала, но и против крупного хозяйства вообще. Эта последняя тенденция, необычайно характерная для мелкого докапиталистического собственника, являющегося самостоятельным товаропроизводителем, не эксплуатирующим наемного труда, нашла свое выражение в принципе уравнительного землепользования на основе семейного хозяйства без применения труда не-членов семьи.

Однако падение производительных сил крестьянского хозяйства, развернувшееся во время войны, не позволило крестьянам осилить, овладеть хозяйственно всеми землями, на которых до революции велось крупное сельское хозяйство.

Прошло более года¹⁾ прежде, чем на этих не освоенных крестьянством землях началось восстановление крупного, но уже не капиталистического, а пролетарского сельского хозяйства — советских хозяйств, но в масштабе во много меньшем против прежнего. В то время, как даже в 1916 г. частновладельческий посев составлял в Европейской России 10½% всего посева (до войны несомненно больше, быть может, % в 15), в 1919 г. во внутренней России лишь 3%, на Украине 4% всей удобной земли²⁾ находилось в руках советских и коллективных хозяйств (а по отношению к посеву значительно меньше); иными словами, возможные размеры крупного сельского хозяйства сократились, по крайней мере, втрое. Жалкое состояние этого крупного сельского хозяйства в 1919 г. (через 1½ го-

¹⁾ Организация советских хозяйств в государственном масштабе началась в феврале 1919 г., см. Н. Богданов: «Организация советских хозяйств», № 6 «Народного хозяйства» за 1919 г.

²⁾ См. Н. Осинский: «Восстановление крестьянского хозяйства в России и наши задачи», Москва, 1922 г., стр. 5.

да после разгрома осенью 1917 г.) характеризовалось наличием всего лишь 10% необходимого конского состава и почти полным отсутствием исправного мертвого инвентаря¹⁾. Аграрная революция уничтожила таким образом крупное сельское хозяйство, хотя в силу особых условий, в которых она произошла, сохранила возможность его частичного восстановления.

Не менее характерно для закона о социализации земли, что он нигде ни единым словом не упоминает о сельскохозяйственной промышленности, следовательно, юридически отрицает ее. А между тем в России имелась налицо крупно-капиталистическая сахарная промышленность с 600.000 дес. сахарных плантаций и производством сахара около 100 милл. пудов, ценностью свыше 200 милл. руб., т.е. $\frac{1}{25}$ — $\frac{1}{10}$ ценности всего сельскохозяйственного производства (Евр. России) и $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{10}$ его рыночной продукции,—промышленность, занимавшая сотни тысяч сельскохозяйственных сезонных рабочих; и это, не говоря уже о других отраслях сельскохозяйственной промышленности. Сельско-хозяйственная промышленность повисла в воздухе, и только в мае 1918 г., через полгода после издания закона о социализации земли, за сахарной промышленностью было закреплено право на существование. Связь остальных отраслей сельскохозяйственной промышленности с крупным сельским хозяйством была разорвана.

Закон о социализации земли, осуществивший все требования крестьянства в аграрном вопросе, послужил вместе с выходом из империалистской войны основой политического союза пролетариата и крестьянства, обеспечившего поддержку последнего в завоевании пролетариатом и в закреплении за ним политической власти. Но, создавая первую и необходимую предпосылку пролетарской революции—переход власти в руки пролетариата,—он означал в то же время существенное ограничение пролетарской революции: в сельском хозяйстве крупные предприятия не обобществлялись, а уничтожались и раздроблялись—вместо пролетарской экспроприации капитала происходила мелкобуржуазная (крестьянская) экспроприация его. Этим не только усиливалась вещная односторонность, хозяйственная неполнота пролетарской революции, но весьма чувствительно сокращалась социальная база пролетарской революции. Исчезли миллионы сельскохозяйственных рабочих, превратившихся

¹⁾ См. Н. Богданов: «Организация советских хозяйств», статья в № 6 «Народного хозяйства» за 1910 г.

в значительной части в мелких собственниках¹⁾. Наконец, сокращалась и сельско-хозяйственная база промышленности и города вообще, ибо наиболее общественная, в условиях рынка наиболее товарная, часть сельского хозяйства — капиталистическое сельское хозяйство — превращалась в носящее более потребительский характер мелкое крестьянское хозяйство: эта потеря в товарности должна была сама по себе составить, по крайней мере, около 1/10 всей выбрасываемой на рынок продукции сельского хозяйства (по ценности)²⁾.

Вмешательство внешних сил и его последствия.

Вмешательство мирового капитала. Затяжка и обострение гражданской войны. Разрыв хозяйственных связей и его последствия. Экономическая целесообразность и революционная необходимость. Экспроприация имущих. Уступки крестьянству пролетариату.

Однако в рамках указанного ограничения русской пролетарской революции как будто было обеспечено хотя и медленное, но беспрепятственное развитие: исключительная концентрация промышленности (и транспорта, более, чем на 2/3 государственного уже при царизме), исключительно пролетарский и трудовой характер населения вследствие полукOLONиального характера страны, исключительно слабое сопротивление старой идеологии и старой политической (государственной) организации, все было необычайно благоприятно для беспрепятственного развития пролетарской революции.

Если этого не случилось, если гражданская война, стадия в основном политической революции, затянулась на целые три года и достигла невероятной степени ожесточения и упорства, то причиной этому были отнюдь не внутренние силы русской контр-рево-

¹⁾ В 1919 г. постоянных рабочих в советских хозяйствах было лишь около 54 тысяч человек. См. ст. Н. Богданова в «Трудах» с.-х. секции Инст. экономич. исслед. НКФ. Петроград, 1921 г. С. Струмилин, см. его статью «Состав пролетариата советской России в 1917—1919 гг.» в сборнике «Два года диктатуры пролетариата» (стр. 14) дает для Европейской России такие цифры сельскохозяйственных рабочих (в тысячах): в 1917 г. — 2100, в 1919 г. — 34, следовательно, сокращение в *шестьдесят два раза*. По данным той же статьи С. Струмилина, сельскохозяйственные рабочие составляли по отношению ко всем рабочим: в 1917 г. — 30,8%, к 1919 г. 1,3%, т.-е. крупный отряд пролетариата, говоря практически, исчез.

²⁾ Если принять товарность крестьянского хозяйства в 25%, а частновладельческого в 70%. См. для хлебов П. Попов. «Производство хлеба в РСФСР и федерующихся в ней республиках». 1921, стр. 29

люции. Напротив, уже в первые же месяцы выявился полный безусловный перевес пролетарской революции над ее внутренними противниками: к февралю 1918 года вся Россия, вплоть до Читы, была советской.

Длительность и интенсивность гражданской войны явилась следствием сравнительной устойчивости капитализма не в России, а вне ее. В качестве мощного союзника низвергнутых русской революцией господствующих классов России выступил и поддерживал падающих и иностранный капитал. И при этом иностранный капитал всех крупнейших капиталистических стран (всех великих держав), весь мировой капитал. В этом выступлении мирового капитала против русской пролетарской революции, двинувшего на нее и германские, и австро-венгерские, и французские, и английские, и итальянские, и американские, и японские, и всякие иные военные силы, ярко сказался всемирно-исторический характер русской пролетарской революции.

Выступление мирового капитала в качестве контр-революционного партнера в русской пролетарской революции не смогло повернуть вспять мощный революционный процесс, не смогло затушить костер пролетарской революции, так как капитал оказался в дилеммном смысле связанным в этой борьбе: во-первых, внутренней борьбой капиталистических великих держав, вследствие которой они только часть своих сил могли уделять удушению русской пролетарской революции (при чем и эта часть не всегда всеми пускалась в ход, так как временами они рассматривали русскую пролетарскую революцию не только как своего противника, но и как противника своих противников), а во-вторых, тем, что вздымавшаяся волна всеобщего пролетарского сочувствия русской пролетарской революции и воодушевление ею, захватившая и пролетариев в солдатских мундирах, очень скоро дала почувствовать, что русская пролетарская революция имеет всемирно-историческое значение не только для капитала, но и для пролетариата, что русская пролетарская революция — революция не только русского, но и всего мирового пролетариата. Уже задолго до своей пролетарской революции мировой пролетариат своей поддержкой русского пролетариата в такой мере ослабил наступление мирового капитала на русскую пролетарскую революцию, что последняя оказалась в состоянии с этим наступлением справиться. Явная революционная энергия русского пролетариата и организованного им русского крестьянства, вместе с покуда скрытой революционной энергией мирового пролетариата, оказались сильнее контр-революционной энергии, ко-

тую в состоянии были развить в России низвергнутые русской революцией бывшие господствующие классы России и мировой капитал.

Но если мировой капитал оказался не в состоянии повернуть колесо истории, то он необычайно усилил сопротивление низвергнутых революцией бывших господствующих классов России. Именно это сопротивление и выковало величавый период гражданской войны 1918 — 1920 г.г., эту героическую эпоху великой русской революции.

Оно прежде всего затянуло открытую гражданскую войну, превратив ее из короткого эпизода красновского похода на Петроград в целый период русской революции, тянувшийся свыше трех лет (с октября 1917 года до ликвидации врангелевского ханства в ноябре 1920 г.). Наступление германских армий, начавшееся в феврале 1918 г., не только ликвидировало Советскую власть на Украине, превратив последнюю в поле ожесточеннейшей гражданской войны, до поры до времени полупридушенной режимом оккупации, но и дало возможность консолидироваться (укрепиться) как казачьей (донской и кубанской) контр-революции, так и добровольческой армии, отвлекши все внимание и все силы молодого советского режима на запад и юго-запад. После краха германского империализма как украинская, так и казачья (донская и кубанская) контр-революция, а равно и добровольческая армия Краснова, Деникина и Врангеля, все время опиралась и держалась прямой финансовой и военной (снаряжением и людьми) поддержкой Согласия; на юге против Красной армии оперировали английские, французские, итальянские, греческие, румынские войска и флоты всех держав Согласия. Восточная контр-революция начинается в мае 1918 г. инспирированным Согласием вооруженным выступлением чехо-словацких легионов, приведшим затем к колчаковщине, ликвидированной лишь в 1920 г.; Колчак не в меньшей степени, чем Деникин и Врангель, опирался на прямую поддержку Согласия.

Северная контр-революция началась в августе 1918 г. с высадки в Архангельске англо-американских войск (в июле 1918 г. англо-французский десант овладел Мурманском) и закончилась их уходом. Контр-революционное «правительство» Приморской области держалось (вплоть до 1922 года) только японскими штыками. Почти все очаги контр-революции были, таким образом, непосредственно воспламенены иностранным капиталом, и во всех без исключения огонь поддерживался усилиями того же иностранного капитала, без которых они очень быстро потухли бы.

Точно так же и контр-революция на западных окраинах бывшей Российской империи, приведшая к основанию ряда новых государств, опиралась—больше того,—была орудием сначала антидемократического германского империализма (тогда Польша, Литва, Финляндия и т. д. деятельно подыскивали подходящих германских принцев для воздвигаемых новых тронов), затем «демократического» империализма держав Согласия (вследствие чего троны были заменены самыми что ни на есть демократическими республиками).

Чем дольше тянулась гражданская война, тем явнее становилась внутренняя слабость русской контр-революции, тем определеннее помощь мирового капитала низвергнутым господствующим классам России превращалась в использование последних мировым капиталом в качестве простых его наемников. покуда национальная гордость русских помещиков и капиталистов превратилась в чистейшее лакейство пред «союзниками», а единственным проявлением их национализма оказалась перманентная национальная измена России. ее распродажа в настоящем и запродажа ее будущего.

Усиление внутренней контр-революции привело, однако, не только к удлинению периода гражданской войны, но и к обострению последней. Для сентиментального понимания истории, а им отличаются люди, обладающие исключительной тонкой чувствительностью к жестокостям пролетарской диктатуры (ведь, дело пролетариата быть объектом жестокости других), это обострение может быть иллюстрировано сравнением между ноябрем 1917 года, когда попавшие в плен белогвардейские офицеры и юнкера и даже генерал Краснов были отпущены на все четыре стороны¹⁾ и, разумеется, немедленно отправились на Дон, чтобы под покровом немецких штыков создать один из основных очагов контр-революции, и между красным террором последующего времени.

Социологически обострение гражданской войны характеризуется сосуществованием на территории прежней Российской империи и даже на территории Великороссии государств, отличавшихся друг от друга только и исключительно своей классовой характеристикой: красной России советов и белой России Колчака, Деникина, Врангеля.

¹⁾ Напротив того, оскорбленные в лучших чувствах их кармана прощенные и утонченные представители помещичьей аристократии и капитала немедленно приступили к беспощадному уничтожению посмевшей взбунтоваться черни, предоставив бело-социалистическим красным возмущаться жестокостями красного террора. См. об этом белую литературу (напр. Гуля — «Ледяной поход» и др.).

Обострение борьбы классов привело, следовательно, к тому, что враждебные классы одного и того же (русского) общества организовались, как самостоятельные классовые (красное и белое) государства со всем характеризующим государство административным и военным аппаратом и т. п. Борьба красной и белой армии была лишь военным выражением этого факта. Красной диктатуре пролетариата, организовавшейся, как советское государство, противостояла белая диктатура помещиков и капиталистов, организовавшаяся, как государство «верховного правителя» Колчака и его «наследников»; политическому бесправию эксплуататоров в красной России — политическое бесправие эксплуатируемых в белой России; красной армии — белая армия; расстрелам ВЧК — виселицы белой контр-разведки; красному террору — белый террор.

Государственная организация враждебных классов, организация классовых государств означала в то же время пространственное разграничение классовых диктатур, отграничивавшихся гибкой и весьма подвижной, но тем не менее вполне реальной линией фронтов, кольцом опоясавших Советскую Россию. В 1918 — 1920 гг. территория России распалась, таким образом, на территорию революции и территорию контр-революции. На юге и в особенности на западе — от Черного моря до Ледовитого океана — территории чисто классовых государств окаймлялись поясом новообразовавшихся государств и автономных областей (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Белоруссии, Украины, Крыма, Грузии, Азербайджана, Армении), в которых классовый характер гражданской войны более или менее длительно затемнялся борьбой за национальное освобождение, используемой господствующими классами и мировым капиталом в своих целях.

Выступление мирового капитала, как контр-революционной силы в русской революции, и, как следствие этого, усиление контр-революции далеко за пределы ее внутренних возможностей, удлинение и обострение открытой гражданской войны привели к тому, что борьба за власть превратилась в борьбу за самую возможность существования, ибо мировой капитал пытался сделать невозможным самое функционирование народного хозяйства России.

Советская Россия была превращена в строго изолированную хозяйственную территорию («изолированное государство», хотя и не по Тюнену). Эта изоляция достаточно характеризуется оборотами внешней торговли.

в миллионах пуд.

	Ввоз.	Вывоз ¹⁾ .
В 1917 г.	178,0	59,6
• 1918 г.	11,5	1,8
• 1919 г.	0,5	0,0 (109 пудов ¹⁾ .
• 1920 г.	5,2	0,7

Для сравнения приведем
ещё данные за 1913 г. 936,6 1.472,1

Изоляция не оставляла, таким образом, желать ничего лучшего, даже по сравнению с 1917 г. Мировой капитал осуществил полную и безусловную блокаду пролетарской революции. Когда поражение русской контр-революции определилось с несомненностью, стараниями мирового капитала был сооружен тот вал «независимых» и «демократических» республик от Черного моря до Медовитого океана, о котором мы упоминали выше.

Хозяйственная изоляция Советской России (и притом не в пример ее изоляции во время империалистской войны — полная хозяйственная изоляция) неизбежно вела к дальнейшему падению экспортных отраслей хозяйства — производства пшеницы, ячменя, льна, масла, леса и т. п. и к кризису снабжения транспорта, промышленности и сельского хозяйства в отношении многочисленных материалов, получавшихся во время империалистской войны из-за границы, хотя и в количествах значительно меньших против довоенных (вследствие чего и запасы их были значительно истощены уже до Октябрьской революции).

Еще важнее были последствия вызванного гражданской войной разрыва хозяйственной территории России на территорию революции и территорию контр-революции и вытекавшего отсюда рассечения хозяйственного организма России. Уже Брестский мир, навязанный новорожденной и потому в военном отношении еще беспомощной Советской России германским империализмом, и им же созданное усиление казачьей и добровольческой контр-революции привели к тому, что хозяйственный организм Советской России периода гражданской войны был изуродован до невозможности. Россия была разорвана на две части, и в Советской России осталось около $\frac{2}{3}$ населения, большая часть металлообраба-

¹⁾ Данные для 1917 г. по М. Коган и К. Шенкман: «Экспортные возможности России», стр. 202; для 1918 — 1920 гг. — по сборнику «Мировое Хозяйство», стр. 149.

тывающей промышленности, $\frac{1}{4}$ текстильной, но только 45% производства пшеницы, 37% производства ячменя, 8% производства сахара, 10% добычи угля, 23% выплавки чугуна, 33% производства металлических продуктов ¹⁾). Потеря Баку и Грозного лишила Советскую Россию нефти. Мятеж чехо-словацких легионов отрезал Советскую Россию от Поволжья, Урала, Сибири, Туркестана, лишил ее, следовательно, остатков металлургии, всего хлопка, сибирского коровьего масла, наконец, важнейших оставшихся хлебных районов, бывших и районами сельско-хозяйственного сырья.

В результате гражданской войны хозяйственный организм Советской России оказался совершенно искалеченным: это был вырубленный топором гражданской войны район по преимуществу металлообрабатывающей и текстильной промышленности, но без горной промышленности и металлургии, район мелкого сельского хозяйства и потребительского земледелия с развитой культурой некоторых технических растений (льна, конопли и подсолнуха) и развитой кустарной промышленностью, но с совершенно недостаточным производством хлеба, сахара и продуктов животноводства. Вещная неполнота хозяйства Советской России делала его совершенно нежизнеспособным. Границы этого района непрерывно изменялись, не изменяя, однако, данной выше его характеристики.

Совершенно неизбежным результатом произведенного гражданской войной, при носильном содействии антидемократического германского империализма и «демократического» империализма держав Согласия, расчленения народного хозяйства России были разнообразные кризисы снабжения и, как следствия их, повсеместный переход к суррогатам недостававших продуктов.

Для белой России эти кризисы умерялись материальной поддержкой мирового капитала; тем тяжелее и безвыходнее были они для Советской России.

Из 775 милл. пуд. хлебных излишков дореволюционной России (без Польши) на территорию Советской России периода 1918—1920 г.г. приходилось только 87 милл. пуд. ²⁾; вследствие же

¹⁾ См. Бюллетень ВСНХ № 1, Москва, апрель 1918 г., стр. 5, 7 и 8, и «Труды I Всероссийского Съезда Советов Народного Хозяйства», Москва, 1918 г., стр. 24.

²⁾ Если считать за пределами Советской России Украину, Юго-Восток и Сибирь, но в ее пределах все производящие губернии Великороссии, т.-е. и Поволжье с Уралом, несколько раз побывавшие в руках белых. Данные средние за 1902—1913 г.г. взяты у П. Попова, *op. cit.* стр. 8.

прошедшего за время империалистической войны падения сельского хозяйства Советская Россия оказалась страной с недостатком хлеба.

Необычайно тяжелый продовольственный в особенности хлебный кризис вынудил к поискам суррогатов питания (начиная с кормовых хлебов: овса, ячменя) и привел, с одной стороны, к катастрофическому сокращению городского населения, к рассасыванию городов во всем потребляющем районе (в нечерноземной полосе города с 1916 г. по 1920 г. потеряли свыше 35% своего населения, в центральной части ее еще больше, в остальной России — свыше 27%).

Больше всего был затронут Петроград, который за время с 1910 г. по 1920 г. потерял 62% своего населения, будучи отброшен назад на полвека (а с 1917 г., когда под влиянием концентрации военной промышленности в Петрограде было несомненно более значительное население, чем в 1910 г., и еще больше), и Москва, которая за три слишком года с 1917 г. по 1920 г. потеряла 49% своего населения, дойдя до размеров 1897 г.¹⁾

С другой стороны, этот кризис привел к заметному развитию городского (огородного) земледелия.

То же имело место во всех фабричных районах. Хлеб заменялся картофелем. По данным П. Попова²⁾ огородничество в среднем по всей республике с 1913 по 1921 г., несмотря на отмеченное выше сокращение огородов, вовсе не сократилось и, следовательно, по отношению к городскому населению возросло при сокращении всего сельского хозяйства в 1½ — 2 раза.

Аналогичное значение имел и рост козоводства в городах.

¹⁾ См. П. Огановский: «Очерки по экономической географии СССР», Москва, 1924 г., стр. 72 и «Стат. Ежегодник 1913—1920 г.», Москва, 1922 г., стр. 332 и 342. В действительности потери городского населения были еще значительнее, так как за 1916 г. взято население только городов, за 1920 г. — и городов и поселений городского типа.

²⁾ См. П. Попов: «Тезисы доклада ЦСУ 4-й сессии ВЦИК», стр. 3. В сборнике «На новых путях», вып. V—«Сельское Хозяйство», Москва, 1923, в специальной статье П. Шитта и Н. Соколова «Очерк современного состояния и возможных перспектив на ближайшее будущее для садоводства, огородничества и виноградарства в СССР», на стр. 293, читаем: «...потребительское огородничество, притом в самых разнообразных формах, резко и широко распространилось повсюду. И ему, конечно, обязана во многом РСФСР в своей борьбе с наступавшим отовсюду врагом. Как высоко поднялась волна этого огородничества, к сожалению,¹ количественно выразить нельзя. Сельско-хозяйственная перепись 1920 года... не захватила огородных посевов в городах».

Утрата каменноугольного Донецкого бассейна и Кавказских нефтяных районов привели к острейшему топливному кризису, к сокращению топливных перевозок в 1919 г. и 1920 г. по сравнению с 1916 г., больше, чем втрое, и к переходу на суррогат минерального топлива — древесное топливо, бывшее до того топливом преимущественно для домашнего отопления. Размеры сдвига видны из следующих цифр:

	топливо состояло (в %, %)		
	из каменно- го угля	нефти	дров ¹⁾
в 1916 г.	67	19	14
" 1918 г.	14	12	71
" 1919 г.	3 1/4	5	88
" 1920 г.	36	10 1/4	50

Двумя другими (менее важными) суррогатами топлива являлись торф и подмосковный уголь.

Добыча торфа росла, начиная с 1915 г., следующим образом ²⁾:

в 1913 г.	80 милл. пуд.
" 1916 г.	" "
" 1917 г.	71 " "
" 1918 г.	58 " "
" 1919 г.	67 " "
" 1920 г.	92 " "

Добыча подмосковного угля составляла:

в 1912 г.	13,8 милл. пуд. ³⁾
" 1914 г.	19 " "
" 1917 г.	45 " "
" 1919 г.	25,6 " "
" 1920 г.	35 " "

Переход на дровяное отопление вызвал массовую переделку топок как в паровозах, так и на фабриках и заводах по всей советской России. Там, где было необходимо жидкое топливо (напр., в автомашинах), бензин был заменен различными смесями из спирта, древесного спирта и т. п.

Кризис снабжения нефтяными продуктами был настолько острым, что к тому моменту, когда Баку снова стал советским, за-

¹⁾ Для 1916 года исчислено по данным о перевозках топлива. См. «План электрификации РСФСР», стр. 26 и 61. Для 1918—1920 г.г.—данные о погрузке топлива, взятые из сборника «Русская промышленность в 1921 г. и ее перспективы», стр. LXXIII.

²⁾ См. «Русская промышленность в 1921 г.», стр. LXXI.

³⁾ См. «План электрификации РСФСР», стр. 58.

пасов нефтяного топлива оставалось (на 1 мая 1920 г.) менее 1% от запасов (на то же число) в 1916 и 1917 г.г. и менее 1/2% от запасов (на то же число) в 1915 г., т.-е., практически говоря, они совсем подошли к концу, и так же обстояло дело с керосином и со смазочными маслами ¹⁾).

К этим двум основным кризисам снабжения (хлебному и топливному), вызванным рассечением народного хозяйства России на части, присоединились бесчисленные другие, вызванные той же причиной: металлический голод, следствие утраты южной и уральской металлургии, приведшей к замене металлических руд металлическим ломом, как сырьем для получения металлов; сырьевой голод в его разнообразных разновидностях (хлопковый голод, масличный голод, кожевенный голод и т. п.); продовольственный кризис помимо основного хлебного (жировой голод, сахарный голод, мясной и рыбный кризисы и т. п.). Повсюду кризис снабжения приводил к поискам суррогатов: место хлопка занимали угары, место сахара — сахарин и т. п. Идея утилизации всего, что в обычное время выбрасывается, как негодное, получило даже свое организационное выражение (в так называемом «Центрутите»).

Но повсюду суррогаты были лишь слабой частичной заменой, неудовлетворительной не только в качественном, но и в количественном отношении.

Но мало того, что советская Россия была в хозяйственном отношении живым куском, вырезанным из народно-хозяйственного организма России, границы этого куска непрерывно изменялись: как амеба, выпячивалась советская Россия в ходе гражданской войны на сотни и тысячи верст то на юг, то на восток, то на север, то на запад и снова сжималась, не считая мелких наступлений и отступлений, белые и красные армии трижды прошли путь от Волги вглубь Сибири и четыре раза от Великороссии до Черного моря; и хотя ее население редко падало ниже 60—70 милл. чел., т.-е. половины всего населения нынешней советской России, но непрерывно под властью советов находилась лишь 1/10 ее нынешней европейской территории с 1/10 ее нынешнего населения ²⁾; (В Киеве, например, Советская власть устанавливалась три раза,

¹⁾ См. статью «О нефтеснабжении» в № 11—12 «Народного хозяйства» за 1920 г.

²⁾ Считая губернии: Витебскую, Владимирскую, Вологодскую, Иваново-Вознесенскую, Калужскую, Костромскую, Московскую, Нижегородскую, Новгородскую, Рыбинскую, Рязанскую, Северо-Двинскую, Смоленскую, Тверскую и Череповецкую; население взято по данным переписи 1920 г.

в Одессе четыре раза, вообще же за период 1917—1920 г.г., например, Киев пережил 16 смен власти) ¹⁾. Результатом этого была полная неустойчивость хозяйственных отношений. Лучшее всего она характеризуется данными о разрушении транспорта. За время гражданской войны было разрушено ²⁾:

жел.-дор. мостов	3.672
обыкновен.	3.597
жел.-дор. путей	1.700 верст
депо и жел.-дор. мастерских	381
гражд. построек	ок. 5.000 с площадью в 117.000 кв. с.
телеграфных проводов	86.500 верст
телефонных	86.500 .
телефонных аппаратов	10.896 штук
телеграфных „	4.331 .

В 1918 и 1919 г.г. в руках белых перебывало около 60% протяжения жел.-дор. сети, в 1920 г.—около 54.000 верст, или около 80% ее.

Но помимо исключительной подвижности фронтов гражданской войны, последняя отличается от обычных войн и тем, что она буквально вездесуща, что она в скрытом виде разлита по всей территории, переживающей революцию страны, вспыхивая внезапно в самых неожиданных местах: растянувшаяся на целую эпоху, гражданская война привела поэтому к совершенно исключительному повсеместному разрыву хозяйственных связей (транспортных, почтовых и проч.).

Разрушительные последствия этого совершенно исключительного по своему объему и по своей длительности разрыва хозяйственных связей сказались прежде всего на крупной промышленности. Именно потому, что крупное предприятие, и в смысле снабжения его средствами производства и в смысле сбыта его продукции, связано с большой хозяйственной территорией (нередко со всей Россией и даже больше, чем со всей Россией, напр., какой-нибудь петроградский гигант, получивший металл из Донбасса, нефть из Баку, уголь из Англии и т. п., и снабжавший своими фабрикатами, быть может, Сибирь), именно поэтому разрыв хозяйственных связей тем вернее ведет к остановке предприятия, чем оно крупнее. Напротив того, мелкое предприятие, тем более ремесленник или кустарь, работающий на местных материалах и на местного потребителя, остается нечувствительным к разрыву хозяйственных связей,

¹⁾ См. «Социалистический Вестник» № 11, стр. 12.

²⁾ См. «Пять лет власти Советов». Изд. ВЦИК, Москва, 1922, стр. 427.

реагируя только на удары гражданской войны лишь непосредственно в его местопребывании. Результатом значительного и длительного разрыва хозяйственных связей явилось, таким образом, относительное падение крупной промышленности и относительный рост мелкой.

О размерах этого сдвига дает известное представление сопоставление стоимости валовой продукции крупной (цензовой) и мелкой промышленности перед войной и в 1920 г.¹⁾:

Валовая продукция (в милл. руб.)			
	в 1913 г.	в 1920 г.	в 1920 г. в % к 1913 г.
крупной промышленности	5.620	1.901	18
мелкой	1.528	(6)	43
(в 1912--1913 г.)			

Иными словами крупная промышленность сократилась более, чем в пять раз, мелкая лишь в два с лишним раза, ее доля в общей валовой продукции всей промышленности поднялась, судя по этим данным, с 20% до 40%, т.е. почти вдвое.

Война экспроприованных революцией бывших господствующих классов и мирового капитала против советской России была, как и мировая война, войной на уничтожение. Здесь основная задача была не в том, чтобы разбить армию противника, а в том, чтобы подорвать его силы, разрушить ту почву, из которой он черпал силы для борьбы; следовательно, задача была в том, чтобы подорвать и разрушить народное хозяйство противника. И те явления распада народного хозяйства, его разложения, о которых была речь выше, показывают, что совместные старания «национальных сил» русских помещиков и капиталистов и сил мирового капитала не были бесплодны.

Именно поэтому политическая борьба классов русского общества получила свое законченное военное выражение, и борьба революционных классов — пролетариата и крестьянства — превра-

¹⁾ См. Н. Вербьев: «Изменения в русской промышленности в период войны и революции» в № 4—6 «Вестник Статистики» за 1923 г., стр. 153, и «Сборник статистических сведений по СССР», Москва, 1924, стр. 21—23.

То же явление отражает и сопоставление средней мощности действующих и бездействующих предприятий в 1920 г.: для первых она составляла 30,5 лш. сил на одно предприятие, для вторых — 43,3 лш. силы, т.е. бездействующие предприятия располагали мощностью механических двигателей в среднем на 10% больше, чем действующие; словом, *бездействовали более крупные предприятия*. (Исчислено по данным «Сборника стат. сведений по СССР», Москва, 1924, стр. 154—155).

тилась в ожесточеннейшую борьбу за предпосылки нового общественного строя, прежде всего за целостную хозяйственную территорию, а революционная власть там, где она утверждалась, — в военную диктатуру, принудительно заставлявшую всех безоговорочно становиться на почву нового строя, «на советскую платформу».

Последствием длительности и ожесточенности гражданской войны, результатом вынужденной вмешательством внешних сил задержки пролетарской революции на ее второй фазе (политической революции) явилось своеобразное изменение хода революционного процесса, преждевременная антиципация (предвосхищение) — неизбежно искаженное — будущего революции, сгущение и углубление революции, преувеличенное, но потому рельефное выражение в настоящем по существу дела, политической стадии революции, основных черт ее последующих стадий.

Основным содержанием политической стадии революции является крушение и ломка машины централизованного классового насилия, государственной машины низвергнутых революцией господствующих классов (капитала) и организация государственной машины победившего класса (пролетариата).

Политическая власть — власть одного класса, как класса, над другим — не является самоцелью, но лишь средством закрепления экономического господства владеющего политической властью класса, т.е. орудием разрушения старых экономических отношений и орудием защиты новых.

Если революционная смена политической власти всегда является прелюдией смены экономической организации общества, политическая стадия революции — введением в ее экономическую стадию, то темп революционного преобразования экономики зависит от напряженности классовой борьбы в политической стадии революции. Чем напряженнее эта борьба за политическую власть, чем отчаяннее сопротивление низвергнутых и лишенных господства классов, чем свирепее гражданская война, чем грознее опасность контр-революции, с тем большей принудительностью выступает политическая необходимость экономического подавления контр-революции, революционная необходимость углубления экономической революции, т.е. усиленного использования политической власти, как орудия разрушения старых экономических отношений, являющихся источником силы (экономической и политической) низвергнутых революцией господствующих классов.

Обессилиение контр-революции, подрыв ее экономической базы становится революционной необходимостью, и чем сильнее сопротивление контр-революционных сил, тем в большей мере экономическая политика революции переходит за пределы экономически непосредственно целесообразного. Экономически нецелесообразное становится революционной необходимостью.

Только непроходимая тупость буржуазных и псевдосоциалистических филистеров (признак того, что капитализм уже отходит в вечность) дает им возможность видеть в этом аргумент против революции. Когда армия взрывает железнодорожный мост или интендантский склад или «сбивает» леса и здания, чтобы создать ровное поле для обстрела артиллерией, то всякому буржуа и даже псевдосоциалисту ясна не только экономическая нецелесообразность, но и военная целесообразность этих деяний. Но что экономически непосредственно нецелесообразные меры могут быть революционно целесообразны, подрывая силу контр-революционных классов, этого филистер вместить не может, ибо он в состоянии понять, что война есть общественное явление, со свойственной ему закономерностью, но органически неспособен мыслить пролетарскую революцию, как закономерное общественное влияние, а только, как навождение злого духа или как злую шутку несносной старухи—истории.

Экономическая нецелесообразность происходящего под давлением революционной необходимости углубления экономической революции отнюдь не является абсолютной, а заключается лишь в преждевременности, а вследствие этого и неустойчивости происходящих изменений, в том, что революция делает (пытается сделать) второй и третий шаг, не закончив первого, но делает именно потому, что только таким образом она может закончить первый.

Направление революционного процесса при этом не меняется, но происходит как бы его сгущение: последующая стадия революционного процесса частично вдвигается в предыдущую, прежде чем эта предыдущая закончилась. Экономическая революция форсируется, и вместо того, чтобы быть подготовленной революцией политической, сама prepares завершение последней, разумеется, за счет увеличения издержек революции.

Устойчивость капитализма вне России, удлинив и обострив период гражданской войны (т.-е. в основном политическую стадию революции), привела, таким образом, к необычайному сгущению революционного процесса, к необычайно гипертрофированному урод-

ливо-рельефному выражению на этой стадии всего характера пролетарской революции и в то же время к колоссальному увеличению издержек революции вследствие разрушения трансформирующейся (изменяющейся), т.-е. в данном случае как раз капиталистической экономики (следовательно, к р у п н о г о хозяйства).

Основное содержание экономической стадии пролетарской революции состоит в том, что обобществленные капитализмом производительные силы общества сбрасывают свою капиталистическую оболочку. Смена диктатуры капитала диктатурой пролетариата (политическая стадия революции) становится рычагом, при помощи которого пролетариат производит экспроприацию капитала, смену капиталистических производственных отношений социалистическими, означающую в то же время преодоление капиталистического антагонизма между трудом живым и трудом мертвым, между рабочим классом и средствами производства, великий синтез общественного работника и общественных средств производства. Капиталистический способ производства сменяется новым, еще только складывающимся, социалистическим. .

Решающий момент экономической революции позади, как только обобществленные производительные силы общества, т.-е. крупные предприятия (финансовые, промышленные, транспортные, сельско-хозяйственные, торговые), перестали служить средством эксплуатации, из рук капитала перешли в руки пролетариата; решающим моментом является, следовательно, экспроприация крупного капитала и переход от капиталистического управления крупными предприятиями к пролетарскому управлению ими, смена в крупных предприятиях командной власти капитала командной властью пролетариата. Если эта смена произошла, экономическая революция пролетариата произведена (хотя, быть может, еще и не закреплена). Средние и мелкие капиталисты могут продолжать функционировать, как капиталисты, крупные капиталисты могут располагать большими богатствами (дворянами, денежными суммами, драгоценностями и пр.), товарные и денежные отношения — оставаться незатронутыми, — раз крупное богатство не может уже функционировать, как крупный капитал, экономическая революция пролетариата произведена, ибо пролетариат располагает основными и определяющими производительными силами общества.

Но вследствие того, что пролетарская революция происходит уже тогда, когда натурально-капиталистические отношения

только складываются под покровом товарно-капиталистических отношений и господствуют еще последние, преобразовательная (реформирующая) работа пролетариата во время его экономической революции состоит не только, даже не столько в организации пролетарского (социалистического) управлении производством, сколько в организации общественного производства, как такового, в открытой форме, т.е. в смене товарно-капиталистической организации производства его натурально-социалистической организацией. Но эта труднейшая работа победоносного пролетариата является лишь результатом пролетарской экономической революции. В противоположность смене капиталистического управления производством—пролетарским управлением им, являющимся действительным переломом в ходе развития управления производством, которое по мере развития капитализма характеризуется нарастающим противоречием между командной властью капитала и пролетариатом, все более низводимым на уровень неодушевленной производительной силы (*instrumentum vocale*); в противоположность этой действительной экономической революции, в своей работе строительства натурально-социалистического планомерного хозяйства пролетариат лишь продолжает и завершает историческую работу капитала, преодоление рынка, ибо последнее в свойственных капиталу противоречивых (антисоциалистических) формах совершалось и в рамках капитализма и составляет основное положительное содержание развития капитализма, вышедшего из простого товарного общества, чтобы шаг за шагом через отдельные предприятия сначала торгового капитала (домашние рабочие), затем промышленного (мануфактуры и фабрики), через синдикаты и тресты монополистического капитала прийти к колоссам финансового и государственного (во время мировой войны) капитализма нашего XX столетия.

В противоположность смене капиталистического управления производством пролетарским, как пролетарской экономической революции, смена анархического товарного производства планомерным натуральным является лишь продолжением капиталистической эволюции, прерванной пролетарской революцией и продолжающейся в новых пролетарских (социалистических) формах.

Экономическая революция пролетариата непосредственно сама по себе не означает, следовательно, преодоления товарной анархии производства и издержек этой анар-

гии. Непосредственно ею преодолевается только анархия производства поскольку она является следствием классовой борьбы, а помимо того лишь те ее стороны, которые связаны с капиталистическим характером товарной анархии капиталистического производства.

Но если существование среднего и мелкого капитала, частной собственности вообще, и в частности у крупных капиталистов, предприятия которых экспропрированы пролетарской революцией, если существование рынка и товарно-денежных отношений сами по себе не в состоянии изменить, а тем более аннулировать (свести на-нет) победы пролетарской экономической революции, то все это — и средний и мелкий капитал, и частная собственность капиталистов (особенно, крупных капиталистов), и рынок с его товарно-денежными отношениями — являются источниками силы крупного капитала (и капитала и собственнических классов вообще), а, следовательно, и источниками их контр-революционного сопротивления.

Удлинение и обострение гражданской войны неизбежно приводят поэтому, во-первых, не только к решительному ускорению экспроприации капитала, но и к двойному расширению процесса экспроприации имущих — к расширению круга экспроприруемых с захватом среднего и мелкого капитала, незаметными переходами сливающегося с крепкими самостоятельными товаропроизводителями и верхами нового третьего сословия (технической интеллигенции) и к распространению процесса экспроприации на нефункционирующие, как капитал, богатства, как на возможный (потенциальный) капитал, а во-вторых, к уничтожению возможности функционирования капитала, к насильственному удушению рынка и к подавлению товарно-денежных отношений, так как именно они являются тем местом, куда укрывается капитал в качестве торгового капитала и где он оказывается наиболее трудно достигаемым.

Тем самым революция, переходя за пределы экономической территории, подготовленной предшествующим капиталистическим развитием, следовательно, за пределы экономически непосредственно целесообразного, сокращает контр-революционное сопротивление капитала, разрушая и уничтожая его экономическую базу, уже недостаточную для его господства, но еще достаточную для борьбы за его господство. Но поскольку разрушая, пролетариат, именно потому, что эта территория не подготовлена капитализмом,

не в состоянии на ней обосноваться, этот выход за пределы экономически целесообразного неизбежно скрывает в себе зародыши частных неудач и будущего временного отступления.

В атмосфере разгоравшейся гражданской войны всякое сотрудничество капитала с пролетарской диктатурой (рабочий контроль, смешанные акционерные компании и пр.) оказалось быстро испарившейся утопией.

Интервенция мирового капитала, высоким пламенем вздувшая уже затихавшее контр-революционное сопротивление внутри России, вынудила пролетариат к последовательности — к беспощадной экспроприации крупного капитала и капитала вообще, к конфискации имуществ господствующих классов, к подавлению рынка и к всеобъемлющей пролетарской организации народного хозяйства, покоившейся и на преодолении эксплуатации и на преодолении рынка.

Основными этапами экспроприации имущих были:

экспроприация государственного капитала ¹⁾ — декрет об учреждении совета народных комиссаров от 25 окт. 1917 г.;

экспроприация землевладения — декрет о социализации земли от 26 окт. 1917 г.;

экспроприация финансового капитала — декрет о национализации банков от 14 дек. 1917 г.;

экспроприация транспортного капитала — декрет о национализации водного транспорта от 26 янв. 1918 г.;

экспроприация ссудного (в первую голову иностранного) капитала — декрет об аннулировании займов от 28 янв. 1918 г.;

экспроприация торгового (внешняя торговля) капитала — декрет о национализации внешней торговли от 23 апр. 1918 г.;

экспроприация кулацкого (крупно-крестьянского) капитала — декрет об учреждении комитетов бедноты от 11 июня 1918 г.;

экспроприация крупного промышленного капитала ²⁾ — декрет о национализации крупной промышленности от 28 июня 1918 г.;

экспроприация торгового (внутренняя торговля) капитала — декрет о национализации торговли от 21 ноября 1918 г.;

экспроприация кооперативного капитала — постановление Президиума ВСНХ о лишении буржуазии избирательных прав в коопе-

¹⁾ Завоевание власти пролетариатом означало переход в руки пролетарского государства капиталов прежнего государства помещиков и капиталистов, в том числе и государственных железных дорог, составлявших большую часть русской железнодорожной сети.

²⁾ Этим же декретом были национализированы и частные железные дороги.

рации от 30 ноября 1918 г. и декрет о национализации кооперативного (Московского Народного) банка от 7 декабря 1918 г.;

экспроприация мелко-промышленного капитала — декрет о национализации мелкой промышленности от 29 ноября 1920 г.

После восьмимесячного вступительного периода русской пролетарской революции, с его нерешительностью и колебаниями как раз в отношении экономической революции пролетариата, правительство русского пролетариата, под давлением все ярче разгорающейся гражданской войны и под прямым давлением выступлений в защиту капиталистической собственности со стороны опиравшейся на Брестский мир кайзерской Германии, декретом от 26/VI 1918 г. декларирует (провозглашает) экспроприацию экспроприаторов, объявляет национализацию всей крупной промышленности. Насколько именно в этот момент объявление этой меры было вынужденным обстоятельствами, показывают п.п. 3 и 4 декрета, согласно которым владельцы предприятий под страхом строжайшей ответственности обязуются остаться на предприятиях и вести их, как вели до сих пор, впредь до организации государственного управления национализированными предприятиями¹⁾. Непосред-

¹⁾ Пункты эти гласят: «3. Впредь до особого распоряжения Высшего Совета Народного Хозяйства по каждому отдельному предприятию, предприятия, объявленные согласно настоящему декрету достоянием РСФСР, признаются находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев; правления и бывшие собственники финансируют их на прежних основаниях, а равно получают с них доходы на прежних основаниях.

«4. С момента объявления декрета члены правления, директора и другие ответственные распорядители национализированных предприятий отвечают перед Советской Республикой как за целостность и сохранность предприятий, так и за правильную их работу.

«В случае оставления своих служебных постов без согласия на то со стороны подлежащих органов ВСНХ или неоправдываемых упущений в ведении дел предприятия, виновные отвечают перед Республикой не только всем своим имуществом, но и несут тяжелую уголовную ответственность перед судом Республики».

Эти пункты вызвали следующую забавную оценку берлинского «Vorwärts» (№ от 10 июля 1918 г.) «Сенсационность декрета заключается в том, что, с одной стороны, в силу его постановления государство через посредство Высшего Совета Народного Хозяйства Советской Республики формально приобретает право собственности на промышленные предприятия, а с другой стороны, капиталисты как будто не ограничиваются в правах и в своих доходах». Но и «Vorwärts» понимал, что «было бы в высшей степени ошибочным предполагать, что этим актом большевики уступили и сдались перед силой капитала».

ственно декрет от 28/VI 1918 г. лишил капиталистов лишь титула собственности, оставив юридически управление предприятиями и даже доходы от них (правда, в это время весьма проблематические) в их руках. Но он, разумеется, усилил и ускорил процесс захвата предприятий пролетарскими организациями. Однако, прошло не менее полугода прежде, чем капиталисты были (к началу 1919 г.) заменены в большинстве предприятий рабочим управлением.

Процесс экспроприации имущих разливается после этого широким неудержимым всеокрушающим потоком.

С одной стороны, он распространяется на имущества, не функционирующие, как капитал. Бесчисленные распоряжения местных советских властей о конфискации, реквизиции, революционных налогах и обложениях, выселениях, уплотнениях и т. д. превращают буржуазию в своеобразную люмпен-эксплуатацию (босаяцкую бывшую буржуазию), в класс, столь же лишенный экономического влияния, как и люмпен-пролетариат в капиталистическом обществе. Некоторое представление о размерах этого процесса может дать тот факт, что даже на 15 марта 1923 г. (т.-е. после того, как часть домов, фактически перешедших в годы гражданской войны в руки государственных органов, но официально не национализированных и не муниципализованных, была фактически возвращена их прежним владельцам) из общего числа каменных жилых построек по всем городам СССР на национализированные и муниципализованные приходилось почти половина ($46\frac{1}{2}\%$), в европейской части РСФСР почти две трети ($64,8\%$), в Москве 95% , в Ленинграде $98,3\%$. Даже из некаменных (деревянных) жилых построек на национализированные и муниципализованные 15 марта 1923 г. приходилось в столицах около двух третей — в Москве 68% , в Ленинграде 64% . Так широко была проведена экспроприация домовладения¹⁾.

С другой стороны, процесс экспроприации расширяется за пределы крупного капитала.

Декрет от 11/VI 1918 г. об организации и снабжении деревенской бедноты дает сигнал к экспроприации мелких деревенских капиталистов (кулаков)²⁾; в городах — экспро-

¹⁾ См. «Народное Хозяйство СССР в цифрах», издание ЦСУ, Москва, 1924 г., стр. 255.

²⁾ § 8 декрета гласит: «В круг деятельности волостных и сельских комитетов бедноты входит следующее:... 2) оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев».

приация мелких капиталистов, не затронутых национализацией, производится местными советскими властями большей частью, как муниципализация.

Фактический размах экспроприации промышленного капитала был очень широк. Перепись 1920 г. (произведенная 28 августа 1920 г.) обнаружила свыше 37.000 государственных промышленных предприятий с почти 2 милл. рабочих в то время, как на 1 ноября 1920 г. ВСНХ в своем отчете VIII с'езду советов насчитал лишь 4.547 национализированных предприятий, в которых работало около 1.100 тыс. рабочих¹⁾.

Дело в том, что отчет ВСНХ имел в виду официально, т.-е. высшими органами, национализированные предприятия, а перепись—

Число учтенных предприятий; число рабочих.		Из них национализировано:		
		на 1 октяб. 1919 г.	на 1 апр. 1920 г.	на 1 нояб. 1920 г.
По обрабатывающей пром.	6775	2522	4141	4420
	1.186.000	751.000	983.000	?
„ добывающей „	133	?	?	127
	92.000	?	?	?
„ всей промышленности	6908	?	?	4547
	1.278.000	?	?	?

(В числителе—число предприятий, в знаменателе—число рабочих.)

практически находившиеся в руках государства и его органов. Свое юридическое оформление эта экспроприация мелких капиталистов получила в постановлении президиума ВСНХ от 29/XI 1920 г., об'явившего национализированными все промышленные предприятия с числом рабочих свыше 5, при наличии механического двигателя, и свыше 10 при отсутствии механического двигателя. Но фактически экспроприация мелких капиталистов захватила и самых мелких капиталистов²⁾

¹⁾ См. «Народное Хозяйство СССР в цифрах», издание ЦСУ, Москва 1924 г. и «Отчет ВСНХ VIII с'езду советов», Москва, 1920 г.

²⁾ Так, по переписи 1920 г. почти одну седьмую всего числа государственных предприятий составляли «предприятия с одним (!) рабочим (см. Наумов — «Организация промышленности» в сборнике «Народное хозяйство России» за 1921 — 1922 г., стр. 325).

О темпе процесса экспроприации капитала дают некоторое (весьма неполное) представление следующие данные¹⁾:

Характер кооперации, служившей убежищем для буржуазных элементов, был решительно изменен. Декретом от 7/XII 1918 г. кооперативный (Московский Народный) банк был национализирован и слит с Государственным банком, а незадолго перед этим (30/XI 1918 г.) постановлением президиума ВСНХ буржуазия была лишена права избирать и быть избираемой в руководящие органы кооперативов.

Наконец, декрет от 21/XI 1918 г. закрепил широко проводившуюся местными советскими властями экспроприацию торгового капитала и уничтожение свободной торговли²⁾. Заготовка и распределение всех продуктов личного потребления и домашнего хозяйства возлагалась этим декретом «в целях замены частно-торгового аппарата и для планомерного снабжения населения всеми продуктами» на Народный Комиссариат Продовольствия, под контроль которого (этим же декретом) ставилась и кооперация.

Согласие на удушение рынка, на запрещение торговли и было основной уступкой крестьянства пролетариату, так сказать, эквивалентом произведенной крестьянством мелкобуржуазной экспроприации капиталистического сельского хозяйства.

Развитие протекающей под гегемонией пролетариата аграрной революции в этом пункте резко уклоняется от пути аграрных революций, протекавших под гегемонией капитала.

И в том и в другом случае аграрная революция уничтожает феодальную эксплуатацию и превращает феодального крестьянина и крестьянина мелкобуржуазного. Но в то время, как превращение феодального крестьянина, подневольного товаропроизводителя, в товаропроизводителя свободного, выход крестьянина на рынок лежит целиком и полностью в интересах капитала в любой момент буржуазной революции, ибо рынок — это та почва, из которой капитал по-

1) См. «Отчет ВСНХ VIII съезду советов», Москва 1920, стр. 17.

2) П. 5 декрета гласит: «Реквизиция и конфискация оптовых торговых складов и национализация соответственных торговых фирм могут осуществляться только Наркомпродом... Реквизиция и конфискация и муниципализация розничных лавок и фирм осуществляется только местными органами Наркомпрода...» Декрет вводит таким образом в известные рамки экспроприацию торгового капитала, ограничивает ее. До конца 1918 г. все это производилось просто местными органами власти.

О темпе процесса уничтожения свободной торговли можно с известным правом судить по числу работавших на вольный рынок государственных предприятий:

добно Антею, черпает новые и новые силы, — выход крестьянина на рынок как раз поэтому сталкивается с интересами пролетариата, ибо рынок является убежищем для контр-революционного партнера пролетариата — для капитала, и, чтобы задушить его, пролетариат должен оторвать капитал от его почвы.

Прогрессирующее мелкое производство возможно только в условиях товарного хозяйства, требует торговли, рынка, товарно-денежных отношений и неизбежно реагирует (отвечает) на их запрещение (в особенности не до конца специализированное мелкое хозяйство—крестьянское) понижением товарности своего производства, переходом к хозяйству потребительского (самообслуживающегося) типа. Натуральная организация пятнадцати миллионов мелких хозяйств неосуществима вследствие их распыления.

Но сверхчеловеческая интенсивность гражданской войны повелительно требовала от пролетариата наглухо законопатить доступ к капиталу живительного для него воздуха рынка, — пролетарская власть пришла поэтому к полному запрещению торговли, к обязательности сдачи всех излишков сверх определенной потребительской нормы.

А эта необходимость для пролетарской революции именно в силу сложного характера революции стала необходимостью и для крестьянской революции. Ибо сложный характер революции и сложный характер контр-революции — это одно и то же, две стороны одного и того же общественного процесса.

Неспособность капиталистической буржуазии выступить в качестве гегемона крестьянской революции означала выступление (впервые в истории человечества) в этой роли пролетариата; а революционный союз пролетариата и крестьянства означал контр-революционный союз капиталистов и помещиков.

Но сложный характер контр-революции в свою очередь приводил к тому, что классовая борьба пролетариата против капитала ста-

	Общее число давших сведения предприятий	работало на вольный ры- нок	в % к общему чис- лу
в 1918 г.	2541	242	9,5
„ 1920 г.	2487	19	0,8

(см «Стат. Ежегодник 1918—1920 г.г.», вып. II, стр. 354).

Уже в 1918 г. только 1/10 предприятий работала на вольный рынок, в 1920 г. таких уже почти не было.

повилась необходимым элементом (составной частью) антифеодальной революции, а подавление контр-революционного сопротивления капитала — необходимым условием победы антифеодальной революции.

Подавление же контр-революционного сопротивления капитала в условиях гражданской войны, т.-е. невырешенности самого строя общества, невозможно без подавления рынка. Ибо, как было уже отмечено выше, рынок — это питательная среда капитала, источник его силы, а значит и его контр-революционной силы, притом для капитала, лишенного собственности на средства производства, последний источник его силы; лишить его рынка означает — лишить его атмосферы, без которой он существовать не может.

Таким образом победа крестьянской революции становится невозможной без подавления рынка.

И потому, пока длилась гражданская война — война за искоренение не только капитализма, но и феодализма, война не только за фабрики для рабочих, но и за землю для крестьян, — крестьянство в общем и целом на эту уступку шло, хотя Деникин и Колчак в периоды их успехов иллюстрируют не только выступление мирового капитала, но и колебания крестьянства, которых запрещение торговли отбрасывало в лагерь контр-революции. Каждое такое колебание приводило в движение шестую часть мира (а косвенно и больше), ибо оно получало овое выражение в продвижении белых армий то от Черного моря, то из глубины Сибири к центру России, иной раз почти до самой Москвы. Именно эти колебания подчеркивают значительность уступки крестьянства пролетариату. Ибо согласие крестьянства на подавление рынка было не чем иным как, хотя и временным, но отказом от завершения антифеодальной крестьянской революции, которая в том ведь и состоит, что она крестьянина, опутанного крепостническими отношениями, превращает в крестьянина свободного, т.-е. свободно распоряжающегося всем, что он произвел. Однако, как только контр-революция обнаруживала свою помещичью природу, крестьянство, почувствовав, что в опасности земля, поставленное перед выбором уступить помещикам землю или отказаться от свободы торговли, выбирало последнее. Оно соглашалось на ненавистное требование запрещения торговли, раз (и пока) это было необходимо, чтобы закрепить за собой землю.

Согласие пролетариата и крестьянства в эпоху гражданской войны покоилось на передаче (практически всей) земли в руки крестьянства и на ор-

ганизации пролетариатом военной защиты завоеваний аграрной революции, с одной стороны, и на передаче политической власти пролетариату, на предоставлении, как мы увидим ниже, средств на ведение гражданской войны и на уничтожении рынка — с другой.

Разумеется, запрещение торговли и изъятие излишков далеко не одинаково ударило по различным классовым группам крестьянства. Сравнительно мало затрагивая неимущие (пролетаризованные и пауперизованные) и середняцкие слои деревни, ибо эти слои (в особенности бедняки) от уничтожения торговли выигрывали, получая в порядке распределения и хлеб и продукты промышленности, которые купить они не смогли бы, — оно для крупного капиталистического крестьянства означало его фактическую экспроприацию. Оно означало, следовательно, распространение антикапиталистической, до того городской, революции на крестьянскую деревню, классовое расслоение крестьянства и гражданскую войну между различными классовыми группами крестьянства: капиталистическими (кулацкими), с одной стороны, и пролетарскими и пауперизованными (беднотой) — с другой, между которыми колебались мелкие трудовые собственники (середняки).

Это расслоение крестьянства происходило по двум линиям: с одной стороны, промышленный пролетариат создал (в Великороссии летом 1918 года, на Украине и на окраинах значительно позже) организации деревенской бедноты (так называемые комбеды и комнезамози), ставшие в каждой деревне центрами антикапиталистической (антикулацкой) революции, вокруг которых объединились прежде всего бедняки, а за ними и середняки¹⁾. А с другой стороны, крестьянство потребляющей полосы, жившее до революции в условиях феодальной эксплуатации и в то же время больше всего связанное с пролетариатом, ибо потребляющая полоса была основным районом обрабатывающей промышленности, черпавшей своих рабочих именно из этого полупауперизованного феодализмом крестьянства²⁾, это крестьянство, в лице Красной армии и военно-продовольственных отрядов, набравшихся из рабочих и из крестьян потребляющей полосы, было противопоставлено крупному капиталистическому кре-

¹⁾ Комнезамози существуют (на Украине) и до сих пор. Комбеды были распущены декретом от 2/XII 1918 г., но выборы в крестьянские советы были произведены комбедами, наблюдавшими за устранением кулаков от выборов.

²⁾ Здесь вследствие капиталистической отсталости России связь рабочего с деревней стала фактором победы революции.

стьянству производящих районов. Потребляющая полоса, район промышленности и феодального сельского хозяйства, стала территорией революции с (относительно) непоколебимо революционным крестьянством. Напротив того, окраинные производящие районы со сравнительным развитием капиталистического сельского хозяйства стали территорией контр-революции, прежде всего вследствие колебаний крестьянства в сторону контр-революции, обусловленных значительным удельным весом крупного кулацкого капиталистического крестьянства и влиянием последнего на середняков (трудовых собственников)¹⁾. На некоторых окраинах (западные и Украина) дополнительным благоприятным для контр-революции условием был национальный момент и повсюду географическая возможность поддержки мирового капитала.

Классовая борьба в деревне прежде всего была борьбой за хлеб: и крестьянская беднота и крестьянство потребляющих губерний и до революции, и в особенности во время ее, не столько продавали хлеб, сколько покупали его. Часть изымавшегося при помощи комитетов бедноты и продотрядов хлеба шла на снабжение деревенской бедноты и крестьянства потребляющих губерний.

Но эта борьба была и борьбой за землю. Крупно-капиталистическое (некрестьянское) сельское хозяйство было, как мы видели, уничтожено уже в момент антифеодальной аграрной революции; в соответствии с невысоким уровнем развития крестьянского, в том числе и крупно-крестьянского, хозяйства антикапиталистическая революция в деревне произошла не как пролетарская (сельско-хозяйственный пролетариат исчез уже до того), а как мелкобуржуазная крестьянская экспроприация экспроприаторов-кулаков.

Это означало, несомненно, необычайное усиление социального размаха антикапиталистической революции: из революции 20 миллионов городского и индустриального населения она становилась революцией 130 миллионов, из городской

¹⁾ То обстоятельство, что районы капиталистической промышленности стали территорией революции, а районы капиталистического сельского хозяйства—территорией контр-революции, особенно резко очерчивает те границы, в которых антикапиталистическая революция была непосредственно подготовлена предшествующим капиталистическим развитием. Взятое само по себе капиталистическое сельское хозяйство, бывшее по преимуществу мелко-капиталистическим, еще не исчерпало себя, еще не превратилось в препятствие для развития производительных сил, — отсюда его способность к сопротивлению.

и промышленной революции—революцией подлинно общенародной. Если до того город был аренной антикапиталистической революции, а деревня—ареной революции антифеодальной, то теперь эта грань между городом и деревней была стерта. Но в то же время это означало переход антикапиталистической революции за пределы территории, подготовленной для нее предшествующим капиталистическим развитием: она уничтожала здесь не капиталистическую оболочку, стеснявшую развитие производительных сил крупного хозяйства, как это было в крупной промышленности, она уничтожала само крупное хозяйство (и крупное лишь относительно), а, значит, и связанный с ним сравнительно высокий уровень производительных сил. Антикапиталистическая революция в деревне выходила за пределы экономически целесообразного, была, следовательно, экономически реакционной, а значит—и утопичной, поскольку она стремилась к изменению экономики. Результатом ее было раздробление крупных крестьянских хозяйств и укрупнение мелких, всеобщая нивелировка крестьянского хозяйства, превращение всех крестьян в мелких буржуа, шаг вперед для феодального крестьянина и шаг назад для крестьянина-капиталиста, возвращение его к исходной точке.

Из общего числа крестьянских хозяйств приходилось в % % к общему числу их ¹⁾:

	в 1917 г.		в 1920 г.	
На хозяйства беспосевные . . .	10,6		4,7 (7,5)	
„ „ с посевом до 2 дес. .	30,4	} 60,5 79,5	47,9 (39,2)	{
„ „ „ от 2 „ 4 „ .	30,1		31,6 (28,8)	
„ „ „ „ 4 „ 10 „ .	25,2	} 28,9 15,8	15,3 (20,5)	{
„ „ „ свыше 10 „ .	3,7		0,5 (4,0)	

¹⁾ См. А. Хрищова: «Группы и классы в крестьянстве», Москва, 1924, стр. 53. Сравнение относится к 22 (одним и тем же) преимущественно производящим губерниям, произведено по данным выборочных подсчетов и дает представление о характере изменений в соотношениях между группами, но не о характере самих соотношений, как показывают стоящие в скобках цифры, полученные на основании массовых данных о 48 губерниях (см. там же, стр. 54).

В основном эти процессы развернулись в промежуток времени между 1917 и 1919 годами, как это видно из сравнения приведенных выше данных с данными за 1917 и 1919 гг. в других работах того же автора (См. «Крестьянство в войне и революции», Москва, 1921, стр. 34 и «Экономическое расчленение крестьянства в 1917 и 1919 гг.», стр. 13), а также по следующим данным о 1917, 1919 и 1920 гг. (См. «Правда» от 1 июня 1923 г., статья В. Соколова):

Итак, % беспосевных сократился больше, чем вдвое, % многопосевных сократился почти вдвое (а для высшей группы — в семь раз), % мелко- и среднепосевщиков вырос (с $\frac{3}{8}$ до $\frac{1}{4}$ общего числа).

Сравнение по лошадности дает аналогичные результаты (см. там же, стр. 54):

% хозяйств				
	в 1917 г.		в 1920 г.	
Без рабочего скота	29,0		27,6	
С 1 лош.	49,2	} 56,2	63,6	} 71,5
„ 2 „	17,0		7,9	
„ 3 „	3,4	} 4,8	0,7	} 0,9
„ 4 „ и более	1,4		0,2	

т.е. некоторое сокращение безлошадных, сокращение в пять раз числа многолошадных и рост числа малолошадных.

Но свою революционную политическую задачу антикапиталистическая революция в деревне выполнила. Экспроприация кулаков уничтожила последнюю социальную опору контр-революции, именно она наряду с защитой земли от помещиков создала моральный подъем крестьянской по своему составу Красной армии и обеспечила согласие крестьянства на запрещение торговли и изъятие излишков, падавшее прежде всего на голову кулаков. В то же время уничтожение капиталистического крупно-крестьянского хозяйства означало, подобно уничтожению крупного капиталистического крестьянского сельского хозяйства, дальнейшее сокращение сельско-хозяйственной базы промышленности и города вообще, вследствие превращения крупного хозяйства, производившего для других, в мелкое хозяйство более потребительского типа. Экономический эффект его был, по всей вероятности, немногим меньше эффекта уничтожения капиталистического некрестьянского хозяйства, происшедшего за год до этого (см. стр. 32).

% хозяйств			
	в 1917 г.	в 1919 г.	в 1920 г.
Беспосевных	11,3	6,6	5,8
С посев. до 4 дес.	58,0	72,1	86,0
„ „ от 4 до 8 дес.	21,7	} 17,5	} 6,5
„ „ св. 8 дес.	9,0		
		} 30,7	} 21,3
			1,7
			} 9,2

Завоевания социалистического строительства.

Сущность «военного социализма» и «военного коммунизма». Основные принципы нового строя. Создание новой дисциплины труда. Создание нового хозяйственного управления.

Обрисованная выше деформация революционного процесса, углубление и сгущение пролетарской революции, выход ее под давлением революционной необходимости за пределы экономически непосредственно целесообразного, насильственное подавление всех капиталистических и рыночных отношений, устранив всякое открытое сопротивление, сделали возможным свободное выявление имманентных (внутренних) тенденций пролетарской революции, благодаря чему в 1918—1920 г.г. стал складываться совершенно своеобразный пролетарско-натуральный экономический строй. Поскольку методы пролетарской революции были при этом распространены и на неподготовленный предшествующим капиталистическим развитием и потому неподходящий материал (мелко-буржуазные и мелко-капиталистические хозяйственные формы), постольку имманентные (внутренние) тенденции пролетарской революции неизбежно должны были осуществиться не в чистом виде, а с известными извращениями.

Однако, пользуясь сейчас у быстроумных ¹⁾ людей большой популярностью несколько—можно сказать совсем—пренебрежительное отношение к экономическому строю эпохи 1918—1920 г. г., как к «военному коммунизму», т.-е. строю, осуществляющему под видом перехода к социализму лишь организацию тыла, являющемуся поэтому не организацией социализма, а организацией войны,—словом, как к строю, так сказать, симулировавшему переход к социализму,—совершенно неосновательно и в высокой степени поверхностно.

Уже представление о так называемом «военном социализме», т.-е. о хозяйстве капиталистических государств в мировую войну, как о хозяйстве чисто потребительском, примерно, типа осажденной крепости, в которой попросту рационалируются (распределяются по пайкам) предметы потребления, глубоко и в корне неправильно.

Мировая империалистская война не была простой войной армий, это была война народных хозяйств. Сравнение осуществляющего так называемый «военный социализм», т.-е. в дей-

¹⁾ В том числе и у коммунистических мещан, энтузиазм которых подобен флюгеру,—эти видят в флюгере высшее воплощение диалектики.

ствительности государственный капитализм, участвующего в империалистской войне современного (следовательно, такого, в котором господствует финансовый капитал) капиталистического государства с осажденной крепостью сравнивает поэтому несравнимое (если в это сравнение вкладывается нечто большее, чем указание на факт блокады). Осажденная крепость, действительно, не является организацией производства (и воспроизводства), прежде всего вследствие ее хозяйственной неполноты, так как в ней отсутствует, во-первых, вся добывающая промышленность (и прежде всего сельское хозяйство). и, во-вторых (по причине незначительности ее территории, представляющей собой случайный клочок большого хозяйственного целого), большая часть отраслей обрабатывающей промышленности. В этих условиях хозяйственная деятельность внутри осажденной крепости действительно сводится в основном к возможно рациональному распределению наличных запасов, оказавшихся в крепости к началу ее осады.

Но смешно представлять себе по этому типу хозяйство, напр., Германии в 1914—1918 г.г. Если бы, как это часто приходится слышать, военное хозяйство Германии в 1914—1918 г.г. и впрямь сводилось к наилучшему распределению наличных ресурсов, Германия не продержалась бы и нескольких месяцев. В действительности, государственный капитализм 1914—1918 г.г. не только распределял наличный уголь, железо, хлеб, ткани и пр., но и производил их: он был, следовательно, прежде всего организацией производства и воспроизводства¹⁾, а рационализация потребления наряду с другими методами натурально-капиталистического хозяйства, являющегося более высокой формой капиталистического хозяйства, чем хозяйство товарно-капиталистическое, были методами организации производства и воспроизводства (в частности воспроизводства рабочей силы).

При этом натурально-капиталистическое хозяйство отнюдь не появляется откуда-то извне, как младенец, принесенный аистом — войной, напротив того, оно созревает во чреве товарно-капиталистического хозяйства и представляет собой лишь дальнейшее — ускоренное войной — развитие тенденций довоенного капитализма.

В крупной капиталистической промышленности уже задолго до войны шел по мере успехов комбинирования предприятий процесс

¹⁾ Именно потому тенденция к государственному капитализму проявилась и в странах Антанты, не находившихся в положении осажденных, как это было с Германией.

затвердения рыночных связей между прежде самостоятельными предприятиями, превращавшимися в части комбинированных предприятий, и в результате этого затвердения — превращение товарных отношений в натуральные.

Уголь шахт, ставших собственностью железной дороги или металлургического треста, поступал на паровоз или в домну уже не в качестве приобретенного на рынке товара, а в качестве продукта одной из частей комбинированного угольно-железнодорожного или угольно-металлургического предприятия.

А финансовый капитал, развертывая свою многообразную деятельность, приводившую к фактическому, хотя и неоформленному образованию колоссальных комбинированных предприятий, внутренне перерождал рыночные связи, подготовляя переход от товарного хозяйства к натуральному.

Военный кризис мирового капитализма мощно ускорил этот процесс. Но и только.

Процесс отвердения рыночных отношений принял лихорадочный по сравнению с прежним темп: обязательные поставки и разверстки, принудительное синдицирование, твердые цены, карточки, трудовая повинность для пролетариев. Финансовый капитализм на глазах у всех перерождался под давлением военной необходимости с поразительной быстротой в государственный капитализм. До того скрытое внутреннее перерождение рыночных отношений обнажалось в явном переходе товарных отношений в натуральные.

Умные идеологи капитала склонны изображать так называемый «военный социализм» (государственный капитализм) не как развитие имманентных (внутренних) тенденций капитализма, а как вызванную войной случайность, даже как простое порождение глупости, нелепая несостоятельность которой теперь, после того, как гипноз войны схлынул, ясна всякому. Но если идеологи капитала, развивая такого рода взгляды, знают, кому и для чего они втирают очки, то представители рабочего класса и его интересов, развивая подобные взгляды, обнаруживают не ум, а нечто противоположное.

Капиталистическое производство есть, как известно, производство прибавочной ценности. Капиталисту в сущности безразлично, что он производит, порошок ли от клопов или тонкие духи или еще что-нибудь иное: какова бы ни была греховная оболочка товара, капиталист видит в нем лишь одну только безгрешную золотую его душу, ту, о которой еще в древнем Риме говорили, что она non olet (не пахнет). Только эта золотая сущность для него и существует, вещная же оболочка сама по себе ничто. Материализацией золотой

души вещей капиталисты занимаются с усердием, которому могли бы позавидовать и спириты.

Этот фетишистский подход к действительности позволяет все же капитализму быть хозяйственной формой, предоставляющей необходимые условия для развития производительных сил общества, но лишь до тех пор, покуда действует механизм конкуренции, делающий стремление к прибыли движущей силой прогресса техники и расширения производства. Но по мере того, как капитализм превращается в капитализм монополистический, начинают ослабевать приводные ремни конкуренции, и разрушается весь тот сложный механизм, посредством которого происходило, хотя и покупаемое дорогой ценой издержек конкуренции, развитие производительных сил капитализма. Вместо прежних методов производства прибыли—расширения производства и сокращения его издержек,—открывается третий, гораздо проще и прямее ведущий к цели: повышение цен, непосредственное производство прибыли. Этим методом пользуются все картели (синдикаты и тресты), он характерен для эпохи монополистического капитализма. С наступлением этой благодатной для капиталистов эпохи от капитализма начинает отлетать живой революционный дух, дух технической революции, преобразовавший земной шар за последние столетия. Капитализм, историческая задача которого—вывести человечество из его распыления, из товарного хозяйства, становится технически реакционным по мере того, как выходит из него. Надвигается эпоха технического застоя, эпоха загнивания капитализма. Формы товарного капиталистического хозяйства вступают в противоречие с созревшими для натуральной организации хозяйства и требующими его производительными силами монополистического капитализма, в особенности его высшей формы, капитализма финансового.

Этот конфликт между формами товарного хозяйства и переросшими его производительными силами разрешить в пределах капитализма последний оказался способным лишь в специфической обстановке мировой империалистской войны.

Великая империалистская война поставила каждую капиталистическую страну под угрозу военного, а следовательно, и хозяйственного разгрома¹⁾ и тем самым сбросила национальные классы капиталистов с их золотых небес на грешную землю.

Если в мирное время трест или банковский консорциум столь же охотно сократит производство угля или железа (напр., в связи

¹⁾ Насколько эта угроза была реальна, показывает судьба Германии.

с сокращением спроса, вызванным повышением цен на них), как и расширит его, в зависимости от большей прибыльности первой или второй операции; если сокращение производства при условии ответственного возможного для монополиста повышения цен может означать победу в борьбе за прибыль, то в условиях военной борьбы за существование и, значит, за самую возможность будущего производства прибыли понижение (и даже недостаточное повышение) производства угля или железа означает военный разгром и гибель надежд на будущую прибыль.

Капитал вынужден очнуться от золотого гипноза и из спирита (из фетишиста) превратиться в реалиста, рассматривать производство не как производство прибыли, а как производство продуктов, как производство потребительных ценностей, стремится к расширению и улучшению производства, к росту производительных сил непосредственно. Великая империалистическая война восстановила действие механизма конкуренции, но уже не прежней (экономической) конкуренции, конкуренции в деле понижения цен; а новой (технической) конкуренции в деле увеличения и улучшения производства предметов военного потребления и всего, что с ним связано и для него необходимо. Прежняя конкуренция выражала техническое превосходство побеждающей стороны косвенно — в низкой цене товаров, новая конкуренция — непосредственно в превосходстве военной техники.

Но этот реальный подход к вещам капитал в состоянии усвоить лишь в совершенно извращенной хозяйственной обстановке, когда основными потребительными ценностями являются пушки, пулеметы, взрывчатые вещества, ядовитые газы, танки и пр., и только на то время, пока длится эта извращенная хозяйственная обстановка. Капитал оказывается не в состоянии прочно преодолеть в пределах капитализма противоречие между формами товарного хозяйства и переросшими их производительными силами; это значит, что капитализм, как система хозяйства, стал экономически реакционным и поэтому осужден на гибель. Интересы капитала вступают в противоречие с требованием развития производительных сил. Отказ от фетишистского подхода к хозяйству вне обстановки мировой войны не является для капитала необходимостью. Мировая война представляет единственную ситуацию, когда падение производства продуктов, хотя бы и сопровождающееся увеличением производства прибыли, грозит существованию национального класса капиталистов. Вообще же (не в обстановке мировой войны) падение производства продуктов означает сокращение потребления и, следовательно, ухуд-

шение условий существования пролетариата и мелких буржуа, но не угрожает существованию класса капиталистов, а в тех случаях, когда оно сопровождается увеличением производства прибыли, означает даже рост мощи капитала. Государственный капитализм (натурально-капиталистическое хозяйство) не является, таким образом, вне обстановки мировой войны необходимостью для крупного капитала.

Не будучи для крупного капитала, для магнатов финансового капитала (вне обстановки мировой империалистской войны) экономически необходимым, государственный капитализм представляет собой как раз для магнатов капитала гигантскую социальную опасность. Он обнажает общественный характер капиталистического производства и, срывая с него обманчивый покров фетишистских денежных и кредитных отношений, резко противопоставляет кучке магнатов капитала грандиозный механизм общественного производства и входящий в этот механизм пролетариат. Прогресс организованной связности общественного труда является одновременно процессом обнажения диктатуры капитала перед лицом концентрированной мощи организованного капиталистическим развитием пролетариата. Решиться на это капитал может только под давлением крайней (военной) необходимости и в условиях исключительной созданной той же империалистской войной атмосферы оглушенности рабочего класса, распада и подавления классовой идеологии пролетариата, обеспеченности, гражданского мира, т.е. сотрудничества пролетариата с капиталом, их священного патриотического объединения.

Но государственный капитализм не только внушает капиталу страх за прочность самого капитализма, но и натывается на сопротивление главной (по численности, но не по значению) массы самих капиталистов, так как делает небольшую кучку магнатов капитала явным господином всего класса капиталистов; поэтому масса капиталистов в погоне за призрачной самостоятельностью выступает против государственного капитализма; но и магнаты капитала отнюдь не выказывают охоты поддерживать фирму «государственного капитализма», куда приходится принимать пайщиками и капиталистическую мелочь.

Государственный капитализм мог существовать поэтому, как таковой, лишь до тех пор, пока длилась мировая империалистская война, и должен был исчезнуть вместе с нею, создавая впечатление чего-то порожденного войной, в то время, как он, являясь завершением внутренних тенденций высоко развитого (финансового) капитализма, был лишь обнажен ею.

Поэтому-то государственный капитализм, т.-е. натурально-капиталистическое хозяйство, несмотря на то, что он является более высокой формой организации народного хозяйства, создающей, как это показала мировая война, возможность более полного использования, а значит, и лучшего развития производительных сил общества, чем товарно-капиталистическое хозяйство, уступает после войны место последнему. Капитал возвращается к финансовому капитализму, являющемуся скрытой формой государственного капитализма, который относится к финансовому капитализму (и превосходит его) примерно так же, как трест превосходит синдикат. Капитализм оказывается, таким образом, неспособным прочно осуществить свои собственные прогрессивные тенденции. Этот регресс капитализма показывает неопровержимо, что прогресс общества может быть осуществлен лишь путем выхода за пределы капитализма, путем преодоления самого капитализма.

Но если распространенные воззрения на государственный капитализм являются лишь результатом того, что капитал не может позволить себе роскоши быть откровенным, что свою практику фактического овладения народным хозяйством он снова вынужден осуществлять путем создания скрытых под туманом денежных и кредитных отношений капиталистических олигархий и монархий ¹⁾. Если поэтому идеологи капитала изображают государственный капитализм, т.-е. открытую диктатуру магнатов капитала во время войны, как какую-то нелепую случайность, а подобного рода воззрения в рядах представителей рабочего класса и его интересов являются неоспоримым проявлением буржуазного влияния на пролетариат, то представление о хозяйстве советской России в эпоху 1917 — 1920 г.г., как о хозяйстве осажденной крепости, где не производят, а только распределяют, обнаруживает еще большую поверхностность, еще более обывательский характер понимания, чем аналогичные суждения о государственном капитализме Западной Европы.

Если государственный капитализм (так называемый «военный социализм») 1914—1918 г.г. был организацией капиталистического производства (и воспроизводства) в условиях мировой империалистской войны (притом организацией, представлявшей собой лишь завершение тенденций довоенного капитализма), то организация

¹⁾ После войны финансовый капитал сделал новые гигантские успехи в деле овладения народным хозяйством. Лучшей иллюстрацией может служить деятельность Стиннеса.

народного хозяйства советской России в 1918—1920 г.г. (так называемый «военный коммунизм») была, поскольку она обуславливалась войной, пролетарской организацией производства (и воспроизводства) не в условиях войны вообще, а в условиях гражданской войны. Но гражданская война есть не что иное, как наиболее обостренный период революции, в данном случае пролетарской революции. Следовательно, так называемый «военный коммунизм» был пролетарской организацией производства и воспроизводства в условиях пролетарской революции и именно — решающего периода последней; он, значит, не представлял собой в основном чего-то, навязанного революции извне. Представление о нем, как о порожденной войной организации одного лишь распределения, представляет собой образец «мышления» одними словами и поверхностнейшими аналогиями, при которых спокойно ставится знак равенства между гражданской войной, т.е. революцией, и войной вообще, и между воюющей страной, т.е. народным хозяйством, и осажденной крепостью. Обе аналогии стоят друг друга и сравнивающих.

В действительности так называемый «военный коммунизм», это — первый грандиозный опыт пролетарско-натурального хозяйства, опыт первых шагов перехода к социализму. Он в основе своей отнюдь не являлся заблуждением лиц или класса; это хотя и не в чистом виде, а с известными извращениями — предвосхищение будущего, прорыв этого будущего в настоящее (теперь уже прошлое), ставший возможным благодаря изложенным выше специфическим условиям развития русской пролетарской революции.

Характеристика складывавшегося в 1918 — 1920 г.г. пролетарско-натурального хозяйственного строя весьма затрудняется тем, что он находился *in statu nascendi*, в периоде бурного своего возникновения в периоде непрерывных и резких изменений. Ниже следующая характеристика его относится к концу периода гражданской войны, к 1920 г., когда характерные черты его выявились в наибольшей степени, хотя к этому времени он еще отнюдь не сложился окончательно. Но уже в начале 1921 г. начался, как известно, процесс разложения пролетарско-натурального хозяйства и обратный переход к товарному хозяйству.

На всем общественном строе эпохи великой гражданской войны лежала рельефная печать его творца — пролетариата. Суровым пафосом мощного революционного энтузиазма веяло от этого вздымавшегося пролетариатом строя, еще незаконченного, но ды-

шавшего монистической неведомой капитализму цельностью, дававшего предчувствие будущего среди хаоса настоящего.

Эта цельность, еще не осуществленная, но предчувствовавшаяся, больше того, прямо чувствовавшаяся в железной непрекращаемой, как материализованная логика, последовательности революции, этот монизм возникавшего общественного строя проявлялся прежде всего в уничтожении характерной для буржуазного общества противоположности между абстрактным и потому лживым политическим строем, в котором каждый гражданин рассматривается как идеальный индивидуум, как равный другому атом, и строем экономическим, где реальный индивидуум существует в реальной связи с другими (и, прежде всего, в связи классового господства и классового подчинения).

В возникающем пролетарском обществе политический строй приводится в полное соответствие со строем экономическим и при этом таким образом, что политический строй общества перестраивается по образу и подобию его экономического строя. Основной принцип организации новой советской государственности поэтому резко отличается от принципа государственной организации буржуазной демократии: это — принцип производственный. Основными ячейками советской государственности становятся производственные единицы — предприятия; ими, напр., избираются члены Советов Рабочих Депутатов, на них, следовательно, построено все здание Советов.

Трудовые связи общества становятся связями, непосредственно и явно определяющими остальные связи общества.

И в народном хозяйстве производственный принцип получает полное и последовательное осуществление, не искаженное никакими посторонними производству соображениями: коммерческими, правовыми и др.

Профессиональные союзы, низшими основными ячейками которых были фабрично-заводские комитеты, становятся основой всей организации народного хозяйства этой эпохи. Не только государственная организация труда (рабочей силы) и государственная организация промышленности, но и государственная организация заготовок продовольствия и сырья, государственная организация распределения, финансов, земледелия, контроля тесно связывается с профессиональными союзами и в значительной мере прямо строится на них. Государственная организация промышленности, за исключением мелкой, имевшей лишь местное значение, по своей структуре вполне соответствовала структуре профессиональ-

ных союзов: она была организована по отраслям народного хозяйства. В соответствии с общим характером Советской власти профессиональные союзы играли важную роль в построении всех аппаратов Советской власти (и прежде всего военного: объявленные профессиональными союзами мобилизации их членов создали, на ряду с партийными мобилизациями, скелет Красной армии), но в организации народного хозяйства их значение было совершенно исключительное.

Поскольку отдельные аппараты советской народно-хозяйственной организации организовывали производственную деятельность пролетариата, они были построены непосредственно на пролетарских организациях — профессиональных союзах. Но и там, где эти аппараты не имели прямого отношения к производственной деятельности пролетариата, производственно-организованный пролетариат через предприятия и профессиональные союзы был тесно связан с ними. Таким путем промежуточные классы и, что особенно важно, многомиллионное крестьянство организовались вокруг пролетариата, подчинялись его влиянию и руководству. Помимо военного и административного аппарата это влияние можно было наблюдать и во всех народно-хозяйственных организациях. Производительная деятельность крестьянства была организована, поскольку ее вообще удавалось организовать, вокруг предприятий, объединенных в свой специальный центр. Это достигалось путем организации работ крестьян в сельско-хозяйственной промышленности, путем организации сбора сырья в отраслях промышленности, перерабатывавших сельско-хозяйственное сырье, наконец, путем организации продовольственных хозяйств индустриального пролетариата. Во всех таких случаях центры и остова организации были пролетарские. Все прежние крестьянские организации (кооперативы различного рода), поскольку они вообще продолжали существовать и в новых условиях, перестраивались мало-по-малу по-новому вокруг новых пролетарских центров.

Победное шествие производственного принципа было непосредственным проявлением победы пролетариата, сделавшей принцип организации пролетариата принципом организации общества. Революция пролетариата, передав в руки рабочего класса власть над народным хозяйством, пропитала всю организацию народного хозяйства организованным пролетариатом.

Это означало перерождение организации народного хозяйства, превращение ее в ее собственную противоположность из капиталистической в пролетарскую.

Уничтожая основной антагонизм капиталистического общества, антагонизм общественной рабочей силы и общественных средств производства, революция ставила, таким образом, монизм нового общества на прочную базу монизма его экономики.

Именно в этом синтезе до того антагонистического, хотя и взаимнообусловленного развития организации народного хозяйства и организации рабочего класса, во внедрении организованного пролетариата во все поры, в пропитывании им народного хозяйства была в эту эпоху труднейшая, но и величайшая работа социальной революции пролетариата.

Трудность и грандиозность такого перерождения народного хозяйства заключались прежде всего в том, что оно было связано с небывалым расширением круга деятельности организации рабочего класса, ее распространением на все народное хозяйство; загнанный капитализмом, как улитка в свою скорлупу, в работу самоорганизации (политической и профессиональной), рабочий класс в грозовой атмосфере своей социальной революции впервые вынужден был развернуть свою организационную работу во всю ширь и превратить ее в гигантскую работу организации народного хозяйства.

Эта титаническая работа вместе с работой организации военного и административного советского аппарата требовала для своего осуществления исключительной концентрации усилий пролетариата и непрерывного и значительного расширения кадров активных работников. И то и другое было осуществлено организованным авангардом пролетариата, коммунистической партией.

Прочность всякого государственного аппарата определяется возможностью его непрерывного восстановления и усиления. Но все государства, известные истории, вербовали свою администрацию из очень узкого слоя. Советская власть оперлась непосредственно на пролетарские и близкие пролетариату крестьянские массы. Коммунистическая партия стала колоссальным, ни с чем в истории несравнимым, аппаратом извлечения организаторских элементов из необозримой массы трудящихся и воспитания этих элементов. Концентрированный энтузиазм и стальная товарищеская дисциплина сотен тысяч членов партии представляет силу, которая, будучи направлена в определенный ударный пункт, в состоянии радикально изменить даже самое неблагоприятное соотношение сил. Это испытал на себе Колчак и Деникин, влияние этой силы выявлялось и на работе организации народного хозяйства. Весь активный передовой слой рос-

сийского пролетариата вошел в коммунистическую партию, члены которой пропитали не только весь аппарат государственной власти (в том числе и армию), но и весь аппарат профессиональных союзов, так же, как и все иные рабочие организации.

Рост коммунистической партии отражал развертывание пролетарского строительства. Число членов российской коммунистической партии составляло:

В начале 1917 г.	23,6 тыс. чел. ¹⁾
" " 1918 "	116,0 " "
" " 1919 "	251,5 " "
" " 1920 "	431,4 " "
" " 1921 "	585,6 " "

Число втянутых в активное строительство выросло, таким образом, за четыре года в 25 раз.

Особенно резко этот рост усиливался как раз в моменты наибольшей опасности, становившиеся моментами прилива пролетарской энергии и усиления воли к победе. Максимальный прирост (180 тыс. чел.) был в 1919 году, когда Юденич подходил к Ленинграду, а Деникин—к Туле.

О росте влияния коммунистической партии дают представление данные о партийном составе делегатов всероссийских съездов профессиональных союзов.

Было в % к общему числу делегатов ²⁾.

	Коммуни- стов.	Меньшеви- ков.	Прочих партий.	Беспартий- ных.
На 1 съезде (в янв. 1918 г.)	66	15	10	8
" 2 " (" " 1919 г.)	80	6	9	8
" 3 " (" апр. 1920 г.)	75	4	4	17
" 4 " (" мае 1921 г.)	81	1/2	1/2	18

Роль профессиональных союзов и коммунистической партии резко подчеркивает другой основной принцип этой эпохи, основной принцип организации советской государственности и советского народного хозяйства — принцип классовый, в котором переходный характер эпохи нашел свое наиболее яркое выражение.

¹⁾ См. «Всероссийская перепись членов РКП», 1922 г. Москва, 1923, выпуск 4, стр. 32.

²⁾ См. статью В. Я р о ц к о г о: «Профессиональное движение в Советской России» в «Ежегоднике Коминтерна», Петроград—Москва, 1923, стр. 446.

Весь общественный строй этой эпохи был проникнут духом беспощадной классовой исключительности. Экспроприация капитала, уничтожение возможности использовать средства производства, как орудия эксплуатации, устраняя основной внутриобщественный антагонизм капитализма — между общественными средствами производства и общественной рабочей силой — тем самым ставила капиталиста вне общества. То же имело место и по отношению к феодалам. Эксплуататор, член одного из бывших господствующих классов, феодал или капиталист, не только был лишен своего прежнего господского положения, он был вытолкнут из советского общества, ютился на задворках его, как едва терпимая грязь. Буржуа превратился в презренное и отверженное существо — в пария, лишенного не только имущества, но и чести. Он был лишен всех гражданских и политических прав, в том числе права избирать и быть избранным в какое бы то ни было общественное учреждение. Он лишен был права поступления на военную службу, права носить оружие. Он был уничтожен не физически, но социально.

И точно так же, как в обществе, построенном на эксплуатации, всякий, кто желает добиться «общественного» уважения, стремится доказать свое незапятнанное происхождение от эксплуататоров (титованных феодалов или магнатов капитала), так и здесь всякий, кто хотел стать равноправным членом советского общества, упорно стремился доказать свое незапятнанное рабочее или крестьянское происхождение, подкрепляя его всякого рода документами и показаниями.

Не титул и не деньги, которые превращались в ничто, — звание пролетария и трудящегося открывало дорогу к общественному положению. Клеймо принадлежности к классу эксплуататоров могло открыть лишь дорогу в концентрационный лагерь, в тюрьму и, в лучшем случае, в лачуги, оставленные переселившимися в лучшие дома пролетариями.

Эта беспощадная классовая исключительность, социальное уничтожение классов эксплуататоров, была источником высокого нравственного подъема, источником страстного энтузиазма пролетариата и всех эксплуатируемых. Это был могучий ключ ко всем угнетенным, утверждение их внутреннего превосходства над грязным миром эксплуататоров.

Классовый принцип проводился в эту эпоху с беспощадной, не допускавшей исключений строгостью и в организации народного хозяйства. После переходного периода (до лета 1918 г.) во все

органы управления народного хозяйства доступ представителям капитала был закрыт наглухо. Советская организация народного хозяйства была строго классовой, пролетарской организацией.

В соответствии с характером господствующего класса стоял и третий организационный принцип эпохи — принцип трудовой. Наиболее яркое выражение он получил в советской конституции, 18-й пункт 2-го раздела которой гласит: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: «Не трудящийся да не ест».

Этот принцип означал утверждение основного признака современного пролетария внутри всего класса и распространение его на все общество. Он придавал новому складывавшемуся хозяйственному и общественному строю характер глубокой и суровой серьезности. В противоположность легкомысленным и неглубоким движениям паразитического пролетариата древности, строительство современного пролетариата было движением трудящихся. Это было движение голодных, но это не было движение праздных. Путь к царству свободы вел через являющийся необходимостью труд.

Этот принцип приобретал одновременно и классовый характер, поскольку по отношению к представителям прежде господствовавших классов эксплуататоров он выступал, как опирающееся на диктатуру пролетариата отрицание паразитизма.

Принуждение к труду, разнообразные трудовые повинности, принудительность которых приобретала безусловный характер вследствие связи между их исполнением и материальным снабжением, в частности, и в особенности — питанием, врываясь в жизнь каждого и ломая ее, перестраивали ее по образу и подобию суровой жизни трудящихся. Оставаясь по большей части чисто формальным, т.-е. несвязанным со сколько-нибудь значительными фактическими изменениями, требованием по отношению к громадному большинству трудящихся, принуждение к труду было дальнейшим шагом в деле уничтожения привилегий имущих; если экспроприация богатств лишила их всего того, чем они в противоположность к массе неимущих располагали, то принуждение к труду навязывало им то, что до сих пор было отличительным признаком неимущих и что стало теперь всеобщим признаком, — труд.

Точно так же из характера господствующего класса вытекал и четвертый организационный принцип эпохи — принцип коллективности. Наиболее глубоким его проявлением была, разумеется, национализация средств производства и обмена.

Являясь специфическим отличительным признаком пролетариата, отличающим его от всех остальных общественных классов, принцип коллективности становится в эту эпоху наиболее популярным принципом строительства, пронизавшим все сферы общественной жизни.

Ничто, быть может, не характерно в такой мере для этой эпохи, как стремление искоренить индивидуализм и насадить коллективизм. Оно проявлялось и в организации управления (коллегиальность), и в формах оплаты труда (коллективное снабжение, коллективное премирование) и в формах хозяйственных отношений с древней коллективный товарообмен) и в попытках замены мелкого хозяйства крупным, коллективным (сельско-хозяйственные коллективы и коммуны¹⁾, объединение до того самостоятельных ремесленников в общие мастерские, дома-коммуны, общественные столовые и т. п.).

Внешним выражением этого принципа являлось повсеместное господство во всех органах управления, в том числе и хозяйственных, системы кол ле г и а л ь н о с т и, непосредственная связь всех органов управления (связь в той или иной форме, в частности, выборность) с широкими пролетарскими организациями, профессиональными союзами, и колоссальный численный рост всевозможных организаций. Новыми и новыми путями связывался каждый отдельный член общества с обществом в целом. В противоположность буржуазному обществу, стремившемуся противопоставить себя отдельному индивидууму, в складывавшемся новом обществе каждый член его повсюду выступал, как член того или иного более широкого или более узкого коллектива.

Наконец, пятый организационный принцип эпохи — это принцип р а ц и о н а л и з а ц и и.

В известном отношении всякая революция, ниспровергая обычное, отдавая все, что до того считалось незыблемым, на суд рево-

¹⁾ О росте числа сельскохозяйственных коллективов говорят следующие данные:

Число коллективов в СССР.

В 1918 г.	912
„ 1919 г.	6.186
„ 1920 г.	13.607,

т.-е. за два года увеличение в 15 раз. В 1923 г., когда число коллективов по РСФСР было то же, что и в 1920 г., в $\frac{1}{4}$ общего числа их насчитывалось 276 тыс. чел. населения, т.-е. свыше четверти миллиона. См. «На новых путях», вып. V, часть I. Приложение III, «Положение коллективов и их труда», стр. 637—638.

люционного разума поднявшегося к власти нового класса, несет с собой тенденции рационализма.

Господство принципа рационализации характеризует и величайшую из буржуазных революций — великую французскую революцию, бесстрашно отдавшую все старое (феодалное) общество на суд буржуазного разума.

Миром правил Бог безумный, —
Отныне Разум правит всем,

так говорит оратор французской революции в одном из произведений нашей литературы.

В эпохи революции факт существования какого-либо общественного института не является аргументом в пользу его дальнейшего существования — необходимы другие аргументы от разума (конечно, разума определенного класса). Место принципа органических эпох «существует, значит нужно» заступает другой: «нужно, значит будет существовать; не нужно, значит будет уничтожено». Место консервативного принципа преемственности заступает революционный принцип разумности.

Так поступает всякая революция — и буржуазная, и пролетарская. Предъявление ко всему требования доказать свою разумность, бесстрашное уничтожение всего, что признано неразумным, необычайно характерно и для нашей революции (в эпоху гражданской войны).

Но за этим формальным сходством скрывается коренное различие по существу.

Рационализм буржуазной революции не спускается глубже «надстроек». Религия, мораль, право, быт, политический строй общества — все это он отдает на суд разума, который должен все перестроить по-своему. Но не экономику. Здесь буржуазная революция провозглашает принцип невмешательства — *laissez faire, laissez passer*. Буржуазному общественному разуму нет доступа к экономике — там царство индивидуального произвола.

Наоборот, рационализм пролетарской революции падает глубже — он перестраивает не только «надстройку» общества, но и глубокую базу общества, общественную экономику.

Для пролетарской революции характерна тенденция перехода к явной организации народного хозяйства вместо прежней фетишистски извращенной, уничтожение фетишистских отношений и установление прямых и непосредственных, откры-

тых связей между различными частями советского народного хозяйства.

Ее проявлением была характерная именно для этой эпохи тенденция к уничтожению рынка, к уничтожению товарных, денежных и кредитных отношений, к уничтожению товарного хозяйства, а вместе с ним — и товарного фетишизма, и замене товарного хозяйства хозяйством натуральным.

И этот принцип захватил все сферы общественной жизни: проявления его в других областях, помимо хозяйства, являются тенденции к уничтожению права, а с ним и правового фетишизма — уничтожение старого права и его институтов: писаного права, судебного сословия, юридических факультетов ¹⁾ — и к уничтожению религии, а с нею и религиозного фетишизма — борьба с религией во всех ее видах.

Этими принципами было проникнуто все хозяйственное строительство этой эпохи. В основе строившейся организации советского народного хозяйства лежала, как сказано выше, профессиональная организация пролетариата. Профессиональное движение Советской России характеризовалось в эту эпоху прежде всего необычайно интенсивным ростом (что, впрочем, естественно — раз у власти стояли рабочие, и все препятствия развитию профессиональных союзов были сметены). Число членов профессиональных союзов росло следующим образом:

В середине 1917 г.	693 тыс. чел. ²⁾
„ 1918 „	1.946 „ „
„ 1919 „	3.707 „ „
„ 1920 „	5.222 „ „

За три года число членов профессиональных союзов увеличилось в 7½ раз.

Круг деятельности профессиональных союзов со времени октябрьского переворота необычайно расширился; от одностороннего и потому неполного регулирования рынка рабочей силы они перешли не только к полному государственному регулированию рабочей силы (через народный комиссариат труда), но и стали определяющей си-

¹⁾ Так называемое революционное право эпохи гражданской войны было, правда, в высокой степени авторитарно, как авторитарна и сама революция, но основывалось не на абсолюте (вечных идеях права), а на классовом интересе, т. е. по существу дела не являлось правом, а потому (поскольку оно *не* основывалось на классовом *интересе*) лишено было и правового фетишизма.

²⁾ См. статью В. Яроцкого «Профессиональное движение в Советской России» в «Ежегоднике Коминтерна», Петроград—Москва, 1923, стр. 445.

лой в организации как промышленности, так и всего народного хозяйства вообще. Следуя за организацией народного хозяйства, профессиональное движение создало всероссийские объединения во всех отраслях труда. Число всероссийских профессиональных союзов в соответствии с успехами организации промышленности непрерывно уменьшалось путем слияния родственных союзов в один: в 1920 г. их насчитывалось свыше тридцати, а к концу 1921 г. уже только 22, охватывающих в общем 9.451 проф. организацию ¹⁾. Самый характер организации профессиональных союзов резко изменился: из союзов узко-профессиональных, цеховых они превратились в союзы производственные, включающие в себя всех рабочих и служащих определенной отрасли промышленности (или другой народно-хозяйственной деятельности), независимо от их профессии. В этом ярко выражалось приспособление профессионального движения к новым широчайшим задачам.

Во главе профессионального движения стоял Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов (сокращенно ВЦСПС), избираемый их всероссийским съездом и объединявший деятельность как центральных комитетов отдельных всероссийских профессиональных союзов, так и губернских советов профессиональных союзов. Последние избирались губернскими съездами профессиональных союзов и объединяли деятельность губернских отделов всероссийских профессиональных союзов и уездных бюро профессиональных союзов. Низшими ячейками являлись фабрично-заводские комитеты, избираемые рабочими предприятий.

На профессиональных союзах была построена вся советская организация народного хозяйства, к характеристике которой мы перейдем ниже. Непосредственно же на профессиональных союзах лежала гигантская задача создания новой пролетарской дисциплины труда вместо рухнувшей старой капиталистической.

Как раз эта задача кажется всем филистерам абсолютно неразрешимой. Развращенные паразитизмом собственного существования, эксплуататоры и их идеологи проникнуты презрением и отвращением к труду и не в состоянии понять, как могут трудиться люди, если над ними не висит палка. Превратив труд в проклятие для человечества, они считают, что таков труд по самой природе своей.

Но действительная трудность лежит не в естественных свойствах труда, а в специфических свойствах капиталистиче-

¹⁾ Ibid., стр. 446 — 7.

ского наемного труда. Именно потому, что единственный товар, не принадлежащий капиталу, это — рабочая сила пролетария, именно поэтому она расточается при капитализме самым хищническим образом. Развитой капитализм создает даже целую науку выжимания труда из рабочего — тэйлоризм, опирающийся на соответственное искусство, разработанное «трудами» бесчисленных поколений капиталистов и заменяющей их, как бумажные деньги замещают полновесный металл, капиталистической администрации.

Но как раз вследствие того, что использование живой рабочей силы доведено капиталом до высшей степени совершенства (не в смысле производительного эффекта, а в отношении изнурения рабочего) и что, следовательно, до высшей степени доведено и напряжение сил рабочего, как раз вследствие этого освобождение от ярма капиталистической эксплуатации неизбежно связано со стремлением — не освободиться от труда, но облегчить, ослабить напряженность труда, неведомую до капитализма и впервые созданную капитализмом.

Упрочившееся социалистическое общество разрешит эту проблему тем, что, понизив напряженность (или длительность) труда, компенсирует (уравновесит) связанную с этим потерю в продукции повышением производительности труда путем введения новых машин и вообще новых технических методов.

В эпоху революции, т.-е. в эпоху падения производительных сил и невозможности выйти за пределы старой техники, стремление ослабить напряженность труда крайне обостряется вследствие связанного с падением производительных сил и громадными издержками революции понижения жизненного уровня рабочих масс, и в то же время встает повелительная задача добиться — на время — восстановления прежней или близкой к прежней напряженности труда, так как при неизменной технике производительность труда зависит непосредственно от степени его напряженности и организованности.

Революционный пролетариат России разрешал эту задачу как методами классового просвещения, так и методами классового принуждения.

Профессиональные союзы стали органами воспитания нового отношения к производительному труду, новых взглядов на труд. Но не мелкобуржуазных взглядов на производительный труд, как на поле приложения свободных творческих сил человека, как на арену действия его творческой личности. Подобного рода взгляды связаны с мелким производством, притом с недостаточно специализированным мелким производством.

В современном крупном производстве производительный труд — труд отнюдь не свободный, а напротив того, не о б х о д и м ы й, это — требующая строжайшей дисциплины машинизированная боевая деятельность масс.

Ее необходимый характер создает, однако, не машина: машина лишь материализует (овеществляет) его, делает его осязаемым, противопоставляя живому человеку себя (машину), как материализованную необходимость. То, что придает производительному труду характер необходимого, это — взаимная связь трудовой деятельности работников. Элемент необходимости возникает поэтому повсюду, где создается связь в трудовой деятельности отдельных работников. В цепи рабочих, передающих кирпичи с поверхности земли на вершину постройки (как и в «цепи» канцеляристов, через руки которых проходит «бумага», или в группе рабочих, поднимающих тяжелое бревно, труд каждого — необходимый труд, потому что он — необходимое звено, необходимая часть общего труда ¹⁾).

Но если машина не создает необходимого характера труда в крупном производстве, то она выявляет его и усиливает его, всецело подчиняя рабочего железной логике движения железных машин. В современном предприятии одетые в синее люди теряются среди громады суровых, ни на секунду не останавливающихся машин. Чем совершеннее немые рабы — машины, тем в большей мере напрягается внимание рабочего. Развитие машинного производства означает поэтому превращение труда каждого работника в деятельность, связанную с трудом других, означает возрастающую суровость труда, все в большей мере механизующегося, требующего не столько всех физических сил работника, сколько всего его внимания, усиливающуюся строгость трудовой дисциплины, прямо вынуждаемой машинами, растущую зависимость рабочего от машины, непосредственно и строго определяющей его действия и его психику во время работы, словом, означает превращение всей его деятельности во время работы в деятельность необходимую, навязанную ему машиной, означает строгий, суровый, безрадостный, необходимый характер производительного труда.

Современный производительный труд не является полем приложения свободных творческих сил человека, он не является удовольствием сам по себе. В этом отношении пролетарская революция

¹⁾ Поэтому уже в мануфактурный период производительный труд приобрел все черты необходимой деятельности, а отрицательные стороны (чрезмерного) необходимого труда сказались с особенной силой как раз в период господства мануфактуры.

не приносит с собой никаких принципиальных перемен. Напротив, поскольку она означает дальнейшее в будущем развитии крупного производства, она несет с собою дальнейшее усиление необходимого характера производительного труда.

Новое отношение к производительному труду питается иными источниками.

Усиление необходимого характера производительного труда является оборотной стороной роста его производительности. А рост производительности общественного труда означает возможность все большего освобождения общества от необходимого труда, обеспечения свободного досуга, и тем большего, чем производительнее необходимый труд, т.е. чем строже его необходимый характер. Устранение элементов свободной творческой деятельности из производительного труда, вообще говоря, не означает их уничтожения, а лишь их отделение: по мере того, как общественный производительный труд становится необходимым, создаются (и именно вследствие роста производительности этого труда) предпосылки для свободного творческого труда: обеспеченный—благодаря необходимому труду—свободный досуг. Освобождение необходимого труда от элементов свободного творчества означает освобождение свободного творчества от цепей необходимого труда.

Если бы задачи общества сводились исключительно к производительному труду, человек превратился бы в регулирующий механизм машины — в регулируемую часть автоматического механизма — в придаток к машине и, следовательно, в машину. Но перед человеческим обществом стоит не только задача производительного труда, но и задача его развития. Эта задача, включающая в себя не только дальнейшее завоевание и преобразование внешней природы (прогресс техники), но и дальнейшее завоевание и преобразование природы самого человека (усовершенствование его организма, организации его труда и его идеологии), задача творческая. Здесь нет места автоматической механической деятельности. Здесь требуется максимальное напряжение сил личности, которая, вооруженная всеми достижениями общества, одна вступает на девственную почву неведомого, ощупью, ошибаясь и поминутно сворачивая то в одну, то в другую сторону, пробует проникнуть в темную чащу неиспробованного. И здесь существует сотрудничество, но это сотрудничество личных инициатив, сотрудничество ищущих дороги в непроходимом лесу, а не сотрудничество у станков, приводимых в движение одним мотором. Личность — до конца продукт общества. И в сфере творчества ее работа — обществен-

ная работа, работа развития производительного труда, но в этой сфере работает она, как личность, а не как часть механизма. С этой точки зрения обусловленный производительным трудом досуг сам является условием развития производительного труда, является, следовательно, полем общественной деятельности грандиозной важности, но не необходимой, как производительный труд, а свободной, не автоматической, а творческой. Завоевать досуг для масс, значит завоевать массы для творчества. Массовое творчество—это и есть основная характеристика коммунизма. Ибо творчество как в области техники и организации труда, так и в области идеологии доступно каждому обыкновенному человеку, конечно, не всем в одинаковом объеме.

Капитализм разрушает, однако, связь между производительным трудом и досугом: производительный труд пролетариев он превращает в досуг эксплуататоров. Оставляя на долю пролетариата один лишь необходимый труд, он наперед отделяет от него обеспеченный плодами необходимого труда досуг, и тем делает необходимый труд бессмысленным и невыносимым.

Пролетарская революция снова превращает необходимый труд в средство завоевания досуга, восстанавливает нарушенную капитализмом связь между производительным трудом и досугом и тем создает могучий стимул к поднятию напряженности труда. Залогом будущего является в этой области восьмичасовой (а в некоторых производствах шестичасовой) рабочий день, ставший прочным завоеванием победившего пролетариата.

Если капитал, превращая предприятие в механизм, производил это, отрывая работника от средств производства, враждебно противопоставляя их друг другу, убивая в работнике всякий интерес к труду и его результату, то пролетарская революция, которая означает синтез (соединение) общественного работника и общественных средств производства, пробуждает в рабочем новое отношение к производительному труду.

Но капитализм не только разорвал связь между необходимым трудом и досугом рабочего. Как высшая потенцированная форма товарного производства, он превратил все отрасли труда в единообразное производство денег и всякий труд в (абстрактный) труд вообще и довел до высшей ступени полное безразличие рабочего к продукту его труда, представлявшемуся лишь замаскированной формой денег, и к самому труду, как конкретному труду, производя-

данному определенным продуктам (потребительные ценности). Как раз реальные потребительные качества продукта представлялись второстепенными, несущественными, в сущности нереальными. В рамках капитализма производство остается для пролетария производством денег, производством его заработной платы.

Пролетарская революция превращает для пролетариев производство в общественную деятельность. Она приковывает внимание пролетария к полезности продукта его труда и к труду, как к конкретному труду. А поскольку складывается пролетарская натуральная хозяйственность, отбрасывающая фикции товарного производства, оно, возвращая краски жизни реальным вещам, подчеркивая в них именно их полезность, как продуктов, становится новым фактором пробуждения и укрепления нового отношения к труду.

Поэтому в ту самую эпоху, когда капитализм безуспешно боролся с катастрофическим понижением трудовой активности (с ростом лени) пролетариата, выражавшим собой распад капиталистической трудовой дисциплины, в рядах победившего пролетариата нарождается новое отношение к труду, поднимаясь в передовых его группах до уровня трудового энтузиазма. Этот трудовой энтузиазм находил свое выражение в добровольном удлинении рабочего дня до 10 и до 12 часов (в тех случаях, когда этого требовали интересы нового пролетарского общества) и особенно в так называемых субботниках (впервые возникших на железных дорогах, как средство борьбы с транспортным кризисом), т. е. в добровольном бесплатном труде после рабочего дня на пользу пролетарского государства. Увеличение напряженности труда и прямой героизм труда проявлялись во многих случаях, — в массовых размерах там, где были налицо хоть сколько-нибудь сносные продовольственные условия.

Весьма рельефное выражение новое отношение к труду нашло в своеобразном, являющемся характерной чертой нового пролетарского общества, культе героев труда, в чествовании трудовых юбилеев рядовых работников, отдавших свою энергию и силы производительному труду.

На ряду с громадной работой классового просвещения, выяснения перед лицом масс и в гуще масс нового характера производительного труда после устранения капиталистической эксплуатации, на ряду с этой работой разъяснения, коллективного классового одобрения (напр., чествования героев труда), увлечения примером (напр., субботники) и т. п. профессиональные союзы пользовались и мерами классового принуждения, заставлявшего отсталые или

худшие элементы пролетариата подтягиваться, равняться по всему классу. Профессиональные союзы развернули громадную работу в области нормировки труда (установление обязательных норм выработки и пр.)¹⁾. Орудием наблюдения за исполнением требований новой пролетарской трудовой дисциплины явились избираемые рабочими товарищеские дисциплинарные суды.

Но профессиональные союзы, т.-е. массовые организации пролетариата, не только выковывали основное внутреннее условие устойчивости нового пролетарского хозяйственного строя, новую пролетарскую трудовую дисциплину, они создали и основной костяк новой пролетарской организации хозяйства и в первую голову новой организации управления предприятиями и хозяйством вообще; они создали, следовательно, не только душу, но и скелет новой организации хозяйства.

Создание новой организации хозяйственного управления, при том новой не в смысле перегруппировки хозяйственных единиц, а в смысле изменения их внутренней классовой структуры, и является (на ряду с разрушением старой организации хозяйственного управления) основным содержанием экономической революции в узком смысле этого слова.

Капиталистическая организация хозяйственного управления характеризуется полным отделением пролетариата от управления предприятием: неограниченной командной власти капитала противостоит полное безправие пролетариата. Хотя вся общественная атмосфера буржуазных стран с давних пор проникнута идеями свободы, конституции, республики, самодержавия народа, однако хозяйственное управление всегда и повсюду остается при капитализме областью, где об этих идеях нельзя и заикнуться, где царит полное ничем неприкрытое самодержавие капитала. Сюда капитал не позволял никому не то что вмешиваться, но даже и заглядывать. Еще полвека тому назад Маркс писал про «скрытые от постороннего глаза места...», где посетитель встречает на пороге надпись «вход посторонним воспрещается». Это — фабрики, заводы, рудники, вообще места, где чудесно самовозрастает капитал, потре-

¹⁾ Уже в начале 1918 г. Всероссийский совет профессиональных союзов принял «Положение о трудовой дисциплине», п. 4 которого гласит: «Все профессиональные союзы должны строго следить за проведением в жизнь организационной и тарифной дисциплины, определенно признав, как правило, что за определенную гарантированную заработную плату должна быть гарантирована определенная норма производительности». См. «Народное Хозяйство», 1918 г. № 2 (апрель).

бляя рабочую силу. Здесь святая святых капитализма». Это—для капиталистических стран — остается верным и по-сегодня.

После короткой переходной стадии, после неудачной попытки осуществления фабричной конституции под именем рабочего контроля, который безуспешно пытался превратить капиталиста из неограниченного самодержца в конституционного фабричного монарха, после того, как практика жизни убедительно показала, что капиталист не хочет и не может быть конституционным монархом, что он, вопреки всем своим уверениям, всегда замышляет государственную измену, т.е. продолжение саботажа, пролетарская революция привела к полному уничтожению какой бы то ни было командной власти капитала на фабрике, к установлению самодержавия пролетариата на фабрике. Сам рабочий контроль, ставший деспотическим после Октябрьского переворота, был по существу дела лишь первой стадией рабочего управления.

Но самодержавие пролетариата в предприятии означало, что прежнее отделение пролетариата от управления предприятием перешло в свою противоположность, сменилось фактическим совмещением аппарата хозяйственного управления и пролетариата, как такового, т.е. организованного пролетариата. И это совмещение получило свое выражение в том, что массовые организации пролетариата, профессиональные союзы, тесно спаялись с организацией пролетарского хозяйственного управления и создали основной остов ее.

Тесная связь профессиональных союзов с органами хозяйственного управления, больше того, пропитывание последних профессиональными союзами, является характернейшей чертой организации хозяйственного управления в эту эпоху. Процесс этот начался с того, что еще до национализации капиталистической промышленности в разнообразных органах ее регулирования (неизбежно ставших в обстановке нарождавшейся гражданской войны органами фактического управления) появились на ряду с представителями организаций капиталистов и с представителями советов (т.е. общеполитической организации пролетариата) и представители профессиональных союзов, которые быстро становились основным стержнем этих органов. Благодаря этому с момента национализации органы хозяйственного управления были фактически образованы соответственными профсоюзными организациями: вначале во многих случаях избирались ими, позже частью избирались профессиональными союзами, а частью назначались соответственными орга-

нами Советской власти, но по соглашению с соответственными органами профессиональных союзов¹⁾.

Поскольку налицо (в данной отрасли) была более или менее крепкая профсоюзная организация, хозяйственное управление пред-

¹⁾ Вот характерный документ, опубликованный в «Экономической Жизни» от 8 декабря 1918 г. и напечатанный в официальном «Сборнике декретов и постановлений по народному хозяйству», Москва, 1920 г., вып. 2, стр. 343:

«От Главного Правления государственных объединенных машиностроительных заводов. Всем заводским управлениям государственных объединенных машиностроительных заводов. Прочитать во всех рабочих организациях и на общих собраниях по цехам или отделам.

«... Организованное ВСНХ главное Правление государственных объединенных машиностроительных заводов, состоящее в большинстве из рабочих, избранных на конференции вами делегированных товарищей (курсив мой. Л. К.), по соглашению с отделом металла ВСНХ, утвердив заводоуправления входящих в группу ГОМЗ предприятий, считает каждое заводоуправление руководителем данного предприятия и ответственным за хозяйственное ведение дел перед РСФСР...»

Принятое заседавшими 26 мая — 4 июня 1918 г. I съездом Советов Народного Хозяйства «Положение об управлении национализированными предприятиями» говорит (см. тот же «Сборник», Москва, 1918, стр. 315):

«§ 2. На каждом заводе, фабрике, руднике и т. п., перешедших в собственность Республики, образуется фабрично-заводское управление. Две трети фабрично-заводского управления назначаются Советом Народного Хозяйства..., при чем Совет Народного Хозяйства имеет право предоставить профессиональному объединению выдвигать половину кандидатов. Одна треть членов управления избирается профессионально-организованными рабочими предприятиями.»

Принятая II съездом Советов Народного Хозяйства в декабре 1918 г. резолюция по вопросу об управлении национализированными предприятиями говорит (см. тот же «Сборник», Москва, вып. 2, стр. 179):

«П. 3. ...центральные правления должны... состоять из небольшого числа лиц (7—13), выделяемых в своем большинстве профессионально организованными рабочими и служащими соответственных предприятий и соответственными профессиональными союзами... Центральное правление в целом утверждается ВСНХ.»

«П. 7... групповые объединения во главе с соответствующими правлениями, организованными на тех же принципах, как и центральное правление (см. п. 3)...»

«П. 8. Для управления отдельными заводами и предприятиями организуются заводоуправления в составе 3—5 лиц, организуемые групповыми правлениями... совместно с соответственным профессиональным объединением.»

В официальном «Отчете Высшего Совета Народного Хозяйства VIII Всероссийскому съезду Советов», составленному в декабре 1920 г., следо-

приятными данной отрасли и самой отраслью находилось полностью в руках соответственного профессионального союза, конференции и съезды которого фактически избирали состав хозяйственного управления, утверждавшийся затем соответственным высшим органом хозяйственного управления (иногда с изменениями, получавшимися в результате переговоров между последним и профессиональным союзом). Возникавшие в этой области разногласия разрешались соглашением соответственного народного комиссариата (в частности и в особенности — Высшего Совета Народного Хозяйства) с центром профессиональной организации, с Всероссийским Центральным Советом Профессиональных Союзов.

Свое выражение это пропитывание хозяйственного управления профессиональными союзами нашло в весьма значительном ора-
бот е н и личного состава органов хозяйственного управ-
ления.

Упомянутый выше отчет ВСНХ VIII Съезду советов дает сле-
дующие характеризующие это орабочение и относящиеся к концу
1920 г. данные для национализированной промышленности ¹⁾.

вательно, в конце рассматриваемого в настоящей главе периода, органи-
зация управления промышленности изображается в следующих выраже-
ниях (см. стр. 18):

«Руководящий аппарат Высшего Совета Народного Хозяйства, Прези-
диум... сконструирован по соглашению с Всероссийским Центральным
Советом Профессиональных Союзов. Президиумы Губсовнархозов, утвер-
ждаемые президиумом ВСНХ, назначаются местным исполкомом по согла-
шению с местным Губернским Советом Профессиональных Союзов. Главные
Управления производственных отделов, Главков и Центров назначаются
президиумом ВСНХ по соглашению с Центральными Комитетами соответ-
ствующего профессионального союза, а в случае разногласия с ним — по
соглашению с Президиумом Всероссийского Центрального Совета Профес-
сиональных Союзов. Районные Управления предприятиями предварительно
намечаются Районными съездами представителей рабочих соответственных
предприятий, а утверждаются по соглашению с губернским отделом их про-
фессионального союза Главным Управлением соответственной отрасли про-
мышленности или Губернским Советом Народного Хозяйства... Управление
предприятием назначается районным (или Главным) Управлением по согла-
шению с соответственным профессиональным союзом». «Таким образом,—го-
ворит дальше отчет,—управление промышленностью основано на производ-
ственно-профессиональных союзах...»

¹⁾ См. «Отчет», стр. 14. Данные о коллегиях Главных Управлений
(соответственно и итоги) исправлены нами согласно с более точными дан-
ными статистической анкеты (см. «Народное Хозяйство» 1921 г. апрель,
статья В. Гершгорна «Структура и состав главков и центров», стр. 49).

	Всего	Рабочих		И з н и ж : Специали- стов		Служащих и проч.	
		абсол.	В %/о	абсол.	В %/о	абсол.	В %/о
Управляющий аппарат Президиумов ВСНХ и Губсовнархозов	187	107	57	22	12	58	31
Коллегии Главных Управлений (Отделов, Главков и Центров) . . .	184	48	26	72	39	64	35
Фабрично - заводские Управления	1.143	726	63	398	35	19	2
Итого	1.514	881	58	492	33	141	9

Но участие профессиональных союзов в деле формирования аппарата хозяйственного управления было много значительнее, чем показывают приведенные данные об оработании. Так, в то время как из общего состава коллегий главных управлений на рабочих приходилось 26%, на лиц, выдвинутых профессиональными союзами, приходилось уже 55% (76 из 140 давших сведения при общем количестве членов этих коллегий 199), а 10% являлись членами центральных комитетов профессиональных союзов¹⁾.

Коренным вопросом и основной трудностью в деле организации нового пролетарского хозяйственного управления является в о п р о с о специалистов («пецах»).

Развитие капитализма отделяет капиталиста от предприятия и превращает управление предприятием в занятие определенной категории наемных работников, технической интеллигенции; но замещающая капиталиста определенной категорией наемных работников, оно тем самым противопоставляет их основной массе пролетариата, как организаторов эксплуатации, т.е. как подлинных заместителей капитала, и пропитывает их капиталистической идеологией.

Но если устранение капиталистов само по себе проходит в крупном производстве сравнительно безболезненно, и именно потому, что отстранение капиталиста от производства и замена его в деле управления предприятием технической интеллигенцией свели все функции капиталиста к функции эксплуатации, и поэтому его устранение означает лишь избавление от эксплуатации, — то с технической интеллигенцией дело обстоит совсем иначе. Экономическая стадия пролетарской революции вызывает к жизни тенденцию

¹⁾ Ibid., стр. 42.

к устранению и технической интеллигенции, и притом с обеих сторон: в пролетариате, который, сбросив с себя ярмо капиталистической эксплуатации, естественно испытывает стремление избавиться не только от капиталистов, но и от двуликого Януса, технической интеллигенции (в особенности от высшей ее группы, капиталистической администрации), которая обращена к капиталу лицом слуги и к пролетариату лицом господина, хуже того, лицом слуги, изображающего из себя господина и дающего чувствовать, что по отношению к пролетариату он — господин; и в самой технической интеллигенции, рассматривающей себя, как члена господствующего класса (*Besitz und Bildung*, собственники и образованные), а пролетарскую революцию, как конец мира (так как и в ее глазах, как и в глазах капитала, капиталистический мир есть мир вообще, другого нет и быть не может).

Но попытка устранить старую техническую интеллигенцию не может не натолкнуться на тот факт, что эта техническая интеллигенция играет двойную роль: что она не только организатор эксплуатации, но и организатор производства. И притом в известном смысле монопольный организатор производства. Хозяйственное управление не может в эпоху революции функционировать (действовать) без ее участия. Эта монополия капиталистической интеллигенции (монополия знания и навыков), обратной стороной которой является отсутствие соответственных знаний и навыков, вообще недостаточный культурный уровень пролетариата, не может быть сломлена, пока не создана в достаточных количествах непрерывно пополняемая новая пролетарская интеллигенция. Однако создание новой пролетарской интеллигенции требует не только очень большого периода времени (многих лет), не только больших средств, но и отборных пролетарских кадров, освобожденных от текущей работы. Но как раз это условие явно неосуществимо, пока длится гражданская война, повелительно требующая мобилизации всех сил пролетарского авангарда на текущую работу, от успеха которой зависит судьба революции. Но это значит, что, пока длится гражданская война, т.-е. обостренный период революции, и ряд лет после того, монополия капиталистической интеллигенции не может быть сломлена. Иными словами, революция неизбежно происходит не только на базе старой техники, но и в условиях необходимости функционирования (работы) старой капиталистической интеллигенции. Поэтому становится абсолютно неизбежным брак, сначала не по любви, но по расчету между капиталистической интеллиген-

цией и пролетариатом, в результате которого и складывается новое пролетарское хозяйственное управление. Капиталистическая интеллигенция, подгоняемая 18-м пунктом 2-го раздела советской конституции (см. стр. 73), в частности построенной на ее основе системой распределения по карточкам, и страхом перед суровой диктатурой пролетариата, преодолевает свой ужас перед бурей пролетарской революции и свое неверие в возможность создания и существования нового общества, где нет хозяина ее тела и ее души, где нет ее хозяина—капитала, а пролетариат преодолевает свою антипатию к тем, кого он до сих пор знал только, как представителей капитала, и идет не только на участие технической интеллигенции в хозяйственном управлении, но и на восстановление повышенной оплаты ее труда, обеспечивающей необходимую степень ее любви к делу.

Разумеется, в результате этого принудительного сожительства происходило (и происходит) частично (т.е. в части старой технической интеллигенции, и чем дальше, тем в большей части) и перерождение этой части технической интеллигенции из капиталистической в советскую, из посредствующего между командной властью капиталиста и подчиненной ему группой пролетариев звена капиталистического хозяйства и управления им — в посредствующее между командной властью пролетариата, как класса, и подчиненной этой власти группой пролетариев данного предприятия (или группы их) звено пролетарского хозяйства и управления. А отдельные представители старой интеллигенции становятся энтузиастами своего дела в новых условиях и тесно связываются с пролетариатом. Но основная масса капиталистической технической интеллигенции функционирует не столько по охоте, сколько по неволе¹⁾: следствием этого является пониженная производительность их труда и качественное ухудшение работы аппарата хозяйственного управления, т.е. управления производством.

Так как сознательному авангарду пролетариата, коммунистической партии, была наперед ясна эта неустранимость старой капиталистической интеллигенции и необходимость ее участия в новом хозяйственном управлении, то все «положения об управлении национализированными предприятиями» заботливо оговаривают не-

¹⁾ Это проявляется не только в враждебном (хотя бы и скрытом) отношении к новому строю, но и в неверии в него и в неумении приспособиться к нему, в неумении развернуть свою работу в новых условиях. По мере укрепления диктатуры пролетариата на первый план выступает как раз это неверие и неумение.

обходимость участия технической интеллигенции в органах пролетарского хозяйственного управления в размерах не ниже известной нормы (обычно одной трети)¹⁾.

Как мы видели (см. стр. 87), техническая интеллигенция (специалисты) была в значительном количестве представлена в органах пролетарского хозяйственного управления (притом в их верхушках, облеченных командной властью и являвшихся, как мы увидим ниже, органами диктатуры в определенной сфере), а именно: в фабрично-заводских управлениях — в размере 35%, в коллегиях всероссийских главных управлений — в размере 39%, и даже в президиумах совнархозов (ВСНХ и губсовнархозов) — в размере 12%. Впрочем, известная часть входивших в органы пролетарского хозяйственного управления специалистов не может быть отнесена к старой капиталистической интеллигенции. Так, в составе коллегий главных управлений рабочих насчитывалось 26%, членов же коммунистической партии 49%, т.-е. почти треть нерабочего состава членов коллегий главных управлений была членами коммунистической партии²⁾,

Еще значительнее был удельный вес технической интеллигенции в подчиненных (средних) звеньях аппарата. Так, среди заведующих отделами главных управлений на рабочих приходилось лишь 4%, на лиц с образованием ниже среднего 12%, на членов коммунистической партии и сочувствующих ей 10%. Среди административного состава непроизводственных отделов Высшего Совета Народного Хозяйства на рабочих приходилось 0,8%, на лиц с образованием ниже среднего — 6%, на членов коммунистической партии — 13%³⁾.

Автор цитируемого нами исследования приходит по вопросу о составе аппарата Высшего Совета Народного Хозяйства (на 1 декабря

¹⁾ Так, § 2 «Положения об управлении национализированными предприятиями», принятого I съездом Советов Народного Хозяйства, говорит: «...фабрично-заводское управление должно включать в свой состав одну треть специалистов из числа технических и коммерческих служащих» (см. «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству», Москва, 1918, стр. 315). В резолюции II съезда Советов Народного Хозяйства по тому же вопросу п. 4 говорится: «В составе центрального правления (согласно п. 3 оно состоит из 7 — 13 лиц. Л. К.) необходима наличность специалистов с техническими и коммерческими познаниями в количестве не менее двух». А п. 8 оговаривает, что «в состав заводууправления (согласно тому же пункту — от 3 до 5 лиц. Л. К.) должны входить помимо рабочих и лица из технического персонала...» (см. тот же сборник, вып. 2, Москва, 1920, стр. 119).

²⁾ См. В. Гершгорн. Ibid., стр. 52.

³⁾ Ibid., стр. 53 и 54.

1920 г.) к следующему выводу: «Если мы сейчас попытаемся в нескольких словах охарактеризовать всю обследованную нами массу (900 с лишним человек) наиболее ответственных работников Высшего Совета Народного Хозяйства, то мы должны будем сказать, что эта масса представляет собой беспартийную (80% беспартийных, 19% коммунистов) дипломированную интеллигенцию (23% инженеров, 61% лиц с высшим образованием, 87% с законченным средним) с небольшой примесью бывших рабочих (8% общего числа)¹⁾.

Как мы видели, этот вывод получился вследствие преобладания старой технической интеллигенции в средних звеньях аппарата хозяйственного управления и относится по существу дела к ним в то время, как в органах, являвшихся представителями командной власти пролетариата, сменившей командную власть капитала, специалисты, и уж тем более беспартийные специалисты, т.е. капиталистическая интеллигенция, составляли явное меньшинство.

Эта работа создания нового пролетарского хозяйственного управления является основной по своему значению, можно сказать, коренной работой пролетарской революции в эту эпоху (1918—1920 г., в особенности 1919—1920 г.г.). Если работа насаждения пролетарского государственного (политического) управления, нового государственного (советского) аппарата — административного, судебного, военного и т. д. — была в основном ²⁾ проделана в первый восьмимесячный период пролетарской революции (октябрь 1917 — июнь 1918) и затянулась еще на два с половиной года (не как работа доделывания, а как работа организации наново) лишь вследствие воздействия внешних сил, принудительно растянувших фазу политической революции на целых три года и навязавших революции кропотливую работу неутомимого восстановления государственного советского аппарата, каждый раз и в каждом месте, где и когда его стирала неумолимая рука питаемой мировым капиталом гражданской войны.

Если, с другой стороны, работа создания новой организации хозяйства, не в смысле изменения внутренней классовой структуры

¹⁾ Ibid., стр. 55. Курсив автора.

²⁾ Речь идет, разумеется, не о степени совершенства советского государственного (в частности—военного) аппарата, а о факте смены им прежнего.

хозяйственного управления, а в смысле перегруппировки хозяйственных единиц и реорганизации связи между ними, т.е. уже не в сфере специфических, а в сфере общих экономических отношений, была по сути дела работой будущего, также навязанной революцией на этой ее стадии вследствие воздействия тех же внешних сил, сделавших неизбежным углубление пролетарской революции, как средство подрыва контр-революционного сопротивления.

Если таким образом работа создания аппарата государственного (политического) управления была по сути дела доделыванием работы прошлого, а работа создания новой организации хозяйства в смысле перегруппировки хозяйственных единиц и реорганизации связи между ними—предвосхищением работы будущего,—то как раз работа создания нового хозяйственного управления, нового в отношении его внутренней классовой структуры (строения), явилась коренной и потому неуничтожаемой работой пролетарской революции в эту эпоху, ее неуничтожаемым завоеванием навеки, которое уже не может быть отнято.

Именно эта работа, создания нового пролетарского хозяйственного управления, и сделала нашу революцию пролетарской революцией, ибо именно эта работа и была работой создания нового гармонического и потому преодолевшего эксплуатацию хозяйственного строя на месте старого хозяйственного строя, антагонистического, основывающегося на отрыве рабочей силы от средств производства, а потому и на эксплуатации. Именно она и осуществила в основном революционный переход от антагонистической организации общественного труда к гармонической.

Конституционный рабочий контроль до октября, деспотический рабочий контроль после октября, принудительное участие капиталистов в органах государственного пролетарского регулирования до декрета о национализации крупной промышленности, принудительное их прикрепление к предприятиям до образования органов рабочего управления на предприятиях (в конце 1918, начале 1919 года), коллективное рабочее управление, единоличное рабочее управление,—таковы были основные этапы создания и развития рабочего управления, на которых мы еще остановимся ниже.

На ряду с созданием советского государственного строя, создание пролетарского хозяйственного управления является всемирно-историческим завоеванием русской революции, создавшей в нем новую еще неизвестную историю

человечества (и притом социально наиболее глубоко захватывающую) организационную форму перехода к будущему коммунистическому обществу.

После Парижской Коммуны, создавшей впервые в истории человечества пролетарское государственное управление (получившее в русской революции свое дальнейшее развитие и завершение в виде советского строя), создание пролетарского хозяйственного управления составляет тот новый принципиальный шаг вперед, который сделала русская революция.

Парижская Коммуна создала организационную форму для политической диктатуры пролетариата, русская революция — для экономической диктатуры пролетариата.

Едва ли возможно переоценить значение этого завоевания.

Анархия пролетарско-натурального хозяйства.

Новая организация хозяйственного управления и новая организация хозяйства. Отсутствие планомерности. Анархия распределения и анархия снабжения. Кризисы сбыта и кризисы снабжения. Рынок и «ударность». Извращенно-переходный к социализму характер нового хозяйственного строя.

Но, хотя дальнейший ход развития нашей революции обнаружил с несомненностью, что прочным завоеванием этого периода была организация нового пролетарского хозяйственного управления, т.е. переход от антагонистической организации производства к гармонической, хотя, следовательно, работа организации нового пролетарского хозяйственного управления была в эту эпоху безусловно коренной работой пролетарской революции, однако, характерная особенность этого периода нашей революции состояла в ином: в том, что основная масса работы пролетарской революции по причинам, уже изложенным выше, развернулась, предвосхищая будущее, не в сфере специфических, а в сфере общих экономических отношений. В том, что она состояла в главной своей массе не в перегруппировке элементов внутри хозяйственных единиц и не в реорганизации внутри-хозяйственных отношений, а как раз в перегруппировке самих хозяйственных единиц и в реорганизации (межхозяйственных) связей между ними. Новая пролетарская организация хозяйственного управления, именно потому, что работа ее создания была коренной работой этого периода революции, оказалась прочным завоеванием революции, перешедшим в следующий период ее; напротив, новая организация хозяй-

ства оказалась эфемерной (недолговечной), она *не перешла* в следующий период революции, и именно поэтому она-то и характерна как раз для рассматриваемого периода революции.

Рассматриваемый со стороны специфических экономических отношений новый хозяйственный строй отличался от старого тем, что он был пролетарским строем, рассматриваемый же со стороны его общих экономических отношений складывавшийся новый (пролетарский) хозяйственный строй характеризовался двумя основными чертами: это было (в тенденции), во-первых, хозяйство натуральное, во-вторых, хозяйство централизованное.

Разумеется, обе эти основные черты отнюдь не являются результатом чьих-либо измышлений, привнесением чуждых предшествующему экономическому развитию тенденций, а, напротив того, последовательным и законченным развитием тенденций, характеризовавших предшествующее экономическое развитие, протекавшее в капиталистических формах.

Превращение товарных отношений в натуральные (зачатки которого появились уже в эпоху капиталистических монополий, вызвавших в результате борьбы с ними, как контр-тенденцию, образование комбинированных предприятий) было в широких размерах подготовлено финансовым капиталом и выявилось, как таковое, при переходе финансового капитализма в государственный.

Централизация же хозяйства была в широких размерах подготовлена в отдельных отраслях хозяйства уже капиталистическими монополиями, а в народном хозяйстве в целом — финансовым капиталом.

Но при капитализме это были, однако, лишь тенденции фактического развития, прббывавшие себе дорогу среди бесчисленных остатков старых хозяйственных отношений. Теперь они стали руководящими принципами пролетарского хозяйственного строительства. Характерной чертой последнего было как раз стремление осуществить их до конца, уничтожить все, что этим руководящим принципам противоречило.

В основу работы пролетарского хозяйственного строительства легли, как его исходный материал, централизованные хозяйственные органы дооктябрьской России, государственные: министерства, превращенные в народные комиссариаты, и монополитические организации капиталистов: синдикаты и созданные в эпоху империалистской войны государственно-капиталистические регулирующие органы, превращенные в главные управления промышленности («главки»).

Если рассматривать старые и новые централизованные хозяйственные органы со стороны специфических экономических отношений, между ними не окажется ничего общего. Наоборот, новые являются прямой, полярной противоположностью старых. Между теми и другими залегла революция. В одних—командная власть капитала, являющаяся концентрированным выражением антагонистического характера их специфических экономических отношений (отрыва рабочей силы от средств производства); в других—командная власть пролетариата, осуществляющая переход к гармоническому характеру их специфических экономических отношений (спайку—синтез—рабочей силы и средств производства). Но если рассматривать старые и новые хозяйственные органы со стороны не их специфических, а их общих экономических отношений, то нетрудно обнаружить их преемственность. Новые хозяйственные органы, созданные революцией (рассматриваемые с этой стороны), являются выражением тех же тенденций, которые пробивали себе дорогу и раньше, но—в противоположность прежнему—выражением последовательным, стремящимся идти до конца.

В одной сфере хозяйственное строительство пролетариата выступает, как революция, как социальное перерождение способа производства, как переход от одной полярной противоположности к другой; в другой сфере, как продолжение эволюции, продолжение организационной работы старого общественного строя, принявшее исключительный неслыханный до того темп¹⁾.

Новая организация народного хозяйства, которую мы выше называли пролетарско-натуральной, во многих отношениях представляла собой прямую противоположность капиталистической организации народного хозяйства. Не только в сфере специфических экономических отношений, где в результате смены капиталистического хозяйственного управления пролетарским происходил переход от антагонистических отношений к гармоническим. Но и в сфере общих экономических отношений, где происходил переход от капиталистической раздробленности к пролетарской централизации и от капиталистического товарного хозяйства к пролетарскому натуральному, т.е. от производства на рынок к производству для

¹⁾ Описание пролетарско-натурального строя было дано мною в свое время (см. мою статью в книге: Ю. Ларин и Л. Крицман «Очерк хозяйственной жизни и организации народного хозяйства Советской России», Москва, 1920), поэтому здесь мы его опускаем.

непосредственного удовлетворения общественных потребностей. Правда, в то время, как переход от антагонистических отношений к гармоническим означал изменение направления развития, означал перелом в самих тенденциях развития, в противоположность к нему переход от раздробленности к централизации и от товарного хозяйства к натуральному означал не изменение, а сохранение прежнего направления развития, более того, ускорение развития в прежнем направлении, следовательно, усиление этого направления. Но именно поэтому и здесь новое пролетарское хозяйство стало противоположностью прежнего капиталистического.

Произошел резкий сдвиг в количественных соотношениях, в результате которого новая организация хозяйства оказалась качественно отличной от прежней. Если раньше, несмотря на все успехи централизационных процессов, в общей массе народного хозяйства преобладала (количественно, хотя уже не по значению) его нецентрализованная часть, то теперь количественное преобладание перешло к централизованной части. Если раньше решительно преобладали товарные отношения, то теперь преобладание перешло к отношениям натуральным. Словом, перелом произошел не в тенденциях развития, а в характере господствующих (общих экономических) отношений. И эти господствующие, характерные для новой пролетарской организации народного хозяйства отношения, отличавшие ее от предшествовавшей ей капиталистической, были безусловно отношениями социалистическими. Ибо и социализм будет централизованной и натуральной организацией хозяйства.

Но тем не менее это новое пролетарско-натуральное народное хозяйство не было хозяйством социалистическим. Социалистическое хозяйство, это—правда, хозяйство и централизованное и натуральное¹⁾, но для того, чтобы централизованное натуральное хозяйство стало хозяйством социалистическим, оно должно еще стать и хозяйством плановым. Это значит, что действия всех отдельных хозяйственных ячеек перестают при социализме определяться самими хозяйственными ячейками, что общественное разделение труда сменяется по всей линии техническим, что общественное хозяйство в целом становится сознательным, ведется по определенному расписанию, по установленному наперед плану.

¹⁾ И, разумеется, бесклассовое. Но здесь у нас речь идет об общих экономических отношениях.

Но этого-то как раз и не было в очерченном нами выше пролетарско-натуральном хозяйстве эпохи гражданской войны. Не то, чтобы в нем действовал несовершенный и незаконченный план, не было самого плана, т.е. расписания того, кто (т.е. какой орган), что и в каком размере должен производить. Не существовало и органа для выработки и осуществления народно-хозяйственного плана; не существовало потому, что не было и соответствующей функции. Разумеется, у каждого советского хозяйственного органа был свой хозяйственный план; но свой хозяйственный план имеет и каждое капиталистическое предприятие, и даже каждое ремесленное. Наличие множества независимых друг от друга хозяйственных планов как раз и означало отсутствие единого народно-хозяйственного плана, т.е. отсутствие планомерности. В соответствии с централизованным характером пролетарско-натурального хозяйства, хозяйственные планы его хозяйственных органов отличались очень большим охватом. Но это было количественное отличие от планов капиталистических предприятий, которое могло бы стать качественным лишь с того момента, как множество хозяйственных планов отдельных хозяйственных органов сменилось бы единым народно-хозяйственным планом. Но именно потому, что этого не было, указанное отличие оставалось не качественным, а только количественным отличием нашей пролетарско-натуральной организации хозяйства от капиталистической и качественным ее отличием от социалистической организации народного хозяйства.

Описанная нами выше новая пролетарско-натуральная организация хозяйства характеризуется, следовательно, как раз тем — и это не менее характерная для нее черта, чем остальные, отмеченные нами выше — что на ряду с отличавшими ее от капиталистической организации хозяйства социалистическими чертами, ее централизованным и натуральным характером, она обладала и общей ей и капитализму чертой, резко отличавшей ее от социалистической организации хозяйства — отсутствием планомерности.

Если брать всю экономику в целом (и специфические, и общие экономические отношения), то мы приходим к выводу, что в нашем пролетарско-натуральном хозяйстве эксплуатация и рынок были преодолены без того, чтобы была преодолена анархия хозяйственной жизни.

Были сделаны первые шаги действительного перехода к социализму, но не был сделан последний, решающий. Переход к социализму остался незаконченным, предвосхищение будущего неполным

и потому извращенным. Новое пролетарско-натуральное хозяйство было хозяйством натурально-анархическим.

Такое утверждение может показаться парадоксальным, но это, однако, не мешает ему быть верным. Товарное хозяйство, это, как известно, хозяйство анархическое. Но было бы неправильным делать отсюда вывод, что хозяйство не товарное, т.е. натуральное, обязательно должно быть хозяйством не анархическим, т.е. планомерным. Натуральное хозяйство может быть хозяйством планомерным, но может быть и хозяйством анархическим, хотя анархия натурального хозяйства неизбежно будет протекать в иных формах, чем анархия товарного хозяйства. Для того, чтобы хозяйство было анархическим, необходима и достаточна множественность (самостоятельных) хозяйствующих субъектов.

Анархия товарного хозяйства есть анархия распределения¹⁾. Эта анархия является условием возможности капиталистических кризисов, глубокие корни которых лежат, как известно, в антагонистическом характере капиталистического способа производства. Будучи производством прибыли, капитализм несет в себе тенденцию к неограниченному расширению производства. И в то же время отсюда же вытекает и ограниченность потребления (ограниченность платежеспособного спроса)—пролетарское состояние масс и натывающийся на пределы, создаваемые капиталистическим накоплением, рост личного потребления класса капиталистов. Формы для проявления этого противоречия между ростом производительных сил и ограниченностью платежеспособного спроса капиталистического общества (хотя и не самое противоречие) создает анархия распределения.

Из самого характера товарного (а в том числе и товарно-капиталистического) хозяйства неизбежно следует, во-первых, что каждое отдельное предприятие является самостоятельным и, поскольку оно располагает средствами, может свободно приобретать все, что имеется на рынке; во-вторых, что оно является организованным хозяйственным целым и потому эти приобретения делает целесообразно. Поэтому товарное хозяйство характеризуется тем, что снабжение в нем организовано.

¹⁾ Распределение является прежде всего распределением условий производства и потому лишь моментом самого производства. Здесь термин «распределение» взят в его противоположности не к производству, а к снабжению.

Но из того же характера развитого товарного хозяйства, являющегося производством на рынок, столь же неизбежно следует, что дальнейшая судьба произведенных предприятием продуктов интересует его только с точки зрения выручаемой за них суммы (их цены), а не с точки зрения рационального удовлетворения общественных потребностей. Следовательно, в товарном хозяйстве распределение (сбыт) неорганизовано. Каждое предприятие (поскольку оно не прекращает производства) непременно купит то, что ему необходимо, хотя бы и по высоким ценам, но продаст оно непременно по наиболее высоким ценам, хотя бы при этом его продукты получили те, кому они—с точки зрения общественного производства в целом—менее нужны, и хотя бы те, кому они более нужны, остались с пустыми руками. Словом, каждое предприятие купит (снабдит себя) тем, что ему необходимо, а продаст (сбудет) подороже.

Итак, в развитом товарном обществе (а значит, и в капиталистическом) снабжение организовано, а распределение неорганизовано. Характеризующая товарное общество анархия есть анархия распределения.

Напротив, анархия описанного нами выше пролетарско-натурального общества была анархией снабжения. В противоположность капиталистическим (и мелкобуржуазным) предприятиям (государственные) хозяйственные органы пролетарско-натурального общества не ставили вопроса о цене (да тут нормально никакого вопроса и быть не могло, так как сначала, как правило, за продукты получали по *твердым* ценам, а позже всякая оплата была вообще прекращена); но при отпуске продукта обязательно выясняли, для какой цели нужен продукт потребителю, действительно ли он нужен в испрашиваемом количестве, и разрешали вопрос об отпуске в зависимости от оценки важности указанной потребителем цели и от состояния ресурсов данного продукта (его запасов и ожидаемого поступления), стремясь не выходить за их пределы. Как мы видим, рассматриваемое нами пролетарско-натуральное хозяйство характеризуется тем, что распределение в нем организовано.

Но именно отсюда при множественности самостоятельных (государственных) хозяйственных органов, распределяющих свои продукты, неизбежно вытекает, что каждый хозяйственный орган вынужден получать необходимые ему предметы снабжения от разных органов в том количестве, в каком последние ему эти предметы предоставят; при этом распределяющие органы руководствуются

каждый своими соображениями; поэтому получающий орган никогда не сможет получить все, ему необходимое, в соразмерном количестве. Следовательно, в рассматриваемом нами пролетарско-натуральном хозяйстве снабжение неорганизовано. Каждый хозяйственный орган распределит продукты своего производства (или заготовки) сообразно общественной потребности в ней (насколько он ее сумеет установить), но получит необходимые ему продукты не в тех количествах, какие ему необходимы.

Итак, в рассматриваемом нами пролетарско-натуральном обществе распределение организовано, а снабжение неорганизовано. Характеризующая его анархия есть анархия снабжения.

Мы видим, что анархия натурального общества действительно протекает в данном случае в иных формах, чем анархия товарного общества. Больше того, является по своему характеру диаметральной (полной) противоположностью анархии товарного общества.

Но и анархия пролетарско-натурального общества является анархией и ведет к кризисам не в меньшей мере, чем анархия товарного (капиталистического) общества. Поэтому для важнейших явлений анархии товарного капиталистического общества можно указать соответствующие им явления анархии пролетарско-натурального общества, противоположные по форме их проявления, но аналогичные по существу дела.

При товарном хозяйстве связь отдельных частей его устанавливается через рынок. Основой этой связи служит эквивалентность товарной сделки (купли-продажи). Производитель товара выносит его на рынок. Сбудет ли он свой товар, неизвестно, и в этом обстоятельстве, прежде всего, проявляется анархия товарного (и товарно-капиталистического) общества. Сколько он выручит за свой товар, если сбудет его, это также наперед неизвестно, и в этом также проявляется анархия товарного общества. Лишь постольку он получил за свой товар известную сумму денег, постольку в его руках возможность получить — в пределах этой суммы — необходимые ему товары.

Переход к натуральным хозяйственным отношениям означает разрыв товарной связи. Производитель продукта передает его в распоряжение распределяющего государственного органа, сбывает его, но это обстоятельство не означает для него само по себе возможности получить необходимые ему продукты. Эта возможность создается лишь тем обстоятельством, что и другие производители также сдают свои продукты распределяющим органам и, в порядке производимого

последними распределения, наш производитель может получить необходимые ему продукты. Получит ли он данный продукт и притом в необходимом количестве, это, поскольку производство и снабжение ведется не по наперед установленному расчету (плану), а стихийно, т.е. многими органами, исходящими каждый из наличия и ожидаемых поступлений — одни материалов производства, другие — готового для распределения продукта, — неизвестно. И в этом проявляется анархия такого натурального общества.

Поскольку отсутствует единый хозяйственный центр и устанавливаемый им единый хозяйственный план, поскольку народное хозяйство представляет собой федерацию независимых по существу дела лишь договаривающихся друг с другом ведомств (главков), постольку смена товарообмена продуктообменом не уничтожает анархии — анархический товарообмен сменяется анархическим продуктообменом.

Анархия хозяйственной жизни приводит, как известно, к тому, что необходимые для общества в целом продукты оказываются тем не менее непотребленными, лежащими без движения. В товарно-капиталистическом обществе это явление происходит таким образом, что потребление (платежеспособный спрос), сжимаемое ограничениями, накладываемыми на него природой капиталистического хозяйства, оказывается недостаточным для того, чтобы поглотить все, что произведено: у производителей (у первоначальных владельцев товаров) начинают скопляться излишки продуктов, и одновременно растет потребность в этих продуктах у тех, у кого данного продукта нет или недостаточно.

Но то же по существу дела явление — невозможность использовать (потребить) имеющиеся налицо и необходимые для общества в целом продукты — происходит и в пролетарско-натуральном обществе. Только в последнем оно проявляется в противоположной форме: излишки продуктов начинают скопляться не у производителей, а у потребителей. Образование излишков у производителей невозможно, поскольку данный продукт не является абсолютно излишним; ведь, если такой излишек образуется, он будет распределен по первому же заявлению о потребности в нем. Но при множественности и независимости друг от друга распределительных органов неизбежно, что, например, орган, нуждающийся в лампах, получает от одного хозяйственного органа ламповое стекло полностью (100%), от другого — держателя в размере 60%; от третьего — фитили в размере 50%, от четвертого — горелки в размере 20%, и тогда $\frac{1}{3}$ ламповых стекол, $\frac{2}{3}$ держателей и $\frac{1}{3}$ фитиля окажутся из-

лишними, останутся лежать без движения. А через месяц у другого органа, нуждающегося в лампах, останутся лежать без движения как раз горелки, которых так не хватает первому потребителю ламп. Такая же история неизбежна с топливом, сырьем, разнообразными вспомогательными материалами.

Сказанное относится и к рабочей силе. В товарно-капиталистическом обществе, где рабочая сила — один из товаров, анархия хозяйственной жизни приводит к тому, что рабочая сила лежит без движения у ее первоначальных владельцев, у рабочих, — происходит рост безработицы.

В пролетарско-натуральном обществе рабочая сила лежит без движения у ее потребителей — аналогией безработицы являются весьма характерные для этого строя простои, перебои в работе, прогулы рабочих, в результате перебоев в снабжении предприятия или рабочих. И здесь перед нами то же явление, но выраженное в противоположной форме.

Все эти (и многие другие) явления расстройства хозяйственной жизни, накопляясь, суммируются как в товарно-капиталистическом, так и в пролетарско-натуральном обществе, в форме общих кризисов производства (и обмена). Сокращение производства, сокращение транспорта, сжатие обмена, сжатие потребления, — словом, содержание кризисов вполне однородно здесь и там. Но формы проявления их прямо противоположны.

В товарно-капиталистическом обществе, характеризующемся анархией распределения (следовательно, сбыта), кризис выступает как кризис сбыта, как невозможность реализовать товары, имеющиеся у производителя. Наоборот, в пролетарско-натуральном обществе, характеризующемся анархией снабжения, кризис выступает, как кризис снабжения, как невозможность получить продукты, необходимые для потребления.

Иными словами, в товарно-капиталистическом обществе кризис производства выступает в виде кризиса перепроизводства, в пролетарско-натуральном в виде — противоположного по форме — кризиса недопроизводства.

Расстройство хозяйственной жизни, выявление хозяйственной анархии, принимает в товарно-капиталистическом хозяйстве форму всеобщего избытка, в пролетарско-натуральном хозяйстве — форму всеобщего недостатка. В том и другом случае это не означает естественной невозможности потребить избыточные или произвести недостающие продукты. Невозможность эта не естественная, а общественная; она коренится не в природе вещей, а в природе данного

общества. Избыток в одном случае, недостаток в другом являются лишь видимой, лежащей на поверхности явлений, причиной кризиса.

В товарно-капиталистическом обществе при наличии избытка продуктов существует неудовлетворенная потребность в этих продуктах, т.е. недостаток их, но эта потребность не может быть удовлетворена потому, что она не может выступить в форме платежеспособного спроса; а она не может выступить в форме платежеспособного спроса потому, что для этого ей не хватает платежных средств, полученных вследствие невозможности реализовать (сбыть) известные продукты производства, т.е. вследствие образования избытка.

В пролетарско-натуральном обществе при недостатке продуктов, т.е. при наличии неудовлетворенного спроса (неудовлетворенных заявок) на них, существуют неиспользованные (те же) продукты, т.е. избыток их; не используются же эти продукты потому, что соответственные производства не могут быть пущены в необходимом размере; а они не могут быть пущены в необходимом размере потому, что не располагают необходимыми для производства материалами, полученными при распределении последних, т.е. вследствие образования недостатка.

Таким образом в товарно-капиталистическом обществе избыток продуктов ведет к образованию недостатка в них, в пролетарско-натуральном обществе недостаток продуктов — к образованию избытка их. В одном случае избыток продуктов, в другом недостаток продуктов выступают как причины расстройства хозяйственной жизни.

В связи с этими особенностями анархии пролетарско-натурального хозяйства затруднения в снабжении являются его постоянной особенностью не в меньшей степени, чем затруднения сбыта в товарно-капиталистическом обществе. — если в последнем периоды зстоя и кризиса сменяются периодами высокой конъюнктуры, то в первом затруднения в снабжении возникают непрерывно то тут, то там, обостряясь временами до размеров общих кризисов.

Такие кризисы несколько раз потрясали хозяйство Советской России за короткий трехлетний период гражданской войны, в последний раз уже по завершении гражданской войны, в мирной обстановке, в конце 1920 — в начале 1921 года; этот кризис послужил прелюдией к перелому революции — к обратному переходу к товарному хозяйству.

Полную аналогию по существу и полную противоположность по форме представляют и регуляторы хозяйственной жизни, позволяющие ей, хотя и с остановками и отступлениями, но все же продвигаться вперед вопреки анархии.

В товарно-капиталистическом обществе таким регулятором является рынок, его орудием — рыночные цены. Перепроизводство ведет к снижению цен, снижение цен к сокращению производства и уничтожению перепроизводства; наоборот, там, где палицо недостатков товаров, там цены повышаются, производству расширяется, недостаток товаров устраняется. В действительности результат достигается только в итоге непрерывных колебаний в противоположные стороны, но, вообще говоря, в общем и целом (хотя и ценой больших потерь), достигается.

В пролетарско-натуральном обществе аналогичным регулятором явилась (получившая в 1920 году большую популярность) так называемая «ударность». Недосток в известных продуктах вел к объявлению их производства «ударным». При распределении потребности производства, объявленного «ударным», удовлетворялись в первую очередь. В результате эти производства расширялись. Наоборот, остальные производства, потребности которых удовлетворялись лишь по удовлетворении «ударных», сжимались.

И здесь мы, следовательно, видим при полной аналогии по существу дела полную противоположность в форме проявления: в товарно-капиталистическом обществе хозяйственная жизнь регулировалась стихийно устаивающимися на рынке за спиной у производителей рыночными ценами, в пролетарско-натуральном, — сознательными действиями (декретами) центральных органов народного хозяйства.

И тем не менее, и тут и там перед нами несомненно господство анархии хозяйственной жизни, ибо объявление известной отрасли хозяйства «ударной» было не результатом социалистического планового предвидения, а результатом непредвидимости ударов анархии хозяйственной жизни, результатом столь же автоматическим, как и повышение цен на рынке в товарно-капиталистическом обществе.

Итак «ударное» хозяйство 1920 г. было наиболее закованной формой пролетарского натурально-анархического хозяйства¹⁾.

¹⁾ В декабре 1920 г. я писал по этому поводу: «К чему сводится наше «ударное» хозяйничанье? Какая-нибудь отрасль труда объявляется ударной «Все на имя рек». Дело идет на лад. Но тут же, как только или еще до того, как с большими усилиями удастся вытащить «ударный» нос, обнаруживается, что увяз «неударный» хвост. Хвост немедленно объявляется ударным, и история начинается сначала. Не напоминают ли вам, читатель, эти ударные истории чего-то очень знакомого. Ну, конечно. Повышается цена какого-нибудь продукта (признак, что его мало). Это рынок объявил его ударным. Его производство расширяется в ущерб другим. Тогда (если даже не наступит

Пролетарско-натуральное хозяйство, описанное нами выше, обладало, таким образом, рядом важнейших признаков социалистического хозяйства, но оно еще не было хозяйством социалистическим. Рассматривая его со стороны его общих экономических отношений, мы приходим к выводу, что, резко отличаясь во многих существенных пунктах от товарно-капиталистического хозяйства, оно все же в самом основном еще оставалось сходным с ним по существу дела, — оставалось хозяйством анархическим; будучи во многих существенных пунктах сходным с хозяйством социалистическим, оно все же (мы говорим об общих экономических отношениях) в самом основном еще оставалось резко отличным от него.

Централизованный и натуральный характер социалистического хозяйства являются признаками высшей формы хозяйства потому, что они служат средствами преодоления анархии хозяйственной жизни и связанных с ней громадных растрат производительных сил общества. Поскольку же они еще не служат средствами преодоления анархии хозяйственной жизни — а так обстояло дело в описанном нами выше пролетарско-натуральном хозяйстве — они сами по себе еще не создают высшей формы хозяйства.

Пролетарско-натуральное хозяйство было хозяйством натурально-анархическим и поэтому, хотя и переходным хозяйством к социализму, но хозяйством извращенно-переходным. При этом его переходный к социализму характер было легче обнаружить, чем его извращенный. Производство для непосредственного удовлетворения общественных потребностей, натуральные отношения, централизованность хозяйственной организации — все эти характеризующие существо данного хозяйственного строя черты его являются такого рода чертами, которые видны в любой момент непосредственно. И все эти черты общи и описанному нами выше пролетарско-натуральному хозяйству и социализму.

Напротив того, является ли данная система хозяйства планомерной или анархической, этого непосредственно в любой момент

абсолютное перепроизводство «ударного» товара) цена других продуктов (теперь рынок их объявляет ударными) начинает расти, и капитал переливает в другое место. История начинается сначала.

Мы видим, что «ударное» хозяйство есть обыкновенное анархическое, т.е. неплановое и поэтому хотя и пролетарское, но отнюдь не коммунистическое, хозяйство.

См. Л. Крицман «О едином хозяйственном плане». Москва. Госиздат. 1921, стр. 6.

видеть нельзя — об анархии можно судить лишь по ее время от времени выступающим на поверхность проявлениям — кризисам.

• Анархия пролетарско-натурального хозяйства делала его хозяйством не социалистическим. Но нужно, однако, страдать безнадежной куриной слепотой¹⁾, чтобы не видеть того, что пролетарско-натуральное хозяйство было продуктом мощного и величественного стихийного устремления гигантских социальных сил именно по направлению к социализму. Нужно быть коммещанином, комфилистером, чтобы не чувствовать в героической работе создания пролетарско-натурального хозяйства лихорадочного пульса истории, горящей энтузиазмом творчества, чтобы с холодной усмешечкой замечать одни лишь изъяны еще бесформенного, неотесанного, но гигантского сооружения, пронизанного той еще не осуществленной, но уже волнующей цельностью, которой отмечено все великое.

Мелкому мещанину (а коммещанин не составляет здесь исключения) дано видеть только мелочи, он не может возвыситься ни до действительной критики крупного, ни до того, чтобы почувствовать его величие. Он в состоянии видеть совершившееся, но он слеп для совершающегося.

Не в каких-либо внешних обстоятельствах, в природе самой пролетарской революции лежало это устремление к социализму. Но продукт работы определяется не только самой работой, но и ее материалом, и ее условиями. Здесь, в сопротивлении материала и условий, постепенно исчерпавшем творческие силы пролетарской революции²⁾ после того, как благодаря сочетанию своеобразных исторических условий они внезапно, как бы в виде взрыва, вырвались на волю, здесь лежит корень извращенного характера созданного пролетарской революцией пролетарско-натурального хозяйственного строя.

То, что созданный пролетарской революцией пролетарско-натуральный хозяйственный строй был строем переходным к социализму, было результатом социальной природы создавших его сил, которые были силами пролетарской и, следовательно, социалистической революции. Но то, что строй этот был строем лишь извращенно-переходным, было следствием незакон-

¹⁾ Болезнь весьма распространенная и в наших рядах, ибо мы живем в стране, где численно подавляюще преобладает мелкая буржуазия.

²⁾ Далеко вышедшие как раз в этой области за пределы исторически подготовленного.

ченности работы создавших его сил ¹⁾. Творческие силы пролетарской революции в этой области (в деле перестройки общих экономических отношений) исчерпали себя полностью раньше, чем их работа была доведена до конца. Созданный ими хозяйственный строй оказался централизованным и натуральным, но не планомерным.

А незаконченность работы пролетарской революции явилась сама результатом особенностей того материала и тех условий, над которым и в которых работала пролетарская революция, т.е. результатом того сопротивления, которое приходилось преодолевать творческим силам пролетарской революции.

Но и незаконченная эта работа представляет собой одно из величайших достижений человечества. В области общих экономических отношений пролетарская революция не разрешила стоящей перед ней задачи, но она ее — впервые в истории человечества — поставила и поставила ее так, как ставит свои задачи революция, т.е. как задачу практическую. Несмотря на величайшее напряжение своих сил, она исчерпала их, не разрешив стоящей перед ней задачи. Но исчерпанными оказались ее силы в данный исторический момент, но не силы пролетарской революции вообще. «Человечество, говорит Маркс, ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может решить». Поэтому уже то, что эта задача была поставлена, служит залогом ее разрешения в будущем.

Наше описанное нами выше пролетарско-натуральное хозяйство явилось грандиозной по своему размеру и покуда единственной в истории человечества попыткой перехода к социалистическому хозяйству. Притом эта попытка не была оборвана внешними силами, а исчерпала при данных условиях свои наличные внутренние возможности до конца: революция не была разгромлена, она отступила. Это была первая серьезная разведка человечества в туманной стране его будущего.

Организационные формы, формы строительства — такие же орудия работы, как и материальные орудия труда. Они никогда не появляются на свет совершенными. Но их появление, хотя бы и в самом несовершенном виде, — великое достижение и великий праздник:

¹⁾ Это противоречие между социалистической общественной природой движущих сил пролетарской революции и результатом их работы (в сфере общих экономических отношений) с неизбежностью порождало по мере выявления характера созданного революцией пролетарского натурально-анархического хозяйственного строя, тенденцию к завершенню социалистического характера создаваемого хозяйственного строя. Эту тенденцию мы рассмотрим ниже.

человечества, завоевание, за которое, как бы дорого оно ни обошлось, стоит заплатить, ибо без него нет дороги к будущему.

Не раз и не два пробует обычно история новые организационные формы, переделывает, обламывает, обтачивает их, пока они не станут пригодными для своего назначения.

Форма политической организации нового пролетарского общества, новое пролетарское государство, возникла в 1871 году, больше полувека тому назад, в виде Парижской Коммуны. Плод беззаветного героизма бесстрашных пионеров будущего, пролетариев Парижа, она появилась в самом несовершенном виде и была брошена обратно в гортни истории. В 1905 году она мелькнула вновь в Питере (теперь Ленинграде), чтобы вновь исчезнуть. И только в 1917 году она появилась в достаточно совершенном, достаточно отделанном виде, в виде советского государства, ставшего окончательной формой политической организации нового общества, которая будет существовать, пока не будут искоренены остатки старого.

Таким же прочным достижением пролетарской революции, как и советское государство, является и пролетарская организация хозяйственного управления, созданная в результате многолетней работы революции, как итог бесконечных переделок и поправок.

Напротив того, пролетарская организация хозяйства в том виде, какой она приняла в эпоху гражданской войны, является лишь первым грубым наброском, орудием, еще непригодным и потому требующим переделки. Но оно появилось. То, что до сих пор существовало только в царстве возможного, появилось в царстве действительного. Скрытая тенденция материализовалась. Брешь в царство будущего пробита. Пусть тенденции развития осуществились в первый раз в извращенном виде. Но они осуществились!

Несуществующее стало существующим. Остается несовершенное сделать совершенным. Как ни велика эта задача истории — но она меньше разрешенной.

Расслоение экономики на легальную и нелегальную.

Выход за пределы крупного хозяйства. Нелегальная экономика и ее соотношение с легальной. Мещеничество и «Сухаревка». Эмиссия, как пуповина, связывавшая обе сферы экономики. Основное противоречие экономики эпохи гражданской войны.

Однако то обстоятельство, что внутренние тенденции пролетарской революции, т.-е. переход к новому обществу, осуществились в сфере общих экономических отношений в извращенном виде, отнюдь не являются случайностью.

Не случайно то, что наша революция создала пролетарское государство и пролетарское хозяйственное управление пригодными для своего назначения, а пролетарскую организацию хозяйства — в извращенном виде.

Разумеется, различие это — не абсолютно. Извращения — и достаточно серьезные — имеются и в пролетарском государстве и в пролетарском хозяйственном управлении. Но пролетарское государство и пролетарское хозяйственное управление революция сохранила, а пролетарско-натуральную организацию хозяйства — разрушила.

Следовательно, первые в общем и целом соответствовали своему назначению, последние — нет.

Чтобы понять причины этого, нам необходимо обратиться к специфическим историческим условиям возникновения нашего пролетарско-натурального хозяйственного строя. Он возник, как мы видели, в результате деформации (видоизменения) революционного процесса, обусловленного воздействием на последний внешних сил. В результате углубления и сгущения пролетарской революции, в результате насильственного подавления всех капиталистических и рыночных отношений, сделавшего возможным свободное выявление внутренних тенденций пролетарской революции. Но несмотря на то, что все капиталистические и рыночные отношения были насильственно подавлены и тем самым внутренние тенденции пролетарской революции получили возможность своего свободного выявления, эти тенденции не могли, как мы видели, осуществиться до конца, не привели к созданию хотя бы и несовершенного, хотя бы вчерне законченного социалистического хозяйственного строя. Причины этого лежали, однако, как было уже отмечено выше, не в самих тенденциях, а в условиях их осуществления.

Пролетарская революция под давлением революционной необходимости в двух направлениях перешла за пределы экономической целесообразности.

В пространстве она вышла за пределы той хозяйственной территории, которая была подготовлена предшествующим капиталистическим развитием, вышла за пределы крупного капиталистического производства, захватив и мелко-капиталистические и мелко-буржуазные предприятия: в результате — неподготовленным для революционного хозяйственного строительства оказался в значительной его части материал для этого строительства — мелко-капиталистические и мелко-буржуазные предприятия.

Во времени она вышла за пределы своих непосредственных еще не разрешенных ею задач, преждевременно взявшись за задачу бу-

дущего, за перестройку общих экономических отношений, несмотря на то, что еще не была хотя бы в основном закончена перестройка специфических экономических, и даже продолжалась борьба (гражданская война) за утверждение новых политических отношений (и взялась, как мы видели, именно потому, что на противодействие натолкнулась перестройка последних). В результате — неподготовленной для этой работы оказалась сама революция.

Разумеется, только этот выход за пределы непосредственной экономической целесообразности позволил революции победить, но в то же время в нем именно и лежат корни извращенности созданного революцией пролетарско-натурального строя.

Выход за пределы крупного производства (и крупного хозяйства вообще) делал задачи хозяйственного строительства необъятными. Одна из первых стадий овладения крупным хозяйством, создание частичных хозяйственных объединений (кустов, трестов) была в основном закончена лишь в половине 1919 г. (начата в конце 1918 г.), но уже в 1919 г. и особенно в 1920 г. чем дальше, тем шире. стал развертываться процесс овладения и мелким (мелко-капиталистическим и мелко-буржуазным) хозяйством. 29/XI 1920 г. президиум ВСНХ объявляет национализированными все промышленные предприятия с чистом рабочих свыше 5 при наличии механического и свыше 10 при отсутствии механического двигателя. оформляя этим произведенный до того на местах захват этих предприятий. Тем самым в рамки пролетарско-натуральной организации вовлекались непосредственно все мелко-капиталистические предприятия. Но действительно освоить эту массу мелких предприятий, организационно овладеть ею, оказалось невозможным. 28 августа 1920 г. перепись зарегистрировала 37.226 принадлежащих государству промышленных предприятий с почти 2 миллионами рабочих, и несмотря на это на 1 ноября того же 1920 г., т.-е. через два месяца после переписи, на учете ВСНХ состояло лишь 6.908 предприятий всех групп (т.-е. включая и предприятия местного значения) с почти 1.300 тыс. рабочих, при чем из этих 6908 предприятий было по данным ВСНХ на 1-е ноября 1920 г. национализировано лишь 4.547¹⁾. Таким образом свыше 30.000 мелких

¹⁾ Впрочем, и само ЦСУ на основании, как сказано в его примечании, частичных результатов сопоставления данных переписей 1918 и 1920 г.г., давая таблицы, которые, по его словам, «дают представление о численном составе государственных заведений... на 31 августа 1918 г. и к концу 1920 г.» обнаружало к концу 1920 г. лишь 3.833 государственных предприятий, т.-е. еще меньше, чем учел ВСНХ. См. «Стат. Ежегод. 1918—1920 г.г.» Вып. II, стр. 352.

(в среднем по 20 — 25 чел. рабочих на предприятие), принадлежавших государству, промышленных предприятий не состояло даже на учете ВСНХ ¹⁾

Не менее показательно и следующее сопоставление. На 1-е ноября 1920 г. на учете ВСНХ состояло, как сказано выше, 4.547 национализированных предприятий, а через год с небольшим (в начале 1923 г.) было намечено к сдаче в аренду 7.113 национализированных предприятий, т.-е. в полтора раза большее число; это были мелкие предприятия (к 1 сентября 1922 г. было сдано из них 3.874 предприятия с почти 70.000 рабочих, т.-е. в среднем всего лишь по 18 чел. на предприятие) ²⁾, но именно поэтому включение их в общую организацию хозяйства в дополнение к 4½ тыс. крупных предприятий, увеличивало общее число рабочих (а судя по нему, и продукцию) на каких-нибудь 6%, а число предприятий и, следовательно, трудности организации больше, чем в 2½ раза.

Но действительное расширение объема, а значит, и трудностей организации, было много значительнее, чем можно судить по приведенным выше данным о промышленности. При непрерывном росте числа продуктов, объявленных государством монопольными ³⁾, т.-е.

¹⁾ Из 37.226 государственных предприятий приходилось:

на предприятия с одним рабочим	13,9%	всего числа предприятий с	0,3%	раб.
„ „ 2—15 „	53,7%	„ „ „	5,6%	„
„ „ 16 и более „	32,4%	„ „ „	94,1%	„

(См. П а у м о в: «Организация промышленности» в сборнике «Народное хозяйство России» за 1921 — 1922 г., стр. 325.)

Таким образом переход к государству предприятий с 1—15 рабочими увеличивал число государственных предприятий больше, чем в три раза их продукцию (судя по числу рабочих) едва на 6%.

А в 7.000 тысячах учтенных ВСНХ предприятий, т.-е. менее чем в 1/3 от 37 тысяч, насчитывалось 2/3 числа занятых в этих 37 тысячах предприятий рабочих, т.-е. вовлечение (судя по числу рабочих) одной трети промышленности увеличивало число государственных предприятий в пять с лишним раз, а трудности организации тем более.

Не менее характерно и то обстоятельство, что из 37 тысяч принадлежащих государству предприятий, свыше 18 тысяч, т.-е. почти половина, не располагали механическими двигателями.

(См. «Сборник стат. сведений по СССР», Москва, 1924, стр. 154 — 155.)

²⁾ См. статью В. М и л ю т и н а «Аренда предприятий» в сборнике «На новых путях». Москва, 1923, Вып. III, стр. 70.

³⁾ 26 ноября 1918 г. было опубликовано постановление Президиума ВСНХ и Наркомпрода, гласившее: «объявляется торговая монополия государства на нижеследующие предметы и продукты: галоши, подошвенная и резиновая пластины, изделия фабрик желтых табачков, махорочных, сигар-

при все прогрессирувавшем уничтожении торговли и замене ее распределением, и все остальные мелкокапиталистические и мелкобуржуазные предприятия фактически вовлекались в государственную организацию хозяйства, сдавая органам государства продукты своего производства и получая в порядке государственного снабжения необходимые им продукты. Это означало, что пролетарско-натуральная организация хозяйства ставила себе задачу охватить и сотни тысяч ремесленных и так называемых кустарных предприятий и миллионы крестьянских хозяйств.

А непосредственно это означало переход в руки государства (его органов) многих сотен тысяч торговых предприятий (складов, мага-

ных и гильзовых; сахарин, изделия крахмало-паточных заводов; изделия кондитерских фабрик; чай, кофе, какао и фабричные их суррогаты; соль; спички; изделия ткацких фабрик; швейные нитки; обувь фабричного производства; керосин; смазочные масла нефтяного производства; фабричного производства гвозди, подковы и подковные шины; всякого рода железо; свечи фабричного производства; сельскохозяйственные орудия и машины; мыло фабричного производства; изделия сахарных и сахарно-рафинадных заводов; писчая, нотная, оберточная и папиросная бумага; охотничий порох и иные привозные из-за границы для личного потребления населения продукты».

До того была объявлена торговая монополия на золото и платину, хлопок, кожи, масличные семена, рис, кофе, перец и пряности. Подтверждена 13 мая 1918 года торговая монополия на хлеб, установленная еще временным правительством 25 марта 1917 г.

(См. «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству», Москва 1918, стр. 110, 126, 244. То же, выпуск второй, Москва 1920, стр. 664. «Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу», книга первая, стр. 275, 316, 204, 83).

Твердые цены были установлены на: аптекарские товары, бочки, бумагу, визальную бумагу, вату и угары, горох, греж, гречиху, каменный уголь, картофель, кожевенные товары, кожи выделанные и невыделанные, крупу, крупный рогатый скот, овец, говядину, баранину, сало всякого рода, кукурузу, лен, льняную пряжу, нитки, мануфактуру всякого рода, масло коровье, масло растительное, масличные семена, с.-х. машины и орудия, металлы, махорку, меха, мешки, мочала, мыло, обувь и полуфабрикаты, нефть и нефтяные остатки, нитки, пеньку, пряжу, ремни, изделия резиновой промышленности, сахар, солому, солонину, колбасу, соленые продукты, сено; спирт; сукно, спички, сыры, табачные изделия, крестьянскую упряжь, фасоль, хлопок, хлеб, цемент, чай, чеснок, чугун, шерсть, яйца и др., большую часть уже в 1918 г.

(См. «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству», вып. I, II, III, охватывающие период по 1 сентября 1919 г.).

Практически легальная торговля какими бы то ни было товарами была невозможна.

зинов, лавок и пр.). Одновременно шел и переход в руки государства (его органов) многих сотен тысяч домов (жилых построек) (даже на 15 марта 1923 года национализированных и муниципализированных построек насчитывалось еще почти 430 тысяч¹⁾).

Словом, в результате такого вовлечения в рамки пролетарско-натурального хозяйства мелких (мелкокапиталистических и мелкобуржуазных) предприятий,—количество охватываемых им предприятий стало исчисляться не тысячами, а сотнями тысяч и миллионами.

Свое юридическое оформление этот процесс вовлечения мелкого хозяйства в рамки общего пролетарско-натурального хозяйства получил уже к концу эпохи гражданской войны. В ноябре 1920 г. (29 ноября) президиум ВСНХ декретировал генеральную (всеобщую) национализацию всей мелкой промышленности, а в декабре 1920 г. VIII съезд советов постановил «объявить государственной повинностью обсеменение площади земли, устанавливаемой государственным планом посева... предоставить губпосевкомам, под руководством и контролем Наркомзема, издавать обязательные правила, касающиеся основных приемов механической обработки полей и улучшения лугов, производства посевов и способов сохранения естественного плодородия почвы... вменить в обязанность волнисполкомам и сельсоветам, с участием крестьянских комитетов по улучшению сельского хозяйства, устанавливать в селениях правильное использование живого и мертвого инвентаря путем трудовой взаимопомощи крестьян²⁾). Если иметь при этом в виду, что на важнейшие продукты сельского хозяйства существовала государственная монополия, и крестьяне обязаны были сдавать их (за вычетом того, что оставалось для собственного потребления) органам государства, и что сама земля была собственностью государства, то этот декрет, несомненно, означал —

¹⁾ См. «Народное хозяйство СССР в цифрах». Изд. ЦСУ, Москва, 1921, стр. 255.

²⁾ П. п. 6, 12 и 16 декрета. См. Н. О с и н с к и й: «Восстановление крестьянского хозяйства в России и наши задачи», приложение II (текст декрета), стр. 62 — 65. Курсив в цитате мой. В вводной части декрета говорится: «рабоче-крестьянская власть... объявляет правильное ведение земледельческого хозяйства великой *государственной обязанностью* крестьянского населения... рабоче-крестьянская власть... требует от всех земледельцев полного засева полей по заданию государства и правильной их обработки»... (курсив мой).

юридически — вовлечение 18 миллионов крестьянских хозяйств в рамки общей пролетарско-натуральной организации хозяйства.

Этот гигантский, этот непомерный объем пролетарско-натурального хозяйства, явившийся результатом классовой исключительности, результатом стремления к полному искоренению капиталистических и товарных отношений, означал выход далеко за пределы того, что было подготовлено для антикапиталистической революции предшествующим капиталистическим развитием. Вовлечение в рамки пролетарско-натурального хозяйства бесчисленных (сотен тысяч и миллионов) мелких предприятий означало распространение работы пролетарской революции на неподготовленный, на неподдающийся обработке материал, означало работу при колоссальном, при непреодолимом сопротивлении этого материала ¹⁾.

¹⁾ Это сопротивление лучше всего характеризуется полной безуспешностью всех попыток поставить учет мелкого и, прежде всего, крестьянского хозяйства. Казалось бы, что землю труднее утаить, чем шило в мешке. А между тем крестьяне умудрялись утаивать миллионы десятин посевов. Так, по приводимым С. Струминым (см. его статью «К реформе урожайной статистики» в № 9—10 «Экономического обозрения» за 1924 г.) данным ЦСУ и основанным на этих данных его исчислениям в 1920 г. утаено было *свыше десяти миллионов* десятин посева, семи важнейших зерновых хлебов: учтено 58,2 мил. дес., в действительности посевная площадь составляла по расчету ЦСУ 67,5 милл. дес. При этом С. Струмин считает, что на самом деле утаено было значительно больше (если считать, что половину недоучета сбора надо отнести на недоучет посевных площадей, другую — на недоучет урожая с десятины, то утаенными оказались бы, примерно, *четырнадцать миллионов* десятин из семидесяти двух, т.е. одна п я т а я посевов).

Что касается валового сбора семи главнейших зерновых хлебов, то в 1920 г. утаенной оказалось *не меньше трети всего сбора*, — около девяти-сот миллионов пудов из без малого двух миллиардов семисот миллионов пудов. Если принять во внимание, что во всяком случае не меньше двух третей хлебной продукции должно потребляться в самих производящих крестьянских хозяйствах, то мы приходим к заключению, что крестьянство утаивало при учете *всю ту* продукцию, которую оно могло бы отчудить, целиком и *даже больше*.

Эти выводы получаются из сопоставления данных статистики сбора с данными статистики потребления: а именно, оказывается, что потребление (всяких видов) более, чем в полтора раза превосходит сбор. И есть основания думать (С. Струмин эти основания приводит), что и данные потребления несколько преуменьшены.

«Коэффициенты вранья», — пишет С. Струмин, — как видим, далеко не шуточные». Читая данные о сборе хлебов, пишет он с иронией (речь идет об урожайных годах): «всем непосвященным оставалось... изумляться живучести русского крестьянства, которое до сих пор не вымерло еще при столь

Исключительное господство пролетарско-натурального хозяйства неизбежно должно было приобрести при таких условиях, в известном смысле слова, формальный, абстрактный характер. Сопротивление мелкого хозяйства его вовлечению в пролетарско-натуральную систему хозяйства преодолевалось, но преодолевалось частично. Подавление капиталистических и товарных отношений приводило поэтому частично к их уничтожению, а частично к тому, что с поверхности хозяйственной жизни они переходили в подполье, из легальных становились нелегальными.

Народное хозяйство России эпохи гражданской войны 1918 — 1920 г.г. характеризуется все прогрессирующим расслоением ее экономики на экономику легальную (пролетарско-натуральную) и экономику нелегальную (товарную и товарно-капиталистическую).

Как в гигантской центрофуге, отслаивались в вихре революции эти два слоя: наверху — видимая официальная пролетарско-натуральная экономика, а под ней — скрытая подпольная товарная и товарно-капиталистическая.

По мере того, как складывался пролетарско-натуральный хозяйственный строй, по мере его роста росла соответственно и его неустраняемая тень. По мере уничтожения обычного легального рынка росли одновременно с одной стороны натуральное хозяйство пролетариата, с другой стороны — рынок нелегальный, который зародился еще во время империалистской войны в 1914 — 1917 г.г., как дополнение к обычному рынку, а теперь стал единственным.

В силу нелегальности подпольной экономики и плохого учета легальной экономики, неизбежного в условиях гражданской войны, установить их количественное соотношение весьма трудно. Но нелегальная, подпольная экономика играла, вне сомнения, весьма крупную роль, ибо по мере того, как крупное хозяйство становилось натуральным, его удельный вес во всем народном хозяйстве падал; наоборот, удельный вес мелкого хозяйства, питавшего нелегальный рынок, возрастал.

На одном из основных фронтов, на хлебном, соотношение в 1918 — 19 г. было таково, что из 136,0 милл. пудов доставленного потребителям хлеба 40% (54,4 милл. пуд.) было доставлено госу-

катастрофическом падении нашего сельского хозяйства». Такое сопротивление оказало мелкое крестьянское хозяйство попыткам учета его продукции. а значит и попытке вовлечения его в систему пролетарско-натурального хозяйства.

дарственными распределительными органами (Наркомпродом) и 60% — (82,2 милл. пуд.) — нелегальной вольной торговлей»¹⁾. При чем по этим данным городское население получило через государственные органы лишь немногим больше 43% потребного им хлеба, сельское — около 35% полученного не из собственного хозяйства потребителя.

По данным производившихся Центральным Статистическим Управлением обследований питания городского населения, % продуктов, приобретенных по карточкам и из советских и кооперативных лавок, составлял²⁾:

В рабочих семьях. В нерабочих семьях.

	Хлеба.	Муки.	Картофеля. крупы	ВСЕГО.	Хлеба.	Муки.	Карт.	ВСЕГО.
В марте—апреле 1919 г. (по 112 городам и посел. гор. типа в 29 губ. России)	51	24	4		47	19	3	
В июле 1919 г. (по 25 губ. горбд)	56	22	14	36	53	21	11	33
В декабре 1919 г.					(в семьях служащих)			
(по 31 губ. городу)	67	38	26	47	67	40	29	47
В мае 1920 г. (по 28 губ. городам)	70	53	42	59	71	56	34	59

Из этих данных видно, что вплоть до лета 1920 г. государственное распределение в области основного массового продукта питания, хлеба, не получило решительного перевеса даже в губернских городах. Но как раз в этой области в деле снабжения хлебом государство сосредоточило основную массу усилий.

Если же брать все питание в целом, то картина примет такой вид³⁾:

¹⁾ См. А. Лосицкий: «Потребление хлеба и мяса в 1918—1919 году» в № 1—4 «Вестника статистики» за 1920 г., стр. 70. У А. Лосицкого приведена вместо 54,4 милл. пуд. цифра 64,4, арифметически неправильно полученная из сложения 22,3+18,1+14,0. Эта же ошибочная цифра 64,4 повторена и у Н. Кондратьева. См. «Рынок хлебов», стр. 139.

²⁾ См. «Статистический Ежегодник» 1918—1920 г., выпуск I, Москва, 1921, стр. 8, 16, 24, 32. %/о округлены мною.

³⁾ См. проф. Фалькнер. «Проблемы теории и практики эмиссионного хозяйства», Москва, 1924, стр. 152. Исчисление произведено в калориях. %/о округлены мною.

"/о выдачи продуктов по карточкам в среднем месячном питании.

	В губер- ских горо- дах.	В уездных городах.
В январе 1919 г.	19	27
„ апреле „	31	32
„ июне „	22	20
„ октябре „	21	19
„ январе 1920 г.	20	24
„ апреле „	29	25

Следовательно, если брать питание в целом, являющееся основной статьей бюджета масс, решительный перевес даже в городах был на стороне вольного рынка (от $\frac{2}{3}$ до $\frac{4}{5}$ всего питания).

В деревне дело, естественно, обстояло еще хуже. По данным обследования питания сельского населения с сентября 1919 г. по январь 1920 г. из общего количества продуктов, приобретенных крестьянами в трех губерниях, на долю полученных от органов государства приходилось от 7 до $13\frac{1}{2}\%$, в среднем 11% ¹⁾.

Правда, продукты питания, это была основная область, где нелегальный вольный рынок играл такую роль, так как в других важнейших областях личного потребления (жилище, одежда и др.) и тем более производственного потребления соотношения естественно складывались иначе.

Так, в полном средне-русском бюджете рабочего, включая и квартиру и пр., государственное снабжение в натуре составляло²⁾:

В 1918 г.	41%.
„ 1919 г.	63%.
„ 1920 г.	75%.

т.е. к 1920 г. на долю вольного рынка приходилась лишь одна четверть рабочего бюджета. Но и эта величина не малая, а у остальных слоев городского населения доля вольного рынка была много выше. Но как бы то ни было, очерченная выше роль вольного рынка в такой существенной области, как питание масс, достаточно характеризует значение подпольного слоя экономики в эпоху гражданской войны.

¹⁾ Ibid., стр. 155. Эти губернии — Новгородская (13%), Владимирская (7%) и Симбирская (13%).

²⁾ См. статью С. Струмилина, «Заработная плата в русской промышленности за 1913—1922 гг.» в сборнике, «На новых путях», вып. III, стр. 112. Интересно отметить, что в 1917 г. на снабжение в натуре приходилось лишь 5%.

С нелегальным (вольным) рынком была связана большая часть населения; так, к покупке хлеба на вольном рынке прибегали ¹⁾:

	из рабочих	из нерабочих
в январе—мае 1918 г. в Москве . . .	85%	77%
в марте—апреле 1919 г. в столицах . .	75%	74%

Бесчисленными и потому неискоренимыми деятелями нелегального рынка являлись так называемые «мешечники». О их численности можно судить по тому факту, что согласно анкете калужского комиссариата продовольствия, охватившей период с 1 августа 1917 г. по 1 января 1918 г., из 667 ответивших селений 94% подтвердили существование у них мешечничества и чисто мешечников указали в общей сложности — около 187.500, т.-е. около 40% населения; даже если принять во внимание, что некоторых считали по несколько раз, — все же получается очень внушительная цифра ²⁾.

Искоренить мешечничество не смогли даже самые суровые меры ³⁾. Напротив того, правительство рабочего класса видело себя вынужденным время от времени (в моменты продовольственных обострений) легализовать мешечничество, разрешая легальный провоз (обычно 1½ пуда). В сентябре 1918 г. эти «полуторاپудники» закупили и вывезли в столицы свыше 4½ мил. пудов хлебов, вдвое больше, чем было назначено для столиц по плану Наркомпрода (при этом весь свой план Наркомпрод в этом месяце осуществил меньше чем на половину) ⁴⁾.

Было бы неправильно сводить все дело к недостатку хлеба в стране, к действительно имевшему место жестокому продоволь-

¹⁾ См. Ibid, стр. 8 и Н. Кондратьев. «Рынок хлебов», стр. 197.

²⁾ Ibid., стр. 198.

³⁾ 16 февраля 1918 г. Советом Народных Комиссаров была учреждена Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по охране дорог. П. 5 декрета гласит: «на обязанности охраны возлагается в особенности борьба со спекулянтами и неразрешенным провозом грузов». 19 февраля эта комиссия издала постановление «о борьбе с мешечничеством»; п. п. 1 и 2 этого постановления гласят: «п. 1. Местным советам, железно-Дорожным комитетам и всем вообще организациям по линиям железных дорог вменяется в обязанность самая решительная борьба с мешечничеством, как со зловреднейшей спекуляцией, которая разрушает транспорт и продовольствие... п. 3. В случае сопротивления мешечники арестовываются и предаются в руки народных судов. В случае сопротивления с оружием в руках, мешечники расстреливаются на месте преступления». См. «Систематический сборник декретов и постановлений правительства по продовольственному делу». Книга I, стр. 130—131.

⁴⁾ См. Н. Кондратьев: «Рынок хлебов», стр. 199.

ственному кризису. Напротив, суть дела как раз состояла в том, что из имевшихся излишков хлеба (т.е. той части его, которая не потреблялась в хозяйстве производителей) значительная часть этих излишков не могла быть извлечена иначе, как методами и товарами, несмотря на всю опасность и затруднительность их применения. Мелкое хозяйство с непреодолимым упорством отстаивало методы товарного хозяйства.

Эта неискоренимость рынка, хотя и ставшего нелегальным, неискоренимость, коренившаяся в неустранимости мелкого хозяйства, проявлялась не только в мешечничестве.

Нелегальная экономика на ряду с мелкобуржуазными отношениями включала в себя и капиталистические и не только в сфере торговли. Так, в официальном издании читаем: «у большинства этих учреждений¹⁾ не имелось вовсе лесозаготовительных аппаратов для ведения заготовки хозяйственным способом: они издавна привыкли к постоянным крупным подрядчикам... эти частные заготовители стали теперь привлекаться ими в скрытой форме под видом «уполномоченных» или специалистов-практиков «за комиссионное вознаграждение». Главлеском, говорится дальше, вынужден был допускать это отступление от хозяйственного способа заготовки. «Результаты привлечения к заготовкам самих потребителей (т.е. как раз тех учреждений, которые прибегали к помощи подрядчиков),—говорит далее то же издание,—до известной степени оправдали возлагавшиеся на них надежды: вторая половина 1918—1919 г.г. дала значительно более высокий процент заготовок, чем период, протекший до учреждения Главлескома. До января 1919 г. было заготовлено только 24,1% и вывезено 10,3%, а на последующие шесть месяцев приходится уже 75,9% заготовок и 89,7% вывозки²⁾».

И здесь мы видим, что тот объем работы, которого нельзя было достигнуть методами пролетарско-натурального хозяйства, оказывался достижимым (в этой области, которая по сути дела не являлась современным крупным производством) методами хозяйства товарно-капиталистического. В 1920—1921 г.г. по данным того же источника «роль частного предпринимательства оценивалась приблизительно в 15% общего объема заготовки»³⁾. И это была едва ли оценка преувеличенная; скорее наоборот.

¹⁾ Учреждений, заготавливавших дрова и лесные материалы.

²⁾ См. сборник Главполитпросвета и Главлескома «Лесозаготовительная политика», 1921 г., стр. 77.

³⁾ Ibid., стр. 79.

Неискоренимость рынка коренилась не только в том обстоятельстве, что разделение труда внутри мелкого хозяйства (внутренние отношения разнообразных отраслей ремесла, сельского хозяйства, кустарных промыслов) не могло быть удовлетворительно организовано на почве методов централизованного натурального хозяйства. И не только в том, что взаимоотношения мелкого и крупного хозяйства, и прежде всего города и деревни, также не могли быть удовлетворительно организованы на почве указанных методов. Эта неискоренимость рынка коренилась и в анархии самого пролетарско-натурального хозяйства. Отмеченное нами выше образование почти у каждого потребителя излишков одних продуктов на ряду с недостатком в других продуктах в то время, как у другого потребителя наблюдалось как раз обратное, создавало продукты, которые могли быть использованы, как таковые, лишь после обмена, т.-е. потенциальные товары. Оно создавало одновременно необходимость спроса и возможность предложения.

Анархия снабжения являлась, таким образом, одним из питательных источников (нелегального) рынка.

В широких размерах это имело место по отношению к продуктам и предметам личного потребления. Вслед за выдачей их населению по карточкам эти продукты немедленно появлялись на рынке (в особенности мануфактура, обувь, сахар, кофе, сельди и т. п.).

Но и по отношению к предметам технического потребления угроза остановки предприятий из-за недостатка (иногда ничтожных количеств) разного рода вспомогательных материалов также нередко вынуждала обращаться к рынку.

Символом неустранимости нелегальной товарной и товарно-капиталистической экономики была «Сухаревка» — громадная, постоянно черная от густых толп людей рыночная площадь в самом центре суровой пролетарской диктатуры, в Москве. Там шла необычайно интенсивная торговля всем решительно и в особенности продуктами, объявленными государственной монополией; торговля с оглядкой, из-под полы, прерываемая шумными облавами, сопровождавшимися выстрелами в воздух, криком, смятением, но достигавшими лишь того, что торговля переходила на короткое время в другое место, часто в другую часть той же громадной Сухаревской площади. Организованная пролетарско-натуральное хозяйство власть рабочего класса вынуждена была терпеть «Сухаревку», эту громадную отдушину из подполья, в которое был загнан рынок.

Но с особенной ясностью пуповину, соединявшую эти два взаимно друг друга исключавшие полюса экономики, притягившую на

исключительное заполнение всей экономики официальную пролетарско-натуральную экономику и боязливо скрывавшуюся подпольную товарную и товарно-капиталистическую, обнаруживает непрекращавшаяся за все время гражданской войны эмиссия.

В самом деле. Пока строившееся рабочим классом пролетарско-натуральное хозяйство еще не сбросило с себя внешность товарно-денежных отношений, т.-е. пока существовала оплата по твердым ценам ¹⁾, до тех пор эмиссия пролетарской власти могла иметь видимость источника оплаты продуктов по этим твердым ценам. Но по мере того, как и эта внешность отбрасывалась, по мере того, как продукты как для производительного, так и для личного потребления стали распределяться бесплатно, по мере того, как бесплатными становились транспорт, жилища, пользование коммунальными услугами, словом, удовлетворение всех потребностей, поскольку они удовлетворялись органами государства (т.-е. пролетарско-натуральной организации хозяйства ²⁾, эмиссия превращалась в снабжение пролетарским государством своих хозяйственных и прочих органов и своих работников покупательными средствами для за-

¹⁾ *Всеобщая* система твердых цен (а твердые цены в эпоху гражданской войны стремительно распространялись на все большее число продуктов) сохраняет лишь видимость товарного хозяйства, устраняя его существо, неорганизованный характер рыночных связей. По существу дела она является системой *натурального* хозяйства.

²⁾ «Весной 1920 года получаемое от государства жилище и получаемая от него часть продовольствия, одежды и прочих услуг обходится средней рабочей семье менее 5% ее денежного бюджета, хотя покрывают в общем не менее половины всей суммы ее потребностей», см. Ю. Ларин «Очерк хозяйственной жизни Советской России», стр. 53 в цитир. выше книге Ю. Ларина и Л. Крицмана).

Из всех денежных затрат на питание на оплату получаемых от государства продуктов приходилось в %/о:

	В губ. городах.	В уездных городах.
В январе 1919 г.	6,0	8,5
„ апреле „	5,1	5,5
„ июле „	2,0	2,1
„ октябре „	1,8	1,6
„ январе 1920 г.	1,0	1,1
„ апреле „	0,7	0,8

Печислено по данным С. Фалькнера — «Проблемы теории и практики эмиссионного хозяйства», стр. 158.

кунок на нелегальном, запрещенном этим же государством рынке. Никакого иного значения эмиссия в условиях пролетарско-натурального безденежного хозяйства иметь не могла. Деньги, передаваемые государством его органам и его работникам, не могли получить применения в рамках безденежного хозяйства, а только вне его. Эмиссия являлась легальной пуповиной, связывавшей официальное пролетарско-натуральное хозяйство с подпольным товарным и товарно-капиталистическим, с нелегальным рынком.

О том, какую роль играла эта легально-нелегальная связь легальной экономики с нелегальной, можно с известным правом судить по сопоставлению результатов разверстки (бывшей другой формой связи мелкого хозяйства с крупным) с результатами эмиссии.

Ценность извлеченных продуктов (в миллионах довоенных рублей составляла ¹⁾):

	Извлеченных разверсткой.	Извлеченных эмиссией.
В 1918 — 19 г.	127	523
„ 1919 — 20 г.	253	390
„ 1920 — 21 г.	451	200

Для суждения об относительном значении этих двух форм связи крупного хозяйства с мелким: легальной натуральной (разверстки) и легально-нелегальной (эмиссии) — необходимо учитывать, что цифры второго столбца представляют собой по сути дела сумму трех величин, ибо эмиссия обслуживала: во-первых, продуктооборот натурального хозяйства (оплата по твердым ценам, вначале имевшим еще значение оплаты, хотя бы и пониженной) ²⁾, при этом как продуктооборот внутри крупного хозяйства, так и между ним и мелким хозяйством; во-вторых, легальный рынок и, наконец,

¹⁾ См. Е. Преображенский — «Финансы в эпоху диктатуры пролетариата», Москва, 1921, стр. 28. Для разверсток автор берет заготовительный год (с осени по осень), для эмиссии — календарный.

²⁾ Если судить по стоимости пищевого пайка в 2.700 калорий, то волевые цены превосходили твердые.

В первой четверти 1919 года в	7 раз.
„ второй „ „ „	12 „
„ третьей „ „ „	14 „
„ четвертой „ „ „	23 „
„ первой „ 1920 „ „	46 „

в-третьих, нелегальный рынок. Только к 1920 году это третье слабое стало по своей величине приближаться к сумме. В 1920 г. легально-нелегальная форма связи играла уже во всяком случае крупную роль.

Одновременно с ростом легально-нелегальной связи, росла и чисто-нелегальная — продажа продуктов крупного хозяйства или безденежный обмен их на продукты мелкого хозяйства.

Приведенные данные дают известное представление и о соотношении натуральной и товарной связи крупного и мелкого хозяйства. Но здесь нужно сделать еще большие оговорки. Во-первых, нарастание чисел первого столбца преувеличивает размеры вовлечения мелкого хозяйства в пролетарско-натуральную систему хозяйства, так как по мере роста разверстки падало государственное снабжение крестьянства продуктами промышленности вследствие резкого сжатия последней; во-вторых, числа второго столбца преувеличивают товарную связь крупного и мелкого хозяйства, так как мелкое хозяйство под давлением обесценения навязываемых ему бумажных денег, чем дальше, тем в большей мере переходило от денежного оборота к безденежному. Так, с сентября 1919 г. по январь 1920 г. по данным, охватывающим три губернии, из общего числа продуктов, приобретенных крестьянским населением, на купленные по «вольным» ценам приходилось 54%, на приобретенные без денег (путем обмена и проч.) — 35% (на полученные от органов государства — 11% ¹⁾), т.-е. безденежный оборот немногим уступал денежному.

¹⁾ Ibid., стр. 155. Разрушение высшей формы товарооборота, товарооборота денежного, иллюстрируется и данными о падении покупательной силы всего находившегося в обращении количества денег, которая составляла (с округлениями):

Перед войной	2.335	млн. руб.
1 янв. 1916 г.	3.930	„ „
„ июля 1917 г.	2.570	„ „
„ янв. 1918 г.	1.315	„ „
„ июля 1918 г.	487	„ „
„ янв. 1919 г.	371	„ „
„ июля 1919 г.	153	„ „
„ янв. 1920 г.	93	„ „
„ июля 1920 г.	63	„ „

т.-е. по сравнению с довоенным при сокращении грузооборота в 5 раз, сокращение покупательной силы всех находящихся в обращении денег почти в сорок раз. См. ibid., стр. 186.

Раздвоение всей экономики на две обособленные и в то же время неразрывно связанные сферы — на официальную пролетарско-натуральную и подпольную товарную и товарно-капиталистическую — было основным противоречием экономики эпохи гражданской войны, непрерывно нараставшим по мере того, как складывалась описанная выше пролетарско-натуральная система хозяйства. В основе своей это было противоречие между крупным и мелким хозяйством, которое главное свое выражение получало в виде противоречия между городом и деревней. В городе — централизованное крупное хозяйство, управляемое в каждой отрасли в основе своей производственным планом и протягивающее свои щупальцы (железные дороги, советские хозяйства, сельскохозяйственные предприятия) и в деревню; в деревне — распыленный и нивелированный производственный хаос, управляемый в основе своей рынком, хотя и полупридушенным и изуродованным, также протягивающий свои щупальцы («кустари» и спекулянты) в город.

В городе — полная сдача производимых им продуктов органам распределения, ограничиваемая только воровством; в деревне — рынок, хотя и загнанный в подполье. Крупное хозяйство, сбросившее с себя стеснявшие развитие его производительных сил капиталистические формы, в силу специфических исторических условий пыталось придать новому создаваемому им хозяйственному строю всеобщий характер, вогнать в новые хозяйственные формы всю экономику в целом. Конфликт между натуральной организацией хозяйства и мелким хозяйством, удельный вес которого был очень значителен и раньше, а за время революции еще значительно возрос, и лежал в основе раздиравшего экономику этой эпохи противоречия, в конце концов взорвавшего систему пролетарско-натурального хозяйства.

Советский бюрократизм.

Формальный характер всеобщности пролетарского натурального хозяйства. Корни советского бюрократизма. Сопротивление идеологии интеллигенции.

Всеобщий (исключительный) характер пролетарско-натуральной системы хозяйства мог быть в этих условиях осуществлен и осуществлялся лишь внешним образом. Ее всеобщность была лишь формальной всеобщностью, за которой скрывалось реальное отслоение части экономики, реальный отрыв мелкого хозяйства от крупного.

Насильственное навязывание мелкому хозяйству противоречащих его характеру форм организации неизбежно отражалось как на мелком хозяйстве, так и на самой пролетарско-натуральной организации хозяйства, и усиливало падение производительных сил народного хозяйства России. Обусловленный воздействием внешних сил выход за пределы экономически непосредственно целесообразного приходилось неизбежно оплачивать увеличением издержек революции.

Для мелкого хозяйства это противоречие означало деградацию рыночных отношений — уничтожение кредита, смену денежных отношений непосредственным обменом товаров, понижение квалификации торгового аппарата (мешечники вместо прежних купцов), громадные издержки и риск при рыночных сделках, ставших нелегальными, наконец, крайнюю односторонность и неполноту рынка, который, сделавшись подпольным, стал почти исключительно рынком средств личного потребления. Принудительный характер натуральных связей мелкого хозяйства с крупным (государственным) и суженность его товарных связей уничтожали предпринимательскую заинтересованность мелкого хозяйства, убивали в нем стимул к производству, поскольку последнее выходило за пределы удовлетворения собственных потребностей.

«Личная инициатива» является любимым жупелом буржуазной экономии. Жонглирование ею является, когда речь идет о крупном производстве, убожеством тупости и лицемерия господ буржуазных экономистов, закрывающих другим глаза на тот кардинальный факт, что с развитием капитализма влияние так называемой личной инициативы на развитие производительных сил приобретает все более посредственный характер, действует непосредственно на все более узкий круг лиц, что в конце концов эта личная инициатива приобретает, как и все в мире монополистического капитализма, характер монополии, так как, кроме кучки монополистов, все остальные действуют в порядке личной инициативы не своей, а монополистов, следовательно, действуют не в порядке этой знаменитой «личной инициативы». Однако для мелкого хозяйства ослабление личной предпринимательской инициативы мелкого хозяина ведет к дальнейшему разрушению связей мелкого хозяйства с народным хозяйством и, прежде всего, к разрыву связей города и деревни, а тем самым к падению производительных сил мелкого хозяйства и всего народного хозяйства в целом.

А с другой стороны, пролетарско-натуральная система хозяйства оказалась хозяйственно-неполной, ибо в ней фак-

тически нехватало. в нее остались фактически невключенными некоторые важнейшие отрасли народного хозяйства; она оказалась, следовательно, лишь мнимо-законченной системой хозяйства. Попытка вовлечения мелкого хозяйства в пролетарско-натуральную систему хозяйства, создавая подпольный рынок, не только непрерывно разедала эту систему, превращая ее работников, при помощи взяток, в агентов подпольного рынка, она приводила к извращению и внутренних отношений этой системы.

Основным извращением внутренних отношений пролетарско-натурального хозяйственного строя являлся его бюрократизм.

Один из корней этого советского бюрократизма лежал непосредственно в выходе за пределы крупного хозяйства—в перегрузке пролетарско-натуральной хозяйственной организации громадным количеством мелких предприятий, делавшей невозможной действительную, не бумажную только, связь с отдельными хозяйственными единицами, вынуждавшей потому к чисто-бумажному подходу к делу уже в силу одного чрезмерного обилия дел и невозможности их разрешить на основе интимного знакомства с ними, на основе детального анализа каждого из них.

Другой корень советского бюрократизма лежал в выходе революции за пределы ее непосредственно стоявших перед ней еще не разрешенных ею задач, в преждевременной постановке задачи перестройки общих экономических отношений на той ее стадии, когда не была в основном закончена перестройка специфических экономических и даже политических отношений. Мы уже отметили, выше что революция неизбежно происходит не только на базе старой техники, но и в условиях необходимости функционирования (работы) старой капиталистической интеллигенции. Прежде всего потому, что во время гражданской войны невозможно создание новой пролетарской интеллигенции, так как все, кто могли бы послужить материалом для нее, полностью и без остатка поглощены непосредственной текущей работой. А от начала подготовки новой пролетарской интеллигенции и до появления ее на работе неизбежно должен протечь длинный ряд лет.

Но старая капиталистическая интеллигенция как раз в период перестройки специфических экономических отношений, следовательно, в период распада старого и создания нового хозяйственного управления, это неизбежно — интеллигенция с капиталистической идеологией. Между тем, перестройка общих экономических отношений, т.-е. перестройка самой организации хозяйства,

предполагает, что хозяйственное управление уже налицо, что, следовательно, интеллигенция уже заняла в нем свое место, что интеллигенция стоит уже на почве нового строя, предполагает поэтому, что в основном уже закончена перестройка специфических экономических отношений. Поэтому вследствие того и из того, что перестройка общих экономических отношений происходит преждевременно, в тот период, когда в основном еще не закончена перестройка специфических экономических отношений, возникает острое противоречие между ролью интеллигенции и ее идеологией, которое находит свое выражение в вынужденном, в бездушном характере работы интеллигенции, в ее отвращении к этой работе из-под палки и к тем, кого ее работа обслуживает, словом—в бюрократизме. Работают не для того, чтобы добиться результата, а чтобы как-нибудь отделаться от работы.

Настроение служащих (интеллигенции) представляет в этих условиях все нюансы от апатии и неверия в плодотворность своей работы до самого злостного саботажа.

Необычайно характерна для обрисовки настроения интеллигенции своеобразная анкета, произведенная летом 1922 года, когда анти-советские настроения интеллигенции уже пошли на убыль. Результаты ее были опубликованы в «Правде» (№ 127)¹⁾. Анкета эта (произведенная, разумеется, не путем заполнения бланков, а при помощи разговоров по знакомству и т. п.) охватила 270 инженеров, работавших в Москве в трестах и других государственных органах и занимавших ответственные должности (членов правлений, директоров и др.). Опрошенные были затем разбиты на две группы: к первой отнесены те, кто до революции занимал видное положение в капиталистической иерархии, ко второй — те, кто до революции были обыкновенными инженерами.

Оказалось, что на вопрос о том, относятся ли они сочувственно к Советской власти, ответили утвердительно:

Из первой группы	9%
„ второй „	13%

Подавляющее большинство являлись еще, следовательно, и летом 1922 г. противниками господства рабочего класса²⁾.

¹⁾ Данные эти приведены у Ю. Ларина «Итоги, пути, выводы новой экономической политики», 1923, стр. 78—79.

²⁾ Связь части (преимущественно высших) служащих с их прежними хозяевами и прямой саботаж производства документируется многочисленными судебными процессами (служащих Нобеля и многими другими).

На второй — считают ли они свою работу полезной — ответили утвердительно:

Из первой группы	30%
„ второй „	75%

Итак, почти три четверти первой группы и четверть второй еще в 1922 г. работала только лишь бы отделаться от работы. Характер работы капиталистической интеллигенции необычайно резко оттеняется ответом на вопрос, считают ли они взятки абсолютно недопустимыми; на этот вопрос утвердительно, т.е. считают взятки недопустимыми, ответили:

Из первой группы	25%
„ второй „	30%

Следовательно, три четверти обеих групп не считали своей работы общественной работой, а рассматривали ее, как фуражировку во вражеском лагере. Можно себе представить, каково было «хозяйственное строительство» этих принципиальных и беспринципных героев взятки, считавших при этом, что они, а не кто другой, продолжают героические традиции русской интеллигенции.

Работа старой интеллигенции (речь здесь идет, разумеется, о типичных случаях, а не об отдельных лицах, притом о типичных случаях в этот период), а, следовательно, и работа заполненных ею учреждений в ее повседневных проявлениях, характеризовалась при этих условиях не только бумажным подходом к делу, но и невниманием и неприязнью к представителям трудящихся масс, к тем, кого боговдохновенный пророк капиталистического хамства г. Ме-режковский уже давно в пророческом своем предвидении назвал «грядущим хамом».

Но бумажное отношение к делу и невнимательность и неприязнь к «простому люду», соединенная с лакейской услужливостью перед начальством, естественно внушавшим в условиях суровой диктатуры большое почтение, это и есть бюрократизм.

Разумеется, ничего случайного в этом настроении старой интеллигенции (служащих) не было: оно являлось выражением того сопротивления старой капиталистической идеологии и технической (и прочей) интеллигенции, особенно ее верхушки, которое в большем или меньшем объеме неизбежно должно обнаружиться при изменении социально-экономической функции (роли) технической интеллигенции, когда последняя от роли передаточных звеньев в организации капиталистического производства и капиталистической эксплуатации переходит к роли передаточных

звеньев в пролетарской организации производства, где нет эксплуатации. Неприязненное отношение служащих, особенно высших, является, следовательно, неизбежным следствием кризиса производственных отношений.

Диктатура пролетариата означает материальное поражение технической интеллигенции (непосредственно ее верхушки), как одного из привилегированных классов капиталистического общества. Параллельно с утратой ее специфических функции организатора капиталистической эксплуатации идет потеря связанного именно с этими функциями высокого вознаграждения; потеря — именно вследствие утраты указанных функций, ибо ясно, что поскольку вознаграждение верхушки технической интеллигенции (а это вознаграждение является неугасимым стремлением и ее средних слоев, господствует над их идеологией) не является ценой ее рабочей силы, оно представляет собой часть прибавочной стоимости, уделаемой ей, как организатору капиталистической эксплуатации. Одновременно нарастает и угроза будущему, угроза монополии знания, вследствие падения монополии образования. И в целом виде выступает принуждение к службе новому режиму, так как, с уничтожением капитала, государственная служба (у пролетарского государства) становится единственным источником существования.

Требуется много времени для того, чтобы интеллигенция пришла к признанию того, что ее материальный крах является и ее идейным крахом, что ее материальный крах является результатом объективно-неверной оценки направления общественного развития, а ее прежняя капиталистическая идеология — результатом того, что она была связана с капиталом золотой цепью (а еще чаще золотой мечтой) участия в прибавочной ценности и сотрудничества в организации эксплуатации. И так как в противоположность капиталу, который (в высших своих формах) стоит персонально вне производства, техническая интеллигенция является производительной силой, больше того, необходимой производительной силой, растущей с техническим прогрессом (а если говорить языком капиталистических отношений — с ростом органического состава капитала), так как она не выбрасывается из производства, как капитал, а остается в нем, то в конце концов ее идеология начинает приспособляться к изменившейся экономике¹⁾.

¹⁾ Очень характерно это иллюстрирует данные упомянутой выше анкеты. Если сопоставить ответы на два вопроса: 1) сочувственно ли они относятся к Советской власти и 2) считают ли они, что Советская Россия

Покуда это приспособление не произошло в достаточных размерах и покуда уничтожение монополии образования не создало достаточных кадров красной технической интеллигенции из рядов пролетариата, проблема специалистов неизбежно остается одной из труднейших проблем диктатуры пролетариата.

Антисоветское настроение служащих поддерживалось и питалось и тем обстоятельством, что разбухание бюрократического советского аппарата (причин которого мы коснемся ниже) происходило в значительном размере за счет массового поступления на государственную службу лишившихся прежних источников к существованию членов экспроприированных революцией бывших господствующих классов и близких к ним слоев чиновничества и еще больше членов их семей, создав специфический тип советской барышни, которые в массе своей отличались не только принесенными ими из своих семей антисоветскими настроениями, но и очень невысокой трудовой квалификацией, обусловленной отсутствием какой бы то ни было подготовки.

Специфическое осложнение нашей революции составляло, однако, не это настроение интеллигенции, само по себе, вообще говоря, неизбежное на известной стадии революции. Революция, как мы видели выше, начинается с перелома идеологии пролетариата, который в массе своей переходит от капиталистической идеологии порядка к пролетарской идеологии низвержения этого порядка. В силу диалектического характера революции, рост революционной идеологии пролетариата неизбежно означает рост контр-революционной идеологии капитала и интеллигенции (*Besitz und Bildung*, собственников и образованных).

Но так как интеллигенция в противоположность капиталу является одной из производительных сил, то и она неизбежно переживает перелом идеологии, переход от капиталистической идеологии к признанию нового пролетарского строя. Но этот перелом происходит у интеллигенции не в первой фазе революции (идеологиче-

идет к коммунистическому строю, то окажется, что тут утвердительно на оба вопроса отвечали:

	На 1 вопрос.	На 2 вопрос.	Отношение чисел в обоих столбцах
Из первой группы	9%	13%	1:1½
„ второй „	13%	33%	1:2½

т.е. многие, кто уже понял, что крах интеллигенции есть и идейный крах ее, не могут тем не менее побороть в себе враждебных чувств к новому строю: их капиталистическое воспитание оказывается сильнее их интеллекта. Данные см. Ю. Л а р и н, *op. cit.*, стр. 78 — 79.

ской), как у пролетариата, а на третьей ее фазе (экономической в сфере специфических экономических отношений).

И вот специфическое осложнение нашей революции состояло как раз в том, что вследствие продвижения ее четвертой фазы (экономической революции в сфере общих экономических отношений) в третью (экономическую революцию в сфере специфических экономических отношений) хозяйственное строительство производилось при помощи интеллигенции, в которой еще не произошел необходимый для ее участия в этом строительстве перелом в ее идеологии.

Перегрузка пролетарско-натуральной организации хозяйства громадным количеством мелких предприятий и, вследствие этого, бумажное отношение к делу, преждевременность перехода к хозяйственному строительству и, вследствие этого, противоречие между идеологией интеллигенции и ее ролью в хозяйственном (и государственном) строительстве, и вытекающее отсюда ее враждебное отношение к работе и обслуживаемым этой работой трудящимся массам, наконец, являвшийся следствием капиталистической отсталости предреволюционной России низкий культурный уровень и управляющих и управляемых, — таковы основные корни и содержание советского бюрократизма¹⁾.

Внешним выражением и последствием этого бюрократизма были, помимо бесконечной волокиты, необычайно характерные для этой эпохи бесчисленные комиссии с их бесконечными заседаниями. Эти комиссии являлись прямым результатом, с одной стороны, анархии хозяйственного строя этой эпохи, с другой стороны, его тенденции к рационализации общественных отношений. Отсутствие планомерности, следовательно, отсутствие предвидения, означало непрерывные противоречия между многочисленными хозяйственными органами; но в то время, как в условиях товарного хозяйства эти противоречия принимают форму рыночной конкуренции, в условиях пролетарско-натурального хозяйства, которое является своего рода федерацией ведомств и глав-

¹⁾ В известной степени советский бюрократизм являлся простой *болезнью роста*, неизбежной при постройке колоссального механизма с колоссальными задачами, охватывавшими всю общественную жизнь и делавшими установление и разграничение компетенций длительным и мучительным процессом. Но то обстоятельство, что советский бюрократизм достиг таких размеров, что съезд, правящий коммунистической партией, вынужден был определить советское государство в России, как *диктатуру пролетариата с бюрократическим извращением*, не может быть рассматриваемо, как одна болезнь роста, а является следствием специфических черт русской революции.

ков, они делают необходимыми соглашения (пресловутое «согласование») между соответственными органами. В соответствии с тенденцией пролетарско-натурального хозяйства к рационализации, к уничтожению фетишизма, анархический хаос товарных отношений кристаллизуется в форме коммиссий, становится явным, не переставая из-за этого быть хаосом.

В результате обусловленного вмешательством внешних сил и обусловившего победу революции выхода пролетарской революции за пределы экономически непосредственно целесообразного — тенденции пролетарской революции к созданию социалистического хозяйственного строя осуществились в неполном и потому извращенном виде, в виде пролетарско-натурального хозяйственного строя, осуществлявшего ряд основных принципов социалистического хозяйства — синтез общественной рабочей силы и общественных средств производства (уничтожение эксплуатации), установление натуральных отношений (производству не на рынок, а непосредственно для потребления), централизацию хозяйства, но в то же время характеризовавшегося специфической анархией хозяйственного строя, формальной исключительностью и реальной (действительной) неполнотой, вследствие расслоения всей экономики на официальную и подпольную, и проникавшим все его отношения бюрократизмом.

Падение производительных сил.

В сельском хозяйстве. В мелкой промышленности. В крупной промышленности. В народном хозяйстве в целом.

Затяжка и обострение гражданской войны — результат относительной устойчивости развитого капитализма вне России — привели, таким образом, к необычайному углублению и сгущению пролетарской революции на политической стадии ее развития, к продвижению экономической стадии революции в ее политическую стадию, которое не могло не сопровождаться, как уже несколько раз было подчеркнуто нами выше, резким увеличением издержек революции, вследствие чего весь революционный процесс про-

текал в обстановке совершенно исключительного падения производительных сил страны¹⁾.

По наиболее обоснованным (весьма приблизительным) подсчетам Н. Вишневого посевная площадь (в современных границах СССР, без Туркестана, Забайкалья и Закавказья) составляла:

В 1917 г. . . . 93,6 милл. дес.

„ 1920 г. . . . 86,1 „ „

т.-е. сокращение за три года гражданской войны на 8% или на $\frac{1}{12}$. Сокращение это значительно — почти в двое — больше сокращения за три года империалистской войны, так как с 1913 г. по 1917 г. посевная площадь (по расчетам того же автора) сократилась лишь на 5% (с 98,4 до 93,6 милл. дес.). Общее сокращение по сравнению с 1913 г. составило к 1920 г. $12\frac{1}{2}$, т.-е. одну восьмую всей посевной площади²⁾. Чтобы понять все значение этой цифры, необходимо иметь в виду, что крестьянство потребляло в своем хозяйстве до трех четвертей производимых им хлебов, поэтому сокращение посевной площади на одну восьмую уже само по себе озна-

¹⁾ Данные статистики эпохи гражданской войны до крайности недоверены. Объективными причинами этой недоверенности являются хозяйственная разруха, неустойчивость общественных отношений и заинтересованность населения в извращении сообщаемых сведений. Но есть и субъективная — небрежность, чтобы не сказать больше, тех, кто эти данные пускает впервые в оборот. Оценка *всех* этих данных и их исправление — задача коллективных усилий будущего. Однако для характеристики общего направления развития, данные эти большей частью могут быть использованы. В настоящей работе мы не делаем в каждом отдельном случае оговорку о неточности данных и пользуемся ими, поскольку общий характер делаемых нами сопоставлений, по нашему мнению, не изменился бы и при замене имеющихся неточных данных точными, если бы последние удалось получить.

²⁾ См. Н. Вишневский — «Статистика и сельскохозяйственная действительность», Москва, 1922, стр. 69. Данные эти (признанные государственной общеплановой комиссией наиболее вероятными) резко расходятся с данными официальной статистики ЦСУ (не учитывающими, как выразился С. Струмилин, «коэффициентов вранья»), согласно которым посевная площадь (для той же территории) составляла:

В 1917 г. . . . 79,5 милл. дес.

„ 1920 г. . . . 63,0 „ „ т.-е. разница почти 21%.

а по сравнению с 1908—1913 г. (83,1 милл. дес.) даже свыше 24%. См. «Сборник стат. сведений по СССР». Москва, 1924, изд. ЦСУ, стр. 123. Уничтожающая критика этих данных дана Н. Вишневским в указанном произведении. Во всяком случае, указываемый в тексте размер сокращения посевной площади не преувеличен.

чает сокращение излишков крестьянского хозяйства, т.е. фонда потребления города, армии и пр., примерно раза в полтора ¹⁾).

Сбор сократился катастрофически. По подсчётам того же автора он составлял ²⁾:

Перед войной	4.774	млн. пуд.
В 1917 г.	4.217	" "
" 1920 г.	2.994	" "

Итак, сбор сократился за год гражданской войны почти в полтора раза (на 29%, в то время, как в годы империалистской войны он сократился на неполных 12%, т.е. за время гражданской войны в 2½ раза сильнее, чем за время империалистской). По сравнению с довоенным, сбор сократился на 37½%, т.е. на большую величину, чем была величина излишков сельского хозяйства при довоенных нормах крестьянского потребления. Россия стала страной абсолютного и притом значительного недостатка хлеба.

Не менее катастрофично было падение другой основной отрасли сельского хозяйства — животноводства. Если принять количество соответственного вида скота в 1916 году за 100, то в 1920 г. насчитывалось ³⁾:

Лошадей	75%	(81)
Крупного рогатого скота	79%	(78)
Овец и коз	55%	(61)
Свиней	72%	(76)

Сокращение животноводства еще более катастрофическое, чем сокращение земледелия. Особенно значительно было сокращение наиболее рыночных отраслей сельского хозяйства.

Характер изменений как в земледелии, так и в животноводстве, был совершенно ясный: чем больше была товарность данной

¹⁾ Вот грубая и очень приблизительная оценка: до войны на посев и корм скоту расходовалось 29¼% урожая, сельское население потребляло 46¼%, а остальное (24%)шло в город и на вывоз (см. П. Попов «Производство хлеба в РСФСР», 1921г., стр. 19). Если при сокращении посевов (и сбора) на ⅓ принять сокращение производственных расходов (на посев и корм скоту) также на ⅓, то мы получим 87¼% сбора, 25¼% производственных расходов, 46¼% на сельское потребление, а излишков—15¼% вместо 24%, т.е. сокращение примерно в полтора раза.

²⁾ См. Н. Вишневецкий, Ibid., стр. 71 и 72. Цифра за 1917 г. исчислена нами по приведенным выше данным Н. Вишневецкого о посевной площади и урожайности.

³⁾ См. официальные «Труды Земплана»,—Н. Кондратьев, Н. Огановский—«Перспективы развития сельского хозяйства СССР», Москва, 1924, Вып. I, стр. 83. В скобках данные официальной статистики ЦСУ; исчислены по данным цитированного выше «Сборника», стр. 136—7.

отрасли сельского хозяйства, тем сильнее ее сокращение. Крестьянское хозяйство становилось самодовлеющим хозяйством для собственного потребления, выпадало из народного хозяйства. В результате сельское хозяйство, как сельско-хозяйственная база промышленности и города вообще (и как продовольственная база армии), сходилла с неба

Падение производительных сил в мелкой промышленности было еще значительнее. Сравнение ее состояния в 1920 г. с 1912 г. дает следующие результаты ¹⁾:

	В 1912—1913 г.	В 1920 г.	В % к 1912—1913 г.
Число занятых лиц . .	3.706 тыс. чел.	1.578 тыс. чел.	43
Валовая продукция . .	1.528 милл. руб.	660 милл. руб.	43
Чистая	283 " "	97 " "	34

Иными словами, сокращение (по сравнению с довоенным, данных за 1917 г. нет) в $2\frac{1}{3}$ — 3 раза. Особенно резко было сокращение в обработке металлов (по валовой продукции почти в семь раз) и в обработке волокна (в четыре раза).

Падение крупной ценовой промышленности характеризуется следующими данными ²⁾:

	В 1913 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Число занятых лиц в тысячах . . .	2.599	3.024	2.486	2.035	1.585
Валовая продукция в милл. руб . .	5.620	4.344	1.941	1.448	1.001
Стоимость окончательных продуктов в милл. руб.	3.721 (в 1912 г.)				518

Таким образом, если мы продукцию 1913 г. приравняем к 100, то мы получим:

Для 1917 г.	77
" 1918 г.	35
" 1919 г.	26
" 1920 г.	18

т.е. за годы гражданской войны крупная промышленность сократилась в четыре раза, по сравнению с довоенным уровнем больше, чем в пять с половиной раз, а для окончательных продуктов даже в семь раз.

¹⁾ См. «Сборник стат. сведений по СССР». Москва, 1924, стр. 212.

²⁾ См. Н. Воробьев — «Изменения в русской промышленности в период войны и революции» в № 4—6 «Вестника Статистики» за 1923 г., стр. 153, и П. Попов «Промышленность Р. С. Ф. С. Р. 1912—1922» в III вып. сборника «На новых путях», Москва, 1923, стр. 180.

Общее состояние народного хозяйства (размер падения производительных сил) лучше всего характеризуется данными о работе железных дорог.

Пробег грузов составил по сравнению с соответственной территорией в 1913 г. ¹⁾:

в 1919 г.	300%
„ 1920 г.	200%

т.е. к 1920 г. сокращение в пять раз.

Если бы мы пожелали самым грубым образом примерно оценить размер народного дохода в 1920 г., то, принимая во внимание приведенные выше размеры основных отраслей народного хозяйства, мы пришли бы к выводу, что народный доход в 1920 г. составлял во всяком случае не свыше 40% народного дохода в 1913 г., т.е. сократился по крайней мере в два с половиной, а, вероятнее, и в полных три раза ²⁾.

Чтобы представить себе все значение этого факта, необходимо иметь в виду, что прибавочный продукт в довоенной России составлял (согласно примерной нашей оценке в 1-й части) около половины всего народного дохода. Следовательно, падение производительных сил России было в эпоху гражданской войны таково, что привело к полному исчезновению прибавочного продукта, к тому, что общественное производство уже не в состоянии

¹⁾ См. «Стат. Ежегодник 1918—1920 г.г.». Вып. I, стр. 26.

²⁾ Эта очень грубая оценка произведена нами следующим образом: доход от зерновых хлебов принят в 62½% от 1913 г., от интенсивных культур в 44%, (что, несомненно, преувеличено, т.к. хотя площадь, быть может, и не сократилась так сильно, зато вовсе не учтено весьма значительное падение урожайности, так что сбор интенсивных культур был безусловно меньше 44% от сбора 1913 г.; По отдельным культурам он составлял от 10 до 25% довоенного); от скотоводства — в 74% (в результате расчета по отдельным видам его); для прочих отраслей сельского хозяйства (давших лишь 1/12 общего дохода от сельского хозяйства) сокращение принято пропорциональным сокращению основной части его; доход от мелкой промышленности принят в 43%, от крупной—в 18%, от транспорта—в 20%, от строительства—в 3%, от лесоводства—в 40% (в соответствии с перевозкой дров и лесных материалов), для рыболовства—31% (по данным о заготовке рыбы в 1920 г. см. «Стат. Ежегодник 1918—1920 г.г.», вып. I, стр. 13 и «Стат. Ежегодник 1921 г.», вып. 2, стр. 263), для торговли (на которую падало по Прокотовичу около 1/12 народного дохода)—в 20%, соответственно изменению грузооборота.

Эта грубая (и преувеличенная) оценка, которая ни в коей мере не является расчетом, дала в результате около 42% от народного дохода в 1913 г., как он исчислен для 50 губ. Евр. России Прокоповичем. Если со-

было, хотя бы и ценой отказа от всего, что выходило за пределы простого восстановления рабочей силы, обеспечить последнее.

сокращение дохода от торговли принять пропорциональным сокращению всей остальной части народного дохода, этот % составит 43 с небольшим. Расчет этот (42%) преувеличен, прежде всего, потому, что мы принимали сокращение народного дохода от каждой отрасли пропорциональным сокращению валовой ее продукции, в действительности же при сокращении производства чистая продукция сжимается быстрее валовой.

Иллюстрацией этого ускоренного сжатия чистой продукции при сокращении производства может в известной мере служить сопоставление брутто и нетто добычи Донбасса (брутто—валовая добыча, нетто—валовая за вычетом расхода угля на собственные нужды рудников):

	Брутто.	Собствен. потребле- ние	Нетто.	Т о ж е (в % к 1913 г.)		
	(в милл. пудов).					
В 1913 г.	1.543	126	1.417	100	100	100
„ 1917 г.	1.510	203	1.307	98	161	92
„ 1918 г.	541	152	389	35	121	28
„ 1919 г.	338	126	212	22	100	15
„ 1920 г.	273	134	139	18	106	10

(См. «Стат. Ежегодник 1918—1920 г.», вып. II, стр. 219):

Следовательно, при сокращении брутто-добычи в $5\frac{1}{2}$ раз, собственное потребление не сократилось вовсе, а нетто-добыча сократилась в 10 раз, т.-е. вдвое сильнее, чем брутто-добыча.

Такой же результат получается и при рассмотрении железных дорог.

	Общий про- бег грузов в % к 1913 г.	% хозяй- ствен. гру- зов.	Коммерче- ский пробег грузов (кро- ме хозяй- ствен.) в % к 1913 г.
В 1913 г.	100	11	100
„ 1919 г.	30	25	19
„ 1920 г.	20	28	15

(данные, см. «Стат. Ежегодник», 1918—1920 г., вып. I, стр. 26). И здесь сокращение коммерческого пробега значительно обгоняет сокращение общего пробега. Между тем при сокращении добычи угля или железнодорожного движения аналогичные явления обнаруживаются не только по отношению к собственному потреблению угля или хозяйственным перевозкам, но и по отношению к другим издержкам производства, которые также сжимаются медленнее, чем сокращается производство.

В мелкой промышленности (см. стр. 135), при сокращении валовой продукции до 43% довоенной, чистая сократилась до 34% довоенной; аналогично этому можно было бы считать, что весь народный доход сократился примерно до 33%, т.-е. до одной *трети* довоенного. Едва ли такое предположение было бы далеко от истины.

Такое падение производительных сил не маленькой общины, а громадного стомиллионного общества, падение, обусловленное неслыханным обострением и углублением гражданской войны в результате мощной поддержки контр-революционного сопротивления ивине, является беспримерным в истории человечества.

Ничто не обрисовывает всей мощи революции так ярко, как тот ф а к т, что революция смогла победоносно выдержать такое испытание.

Итоги гражданской войны.

Значение падения производительных сил. Тенденции подъема. Победа на низком уровне. Создание нового общества.

Влияние такого исключительного падения производительных сил было необычайно глубоким и многосторонним и сказалось как на разнообразных сторонах народного хозяйства, так и на хозяйственном строительстве революции ¹⁾.

Однако вопреки довольно распространенному мнению, согласно которому тенденции к натурализации и централизации народного хозяйства, проявившиеся как в государственно-капиталистическом хозяйственном строе (в первую голову Германии), так и в нашем пролетарско-натуральном хозяйственном строе эпохи гражданской войны, являются порождением войны и вызванного ею падения производительных сил общества и жизненного уровня широких масс, как раз противоположные тенденции к децентрализации и к восстановлению товарных отношений питались падением производительных сил общества и жизненного уровня широких масс.

Но дело здесь не в мистических свойствах этого падения—оно ничего не создавало, оно только разрушало; и что самое важное—это разрушение не было равномерным. Крупное хозяйство, функционирование (работа) которого связано с большой сетью хозяйственных связей, оказалось под влиянием вездесущей и всепроникающей гражданской войны, разрывавшей все более или менее значительные хозяйственные связи, в большей мере подверженные ее ударам, и именно оно переживало кризис производственных отношений, оно и оказалось поэтому значительно более разрушенным. А эта неравномерность разрушения и приводила к росту относительного значения мелкобуржуазных хозяйственных форм и к мелкобуржуазному перерождению крупного хозяйства. И то и другое влекло за собой

¹⁾ Это влияние рассмотрено нами в выходящей в ближайшее время из печати части нашей работы о русской революции, куда мы и отсылаем читателя.

появление тенденций к уничтожению хозяйственных отношений, соответствующих природе крупного хозяйства и навязанных всему народному хозяйству, притом (по выясненным нами выше причинам) в извращенной форме.

Перекрещивавшееся действие противоположных тенденций делало весь ход развития нового хозяйственного и общественного строя настолько сложным, что отдельные фактические периоды его могут быть различены лишь с большим трудом, и то условно, в смысле преобладания определенных характерных для данного периода черт.

Первые полгода существования Советской республики с октября 1917 года по май—июнь 1918 года были периодом доэкономического строительства, когда решительно преобладал процесс организации политической власти только что победившего пролетариата, боровшегося среди самых тяжелых условий против внутренних и внешних врагов, еще не допускавших мысли об окончательном укреплении нового строя. С экономической стороны этот период характеризуется уничтожением организации финансового капитала (национализацией банков); установлением политической диктатуры пролетариата над буржуазией и в производственном процессе, но без полного устранения ее из предприятий, происходившего только стихийно и хаотически (принудительное подчинение капиталистов рабочему контролю под страхом конфискации предприятия в случае неподчинения владельца); попыткой демобилизации промышленности (после ноября 1917 г.); аграрной революцией (изгнанием помещиков из деревни и захватом земель крестьянами); обострением продовольственного, транспортного и промышленного кризиса; наконец, насилием германского империализма, навязавшего беззащитной стране неслыханные условия мира, равносильные экономической гибели (лишение районов продовольствия, сырья и топлива).

Почти год, с мая — июня 1918 г. по январь — февраль 1919 г., является периодом создания пролетарского хозяйственного управления, периодом преодоления кризиса производственных отношений. Советская республика находилась под страшным давлением германского империализма, душившего ее после Брестского мира; в то же время начался и натиск империалистских держав согласия (мятеж чехо-словаков, оккупация черноморских портов и т. д.), значительно усилившийся после краха германского империализма. С экономической стороны этот период характеризуется установлением командной власти пролетариата и в предприятиях (национализация промышленности), первыми шагами в деле организации промышленности (организация главн. управлений, соответствующих в смы-

сле производственной организации капиталистическим синдикатам и трестам); значительным сокращением свободы рынка (путем замены частной торговли государственным распределением); постановкой государственной заготовки продуктов крестьянского производства; классовым расслоением деревни (организация комитетов бедноты) и уравнильным переделом крестьянских земель, частично экзпроприровавшим крупных крестьян в пользу средних; организацией советских земледельческих хозяйств (прежде всего свеклосахарных); новой мобилизацией промышленности; особым обострением продовольственного и продолжением транспортного и промышленного кризиса, а также кризисом топливным; рассасыванием городов и недостатком в рабочей силе, особенно квалифицированной. В течение этого периода организовалась Красная армия, нанеся поражение чехословакам и донским казакам. Основным препятствием в борьбе с разрухой являлся, на ряду с гражданской войной, кризис производственных отношений, процесс создания новой пролетарской организации народного хозяйства, вследствие чего прежняя организация его уже не функционировала, а новая еще не функционировала нормально.

Следующий год, с января—февраля 1919 г. по январь—февраль 1920 г., был периодом острого недостатка в материальных ресурсах (продовольствии, сырье, топливе, металлах). Хотя районы, поставлявшие как продовольствие и сырье, так и топливо и материалы, оказались отрезанными от центральной России уже с начала лета 1918 г., однако результаты этого сказались несколько позже. Республика Советов находилась под концентрическим натиском империалистских держав согласия, окруживших ее герметическим кольцом блокады и пытавшихся организовать наступление своих вассалов со всех сторон. С экономической стороны этот период характеризуется процессом объединения народного хозяйства республики (началом функционирования созданных в предшествующий период главных управлений промышленности и созданием частичных объединений—кустов—и органов осуществления общего хозяйственного плана в отдельных сферах хозяйственной деятельности); судорожной борьбой предприятий с грозившей им смертью от удушья; развитием применения суррогатов и всяких ухищрений; успешной концентрацией усилий на военной промышленности и заготовке древесного топлива; совершенствованием всего хозяйственного аппарата (продовольственного, топливного, транспортного и т. д.) и в то же время ростом бюрократизма этого аппарата и всего государственного аппарата в целом; страшным обострением промыш-

ленного, топливного и транспортного кризиса и продолжением кризиса продовольственного и рабочей силы; сокращением промышленного земледелия и культурного животноводства. В этот период новый аппарат промышленности уже существовал, но не мог работать из-за отсутствия материала для работы.

Наконец, год с лишним, с января—февраля 1920 г. по февраль—март 1921 г., был, с одной стороны, периодом выхода из гражданской войны и окончательного утверждения нового пролетарского государства и общества, с другой стороны, периодом формального закрепления методов пролетарского хозяйственного строительства по отношению к мелкобуржуазным хозяйственным формам и в связи с этим—периодом накопления противоречия между этими методами и мелкобуржуазным хозяйством.

Окрепшая и выросшая в двухлетней борьбе Красная армия разбила всех врагов Советской республики: на востоке — Колчака, на юго-востоке — Дутова, на юге — Деникина, на северо-западе — Юденича и на севере — войска Согласия. В конце 1920 г. было ликвидировано последнее серьезное гнездо и бита последняя карта русской контр-революции, Крым, где засел последний Деникина — Врангель. Мобилизованная военная промышленность обеспечила армию достаточными запасами военного снаряжения, снабжение Красной армии было организовано и функционировало совсем по-иному, чем раньше. Работа транспорта стала более регулярной. Заготовка продовольствий увеличилась. Снабжение рабочих и городов улучшилось. Кольцо блокады было сломлено, и самая блокада сорвана; не только окраинные государства (в том числе и вассал Франции, белая Польша, наступление которой было последней серьезной вспышкой интервенции мирового капитала) приступили к заключению мирных договоров с пролетарской Республикой Советов, но и капиталистические страны Согласия под давлением рабочих организаций (и по ряду других причин) вынуждены были выразить согласие на возобновление экономических отношений с Советской Россией. Появилась тенденция (хотя и переименовывавшаяся другими тенденциями) к ослаблению колебаний промежуточных элементов: крестьянство сдавало продукты сельского хозяйства, служащие приступали к работе без задних мыслей.

С экономической стороны этот период характеризуется началом восстановления связей с мировым хозяйством, началом восстановления внутренних хозяйственных связей вследствие оттеснения военных действий на окраины, начавшимся облегчением разнообразных кризисов снабжения вследствие восстановления целостной аграрно-

индустриальной территории (и, следовательно, связи советского центра с сибирским хлебом, бакинской нефтью и т. п.), дальнейшим совершенствованием всего хозяйственного аппарата. Но в то же время дальнейшим ростом бюрократизма всего государственного, в том числе и хозяйственного аппарата, резким усилением военной деформации хозяйства, вследствие громадного роста Красной армии; закреплении выхода пролетарской организации хозяйства за пределы крупного хозяйства и вовлечения в него всего мелкого хозяйства (национализация мелкой промышленности, посевкомы); нарастанием процесса распада единого пролетарско-натурального хозяйства (растаскивание ВСНХ и пр.), суммировавшихся в сильнейшем хозяйственном кризисе конца 1920 — начала 1921 г.г. и нарастанием к концу периода и политического кризиса (крестьянские восстания, Кронштадт).

Несмотря на исключительные по своей тягостности условия, несмотря на внутреннее изуродование (извращение), вызванное сложным сочетанием внешних и внутренних факторов, под воздействием которых разворачивалась пролетарская революция, созданная ею и еще не успевшая как следует сложиться пролетарско-натуральная организация хозяйства добилась, несомненно, известных успехов. Прежде всего в военной промышленности и в обслуживании Красной армии. Так, в очерке «Строительство Красной армии в революции» читаем ¹⁾: «...победа Красной армии в гражданской войне была не только нашей военной, но и хозяйственной и административной победой. Она была нашей победой на хо-

¹⁾ См. статью В. Антонова-Овсеенко в сборнике «За 5 лет», стр. 167. Курсив повсюду мой. Необходимо отметить, что автор — один из видных работников Красной армии, так сказать, очевидец. Характерна и приводимая им там же выдержка из речи Л. Троцкого на VII съезде советов (в декабре 1919 года): «Вопросы снабжения представляли для нас громадные затруднения. Наш советский аппарат в этой области подвергся тяжчайшим испытаниям и — выдержал его. Был период, когда наши заводы не производили ни одного патрона, ни одной винтовки, ни одного пулемета, ни одного орудия, — период, когда старый аппарат распался, а к созданию нового мы еще всерьез не приступили...

Последний производственный месяц дал результаты в 10—15 раз большие, чем тот первый месяц, когда мы приступили к работе... *Наш аппарат оказался способным восстановить военную промышленность...* Опасность того, что мы погибнем из-за отсутствия патронов, винтовок, пулеметов и орудий, опасность, которая грозила нам 8—10 месяцев назад, уже не существует... Этот самый факт, скажу я, отходя шаг в сторону, свидетельствует, что аппарат, который способен в *несколько месяцев* наладить военную промышленность, будет способен наладить промышленность вообще». Курсив повсюду мой.

звизшвенном фронте. Ведь к концу 20 года мы довели численность армии до 5½ миллионoв человек. Эту армию надо было обмундировать, прокормить, вооружить. Эту армию надо было распределить по громадному 8.000-верстному фронту; во время военных операций перебрасывать насех из одного конца страны в другой. И пикогда мы не имели за время этой гигантской борьбы таких затруднений в продовольственном, вещевом и боевом снабжении армии, от каких страдала армия времен царизма и ли керенщины».

В других отраслях промышленности крайняя степень разрыва хозяйственных связей и падения производительных сил сводила большей частью на-нет все усилия. Но в отдельных случаях в районе советского центра, где не было фронтов гражданской войны, в отраслях добывающей промышленности, не нуждавшихся, следовательно, в подвозе сырья,—также были достигнуты определенные успехи. Примером могут служить добыча торфа и подмосковного угля, которые дали (в милл. пудов)¹⁾:

	Торфа.	Угля.
В 1918 г.	58	
„ 1919 г.	67	25½
„ 1920 г.	92	35

Производительность труда в среднем по всей промышленности в 1920 г., судя по валовой выработке, повидимому, поднялась. Просто и упали в 1920 г. по сравнению с 1919 г. больше, чем в трое, и были значительно ниже даже чем в 1917 г.

Известные успехи были достигнуты и на транспорте, где в 1920 г. при том же размере капитального ремонта текущий был увеличен по сравнению с 1919 г. на 30% и почти доведен до довоенных размеров. Перевозки водного транспорта превзошли в 1920 г. значительно перевозки и 1919 и 1918 г.г.

Значительные успехи были достигнуты и в деле лесных заготовок. Так, было (в милл. куб. сажений)²⁾.

	Заготовлено.	Вывезено.
в 1918—1919 г.	(4,2)	(3,2)
„ 1919—1920 г.	9,4(9,4)	6,9(7,1)
„ 1920—1921 г.	9,3	8,4

Следовательно, рост заготовок больше чем вдвое, а вывозки в 2—3 раза. Только благодаря этому успеху был предотвращен

¹⁾ См. стр. 40 и 41.

²⁾ См. «Стат. Ежегодник» 1918—1920 г.г., вып. II, стр. 282—3: В скобках данные сборника «Лесозаготовительная политика в общей системе народного хозяйства», стр. 8.

полный паралич транспорта и промышленности, так как дрова, напр., в 1919 г. дали 88 % потребления топлива.

Наконец, несомненные успехи в деле заготовок, продуктов сельского хозяйства являлись уже по преимуществу успехами административного (налогового) аппарата. Результатом всего этого было, например, значительное понижение смертности.

Но успехи эти оставались частичными успехами, тонувшими в общем катастрофическом падении производительных сил, обусловленном необычайной затяжкой и обострением гражданской войны.

Эксперимент гальванизации трупов русского капитализма, произведенный мировым капиталом и проявившийся не только в создании белой России Колчака, Деникина и Врангеля, но и в упорстве саботажа, в контр-революционных заговорах и восстаниях внутри советской России, окончился полной неудачей, но три года судорог русского капитализма дорого обошлись пролетарской и трудовой России.

В этих условиях победа революции могла быть и была достигнута лишь за счет катастрофического понижения производительных сил общества, лишь на крайне низком их уровне.

Только ценой крайнего напряжения всех своих сил, ценой значительного разрушения и мелкобуржуазного перерождения своей собственной базы крупного хозяйства, ценой своего собственного частичного деклассирования смог победить героический пролетариат России, смогла победить революция.

Только ценой этого разрушения могло быть достигнуто разрушение капитализма, сокрушение контр-революционного сопротивления капитала и помещиков.

Объективной задачей эпохи гражданской войны было утверждение революции: уничтожение политического господства капитала, уничтожение экономического господства капитала (экспроприация крупного капитала), организация пролетарского (советского) государства, овладение целостной хозяйственной (аграрно-промышленной) территорией, организация пролетарского управления крупным общественным производством, восстановление связей с мировым хозяйством (срыв блокады).

При этом военная задача — овладение целостной хозяйственной территорией — выдвигалась на первый план, ибо только с ее решением создавалась необходимая предпосылка для разрешения остальных задач.

В результате вызванной вмешательством мирового капитала затяжки и обострения гражданской войны и их последствия, сгущен-

ния и углубления пролетарской революции, пролетарская организация народного хозяйства советской России в эпоху гражданской войны характеризовалась, как мы видим, преодолением эксплуатации не только в крупно-капиталистическом производстве, но и за его пределами, и не только преодолением эксплуатации (организацией пролетарского хозяйственного управления), но и преодолением рынка. Но так как при этом экономическая политика пролетарской революции перешла (и целесообразно перешла) за пределы непосредственной экономической целесообразности, за пределы подготовленного предшествовавшим капиталистическим развитием, так как за этими пределами преодоление рынка превращалось в его простое подавление и в фактор не развития, а разрушения производительных сил мелкого хозяйства и его связи с крупным, то эта экономическая политика и ее организационное выражение, соответствующая ей организация народного хозяйства, неизбежно наталкивалась на сопротивление противодействующих сил, которое можно было на время и частично подавить, но нельзя было преодолеть. Отсюда вытекает незавершенность организационной постройки, характеризовавшая организацию народного хозяйства советской России в эпоху гражданской войны и выражавшаяся в сосуществовании хозяйственных явлений, находившихся в резком противоречии с этой организационной постройкой. К тому же эта организационная постройка носила явно выраженный переходный характер, ибо ее развитие было оборвано прежде, чем оно успело получить законченное выражение.

Но основную свою задачу революция разрешила. Она не могла уничтожить и не уничтожила борьбы классов, ибо никакая революция не может уничтожить классов, если они коренятся в неотжившей еще экономике. Но она борьбу классов, которая до нее шла в рамках и на почве капиталистического строя, превратила впервые в истории человечества в борьбу классов в рамках и на почве пролетарского строя.

Вся история человечества не знает ни одного достижения, которое по своему всемирно-историческому значению могло бы быть поставлено рядом с этим достижением.

Революция сделала то, что вообще делает революция: она создала новый общественный строй. Вчерне и несовершенно, но отделка и полировка нового строя вообще не дело революции. Это дело эволюции, разворачивающейся на почве нового созданного революцией общественного строя.

Л. Крицман.

Промышленная депрессия в России 1906—1909 годов.

I.

На самом кануне русско-японской войны наша промышленность находилась на грани нового капиталистического цикла: до того вялый, пульс промышленной жизни заметно оживился, из мертвого капиталистического сезона начала XX века промышленность вступала в полосу оживления. Однако, работа промышленного капитала на вызванную интересами торгового капитала войну резко нарушила нормальный ход циклического развития.

Производство средств производства достигло напряжения промышленного под'ема. Вот цифры. Чугуна в России (без Финляндии) было выплавлено в 1904 г. против 1903 г. на 30 мил. пуд., или на 20% больше, в то время, как мировая выплавка чугуна понизилась на 63 милл. пуд., или на 2,1%. В 1904 году было выплавлено чугуна на 3 милл. пуд. больше, чем в 1900 году — рекордном по выплавке чугуна в промышленный под'ем девяностых годов. Видимое потребление чугуна на 1 жителя дало в 1904 г. против 1903 г. + 0,18 пуд. (по данным Стат. Бюро Совета С'езда горнопром. юга России), или + 16,3%; при учете же ввоза и вывоза не только чугуна и железа — стали, но и машин и их частей (в переводе на чугун), превышение 1904 г. — 0,19 пуд. (по данным Совета С'ездов представ. промышл. и торг.), или + 15,5%, тогда как для рекордного 1899 г., по сравнению с 1898 г., только + 12,0%. Полупродукта было изготовлено в 1904 г. против 1903 г. + 18 милл. пуд., или + 10,9%, готового железа и стали + 17 милл. пуд., или + 12,5%¹⁾. Рабочих,

¹⁾ По данным Стат. Бюро Совета С'ездов горнопромышл. юга России («Железная промышленность» за 1913 г.). По менее достоверным данным Стат. Бюро Совета С'езд. представ. промышл. и торговли («Записка» 1907 г.) процент значительно повышается (для полупродукта — 14%, и для готовых железа и стали даже 22%).

занятых на металлургических заводах юга России, в 1904 г. было больше, чем в 1903 г., на 8.543 чел. — это цифра, рекордная даже для годов подъема и расцвета: так, в 1911 г. против 1910 г. было + 7.848 раб.; в 1913 г. против 1912 г. + 8.168 и только в 1912 г. по сравнению с 1911 г. цифра превышения несколько больше: + 10.029 рабочих. Твердого минерального топлива было добыто в 1904 году против 1903 г. + 106 милл. пуд.; нефти на бакинских и грозненских промыслах + 26 милл. пуд. Если перевести жидкое минеральное топливо по его теплотворной силе в твердое (приняв, что теплотворная сила 1 пуда нефти приблизительно в 1,6 раза больше теплотворной силы 1 пуда каменного угля), то повышение добычи минерального топлива в 1904 г. против 1903 г. выразится в сумме 148 милл. пуд. угля. Цифра опять-таки рекордная для годов подъема и расцвета: так, 1911 г. против 1910 г. дал + 131 милл. пуд., 1912 г. против 1911 г. + 139 милл. пуд. и только 1913 г. против 1912 г. + 264 милл. пуд.

Усиленное же производство мануфактурных товаров для армии уравнивалось сузившеюся покупательною способностью крестьянского рынка. Так, в 1904 г. против 1903 г. было изготовлено хлопчатобумажной пряжи + 2,7%; в 1903 г. против 1902 г. + 2,5% — разница в десятых долях процента. Сурового товара было изготовлено в 1904 г. против 1903 г. + 1,3%; в 1903 г. против 1902 г. + 2,4%; понижение на 1,1%. Если пренебречь, в виду относительной незначительности, данными ввоза и вывоза хлопчатобумажных изделий, то потребление населением бумажных тканей для 1904, 1903 и 1902 г.г. было одинаково — 3,8 фунта на 1 человека.

Вообще легкая индустрия в 1904 г. не только не сделала успехов, подобных скачку тяжелой индустрии, но в одних отраслях испытывала застой, в других даже регресс. Так, осветительных масел было произведено в 1904 г. столько же, сколько и в 1903 г., тогда как в 1903 г. на 13 милл. пуд. больше, чем в 1902 г. Выпуск на продажу осветительных масел в 1904 г. против 1903 г. + 6 милл. пуд., тогда как в 1903 г. против 1902 г. + 28 милл. пуд., т.е. в 4,7 раза больше. Зажигательных спичек было выделано в 1904 году против 1903 г. на 1.724 милл. штук меньше, тогда как в 1903 г. против 1902 г. + 3.927 милл. штук. Махорки в 1904 г. было произведено против 1903 г. + 129 тыс. пуд.; в 1903 же году против 1902 года + 738 тыс. пуд.

Цифры эти показывают, что легкая индустрия в 1904 году не нашла в крестьянском рынке стимула для развития.

Таким образом, несоответствие во время войны между производством средств производства и производством средств потребления, создав рецидив перепроизводства средств производства, вызвало по окончании войны, во второй половине 1905 года и первой половине 1906 года, рецидив кризиса, развязавшего первую великую русскую революцию и ею же обостренного.

Наша промышленность после этого вошла в полосу тяжелого трехлетнего рецидива депрессии.

II.

Туган-Барановский, исходя из своей теории кризисов, находит, что депрессия эта обязана своим возникновением и своими тяжелыми формами отливу иностранных капиталов из России, испугавшихся красного зарева революции.

«Причины кризисов. — говорит Туган-Барановский в статье «Русская промышленность за 10 лет» ¹⁾, — коренятся в сфере накопления и расходования общественного капитала: непрерывно накапливающийся в капиталистическом хозяйстве свободный капитал скопится в банках и, проникая в промышленность, вызывает ее подъем; но промышленный подъем, создавая огромный спрос на капитал, превышающий предложение, приводит к исчерпыванию свободного ссудного капитала; недостаток же капитала на ссудном рынке приводит к сокращению производства и кризису. Этими причинами вызывается периодичность промышленных кризисов во всем капиталистическом мире, и этими же причинами был вызван и наш кризис 1899 г. Но, как общее правило, за промышленным кризисом следует новый подъем благодаря тому, что тот же механизм начинает действовать снова: капитал опять накапливается в банках, что и приводит к новому промышленному подъему. У нас этого не произошло — и по следующим причинам. Россия принадлежит к числу стран бедных капиталом. Наш собственный капитал накапливается в стране в таком незначительном количестве, что его недостаточно для значительного промышленного подъема. Могут ли иностранные капиталисты затрачивать свои деньги на устройство разных предприятий в России, когда даже те скудные капи-

¹⁾ «Современный мир» за 1910 г., № 12.

талы, которыми мы располагаем, стали уходить за границу, что, несомненно, имело место в разгар революции».

Тут все неверно, от первой до последней строчки, так же, как неверна и другая теория кризисов Туган-Барановского (эклетицизм последнего позволял ему подводить под одно и то же явление разные теории), по которой кризисы вызываются диспропорциональностью отдельных отраслей производства. Причины кризисов коренятся не «в сфере накопления и расходования общественного капитала» и не в диспропорциональности отдельных отраслей производства, а в периодическом росте несоответствия между производством средств производства и производством средств потребления и, таким образом, в отрыве роста всего производства от роста рынка. Периодичность же кризисов вызывается периодичностью восстановления основного капитала: во время подъема та сумма стоимости, которая предназначена для восстановления основного капитала по истечении определенного срока изнашивания технического оборудования и которая в то же время реализуется в денежной форме каждым произведенным товаром, остается до этого срока свободной и идет на сверхрасширение производства, возможное до тех пор, пока органическая связь между производством и рынком потребления затухивается тем, что расширение одних предприятий и возникновение новых служат рынком сбыта изделий других предприятий. Когда подгоняемая бешеным ростом производства средств производства продукция средств потребления, в конце концов, упирается в барьер емкости рынка, не могущего при классовом распределении доходов поглотить перепроизведенной массы предметов потребления, наступает кризис, и период расширения производства сменяется периодом его сокращения, при чем понятно, что те отрасли производства, которые питались производительным рынком и больше всего оторвались от рынка средств потребления, больше всего подвержены ударам кризиса, тем более сильным, чем более отдаленное от рынка средств потребления звено составляют они в общей цепи общественного производства.

В конкретно-исторических же условиях развития отдельных капиталистических стран огромное и часто решающее влияние на характер и длительность отдельных фаз капиталистического цикла имеет исторически обусловленное состояние внутреннего и внешнего рынка.

Не вдаваясь в теоретический разбор цитированной теории кризисов Туган-Барановского, мы просто покажем, что те «факты», ко-

торыми он ее обосновывает на примере исследуемой нами депрессии, не соответствующей действительности.

Таким образом, нам предстоит рассмотреть три вопроса: 1) имела ли место эмиграция иностранных капиталов из России в революцию 1905 — 1906 гг.? 2) находилась ли иммиграция иностранных капиталов в Россию в связи с революцией 1905 — 1906 гг.? и 3) были ли вызваны последовавшие за депрессией оживление и подъем притоком иностранных капиталов, оправившихся, по Туган-Барановскому, от страха перед русской революцией?

Иностранные капиталы находили помещение в России, главным образом, в форме производительного, а не ссудного капитала. Так по Зиву¹⁾, на 1 января 1914 года иностранные акционерные капиталы участвовали в русской промышленности в сумме 1.532 миллиона рублей, из которой в русских банках помещалось лишь 250 миллионов рублей, т.-е. 16 %. Производительный же капитал не может отливаться от своей производственной базы, не разрушая ее: он может лишь переливаться из одних рук в другие. А это дела не меняет.

Из всех промышленных районов России один только Донецкий бассейн обнаружил непрерывный рост производства в металлургии во время депрессии, начиная с 1907 года. А ведь Донецкий бассейн был цитаделью иностранных капиталов: они составляли добрых 70% всех помещенных там капиталов. Это как-то не вяжется с утечкой из России иностранных капиталов. Еще красноречивее цифры движения в Донбассе иностранного капитала. В предприятиях с исключительно иностранными капиталами было, по В. Зиву, основного капитала: в 1901 г. — 72,3 милл. руб., в 1906 г. — 82,3 милл. руб., 1906 год по сравнению с 1901 г., рекордным для предыдущего капиталистического цикла, дал превышение на 10 милл. руб. Ясно, что эмиграция иностранных капиталов из России в революцию 1905 — 1906 гг. — продукт фантазии Туган-Барановского и иже с ним: фантазия здесь играла служебную роль по отношению к теории.

Далее, была ли революция 1905 — 1906 гг. причиной слабого притока иностранных капиталов в Россию?

Статистика иностранного акционерного капитала в России решительно отмечает такое предположение.

¹⁾ В. З и в. «Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности». Птрг. 1917. Стр. 123.

И. Левин ¹⁾ приводит следующие данные публичного отдела редакции период. изд. Министерства Финансов об иностранных компаниях, открывших действия в России:

Годы открытия компаний.	Число иностранных компаний, открывших действия в русской промышленности.	Сумма капиталов (в тыс. рублей).	В том числе капиталов:		
			английских.	бельгийских.	французских.
1904	12	15.731	1.765	2.599	10.655
1905	4	2.862	—	1.762	—
1906	8	22.848	14.523	375	7.950
1907	4	7.521	3.311	3.750	—
1908	6	2.850	—	1.968	—
1909	9	6.233	4.015	—	200
1910	13	30.561	7.586	2.775	1.631
1911	18	36.974	18.234	4.253	14.062
1912	20	39.627	32.548	—	3.750
1913	22	37.637	21.167	5.250	9.000

Из этой таблицы видно, что слабое движение иностранного капитала ни в какой связи не находится с революцией: оно характерно для всего периода депрессии. 1906 год дает даже за период с 1904 г. до 1910 г. рекордную цифру — 22,8 милл. руб.

Не менее показательны и анкетные данные о размерах высшего кредита, оказанного русским коммерческим банком заграничными (Левин, цит. соч., таблица XIV). В 1905 г. был оказан высший кредит в размере 75.133 тыс. руб., в 1906 г. — 84.669 тыс. руб., тогда как за годы с 1900 по 1904 высший кредит не превышал 41 милл. руб.

Любопытные замечания по вопросу об иммиграции иностранных капиталов встречаем в дневнике Витте ²⁾: «На этих днях я читал статьи в некоторых русских газетах, что де иностранным держателям наших фондов и банкирам все равно, какой у нас будет образ правления, лишь бы восстановился внутренний порядок, т.-е. прекратилась бы анархия. Довольно наивные рассуждения. Конечно, они желают, чтобы прекратилась анархия, но для иностранного и русского кредитора важно, чтобы установился такой образ правления, при котором были бы, если не невозможны, то маловероятны подобные авантюры, как ужасающая японская война, по личным капризам, нотаваемым, авантюристов... Взрослый человек может,

¹⁾ И. Левин. «Германские капиталы в России». Сиб. 1914. Табл. XI и XII.

²⁾ Граф С. Ю. Витте. «Воспоминания. Царствование Николая II». Том I. Госизд. 1923. Стр. 411 и след.

пожалуй, раз обжечься кипятком, но не глотнет его вторично. После тех потерь, которые заграница понесла со времени японской войны, она откроет свои кошельки только такому российскому режиму, которому она будет верить, верить же тем или тому порядку, при котором она потеряла процентов 20 капитала в русских ценностях, она не будет».

Обиженный политическими верхами торгового капитала бывший министр промышленной буржуазии оказался плохим пророком: в 1906 г. был за границей реализован царский 5% внешний заем на 2¼ миллиарда франков; при чем судьба его решалась иностранными консорциумами банков в марте месяце, когда казна еще не оправилась от последствий того финансового бойкота, который объявил ей Петербургский Совет Рабочих Депутатов,—в марте месяце, накануне театрального Выборгского призыва думских представителей промышленной буржуазии к финансовому бойкоту царизма, накануне восстаний в Свеаборге и в Кронштадте ¹⁾).

¹⁾ Из нижеследующего архивного документа видно, что уже в декабре 1905 г., в разгар революции и финансового бойкота, французский капитал спас русское самодержавие от финансового банкротства, выдав ему срочный аванс в 100 милл. руб. в счет того займа, который был окончательно решен спустя три месяца. Понятно, что заставило Витте замолчать этот факт.

Вот этот документ.

Телеграмма графа Витте на имя статс-секретаря Коковцева в Париж от 25/XII — 1905 г. «По Мароккскому вопросу, лично убежден, дело уладится, и Германский Император никогда не решится на войну. Я еще переговорю с Министром Иностранных Дел и Государем и если было бы возможно заключить заем при условии успокоительного заявления со стороны Германии, вероятно, мы могли бы достигнуть этого в той или другой форме. Относительно внутреннего положения я надеюсь на постепенное, по крайней мере в ближайшие месяцы, успокоение. По вопросу о займе нам мог бы помочь только немедленный заем или аванс не менее 100 милл. рубл. под заем будущий. И если будет какая-либо гарантия, что взносы от такого займа (будут поступать), банкиры не отклонят при благоприятном решении Мароккского вопроса и неухудшении дел в России, и если, кроме того, краткосрочные обязательства Германии будут отерочены, хотя бы на полгода. В противном случае полученные сто миллионов от Франции придется отдать Германии, и это нашего положения не улучшит. В таком случае, может быть, прямо прекратить размен. Но предупредите французское правительство и банкиров, что при прекращении размена мы не будем в состоянии огрaдить интересов иностранных владельцев наших фондов. Витте».

Телеграмма Коковцева из Парижа министру финансов от 29/XII — 1905 г. «Сейчас подписываю контракт на 100 милл. рублей по мёндельсо-

Прав Туган-Барановский: иностранный капитал боялся русской революции. Но именно потому, что он ее боялся, он не только не утек из России, но, наоборот, притек в нее в критический для царских финансов момент.

В конце 1907 года разразился мировой кризис, и 1908 г. и большая часть 1909 г. были для западной Европы годами депрессии. Депрессия же характерна широким предложением свободных капиталов и низким ссудным процентом. Так, официальный учет европейских центральных банков проявил себя следующим образом (даты по нов. стилю): в Лондоне 1/1 1907 г. — 6%, 1/1 1908 г. 7%, 1/V 1908 г. и 1/1 1909 г. — 2½%; в Париже 1/1 1907 г. — 3%, 1/1 1908 г. — 4%, в феврале 1908 г. и 1/1 1909 г. — 3%; в Берлине 1/1 1907 г. — 7%, 1/1 1908 г. — 7½%, во второй половине 1908 г. и 1/I 1909 г. — 4% ¹⁾).

«Год тому назад, — говорит автор итогов за 1908 год в том же номере, — весь деловой мир был серьезно озабочен дороговизною денег... сегодня же он не менее озабочен их обилием, образовавшимся вследствие застоя промышленности». Западно-европейский финансовый капитал искал выгодного помещения денежных излишков. И далеко не гнушался Россией, но здесь он размещался в правительственных займах и в гарантированных правительством и городскими самоуправлениями бумагах. Так, в 1909 г. был заключен царским правительством 4½% внешний заем на 1 миллиард 400 милл. франков, при чем судьба займа решалась в декабре 1908 г., и из него тогда же французский синдикат банков взял львиную долю — 1 миллиард 220 милл. франков.

Следующая таблица рисует движение железнодорожных займов за границей (по Левину, табл. IV). Выпущено гарантированных и негарантированных акций и облигаций русских железных дорог (в милл. руб.):

Г о д ы.	В России.	За границей.
1908	18,0	133,0
1909	70,3	99,0
1910	40,8	78,7
1911	15,0	63,0
1912	26,3	178,6

новскому образцу. Копию контракта пришло из Берлина». Ленинградское отделение Центрархива. III экономич. отдел. Секретарская часть Министерства Финансов. «Дело о поездке статс-секретаря Коковцева в Париж в декабре 1905 г.». Арх. № 4. 1905 г.

Копией настоящего документа любезно поделился с нами тов. Н. Ванаг.

¹⁾ «Промышленность и Торговля». Орган Совета Съездов представит. промышл. и торговли. 1909 г. № 1.

По данным особой канцелярии по кредитной части (Левин, табл. VII), облигации русских городских займов размещались следующим образом:

Г о д ы.	Размещено (в милл. руб.):	
	В России.	За границей.
1908	3,2	69,1
1909	7,0	26,6
1910	41,8	31,5
1911	10,9	16,6
1912	2,7	55,1

В Лондоне, — говорит Левин, — с 1908 г. «образовываются специальные финансовые общества, ставящие своей задачей реализацию русских ценностей и интересующихся особенно городскими облигациями».

В то же самое время (1908 и 1909 гг.) и Россия переживала полосу еще более тяжелой депрессии, и вкладывать деньги в русскую промышленность, находящуюся в состоянии летаргического сна, для западно-европейского капитала не было никакого расчета.

Тем более, что русская промышленность в это время и не нуждалась в приливе в нее капиталов через заграничные финансовые каналы. В самой России некуда было девать свои туземные капиталы.

Достаточно сказать, что в течение 1908 года в русские ссудосберегательные кассы поступило денежных вкладов на 646 милл. руб.¹⁾ — сумма, в 2,6 раза превышающая иностранный капитал, помещенный, по В. Зиву, в русских банках к 1 января 1914 года.

Зверев, обозреватель денежного рынка газеты «Промышленность и Торговля», приводит интересную таблицу накопления капиталов и требований на них в России за время с 1908 по 1912 гг.²⁾ Если через «+» обозначить превышение капиталов над требованиями, а через «—» обозначить превышение требований над капиталами, то для 1908 г. получаем «+» 244, для 1909 г. «+» 230, для 1910 г. «—» 140, для 1911 г. «—» 206 и для 1912 г. «—» 6. Недостаток капиталов стал ощущаться только после того, как резко обозначился подъем. И иностранные капиталы, приливая в Россию после начала подъема в надежде на дешевый рабочий рынок, образо-

¹⁾ «Ежегодник Министерства Финансов». 1910 г.

²⁾ «Промышленность и Торговля». 1914 г. № 1.

навшийся в результате Столыпинской реформы, вынуждены были считаться с состоянием денежного рынка в России. Из приведенных выше данных видно, что 1911 год был годом наибольшей нужды в капиталах. Этому соответствовала в 1911 году и наибольшая иммиграция иностранных капиталов. Так, по Левину, высший кредит, оказанный русским коммерческим банкам, равнялся в 1910 г. 158 милл. руб., в 1911 г.—267 милл. руб. и в 1912 г.—223 милл. руб. На металлургических предприятиях юга России с чисто иностранными капиталами 1909 г. против 1907 г. дал + 5 милл. руб. основного капитала, 1911 г. против 1909 г. +12 милл. руб. и 1913 г. против 1911 г.+3 милл. руб. (В Зив. Цитир. сочин., Стр. 23).

Иностранный капитал — не тот *deus ex machina*, который по Туган-Барановскому двигал русскими промышленными циклами: он не только не вызвал подъема в XX веке, но и в самом ходе этого подъема свежий приток его играл менее видную роль, чем в подъеме 90-х годов XIX века.

III.

Депрессия особенно сильно отразилась на металлургическом и металлообрабатывающем производствах.

В литературе указывалось, что 1907 год внес-было в эти отрасли некоторое оживление.

Относительно металлообрабатывающей промышленности это абсолютно не верно. «Общее состояние промышленности в отчетном году. — читаем в отчетах фабричных инспекторов за 1907 год. — представляло доволно пеструю картину и было не одинаково как по отдельным губерниям, так и по различным производствам. Однако, кризис в железообрабатывающем, механическом и судостроительном производствах продолжался, повидимому, в той же степени, как и в последние предшествовавшие годы. «Судостроительство. — сообщает окружной инспектор Поволжского округа. — было чрезвычайно ограничено, так как и ныне значительная часть флота не находила себе работы и судовой ремонт был сокращен до пределов крайней необходимости. Лишь осенью 1907 г. механический и судостроительный завод Сормово в Нижегородской губернии получил сравнительно крупный заказ на 8 железных барж, вследствие чего в нем временно было увеличено число рабочих в судостроительном и механическом цехах на 1.109 чел., остальные же цеха, исклю

чая железоперелочного, за неимением заказов работали вяло. Такие же крупные затруднения испытывали и другие большие механические заводы, а Усть-Катавский завод (в Уфимской губ.) постоянно находился даже под угрозой закрытия». То же самое наблюдалось и в других округах. «Если и можно отметить, — сообщает окружной инспектор Харьковского округа, — некоторое оживление заведений по обработке пищевых веществ (мукомольное, сахароварное), то необходимо сказать, что одна из важнейших отраслей промышленности округа, именно обработка металлов, пережила в отчетном году еще более тяжелый кризис, чем в 1906 г. Помимо прекращения работ такими заведениями (машиностроительный завод Пастухова, Сталелитейный завод и др.), многие заводы едва работали. Тульский патронный завод, имевший в конце 1905 г. 7.100 рабочих, в начале отчетного года имел их только 3.153, в конце же отчетного года — только 1.470. На Брянском заводе (Орловской губ.) число рабочих постепенно сокращалось с 10.176, бывшем в конце 1905 г., до 7.400 в отчетном году. Радицкий вагоностроительный завод, постепенно сокращая работу, в начале 1908 г. вовсе временно прекратил ее. Постепенное сокращение числа рабочих происходило также до конца отчетного года на Луганском заводе Гартмана и Харьковском паровозостроительном заводе. При этом необходимо принять в расчет, что в списках рабочих некоторых крупных заводов (Брянский завод, Харьковский паровозостроительный и др.) в отчетном году значилось гораздо больше, чем состояло в действительности на работе, так как вследствие сильного сокращения заказов и необходимости соответствующего сокращения числа рабочих стала применяться система неопределенных отпусков, т. е. рабочему, назначенному к увольнению, чтобы сохранить за ним право на преимущественный прием на работу, когда она явится, давался отпуск на неопределенное время. Те же рабочие, которые сохранили за собой работу, по совершенно понятным причинам вовсе не стремились кончить ее поскорее, а, наоборот, растягивали ее на возможно большее время, заботясь лишь о том, чтобы сохранить только цеховую окладную плату. Вследствие этого, например, токари Брянского завода, зарабатывавшие в 1906 г. по 40 руб. в неделю, в 1907 г. зарабатывали всего 7—10 руб. Если при этом вспомнить, что многие заводы временно приостанавливали работу и что работа очень нередко производилась в течение лишь четырех или пяти суток в неделю, то становится ясным, что в ожидании лучших условий работа, помимо известного сокращения числа рабочих, велась бол-

шим числом рабочих, чем это было нужно, и рабочие руки в отчетном году не были использованы в надлежащей мере»¹⁾).

В металлургической же промышленности оживление в 1907 г. было такого рода, что неизбежно в последующие годы должно было усилить депрессию.

Возьмем наиболее характерную для капитализма отрасль металлургии — чугуноплавильное производство. В 1907 г. по всей России (кроме Финляндии) выплавка чугуна возросла меньше чем на 8 милл. пуд. В Донбассе же (которым мы обозначаем весь южный район) увеличение немногим больше 9 милл. пуд. Таким образом, суммарная цифра скрадывает ухудшение чугуноплавильного производства во всей России, кроме Донбасса. И действительно, в Донбассе с 1907 г. идет непрерывный рост производства в то время, как на Урале оживление замечается только с 1910 г., в Польше оживление — со второй половины 1909 г., в центральном подмосковском районе — с 1910 г.²⁾.

То же можно сказать и о железоделательном производстве. Готового железа и стали по всей России произведено было в 1907 г. на 8 милл. пуд. больше, чем в 1906 году. На юге же России — повышение на 10 милл. пуд. Стало быть, в остальной России — ухудшение²⁾).

Интересно отметить, что производство железа и стали, которых в 1904 г. было меньше перепроизведено, в общероссийском масштабе оправилось раньше чугуноплавильного. Оживление здесь заметно уже во второй половине 1909 года.

Как бы там ни было, в 1907 г. было все же произведено чугуна. полупродукта, железа и стали больше, чем в 1906 году.

Можно ли отсюда сделать заключение, что в 1907 году наступило улучшение конъюнктуры металлургического рынка?

Чтобы дать правильный ответ, надо знать, о каком рынке идет речь, о внутреннем или внешнем.

Если речь идет о внутреннем рынке, то в 1907 г. было несомненное ухудшение. Так, видимое потребление чугуна, приходящееся на 1 жителя, по сравнению с 1906 г. понизилось на 0,05 (1,21 пуд. в 1906 г. и 1,16 пуд. в 1907 г. — по данным Стат. Бюро Сов. С'езд. представ. торг. и промышл.).

¹⁾ Свод отчетов фабричных инспекторов за 1907 г. Стр. III, IV и V.

²⁾ «Железная промышленность южной России в 1913 г.». Изд. Статист. Бюро Совета С'ездов горнопромышленников юга России.

Если же иметь в виду внешний рынок, то, в связи с расцветом западно-европейской промышленности, конъюнктура на нем была благоприятна для экспорта продуктов русской металлургической промышленности.

Южно-русские горнозаводчики и использовали эту возможность, сделав соответствующий нажим на правительство в вопросе о льготных железнодорожных тарифах для экспорта за границу чугуна, железа и стали в лому. В своей «Записке» Совет Съездов представителей промышленности и торговли «считает своим долгом выразить... г. министру финансов глубокую признательность за ту отзывчивость и энергию, которую он проявил при установлении в начале прошлого года, по ходатайству Совета наших Съездов, специальных экспортных тарифов на железные товары. Благодаря лишь этой мере возможно было русской металлургии произвести довольно серьезное завоевание на международном железном рынке»¹⁾.

И эта благодарность была по заслугам. Достаточно сказать, что для чугуна экспортный тариф был понижен в 2 раза по сравнению с общим. Так, из Нижнеднепровска до Николаева общий тариф 11,32, экспортный же 5,66, из Нижнеднепровска до Волочиска соответственно 18,19 и 9,10¹⁾.

В результате «этой меры» Донбассом в 1907 г. было вывезено за границу 4,5 милл. пуд. чугуна и 15 милл. пуд. железа и стали. Если все это перевести в чугун (прибавив 33 $\frac{1}{2}$ % к весу железа и стали), то получим 24,6 милл. пуд. чугуна, что составляет 14,3% всего производства чугуна в Донбассе за 1907 год.

Таким образом, промышленный подъем на Западе расширил металлургический рынок России.

Тем чувствительнее должен был отразиться на русской металлургической промышленности мировой кризис, разразившийся в конце 1907 года.

С 1908 года русская промышленная депрессия была осложнена мировой промышленной депрессией.

Для русской металлургии рынок сбыта ее изделий снова был сужен рамками внутренней емкости.

Еще и прежде Донбасс, опираясь на экспорт, угнетал своей конкуренцией другие металлургические районы.

¹⁾ «Записка Совета Съездов представителей промышленности и торговли о мерах к подъему отечественной железной промышленности и машиностроения (к междоуведомственному совещанию 26 мая 1908 г.)».

Теперь же, в 1908 и 1909 г.г., он своими синдикатскими щупальцами настолько овладел внутренним рынком, что даже повысил свое производство за счет других районов.

«Застой в нашей металлургической промышленности,—читаем в отчетах фабричных инспекторов за 1909 год,—с особенною остротою отражается на северо-восточном (Уральском) районе, которому, при общем стеснительном положении металлургической промышленности, конкуренция с южными заводами становится особенно затруднительна»¹⁾.

Успехи Донбаса вполне понятны. Депрессия, знаменуя застой всей промышленности в целом, вовсе не означает застоя всех без исключения промышленных предприятий: обостряя в высшей степени конкурентную борьбу отдельных промышленных единиц, она дает перевес и относительный успех тем из них, которые превосходят другие своей синдикатской организованностью, более высокой техникой и, стало быть, более высоким органическим составом капитала.

То, что сказано здесь об отдельных предприятиях, вполне приложимо и к целым экономическим районам.

И по всем этим признакам Донбасс выгодно выделялся из других металлургических районов, чем и объясняются его относительные успехи в годы общего металлургического застоя.

В то время, как Уральский район совсем не знал синдикатской практики, а другие районы были слабо синдицированы, Донбасс за 1908 и 1909 г.г. значительно подвинулся вперед по пути монополизации рынка. Если еще в 1908 г. в общество «Продамета» поступило заказов всего на 15 милл. пуд. железных товаров, то в 1909 г.—уже на 59 милл., т.-е. почти вчетверо больше²⁾. До 1 января 1909 г. продажа сортового железа производилась непосредственно заводами, с 1 января значительная ее часть переходит к «Продамете»: за первую половину 1909 г. «Продамете» было поручено продать 17 милл. пуд.³⁾. По словам Зива, в начале 1908 года возник даже проект образования в России металлургического треста под названием «Русский металлургический союз». В разрешении этого проекта приняли главное участие парижские и брюс-

¹⁾ Свод отчетов фабричных инспекторов за 1909 г. Стр. XI.

²⁾ «Статистический ежегодник» на 1913 г. Изд. Совета Съездов представителей промышленности и торговли под ред. В. Шарого. Стр. 167.

³⁾ «Промышленность и Торговля», 1914 г. № 1. Статья «Кое-что о железных тисках Продаметы».

сельские банки, в том числе крупнейшие французские банки Société générale и Banque de l'union Parisienne. Иностранные банки обязались тогда даже реализовать на местных рынках облигационный заем треста на весьма значительную сумму по очень выгодной для треста выпускной цене. Эта готовность содействовать успеху проектируемого треста объяснялась тем, что парижские и брюссельские банки сильно заинтересованы, в качестве крупных акционеров, в русской железной промышленности, а кроме того, тем, что в самый трест вошел весьма значительный процент французских и бельгийских предприятий»¹⁾. Правда, этот проект не выгорел, но тем не менее самый факт его возникновения ярко показателен для той тенденции к монополизации рынка и самого производства, которая характерна для связанного с западно-европейским финансовым капиталом Донбасса.

Базой упомянутого проекта служила сильная концентрация производства на наиболее технически мощных южных заводах.

Как видно из нижеследующих относительных чисел (вычислены нами по данным Стат. Бюро Совета Съездов горнопром. юга России в «Железной промышленности южной России» за ряд лет), концентрация производства на доменных заводах юга России делала наибольшие успехи в годы наибольшей депрессии (1906 и 1908 гг.).

Годы.	%,/о-ная доля заводов с производством свыше 10 милл. пуд. в общей сумме производства.
1904	59,4
1905	46,9
1906	58,7
1907	49,0
1908	60,3
1909	65,6
1910	60,1

Понятно, что эта концентрация действовала в том же направлении — вытеснения Донбассом с внутреннего рынка его конкурентов.

Тому же содействовали и ярко выраженные в нижеследующих таблицах техническое превосходство металлургических заводов Донбасса и их технический прогресс за годы депрессии:

¹⁾ В. З и в. Цитир. соч. Стр. 103.

А. Состояние металлургических заводов трех важнейших районов *).

	1890 год.			1909 год.		
	Юг Рос- сии.	Урал.	Польша.	Юг Рос- сии.	Урал.	Польша.
Число заводов	9	111	50	21	95	15
Число рабочих	13.552	142.241	7.441	53.357	146.000 ¹⁾	15.354
Число рабочих на 1 зав.	1.505	1.281	149	2.541	1.540	1.025
Число лош. сил	13.768	14.966	8 206	163.072 ²⁾	47.793 ²⁾	35.584 ²⁾
Число лош. сил на 1 зав.	1.530	135	161	8.003 ²⁾	478 ²⁾	2.222 ²⁾
Число лош. сил на 1 раб.	1,02	0,11	1,10	3,23 ²⁾	0,33 ²⁾	2,43 ²⁾
Выпл. чугуна (тыс. пуд.)	13.418	27.704	7.768	122.879	34.914	13.166
Выплавка чугуна на 1 зав. (тыс. пуд.)	1.491	250	155	5.375	367	878
Средняя выпл. на 1 раб. (пуд.)	990	194	1.041	2.321	240	858
Число доменных печей	14	107	30	46	77	10
Выплавка чугуна на 1 печь (тыс. пуд.)	958	259	259	2.670	453	1.317
Производство март. стали (тыс. пуд.)	4.612	559	3.366	66.636	84.993	20.382
Число март. печей	19	12	11	75	63	33
На 1 март. печь тыс. пуд. стали	244	47	306	916	556	648
Производ. бессемер. стали (тыс. пуд.)	2.412	1.927	—	33.859	1.533	—
Число бессемер. конверт.	2	4	—	30	7	4
На 1 конвертор тыс. пуд. стали	1.206	482	—	1.128	219	—

Б. Технический прогресс металлургических заводов юга России **).

Г о д ы.	Паровых машин.		Электрических машин.		Кранов паровых железнодорожных.		Кранов электрических.	
	Число.	Общей силы пар. лошад. (в тыс.).	Число.	Общей силы киловатт (в тыс.).	Число.	Общей подъемной силы тонн.	Число.	Общей подъемной силы тонн.
1904	1.166	220	492	19	99	736	187	2.105
1905	1.082	217	117	16	113	747	208	2.731
1906	889	215	127	17	114	786	235	3.122
1907	888	211	120	20	102	810	230	3.087
1908	819	179	128	21	106	883	239	3.271
1909	811	187	125	27	103	862	269	3.368
1910	812	192	138	34	104	846	296	3.980

¹⁾ Предполагаемое.

²⁾ За 1908 г.

*) «Стат. Ежегодник», под ред. В. Шарго на 1918 г.

**) «Железная промышленность южной России» за 1906—1912 гг.

В 1908 г. остальные металлургические районы были настолько угнетены, что повышение производства Донбассом не могло уже, как в 1907 г., в суммарной цифре общероссийской продукции скрасть плачевное состояние этих районов — цифра дала понижение:

Годы.	Общая выплавка чугуна в России (без Финляндии).	Выплавка юга России в % откош. ко всей выпл.
1906	164 милл. пуд.	62,1
1907	172 " "	64,6
1908	171 " "	68,6

VI.

Каменноугольная промышленность и нефтяная промышленность занимают с 1906 года особое место в развитии русского промышленного капитала. Это место определялось их взаимной жестокой конкуренцией.

Если брать абсолютные числа, то производство каменного угля, антрацита и нефти сравнительно с 1906 г. дало повышение в 1907 и даже в 1908 г.г., и притом по всем главным районам.

Таблица добычи ископаемого угля¹⁾.

Г о д ы.	Добыто по всем районам России (в милл. пуд.)
1904	1.197
1905	1.140
1906	1.326
1907	1.538
1908	1.581
1909	1.588
1910	1.525
1911	1.739

Размеры общей полезной добычи нефти на Апшеронском полуострове²⁾.

Годы	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910
Добыто за год (в милл. пуд.) .	598	617	410	448	476	468	492	478

Однако, это еще не говорит об оживлении в этих отраслях горно-промышленности: необходимо при этом учитывать искусственное понижение добычи нефти относительно добычи ее в 1904 или 1903 гг.

¹⁾ «Каменноугольная промышленность южной России» за 1912 г. Изд. Стат. Бюро Сов. С'езд. горн. юга России.

²⁾ «Статистика производств обложенных акцизом» за 1905, 1908 и 1912 гг.

Добыча нефти на Бакинских промыслах в 1907 г. против 1906 г. увеличилась на 28 милл. пуд. или 6,3 %, но была ниже добычи 1904 г. на 141 милл. пуд., или 22,9 %, и даже ниже добычи 1903 г. на 122 милл. пуд., или на 20,4 %.

Понижение добычи нефти производилось в целях удержания цен на нефть и нефтяные продукты на уровне или даже выше тех цен, которые установились в результате разгрома бакинских промыслов в 1905 г.

Вот цены на сырую нефть в Баку (на промыслах) по отметкам бакинской биржи ¹⁾ (в коп. за пуд.).

Годы.	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910.
Цены.	8,2	6,7	9,0	15,2	18,4	25,6	27,7	21,6	21,0	15,0.

Обычно нефтепромышленники Бакинского района объясняли пониженную добычу нефти естественным истощением нефтяных источников, но достаточно взглянуть на движение цен, чтобы понять, где тут собака зарыта.

Относительное недопроизводство жидкого топлива успешно использовалось каменноугольной промышленностью.

Однако, в 1909 и 1910 гг. нефтяной рынок, потерявший из-за дороговизны нефти своих клиентов, перешедших на твердое минеральное топливо или на дрова, настолько сузился, что в 1910 г. нефтяным магнатам пришлось понизить цены на нефть и нефтяные остатки (мазут) почти на $\frac{1}{3}$.

Это спасло нефтяной капитал, но поставило капитал каменноугольный перед фактом перепроизводства его продуктов. И вот со второй трети 1906 г. и в 1910 г., в год всеобщего подъема, каменноугольное производство понижается.

Связь сокращения добычи минерального топлива с состоянием рынка легко установить на примере потребления топлива на железных дорогах. В 1910 г. всеми русскими железными дорогами было потреблено против 1909 г. каменного угля и антрацита на 15 милл. пуд. меньше, нефти же на 7 милл. пуд. больше ²⁾. Тут ясно сказывается понижение цен на нефть и конкуренция ее с твердым минеральным топливом.

После этого с 1911 г. и каменноугольные промышленники перенимали тактику относительно недопроизводства, т.-е. недопроизводства в сравнении с рыночным спросом, а в свое оправдание так же,

¹⁾ «Статистика производств, обложенных акцизом» за 1905, 1908 и 1912 г.г.

²⁾ «Статистический сборник Министерства Путей Сообщения» за 1913 г.

как прежде и позже нефтенпромышленники, ссылались на естественные причины, например, на холерную эпидемию, от которой де горнорабочие разбегались из шахт.

V.

Мануфактурная промышленность обнаружила в 1906 г. некоторое оживление. Это объясняется тем недопотреблением, которое было результатом революции 1905 г., парализовавшей во второй его половине товарное обращение. Оживление продолжалось и в 1907 г. и в первой половине 1908 г. Во второй же половине 1908 г., вследствие неурожая, произошла известная заминка.

Во всяком случае, благополучие текстильной промышленности во время депрессии было весьма относительно. Вот красноречивые цифры:

Потребление населением бумажных тканей ¹⁾.

Годы	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910
На каждого жителя приходится тканей в фунт.	3,8	3,8	3,8	3,4	3,7	3,9	3,9	4	4,1

Таким образом, годы депрессии после русско-японской войны мало чем отличаются от застойных годов накануне этой войны. Только в 1909 г., в связи с урожаем, имело место прочное оживление.

Необходимо указать, что вообще наша легкая индустрия во время депрессии была угнетена значительно меньше тяжелой индустрии. О причинах этого явления, из которого Туган-Барановский выводит несостоятельность марксистской теории кризисов, читатель, надеемся, сам догадается на основании того, что сказано нами во II главе. Кроме того, тут действовала еще специальная причина — несвязанность нашей легкой индустрии с казенными заказами, которые после русско-японской войны сошли на нет.

VI.

Чем объясняется затяжная и острая форма русской промышленной депрессии XX века?

¹⁾ «Статистика бумагопрядильных и бумаготкацкого производства за 1900—1910 гг.» Изд. Отд. Пром. Минист. Торговли и Промышленности.

Основная причина — узость крестьянского рынка, вытекающая из той крупной роли, которую играли в деревне остатки крепостнических отношений, как цепкий пережиток торгово-капиталистической эпохи.

Низкая техника крестьянского земледелия ставила его в зависимость от стихии: полоса депрессии после русско-японской войны как раз совпадает с рядом неурожайных годов. Неурожай же сжимал и без того узкий крестьянский рынок.

Это тем чувствительнее отражалось на нашей тяжелой индустрии, что она с начала XX века потеряла в фиске привычный рынок. Последовавший за исключительным притоком казенных заказов во время русско-японской войны мертвый сезон на казенном рынке еще более обострил ее положение.

Можно сказать, что вся послевоенная депрессия проходила под знаком перехода тяжелой индустрии на новые рельсы — от тепличного состояния под покровительством правительственных «воспособлений» к тяжелой конкурентной борьбе на внутреннем рынке, емкость которого зависела от покупательной способности крестьянской массы.

Единственной отдушиной мог явиться — внешний рынок. В 1907 г. тяжелая индустрия и использовала его^{*)}. Но с конца этого года, с началом мирового кризиса и депрессии, и эта отдушина была плотно закупорена. А временный рост производства на заграничный рынок по прекращении заграничного вывоза только ухудшил состояние тяжелой индустрии. С 1908 года русская промышленная депрессия стала в зависимость от мировой депрессии.

Кроме этих общих причин, имели значение и причины специальные.

Одной из них является кризис железнодорожного транспорта, вызванный той железнодорожной перетряской, какая имела место в русско-японскую войну. Этот транспортный кризис были ликвидирован лишь в 1909 году.

Далее, болезненное течение депрессии нельзя не приписать в значительной мере тому особенному положению, которое в русском народном хозяйстве сохранял торговый капитал. Чрезвычайно интересна в этом отношении статья Уралъца в «Горнозаводском Листке» за 1905 г.: «Условия посредничества между произво-»

^{*)} В 1907 г. процентное отношение цифры вывоза за границу к цифре годового производства составляло для рельсов 20%, для железной руды — 17% (для чугуна, железа и стали % приведен выше).

лями и потребителями в России» ¹⁾. Автор отмечает «чрезмерно высокий вообще процент, взимаемый у нас в пользу посредников по продаже произведений русской промышленности... Стоимость таких услуг входит в окончательную рыночную расценку продуктов. А от доступности или недоступности рыночной расценки зависит возможность или невозможность сбыта данных продуктов, т.е. кардинальный вопрос для промышленности, альфа и омега самого ее существования». В России, — продолжает оп., — замечается явление, обратное тому, что мы наблюдаем в Западной Европе и С.-А. С. Ш.: «торговая прибыль почти всегда выше производительской». Промышленности России «приходится самым серьезным образом считаться и с достаточною покупательною способностью масс русского народа, как в смысле количества потребляемых продуктов, так и в смысле рыночной цены на последние, и с дороговизною коммерческого кредита, и вообще со всеми дефектами русской торговой деятельности. А поэтому отечественная промышленность вынуждена волею-неволею покоряться существующим требованиям посреднического вознаграждения, диктуемым торговым сословием классу производителей. В результате — весьма тяжелый налог на последних в пользу перепродавцов произведений отечественной промышленности. Отчеты акционерных и паевых торговых предприятий по металлам вообще, а по железу в частности, публикуемые ежегодно в официальных изданиях Министерства Финансов, свидетельствуют, что, например, минувший кризис нимало не коснулся интересов вышеназванных фирм. Они, как оказывается из отчетов, продолжали выдавать держателям акций или паев дивиденды в прежних размерах, а именно от 5 до 10% на свои складочные капиталы. И это происходило в то самое время, когда производители металлов в огромном большинстве терпели убытки, продавая продукты своих заводов ниже стоимости их производства»...

В самом деле: всякая депрессия изживается низкими ценами. И чем ниже цены, тем быстрее рынок рассасывает избыток товаров. Поэтому невозможность значительного понижения цен вследствие высокой нормы торговой прибыли является сильным тормозом для улучшения рыночной кон'юнктуры.

Цитированная статья датируется 1905 годом. Но и послевоенная депрессия характеризуется тем же явлением. Об этом говорят следующие цифры:

¹⁾ «Горнозаводский Листок» за 1905 г., № 3. Стр. 7482 и сл.

Годы.	% дивиденда по всем акционерным предприятиям ¹⁾ .	% дивиденда акционер. машиностроит. и механических предприятий ²⁾ .	% дивиденда акц. предпр. по торговле железн. изделиями и машинами ³⁾ .
1905	—	2,94	6,02
1906	5,48	2,67	7,95
1907	5,46	2,48	7,96
1908	4,85	2,05	6,06
1909	5,76	1,58	6 09

VII.

Во второй половине 1909 года в циклическом развитии русского промышленного капитала произошел перелом: началось слабое оживление, которое к середине 1910 года перешло в подъем.

Какие же факторы содействовали этому перелому?

Помимо общих причин, которые действуют во всякой депрессии (а именно: восстановление основного капитала, концентрация производства, введение технических усовершенствований и материальное разрушение или экономическое обесценение невыживших в конкурентной борьбе хозяйственных единиц), необходимо указать ряд исторических факторов: ими собственно и определился момент перелома.

В первую голову надо выдвинуть те изменения, которые за время депрессии произошли в крестьянском хозяйстве и классовой структуре деревни.

Под свежим впечатлением аграрной революции 1905 и 1906 годов происходит усиленная распродажа земли дворянами в 1906, 1907 и 1908 годах. За эти годы дворянами было продано Крестьянскому Поземельному Банку и непосредственно крестьянам при его содействии 4.035 тыс. десятин земли за 478.591 тыс. рублей ³⁾. Никогда ни до того, ни после распродажа дворянских имений не достигала таких огромных размеров.

Этот факт имел важные последствия: 1) ослабил полукрепостническое крупное дворянское землевладение, так как земли продавали, главным образом, владельцы полукрепостнических латифундий не только из страха перед повторением «ужасов» крестьянской революции, но и из-за пониженных революцией арендных цен: при высоких ценах на хлеб промышленно-капиталистическая часть

¹⁾ «Стат. Ежегодник», под ред. Шарого на 1912 г.

²⁾ «Промышленность и Торговля» за 1912 г. №№ 13 и 14.

³⁾ «Ежегодник России» Центр. Статист. Комитета за 1914 г.

дворянства не столь пугалась революции; 2) дворянские земли переходили к крестьянской буржуазии, и, таким образом, усиливалась классовая дифференциация в деревне: переход той земли, которую прежде бедняк или середняк арендовал на кабальных условиях у помещика-«крепостника», в руки кулака влек за собой разорение первых и превращение их в наемных работников последнего.

Расслоению крестьянства содействовал и ряд неурожаев: разоря маломощную часть деревни, они усиливают кулаков, и хотя в годы неурожаев покупательная способность крестьянства в целом падает, относительная товаризация его растет, и это сказывается в последующие урожайные годы. «Каждый неурожай, — говорит В. И. Ленин, — выбрасывает массы среднего крестьянства в ряды пролетариата» ¹⁾.

Разложение крестьянства было усилено и переселенческим движением в Сибирь. Как раз в годы депрессии наблюдается наибольшая тяга в Сибирь, о чем свидетельствует следующая таблица (по данным «Статистического Сборника Министерства Путей Сообщения» за 1913 год):

Годы.	Перевезено пассажиров по тарифу переселенцев по всем ж. д. общего значения:
1903	576.016
1904	250.535
1905	250.347
1906	1.363.708
1907	3.566.858
1908	3.189.800
1909	3.192.786
1910	2.644.621
1911	1.902.599
1912	1.635.377

«Развитие переселенческого движения, — говорит В. И. Ленин, — дает громадный толчок разложению крестьянства и особенно земледельческого крестьянства. Известно, что переселяются, главным образом, крестьяне из губерний земледельческих (из промышленных эмиграция совершенно ничтожна), и притом именно из густонаселенных центральных губерний, в которых всего более развиты отработки (задерживающие разложение крестьянства). Это во-первых. А во-вторых, из районов выселения идет, главным образом, крестьянство среднего достатка (разрядка В. И.), а на родине остаются,

¹⁾ В. И. Ульянов-Ленин. «Развитие капитализма в России». Изд. «Моск. Рабочий». 1923 г. Стр. 111.

главным образом, крайние группы крестьянства. Таким образом переселения усиливают разложение крестьянства на местах выхода и переносят элементы разложения на места вселения (батрачество новоселов в Сибири в первый период их новой жизни)» ¹⁾. Для периода депрессии к этим соображениям необходима поправка: в 1906—1909 г. г. из районов выселения идет кроме крестьянства среднего достатка и крестьянство бедняцкое, и притом широкой волной. Так, по Черниговской губ. 40% всех переселенческих хозяйств в 1906—1908 г. г. составляют хозяйства с наделом в 0—3 десятины ²⁾. Это исключительное явление объясняется действием указа 9 ноября 1906 г., давшего беднякам возможность отчуждением наделной земли приобрести необходимые для переселения средства. И если разложение крестьянства на местах выхода почти не углублялось изменением количественного соотношения между середняками и бедняками, то зато этому разложению сильно способствовал другой фактор, который до периода депрессии не имел большого значения. Этим фактором являются продажа и сдача в аренду кулакам земельных наделов переселенцев. «В исследованиях Черниговского земства,—говорит И. Ямзин,—мы встречаем чрезвычайно интересную таблицу. Из нее совершенно очевидно, что если переселенцы приступили к ликвидации своих хозяйств, то в подавляющем большинстве случаев они предпочитали продажу земли сдаче ее в аренду или передаче обществу. Притом любопытно, что процент продающих землю хозяйств в каждой земельной группе обратно пропорционален земельной обеспеченности продавцов и прямо пропорционален качеству земли, что чем лучше земля и чем мельче участок, тем легче он продается». Если, по данным харьковского исследования, «сравнить два периода 1904—1906 гг. и 1907—1908 гг., то окажется, что передали надел обществу в 1-м периоде 65,5% и во 2-м 14,3%, продали 3,9% и 35,4%, сдали в аренду 4,6 и 32,6, не ликвидировано 18,8 и 13,6. Таким образом, и быстрота ликвидации и способ ее резко изменились» ³⁾. Если мы примем во внимание, что «переселенческая земля продается на 52% ниже средней цены при обычных продажах» и что поспешная сдача в аренду, к тому же при неурожаях, сильно понижает ее цену, то поймем, какая группа крестьянства на местах

¹⁾ Там же. Стр. 112 и след.

²⁾ И. Я м з и н. «Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян». Киев. 1912. Стр. 108.

³⁾ Там же. Стр. 108 и 110.

выхода. материально выигрывала от переселенческого движения в годы депрессии. С другой стороны, на места вселения вносились еще более сильные элементы разложения переселением массы бедняков. Несомненно, что именно в связь с последним надо поставить усиленный спрос на с.-х. машины и орудия, шедший из Сибири от зажиточных крестьян, приобретших дешевую рабочую силу в таких невиданных дотоле размерах.

Но наиболее мощным фактором расслоения крестьянства явилась Столыпинская реформа. К моменту промышленного оживления (в середине 1909 г.) уже стали ощутительно сказываться результаты указа 9 ноября 1906 года, повлиявшего, как мы видели, и на темп и характер переселенческого движения. Мало того: темп укрепления наделов в личную собственность за все время осуществления реформы был наиболее силен в период наибольшей депрессии. «Для поворотных пунктов процесса укрепления наделов в личную собственность,—говорит А. Лосицкий,—имеем следующие данные о числе дворов, окончательно укрепивших свои наделы в личную собственность:»

К 1 ноября	1907 г. . .	60.299	дворов	10	месяцев	по	6.030	дв.	в 1 мес.
" 1 марта	1908 г. . .	126.840	"	4	"	"	16.635	"	"
" 1 июня	1908 г. . .	217.615	"	3	"	"	30.258	"	"
" 1 января	1910 г. . .	1.138.769	"	19	"	"	48.482	"	"
" 1 сентября	1910 г. . .	1.416.753	"	8	"	"	34.748	"	"
" 1 июля	1911 г. . .	1.545.892	"	10	"	"	12.914	"	"

Во второй половине 1908 г. и в 1909 г. процесс достиг необыкновенного напряжения. С 1 мая 1908 г. по 1 мая 1909 г. были укреплены в личную собственность наделы 591.217 дворов, что давало в среднем по всей России 5,8 укреплений в год на 100 дворов в общинных селениях. За то же время укреплено 4.461.000 десятин надельной земли. В один год укреплено земли втрое больше, чем за все 45 лет выхода по 165 статье, в продолжение 30 лет бывшего свободным»¹⁾.

Необычайная дифференциация деревни за годы депрессии значительно подняла товарность крестьянского хозяйства на обоих крайних полюсах крестьянского населения, с одной стороны²⁾, и подго-

¹⁾ А. Лосицкий. «Распадение общины». СПб. 1912. Стр. 17.

²⁾ Уже во время депрессии спрос на сельско-хозяйственные орудия со стороны зажиточных крестьян сильно возрос: неурожаи при высоких ценах на хлеб побуждали крестьянскую буржуазию интенсифицировать производство.

товила резервную рабочую армию для расширенного воспроизводства капиталистической промышленности на основе расширившегося крестьянского рынка—с другой.

Насколько велика была эта резервная рабочая армия, показывают следующие цифры (высчитано нами по данным «Стат. Ежегодника» на 1914 г., под ред. В. Шарого): население 40 крупнейших городов Европейской России возросло с 1 янв. 1897 г. по 1 янв. 1904 г. на 13,5% (на 785 тыс. человек), а с 1 янв. 1904 г. по 1 янв. 1911 г.—на 19,6% (на 1.289 тыс. человек). Цифры поразительные, если принять во внимание, что в первый период входят три кульминационных года подъема 90-х годов, а во второй— только начальный год подъема XX века.

Вот цифры роста привоза из-за границы и внутреннего производства сельскохозяйственных машин.

Привоз с.-х. машин (сложных и простых) ¹⁾.

Годы.	Тыс. единиц.	На сумму (млн. руб.).
1906	3.825	18,4
1907	4.697	20,9
1908	4.189	25,6
1909	6.331	37,7

Ценность привезенных машин в 1909 г. в 2 раза, а число их — в 1,7 раза больше, чем в 1906 г.

Акционерная статистика ²⁾.

1) Машиностроительных заводов. 2) Заводов сельскохозяйственных машин и орудий.

	Число предприятий.	Сумма акцион. капитала (в млн. руб.).	Число предприятий.	Сумма акцион. капитала (в млн. руб.).
1905	51	63,7	9	4,5
1906	51	65,7	9	4,5
1907	50	61,8	9	4,6
1908	50	60,7	11	13,6
1909	10	62,5	10	14,8

В то время как с 1905 г. по 1909 г. число машиностроительных заводов уменьшилось на 1, а акцион. капитал уменьшился на 1,2 млн. руб., число сельскохозяйственных заводов увеличилось на 1, а акционерный капитал увеличился в 3 1/2 раза.

Такого повышения спроса на с.-х. машины и орудия нельзя объяснить одним переселенческим движением. Во всяком случае, усиленный спрос из Сибири свидетельствует об успехах разложения крестьянства и на местах вселения.

¹⁾ «Статист. Ежегодник» под ред. Шарого на 1913 г.

²⁾ «Статист. Ежегодник» под ред. Шарого на 1913 г.

Наконец, не малое значение имело и уничтожение в 1906 г. выкупных платежей: аграрная революция 1905—1906 гг. о корнем вырвала этот крепостнический чертополох, со второй половины XIX в. глушивший крестьянский чернозем.

Насколько тягостна была для крестьянства эта историческая дань торговому капиталу, по вексялям которого пришлось бы деревне оплачивать полуреформу 1861 года до 1911 г. и даже дольше, показывает следующая таблица ¹⁾ (данные в милл. руб.):

Вид налога.	Г о д ы.					
Налоги поземельные, с недвижимых имуществ и подати	1902	1903	1904	1905	1906	1907 (по проекту росписи).
Выкупные платежи с бывших помещичьих, удельных и государственных крестьян . .	50	50	50	45	61	60
Итого . .	90	89	82	55	35	0,5
	140	139	132	100	96	6,5

Если учесть, что в первой горизонтали—государственный налог не только с крестьян, но и с других слоев населения, владеющих землей и недвижимым имуществом, то станет ясно, от какого финансового яра избавила крестьянство первая русская революция. Уничтожение выкупных платежей не могло не повысить покупательной способности крестьян-середняков, втянутых в денежное обращение налоговым прессом.

Все упомянутые причины являлись теми молекулярными процессами, которые исподволь, постепенно подготовляли промышленное оживление и подъем: суррогаты революции 1905 — 1906 г. г. на ряд лет утучнили оскудевшую почву русского промышленного капитализма.

Толчком же для них послужил богатый урожай 1909 г. и повторный 1910 г., которые, усилив товаризацию крестьянского населения, раздвинули рамки капиталистического рынка.

Вывоз хлеба за границу имел серьезное значение для развития нашего капитализма: приток золота из-за границы питал покупательную способность русского крестьянства и тем самым русскую промышленность. А между тем, в годы депрессии, несмотря на высокие цены на хлеб, вывоз его вследствие неурожаев с каждым го-

¹⁾ Т. Чокотъ. «Бюджетная и податная политика России». Москва. 1908. Табл. VIII.

дом депрессии сокращался и только в 1909 году возрос, и притом настолько, что превысил вывоз 1908 г. ровно вдвое ¹⁾):

Годы.	Вывоз зер- нового хлеба в милл. пуд.	На сумму (в милл. руб.).
1904	579	442
1905	634	517
1906	522	418
1907	408	379
1908	344	327
1909	689	680
1910	775	679

К тому же в 1909 г. хлебные цены на мировом рынке были выше цен прежних годов. В результате торговый баланс России в 1909 г. был настолько благоприятен, что дал +521 милл. руб.

Толчок к оживлению дало и начало мирового подъема во второй половине 1909 года: рынок для русской индустрии был откупорен на Западе, и хотя он был значительно уже, чем в 1907 г., тем не менее оказал свое влияние на оживление нашей промышленности в 1909 г.

В заключение считаем необходимым подчеркнуть, что казенные заказы играли незначительную роль в момент оживления. Даже в годы подъема их влияние не велико.

В этом отношении наиболее показательно железнодорожное строительство, столь сильно взметнувшееся грюндерство 90-х годов. Вот что говорят цифры XX века ²⁾.

Годы	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Строительная длина до- рог в верстах к концу года	59 890	60.335	60.850	60.885	62.208	62.856	64.097

За пятилетие, 1896 — 1900 г. г., было построено 15 тыс. верст жел. дорог, а за 7 лет, 1907—1913 г. г., всего на всего—6 тыс. верст, т. е. в два с половиною раза меньше.

В промышленном подъеме XX века первую скрипку играл внутренний рынок.

Г. Меерсон.

¹⁾ «Статист. Ежегодник», под ред. Шарога на 1912 и 1913 гг.

²⁾ «Статист. Сборник Мин. Пут. Сообщ.» за 1913 г.

Условная символика как социальный раздражитель ¹⁾

(Доклад, прочитанный в Психологическом Институте 17 февраля 1924 года).

В области социальной психологии субъективный метод, как кажется, принес самые печальные плоды и дал вместе с тем наиболее блестящие доказательства своей полной негодности.

Отметим здесь некоторое из наиболее ярких результатов его долговременного господства. К ним принадлежит прежде всего полный разброд мнений и учений различных мыслителей относительно как предмета науки, так и важнейших ее основных положений. В живописном беспорядке следует перед нами то особая коллективная душа, то интерментальные связи, то двигающие человечество могучие инстинкты, то взаимодействие, то сознание рода; психическое взаимозаражение сменяется космическими законами подражания, или не менее всеобщим законом косности и повторения, а эмоциональность либо совершенно поглощает сознание, либо, наоборот, целесообразный разум торжествует в великолепном шествии непрестанного прогресса. Воистину, сколько голов, столько умов, и нигде, пожалуй, так ни применимы слова Конта об анархии мысли, как в сфере общественной психологии, которая должна нам дать положительные законы психики общественного человека.

Отсутствие твердой научной основы повлекло за собой и другой неизбежный результат. Где недостает теории сущего, мысль совершенно естественно стремится подменить ее нормативом должного. Оценка становится

¹⁾ *Примечание редакции.* Редакция не разделяет фрейдовского уклона автора.

на место причинного объяснения, желательное «как если бы» заменяет реальность факта. И так как при отсутствии данных строгого наблюдения и эксперимента открывается полная возможность фантазирования, то и сама научная теория вырождается в идеологию худшего типа, а социальная психология строится применительно к тем или иным велениям метафизических существ или абсолютных принципов. Получается наука оптимистическая и пессимистическая, нравственная и безнравственная, святая и грешная. И с точки зрения любого автора подбирается тот материал, который должен дать торжество его верованиям, надеждам или предрассудкам...

При таком положении вещей открывается широкий доступ социальным и политическим интересам, стремящимся использовать столь гибкую и растяжимую «науку» в целях классовой и политической борьбы. И подобно тому, как пресловутая политико-антропологическая школа использовала учение о долихоцефалах и брахицефалах для оправдания господства прирожденных господ вплоть до мелких германских династов, в социальной психологии не меньше было построено учений о прекрасных личностях и преступной толпе, о наследственном племени воров, проституток и убийц, в отличие от добродетельной расы буржуа, о толпе, впадающей при отсутствии власти в регрессию варварства и садизма, о классификации личностей, где на низах человеческого общества неизменно оказываются скорбные разумы, а способные и одаренные награждаются праведной судьбой и как способные к приспособлению возносятся на верхи общественной машины.

Такое политическое нападение вызвало прежде всего, конечно, реакцию со стороны тех представителей общественной мысли, которые выражали собой идеи нового восходящего класса, рабочего пролетариата. Ответом были здесь по преимуществу публицистические статьи и заметки, которые лишней раз раскрыли враждебный классовый характер идеалистически построенной социальной психологии и выдвинули положения созданного Марксом и Энгельсом исторического материализма. И сделать это они могли с тем большим успехом, что всеобъемлющая система марксизма не только не была чужда трактовки социально-психологических проблем, но, наоборот, дала совершенно новую и в высшей степени ценную постановку и решение психологических вопросов. Психология классов и профессиональных групп, психология физического труда и умственной деятельности, психология активности и способов представления, специальное учение о пра-

вильном и идеологическом мышлении, психологические формы организационных периодов и эпох революционной борьбы, наконец, психологические основы религии, искусства, этики, политики и в особенности экономики товарно-капиталистического производства,—все это было дано в неразрывной и тесной связи с производством и воспроизводством жизни, но в то же время с неподражаемой меткостью и глубиной. В дальнейшем изложении нам не раз придется обращаться к этому неисчерпаемому источнику.

Но необходимо отдать справедливость и некоторым течениям в рядах профессиональной науки. В разных ее областях, без сколько-нибудь объединяющего плана, часто совершенно неожиданно и ощупью, но и здесь наиболее сильные и последовательные умы должны были прийти и, в конце концов, пришли к необходимости радикальной перестройки старого психологического здания, начиная с его интроспективного фундамента. В области биологии было открыто явление тропизмов, давшее физико-химическое объяснение ряду раздражений и реакций живого вещества. В физиологии была установлена теория рефлексов, которая точно так же с самого начала была поставлена на твердую почву экспериментального метода. Эта школа в последнее время получила дополнение со стороны учения о внутренних секретах различных желез организма и влияния их на физическую и психическую жизнь как животных, так и человека. Сама психология, под давлением чисто практических запросов общественной жизни, так же как и общего явления естественно-научного материализма, стала на общий путь экспериментального метода и не только сделала ряд открытий в области психологии чувства и мышления, но и содействовала появлению своей прикладной части в виде многообразных ветвей психотехники. Наконец, психопатология и психиатрия проникли в сферу подсознания, раскрыли природу внушения и гипноза, внесли при помощи психоанализа свет в темную область нервных и душевных заболеваний и вскрыли подсознательные тайники обыденной жизни. Неудивительно после этого, что на место старой субъективной психологии появились опыты построения объективной психологии и как рефлексологии, с одной стороны, и столь же объективного построения ее при помощи изучения не явлений чувств и сознания, но непосредственно человеческого поведения.

Все подобные достижения не могут и не должны оставаться чуждыми и науке социальной психологии. Можно даже утверждать, что именно эта отрасль психологических знаний в особенности

способна стать объективной наукой в смысле современного естествознания. Именно здесь подвергается изучению не фантастический изолированный человек, а человек действительный, т.-е. общественный. Он подвергается вместе с тем наблюдению не в одиночках, обладающих случайными отклонениями, а в массах, где наиболее ярко обнаруживается общий закон. Таким образом, становится возможным применение статистического метода больших чисел, массовое наблюдение антропологических и этнических явлений, наконец, таких событий, где непосредственными деятелями являются человеческие скопища или массы и их организации. Все это в связи с обществоведением, которое охватывает собой, с одной стороны, учение о первобытном человеке и данные описательной, равно как генетической социологии, а с другой—экономику, право, политику, мораль, историю религий, искусство и науку,—казалось бы, обладало неопределимыми сокровищами как раз для того, чтобы дать единственную психологию, достойную этого названия. К сожалению, однако, как мы уже могли убедиться выше, именно здесь, среди изобилия вполне объективного материала и наличности прежде всего разнообразнейших форм внешнего поведения, это поведение менее всего стало основанием для построения объективной науки, но подверглось разработке или с точки зрения индивидуальных переживаний, или только субъективных мотивов общественно обусловленного интереса. Можно сказать без малейшего преувеличения, что сама судьба науки социальной психологии есть величайший образец того, как данное поведение—научного исследования—неизбежно обуславливается определенными объективными причинами и дает нам с естественной необходимостью не объективную науку, а ряд фантазий и фальсификаций, отвечающих целям известной агитации и пропаганды.

Если бы мы имели в настоящее время историю социально-психологических учений, как они излагались с древнейших времен в оболочке то этики, то политики, то религиозных учений, мы имели бы удивительнейшую повесть о том, как изображалось общественное поведение человека в целях определенного воздействия и влияния на это самое поведение, а в качестве действительно существующего и непреложной реальности выдавалось или само желаемое, или же необходимые логические предпосылки этого желаемого. Но что еще более плачевно—это подобное же извращение естественно-научных и даже строго физических и механических теорий в целях обоснования классового и политического миросозерцания со всеми практическими выводами отсюда. Как и следовало ожи-

дать, ни математика Декарта, ни биология Дарвина не были пощажены классовым интересом и политической ненавистью, и самая объективная теория рефлексов Павлова вместе с психоанализом Фрейда не были избавлены от соответственного использования в целях оправдания одних и осуждения других,—другими словами в целях не познания сущего, по оценки во имя классово-должного. Трудно сказать, настал ли теперь уже момент для построения действительно объективной психологии общественного человека. Но необходимо признать одно — в настоящее время мы имеем так много богатейшего материала, а естественно-научные методы делают такие головокружительные успехи, что, казалось бы, не будет преждевременной попытка объединить некоторые выводы обществознания и обществоведения на нейтральной почве социальной психологии. И это тем более потому, что новый общественный класс, пролетариат, ставит в качестве своей классовой цели уничтожение самого классового порядка вообще.

Для нашей цели мы не будем поднимать во всем объеме важнейшие вопросы современной социальной психологии. Мы остановимся только на одном, но таком, который отличается весьма своеобразными чертами: он стоит как бы посредине между физиологией и социологией и охватывает собой задачу, имеющую громадное методологическое значение. Это вопрос о символике или сигнализации, как, с одной стороны, это понятие конструируется в естествознании, а с другой — в обществоведении.

И в самом деле, если мы обратимся к такой значительной теории в учении о рефлексах, как теория Павлова, мы увидим, что там придается серьезное значение символике, как организации сигнализации. И если в области действия безусловных рефлексов в качестве раздражителя выступает тот или другой физический или химический агент, который непосредственно связан со всей экономикой организма, и наследственная реакция на который выработана долгой борьбой за существование, то при образовании условных рефлексов дело обстоит совершенно иначе. Здесь, подчиняясь воздействию переменчивой и вечно текущей среды, организм вырабатывает связь между своими безусловными рефлексими и этой переменчивой средой при помощи столь же неустойчивых, как и весьма условных, посредственных и отдаленных раздражителей, воспринимаемых нашими (по терминологии Павлова) анализаторами звуковых, световых и подобных явлений, только сигнализирующих собой приближение или наступление раздражителя без-

условного. Экономическое значение подобных условных раздражителей трудно недооценить. Ибо буквально вся деятельность живого существа, которая направлена на его питание, самозащиту и воспроизведение, может лишь постольку добиться некоторого успеха, поскольку она непрестанно образует новые (и в этом смысле творческие) условные рефлексы и составляет себя всевозможными сигнальными вехами, обозначающими то близость пищи, то приближение опасности, то наступление периода течки и т. п.

На выработке подобной сигнализации, тесно связанной с образованием условных рефлексов, зиждится подавляющая масса средств и способов приспособления живого организма к среде. В общении между матерью и ее детенышами создается целая система звуковых и световых сигналов, которыми символизуется и наличие пищи, и наступление врага, и необходимость разных защитных мероприятий. У стадных животных и насекомых образуется не только своего рода язык, при помощи которого они поддерживают связь между собой и вожаком, но известные живые образцы поведения далеко переходят за границы простой символики и становятся предметом подражания по существу. Таким образом, символ, помимо случайной внешней связи с данным раздражением, определяет и форму поведения одной особи при помощи формы поведения другой. Создается целый ряд инстинктивных раздражителей, который из поколения в поколение передается в качестве специфической символики, как это, например, обстоит с символикой яркого оперения и украшения при брачном наряде, с музыкой птичьих голосов во время спаривания, с плясками, прыжками и кувырканиями иногда на особо подготовленном пространстве самцов перед оплодотворением. Символические раздражители вырабатываются некоторыми живыми существами и в борьбе за существование, как специальный защитный аппарат в виде мимикрии, снабжающей обманчивым цветом, звуками и формой одни существа против других, так что необходимое образование условных рефлексов на признаки одного вида является настоящим спасением для другого. Можно сказать без преувеличения, что именно связь между символикой, как условным раздражителем, и соответствующим рефлексом есть основная и преобладающая форма как наследственно-инстинктивного, так и подражательно-традиционного, равно как индивидуально-опыт-

ного приспособления. Как правильно по этому поводу заметил Л.Морган: «опытность» заключается в том, что она «символически отражает явления внешнего мира... Вся суть заключается в том, что, как бы тесна ни была связь между символизмом и тем, что символизируется, опытность развивается в форме символизма».

Оценивая символику или сигнализацию в животном мире с точки зрения биологической, мы должны прежде всего признать, что, говоря вообще, та сигнализация или символика должна бы признана наилучшей, которая в данный момент и при данных условиях обеспечивает наибольшее приспособление, и с этой точки зрения совершенно безразлично, в какой мере сигнал или символ отражает в своей форме или конструкции вид, образ или реальную сущность предмета. И вряд ли самка Ситариса поступила бы лучше при помощи полного и точного познания Антофоры, чем она поступает сейчас, подчиняясь наследственному рефлексу на запах ее гнезда. Здесь важно одно, чтобы сигнал или символ в качестве раздражителя действительно был предвестником, признаком или вообще явлением, постоянно и необходимо сопровождающим данные, весьма важные—релевантные—для живого организма факты. И с этой стороны, как мы знаем из работ Павлова, пластичность в деле образования новых условных рефлексов и угасания старых является тем механизмом, который снабжает наш аппарат восприятия—анализаторы—все новым и новым опытом. Однако менее всего следует идеализировать безупречность инстинктивного и рефлекторного приспособления, как это, по видимому, склонен делать тот же Павлов.

Дело в том, что такое приспособление все же обладает большими недостатками, которые в борьбе за существование караются чрезвычайно сурово и по общему правилу смертью особи, а подчас целого вида. Мы не говорим здесь даже о таких мелких ошибках узнавания благодаря ложной символической, которые являются результатом мимикрии и подражания одних живых существ другим. Гораздо важнее широко распространенные явления паразитизма, где—увь!—отсутствуют в полной мере сигналы и символы опасности так же, как связанный с ними условный рефлекс. Далеко не одни кукушки и коровьи скворцы практикуют «кукушничество» со всеми гибельными результатами этого обыкновения для выкармливающих птиц. Столь же часты случаи противоречия между инстинктами и переменами обстановки, породившей тот или иной инстинкт. И если, с одной стороны, домашняя курица с таким же героизмом выси-

живает голые камни, как и снесенные ею яйца, то с неменьшим усердием перелетные птицы обозначают в своем маршруте давно исчезнувшие материки и океаны. Давно установлен тот общеизвестный факт, что с определенной фазой мировой жизни уходили обыкновенно и те живые существа, которые благодаря особенно полному приспособлению к данным условиям не обладали достаточной пластичностью для нового приспособления в период перелома или после катастрофы. На наших глазах и вымерли и вымирают целые животные виды.

Неудачи приспособления, поскольку они вместе с тем связаны с ошибками и промахами символики и сигнализации, выдвигают необходимо вопрос о некоторой оценке их формы в интересах сохранения вида не только в данное время и при данных условиях, но и при возможных переменах условий и обстановки. Возникает вопрос о пластичности и точности нового приспособления в соответствии с новыми фактами. И здесь сказывается вся разница между лабораторной обстановкой опыта, где вырабатывается условный рефлекс при совершенно искусственных условиях строгого однообразия, изоляции и раздражения специальных анализаторов, и естественной средой борьбы за существование. Ибо в последнем случае организм, поскольку он не защищен наследственно-инстинктивным приспособлением с его унаследованной символикой, постольку же он должен создать себе систему таких условных сигнализаторов, которые свяжут его рефлекс с релевантными и объективно данными фактами, а не случайными явлениями или даже иллюзиями и обманами. Хорошо, если здесь пробел будет восполнен воспитанием со стороны старших поколений или просто подражанием, но не надо забывать, во-первых, что отсутствие пластических и точных анализаторов даже при более или менее устойчивых условиях существования может привести к губительным промахам и ошибкам, а во-вторых, что при сильных изменениях внешней среды и самый инстинкт может жестоко обмануть, и выработка новых рефлексов с соответственной сигнализацией может стать делом до крайности трудным и опасным.

В человеческом обществе мы находим по существу продолжение той же самой эволюции, которую мы видели в мире живых существ. И здесь в основе лежит реакция человека на внешний мир, а в качестве связи между поведением человека и окружающей его средой—система раздражителей, при помощи коих сочетаются движения одного и воздействия другой. Но, конечно, расстояние от вершин биологического прогресса до высших достижений челове-

ческого общества чрезвычайно велико. И все то, что мы наблюдаем у насекомых и животных, в человеческом обществе достигает ни с чем несравнимого успеха. За количественным расстоянием следует и качественное различие, и если мы желаем специально обратить наше внимание на развитие символических раздражителей, то нам необходимо отметить ту своеобразную черту, которая, по общему признанию, отличает человеческое общество от сообщества даже высших животных.

Чертой этой является совершенно исключительное развитие активного приспособления, которое наблюдается уже у насекомых, рыб, птиц и млекопитающих. Общеизвестны такие довольно сложные сооружения, как пчелиные соты, сооружения муравьев и термитов, многообразные творения пауков, гнезда рыб и птиц, бобровые постройки и запруды и т. п. Уже при этих сооружениях, несмотря на их инстинктивный характер, вряд ли возможно отрицать наличность индивидуального и коллективного опыта, который пластически видоизменяется сообразно тем или иным условиям и дает таким путем весьма разнообразные формы, взятые в строгом соответствии к действительности. Инстинкт в таком случае оказывается лишь определяющим общие тенденции поведения и его главнейшие формы, подражание и традиция вносят целый ряд коррективов, и, наконец, в некоторых случаях действительный опыт с проверкой на фактические результаты дает окончательное завершение. Об'ективным признаком для различения инстинктивного приспособления, подражательных форм и действительного опыта может служить, впрочем, только одно: это, с одной стороны, уклонение поведения живого существа от инстинктивного шаблона в направлении целесообразной пластичности, а с другой — отсутствие примера старших поколений и окружающей среды. Лишь в таком случае мы можем предположить с достаточной основательностью действительное приспособление живого существа при помощи непосредственной реакции на действительность.

Как известно, человеческое общество целиком построено на технически вооруженном труде и, следовательно, планомерном производстве. На ряду с природой естественной появляется природа искусственная, которая не только ложится гранью между общественным человеком и природой, но производит такие крупные и резкие перемены в материальном мире, что прежняя определенность и устойчивость «среды» теряет всякое значение. Это отражается в двух отношениях. С одной стороны, естественная среда, подвергаясь возрастающему воздействию среды искусственной, дает

непрерывный ряд глубоких пережуждений, и этим постоянно нарушается равновесие между той и другой, а во-вторых, искусственная среда, нуждаясь во все новых и новых преобразованиях, оказывает непрестанное воздействие на человеческое общество. Находясь на почве, подверженной вечному движению, это последнее, в свою очередь, не только реагирует на изменения в естественной и искусственной материальной среде новыми техническими приспособлениями, но и само преобразуется под влиянием своей борьбы за овладение внешними силами мира. И вполне естественно, что текучесть материальной обстановки в связи с напряженностью активно-технического приспособления (производства) придает своеобразные черты и тому рефлекторно-символическому аппарату, при помощи которого складывается и сама деятельность общественного человека.

Отметим некоторые из этих черт. Прежде всего бросается в глаза изменчивость внешних условий и напряженность борьбы за приобретение материальных благ, которые значительно ограничивают, а порою сводят на нет возможность инстинктивного поведения и его дальнейшей наследственной передачи. Вот почему представляется совершенно неправильным и необоснованным искать решения вопроса о социальной психологии в нахождении, перечислении и сосредоточении научного внимания на каких бы то ни было общественных инстинктах человека или в сведении всего его поведения к обнаружению таких инстинктов. Здесь может идти только речь об унаследованных у животного инстинктах, поскольку они уцелели в свалке общественной борьбы и производственных революций или вновь образовались при некоторых исключительных условиях застоя и регресса. Сводить общественную жизнь к бесчисленным инстинктам—значит не только пользоваться объективно неоправданной терминологией, но и вводить в заблуждение себя и других, так как при указанных выше условиях технической среды в лучшем случае может идти речь о некоторой косности и традиции, но меньше всего об инстинкте в духе животной организации материнства, самозащиты, питания и т. п. Никто вместе с тем, конечно, не отрицает, что вопросы о наличии и судьбах инстинктивного приспособления в человеческом обществе, так же как о роли косности, привычки и традиции являются одними из наиболее интересных и важных в социальной психологии.

Еще менее удачной, чем теория инстинкта, должно признать попытку непосредственно исчерпать реакцию общественного чело-

века рефлексологией или даже некоторым ее расширением. Конечно, всегда возможно прикрыть сложные и тонкие реакции одним понятием рефлекса, как это сделал, например, Павлов, когда он обозначил известные явления в поведении собаки «рефлексом свободы», или еще лучше «рефлексом цели». Под понятие рефлекса в последнем смысле даже оказалось возможным подвести всевозможные другие рефлексы, так что рефлекс цели в результате получил характер какого-то формального, или, говоря языком проф. Петражицкого, «бланкетного» типа. Но рискованность подобного рода обобщений легко усматривается на примере самого же Павлова. Уже при общей постановке своих экспериментов он, как кажется, совершенно не принял во внимание общей природы собаки, как животного не только домашнего, но и в некоторой степени паразитирующего на человеке. Павлов просто именует своих опытных животных «высшими животными». А между тем собака, как животное, стоящее на уровне некоторого паразита или в лучшем случае комменсалиста человеческой общественности, несомненно, отличается свойствами, которые облегчают ей симбиоз с таким существом как человек. Когда же Павлов пользуется собакой не для выработки новых условных рефлексов, к чему она особенно способна благодаря указанным условиям своего существования, а пробует анализировать выработанный ею «рефлекс» до поступления в станок, то совершенно немыслимо характеризовать его без обследования той среды, в которой выросло данное явление. Подводить же сопротивление животного под категорию «рефлекса свободы» значит, во-первых, судить по аналогии с человеком и применять субъективное объяснение, а во-вторых, совершенно игнорировать те особенности реальной среды, которые создают подобные «рефлексы» и придают ей специфические отличия сравнительно с другими рефлексами. И когда по аналогичному пути попробовал идти Бехтерев и написал целую «Коллективную рефлексологию», то у него не получилось ничего, кроме пустых абстракций и сырого материала именно потому, что он пытался исследовать рефлексы без какого бы то ни было внимания к фактической общественной среде.

А между тем человеческое общество дает нам материалы исключительного богатства, как раз в области реакций общественного человека на материальную как естественную, так и искусственную среду. Дело в том, что общественный человек далеко не ограничивается только непосредственной реакцией на раздражения, которые исходят от людей, машин или природы. В далеко идущей дифференциации своей деятельности и искусственном завершении своего приспособления он дает устойчивое материальное выраже-

ние и той самой символике, которая является как бы посредником между внешним миром и реакциями общественного человека. Не надо забывать, что и в самых опытах Павлова, кроме опытного животного, отвечающего условным рефлексом на определенное раздражение, имеется еще и экспериментатор, искусственно соединяющий известные сигналы с явлениями кормления и этим организующий обманчивую и вне комнаты экспериментатора негодную символику. Для собаки, как животного, связанного в своем питании с сигнализацией со стороны человека, конечно, такая способность к образованию условных рефлексов вполне естественна. Для человека же едва ли не наиболее характерной чертой его приспособления — после техники и производства — должно признать его способность именно искусственной и материальной организации символики, отражающей действительность и вместе с тем являющейся специальным раздражителем в области человеческого поведения¹⁾.

¹⁾ Если мы не ошибаемся, тов. Бухарин резко подчеркнул особое значение некоторых «вещей», которые отнюдь не являются средствами производства, по в то же время играют громадную роль в общественной жизни, так как в них воплощены или с ними связаны определенные производственные отношения. Было бы совершенно естественно назвать такие «вещи» своего рода материальной символикой. Точно так же отметил Бухарин и особую категорию технических, иногда высоко усовершенствованных аппаратов и механизмов, которые тем не менее отнюдь не могут быть признаны производственными. Таковы, например, «книги, карты, диаграммы, музеи, картинные галереи, библиотеки, астрономические обсерватории, метеорологические станции (везде речь идет о материально-вещественной их части), лаборатории, измерительные приборы, всевозможные телескопы и микроскопы, колбы, реторты, и т. д.» На этом основании, говоря о человеческом обществе, тов. Бухарин считает возможным установить и парадоксальную классификацию, где на ряду с двумя членами материального характера — «люди» и «вещи» — имеется и непространственный сочлен в виде «идей»... Подобная классификация имела бы смысл только в одном отношении, если признать и самые «идеи» существующими лишь постольку, поскольку они выходят из сферы отдельного личного сознания и воплощаются в материальной общественной символике или сигнализации. Безразлично для дела, будет ли это звук, дающий волну определенной длины и числа колебаний, световой луч, заключающий в себе те или иные лучи спектра, или что-нибудь иное. Важно то, что данное физическое и материальное явление действует на нашу нервно-мозговую систему в качестве раздражителя, созданного общественной деятельностью и вызывающего в нашей нервно-мозговой системе условный рефлекс. В таком случае действительно можно говорить без натяжки и метафоры и о «производстве идей» и о «надстройке» в буквальном смысле

При существующей раздробленности научных знаний, когда обществоведение почти не считается с успехами естествознания, а физиология — с успехами генетической психологии, вполне понятно то игнорирование психологии социологии и обратно, которое привело к совершенной бесплодности и ту и другую. И только разве в последнее время, с одной стороны, психология «бихевиора», а с другой — психоанализа привели к абсолютной необходимости изучения человека не как изолированного и обобщенного индивида, но как животного общественного и даже, говоря термином Аристотеля, «политического». Нет никакого сомнения в том, что решающей была здесь и перемена на общественном фоне, где благодаря победам труда прежнюю символику «самодержавной личности» сменили новые очертания грандиозных коллективов классовых и производственных объединений. Но раз дело обстоит таким образом, то совершенно неизбежно обращение и к некоторым данным социологии, способным внести свет в темные и запутанные проблемы психологии. Было бы крайне неэкономно и нелогично отыскивать окольным путем психологического исследования или даже эксперимента такие решения, которые уже давно и достаточно убедительно разрешены в науке социальной, как науке об общественном человеке.

Таким, между прочим, и вопрос об общественной символике, как специальном раздражителе реакций человека. И если мы сейчас можем ставить эти вопросы, опираясь на факт условных или символических рефлексов в физиологии, а тем более символических явлений в генетической психологии, то не надо забывать, что в социологии Маркса и Энгельса аналогичные вопросы не только были поставлены, но и получали ряд весьма замечательных решений. Как известно, теория исторического материализма исходит из резкого противопоставления «бытия» и «идеи», при чем под первым она разумеет процесс материальной борьбы общества за существование при помощи производства, как средства активного приспособления, под второй — те отражения действительности в мозгу общественного человека, которые дают ему познание внешнего мира, организацию внешних и внутренних двигательных сил, так же как возможность планомер-

слова, как это делают Маркс и Энгельс. Такая «материализация» идей, которые становятся идеями лишь после получения ими общественного значения и воплощения в материальную символику или сигнализацию, однако, несколько не исключает необходимости науки психологии, ибо совершенно очевидно, что все эти «духовные вещи» имеют смысл и значение лишь постольку, поскольку они обладают характером того или иного специфического раздражителя для общественного человека.

ного и целесообразного воздействия на окружающую среду, или, иначе говоря, трудового процесса. «Идея», таким образом, оказывается не только включенной, как один из моментов, в общий процесс «бытия», но и целиком обусловленной им и по форме и содержанию. Такого рода конструкция, казалось бы, меньше всего могла бы смущать современного естествоиспытателя, который ставит на первый план борьбу за существование, выдвигает поэтому на преимущественное место инстинкт самозащиты и питания, а безусловные и условные рефлексы непосредственно связывает с этими инстинктами. Ибо то, что в одном случае делают для живого существа его символические и сигнальные раздражители, то в другом случае делают человеческие «идеи».

Однако параллель между символом-раздражителем и человеческой «идеей» может быть прослежена еще далее. Во-первых, относительно их происхождения. В первом случае условный рефлекс связывается с условным раздражителем только потому, что этот символ предшествует или сопровождает собой рефлекс безусловный, связанный, как это мы видим на примере Павлова, с инстинктом питания. Символика идеи, будучи иногда весьма отдаленной по видимости от экономического корня общественного существования, тем не менее в последнем счете все же обусловлена психологией группы, которая, в свою очередь, порождается определенными производственными отношениями, а в конечном счете — самим процессом производства жизни и роста производительных сил. Во-вторых, мы не можем не заметить разительного сходства и между отношением символика условного рефлекса к его материальной основе, с одной стороны, и человеческой «идеи» к производственному процессу — с другой. Ибо и в первом и во втором случае происходит такое укоренение символика в связи с данным рефлексом или «идеи» в связи с данным массовым поведением, что символика и в том и в другом случае способна сохранять некоторое время свое раздражающее действие даже в том случае, если из-под нее ушло ее реальное основание, т. е. в одном случае безусловный рефлекс, связанный с питанием организма, а в другом — производственное отношение, определяющее собой питание общества. Так возможно своеобразное расхождение между условным — идейным раздражителем и его материальной основой, которое, однако, не может быть продолжительным. Как доказал, с одной стороны, Павлов для собак и как это установил исторический материализм для человеческого общества, символика неизбежно теряет свое раздражающее значе-

ние, подвергается необходимому торможению и гаснет, как только она лишается своего экономического значения в жизни организма.

Таковы некоторые моменты сходства в построении символики животного и человеческого ряда. Но оно не должно вводить нас в заблуждение. Ибо само значение символики в мире животных и человека существенно различно. Не надо забывать, что все наиболее важные и существенные аппараты приспособления создают в животном организме ряд внутренних раздражителей, которые, будучи основаны либо на особенностях секреторного характера, либо на изменениях нервной системы, нуждаются в весьма незначительных внешних сигналах или мало заметных изменениях температуры, порою просто тропизмах, для того, чтобы дать такой длительный и сложный эффект, как перелет птиц, или целую игру притворства при защите самкой ее детенышей, или украшение свадебного зала для брачного танца. И если наличность внешней техники заменяется в мире животных непосредственным выращиванием на самом теле нужных челюстей, щупальцев, жала, ланцета, крыльев и щипцов, то в такой же степени и внешние символические раздражители заменяются сложным автоматическим аппаратом внутри организма, который работает с математической точностью под влиянием немногих инстинктивно воспринятых раздражений. Совершенно иным является значение символики в человеческом обществе. Здесь аппарат приспособления в подавляющем числе случаев выносится вне отдельной особи. Эта последняя, будучи освобождена от специального и неподвижного механизма, приобретает в значительной степени универсальный и пластичный характер. Каждая особь входит в коллектив или ряд коллективов и групп, при чем центр приспособления создается в каждой из этих групп при помощи материального или технического закрепления соответственных раздражителей. И так как система подобных раздражителей в одинаковой степени охватывает собой и производство материальных ценностей, и производство самого человека, и производство самой символики, то понятна отсюда вся важность учения о социальных раздражителях со стороны действительно научной социологии и психологии.

Сравнительно меньше имеет значения вопрос о реальном воплощении символа-раздражителя. Павлов убедился на своих опытах, что таковым может быть любое явление или предмет, спо-

способный подействовать так или иначе на наши «анализаторы». Сравнительно недавно проф. Сорокин, сделавший в бытность его студентом работу в моем семинаре на тему о символической, попробовал перечислить все возможные предметы, которые способны стать раздражителями, или по его терминологии — «проводниками». Таких «проводников» оказалось бесчисленное количество. Мы здесь отметим только наиболее употребительный материал в человеческом обществе, притом преимущественно такой, которому не имеется аналогий в мире животных. Таковы звуковые реакции, достигающие значения языка или инструментальной музыки, световые вплоть до символического раскрашивания, косметики, татуировки, костюма, гербов, картин и т. п., символической идеографической, иероглифической и буквенной, воплощенной в камне, дереве, коже, бумаге и проч., наконец, помещенной на звездное небо, на вершину горы, в священную рощу или современный музей и библиотеку. Особое значение необходимо отметить символической оживленной, непосредственно выраженной или в человеческой личности или же в ее специальном поведении. Следует отметить характерный феномен так называемой власти; он заключается в том, что поведение одних людей определяется сигнализацией или символической со стороны известной категории других, поведение или реакции которых являются социальными раздражителями для других. Первые именуются властвующими, вторые — подвластными.

Символика общественного человека отличается и другим свойством от символической, вырабатываемой животными. Ее технический и в то же время внешний или наружный характер приводит к тому, что она без всякого сравнения с сигнализацией биологического мира становится отражающей, отображающей или выразительной. Условный или произвольный, часто случайный сигнал, связанный, быть может, со второстепенным, хотя бы и часто или даже постоянно повторяющимся признаком, испытывает то изменение, что его форма приобретает или отдаленные внешние очертания действительного предмета или явления, как они вызывают зрительную реакцию со стороны человека, или же становится подробной и точной сигнализацией речевых реакций, достигших благодаря техническому прогрессу необычайной тонкости и сложности. Немая речь (мысль), громкая речь и речь, переложенная и зрительную символическую (письмо), стала способной к передаче не только отдельных реакций на эмпирические явления и факты, но на их группы, соотношения и связи. Связь между явлением и

символом, которая у животного является тонкой нитью между скрытым от него миром явлений и не менее темным аппаратом инстинктивного приспособления рефлексов, приобретает у человека исключительное развитие, полноту, ясность и законченность. И если человеческое общество немыслимо без технически поставленного производства, то в такой же степени оно не существует без грандиозной организации, отражающей реальность символики. С этой точки зрения человеческое общество в отличие от животного можно определить, как симбиоз вида «хомо сапинес», на основе активного приспособления (производства) при посредстве раздражителей отражающей действительность (или выразительной) символики.

Учение Маркса и Энгельса, однако, вносит и дальнейшие поправки в свое учение об отношении идеи и бытия. Оно различает, с одной стороны, отражения правильные и неправильные, а с другой—особые «способы представления». И то и другое различения могут быть в известной степени соединены, так как правильность или неправильность отражения, в свою очередь, обусловлена способом представления, а последние имеют цену именно с точки зрения правильности отражения. Решающим здесь является рост производительных сил, который при известном уровне технического прогресса неизбежно приводит все к большему соответствию отображения действительности в мозгу человека этой самой действительности. Однако на пути к этой адекватности бытия и его отражения человеческое общество необходимо должно пользоваться и пользуется в действительности отражением неправильным или «идеологическим». В теории марксизма понятие «идеологии» получило довольно многообразные значения. Наиболее узко оно характеризуется как отражение вообще неправильное или мышление неправильное. Другое значение приписывается понятию идеологии, когда этим термином обозначают совокупность тех понятий, идей, норм и идеалов, которые имеют значение идеомоторное или практическое, в том смысле, что они определяют собой мотивы, импульсы и формы человеческой деятельности. В этом смысле слова понятие идеологии поглощается более широким нашим понятием символики, как социального раздражителя. Наконец, имеется и отождествление идеологии с классовым мышлением вообще. У Маркса и Энгельса понятие идеологии мы встречаем особенно часто в виде такого неправильного отражения действительности, которое, если первоначально и было правильным, однако стало неправильным именно потому, что, бу-

дучи образовано под влиянием определенных производственных, классовых, профессиональных и подобных практических запросов, получило громадную прослойку эмоционального характера и оторвалось от реальных условий действительности. Такая идеология оказывается способной не только продолжать свое существование и давать производные идеологии, но известным образом, в свою очередь, влиять на самый ход производственного процесса. Значение идеологий особенно велико потому, что такие несоответствующие более действительности комплексы идеологий полагаются в основу различных производственных отношений и организаций и тем замедляют и затрудняют их естественное развитие.

Сопоставляя понятие идеологии с понятием символических раздражителей общественного человека, мы не можем не видеть их полнейшего совпадения. Понятие идеологии оказывается лишь в том отношении несколько уже понятия социального раздражителя, что под идеологией разумеется идея, или, говоря нашим языком, символ, который находится на том или ином пути расхождения с породившей его материальной средой, и, следовательно, с точки зрения приспособления должен быть оценен, как осужденный на торможение или угасание. Невозможность гибели той или иной идеологии, однако, несколько не исключает ее не только запоздалого существования, но и крупной вредности с точки зрения интересов развития производства, как некоторой нормальной линии активного приспособления. Практический вопрос обостряется, однако, еще больше, если принять во внимание, что наиболее активными носителями как отживших, так и новых и, предполагается, высших производительных форм, являются различные общественные классы, находящиеся в непрестанной борьбе друг с другом. Влияние омертвелой идеологии, таким образом, опирается на всю мощь уходящих классов, и само собою разумеется, что тем легче будет сделан шаг вперед, чем правильное и более адекватно реальным условиям установит новый класс свою систему символов-раздражителей и чем скорее будет разоблачена, как негодная, и вместе с тем заторможена идеология технически отсталого или даже вредного класса.

Отсюда выясняется и основная психотехническая задача социальной психологии. Она должна ставить своей задачей не отдельные, иногда весьма скромные работы по психотехнике рекламы или подбора способностей для определенных профессий, но прежде всего общее построение типов социальной символики в ее непосредственной связи и зависимости от запросов реальной (про-

наводственной) среды. Она должна изучить и обосновать типы раздражителей классового, профессионального и национального характера; выяснить различия символики раздражителей в явлениях так называемого права, нравственности, политики и религии; установить формы и типы организации символических центров и наметить технику их работы; исследовать этапы и фазы развития социальных раздражителей во времени, в их зарождении, расцвете и угасании, в связи с развитием определенной производственной потребности; одним словом, стать не только отраслью управления, как такового, но вспомогательной наукой политической науки в широком смысле слова, или даже — так как такое понимание политики в древнем духе не пользуется распространением — одной из отраслей прикладной социологии. В общем и целом задачи такой социальной психотехники мы могли бы назвать как задачи по созданию наилучшей организации системы социальных раздражителей в символическом аппарате производственной машины.

Нельзя не подчеркнуть в настоящее время одной задачи социальной психологии как теоретического, так и прикладного характера, которая именно теперь как будто выдвигается на первый план и вместе с тем дает достаточно материалов для ее разрешения. Это вопрос, который неоднократно поднимался и в психологии и теории познания так же, как в социологии под самыми различными наименованиями. В основе тут всегда было различие, окрашенное в цвета субъективного мировоззрения и поэтому не вполне доступное научной квалификации. Это — пресловутое различие видов мышления и восприятия, способов представления и методов социального сознания, которое мы находим у весьма различных авторов, связывающих, однако, такое различие с данными социальной среды. Отсюда противоположение логического и дологического, или аустического, мышления, мифологического и опять-таки логического мышления, богословского, героического и человеческого языка и мысли теологического, метафизического и положительного мышления, или, как автор настоящих строк в свое время пробовал формулировать ту же тему, — мистического, романтико-эстетического и рационального метода восприятия или способа представления. Все эти типы мышления по общему правилу связываются то с известными эпохами, которым свойствен своеобразный «идеологический эфир» или стиль, то с наличием определенных общественных или классовых групп. Вопрос, по существу до сих пор не разрешенный, так

как впервые сейчас мы обладаем возможностью поставить психологию, как объективную и вместе социальную науку.

А между тем применение объективного метода в этой области как будто обещает наибольшие успехи. Благодаря открытиям психоанализа, в настоящее время твердо установлена та единственная область, где доньше от всех ухищрений внешней организации спасается внутренний аппарат инстинкта и деятельного обнаружения секретов, где, следовательно, дана обильная возможность аутоэротизма (аутизма), а наследственная автономия сексуального механизма до сих пор успешно противится организации, созданной при помощи внешней символики. А другими словами, идет борьба между социальностью и антисоциальностью. Благодаря Фрейду и его школе мы в достаточной степени ознакомлены и с характером сексуальной символики, которая в отличие от других ее видов дает столь скудное, туманное и извращенное отражение реальности, что по справедливости заслуживает наименование мистической, что значит скрытой или таинственной. Однако в то же время внешне бедный сексуально-мистический символ обладает громадной силой раздражения и способен вызывать такие разряды сексуальной энергии, которые не находятся не только ни в какой связи с материально-экономическим положением организма, но, наоборот, способны подвергнуть его тяжелым повреждениям и смерти. И если, в конце концов, на этой основе происходит конфликт, и сексуальное раздражение тормозится самым грубым способом при помощи вытеснения, то оно, с одной стороны, устремляется на путь болезненных симптомов, а с другой — порождает такой отводной канал для расходования излишней энергии в пустое пространство, как религиозно-мистические и романтические культы.

К сожалению, до сих пор почти не затронуты важнейшие вопросы, связанные с научным исследованием хотя бы сексуальной и связанных с ней мистической и романтической символики. Мы до сих пор не знаем точно даже такого факта, как связь между определенными формами хозяйственного паразитизма и вырождением общественного человека, как «индивидуальной производительной силы», мы не знаем зависимости регрессий и вырождения от тех же паразитарных форм как внизу, так и наверху классовой лестницы. Только начаты школой психоанализа изыскания в сфере «сексуально окрашенного мышления», но отнюдь не установлено тех материальных причин, которые приводят в одном случае к построению религиозной космогонии, а в другом — сексуально-мистического террора, в одном — к алхимической или астрологической магии, а в дру-

гом — к религиозной эротике самых чудовищных извращений. Психоанализ в проблеме сексуальных раздражителей сделал сравнительно много. Но до тех пор пока здесь исследование не станет на путь последовательного историко-материалистического метода, важнейшие моменты проблемы останутся неразрешенными.

Не менее важен и вопрос о системе социальных раздражителей, дающих нам так называемую эстетическую или, вернее, кинэстетическую символику. После крушения богословского идеализма, пожалуй, здесь мы имеем наиболее твердую позицию всевозможных суверенных ценностей и неизменного идеала. Теория исторического материализма и здесь установила правильное соотношение между бытием и идеей. Но социологическое разрешение задачи не может заменить собой социально-психологического, ибо все же остается неразрешенным вопрос о той связи между действием и ритмом, действием и подражанием, действием и символом, а в частности гармонической формой действия и гармоническим образом символа, которая делает данный символ специфическим раздражителем моторного характера. Ибо до сих пор еще окончательно не установлен тот основной характер эстетической символики, который связывает ее преимущественно, если не сказать исключительно, с моторной иннервацией организма, а в результате этого придает системе социально-эстетических раздражителей крупнейшее организационное значение. Конечно, для уяснения этого основного признака эстетической символики необходимо выделить из состава формальной надстройки те примеси и прослойки, которые вносятся в эту систему возбудителей благодаря живому участию сексуальности даже во внешней работе человеческого тела. Но такое выделение вполне возможно, и при сопоставлении формальной символики с материальной деятельностью человека перед нами встает, воистину, грандиозная картина.

С необычайной убедительностью видим мы тогда рождение высших творческих достижений человечества из работы его бьющегося сердца, деятельности гармонически сокращающейся мускулатуры, напряженного и внимательного акта труда и борьбы. В его идеальных образах узнаем мы синтетические записи наиболее экономного и вместе богатого и целесообразного плана. В форме символа отлагается форма активности. И пока эта активность жизненна и сильна, до тех пор и эстетическая форма возбуждает и заражает, влечет к подражанию и организации. И если сексуальный символ будит нечто в нем самом неотраженное, скрывающееся за ним или под ним, то в символике активности, органи-

зующей кинэстетику, отражена форма, которая благодаря этому материальному воплощению оказывается способной к некоторому длительному и в известной степени самоцельному существованию. Так создается символика человеческой кинэстетики: искусство как воплощение отвлеченной формы действия в жизни, этика как форма совместного действия, право как форма совместного экономического действия, политика как форма организации центров социального раздражения, техника как форма непосредственного материального воздействия на природу. Но лишь тогда опять-таки будет плодотворно изучение всех этих организационных форм, когда мы будем их изучать не самих по себе, не как идеальные тени реального мира, но как символику активности творца и производителя, который при ее помощи закрепляет свое действительное отношение к миру, а из массы насыщенных инстинктом особей создает пластическое человеческое общество, живую производительную машину.

Труднее всего с точки зрения объективной психологии подход к той части творений общественного человека, которая до сих пор была монополией всевозможных теорий познания, психологий познания и подобных доктрин, построенных на одностороннем анализе познающего субъекта. Ибо нам придется без сомнения и сюда внести требования, которые приведут в ужас поклонников если не абсолютного духа, то по крайней мере непрерывного интеллектуального прогресса. Нам и здесь придется не только указать на ближайшее родство рациональной символики с сексуальной и кинэстетической, но и отметить ее внешний общественный и вместе служебный характер. Мысль, замкнутая в самом человеке, не выраженная во-вне и не имеющая никакого отношения к коллективной работе человечества, для нас совершенно неинтересна. Опорным моментом того отдела объективной психологии, который называется психологией социальной, является только ассоциативно построенный опыт, поскольку он дает нам в рациональной символике систему раздражителей, содействующих общественному человеку в его ориентировке и реакции на окружающий мир. Когда голод связывает нахождение плода и хлебное дерево звуком «а», когда холод связывает тепло и возгорание сухих сучьев звуком «б», когда, наконец, эти «а» и «б» становятся сигналами не для одного человека, а для коллектива, а самый символ получает экспериментальную проверку и длительное существование, тогда мы говорим об информационной или ориентировочной реакции, принимающей общественное значение, поскольку здесь

создается аппарат коллективной символики и, говоря словами Маркса, начинается производство «идей».

Конечно, довольно трудно провести одну линию от дикаря, делающего зарубки на стволах деревьев или разглядывающего следы дикого зверя на смятой траве, к Пастеровской лаборатории и Павловскому институту. Произошло колоссальное усложнение и не меньшее накопление опыта на протяжении веков, когда при помощи использования громкой и немой речи, а впоследствии речи письменной, удалось найти на редкость пластичный и устойчивый аппарат для материальной конденсации опыта в речевой символике. Но дело это сделано, и каждое молодое поколение должно тратить годы для того, чтобы усвоить себе при помощи овладения символическим аппаратом того опыта, который передается животному по наследству вместе с деятельностью его желез, нервов и мускулатуры. И когда усовершенствованная техника современности дополняет глаза ученого глазами грандиозного рефрактора, или острой призмой спектроסקопа, а его уши мембраной тончайшего микрофона, то по существу она продолжает ту работу, которую выполнял раньше охотник, развивавший свой взгляд, слух и обоняние. Наша задача не в том, чтобы оторвать мысль от материи и увлечь ее в мир непостижимых сущностей, а в том, чтобы твердо стоять на пути наблюдения, опыта и эксперимента. Не надо забывать, что даже, казалось бы, такое отвлеченное знание, как математика, по утверждению лучших авторитетов современности есть наука не только положительная, но и индуктивная.

Проблемы в области изучения сексуальной, кинэстетической и рационально-речевой символики нами здесь только намечаются. Нам хотелось хотя бы на одном частном примере показать, как радикально меняются наши задачи, если мы действительно не хотим игнорировать успехи других наук и желаем стоять на твердых основаниях объективной психологии и материалистического метода.

Будущее зависит от нашей действительной работы.

М. Рейснер.

Лукач, как теоретик классового сознания ¹⁾.

«Фразы о сознании исчезают.
Их место должно занять реальное
знание».

Маркс — Энгельс.

В моей первой статье я занимался исключительно полемикой тов. Лукача против Энгельса. Я руководился при этом не только тем соображением, что эта полемика представляет собою закругленное целое, но также тем, что она проливает самый яркий свет на все основные тенденции философии Лукача. Мне кажется, я имею право сказать, что мой анализ полемики Лукача обнаружил:

- 1) что эта полемика решительно бьет мимо цели;
- 2) что она основана на таких заблуждениях в области логики и марксизма, которые прямо-таки поразительны со стороны философа и марксиста такого ранга, как Лукач;
- 3) что все эти, можно смело сказать—элементарные, ошибки возможны только потому, что тов. Лукач, с его изначала идеалистической и агностической установкой, читает Маркса и Энгельса не без предубеждения ²⁾, что он смотрит на них через очки, окрашенные в буржуазно-философский цвет, и поэтому смешивает самые что ни на есть простые вещи;
- 4) что он не только идеалист, но еще и непоследовательный идеалист.

Этот последний вывод я и хочу прежде всего подчеркнуть в настоящей статье.

Во-первых, это уже само по себе дурной признак, когда какой-нибудь писатель или мыслитель эклектичен. Ибо это всегда свиде-

¹⁾ Настоящая статья представляет собой продолжение статьи «Ортодоксальный марксизм», помещенный в книге 8 «Вестника Коммунистической Академии».

²⁾ В конце настоящей статьи мы увидим, что как раз это обстоятельство находит разительное подтверждение.

тельствует о том, что он представляет либо еще незрелый класс, либо промежуточные слои между зрелыми, определенно мыслящими общественными классами. Этому отнюдь не новому утверждению я придаю значение потому, что в моей последней статье я постараюсь найти тот социальный слой, мышление которого объективно отображает философия Лукача.

Во-вторых же, я особенно подчеркиваю это потому, что уже в настоящей статье постараюсь показать, что Лукач не только непоследователен и эклектичен, как философ вообще, но что и в специальных, но важных, частях своей теории он берет отдельные элементы от буржуазных философов или социологов, — но без тех предпосылок и уж всегда без тех следствий, которые одни придают смысл соответствующим понятиям или теориям буржуазных мыслителей, и без которых этими, взятыми извне, совершенно непереваренными, чужеродными телами марксизм совершенно искажается. Он амальгамирует марксизм с противоречащими марксизму элементами — довольно обычное последствие непоследовательности.

И, что хуже всего, он берет как раз наиболее реакционные стороны некоторых буржуазных, философских и социологических, учений, не желая, разумеется, делать из них реакционные выводы. Но выводы, даже когда они не сделаны, неотделимы от теории, из которой они вытекают.

Одной из таких теорий является так называемая «проблема отнесения» (Zurechnungsproblem) у Риккерта и Маркса Вебера.

1. „Проблема отнесения“ („Zurechnungsproblem“) у риккертianцев.

В чем заключается так называемая проблема отнесения?

Как видно по названию, нечто неизвестное должно быть «отнесено» (zugerechnet) к чему-то другому, известному. Название взято из математики, где оно обозначает самую простую вещь. Предположим, что два ряда чисел, x и y , находятся в таком отношении друг к другу, что каждому значению x соответствует некоторое определенное значение y . Это, как известно, имеет место тогда, когда x и y находятся в функциональной зависимости друг от друга, так что

$$f(x) = y.$$

Если теперь мне известны различные значения x , при чем x последовательно принимает значения 1, 2, 3, то значения y должны быть отнесены к значениям x . Найти эти значения в математике не всегда бывает легко; но легко ли это или трудно, нас здесь вовсе не касается, потому что мы хотим только выяснить самое понятие. Итак, во всякой проблеме отнесения должно быть нечто (x), что известно, и нечто (y), что неизвестно и что должно быть «отнесено» к первому. Я тут же отмечу еще один пункт, который будет иметь большое значение в дальнейшем, так как он составляет существенную черту рассматриваемой проблемы, и мы имеем все основания особенно подчеркнуть именно эту черту. Дело в том, что обе величины, x и y , находятся, конечно, в математике не в причинном, а в так называемом функциональном отношении. Причинное отношение не имело бы в математике никакого смысла. Какова бы ни была причина изменения x , это изменение влечет за собой изменение y , но нельзя сказать, что причина изменения y есть x . Каждому значению x соответствует определенное значение y , а не то, чтобы каждое изменение x причиняло изменение y . В математике, где речь идет лишь о величинах, а не событиях, это вполне уместно. Но вот упомянутые философы и социологи, Риккерт и Вебер, не только перенесли это понятие «отнесения» из математики в философию и социологию, но перенесли его вместе со всеми его математическими особенностями и именно с тою целью, чтобы либо совсем вытравить причинность из мира общественных явлений, либо, по крайней мере, отвести ей второе (несущественное) место: причинное отношение и в области истории превращается (в лучшем случае) в отношение функциональной зависимости. «Проблема отнесения» для того им и нужна, чтобы отрицать точную причинную закономерность именно общественного процесса, чтобы превратить историю в философию истории, т.-е. в метафизику истории, чтобы низвести социологию со ступени науки, излагающей всеобщие законы общественного процесса, на ступень «науки», отрицающей всякое закономерное познание этого процесса. И тут каким-то откровением свыше оказывается для них понятие «отнесения», и как раз то его свойство, которое в высшей степени логически-последовательно в математике: то именно свойство, что известное и неизвестное, которые должны быть соотнесены, не находятся в причинной связи друг с другом! Ведь именно понятие причинности ненавистно для этих отрицателей закономерности в общественных явлениях и является для них бельмом на глазу!

В самом деле, что представляет собою эта «проблема отнесения» в философии Риккерта и у Макса Вебера? Как в математике, так и здесь должны быть две величины, подлежащие соотносению. Эти величины суть: так называемые «культурные ценности» (х) и все остальное в обществе (у).

Так, Макс Вебер говорит:

«Только определенные стороны всегда бесконечно многообразных единичных явлений — те стороны, которым мы приписываем всеобщее культурное значение — заслуживают поэтому знания, они одни являются предметом причинного объяснения. И само это причинное объяснение обнаруживает, в свою очередь, то же свойство: исчерпывающий причинный регресс от какого-либо конкретного явления, в его в с е д е л о й действительности, не только невозможен практически, но есть попросту бессмыслица. Только те причины, к которым должны быть отнесены «существенные» в данном единичном случае составные части события, выделяются нами: там, где речь идет об и н д и в и д у а л ь н о с т и какого-либо явления, вопрос о причине не есть вопрос о том, под какую формулу должно быть подведено данное явление, как экземпляр, а вопрос о том, к какой индивидуальной констелляции оно должно быть отнесено, как результат; вопрос о причине есть вопрос об отнесении» (Wissenschaftslehre, стр. 178.)

Для иллюстрации «проблемы отнесения» я умышленно привел только Макса Вебера, а не самого Риккерта или Зиммеля, которые с еще большей резкостью и определенностью отрицают объективную закономерность истории. И я сделал это не только потому, что эти исторические теории достаточно известны всем марксистам и неоднократно опровергались ими, но и потому еще, что тов. Лукач руководствовался прежде всего формулировкой Вебера при установлении с в о е й проблемы отнесения. Эта формулировка Вебера, разумеется, очень далека от того, чем была рассматриваемая теория у Виндельбанда и Риккерта. Там она была (как известно) чисто агностической. Что касается до «культурных ценностей» «наук о культуре», то там для их установления требовалась особая философия истории. (Так как темой моей статьи является книга тов. Лукача, а не философия Риккерта, то я не буду останавливаться на этом подробнее.) Макс Вебер, с одной стороны, непоследователен уже потому, что установление культурных ценностей он предоставляет изменчивым интересам историка, а сами эти интересы уже далее не определяет социологически, — с другой же стороны, он слишком практик, слишком со-

циолог и историк хозяйства, чтобы напрямик и без оговорок отрицать причинную связь. Все же пришедшая только что цитата (к которой можно было бы прибавить сколько угодно других) достаточно ясно и отчетливо обнаруживает тот же агностицизм, каким проникнута вся риккертская школа. Ибо под словом «причинность» здесь скрывается нечто совсем другое, нежели то, что этим словом обозначается в естествознании, или, скажем, в марксизме. В естественных науках немислимо, чтобы два (или несколько) событий, связанных друг с другом, как причина и следствие, могли быть произвольно переставлены, — так, чтобы произволу или «руководящей познавательной цели» была предоставлена возможность рассматривать как причину то, что прежде было следствием, и как следствие — то, что в другой раз считалось причиной. (Понятие взаимодействия я здесь исключаю), так как дело идет лишь об однозначном установлении понятий «причина» и «следствие».) Так, например, жизнь на земле есть следствие излучения солнечной энергии, и эта жизнь — хотя она, несомненно, «культурная ценность» — не может рассматриваться, наоборот, как причина излучения солнечной энергии. Или в марксизме: «дух» капитализма есть следствие капиталистического (грубо выражаясь) хозяйственного порядка, но капиталистический порядок не есть следствие капиталистического духа. Но так как этот дух есть та «культурная ценность», которая интересует «социолога», то последний «выделяет» его, все вокруг него группирует — и по желанию ставит вверх ногами действительное соотношение вещей. В общей форме это можно выразить так:

Как в естествознании, так и в марксистской общественной науке, причинность (или взаимодействие) есть реально-действующая природная или общественная сила, приводящая явления в определенное взаимное отношение, которое дано в действительности и неизменно, и наша задача может заключаться только в том, чтобы найти это отношение эмпирически, в опыте, а никак не в том, чтобы конструировать его, согласно какой-то «познавательной цели». Это отношение имеет характер всеобщности, т. е. не только отдельные факты, но и целые ряды фактов находятся в причинной зависимости друг от друга. Такие отношения могут быть поэтому выражены посредством всеобщего закона. Таким законом является, например, дарвиновский закон развития или марксовский закон зависимости между отношениями производства и политическими или идеологическими процессами. Поэтому ни в естествознании, ни в марксизме не возникает проблема «отнесения», как

в риккертIANстве и у Вебера. В марксизме никогда не бывает спорным, что является причиной и что следствием в комплексе общественных событий; как не бывает спора и о том, что в этом комплексе значительно и что нет *). По поводу конкретного факта может, конечно, возникнуть вопрос, следует ли его свести к той или другой причине, но закономерная последовательность связи между комплексами событий стоит вне сомнений. Сомнению не подлежит ни то, что они находятся в причинной связи, ни то, как они связаны, в какой последовательности. Именно эта последовательность и устанавливается марксовым учением об обществе. И это учение есть эмпирическая, добытая из опыта теория, которая хочет только высказать то, что есть, что реально содержится в самих явлениях. В этом отношении марксизм есть чистое естествознание.

Возможность этого как раз и отрицается теорией «отнесения». Какова бы действительность ни была, мы все равно не можем познать ее (познать «всецело»); ибо «исчерпывающий каузальный регресс... есть попросту бессмыслица». Более того: ведь заслуживают знания «только» те явления, которым мы «приписываем» всеобщее культурное значение. Поэтому мы «выделяем существенные составные части события» — правило для этого выделения либо не дается вовсе, либо дается посторонней философией! — а благодаря им приобретают значительность и другие части, они также становятся существенными, так как они связаны с существенным. В чем заключается это «существенное», не может указать никакая теория: для одного существенно то, что Наполеон простудился 3 февраля 1812 года, для другого — то, что он нашел слишком большим нос госпожи Боарнэ. И поэтому: никакой теории! История состоит из «индивидуальных констелляций», никогда не повторяющихся, каждая индивидуальная констелляция заключает в себе какую-нибудь центральную культурную ценность, к которой должны быть «причинно» отнесены все остальные «черты» этой констелляции.

*) По поводу этого пишет Ленин: «До сих пор социологи затруднялись отличить в сложной сети общественных явлений в а ж н ы е и н е в а ж н ы е (это — корень субъективизма в социологии) и не успели пайти объективного критерия для такого разграничения. Материализм дал вполне объективный критерий, выделив «производственные отношения», как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общественный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты» (Ленин: «Что такое друзья народа». Собр. соч., I, 71.)

§ Ясно, какое значение имеет здесь слово «причинный»: все события истории, правда, причины, но не в смысле однозначно и реально, и, стало быть, неизменно установленного свершения. а лишь в связи с произвольно выбранной центральной проблемой. При ином выборе центральной проблемы, при иной культурной ценности, становится иной и причинная связь. «Die Kausalität in allem Respekt. Sie ist absolut, — wenn sie unsern Willen tut». (Причинности полное почтение, она самодержавна — пока действует по нашей указке.)

Что это плохо замаскированный агностицизм, отрицание всякой точной теории, — распространяться об этом было бы пустой тратой времени. Во-первых, Макс Вебер говорит это сам («вопрос о причине не есть вопрос о том, под какую формулу должно быть подведено явление, как экземпляр»). Во-вторых, он иллюстрировал свою теорию собственным примером: в своей «Социологии религии» он изобразил мировые религии, как причину структуры хозяйства, а затем написал «Социологию» и «Социальную и экономическую историю», в которых, при подавляющем обилии «фактического материала», тщательно избегается всякая попытка подвести этот материал под какую-нибудь «формулу», т.е. формулировать законы общественной жизни.

Проблема отнесения как нельзя более уместна в теории, отрицающей всякую теорию. Вместе с предпосылками Риккерта-Вебера стоит и падает эта проблема, без предпосылок этих буржуазных скептиков она бессмысленна, без их выводов — еще бессмысленнее. В самом деле, когда принимается, что общественный процесс состоит из «индивидуальных констелляций», тогда вполне логично отрицать закономерность в смысле марксистской социологии. Тогда последовательна своеобразная концепция «причинности», как чего-то логически второстепенного, при чем первую роль играют «культурные ценности», которые, в свою очередь, определяются либо метафизикой истории (Риккерт-Трэлль), либо случаем (Вебер.) Мы имеем тут следующую логическую связь:

Б о л ь ш а я п о с ы л к а: Существенны в истории «культурные ценности». Они изменчивы, но индивидуальны.

М е н ь ш а я п о с ы л к а: История состоит, таким образом, из «индивидуальных констелляций», каждая из которых внутренне «связана», согласно доминирующей в ней культурной ценности.

Заключение: Следовательно, нет причинной закономерности общественного процесса и нет теории, причинно связывающей «индивидуальные констелляции» по какому-либо закону. Вопрос о причинности есть вопрос об «отнесении».

Отбрасывать обе посылки, а из заключения удерживать только теорию отнесения, не отрицая в то же время возможность закономерности, тогда как из этого именно отрицания и вытекает логически понятие отнесения, — это значит поступать в высшей степени непоследовательно! Берется некоторое понятие, роль которого именно в том и состоит, чтобы замещать отрицаемую по существу причинную закономерность, — а сама эта причинная закономерность не отрицается! Повторяю, это крайне непоследовательно и притом курьезно непоследовательно!

В самом деле: либо человек сознает, какую роль играет понятие «отнесения» у риккертянцев, — тогда он остерегается оперировать с этим понятием, ибо старое понятие причинности несовместимо с отнесением.

Либо он отлично знает, какова роль этого «отнесения», понимает, что оно означает отрицание причинности, — но сам склоняется к этому пониманию и хочет вытеснить причинность всякого рода «связями», «смыслом» и т. д.

Либо, наконец, он беззаботно берет это понятие из арсенала какой-либо реакционной философии, не сознавая, что он делает и в какое осиное гнездо попадает.

Какой из этих трех случаев представляет собою тов. Лукач, мы сейчас увидим.

2. „Проблема отнесения“ у Лукача.

Прежде всего мы констатируем, что он «совершает отнесение». Он определяет «классовое сознание» пролетариата (и всякого другого класса) следующим образом:

«Конкретное исследование означает, таким образом, отнесение (Beziehung) к обществу, как к целому. Ибо только через это отнесение данное сознание людей о своем бытии обнаруживается во все своих существенных определенных (Bestimmungen). Оно обнаруживается, с одной стороны, как нечто, что может быть субъективно оправдано и может и должно быть понято из общественно-исторического положения — стало быть, как нечто «правильное», — и в то же время как нечто, объективно проходящее мимо

сущности общественного развития, не постигающее и не выражающее это развитие адекватно, — и, стало быть, как «ложное сознание». С другой стороны, то же самое сознание при том же отнесении оказывается субъективно не достигающим им самим полагаемых целей, и в то же время осуществляющим объективные цели общественного развития, которых оно не знает и не хочет. Это двойное диалектическое определение «ложного сознания» изымает его характеристику из сферы простого описания того, что люди фактически думали, ощущали и хотели при определенных исторических условиях, в определенных классовых положениях и т. д. Последнее является простым материалом — правда, очень важным — собственно исторических исследований. Отнесение к конкретной целостности (Totalität) и вытекающие из этого отнесения диалектические определения указывают за пределы простого описания и приводят к категории объективной возможности. Через отнесение сознания к общественному целому познаются те мысли и ощущения и т. д., которыми обладали бы люди в известном жизненном положении и, если бы они были способны в совершенстве постигнуть это положение и вытекающие из него интересы — как по отношению к непосредственному действию, так и по отношению к соответствующему этим интересам строительству всего общества; познаются, следовательно, мысли, соответствующие их объективному положению. Количество таких жизненных положений ни в каком обществе не бывает неограниченным. Их типологию можно как угодно изощрять путем подробных специальных исследований, — в результате все же получится несколько ясно отграниченных основных типов, существенный характер которых определяется типичным положением человека в производственном процессе. Рациональная реакция (Die rationell angemessene Reaktion), относимая (zugerechnet) таким образом к какому-нибудь типичному положению в производственном процессе, и есть классовое сознание. Это сознание не есть, следовательно, ни сумма, ни средняя того, что думают, ощущают и т. д. отдельные индивиды, образующие классы. И все же имеющее историческое значение действие классов в целом определяется в конечном счете именно этим сознанием, а не мышлением и т. д. отдельного индивида, и только через это сознание оно может быть познано» (стр. 61 — 62, курсив мой. Л. Р.).

Тем самым реальный общественный продукт — классовое сознание, причинно возникшее из целостности (Totalität) общественных явлений и находящееся в причинной связи с остальными частями этой целостности, — превращен в пустой призрак. Призрак, который подобно всем воображаемым призракам закутывается в мистический туман и распространяет вокруг себя чары, придающие ему видимость большей силы, чем какая принадлежит подлинным реальностям. Действительное сознание людей оказывает очень ограниченное влияние на их действительную историю, а вот сознание, полученное через «отнесение», «определяет в конечном счете (letztthin) имеющее историческое значение действие класса как целого»! А между тем оно не действительно, не воплощается ни в индивидах, ни в массах: это есть сознание, которое существовало бы, если бы... мысли, ощущения и т. д., которыми обладали бы люди, если бы...

Для подкрепления своей мистики тов. Лукач опять-таки обращается к Марксу. Он цитирует из «Святого семейства» следующее место, которое ставит эпиграфом к статье о «классовом сознании»:

«Дело не в том, что в данный момент представляет себе целью тот или другой пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, что такое пролетариат и что он согласно этой своей сущности исторически принужден будет сделать».

И он толкует это положение Маркса в своей обычной манере — вычитывать из марксовых слов то, чего в них нет, и вкладывать в них то, что он желал бы в них найти — следующим образом:

«Как подчеркнуто в эпиграфе, классовое сознание не есть психологическое сознание отдельных пролетариев или (массово-психологическое) сознание их совокупности, но осознанный смысл исторического положения класса» (стр. 86).

Прежде чем перейти к анализу излагаемой Лукачем теории классового сознания, я сделаю одно маленькое замечание — с целью изолировать эксперимент от всяких мешающих посторонних явлений. По Лукачу — согласно последней цитате — «классовое сознание не есть ни психологическое сознание отдельных пролетариев, ни массово-психологическое сознание их совокупности, но — осознанный смысл исторического положения класса». Прекрасно! Каждый класс имеет историческое положение, и каждое такое положение имеет «смысл». Это, правда, совсем риккерто-гесеровский язык, и за этим «смыслом» мы опять чуем реминисценции из старого, этически-рационалистического истолко-

вания и искажения истории идеализмом. Все в мире имеет свой «смысл», если некто (напр., бог) вкладывает в мир некий «смысл», являющийся целью, но направлению к которой происходит «совершенствование» этого мира. И ничто в мире — падение камня так же мало, как классовая борьба пролетариата — не имеет другого «смысла», помимо того, что то и другое должно протекать согласно естественным (или общественным) законам. «Историческое положение» класса и «смысл» этого исторического положения отличаются друг от друга только для идеалиста.

В самом деле:

Что такое «историческое положение»? Положение, которое, как всякое другое, протекает независимо от человеческого сознания (хотя и проходя через него). Какой смысл может иметь «смысл» этого положения? Двойной. Материалисты говорят:

То самое, что происходит объективно и, стало быть, независимо от того, как оно познается людьми, вместе с тем воспринимается человеком, обладающим способностью мышления. Когда падают камни вниз по наклонной плоскости — познаются законы падения. Когда падают троны и человеческие головы — познаются общественные законы, законы революции. В этом «познании» и заключается их «смысл» — и ни в чем другом. И этот смысл является, как сказано, психическим процессом в человеке, мыслительная способность которого «аффицируется» событиями. Но как этот психический процесс сам есть только другая (особенно квалифицированная) сторона физиологических процессов (см. Бухарин: «Атака», стр. 137), а не нечто, стоящее над ними, не нечто сверхчувственное¹⁾, — точно так же познанный, осмысленный процесс есть не что иное, чем сам объективный процесс, как он опознается человеком. Поэтому материалисты говорят: «Историческое положение класса и «смысл» этого исторического положения не отличаются друг от друга».

Идеалисты же говорят:

Они отличаются друг от друга. Всякий «процесс» должен иметь некоторый «смысл», т.е. устремляться к некоторой цели. Невозможно, чтобы мир (природа и общество) не имел конечной цели, к которой он устремлялся бы; это было бы «бесмысленно». И, стало быть, когда мы исследуем какой-нибудь

¹⁾ Фейербах (Werke, II. 848, цитируется у Плеханова) говорит: «Я психологический объект для самого себя и физиологический объект для других».

естественный или исторический процесс, то помимо причинной связи событий и над ними существует еще нечто: цель («Ziel»), к которой устремляется данное событие; смысл («Zweck»), который имеет природа и общество и осуществлению которого данное событие содействует. И только такие события «имеют значение» или «историческое значение», которые содействуют осуществлению этой цели или этого смысла. Как мы видим, это так называемые «ценности», «культурные ценности» и т. д., с которыми мы познакомились у Риккерта-Вебера.

Предположим, что такой риккертинец — просвещенный человек, скажем, социал-демократ или даже коммунист. Он тогда не преминет, в нынешнюю эпоху революций, поставить вопрос: «какой смысл» имеют эти революции? Ведут ли они человечество к усовершенствованию, или нет? И смотря по тому, что он понимает под «усовершенствованием» (справедливость или демократию и т. д.), он станет, например, приветствовать или проклинать русскую революцию.

Словом: «смысл» исторического положения заключается для идеалиста в том, что оно оценивается.

Маркс и Энгельс всегда самым решительным образом протестовали против вторжения в марксизм «оценочных суждений» (см. *Anti-Dühring*, стр. 161, или *Elend der Philosophie*, предисловие Энгельса, стр. X). Оценки, которые высказываются индивидом или целым классом в нравственное признание или осуждение чего-нибудь, сами подлежат причинному объяснению. Такие оценки могут быть симптомами происшедших в общественном процессе изменений, о которых они таким образом возвещают (например, когда рабство наемного труда осуждается, как нечто безнравственное, без того чтобы его сущность была познана); но кто стал бы утверждать, что классовое сознание пролетариата состоит из таких оценочных суждений, тот может быть всем, чем угодно, только не марксистом.

Но когда тов. Лукач говорит: «классовое сознание есть осознанный смысл исторического положения класса», — тогда он, согласно только что высказанному, либо утверждает, что «смысл исторического положения» и есть такие оценочные суждения, либо просто хочет сказать, что этот смысл означает познание закономерного хода общественных событий и их тенденций.

И в этом последнем случае классовое сознание есть нечто большее. Об этом нам придется еще говорить. Но в общем и целом

я с ним тогда согласен¹⁾. Хотя, правда, тогда весьма странно, почему этот простой факт выражен в такой идеалистически-сбивчивой форме. Именно для предотвращения этой опасности, марксисты предпочли бы другой язык. Они сказали бы: каждая вновь достигнутая ступень производительных сил толкает общество в известном направлении (которое может быть познано теорией). Это направление может быть «выше» или «ниже», оно может быть «развитием» или «регрессом», смотря по обстоятельствам. В этом его «смысл» — и больше ни в чем. Это направление (тенденция) познаваемо, оно может быть опознано. Если оно представляет собою развитие, то оно является в сознании, как задача, к выполнению которой люди стремятся и которая при известных условиях и осуществляется (если не помешают препятствующие обстоятельства). Если же направление оказывается «регрессом», то можно попытаться задержать его. Это может быть удастся, а может быть и нет и даже чаще всего последнее. Узнать, какой именно случай имеет место, в этом и заключается функция теории. Вопрос о том, осознается ли или нет направление общественного развития, и если да, то когда и как, — нас здесь не интересует. Допустим, что оно осознается. Тогда можно воспользоваться выражениями Риккерт-Вебер-Лукача и сказать: «смысл исторического положения» (общества или класса) «осознан». Но я спрашиваю, где он осознан? в ком он осознан? как он осознан?

Он осознан либо в отдельных людях (скажем: в пролетариях), либо в какой-нибудь части класса или в целом классе. Существует ли еще третья возможность? Люди до сих пор не осознавали свое историческое положение. Почему это так было, и что они сознавали вместо него, это другой вопрос. Но вот теперь они по какой-то причине осознают его. Не значит ли это, что в их головах, реально-психологически, теперь присутствуют другие мысли, чувства, цели и т. д., более близко или даже вполне соответствующие действительности? Да и может ли слово «осознание» означать что-нибудь другое? Если даже эти новые мысли, чувства, цели и т. д. охватываются формулой «смысл исторического положения», то это ничего не меняет в том факте, что они осознаны, т. е. психически переживаются, и должны переживаться, раз они вошли в сознание. Но если это так, то здесь опять тов. Лукач делает — уже не в первый (и даже не последний!) раз — один из своих обычных

¹⁾ Ниже мы убедимся, что у тов. Лукача мы совершенно определенно имеем дело с первым случаем.

логических промахов. Для разнообразия это на сей раз не эквивалация или кнпрочно, а самое простое—противоречие. И отнюдь не диалектическое. Тов. Лукач отрицает в первой части своего положения то, что признает во второй его части. Первая часть его положения противоречит второй полностью. В первой части утверждается, что классовое сознание не есть ни психическое сознание отдельных людей, ни массово-психологическое многих. Можно было бы подумать, что тов. Лукач открыл третье место, в котором реализуется классовое сознание. Не голову ли бога или многих богов, или, может быть, голову госпожи истории или что-нибудь подобное? Нет! Во второй части разбираемого положения признается то, что отрицается в первой. Ибо там говорится: классовое сознание есть «осознанный смысл исторического положения класса». Но, как сказано, только голова людей (индивидуально-психологически или массово-психологически) может быть тем местом, где реализуется классовое сознание, где что-нибудь осознается людьми. Во второй части своего положения Лукач только ближе определяет то, что ими осознается, т. е. только содержание их сознания: ими сознается «смысл исторического положения». Но это, с позволения сказать, совсем другой вопрос! Что составляет содержание человеческого сознания в данный момент, соответствует ли это содержание действительности или нет,—это особый вопрос, не имеющий, однако, ничего общего с вопросом о том, является ли сознание индивидуально- или массово-психологическим. Ложно ли содержание или истинно, выражает ли оно «смысл исторического положения» или нет,—само сознание, носящее в себе это содержание, должно быть либо индивидуальным, либо массовым. В одном только случае это не так: когда «смысл исторического положения класса» «осознается» так, что он сам, этот смысл, становится отдельным особым сознанием, отличным от индивидуальных человеческих сознаний и вознесенным над головами людей. Но тогда перед нами (замаскированный) бог. (На философском языке это называется «гипостазированием».) В лучшем (или худшем?) случае «отнесенное» сознание тов. Лукача есть, таким образом, гипостазированное сознание—весьма сходное с божественным сознанием.

Вы, стало быть, бьете мимо цели, тов. Лукач. Вы не доказываете то, что хотите доказать. Или вернее: либо вы противоречите самому себе, либо вы объединяете в вашем положении два вопроса, лежащих в совершенно различных плоскостях. Вы говорите в первой части вашего положения о чем-то совершенно другом, чем во

второй его части. В первой части — о сознании (все равно, индивидуальном ли или массовом, или еще каком), а во второй части — о содержании сознания, при чем вы тут же признаете, что содержание все-таки осознается. Где? В сознании, которое вы же в первой части выкинули вон! Вы поступаете, как сумасбродный Перси у Шекспира, который на тревожный вопрос своей жены: «Что тебя так влечет от меня?» — отвечает: «Мой копь, дитя мое, мой конь!»

Теперь выяснилось, что наше «маленькое замечание» касается не второстепенной подробности, а вводит нас в самый центр, в самую суть всего вопроса. Если Лукач этого не делает, то мы-то во всяком случае должны это сделать — мы должны строго разграничить эти два вопроса: что такое человеческое сознание, и каково содержание этого сознания? Ибо ясно, что каково бы ни было содержание сознания, как бы ни менялись мысли, чувства, цели и т. д. людей, — в каждый данный промежуток времени в головах людей присутствует комплекс этих элементов, и как раз этот-то комплекс и называется «сознанием». И это сознание может быть осуществлено только двумя способами: психологически — в отдельных людях, или массово-психологически — во многих. Что представляет собою это «психологическое или массово-психологическое осуществление», на этот вопрос отвечает особая наука, и именно естественная наука — психология (массовая психология). В каком отношении находится эта наука к марксизму, это крайне интересный и далеко не достаточно выясненный вопрос, обсуждение которого становится все более неоплодотворенным для всякого марксиста. Если бы тов. Лукач поставил вопрос именно в этом смысле, то он имел бы полное право на нашу благодарность: самый вопрос был бы, по крайней мере, разумно и ясно поставлен, хотя бы на него и не был бы дан сразу же вполне удовлетворительный ответ. Но этот — единственный имеющий смысл — вопрос не интересует тов. Лукача ни в малейшей мере. Его исследование имеет философскую установку. Что это значит, и что это противно духу марксизма, — мы сейчас увидим.

3. Причинность и проблема отнесения в марксизме.

Поставить вопрос философски, это в данном случае значит: поставить его метафизически. «Философское сознание характеризуется тем, что для него понимающее мышление это действительный

человек, и понятный мир есть действительный мир» (Маркс, «К критике политической экономии», Введение, 26). Не напрасно тов. Лукач и в этом пункте учился у Макса Вебера. Последний конструирует «рациональную» социологию («*verstehende*» *Soziologie*), категории (основные понятия) которой основаны на том, что мы можем понимать и, следовательно, «истолковать» человеческие поступки. Подобно этому и Лукач все время спрашивает о том, какой «смысл» имеет то или другое «значительное» действие классов. Он все время спрашивает о том, какая сторона жизни, и в какой методической связи, заслуживает почитаться важным для познания фактом?» (стр. 17). И в чисто риккерто-веберовском духе он всегда отвечает на этот вопрос философски, т. е. указывая на некоторую «познавательную» цель или цель развития, которая впервые делает факты фактами. Всех тех, кто не ориентируется на заранее установленную познавательную цель и не отбирают «факты» в соответствии с нею, он называет «грубыми эмпиристами».

Что в этих словах скрывается гораздо больше, чем в них прямо сказано (вернее: признано), об этом мы можем догадаться, когда вспомним, какое значение Лукач придает «смыслу» исторического положения, — выражение, как мы видели выше, по меньшей мере двусмысленное у писателя, который и вообще обнаруживает сильную склонность к идеализму. Но эта догадка тотчас же превратится в уверенность, когда мы примем во внимание, что от этой «теории» познавательных целей очень сильно отдают риккерто-веберовскими культурными ценностями, которые как раз и являются тою «познавательной целью», с которой должны сообразоваться «факты»! Марксизм знает только одну «познавательную цель» — вскрыть факты в их причинной связи. Что среди фактов важно и что неважно, это определяется исключительно тем, какое действие производит тот или другой факт. Я могу приписать какому-либо факту неправильное значение, я могу установить неправильные факты (как, напр., ревизионисты, когда они «установили» укрепление буржуазии, или тов. Лукач, когда он установил тот «факт», что Маркс отрицал диалектику в природе). Против таких «фактов» Ленин вел ожесточенную борьбу (напр., против «факта» убывающего плодородия почвы). Такие факты должны быть исправлены, но в исправленном виде они уже остаются фактами. Разумеется, связь между фактами устанавливается теорией. Но только потому, что сама теория есть не что иное, как мысленное выражение реально суще-

ствующих отношений между фактами. Но мир, даже когда он еще не понят, когда, значит, еще нет никакой теории, объясняющей его, уже существует, существует со всеми реальными отношениями между вещами и людьми, — когда же впоследствии он становится понятым, тогда это понимание, т.-е. теория, оказывается фактом среди фактов, который не преминет оказать свое действие. Но ни в коем случае нельзя сказать: факты сообразуются с теорией, а не теория с фактами. Никогда нельзя сказать: «Тем хуже для фактов». А между тем именно так поступает философ. Для него факт только тогда является таковым, когда он подходит к его теории, когда он становится «важным» ввиду его «познавательной цели». Для него — для Лукача — понимающее мышление есть действительный человек; понятый мир есть действительный. Он до мозга костей—идеалист!

Несомненен тот факт, что люди обладают сознанием. И это сознание играет у них некоторую — и даже вовсе не незначительную — роль. Всякая теория общества должна, в первую очередь, посчитаться с этим фактом: ведь был же он отправным пунктом всех идеалистов, которые сыграли очень даже значительную роль в духовной истории человечества. Что такое это сознание и какую роль играет оно в обществе? Марксизм дает на это ясный и точный ответ: я констатирую, — говорит он, — тот факт, что люди обладают сознанием, я изучаю историю и констатирую, что это сознание играет в ней такую-то и такую-то роль. И мне не приходит в голову отрицать факт этого сознания! Или заменять его каким-то конструированным сознанием, которого нигде нельзя найти, о котором неизвестно, птица ли оно или рыба, которое существует только в моем понятии. Это — философская постановка вопроса, это — постановка вопроса у тов. Лукача!

В самом деле:

Люди обладают сознанием и даже воображают, что это сознание определяет судьбу мира. (Мы еще увидим, что это воображает даже тов. Лукач!) У людей есть мысли, чувства, люди даже ставят себе цели — и даже воображают, что эти мысли и чувства играют важную и независимую роль в истории, что эти цели те же самые, которые осуществляются и в истории. Материалисты всегда боролись против этого мнения людей. Смотря по особой форме, какую принимало в ту или другую эпоху материалистическое учение, человеческое сознание сводилось к тому или другому началу, пока, наконец, современный марксо-энгельсовский материализм не свел

человеческое сознание, в конечном счете, к хозяйственной структуре людей. И не конструированное, а живое, в человеческих головах осуществленное сознание. Но одна черта присуща всякому материализму, в какую бы форму он ни облакался: между человеческим сознанием и окружающим его миром (обществом) существует причинная связь! Сознание людей есть продукт окружающего их мира! Это, правда, элементарная истина, но, к сожалению, весь наш спор с тов. Лукачем вращается вокруг элементарных истин марксистского материализма.

Но эта элементарная истина несовместима ни с каким «отнесением». Ибо одно из двух: либо сознание людей есть реальный факт общественной жизни, причинно связанный с другими фактами, либо нет. В этом последнем случае оно может быть «вопросом отнесения». Но если оно причинно связано (как это принимает марксизм), тогда можно ближе определять способ этой причинной связи, и нужно строго взвесить значение этого факта, сознания, ввести в надлежащие рамки неумеренное представление людей о роли их сознания; — но помимо этого сознания, являющегося реальным фактом общественной жизни, общественным явлением среди других явлений, нет и не может быть другого, гипотетического сознания, которое не существует нигде, кроме как в понятии философа, и которое обретается только после того, как теория установила объективно-историческое положение класса и затем уже сконструировала соответствующее этому положению сознание, «отнесла» к нему сознание, адекватно отражающее это положение. Разумеется, сознание людей формируется по их общественному положению, их положению в производственном процессе, их классовой принадлежности. Жизнь в производственном процессе составляет, напр., длиннейшую и важнейшую часть жизни промышленного рабочего. Впечатления, получаемые им там от общения с машинами, товарищами по производству, другими рабочими, с фабричными надзирателями и, наконец, с капиталистом — составляют значительную часть его сознания. *Mutatis mutandis*, следует то же самое сказать обо всех людях, ибо в классовом обществе не существует людей, а есть только классовые люди; в наше время — капиталисты, наемные рабочие и т. д. (Маркс, «К критике политической экономии», Введение, XXXV). И поэтому сознание людей не обще-человеческое сознание (как ошибочно принимает, напр., современная психология, фрейдизм), а классовое сознание. Все люди, занимающие одно и то же положение в произ-

родственным процессе, имеют более или менее в сущности — одинаковое сознание, классовое сознание.

Но тем самым сказано, что само индивидуальное сознание является и з н а ч а л а общественным, классовым продуктом. Если бы можно было выделить из сознания индивида то, что принадлежит только лично ему, что является его личным вкладом, то от сознания осталось бы очень мало. От колыбели до могилы человек — общественное существо, его сознание формируется в общении с его сочеловеками, при чем он получает содержания сознания, возникшие в общественном процессе без его ведома и содействия и передаваемые в совершенно готовом виде от прошлых поколений к новым, которые, в свою очередь, их дальше развивают и видоизменяют. Когда мы говорим об индивидуальном сознании и, в противоположность к нему, об общественном или классовом сознании, то мы этим вовсе не хотим сказать, что вне индивидуального сознания существует еще где-то другое сознание. Мы утверждаем только, что индивид, хотя его сознание с самого начала является обобществленным, на ряду с существенными чертами, типичными и для всех членов его класса, необходимо обнаруживает и случайные, второстепенные содержания, т.-е. такие, которые происходят от его индивидуального общения с небольшим кругом сочеловеков; и, наоборот, некоторые существенные черты, присущие большинству его товарищей по классу, могут у него отсутствовать и даже наверно отсутствуют.

Различие по степени между индивидом, как индивидом, и индивидом, как членом класса, с одной стороны, и между обоими соответствующими сознаниями — с другой, недвусмысленно определяется следующим изречением Маркса и Энгельса:

«Индивиды принадлежат к коллективности (Gemeinschaft) лишь как средние индивиды, лишь постольку, поскольку они живут в условиях существования своего класса; в этом отношении они имеют дело друг с другом не как индивиды, а как члены класса». (Немецкая идеология. Архив Маркса и Энгельса, стр. 245).

Но «средние» индивиды и реально живущие индивиды, это не отличные друг от друга существа, не две разные реальности!

Следовательно, когда я теоретически говорю о классовом сознании пролетариата, я поступаю по образцу всякой науки: я отбрасываю случайные черты, возникающие из особенных условий производства, из особенного отношения к отдельному капиталисту и т. д., и беру только содержание, общее всем рабочим, которое таким образом и становится характерным, типичным, «средним».

Но всегда с той оговоркой, что полученное таким путем «сознание» нигде не реализовано начисто, не существует нигде, вне живых отдельных людей. Из этого сознания марксист никогда не сделает какого-то исторического демона, какого-то «демиурга действительности, истории», — иначе он перестанет быть марксистом и станет старо-гегельянцем, у которого, как известно, идея играла именно эту роль. Разумеется, полученное описанным способом сознание есть реальность. Ведь оно добыто наукой в результате того, что выделены как раз те элементы отдельных сознаний, которые общи им всем. Именно потому, что эти элементы общи всем, они и являются существеннейшими элементами, — теми, которые одинаково действуют или начинают действовать во всех членах одного и того же класса. А что одинаково действует во многих, то по закону перехода количества в качество становится чем-то новым, чем-то иным. Поэтому классовое сознание есть реальность, есть реальный общественный продукт и реальная общественная сила (значение которой не должно выходить за начертанные марксизмом пределы), и поэтому классовое сознание не есть ни «арифметическая сумма», ни «средняя отдельных сознаний». Но и не «вопрос отнесения»!

К каким следствиям приводит допущение «отнесенного» сознания вместо сознания действительного, это мы подробно увидим ниже. Но уже здесь мы подчеркнем один вывод, который очень удивит иного читателя (я сказал бы: всякого, кто хоть сколько-нибудь знаком с марксистской литературой или хотя бы только смотрит на современную жизнь открытыми глазами). Этот вывод гласит: только пролетариат имеет классовое сознание! Разве еще, может быть, буржуазия, но это не так уж достоверно, а, наоборот, очень спорно!

Слушайте:

«Весьма показательно как для анархизма, как теории, так и для «классового сознания» крестьян, что некоторые контр-революционные восстания и мятежи середняцких и богатых крестьян России нашли себе идеологическую опору в этой концепции общества, как целеполагания. Таким образом, у этих классов... собственно говоря нельзя говорить о классовом сознании: полное сознание своего положения обнаружило бы перед ними безнадежность их партикулярных стремлений перед лицом необходимости исторического развития. Сознание и интересы находятся здесь, следовательно, в отношении контрадикторной противоположности. А так как клас-

совое сознание было определено, как проблема отнесения, то это делает философски-понятной и невозможность его развития в непосредственно данной, исторической действительности» (стр. 73, курсив мой, Л. Р.).

Я не предполагаю, чтобы кто-нибудь мог выбраться из лабиринта стиля Лукача без нити Ариадны, а то я оставил бы эту цитату без всякого комментария: она сама по себе показала бы яснее, чем то могла бы сделать какая угодно критика, какие небылицы преподносятся здесь читателю под видом марксизма.

Вникните только в то, что здесь сказано. По поводу крестьян «собственно говоря» вовсе нельзя говорить о классовом сознании. Почему? — спрашивает изумленный читатель. Ведь у крестьян есть классовое сознание, у них есть мысли, чувства, цели и т. д., — ведь это доказывается повседневной жизнью. Нет, говорит тов. Лукач, его у них нет. И не потому, напр., что их сознание заимствовано ими у других классов (у буржуазии или пролетариата), что было бы, пожалуй, возможно. Хотя и в этом случае в крестьянском сознании непременно должно было бы быть и кое-что не заимствованное, кое-что такое, что возникло из их собственного положения в производстве и постольку вполне могло бы быть названо их специфическим классовым сознанием. Так, Бухарин в своей «Теории исторического материализма» описывает классовое сознание крестьян следующим образом:

«Привязанность к частной собственности, которая удерживает его от всего нового: индивидуализм, собственность, особенность, недоверие ко всему, что выходит за пределы околицы» (Теория истор. материализма, стр. 342.)

И тут же Бухарин замечает, что крестьяне очень часто принимают теорию анархизма, о которой он остроумно говорит, что она состоит из двух параграфов: § 1. «Ничего не будет», § 2. «Никому не поручается выполнение предыдущего параграфа». Об истинной связи крестьянской идеологии с анархизмом, и о том, как его толкует тов. Лукач, придется еще сказать несколько слов ниже.

Но и из сказанного уже во всяком случае ясно, что у крестьян все-таки есть классовое сознание и что такой марксист, как Бухарин, того же мнения. Нет, возражает тов. Лукач, у них «собственно говоря» нет классового сознания. Почему? — спрашиваем мы еще раз. Потому, что у них нет полного сознания своего положения. Ибо, если бы они сознавали свое положение вполне, то неминуемо убедились бы в безнадежности своих частичных стремлений.

. Так, — скажет всякий здравомыслящий человек, — по как же обстоит дело с другими классами? Разве городская мелкая буржуазия находится в другом положении? Или средняя и крупная буржуазия? Может ли у этих классов быть полное сознание своего положения? Ни в коем случае!

Современное общество распадается на классы. Каждый класс занимает особое положение в производственном процессе. В зависимости от этого, занимаемого ими, положения и от той роли, которую они играют в производственном процессе, разные классы имеют различные интересы, и в зависимости от производственных условий и интересов — различные сознания. Ведь именно это и называется классовым сознанием!

Если бы различные классы не занимали различных положений в производственном процессе и не имели различные интересы, то у всех у них было бы одно и то же сознание, общечеловеческое сознание, а не различные классовые сознания. Это общечеловеческое сознание было бы тогда вместе с тем и полным сознанием объективного положения вещей. В настоящее время это невозможно, потому что друг другу противостоят враждебные классы, положение и интересы которых вынуждают их ложно осознавать мир, строить идеологии.

Из всех классов современного общества один только пролетариат находится в таком положении, что его место в производственном процессе и его интересы дают ему возможность познать мир (общество) так, как он есть, т.е. прийти к полному осознанию своего положения. Становится ли эта возможность действительностью, и если да, то как и насколько, это — другой вопрос, который нас сейчас не интересует. Но сознание пролетариата не потому называется классовым, что оно правильно или неправильно отображает его положение, — а потому, что это сознание, со всеми его особенностями, ограничено только пролетариатом, так же как и сознание других классов, опять-таки со всеми его особенностями, ограничено этими другими классами. И поэтому сознание пролетариата, хотя оно и отображает мир объективно-правильно, все же нельзя назвать общечеловеческим, а приходится назвать классовым.

Итак: истина как раз обратна тому, что утверждает тов. Лукач! Именно потому, что мир различными классами воспринимается различно (и стало быть, разумеется, некоторыми из них ложно), именно поэтому у каждого класса свое особое классовое сознание; в этом как раз и состоит его классовое сознание. Прямо обратно

тому, что утверждает тов. Лукач, классовое сознание и интересы находятся друг с другом в теснейшей связи, а не в отношении «контрадикторной противоположности». Ведь по Лукачу выходит, что крестьяне — мертвые вещи или, по крайней мере, животные: у них, ведь, не должно быть вовсе никакого сознания! «Сознание и интересы» находятся у них «в отношении контрадикторной противоположности». Но интересы у них есть. И сознание у них тоже есть, каково бы ни было его содержание. По Лукачу же одно (интересы) исключает другое (сознание) — «контрадикторная противоположность»! Стало быть, у крестьян нет сознания, они мертвые вещи или животные. Или, может быть, у них есть интересы и совершенно противоположное им сознание? И если их сознание нельзя назвать классовым, то как же иначе назвать его?

В «философском» смысле все это, может быть, и понятно, но я должен признаться, что в обыкновенном, прозаическом, не-«философском» смысле это непонятно в высшей мере. Послушаем, как характеризует положение и классовое сознание крестьян Ленин, — и мы тотчас увидим, в чем разница между марксистом-материалистом и философом-идеалистом:

«Положение крестьянина таково, по его быту, условиям производства, условиям его жизни, условиям его хозяйства, что крестьянин — полутрудовой, полуспекулянт.

«Крестьяне — особый класс. Как труженики, они враги капиталистической эксплуатации, но в то же время они собственники. Крестьянин столетиями воспитывался на том, что хлеб его, и что он волен его продавать. Это мое право, думает крестьянин, ибо это мой труд, мой пот и кровь. Переделать его психологию быстро нельзя, это долгий и трудный процесс борьбы.

«Вопрос стоит таким образом, что крестьянин привык к свободной торговле хлебом.

«Крестьянин является полутружеником, полуспекулянтом. Крестьянин труженик потому, что потом и кровью добывает себе свой хлеб, его эксплуатируют помещики, капиталисты, купцы. Крестьянин — спекулянт потому, что продает хлеб, предмет необходимости...» (Ленин, «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства». Собрание сочинений, т. XVI, стр. 210 и 215 и сл.)

Во-первых, крестьянство признается здесь за «особый класс». По Лукачу же спорно, можно ли вообще называть его классом в строго марксистском смысле» (стр. 73). Впрочем, это замечание только мимоходом.

Во-вторых: что здесь характеризуется как особая классовая психология («переделать его психологию быстро нельзя»), как классовое сознание крестьян?

Так как крестьяне составляют особый класс с особой психологией, с особым классовым сознанием, которое отчасти дружественно пролетариату, отчасти же опасно для него,— то нет места равенству крестьянина и пролетария в конституции Советских Республик.

Так говорит материалист-марксист, который конкретно анализирует конкретный вопрос, а не довольствуется «философскими» фразами. Марксист-материалист смотрит на сознание классов не как на «проблему отнесения», а как на некоторую, иногда очень опасную, реальную общественную силу, как на действительность, с которой приходится считаться и сообразовать свою политику. Когда классовое сознание превращается в какой-то «отнесенный» призрак, тогда и политика пролетариата начинает направляться против призраков и вестись по призрачному — не к выгоде для пролетарской революции!

Но почему крестьяне часто принимают теорию анархизма? Не потому, — как это утверждает тов. Лукач, — что у них нет классового сознания, а опять-таки как раз наоборот: потому, что они обладают таковым! Крестьяне — как мы видим из слов Ленина — представляют собою мелко-буржуазный класс (полутрудающиеся, полуспекулянты). А анархизм представляет собою мелко-буржуазную теорию. Раздробленное ведение хозяйства, индивидуализм крестьянина прямо вопиет о такой теории, которая была бы индивидуалистичной, идеалом которой являлось бы мелкое хозяйство. Ведь это ясно! И столь же ясно, почему крестьяне один раз тянут к капиталистам, другой раз к пролетариату. Да потому, что они полутрудающиеся, полуспекулянты! И вовсе не в том дело, что они будто бы не являются особым классом, с особым классовым сознанием!

Все это было бы почти совершенно непонятно у писателя, который называет себя марксистом, если бы сразу не бросалось в глаза, что именно смешивает тов. Лукач. Он смешивает классовое сознание, как оно есть фактически, с классовым сознанием, каким оно было бы, если бы оно не было классовым сознанием; он смешивает классовый интерес, фактически существующий, с классовым интересом, каким он был бы, если бы не был классовым интересом. В самом деле:

1. Если бы непролетарские классы обладали «классовым сознанием» в том смысле, в каком его определяет Лукач, т.-е. если бы они полностью познавали свое положение, то они познавали бы общество так, как оно объективно существует; тогда все они обладали бы классовым сознанием пролетариата — единственного класса, познающего общество так, как оно объективно существует. Но тогда вместе с тем все классы имели бы одно и то же сознание, и, следовательно, не было бы вообще никакого классового сознания. Все человечество обладало бы одним и тем же сознанием. И как раз это обще-человеческое (пока не существующее) сознание Лукач и называет классовым сознанием.

2. Классовое сознание имеет степени, потому что нет вполне однородных классов. Степень классового сознания, его большая или меньшая ясность, это один вопрос; типическое классовое сознание данного класса — другой вопрос. Если Лукач называет классовым сознанием только такое, которое вполне соответствует объективному положению класса, — то как назовет он тогда мышление класса, пока оно еще не достигло этой ступени? В этом случае классовое сознание существовало бы только в теории, а не в действительности, не было бы его даже у пролетариата, ибо и у последнего «сознателен» только его авангард, коммунистическая партия. Но с большей или с меньшей степенью ясности обладают сознанием, соответствующим положению пролетариата, и остальные члены этого класса, ибо коммунисты — как сказано уже в «Коммунистическом Манифесте» — не являются особым классом внутри пролетариата. И если есть пролетарии, которые не вполне или мало классово-сознательны, или даже настроены враждебно против своего класса, то это те, положение которых в хозяйственном процессе само не является чисто типическим. Либо они не заняты в больших промышленных предприятиях, либо же принадлежат к «мелко-буржуазному пролетариату». Или, может быть, тов. Лукачу неизвестно это выражение Энгельса? Но это выражение означает, что классы — не застывшие образования, а текущие процессы. И точно так же их классовые сознания. Так что в головах действительных живых людей прекрасно могут уживаться идеологии различных классов: различные классы влияют друг на друга. «Переход текуч» — здесь так же, как и в других случаях.

3. Интерес и сознание могли бы находиться в отношении «контрадикторной противоположности» лишь тогда, если бы этот интерес — был не классовым интересом. То-есть в отношении «контра-

дикторной противоположности» находятся не интерес крестьян и их сознание, а «дальнейший интерес» и «теперешнее сознание». Если бы крестьяне не были особым классом, полутрудащими, полуспекулянтами, то они поняли бы, что в их интересе «собственно» тоже коммунизм и тогда бы — Лукач был прав. Но понять это им как раз и мешает их теперешний классовый интерес. Когда они разовьются настолько, что поймут это (а практические мероприятия пролетарской революции в сочетании с пропагандой коммунистической партии приведут их к этому), тогда они освободятся от своего специфического классового сознания и проникнутся сознанием пролетариата. Это и называется диалектикой. Они постепенно перестают быть особым классом, по мере того, как их хозяйство постепенно изменяется. Но до этого — нам еще далеко! Покуда же они остаются особым классом, они сохраняют особое классовое сознание и особые интересы! И это сознание и эти интересы, отнюдь не находясь в отношении «контрадикторной противоположности», находятся у них, наоборот, в полнейшем согласии.

Лукач таким образом смешивает будущее, дальнейшие, «собственные» интересы крестьян с их теперешним классовым интересом, т.-е. их классовый интерес, как он есть в действительности, с их интересом «в собственном смысле», с интересом — который уже не является классовым.

Только приняв во внимание три приведенные пункта, можно объяснить те нелепости, в которые впутывает тов. Лукача его «проблема отнесения». С ним случилось по отношению к его учителям, Риккерт и Макс Веберу, то же самое, что случилось с Богдановым по отношению к Маху. Плеханов изображает этот казус следующим образом:

«Даже там, где Вы (т.-е. Богданов. Л. Р.) мните себя независимым от своего учителя, Вы только портите заимствованное у него учение. И притом Вы портите его, оставаясь совершенно верным его духу... Вы только приводите к явному абсурду то, что оставалось абсурдом в потенции (*absurdum an sich*, сказал бы Гегель) у Вашего учителя». (Плеханов. Третье открытое письмо Богданову, стр. 85.)

Многое из того, что через посредство этого «отнесения» приписывается какому-то призрачному классовому сознанию, составляет функцию теории. Теория может задолго до того, как это осознает

класс, предвидеть основные тенденции общественного развития. А так как человеческое сознание тоже входит в процесс этого развития, то материалистическая теория, провозглашающая причинную зависимость сознания от материальных производительных сил, от реальных производственных отношений и т. д., может предвидеть и линию развития сознания, в частности классового сознания пролетариата. И как следовало ожидать, приводимая Лукачем цитата из Маркса ничего другого и не высказывает. А это нечто совсем иное, чем то, что отсюда выводит Лукач.

Место, о котором идет речь, находится в «Святом семействе» и направлено против Бауэра. Я позволю себе привести его целиком, без всяких сокращений, так как «самым разительным доказательством против философских вывертов является практика».

«Если социалистические писатели приписывают пролетариату эту всемирно-историческую роль, то это вовсе не значит, что они, как, повидимому, думает критическая критика, считают пролетариев богами. Скорее наоборот. Только потому пролетариат и может, и должен освободить себя, что он лишен всего человеческого, и это отвлечение даже от видимости человеческого доведено в развитом пролетариате до практической законченности. Пролетариат может и должен освободить себя, так как в его жизненных условиях сосредоточены все наиболее бесчеловечные моменты жизни современного общества, так как человек в нем потерял самого себя, но вместе с тем не только приобрел теоретическое сознание этой потери, но и непосредственно вынужден к возмущению против этой бесчеловечности, вынужден беспрекословным велением необходимости в ее практическом выражении, а именно велением нужды, которой нельзя устранить, нельзя даже прикрасить. Пролетариат не может освободить себя, если не упразднит своих собственных условий существования. Он не может упразднить своих жизненных условий, если не упразднит всех бесчеловечных условий жизни современного общества, которые сосредоточены в его жизненном положении. Он не напрасно проходит суровую, но закаляющую школу труда. Дело не в том, что в данный момент представляет себе целью тот или другой пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, что такое пролетариат и что он, согласно этой своей сущности, исторически принужден будет сделать. Его цель и его историческая роль осязательно и непреложно

предначертаны в его собственных жизненных условиях, во всей организации современного буржуазного общества. Здесь не место доказывать, что значительная часть английского и немецкого пролетариата уже сознает свою историческую задачу и беспрестанно стремится довести это сознание до степени полной ясности».

Из этой цитаты — это ясно почти без всякого комментария — точно так же не вытекает отрицание реального (классового) сознания и его замена каким-то гипотетическим, «отнесенным», как из другой цитаты из Маркса не вытекало отрицание диалектики в природе и ее ограничение общественной действительностью. Как там, так и здесь просто непонятно, как можно из слов Маркса вычитать нечто подобное!

Ведь мысль Маркса совершенно ясна. Социалистические писатели приписывают пролетариату некоторую всемирно-историческую роль. Почему они это делают и что дает им возможность это делать? То, что современное общество подчинено известным закономерностям, которые с такою же необходимостью определяют будущий путь общества, с какою путь брошенного камня определяется законами падения. Камень ничего не знает о том, что его падение необходимо определяется силами природы; возможно, что точно так же и пролетариат не имеет до поры до времени никакого представления о своей роли. Но только до поры до времени, говорит Маркс. Ибо так как пролетариат не камни, а люди, обладающие сознанием, то они, в конце концов, осознают свою историческую роль. Англичане и французы уже начинают осознавать свою историческую задачу, а за ними последуют и другие.

Почему я это знаю? Потому, — говорит Маркс, — что как материалист я знаю, что сознание зависит от общественного бытия, является его продуктом. А так как это бытие таково, что пролетариат своей нищетой и т. д. с абсолютной необходимостью вынуждается к определенному действию, то с такою же абсолютной необходимостью в нем со временем проснется и сознание.

Ничего больше и в этой цитате не содержится, и кто вычитывает из нее что-то большее, тот — я должен это повторить — заблуждается жесточайшим образом!

Но того, что в ней сказано, вполне достаточно! Роль сознания определена ясно, точно и недвусмысленно. Маркс не говорит, (как хочет нас уверить Лукач), что безразлично, что именно представляют или будут себе представлять пролетариат, как свою цель. Это

было бы фаталистическим взглядом, а Маркс не был фаталистом. Он говорит только: дело не в том, что пролетариат до поры до времени представляет себе, как цель. А мы знаем, что как раз история есть та область, в которой время является (говоря словами Лукача) — очень важной категорией. Пролетариат пока еще не созрел для своего свободительного дела. Его созревание зависит от многих обстоятельств, среди которых и сознание пролетариата играет известную, может быть, даже большую роль. Но это не мешает предвидеть, что пролетариат должен созреть, что то время должно настать, когда он выполнит свою миссию, и будет сознавать это. Но пока все дело в том, чтобы вычитать эту грядущую задачу пролетариата из структуры современного общества — впоследствии же это теоретическое познание, имеющееся пока только в немногих головах, наполнит собою все или почти все пролетарские головы. Есть ли тут место для «проблемы отнесения»?

Наоборот: сознание пролетариев объясняется причинно из окружающего мира. Это сознание как раз здесь оказывается «психологическим сознанием отдельных пролетариев или (массово-психологическим) сознанием их совокупности». И как раз обратно тому, что утверждает тов. Лукач, «исторически значительное действие класса, как целого» именно не «определяется в конечном счете этим («отнесенным») сознанием» и не «познается только через это сознание». Изображенное Марксом объективное бытие класса, вот что определяет «в конечном счете» — не только «исторически значительное», а всякое вообще действие класса. Это объективное бытие предписывает классу его цель, т.е. пробуждает в нем соответствующее сознание. И это реальное, а не какое-нибудь «отнесенное», сознание затем уже определяет действия класса. Правда, далеко не «в конечном счете». Через сознание необходимо должны пройти у человека все объективные необходимости. Все материальное должно быть переведено на идеальное. Но «в конечном счете» определяет — материальное.

«Критическая критика тем более не может признать этого, что она сама себя провозгласила единственным творческим элементом истории. Ей принадлежат исторические противоположности, и ей же деятельность, посредством которой они упраздняются».

Так пишет Маркс тотчас вслед за приведенным выше местом. Не предвидел ли он и своего Лукача, не попадает ли это слово и в него?

Не празднует ли ныне «критическая критика» свое возрождение — в философии тов. Лукача?

4. Родство душ.

В двух отношениях—как мы видели—нельзя отнять у тов. Лукача большой последовательности: во-первых, в отношении непоследовательности, с какою он делает идеалистические выводы из материалистических предпосылок Маркса; и во-вторых,—чего нельзя было ожидать от писателя, главное свойство которого непоследовательность — в отношении постоянства, с каким он остается верен своим собственным идеалистическим предпосылкам, из которых он никогда не делает материалистические, а всегда только неподдельные идеалистические, агностические, мистические выводы.

Он, в некоторых местах своей книги говорящий о неизбежной мифологии понятий (*Begriffsmythologie*) у буржуазных социологов, забывает об этом своем предостережении и сам впадает в чистейшую мифологию понятий, как мы это выше констатировали на его понятии классового сознания и могли бы констатировать на каждом шагу в его книге. Да эта мифология понятий и неминуема при идеалистических предпосылках, ибо весь идеализм есть в сущности не что иное, как мифология, — не даром же он родственен религии.

Общая идеалистическая предпосылка тов. Лукача в том, что он конструирует противоположность между природой и историей — противоположность, которой нет и не может быть. Мы это уже констатировали по поводу его допущения, что диалектика имеет силу только в обществе, но не в природе. И все его дальнейшие выводы вытекают из этой его основной предпосылки. Конструированная им противоположность между обществом и природой толкает его дальше: он вынужден конструировать еще одну противоположность — между обыкновенным человеком, как он фактически существует и проявляет себя в обыденной жизни, и человеком «историческим», человеком с «имеющими историческое значение действиями». А затем идет противоположность между обыкновенным сознанием и «(отнесенным) классовым сознанием» и т. д.

Что идеалистическое основное воззрение мыслителя не может ограничиваться одними основами его теорий, ясно само собой. Нельзя быть идеалистом в основах и материалистом в выводах. Можно вообразить себя материалистом, но в действительности останешься идеалистом. Что развиваемая Лукачем теория классового сознания есть идеалистическая теория, это, я думаю, ясно

после всего сказанного выше, и уяснится еще больше из тех выводов, которые делает из нее Лукач и к которым мы сейчас перейдем. Но сначала я сопоставлю теорию Лукача с теорией другого «марксиста», с «теорией» такого «марксиста», которого он сам признает только «марксистом» в кавычках, квази-марксистом, мнимым марксистом. Этот «марксист», этот мастер по искажению и обесцвечению марксизма, — неокантианец Макс Адлер говорит:

«Разумеется, в данном случае (у буржуазно-либерального критика Маркса, Кельзена, против которого полемизирует М. Адлер, *Л. Р.*) мы имеем прямо-таки типичное непонимание этой теории (т.-е. теории исторического материализма, *Л. Р.*), вызванное тем, что она называется «материалистическим» взглядом на историю, и тем, что она стремится и общественное развитие представить, как естественно-необходимый процесс. Но при этом постоянно забывается, что Маркс и Энгельс самым резким образом отличали свой материализм от естественно-научного, свою «природу» от лишенной сознания и воли природы физико-химических процессов. Природа, о которой говорят Маркс и Энгельс, есть общественная природа человека, т.-е. человеческая природа, возможная только в обобществленной форме, природа обобществления. Тем самым человеческое хотение и стремление, мыслящая, целесообразная и нравственная деятельность суждения, в своеобразной сплетенности обобществления, раз и навсегда включены в эту природу, как ее необходимая составная часть. Ведь только в этом деятельно-оценивающем поведении обобществленных людей и состоит общественная природа». (Макс Адлер, *Die Staatsauffassung des Marxismus*, стр. 19).

Как у Лукача, так и у Адлера: конструируется противоположность между природой и «природой». Просто-напросто отрицается то, что известно каждому, кто хотя бы только заглянул в Маркса и Энгельса: что Маркс и Энгельс называли свою теорию естественно-научной, что они не отрывали общества от природы, — и конструируется искусственная противоположность, общество противопоставляется природе как «природа» в кавычках. Новые идеалисты, Макс Адлер и Лукач, поступают не иначе, чем поступали старые ново-гегельянцы, против которых Маркс и Энгельс боролись и которых они упрекали в том же, в чем можно упрекнуть Адлера и Лукача.

«Из истории исключается отношение между людьми и природой, вследствие чего возникает противоположность между природой

и историей» (Маркс и Энгельс, *Немецкая идеология*. Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 228.)

Общество не просто природа: естественные законы подвергаются в обществе, вследствие деятельности людей, диалектическому видоизменению, в обществе благодаря этой деятельности возникает нечто новое, нечто иное, новые законы, иные закономерности. Так, например, из индивидов становится класс, из дарвиновской «борьбы за существование» животных особей — классовая борьба, из «лишенной воли и сознания» природы — сознание и цели у людей, и т. д. (см. письмо Маркса Кугельману). Но ведь не иначе обстоит дело и в самой «лишенной воли и сознания» природе. Физические явления переходят в химические, химические в биологические и, наконец, эти последние в социологические. Природа не бог, который имеет у себя в кармане различные закономерности и, как фокусник, вытаскивает, в назидание изумленному миру, то одну, то другую закономерность, чтобы применить ее к явлениям ничего не ведающего мира. Существует только одна единственная закономерность (как в природе, так и в обществе) — диалектика, и все, что происходит в мире, подчинено естественным законам диалектики. И если бы было нелепо сводить, например, классовую борьбу человеческих обществ к движению материи, то только потому, что именно в силу диалектики действующие в природе законы переходят в различные закономерности. Но все эти закономерности связаны друг с другом, все они родственны друг другу и по существу одинаковы.

И не в том, разумеется, заключается различие между идеалистами и материалистами, между марксистами и «марксистами», что первые будто бы не знают, что в обществе законы природы получают другую форму. Мысль Лукача или Макса Адлера состоит в том, что природа и общество принципиально, в самом основании своем отличаются друг от друга. Лукач и Макс Адлер — словом, все идеалисты уверяют материалиста-марксиста, что между природой и обществом есть трещина, бездна, возникающая неизвестно как и когда; что общество совершенно инородно по сравнению с природой; что необходимость, царящая в природе, в обществе либо совсем прекращается, либо, по крайней мере, значительно ограничивается; что царящая в природе закономерность уступает в обществе место сознательной воле. «Деятельно-оценивающее поведение» людей, их сознание — это, разумеется, нечто новое по сравнению с природой, хотя и это новое возникло из природы. Но это новое

идеалисты хотят навязать нам как решающий момент, как-то, что «в конечном счете» определяет историю.¹⁾

Так материалистическое понимание истории превращается в «материалистическое», материализм Маркса и Энгельса в «материализм» или «ортодоксальный марксизм». Материальное превращается во что-то «духовное». Таким, напр., способом:

«Итак, социальное оказывается столь же трансцендентальным для человеческого опыта, как и остальные, признававшиеся до сих пор трансцендентальными, условия сознания. Еще до всякого исторически-экономического обобществления, человек уже обобществлен в своем духовном бытии, в своем теоретическом сознании. И в исторически-социальном процессе он только находит в развернутом виде то, что он уже есть сам по себе в своем трансцендентальном субъекте: неустранимую соотнесенность с другими, такими же по существу, субъектами и слияние с ними в единство» (М. Адлер, там же, стр. 90).

Кто сравнит этот жаргон с соответствующими местами из Лукача, цитируемыми нами, тот найдет, что если тут поется и не

¹⁾ Не могу удержаться, чтобы не обратить здесь внимание читателя на одну цитату из Энгельса, которая окончательно опровергает мнение Лукача, будто Маркс не признавал диалектику в природе, и в то же время разъясняет не только то, почему Лукач полагает, что в природе диалектика не имеет силы, но и то, почему эти «марксисты» так недружелюбно относятся к естественно-научному материализму. В предисловии ко второму изданию своего «Анти-Дюринга» Энгельс говорит:

«Маркс и я были единственными, которые перенесли из германской идеалистической философии сознательную диалектику в материалистическое понимание природы и истории. Но для диалектического и вместе с тем материалистического понимания природы необходимо знакомство с математикой и естествознанием». (Курсив мой Л. Р.).

Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что у этих «материалистов» (в том числе и у Лукача) именно этого знакомства с математикой и естествознанием и нехватает — что при современном состоянии естествознания, когда оно начинает насквозь проникаться диалектикой, гораздо больший недостаток, чем когда-либо прежде!

К приведенным словам Энгельса Плеханов присоединяет следующее замечание (против Богданова):

«Как видите, материалистическое объяснение природы было в глазах Энгельса такой же необходимой частью правильного мирозерцания, как и материалистическое объяснение истории. Об этом слишком часто и слишком охотно забывают люди, склонные к эклектизму, или, что почти одно и то же, к теоретическому «ревизионизму».

совсем та же самая песня, то во всяком случае тон совершенно тот же. А ведь тон делает музыку! Теоретическое сознание — вот что самое главное для всякого идеалиста, ибо на то он и идеалист, чтобы своим отправным пунктом брать сознание. Этот идеалистический взгляд формулируется еще нагляднее в следующих строках, которые вместе с тем еще определеннее выявляют точки соприкосновения между двумя разновидностями идеализма (у Адлера и у Лукача):

«Тем не менее, в одном принципиальном отношении изложение Гегеля сохраняет свое непреходящее значение, выводящее за пределы марксистской концепции. — именно в том отношении, в котором вообще марксизм должен искать свое восполнение вне себя: в критико-познавательном отношении. Изображение буржуазного общества, как царства духовного обмана, раскрытие индивидуалистического отъединения, как пустого призрака, принадлежат к самому глубокомысленному и убедительному, что может быть сказано об основном условии социального познания, т.-е. о том необходимом трансцендентальном включении индивидуального сознания в сферу всеобщего, которое я называл трансцендентально-социальным моментом опыта. На ряду с Фихте, в первую очередь должен быть назван философом социального опыта именно Гегель. Фихте и Гегель уже развернули в своей философии — правда, еще в метафизическом облачении — социальное а-priori познания, хотя еще и не выделили его, как таковое, в специальном изложении. И как социология Маркса вышла из гегелевской философии путем удаления ее метафизической оболочки, так следует ожидать, что таким же путем и гносеологическая критика социального найдет у Гегеля великие, еще далеко не вскрытые сокровища» (Там же, стр. 43, примечание. Курсив мой. Л. Р.)

Своеобразные выводы делают эти идеалисты! Потому, что марксизм вышел из гегелевской философии, марксистская социология должна теперь снова вернуться к гегелевской, более того — к кантовской философии! И к тому же еще обратным путем, чем каким шел Маркс: если Маркс удалил метафизическую оболочку гегелевской философии, то Адлер мстит теперь за это тем, что снова превращает марксизм в метафизику. («Трансцендентально-социальный момент опыта», «социальное а-priori»). Но обратим внимание на точки соприкосновения Адлера с Лукачем: у обоих тот же возврат к Гегелю, и притом к Гегелю не в его «рациональном образе», а в его «мистифицированной форме». Если Гегеля нужно привлечь для «воспол-

нения марксизма» только потому, что он изобразил буржуазное общество, как «царство духовного обмана», то с таким же правом можно было бы обратиться и к буддизму, по которому, как известно, весь мир есть обман и все человечество распято на «колесе иллюзии». Майя, богиня обмана, должна была бы стать богиней каждого марксиста. Но заметим еще и следующую точку соприкосновения между обоими нашими идеалистами: Адлер намекает здесь на гегелевскую «хитрость разума», и как он, так и наш тов. Лукач снова затевает мистическую игру с этим гегелевским понятием, которое было «секуляризовано» («verweltlicht») Марксом.

Но будем читать дальше:

«Такой релятивизм, умерщвляющий науку о социальной жизни, не только должен быть отвергнут, но он вовсе и не дан. Правда, это выясняется только из того критико-познавательного понимания кантовского трансцендентализма, при котором — как я на это тщетно ¹⁾ пытаюсь обратить внимание уже столько лет — и социальное оказывается только априорной стороной нашего сознания вообще. Только при таком понимании «Критика чистого разума» получает все свое, объемлющее и социальную науку, революционное значение, и Кант становится заключительным моментом старой и начальным моментом новой философии, завершителем индивидуалистического и основателем коллективистического мышления.

«С другой стороны следует заметить... что понятие свободы есть вообще не индивидуальное, а коллективное понятие, потому что в понятии самоопределения воли имеется в виду во все не психологическая единичная воля... Психологический субъект воли точно так же только форма явления, как и психологический субъект мысли».

Не превращается ли здесь сознание человека в такую же непостижимую, «до всякого опыта» существующую, призрачную сущность — как и у Лукача? «Социальное а priori» не обнаруживает ли роковое сходство с «отнесенным» сознанием нашего Лукача? Воля, которая есть «вовсе не психологическая единичная воля», а «волевой процесс вообще», — не родственна ли «сознанию» Лукача, которое «не есть ни сознание отдельных лиц, ни (массово-психологическое) сознание многих, а (отнесенное) сознание, смысл исторического положения», словом — кантовское «сознание вообще»?

¹⁾ Бедный, непонятый человек!

Адлер, как кантианец, видит в сознании нечто, что дано до всякого обобществления и уже до всякого обобществления обобществлено! Как известно, сознание людей возникло через много времени после их объединения в общества, после того, как люди не только долго жили сообща, но и долго работали сообща. Оно возникло после или, самое большее, одновременно с языком. Этот последний развился, в свою очередь, в результате многовекового, медленного и трудного процесса, из животных звуков, которые вырвались из груди человека во время трудовых усилий чисто механически-биологическим путем, а затем были зафиксированы людьми в целях взаимного понимания в общем трудовом процессе и таким образом сделались «словами». Так, Маркс и Энгельс говорят:

«На «духе» заранее тяготеет проклятие «отыгощения» его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, в виде звуков, коротко говоря, в виде языка. Язык так же древен, как сознание, язык, это — практическое, существующее для других людей, а значит, существующее также для меня самого, реальное сознание, и язык, подобно сознанию, возникает из потребности сношений с другими людьми. Мое отношение к моей среде есть мое сознание» (Маркс-Энгельс, «Немецкая идеология». Архив Маркса и Энгельса, стр. 220).

Таким языком говорят материалисты! В том же месте Маркс и Энгельс заявляют:

«Человек отличается от барана лишь тем, что его сознание заменяет ему инстинкт или что его инстинкт носит сознательный характер».

Баран и человек — оба члены одной и той же природы. Или, как это выразил пропитанный материалистическим духом французский поэт Франсис Жамм: «О, бедные ослы, вы все — мои братья». И если законы природы на баранах обнаружили свое диалектическое действие в том, что бараны обладают «инстинктом», то на человеке — в том, что его «инстинкт» превратился в «сознание». Мысль, которую не устают подчеркивать Маркс и Энгельс, ясна: природа и общество («баран и человек») не только не отличаются друг от друга, они — в принципе тождественны. Они высказывают это совершенно ясно:

«Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон и делить на историю природы и историю людей. Но нельзя отделять друг от друга обе эти стороны: пока существуют люди,

история природы и история людей обуславливают друг друга». (Там же, стр. 214).

Вот ясный, не оставляющий никаких сомнений, язык! Если в прежнее время естествоведы подходили к природе не исторически, то теперь такой подход становится все реже, у естественников тоже начинают открываться глаза: их наука сама «вбивает им в голову» диалектику. К тому же естествоведы и природа — две разные вещи. Природа и общество — равно диалектичные — образуют неразрывное единство, и сознание людей есть в такой же мере продукт природы, как и инстинкт животных.

Этот продукт природы и общества Адлер превращает в «трансцендентальный субъект», т. е. в какое-то призрачное существо, которое существовало до всякого общества, и до всякого общества было одарено «теоретическим сознанием». Точно так же и Лукач, как мы старались показать, превращает сознание в какой-то призрак, который, не воплощаясь ни в индивиду, ни в массах, все же оказывает решающее «в конечном счете» влияние на судьбы людей. «В конечном счете», классовое сознание Лукача есть — как мы видели — не что иное, как кантовское «всеобщее сознание». Так тов. Лукач превращается на наших глазах из старо-гегельянца в неокантианца! Не удивительно: он ведь опирается на Риккерта-Вебера, которые, в свою очередь, как неокантианцы, опираются на Канта. Не случайно поэтому и то, что тов. Лукач тесно соприкасается с неокантианцем Максом Адлером как раз в вопросах сознания.

5. Сделанные выводы, которых не следовало делать, и не сделанные выводы, которые следовало сделать.

С некоторыми из выводов, которые делает тов. Лукач, мы уже познакомились. Мы слышали, что (отнесенное) сознание «в конечном счете» «определяет» имеющее историческое значение действие класса, как целого. Более того: даже познано может быть это действие «только через это сознание» (стр. 62). Что этой теорией (поскольку в ней есть какой-нибудь смысл) марксова теория снова «перелицовывается» в идеалистическую, это ясно на первый же — непредвзятый — взгляд. Но еще больше это уясняется из практических выводов.

Дело в том, что тов. Лукач сам ставит вопрос: «Какова практически-историческая функция классового сознания?» — и отвечает так:

«Установленные таким образом положения впервые делают возможным методическое использование категории объективной возможности.

«Тщательнейший исторический анализ и должен посредством категории объективной возможности выяснить, при каком положении вещей действительное преодоление иллюзии (Schein) и проникновение в действительную связь с целым, вообще лежит в сфере возможного. Ибо в том случае, когда целое данного (aktuellen) общества вообще не может быть воспринято с точки зрения определенной классовой ситуации; когда даже додумывающая до конца («zugehörungsmässiges Zuededenken») интересы класса мысль, действующая по правилам отнесения, не охватывает этого общества в целом,—тогда такой класс может играть только подчиненную роль и ни в коем случае не может вторгаться в ход истории ни в качестве сохраняющего, ни в качестве движущего вперед фактора. Такие классы в общем и целом предопределены к пассивности, к неустойчивому колебанию между господствующими и революционными классами, и их возможные взрывы должны носить характер пустой стихийности и бесцельности и даже в случае случайной победы обречены на конечное поражение» (стр. 64, курсив мой, Л. Р.).

Тов. Лукач разрешит мне задать ему несколько небольших вопросов, которые вместе с тем могут послужить исторической справкой. По Лукачу, судьба всякого класса, как господствующего, так и подчиненного, зависит от его сознания. Есть классы, говорит он, которые в состоянии «действительно преодолеть» видимость, облакающую их историческое бытие, которые способны проникнуть «в действительную связь с целым». И есть такие классы, которые на это не способны—даже путем «отнесения». (Что означает этот последний случай, мы уже видели. Не только классы сами неспособны к этому «проникновению», но даже вознесенный над ними и мыслящий за них философ был бы к нему неспособен. Напр., если бы тов. Лукач родился во времена Роланда Смелого или крестовых походов и если бы он и тогда занимался философией, то даже он был бы не в состоянии проникнуть в действительную связь феодального общества). Но классы, которые к этому неспособны, которые, стало быть, не обладают сознанием, вполне соответствующим («адекватным») их общественному бытию, могут «играть только подчиненную роль» и ни в коем случае не могут

«вторгаться в ход истории и ни сохраняющим, ни движущим вперед фактором».

Но, тов. Лукач, куда же делся «тщательнейший исторический анализ»? Ведь это находится в самом вопиющем противоречии со всеми историческими фактами. Ведь, по вашей теории, пришлось бы объявить не случившимся все, что до сих пор совершалось в истории! Или, выражаясь словами Маркса: «Итак, история была, но отныне ее больше нет!» Какой класс, из бывших до сих пор в истории, «действительно преодолел видимость»? Какой был способен «проникнуть в действительную связь с целым»? Существовал ли до сих пор в истории (кроме современного пролетариата) хотя бы один единственный класс, классовая ситуация которого позволяла бы ему «воспринять современное ему общество как целое»? Существовал ли хотя бы один единственный класс (онять-таки кроме современного пролетариата), интересы которого «охватывали все общество в целом»?

Нет, таких классов до сих пор не существовало! Ни античная знать или античная буржуазия, ни средневековые феодалы, ни современная буржуазия не были к этому способны, не говоря уже об античном крестьянстве, пролетариате, об античных рабах и т. д. Уж не античная ли знать, знать Греции или Рима, Персии или Индии, «действительно преодолела видимость»? Вопреки буддизму и вопреки Майе, буддистской богине иллюзии, древние индусы оставались в плену у невозможных иллюзий—выражаясь по-марксистски: идеологий—по отношению к своему общественному бытию! Или, может быть, средневековые феодалы были способны «действительно проникнуть в связь с целым»? Нет, решительно нет, несмотря на их освоенность святым духом, который имел положительное пристрастие к их общественной формации и видел в них свой избранный народ! Или, наконец, современная буржуазия обладала такими свойствами, что «с ее точки зрения могло быть воспринято целое современного общества»? Несмотря на трезвый учет, на «калькуляцию» буржуазии, которую вы, тов. Лукач, так блестяще описываете (по М. Веберу),—все-таки нет!

Но ведь все эти классы были, бесспорно, господствующими классами, каждый в свое время, и они играли не «только» подчиненную роль! (И, наоборот, единственный класс, из существовавших до сих пор в истории, способный к тому, чего вы требуете,—пролетариат—все еще не стал господствующим, и в прошлом всегда был подчиненным классом!) Все эти классы решительно вторгались в ход истории как «сохраняющим», так и «движущим впе-

ред» фактором! Каждый учащийся любой русской партшколы может рассказать о том, что современная буржуазия проделала в прошлом великие революции, в которых она отнюдь не была «предназначена» (кем? чем?) к «неустойчивому колебанию»; что ее «варывы» отнюдь не были «случайными», не «носили характера пустой стихийности и бесцельности» и вовсе не были «обречены на конечное поражение даже в случае случайной победы»!

Ведь именно о великой французской революции Ленин говорит:

«Потому и названа французская революция великой, что она не отличалась дряблостью, половинчатостью, фразерством многих революций 1848 года, а что это была деловая революция, которая, свергнув монархистов, задавила их до конца» (Ленин, Об обмане народа и т. д. Собрание сочинений, т. XVI, стр. 206).

Откуда эти заблуждения, эти исторические ошибки? Совершенно ясно, откуда: во-первых, тов. Лукач явно имеет тут в виду те «ценности», те «оценочные суждения», о которых мы говорили выше (стр. 209). Он оценивает историю, а так как вся история классового общества была только «пред-историей человечества», то она не заслуживала того, чтобы совершиться. Только пролетариат осуществляет «царство свободы», только с победой пролетариата начинается подлинная история человечества, классовое общество окончательно устраняется только пролетариатом, — поэтому все прежние классы были «обречены», несмотря на «случайные победы», на «конечное» поражение. Ибо все, что совершалось до сих пор, с этой точки зрения «случайно». И теперь мы знаем, кем были обречены на конечное поражение бедные господствующие — подчиненные классы (ибо в этом смысле все господствующие классы были «только» подчиненными): историей, которая с самого начала имела в виду эту цель! Так история превращается в «отдельную личность» — в бога! Так марксистская социология превращается — в метафизику истории!

Во-вторых, взору тов. Лукача предносится грядущая победа пролетариата, в которой он видит «смысл» современного исторического положения общества. Когда знаешь, что пролетариат побеждает, не трудно задним числом построить соответствующую философию истории и заявить: «в конечном счете» буржуазия «обречена» на поражение, несмотря на ее «случайные» победы в английской и великой французской революции!

Но если бы тов. Лукач стал протестовать против того, что его теория конечного поражения связывается с оценочными суждениями Риккерта-Вебера (хотя эта связь несомненна), тогда его при-

тяжелая формулировка: «в конечном счете» — выражала бы только ту прописную истину марксизма, что всякая историческая формация возникает (побеждает) и гибнет («конечное поражение»). Только марксизм никогда не утверждал, что это происходит случайно — особенно относительно победы. Как раз «победа» какого-либо класса всегда имеет очень веские причины. Но ни победа, ни поражение не являются окончательными.

И так это будет и после «окончательной победы» пролетариата: я имею в виду ту «прописную истину», что исторические эпохи будут возникать и исчезать, несмотря на то, что не будет классов. Это не будут политические победы и поражения, но это будут победы и поражения в борьбе с природой. Производительные силы разовьются в гигантских размерах. Познание человеком природы и его господство над ней будут все возрастать. «Бытие» людей будет дальше изменяться, и это бытие будет изменять их «мышление». Австрийские негры еще будут пребывать там, где находятся философы современного общества, они будут грезить о «царстве свободы», — а где будет современное цивилизованное человечество? Маркс дал нам совет не составлять рецептов для кухни будущего.

Как мы еще увидим, именно сюда относятся те «исправления», которые тов. Лукач счел полезным внести в исторический материализм. Но пока мы на них останавливаться не будем.

Констатировать задним числом «конечный» результат не так уж трудно. Маркс, который предвидел грядущую революцию пролетариата в такое время, когда кроме него и Энгельса ее предвидели очень немногие, и никто с такою ясностью, как эти двое, — был все же осторожнее и говорил о том, что в классовой борьбе могут погибнуть и оба борющиеся класса. Кто побеждает в этом случае «окончательно»? Тов. Лукач это знает, потому что он владеет непогрешимым критерием в виде сознания классов. Что приведенными цитатами из Лукача сводится на-пет вся теория классовой борьбы Маркса и Энгельса, — это мелочь, о которой не стоит и упоминать.

Без упоминания оставим мы и ту мелочь, что гибель буржуазии и победа пролетариата приписываются сознанию и ставятся в зависимость от сознания. Умолчим и о том, что это, «кажется», не вполне согласуется с «ортодоксальным марксизмом» (см., напр., Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 161 и 171), а также не свидетельствует о чрезмерной «остроте исторического анализа». Такие «пустяки» не заслуживают внимания.

По разобранному примеру мы можем судить о характере дальнейших исторических экскурсий тов. Лукача.

«Ибо, — продолжает тов. Лукач, тотчас же вслед за приведенным выше местом, — призванность какого-либо класса к господству означает, что, исходя из его классовых интересов и из его классового сознания, возможно организовать все общество в целом согласно этим интересам».

Это предложение стоит, однако, в полнейшем противоречии с прежними утверждениями, о которых мы только что говорили и с которыми оно связано словечком «ибо», — хотя это «ибо» свидетельствует о том, что тов. Лукач считает это предложение логическим следствием из предыдущего, а не его «контрадикторной противоположностью». «Ибо» там утверждалось, что класс только тогда бывает призван к господству, когда «с его точки зрения» возможно «действительное преодоление видимости, проликовение в действительную связь с целыми». Но вот, напр., современная буржуазия никогда не была в таком положении. Тем не менее она, как известно, организовала современное общество, и притом «все общество в целом», «исходя из своих классовых интересов». Более того: созданная ею организация была в свое время в интересах не только буржуазии, но и крестьян, мелких буржуа и даже пролетариев. Все они восторженно приветствовали буржуазию и видели в политическом равенстве, принесенном им буржуазией, действительное освобождение. Оно и было таковым по сравнению с феодальными путами, которые задерживали развитие производительных сил и тем делали положение всех этих угнетенных классов совершенно невыносимым.

И буржуазия использовала эту иллюзию широких народных масс: с их помощью она и организовала современное общество. Настолько, что, по Ленину, «весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Так много сделала она для своего класса, для которого она работала, для буржуазии» (Ленин, Об обмане народа и т. д.). Что в дальнейшем ходе революции широкие народные массы стали ставить буржуазии препятствия, противиться ее организационным попыткам, — это мы в настоящей связи можем оставить без внимания, потому что, в конце концов, ей все-таки удалось, «исходя из своих классовых интересов», организовать «все общество в целом, согласно этим интересам».

Поэтому она и была, — уверяет нас тов. Лукач, — «призвана» к господству. Превосходно! Но одно из двух: либо она была призвана

потому, что могла организовать общество согласно своим интересам, несмотря на то, что она не была в состоянии проникнуть в действительную связь общества; либо она не была призвана к господству, потому что она не могла проникнуть в эту связь — несмотря на то, что она (как это несомненно) организовала общество. Впрочем, это не первое противоречие, не первая логическая ошибка, которую мы могли констатировать в писаниях нашего товарища.

Тов. Лукач не замечает противоречия, в котором он запутался, и формулирует его еще раз:

«И вопрос, который в конечном счете решает исход всякой классовой борьбы, заключается в том, какой класс располагает в данный момент этой способностью, этим классовым сознанием». (Курсив мой: Л. Р.)

Я не хочу напирать здесь на то, что — вопреки всякому марксизму и ленинизму — тут снова сознание оказывается тем, что «в конечном счете» решает исход «всякой классовой борьбы». Тот факт, что тов. Лукач идеалист, для которого решающий «в конечном счете» фактор истории лежит в сознании, мы должны раз навсегда принять к сведению и считаться с ним. Я хотел бы обратить внимание на другое: на тот момент («Augenblick»), который играет такую роль в истории, в исходе классовой борьбы. Этот момент настоящая жемчужина. Этот «момент», который играет такую роль в истории, от которого зависит исход событий, не описка и не случайный оборот, ибо он встречается у Лукача довольно часто — даже при решающих действиях пролетариата. И даже столь важный для него переход из царства необходимости в горячо любимое им «царство свободы» он представляет себе — так момент. (Стр. 82: «Когда момент перехода в «царство свободы» объективно дан...»). Но приходится отчаяться в «судьбе революции и человечества», если она зависит от моментов. Отдельные моменты могут быть правильно-использованы; но громадное их большинство будет, наверное, упущено! У нас нет больше Ленина, который умел правильно использовать даже моменты. Как быть? Выходит, что революция обречена на поражение и тем самым человечество, вернее всего, на гибель. Печальная перспектива!

Эта теория безвозвратных моментов отчаянно похожа на теорию великих личностей, с одной стороны, и на теорию не повторяющихся индивидуальных констелляций Макса Вебера — с другой. Вся буржуазия надеялась, что со смертью Ленина рухнет гордое звание русской революции. Но нет, оно стоит крепче, чем

когда-либо. Буржуазия ошиблась, потому что роль даже самых выдающихся личностей не та, какую им приписывает буржуазия. Но роль «моментов» тоже не может быть иной или большей, чем роль великих личностей. В эпоху социальной революции, когда мощно развитые производительные силы современного хозяйства рвутся, все настойчивее и настойчивее, к развязке — в такую эпоху даже «важнейшие моменты не могут иметь того значения, чтобы ими «в конечном счете» определился исход классовой борьбы.

Мы пропускаем рассуждения тов. Лукача о роли насилия в истории, и отсылаем его и наших читателей к соответствующим местам в Анти-Дюринге Энгельса. Многое из того, что там говорится против Дюринга, почти слово в слово подходит к нашему случаю. Выделим только то новое, что дает Лукач по сравнению с теорией насилия Дюринга. Это новое заключается в том, что «как раз в вопросах насилия, как раз в тех положениях, когда класс ведет против класса голую борьбу за существование, вопросы классового сознания оказываются в конечном счете (опять! Л. Р.) решающими моментами» (стр. 64). Доказательство: великая немецкая крестьянская война. Ибо «последнее основание (в конечном счете! Л. Р.) перевеса князей и слабости крестьян, т.е. возможности насилия со стороны князей, следует искать именно в вопросах классового сознания, в чем каждый легко может убедиться путем хотя бы самого поверхностного военно-теоретического исследования крестьянской войны».

Ну, положим, это убеждение, которым каждый «легко» может проникнуться, не такая уже легкая вещь, потому что не каждый способен производить, хотя бы и поверхностно, военно-теоретические исследования. Я, во всяком случае, не военный теоретик — ни поверхностный, ни основательный. Но вот Энгельс был, как известно, военным теоретиком, и притом не поверхностным¹⁾. Как таковой, он и исследовал «военно-теоретически» вопрос о насилии вообще и великую немецкую крестьянскую войну, в частности, — и исследовал опять-таки основательно. Что касается первого, то он тут держался мнения, противоположного мнению Лукача: «возможность насилия» он сводил к высоте, достигнутой в данное время средствами производства, и ни в каком случае не «искал» и не

¹⁾ Тов. Лукач «оценивает» Энгельса как поверхностного диалектика. Может быть, он не признает его и как военного теоретика. Мнение марксистов, как известно, по обоим этим пунктам несколько иное!

находил ее — ни в омысле «последнего основания», ни еще ка-
нибудь — в «вопросах классового сознания».

Что же касается второго, великой немецкой крестьянской войны, то и тут Энгельс был, как известно, противоположного мнения: неудачу этой войны он опять-таки не сводил «в конечном счете» «к вопросам сознания», а объяснял ее просто тем, что цели крестьян шли против экономического развития. А это значит, что все элементы общества, с которыми могло бы объединиться крестьянство и которые могли бы вести его, либо сами принадлежали к отмирающим слоям (рыцари), либо были еще незрелы (городская мелкая буржуазия). Крупная же буржуазия, которая располагала деньгами, широтой кругозора, образованием, шла с князьями. А как известно, в вопросах насилия и деньги тоже играют некоторую, хотя бы и незначительную, роль! Вот почему крестьянство было обречено на гибель, а вовсе не вследствие вопросов сознания. Разумеется, эти последние то же имели значение, но «последнее основание» заключалось решительно не в них, а — еще раз — в о п р о с а х п р о и з в о д с т в а. Ибо если бы победило крестьянство, то тотчас же выяснилось бы, что производительные силы тогдашней Германии были еще недостаточно развиты для того, чтобы уже была возможна буржуазная организация общества, но в то же время развиты настолько, чтобы не допустить возврата общества к старым производственным отношениям крестьянского хозяйства. Поражение крестьян и выразило этот факт, при чем, разумеется, насилие князей играло не малую роль.

Энгельс называет крестьянскую войну одной из трех великих буржуазных революций. «Оригинальное явление, — говорит он, — что во всех трех великих буржуазных революциях (реформация в Германии и крестьянская война XVI века; английская революция XVII века, французская — XVIII века) — боевой армией являются крестьяне» (Предисловие к английскому изданию «Развитие социализма», Neue Zeit, 1892/93, XI, 1). Следовательно: крестьянская война, это — «великая буржуазная революция»; и во-вторых, крестьяне, это — боевая армия буржуазии: итак, не только крестьянство, но и сама немецкая буржуазия потерпела здесь поражение. Почему? Ответ на это дают не вопросы сознания, а перенесение торговых путей с Средиземного моря на Атлантический океан!

«Самое поверхностное» марксистское исследование может убедить тов. Лукача в правильности этого понимания (ср. также Меринг, «Немецкая история»). И если бы можно было еще побудить его «тщательно проанализировать» ход немецкой реформации, па-

дающей на то же время, то он легко увидел бы, что «незрелость» лютеровской реформации, в противоположность кальвинизму, опять-таки не была «в конечном счете» вопросом сознания. Что она была именно вопросом сознания, более того, — вопросом совести, утверждают ведь все буржуазные историки, и последним в их ряду — учитель тов. Лукача, Макс Вебер (*Religionssoziologie*, I). И заслуга марксизма в том именно и состояла, что он разоблачил эту фальсификацию. Но если фальсификация — утверждение, что реформация была «вопросом сознания», то утверждать это о крестьянской войне — такая же фальсификация. Ведь крестьянская война только другая сторона того же самого исторического процесса, одной стороной которого была реформация! Разве это не так? Разве Томас Мюнцер и Лютер не два полюса одного и того же исторического процесса?

Но, как сказано, мы оставляем в стороне дальнейшие исторические экскурсы тов. Лукача. А также те «исправления», которые он вносит в этом пункте в исторический материализм. Об них мы поговорим в особой статье. Но прежде чем перейти — в заключение — к его «практическим» выводам, которые относятся не к прошлому, а к будущему, мы должны сказать следующее:

Выводы из теории классового сознания Лукача можно разделить на две части. К одной относятся те, которые тов. Лукач делает. О них приходится сказать: было бы лучше, если бы они не были сделаны. Все они сводятся к тому, что сознанию принадлежит решающая роль в мировой истории. Как тут ни вертись, как ни разукрашивай это положение, оно остается чистейшим идеализмом, который с марксизмом не имеет ничего общего. И если на это тов. Лукач возразит: это — недоразумение; я отлично знаю, что сознание зависит от процесса производства, — то я скажу: тем хуже. Ибо это значит, что он марксист на словах и идеалист на деле. Словечко «в конечном счете», которое он повторяет утомительно часто и которое еще встретится нам не раз, обнаруживает ярче приписанной им сознанию «решающей роли» — обнаруживает ясно и неопровержимо тенденцию его философии. Выражение «в конечном счете» означает корень вещи, то, что фактически является ее основой, «в конечном счете» и значит — в конечном счете. «Но корнем для человека является сам человек». Человек обладает и сознанием, но ни в коем случае оно не есть его «последнее основание». Сознание

пменно не является корнем человека, не является решающим моментом в нем.

Вообще, что касается «недоразумений», то они имеют вовсе не логическую природу, как это большей частью ошибочно принимают. Нет! Бернштейн был «не понят» Каутским, Каутский, в свою очередь, — Лениным («Ренегат Каутский» и т. д.) и Троцким («Анти-Каутский»). В действительности, недоразумение заключалось в том, что Ленин показал, что Каутский объективно является ренегатом, а Каутский и до сих пор субъективно убежден, что он не является таковым. Это, в самом деле, маленькое недоразумение.

То же самое и в нашем случае — хотя и не буквально. (Я отнюдь не хочу сказать, что Лукач — ренегат.)

Из выводов, которые тов. Лукач не сделал, но должен был бы сделать, и из которых некоторые пришлось вместо него сделать мне, я, в заключение, отмечу только один — именно тот, что ему следует поразмыслить над объективным значением своей теории классового сознания! Чтобы помочь ему в этом, я еще раз напомню ему о двух, приведенных мною выше (стр. 223 и выноска на стр. 230) цитатах из Плеханова, устанавливающих социологический эквивалент его теории.

6. Пролетарская классовая борьба — борьба за сознание!

Я наверное не преувеличиваю, когда утверждаю, что для всякого марксиста бидет неожиданностью узнать что пролетарская классовая борьба есть борьба за сознание! Классовую борьбу пролетариата не раз пытались выразить в различных «формулах». Для одних, для «расхлябанных» демократов, это, разумеется, борьба за демократию, за свободу, равенство и братство. Для философов — борьба за «царство свободы», за справедливость, за личность. Для Маркса (Kapital, III, 2. Т. 355) и для Ленина («Великий почин») это была борьба — за длину рабочего дня. В этом последнем взгляде существенным является не данный конкретный факт: рабочий день, — а способ, каким берется вопрос: материально-конкретный, материалистический подход.

Но никто не называл до сих пор классовую борьбу пролетариата борьбой за сознание. Эта формулировка принадлежит — и как раз в наши дни, в эпоху гражданских войн — нашему тов. Лукачу. Он говорит:

«Класс (именно буржуазия. Л. Р.) уже оттеснен в состояние обороны. он уже борется только за свое самосохранение (как бы

агрессивны ни были его средства борьбы), он безвозвратно утратил способность к руководству».

Повторяю, я не военный теоретик — ни «поверхностный», ни основательный. Я знаю только, что Ленин, который все-таки кое-что смыслил в «военной теории» классовой борьбы, высказался — правда, кратко и резко — против этой «оборонительной теории тов. Лукача, назвав ее «словесным марксизмом»¹⁾. К этому определению ничего нельзя прибавить, не только потому, что оно дано Лениным, а просто потому, что мы каждый день можем читать в газетах целые столбцы с известиями о «наступлении капитала». Что это не есть наступление в «историко-философском смысле», это весьма мало интересует и капиталистов, и пролетариев, и меня самого.

Но затем тов. Лукач продолжает:

«В этой борьбе за сознание историческому материализму принадлежит решающая роль»²⁾... Но это вместе с тем делает понятным, почему для пролетариата, и только для пролетариата, правильное постижение сущности общества является фактором силы первейшего ранга, может быть, даже тем оружием, которое и решит исход борьбы» (стр. 80, курсив мой. Л. Р.).

Никто не поймет, почему «правильное постижение сущности общества» является «фактором силы первейшего ранга» «только» для пролетариата. Тов. Лукач хочет, конечно, сказать, что для буржуазии правильное постижение вообще невозможно (что, впрочем, тоже не так уж бесспорно). Но в его «философском» языке не только мир вообще, но и его собственные мысли отражаются в искаженном виде. Если же классовая борьба пролетариата есть «борьба за сознание», то вполне естественно, что идеологиям принадлежит решающая роль в деле победы и поражения и что идеологии являются «тем оружием, которое и решит исход борьбы». Таково и в самом деле мнение тов. Лукача:

«Когда момент перехода в «царство свободы» объективно дан, тогда это проявляется именно в том, что слепые силы, действи-

¹⁾ «Статья Г. Л. (К вопросу о парламентаризме. Л. Р.), очень левая и очень плохая. Марксизм в ней чисто словесный». («Комм. Интерн.», 11.)

²⁾ Хотя тов. Лукач того мнения, что «историческому материализму» именно в наши дни «принадлежит решающая роль», тем не менее это не мешает ему «исправлять» этот исторический материализм так, что от него остается — очень немного. Но, по его же собственным словам, это сейчас больший грех, чем когда-либо.

тельно слепо, со все возрастающей и как будто непреодолимой стремительностью увлекают к бездне, и только сознательная воля пролетариата может уберечь человечество от катастрофы. Выражаясь иначе: с наступлением окончательного хозяйственного кризиса капитализма судьба революции (а с нею и судьба человечества) зависит от идеологической зрелости пролетариата, от его классового сознания».

«Этим определяется своеобразная функция, выполняемая классовым сознанием для пролетариата, в противоположность его функции для других классов».

В самом деле: она «своеобразно» определяется, эта функция. Своеобразен тот прием, с помощью которого марксизм превращается — в курьезную фразу.

«Когда момент перехода в «царство свободы» объективно дан..., тогда только сознательная воля пролетариата может уберечь человечество от катастрофы». Но, позвольте, если момент перехода в столь давно и тщетно искомую мечту всех философов, в «царство свободы» объективно дан, — то почему же человечеству тогда грозит катастрофа? Ведь даже человечество не настолько тупо, чтобы прозевать такой момент! Если же оно его все-таки прозеваает, то уж и «сознательная воля» пролетариата мало чему поможет, раз остальные люди хотят прозевать этот момент во что бы то ни стало. Как известно, человечество состоит из громадного множества крестьян, мелких буржуа и т. д. (чтобы ограничиться только трудящимися), которые не имеют ни малейшего понятия о «царстве свободы», никогда о нем ничего не слыхали, и не имеют никакого представления о том, что «такой момент» решает всю их судьбу. Ничего не подозревая, они будут противиться сознательно воле пролетариата — и все погибнет! Особенно, если в распоряжении пролетариата будет «только» его сознательная воля!

Своеобразие этой концепции не в том, что весь период социальной революции тут опять перелagается в один момент (о переходном периоде тов. Лукач повидимому, ничего не слыхал?), — а в той игре, которая снова затевается со словом «объективный». Если мы уже непременно хотим назвать коммунизм «царством свободы», то когда «объективно» дан переход из капитализма в это царство? Энгельс уже тридцать с лишним лет тому назад полагал, что этот — как выражается тов. Лукач — момент «объективно», т. е. в хозяйственных условиях, имеется налицо. Тем не менее, мы все еще довольно глубоко сидим в капитализме. Почему? Тридцать с

лишним лет, это не «момент», даже для истории,— разве только в том случае, если и десятки тысячелетий считать, по библии, мгновением перед лицом господя.

Зависит ли это только от сознания пролетариата? Может ли целый исторический период, который длится больше тридцати лет и, наверное, займет еще не одно десятилетие, зависеть только от сознания пролетариата? Это был бы недурной исторический материализм, недурной марксизм! Нет, переход, и в объективном смысле, никогда не бывает «дан», а представляет собою процесс, при котором на одном конце земли имеются зародыши коммунизма, тогда как на другом еще непоколебимо стоит капитализм (Америка). Таким образом, переход от капитализма к коммунизму в одно и то же время и давно уже имеется и все еще не наступил! Стало-быть, это пустейшая фраза, чистейшая мифология понятий, когда кто-нибудь представляет себе дело так, что объективно, т.-е. в хозяйстве и т. д., переход к коммунизму уже «дан», а затем к нему просто присоединяется «только» «сознательная воля» пролетариата — и тогда этот переход осуществляется пролетариатом и «субъективно».

И когда это «наступает» «окончательный хозяйственный кризис капитализма»? Никогда! Хозяйственный кризис никогда не бывает «окончательным» — ибо на одном конце земли капитализм умирает (в России, не умер он еще и здесь), тогда как в Америке он еще бодр и полон жизни. Ленин говорит:

«Вы этим только тешите свои иллюзии, или вносите недостаточно продуманную книжку в действительность, которая гораздо сложнее. Она показывает нам, что в России капиталистическое товарное хозяйство живет, действует, развивается, рождает буржуазию, как во всяком капиталистическом обществе».

Более того: «Для всех стран характерно, что капитализм в массе местностей еще развивается. Это верно для всей Азии, для всех тех стран, которые переходят к буржуазной демократии, это верно для целого ряда частей России» (Ленин, «Заключительное слово по вопросу о партийной программе». Собрание сочинений, т. XVI, стр. 132.)

Итак: мало того, что переход в «царство свободы» длится не «один момент»; мало того, что «решающий хозяйственный кризис» не «дан», — капитализм даже развивается, он развивается даже в целом ряде частей России.

Что касается, далее, «только» сознательной воли пролетариата, то и тут Ленин другого мнения. Он говорит:

«Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма» (Ленин, «Великий почин». Собрание сочинений, т. XVI, стр. 248.)

А не в сознании, а не «только» в сознательной воле!

Далее:

«Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это—дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил...».

«...Ибо эта способность не дана сама собой, а вырастает исторически и вырастает только из материальных условий крупного капиталистического производства. Этой способностью обладает в начале пути от капитализма к социализму только пролетариат» (Там же, стр. 249 — 250).

Сравните, как представляет себе переходный период Ленин и как Лукач: для Лукача это «только» момент, — для Ленина «очень долгое дело». Сравните, что считает Ленин и что Лукач единственным необходимым для перехода от капитализма к коммунизму, в царство свободы: Лукач — «только» сознательную волю пролетариата, Ленин — только «громадный шаг вперед в развитии производительных сил». Сравните, в чем ищет Ленин и в чем Лукач движущую силу всего этого процесса: Лукач «только» в сознании, Ленин только «в материальных условиях крупного капиталистического производства».

«Поверхностный» военный теоретик и диалектик Энгельс тоже говорил совсем другим языком:

«Если бы наша уверенность относительно предстоящего преобразования современного способа распределения продуктов труда, с его вопиющими противоречиями, нищетой и роскошью, голодом и изобилием, опиралась только на сознание, что этот способ распределения несправедлив и что справедливость должна, наконец, когда-нибудь восторжествовать, то наше дело было бы плохо и нам пришлось бы долго ждать такого

преобразования... Если этот призыв к отмене классовых противоречий и классовых различий теперь вызывает сочувствие миллионов рабочих..., то чем это объясняется? Тем, что современная крупная индустрия создала пролетариат,—класс, который впервые в истории может выставить требования отмены... классов вообще и который поставлен в такое положение, что он должен это требовать под угрозой, в противном случае, впасть в состояние китайских кули... В этом очевидном материальном факте, который в более или менее ясной форме с непреодолимой необходимостью проникает в сознание эксплуатируемых масс,—в этом факте, а не в представлениях того или другого кабинетного мыслителя... коренится наша уверенность в торжестве идеи современного социализма» (Энгельс, «Анти-Дюринг», стр. 83—84.)

Стало-быть, не сознание, а «очевидные материальные факты»,— вот что решает вопрос «в конечном счете»! Эти факты с «непреодолимой необходимостью» проникают в сознание пролетариев! Наша уверенность в победе основана на том, судьба революции зависит от того, что пролетариат «стоит под угрозой впасть в состояние китайских кули», если он уклонится с пути революции! А не «только» от сознательной воли пролетариата, не «только» или «в конечном счете» от идеологической зрелости пролетариата.

Классовое сознание пролетариата, его идеологическая зрелость—очень важная вещь в революции. Ни один марксист не будет этого оспаривать. Но против чего нужно бороться, как против прямой опасности для освободительной борьбы пролетариата, так это против взгляда, будто сознание пролетариата есть единственное, чего еще нехватает для победы мировой революции, будто мировая революция является отныне не чем иным—как идеологической проблемой!

Тогда, значит, правы социал-демократы со своей теорией, что пролетариат должен быть сперва воспитан и образован, прежде чем можно начать революцию! Тогда, значит, правы они со своей «политикой», ограничивая всю свою деятельность «культурной работой»! «В конечном счете» ведь все в мире есть вопрос сознания, правильнее выражаясь: все в мире может быть перетолковано в такой вопрос. Так как все материальное необходимо должно пройти у человека через сознание, то поэтому я все могу рассматривать, как содержание человеческого сознания. Точно так же, как я все могу свести к «психическому». Машина, сырье, капита-

листы,—все есть только представление во мне, моя мысль. Также и всю проблему революции я могу рассматривать как идеологическую проблему, как проблему мысли, как методологический вопрос. Но несомненно, что кто подходит к делу так (а тов. Лукач подходит к нему именно так!), тот — идеалистический философ, «кабинетный мыслитель» (по выражению Энгельса). Если он в придачу еще волюнтарист, то все у него зависит «только» от «сознательной воли».

Только идеалистический философ может сказать, что «идеология» пролетариата есть «само целеполагание и само оружие» (стр. 83). Она, конечно, тоже одно из оружий, но не—«само оружие». Оружием является еще многое другое, что вовсе не есть «идеология», вплоть до — вооруженного восстания. А что сказать о таком, напр., утверждении:

«Указать выход из кризиса капитализма может только сознание пролетариата. Покуда этого сознания нет, кризис остается перманентным, возвращаясь к своей исходной точке повторяет ситуацию снова, пока, наконец... наглядный урок истории не завершит процесс сознания в пролетариате и тем не передаст руководство историей в его руки» (стр. 88).

Как раз наоборот, тов. философ! Вы решительно ставите вещи вверх ногами! Сознание определяется характером кризиса, а не характер кризиса сознанием! Не презирайте бедного Энгельса, который хоть и был поверхностным диалектиком и военным теоретиком, но уж зато, наверное, был хорошим марксистом — и поучитесь у него:

«Уже теперь новые производительные силы значительно переросли буржуазную форму их эксплуатации; и народившийся конфликт между производительными силами и способом производства не является просто мыслимым противоречием, возникшим в головах людей..., а существует в действительности. Об'ективно, вне нас и независимо от воли и желания самих людей, которые его создали. Современный социализм есть не что иное, как мысленный рефлекс этого материального конфликта, его идеальное отображение в головах того класса, который непосредственно от него страдает,— рабочего класса» («Анти-Дюринг», стр. 149 — 150).

Итак: не сознание (= мысленный рефлекс, идеальное отображение) определяет кризис, а кризис (Энгельс говорит: «конфликт»)

порождает мысленный рефлекс, идеальное отображение (= сознание).

Это настоящий труд Сизифа—быть вынужденным все снова и снова повторять а з б у ч н ы е и с т и н ы м а р к с и з м а! И обратите внимание на жемчужину, которая опять скрыта здесь: пролетариат имеет счастье быть на самой короткой ноге с историей, пролетариат определенный любимец госпожи истории. История вручает ему руководство самой собою. Но всякой любви нужно помогать, всякая любовь должна быть оплачена в этом — увы! — столь материальном мире. Только, когда «процесс сознания в пролетариате будет завершен», — только тогда получит он в свои руки руководство. Ну, тогда мы еще долго можем ждать! Тогда капиталисты еще долго могут спать спокойно! Госпожа история все-таки, как будто, оказывает им предпочтение. И тогда опять-таки правы социал-демократы со своей контр-революционной теорией и политикой (см. стр. 249).

Прежде чем покончить со всей этой «теорией», отметим еще одну «мелочь». На стр. 90 книги Лукача мы читаем:

«Здесь (т.-е. в тезисах Маркса о Фейербахе. *Л. Р.*) достигнутая материализмом посюсторонность сознания снова постигается как простая ступень развития, как ступень «буржуазного общества», и ей (кому? *Л. Р.*) противопоставляется, как задача сознания, «практически-критическая деятельность», «изменение мира».

Здесь имеются в виду первый и одиннадцатый тезисы Маркса о Фейербахе, хотя примешано кое-что и из второго. Это перемешивание марксовых мыслей не случайно, а делается с определенной целью: извлечь из этих чисто-материалистических мыслей самые рискованные идеалистические выводы, извратить смысл марксовых мыслей в их прямую противоположность!

В первом тезисе о Фейербахе Маркс говорит о том, что Фейербах не понял значения «революционной», «практически-критической деятельности»; а в одиннадцатом о том, что философы только различно истолковывали мир, но дело в том, чтобы изменить его.

Но где же называет Маркс эту «практически-критическую деятельность», более того: это «изменение мира» — задачей сознания?

Нигде решительно! Ведь это было бы в прямом, самом вопиющем противоречии с историческим материализмом! Можно, сколько

угодно, вертеть во все стороны тезисы Маркса о Фейербахе, — нигде не найдешь в них ни словечка о том, что утверждает тов. Лукач, о том, что изменение мира есть «задача сознания»!

И еще меньше о том, что «посюсторонность сознания» «постигается как простая ступень развития, как ступень «буржуазного общества!» Ведь это идеалистический, просто-напросто бессмысленный выверт — утверждать, будто «посюсторонность сознания» имеет силу только для эпохи буржуазного общества и. в качестве «простой ступени развития», будет так же преодолена, как само это общество! И это «постиг» Маркс? Маркс утверждал, что человеческое сознание будет когда-нибудь не посюсторонним, а потусторонним, т.-е. (выражаясь языком философских педантов) — трансцендентным, т.-е. сверхчувственным?!

На первый же взгляд ясно, что мысли Маркса перевертываются вверх ногами. В нашей первой статье мы уже цитировали второй тезис о Фейербахе, который содержит в себе перевернутую Лукачем, вверх ногами мысль Маркса и который мы здесь просто повторим:

«Вопрос о том, принадлежит ли человеческому мышлению предметная истинность, не теоретический, а практический вопрос. На практике должен человек доказать истинность, т.-е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления».

Это не первая — и не последняя — цитата из Маркса, которую неправильно «интерпретирует» тов. Лукач. Как мир вещей, так и Маркс отражается «своеобразно» в голове людей. Когда человек идеалист, он даже материалиста Маркса толкует идеалистически, и даже материализм и исторический материализм превращает в идеалистический... выверт.

Будет очень мягко, если на подобные приемы мы ответим только — словом Энгельса:

«Признавать (марксизм и диалектику. Л. Р.) на словах и действительно проводить их в подробностях во всех областях исследования, — это две разные вещи» (Энгельс, «Л. Фейербах».)

Ladislav Rudas.

(Продолжение следует.)

II.

Стенограммы докладов, читаемых в Комм. Академии.

История философии и марксистская философия истории

(Доклад Варьяша. Читан 10 июня 1924 г.)¹⁾

Тимирязев, А. И. — Объявляю заседание открытым: слово имеет для доклада на тему: «История философии и марксистская философия истории» т. Варьяш.

Варьяш (докладчик). — История философии представляет собою часть истории идеологии вообще. Философские идеи относятся к классу тех высших идеологических построений, в которых объединены наука, искусство, мораль и религия. Этот класс образует обширную область в общем содержании умственной деятельности человека.

Изложить историю философских идей, как часть общей человеческой истории, в настоящее время кажется столь же необходимым, сколько и трудным предприятием. Мы располагаем огромной историко-философской литературой, начиная с больших монографий и кончая университетскими и популярными учебниками. Однако являются ли они научными? На это можно дать верный ответ только диалектически. Конечно, составители всех книг, учебников, монографий и т. д. стремились создать из истории идей науку. Цель, по крайней мере, выдающихся и прокладывающих в этой области дорогу писателей, не была чисто литературной, т.-е. они стремились не только к тому, чтобы занять читателя и доставить ему своеобразное наслаждение абстрактно-поэтическими пирамидами мыслей, — наоборот, они хотели дать науку, т.-е. стремились к тому, чтобы вскрыть истинный характер исторически возникавших идейных образований.

Однако совершенно иной вопрос, достигнута ли и насколько достигнута до настоящего времени эта цель. Со времени Гегеля было вполне осознано, что идеи не падают с неба и не выскакивают внезапно из голов отдельных гениальных мыслителей. Руководящим принципом истории фило-

¹⁾ Первая часть доклада представляет собою введение к подготовляемой к печати работе по истории новейшей философии.

софии Гегель провозгласил, что история философии есть сама философия. История философии представляет собою некоторый процесс развития. Отдельными этапами этого развития являются великие философские системы. Эти системы образуют единую, связанную внутренне и органически слитую с общественной действительностью цепь. При этом определяющим моментом, по Гегелю, является как раз самый высший слой сферы идей. И страдальческий путь всеобщей истории медленно, проходя через длинные ряды промежуточных членов, очерчивает то, что заключено в высшей идее.

Можно сказать, что это широкое и глубоко принципиальное понимание хода истории, впервые сформулированное Гегелем, и до наших дней руководит историками философии и воодушевляет их. Из основных идей Гегеля они стали расценивать как наиболее ценную и важную, именно идею примата исторического мышления над историческим действием.

Но, кроме этого понимания, Гегелем была сформулирована и впервые применена для него самого столь же необходимая формальная идея, — это был его метод, диалектика. Он видел в последовательности рождающихся идей не только постоянный имманентный рост знания, согласно которому всякое последующее поколение мыслителей исправляет «ошибки и недостатки» предыдущего и с помощью абсолютно постоянного, раз навсегда независимо от места и времени данного гению дара умственной деятельности, завоевывает новые области в царстве истины, — наоборот, в этой последовательности он видел твердый и неизменный закон зависимости, который направляет единичных мыслителей помимо или даже против их воли в определенную сторону. Он думал, что открыл этот великий закон — эту глубокую тайну процесса развития человечества — в синтетическом осмыслении предыдущих противоречий и объединении их.

Он разрешил с помощью этого формальную сторону проблемы. Ибо история идей (не только в узком смысле философских идей) на самом деле состоит в непрерывном движении вперед. Однако он не смог достигнуть верных результатов в области самого содержания проблемы.

Действительно научная история философии возможна будет только в том случае, если мы перевернем зависимость, которую установил Гегель. Это обращение гегелевской философии и было впервые сделано Марксом. Переворот этот состоял в том, что не идеи были признаны самостоятельными деятелями и в последнем счете причиной исторической практики, но, наоборот, часть человеческой практики, именно производство и воспроизводство материальной жизни, стала рассматриваться как бы независимой переменной, а идеи — их функцией (правда, очень сложной функцией).

Намеченную нами программу — объяснить историко-материалистически развитие идей — гораздо легче выставить, чем строго научно и детально выполнить. Ни одна из областей не стоит так далеко от производственной деятельности людей, как логические и метафизические спекуляции об основных вопросах бытия и сознания. Поэтому нет ничего странного в том, что нужно было ожидать довольно много времени, прежде чем эта идея могла созреть настолько, чтобы за нее можно было бы взяться практически. И это также можно объяснить только из исторических условий всего общественного бытия.

Сведение возникновения и развития философских абстракций к их последним причинам, со-

ответствующему им состоянию и развитию производительных сил представляет собою длинную исторически-логическую цепь. Оно предполагает поэтому анализ производственных отношений с одной, и основательный и подробный анализ обрабатывающих функций психической деятельности человека, с другой стороны. Поэтому такой анализ помимо разбора производительных сил образует существенную часть наших исследований, при чем нашей непосредственной целью является фактическое применение его для объяснения. Необходим систематический просмотр современной психологии, чтобы быть в состоянии использовать все ценное, имеющееся в ней. В качестве руководящей идеи мы взяли глубокую мысль Энгельса, что хотя наши действия и совершаются посредством мышления, но из этого не следует, что эти действия возникают на основе мышления. Мышление есть необходимое условие, но не причина действий. Под причиной понимается такое событие, которое вызывает временное изменение в состоянии действительности, к которой относится также и мышление. В этом смысле мыслительные функции определению не являются причинами, ибо они являются константами, факторами, которые за определенную фазу истории не изменялись и, следовательно, могут в качестве постоянного условия объяснять только мыслительные действия по их психической структуре, но не исторически выступавшие единичные содержания отдельных систем. Последние могут быть объяснены только изменениями, имевшими место в материальных условиях общественной жизни человечества.

Однако и в области мыслительных функций можно заметить некоторую эволюцию, если даже не настоящую революцию. Основным вопросом в объяснении идеологий является проблема, как отражался материальный базис и его изменения в головах членов отдельных классов. Идеологии различных периодов обладают в высшей степени пестрой и отличающейся друг от друга структурой. В общем можно наметить следующие периоды развития типов идеологических структур. Первую эпоху образует период образования тех идеологий, которые известны нам, как наиболее древние. К нему относится возникновение тотема, табу и мифов о героях и богах. Эти идеологии нуждались только в наиболее примитивных из психических функций, в сгущении и смещении (см. введение). Вторая эпоха есть эпоха образования классового государства и великих религий, возникших уже в историческое время. Этот период, кроме уже названных примитивных функций, выдвинул и другие, преимущественно отношение к представляемости и функции проекции. Цветущий период этого рода идеологий образуют конец античного мира и средние века.

Третий период представляет собою период образования идеологии буржуазии в той форме, в какой она нашла выражение в великих буржуазных революциях. В качестве первого, у кого наиболее определенно и ярко выявляется тенденция этого периода, можно рассматривать уже Гоббса (его государственную теорию). Эти идеологии отличаются от мистически окрашенных и одетых в религиозные одежды идейных процессов средневековья тем, что они рационалистичны. Рационалистичность их не мешает им, однако, быть неверными в смысле недостаточности и неправильности в установлении целого ряда причин и следствий. Логичность, которая характеризует и отличает

Эта идеология, является только внешним фасадом. Эту кажущуюся логичность можно назвать вторичной обработкой, термином, который употребляется психологией. Исторический материал здесь вырван из его фактической связи и поставлен в иную, чуждый действительному процессу возникновения, мниморациональный порядок (наприм., учение о *bellum omnium*). Главный принцип этого периода заключается помимо вторичной обработки в предположении, что человеческая природа, как и природа вообще, является чем-то неизменным, вечно тождественным самому себе. В этом первом томе мы будем заниматься почти исключительно идеологиями этой фазы, являющейся героическим периодом восходящей буржуазии, когда она еще смела мыслить.

Четвертый период развития есть история возникновения пролетарского мировоззрения. Последнее до настоящего времени является наиболее богатым и наиболее верным из всех идеологических построений. Мировоззрение пролетариата тоже ввело новые функции в широкий канал психического процесса обработки и благодаря этому придало новый характер ее продуктам этих новых функций — две (обе были открыты Марксом). Первая из них представляет собою отрицательную, разрушительную функцию: осознание роли и существования этих функций вообще. Маркс открыл тайну буржуазного образа мышления в знаменитой теории фетишизации общественного бытия. Все психологические функции, поскольку они не узнаны и не раскрыты, приводят к липостазированию идей, начиная с платоновских идей, которые где-то в трансцендентном мире ведут абсолютную и неизменную жизнь, и кончая гегелевской абсолютной идеей (которая представляет собою специфическое видоизменение платоновских идей, но уже на земле) и фетишистским характером товара. Первым великим актом Маркса в этой области была дефетишизация общественных отношений. Вторым великим открытием его было то, что истина может возникнуть только в процессе объективации, т.е. что только эта функция может формально гарантировать истину. Не мы должны конструировать внешний мир по аналогии с нашими собственными психическими функциями, проективно, т.е. наделяя его нашей собственной мыслительной деятельностью, но, наоборот, нашу умственную деятельность мы должны представлять как некоторую часть действительности, реального мира. Этим Маркс разоблачил тайну идеализма. Идеализм оперирует с проекцией, материализм же — с объективацией. Идеализм универсализирует психические законы в мировые законы. Материализм космологизирует учение о сознании, т.е. превращает законы сознания в частный случай законов универсума.

Само собою понятно, что эти первоначальные процессы психического движения, хотя область их и можно в общем разделить на периоды, постоянно перемешиваются и переходят друг в друга; таким образом, в действительности не существует чистых идеологических типов в смысле их формы, т.е. структуры. Уже при образовании тотема и табу действовала вторичная обработка, хотя в слабой и наивной форме; наоборот, даже в буржуазной политической экономике проявляются еще сгущение и смещение. Какие из этих свойственных нашему мозгу функций выступают одна за другою на историческую арену, всегда в последнем счете определяется соответствующим со-

стоянием производительных сил. Сам по себе факт функций не является еще ошибкой, ибо сгущение и оменение является матерью логического абстрактного процесса, без которого невозможна никакая наука. Все сводится к тому, чтобы пользоваться ими правильно, т.-е. логически очищено, критически и—что является *conditio sine qua non* — сознательно. Всякое гипостазирование, фетишизирование или овеществление, как бы это ни назвать, опасно для поисков истины лишь постольку, поскольку мы не думаем о том, что в нас скрывается общая для всех людей склонность превращать содержания понятий и их смысл в предметы. Избавиться от этого рода иллюзий без долгого упражнения почти так же невозможно, как, наприим., от желания убедиться во вращении земли вокруг солнца не только на основании ясных разумных доказательств, но и на основе непосредственного восприятия.

Для ориентировки я должен еще сказать вот что. Наша задача обнимает лишь часть, хотя и самую существенную часть этого развития. Современная философия, начиная с Декарта, осуществляет лишь последние две фазы развития идеологии. В конце первого тома мы даем систематический перечень тех философских структур, которые были идейными отражениями интересов и задач того или другого класса общества, которые в символизирующем зеркале идеологических процессов отражали те таинственные, но тем не менее, решающие экономические и политические движущие силы, толкающие эти классы в их борьбе друг против друга вперед. Так понятая история философии, конечно, очень отличается от существовавших. Меринг, размышляя о социальном смысле философии Локка (*Neue Zeit*, XXIII, 129 — 31) говорит следующее:

«Есть много историй философии, ученых и неученых, умных и глупых, интересных и скучных,—и все же нет до сих пор настоящей истории философии... Философия представляет собой сопутствующее идеологическое явление классовой борьбы, одну из тех идеологических форм, в которых люди достигают сознания этой борьбы, в которой они ее разрешают. Философия не было, пока не было классовых антагонизмов. Точно так же философия в историческом смысле этого слова не будет, как только будут устранены классовые противоречия.

Только история классовой борьбы проливает различающий и разграничивающий свет на кажущийся необразимым хаос философских систем.

В обычных учебниках философии то, что было сказано новыми философами об экономике и политике, по большей части отодвигается на задний план по сравнению с отвлеченными умозрениями, которые отнюдь не являются первопричиной, а гораздо больше следствием их практической позиции по отношению к практическим вопросам их времени».

Поэтому-то для нас было бы как бы само собою разумеющимся уделение для практической части разных философских систем гораздо больше места, чем это было до сих пор.

Мы должны сказать еще несколько слов о внешней форме изложения. Внимательный читатель, вероятно, сразу заметит, что наш подход характеризуется искренним стремлением к максимальной точности. При изложении авторов мы всюду старались дать точное изображение хода их мысли. Поэтому важные места даны в форме цитат, а длинные доказательства сокращены только там, где это было возможно без ущерба. Известно, что рационалисты очень любили математический метод; геометрия казалась идеалом

науки не только в глазах одного Спинозы. Стремление к конструкциям математического рода начинается с Декарта и характеризует весь рационализм и не только идеалистов, но и материалистов. Особенно ярко выявляется эта тенденция у Гёббса. И никто не ценил больше этот строгий образ мышления, чем Маркс, который нарочито пользовался им в своем Капитале, боясь обвинения в том, что благодаря его дедуктивному методу изложения (но стиюдь не исследования) «на первый взгляд может показаться, что перед нами априорная конструкция». (Из предисловия к II немецкому изданию Капитала). Ведь он постоянно пользовался формулами, дающими его книге почти 100 математического сочинения.

Я сохранил этот метод, во-первых, из исторических соображений. Марксист должен углубиться в дух эпохи, и геометрический подход был действительно характерней чертой рационализма. Хотя такого рода изложение является по существу только формальной стороной по отношению к содержанию, но все же дух этой эпохи нельзя уяснить себе без таких внешних моментов. Поэтому-то и некоторые части (например, изложение понятия сущности у Спинозы, предустановленной гармонии у Лейбница) будут, может быть, в первом чтении несколько трудными. Но я стараюсь в исторической части освещать те же проблемы еще раз с более доступной точки зрения — именно с исторической. Я пытался не только указывать на ту связь, которая существует между гносеологией данного мыслителя и его практической философией, но и делал попытку обратного объяснения, т. е. из их понимания общественной действительности бросить свет на их политические, социальные и гносеологические и т. д. взгляды.

Но здесь был еще и другой мотив. В настоящее время в буржуазной Европе философия находится в полном упадке. Внешний признак этого упадка состоит как раз в том, что чрезвычайно ослабело стремление к точности и строгости мышления. Мистицизм характеризует не только философию русской эмиграции, но и почти все философские направления Запада. Эта философия может оказать известное влияние и на нашу учащуюся молодежь.

У меня перед глазами, таким образом, носился пример Маркса, который в Капитале умел так счастливо соединить математическую точность, логическую строгость и добросовестность с ясностью своего мышления. Он много и успешно занимался математикой. И не даром! Это занятие наделало свой отпечаток на его работы. Все его сочинение является одушевленным как диалектическим, так и математическим духом. Одно точное определение с научной точки зрения стоит больше, чем самые длинные объяснения, которые очень часто становятся неясными, как раз вследствие своей долготы.

В некоторых случаях, главным образом, там, где диалектика исторического и мыслительного процесса становилась особенно яркой, я даже не утруждался применить формально нарочито зостренный анализ, так как я придерживаюсь того убеждения, что такого рода подход крайне нужен.

Я знаю, конечно, что такой подход не понравится многим товарищам, старающимся быстро схватывать основные логические нити читаемого. Но я предпочел длительное влияние на их мышление их быстрому одобрению, будучи вполне уверен, что мы идем обратным путем в сравнении с буржуазной философией. Она отбросила строгий образ мышления (иначе нельзя провозгласить «права» интуиции и непосредственного мистического «озарения»),

по нам, марксистам, нечего идти за нею по этому пути. Поэтому я советую каждому читателю, если он будет наталкиваться на трудности, не падать духом. Основные вопросы я старался освещать с различных сторон. Некоторые места, может быть, будут трудны, но если читатель прочтет их несколько раз и (самое главное) ознакомится с работой не по отрывкам, а в целом, он, в конце-концов, преодолеет затруднения.

Я должен отметить также и то, что читатель не найдет подробных ответов на все затронутые нами вопросы. Этот том кончается английским сенсуализмом. В дальнейших томах эти ответы будут по возможности даны.

Такого рода понимания предлагаемой проблемы, как уже было подчеркнуто, не могут исчерпать всю огромную массу возникающих тут трудностей. Все указания на возможные недостатки со стороны читателей я приму с благодарностью. В то же время я должен отметить, что истинный смысл марксистской, материалистической диалектики требует многосторонности по отношению к предмету. Перед нами стоит также задача определить нашу марксистскую точку зрения по отношению к новейшему идеализму. Наша наука не должна быть мертвым, кабинетным собранием знания. Мы должны пользоваться нашим методом для того, чтобы разоблачать софизмы, заблуждения и реакционность не только старых, но и новейших идеалистических систем. Было бы очень ошибочно и опасно думать, что лучше всего вообще не заниматься новейшими системами, так как это лучшее средство для того, чтобы не поддаваться их влиянию. (И это «противоидея» так удобно.) Но я считаю такого рода «аргументы» весьма опасными для нашего дела. Мы должны бороться против идеалистических заблуждений и обезвредить их в нашем собственном лагере. При нашей настоящей обстановке жизни и замедления европейской пролетарской революции, наша борьба на идеологическом фронте должна быть еще более активной, более марксистски-выдержанной. Но чтобы уметь выполнить эту столь необходимую задачу, в первую голову необходимо: заниматься и основательно разбираться в современных идеалистических системах. Иначе нельзя их ни понимать ни, тем более, опровергать их по-марксистски. Поэтому я старался подробно объяснить отдельные системы. Вдумывание в них и основательное понимание их может казаться эклектицизмом только тем, которым хотелось бы освободиться от такой мучительной, но необходимой работы.

Весьма легко было бы, опираясь на основные положения марксизма, указать просто на то, что вот тут философия, например Гуссерля, Риккерта, Ласка или Рессели и т. д., противоречит основным положениям марксизма и, следовательно, она ложна и вредна. Ведь эти философы вовсе не претендуют на то, чтобы их мысли не противоречили марксизму. Однако, такого рода опровержения недостаточно и для наших противников оно вовсе не убедительно. Вот что говорит Энгельс по этому поводу: «К сожалению, сплошь и рядом полагают (в нашем лагере, *В.*), что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, а это далеко не всегда правильно. В этом я могу упрекнуть многих новейших «марксистов», и благодаря этому иногда возникает удивительная путаница». (Письмо Энгельса к Н. Блоху 21 сентября 1890.) Он подчеркивает, что «как только дело доходило (у Маркса и Энгельса, *В.*) до практического

применения», они старались быть всесторонними и «отдавали должное и остальным моментам (кроме «знания экономической стороны». В), участвующим по взаимодействию».

«Логика диалектическая, — говорит Ленин («Еще раз о профсоюзах»), — требует того, чтобы мы шли дальше (определения, указывающего на разные стороны предмета и только. В). Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления» (курсив мой. В.).

Из этого следует, что для того, чтобы понимать враждебные нам идеологии, нам нужно изучать их по возможности всесторонне, т. е. основательно и не довольствуясь общими положениями. Помимо этого нам приходится вообще определить наше отношение ко всем явлениям современной культуры. Среди них есть немало таких течений, которые стоят на полпути между материализмом и идеализмом или представляют собой видоизменение старого материализма. (Например, психоанализ, как возрождение материализма XVIII века, примененного к областям психологии и общественных наук.) Все эти школы и направления оказывают в настоящее время большое влияние не только на Западе, но и в России. Недостаточно размахивать руками и сказать, что все это уже давно устаревшие заблуждения. Нужно подробно заниматься ими и подробно показать, где именно скрывается ошибка и есть ли в них отдельные правильные мысли. Оказывается, что таких мыслей, заимствованных отчасти сознательно, отчасти бессознательно, от Маркса, много и что те новые факты и теории биологии, психологии и т. д., которые входят в какую-нибудь новую отрасль науки, хотя их и нельзя найти у наших учителей Маркса и Энгельса или Ленина и т. д., все же великолепно объясняются по их методу. Специалисты-ученые, в самом деле, так объясняют их, не зная зачастую вовсе о том, что они «подходили» к проблеме по-марксистски.

Выполнять такую громадную задачу, требующую исчерпывающего и основательного знакомства и мало того — даже самостоятельного разбора различных проблем в области математики, естествознания, психологии, истории и экономики, гораздо труднее, чем легкой рукой отбросить их со словами, что их не нужно изучать. Нельзя аргументировать так, — в этих проблемах заключается или то, что уже есть в марксизме, или то, чего нет, и что в обоих случаях излишне заниматься ими. Это означало бы одновременно и «омертвление», от которого предостерегал нас Ленин и вызвало бы смех и злораство со стороны наших классовых врагов. Такого рода «подход» к вещам означал бы нашу идеологическую гибель. Символом такого настроения партия должнаискоренять, помня латинскую пословицу: *Principiis obsta, sero medicina paratur, cum mala per longas convalnere moras.* (Дай отпор в самом начале. Лекарство уже опоздало, когда болезнь укоренилась после длинного срока.)

И с чисто научной и просветительной точки зрения предлагаемый нами, правда, очень трудный подход (основательное знание и серьезнее понимание взглядов наших врагов) будет весьма полезным, так как если необходимость такого научного подхода станет общим убеждением в нашей среде, то за такую задачу примутся лишь такие люди, у которых есть серьезная воля, выдержка и способность и которые стремятся быть полезными пролетариату и его диктатуре не только на словах, но и на деле.

Литература по истории как новой, так и античной философии, чрезвычайно богата. Существуют об'емистые и богатые в смысле широты охватываемого материала работы, излагающие развитие философских идей, как, например, большой труд Целлера о греческой философии и такой же К. Фишера о новой. Существует почти необозримое множество как кратких, так и подробных общих учебников, и еще большая монографическая литература об отдельных мыслителях или специальных проблемах. Однако до настоящего времени нет ни одного систематического труда, излагающего развитие философских систем с точки зрения марксистского мировоззрения, с точки зрения диалектического материализма.

Наши философские писатели посвятили свои силы, главным образом, борьбе с различными идеалистическими, вульгарно-материалистическими и полу-материалистическими течениями, противопоставляя им точку зрения диалектического материализма. И в этом нет ничего странного. В ходе развития новой плодотворной точки зрения первым шагом как раз и является возможно полная и детальная разработка всего круга ее идей, противопоставление ее старым и борьба против устаревших, недостаточных и ложных взглядов. Второй этап определяет дальнейшее движение вперед. Мы должны не только показать, что наше мировоззрение истинно, не только подвергнуть беспощадной критике все существующие взгляды, но в нашу задачу здесь входит также доказать на практике, что наша истина в состоянии обнаружить частичную или полную несостоятельность буржуазного мировоззрения, что она может раскрыть в высшей степени сложные причины, вызвавшие возникновение тех или иных неверных, т.-е. искажающих действительность идей, и разложить эти идеи на их исторически детерминированные причины. Одним словом, мы должны понять исторически появившиеся мировоззрения, чтобы после быть в состоянии их критиковать и опровергать. Поэтому мы и взяли на себя смелую попытку, так сказать, завершить предшествующую критическую работу.

Мы пытаемся как для самих себя, так и для наших противников уяснить, почему при определенных исторических обстоятельствах должна была возникнуть та или иная определенная идеология и каким образом эта идеология вырастала из общественных отношений, — в последнем счете — из определенной ступени и тенденции дальнейшего развития современных ей производительных сил. Мы попытаемся дальше доказать, что на определенном общественном базисе могла развиться только определенная соответствующая ему идеология и что между идеями и общественным производственным процессом существует только одно соотношение, именно, что идеи целиком однозначно и причинным образом определяются этим производственным процессом.

Как можно с надеждой на успех предпринять решение такой огромной задачи? Ведь никогда в истории общественных наук эта задача не ставилась

историками философии в такой недвусмысленной форме (и это тоже имело свои веские основания). Мы хотим показать, что эта задача разрешима, но только при одном условии, что в основу в качестве метода и теории будет положена Марксова философия истории. Эта последняя дает нам в руки мощное оружие, пользуясь которым мы в состоянии не только доказать и в борьбе свою правоту, но обнаружить полную несостоятельность противных точек зрения. На ней оправдывается глубокий смысл Спинозовского афоризма — *Sicut lux se ipsam et tenebras manifestat, ita veritas norma sui et falsi*¹⁾. Мы, однако, хотим пойти еще на один шаг дальше и прибавить еще одну задачу (и это, пожалуй, наиболее трудная) именно — показать не только ложность тех или иных идей, но также и историческую необходимость подобных заблуждений. Ибо будь идея истинна или ложна, ее историческое появление представляет собой факт и, как таковой, он требует объяснения.

Есть только один возможный путь разрешить последнюю проблему строго научно. Надо показать, во-первых, что для истинности того или иного предложения нужны такие-то и такие-то исторические предпосылки, а затем, предположив истинность этого предложения, доказываем, что из истинности его следуют предсказанные тезисы. Мы хотим применить такой способ исследования к истории философии. Мы будем вначале показывать, что из основных положений соответствующей философской системы вытекают такие-то и такие-то следствия, касающиеся общественного базиса, и наоборот, что из этого базиса (принимая, разумеется, во внимание результаты предшествующих исторических периодов) необходимо вытекают определенные абстрактные и как будто бы совершенно не связанные с практикой и базисом всякой практики — производственными условиями — логические предпосылки. Эти условия — производительные силы. Только в том случае можно преодолеть идеалистическую историю философии, если эта программа выполнится!

Поэтому следует сразу же подчеркнуть, что существует известное различие между действительными общественными отношениями, с одной стороны, и с действительностью, отражающеюся в сознании соответствующего мыслителя, с другой. Картина, в которой рисовалась перед мыслителями их собственная эпоха, критику которую они хотели создать некоторый иной общественный порядок (так наз. «идеальный»), не совпадает с картиной фактически существовавших отношений. Мы избавлены от труда выведения этого идеального состояния (обычно излагаемого в этике и общественной философии), ибо его всегда доставляют сами мыслители. Они либо выступают со своими взглядами публично, либо дают их в частных письмах к друзьям и в этом случае требуют только пояснений.

Такова наша задача. Все зависит от того, насколько она может быть выполнена. Мы, разумеется, далеки от того, чтобы думать, что в этом первом

¹⁾ Как свет освещает самого себя и тьму, так и истина — критерий самого себя и ложного.

опыте, не имевшем еще ни разу места во всей философской литературе, мы сможем выполнить всю программу до конца. Очень многие из выплывающих вопросов не смогут быть доведены до полного решения. Наша работа останется, уже благодаря трудности самого предмета, в целом ряде пунктов очень далекой от совершенства. Но даже если оторвать трудности, связанные с самим материалом, то и самый объем работы требует известного ограничения. Мы сможем сосредоточить свои силы только на основных пунктах.

Чтобы дать читателю возможность ориентироваться в нашем методе, мы предварительно займемся методологическими вопросами. Важнейшими из них являются:

1) проблема причинности вообще и в области развития идей в особенности; теория и метод;

2) чрезвычайно важный вопрос об отношении между общественными процессами и логикой;

3) вопрос о сущности идеологий. Являются ли точные науки идеологиями и поскольку;

4) в чем заключается сущность двух основных направлений философского мышления: материализма и идеализма, рассматриваемых как с точки зрения логической, так и исторической.

Причинность. Метод и теория.

Отличие между материализмом и идеализмом в понимании причинности является самым радикальным, какое только можно мыслить.

Идеалисты вполне согласны в том, что мир сам по себе есть хаос или только абстракция и что закон причинности является принципом, упорядочивающим этот хаос. Иными словами, взаимная зависимость отдельных частей мира не представляет собой свойства мира, как такового, но привносится в мир, противостоящий нам как хаотический агрегат, человеческим рассудком. Если последовательно проводить эту гипотезу, как это на самом деле имело место у таких идеалистов, то весь объективный мир (как простой агрегат) обязательно нужно поместить в сознании, т. е. объявить его содержанием сознания. И весь идеализм, начиная с Платона, исходит из того основного убеждения, что бытие сознания и его форм, по сравнению с бытием всего остального мира, обладает большей достоверностью. Правда, уже Кант в своей защите против упреков в Берклевском идеализме во втором издании «Критике чистого разума» заявляет, что бытие внешнего мира не менее достоверно, чем наше собственное эмпирическое бытие. Однако благодаря тому, что он сам установил решительное различие между эмпирическим и трансцендентальным, его утверждение осталось бессильным и бесполезным.

Мы имеем целью доказать, что идеализм даже в его новейшей форме не в состоянии обосновать принцип причинности. Современная идеалистическая философия начинается с сознания. Это ее альфа и омега. Последние исследования в этой области, исследования Гус-

серия базируются целиком и полностью на развитии старого картезианского «я мыслю». Однако в то время как у Декарта только бытие мыслящего сознания возвышается над всяким сомнением (само тело мыслящего подвергается сомнению) и таким образом его *cogito* остается *cogito* о мире при чем мир существует не достоверно, а *cogito*-достоверно—у Гуссерля это положение вещей получает существенное развитие и расширение. Его *cogito* уже влечет за собою другое *cogito*. Если я констатирую, что я мыслю, то кроме переживания, называемого мышлением о мире, я necessarily имею и нечто новое: именно некоторое новое переживание, предмет которого уже не есть мир, как это было при мышлении о мире. Предметом этого второго *cogito* является самое «мышление». А если я констатирую, что мир, о котором я думаю, не достоверен, мышление же достоверно и дано непосредственно, то я совершаю некоторый новый акт, в котором я отношусь уже не к миру, а к мышлению о нем. Этот акт Гуссерль называет актом второй ступени. В своих «*Ideen zu einer reinen Phänomenologie und hñ nomenologische Philosophie*» в § 44 «*Blos phänomenales Sein des Transzendenten und absolutes Sein des Immanenten*» (трансцендентным называется у него, как и у Канта, вещь, существующая независимо от сознания; имманентно—бытие сознания) он пишет следующие строки, очень ярко характеризующие его философию:—«Wir halten also fest: Während es zum Wesen der Gegebenheit durch Erscheinungen gehört, dass keine die Sache als «Absolute» gibt, ... gehört es zum Wesen der immanenten Gegebenheit eben ein Absolutes zu geben, das sich gar nicht in Seiten darstellen und abschatten kann. Es ist ja auch evident, dass die abschattenden Empfindungsinhalte selbst, die zum Erlebnis der Dingwahrnehmung real gehören, zwar als Abschattungen für anderes fungieren, aber nicht selbst durch Abschattungen gegeben sind» (стр. 82) ¹⁾.

Гуссерль различает здесь явление и являющееся. Явление есть, например, восприятие (его направленность на его предмет); являющееся же есть предмет этого восприятия. И он говорит, что все являющееся (предмет, феномен) принципиально принадлежит не к одному единственному восприятию, как тому, что воспринято в этом восприятии, но к бесконечному ряду других восприятий, возникающих в силу того, что я наблюдаю предмет с различных пунктов и с различных сторон. Например, если я смотрю на какой-нибудь предмет, я могу обходить его со всех сторон и каждому пространственному пункту, в котором я захожусь, соответствует одну и только одну определенное восприятие предмета. Таким образом, обойдя предмет, я получу целую систему представлений, относящихся к одному и тому же предмету.

Ощущения, восприятия и т. д. в рефлексии, в свою очередь, становятся предметами других переживаний и притом так, что все относящиеся к этим первоначальным восприятиям акты (восприятия второй ступени) и сами первоначальные

¹⁾ «Исключительно феноменальное бытие трансцендентного и абсолютное бытие имманентного».

Мы, таким образом, определенно устанавливаем: в то время как к сущности данного посредством явлений относится то, что оно не дает никакого представления о вещи как об «абсолютном»... к сущности имманентной данности относится давать абсолютное и притом так, что оно не может представляться через различные стороны

переживания, к которым эти акты относятся, упорядочиваются совершенно однозначно, т.-е. так, что к одному предмету относится не целая система актов, а только один. Таким образом первичные акты (т.-е. акты, относящиеся к некоторому внешнему предмету) и вторичные акты (объектами которых являются первичные акты) различаются самым коренным образом. Из этого Гуссерль извлекает чрезвычайно важные следствия. В § 46: «Zweifellosgkeit der Immanenten, Zweifelhaftigkeit der transcendenten Wahrnehmung» он говорит: «Der Thesis der Welt, die eine «zufällige» ist, steht also gegenüber die Thesis meines reinen Ich und Ichlebens, die eine «notwendige», «schlechthin zweifellose» ist. Alles leibhaft gegebenes Dingliche kann auch nicht sein, kein leibhaft gegebenes Erlebnis kann auch nicht sein; das ist... das Wesengesetz» (стр. 86)¹⁾.

Мы подробно цитируем Гуссерля потому, что он, несомненно является самым крупным идеалистом нашего времени, равно как и вообще самым последовательным из всех идеалистов кроме Лейбница и Гегеля.

Мы утверждаем, что если идеалисты, и в особенности Гуссерль, правы в вопросе о большей достоверности и следовательно значении имманентного в сравнении с трансцендентным (или, что то же, в вопросе о различии между обоими видами существования внешнего и «внутреннего» мира, т.-е. сознания), то ни он, ни вообще какая-либо идеалистическая система не смогут довести проблему причинности до целей фактического объяснения, так как рассматривать уничтожение всей проблемы, т.-е. принципа причинности как «объяснение», разумеется, нельзя. Из основного факта, что внешние предметы никогда не могут быть совершенно даны в одном законченном акте, Гуссерль заключает, что они не существуют необходимо, что они случайны, что они могут и не существовать и т. д., как бы ни формулировать этот основной и уже давно известный идеалистический тезис. И, напротив, факт сознания для него есть абсолютное. Отсюда неизбежно следует непригодность закона причинности, как космического принципа и непригодность не только в отношении к внешнему миру (это отнюдь не отпугнет идеалиста), но так же и в отношении к сознанию (что для него уже значительно хуже). Ибо, если вещь дана только через многообразия чувственного восприятия (т.-е. через целую систему актов), которые «kontinuירlich ineinander übergehend, sich zur Einheit einer Wahrnehmung zusammenschliessen, in welcher das kontinuירlich dauernde Ding in immer neuen Abschattungsreichen, immer wieder neue «Seiten» zeigt»²⁾ (стр. 83), тогда, конечно, не может быть ни-

и оттенки. Очевидно также, что с оттенками дающиеся содержания ощущений, которые реально относятся к восприятиям вещи, сами выполняют функцию по отношению к другим именно как оттенки, не будучи, однако, сами даны через оттенки».

¹⁾ «Несомненность имманентного, сомнительность трансцендентного восприятия. Тезису мира, являющемуся чем-то «случайным», противостоит, таким образом, тезис моего чистого я и его жизни, представляющий собою «необходимое», исключительно несомненное. Вся телесно данная вещь может также и не существовать, но не одно давнее телесно переживание не может не существовать; это... существенный закон».

²⁾ «Переходя непрерывно одно в другое смыкаются в единство одного восприятия, в котором непрерывно длящаяся вещь показывает все новые «стороны» во все новых оттенках».

какой речи о причинной связи между вещами. Если вещи представляют собою интенциональные корреляты систем актов (т.е. без этих актов она — ничто), тогда между ними также мало возможна причинная зависимость, как и между им соответствующими актами — наличием логической связи. Возможной остается, только наличная ассоциативная (в терминологии Гуссерля — «vordefundene») связь. Таким образом эта теория одним толчком уничтожает оба основных принципа познания: принцип причинности и принцип достаточного основания. Согласно этому методу теоретические («eidetische») науки состоят в чистых указаниях на переживания и их смыкания в системы переживаний, безо всякой логической иерархии по линии зависимости от основных предположений к выведенному. Но это значит, что и в области феноменологии сознания существует так же мало логической связи, как и в области феноменологии «внешнего» опыта. Феноменология принципиально исключает вопрос о существовании интенционального предмета, она занимается только чистыми сущностями: но что такое сущность, мы узнаем через феноменологическую интуицию («eidetische Anschauung» — в терминологии Гуссерля) этой сущности и, таким образом, мы ни разу не ухватываем ее логических связей. Еще меньше удивлена причинная зависимость как психических, так и физических процессов.

Почему идеалистическая точка зрения отказывалась от причинной зависимости, это представляет собою историческую проблему, которой мы должны будем заняться, ограничив себя новой философией. Однако остается фактом, что идеализм отрицал принцип причинности как потому, что он логически не следовал из основоположений этой системы, так и потому, что исторически он был «неудобен», если даже не вреден, для господствовавших в определенное время классов.

Известно, что принцип причинности является одним из труднейших и что в ходе развития материалистической философии не было создано прочной и определенной точки зрения на него, кроме общего основного положения, что причинность есть реальное отношение, т.е. является принципом действительности, как она существует сама по себе. Принцип причинности тесно связан с понятием непрерывности и поэтому он несет в себе такие же парадоксы, как и континуум. Чисто логически можно поставить, конечно, принцип причинности различно. Вопрос идет только о том, какое из этих построений наиболее полно отвечает опыту и точнее всего выражает ту зависимость, которую он дает нам.

Все идеалистические искажения этого принципа покоются на пренебрежении одним чрезвычайно важным различием. Необходимо очень строго следить за тем, чтобы не смешивать двух совершенно различных вещей: 1) взаимную связь истин и 2) взаимную связь действительно существующих вещей. Положение, что из евклидовых аксиом следуют евклидовы теоремы, например, из аксиомы о параллельности следует, что сумма углов треугольника равна 180° , есть зависимость истин. Положение же, что сумма кинетической и потенциальной энергии есть величина постоянная, есть зависимость вещественная. Но необходимо отличать сумму кинетической и потенциальной энергии от понятия

этой суммы. Закон энергии следует из определения понятия работы, но энергия следует не из понятия, а из самой работы. Вообще, если «а» и «б» являются двумя предложениями, тогда—из «а» следует «б» представляет собою связь между предложениями. Это называется принципом достаточного основания. И если два предложения стоят по отношению одно к другому в зависимости как основание и следствие, то выражаемые через «а» и «б» вещественные содержания стоят одно по отношению к другому в причинной зависимости. Идеалисты сомневаются в правомерности такого различия. Они утверждают, что работа и энергии являются такими же абстракциями, как понятия о работе и энергии и, таким образом, зависимость первых представляет собою зависимость, согласно принципу достаточного основания, точно так же, как это имеет место по отношению к предложениям. Но это смещение могло возникнуть только потому, что они представили такие абстрактные предметы, как работа и энергия в качестве самостоятельных, как бы индивидуально существующих родов, между тем как в действительности эти понятия не означают ни чего-либо самостоятельно существующего ни чего-либо вообще единичного, а означают лишь известную совокупность индивидуумов. Совокупность, вообще говоря, не является индивидуумом, а представляет собою свойства или отношения между индивидуумами и именно те, которые общи для индивидуумов. Если мы представим общие предметы, как отношения, то исчезнет идеалистическая теория реальности понятий, ибо тогда «работа» будет означать не один единственный, но целый класс предметов, т.е. все единичные работы. И когда мы придадим составным частям этого совокупного предмета—«работа»—определенную величину, мы получим одного индивидуума из этого класса.

Идеалистический предрассудок, что зависимость истин и зависимость вещественная логически неразличимы, возник вследствие того, что было упущено из виду, что не совокупность или общее свойство (это одно и то же) конструирует индивидуумов, отдельные объекты опыта, а, наоборот, каждая группировка индивидуумов в классы возможна только благодаря тому, что эти индивидуумы предварительно каждый по отдельности обладают свойством, образующим класс. Те совокупности и функциональные образы, которые играют роль в науке, представляют собою бесконечно малую часть всех возможных комбинаций, по которым можно разбить индивидуумы. И смысл исторического развития знания заключается отчасти именно в том, что из этого бесконечного количества возможных разделений и классов пытаются найти те, из которых можно более легко вывести все практически и исторически встречающиеся комбинации. История науки представляет собою классический пример такого процесса.

Явление абберации света объяснилось очень просто из Лоренцовой гипотезы о покоящемся эфире. Известный опыт Майкельсона относительно интерференции световых лучей противоречит этой гипотезе и говорит, что эфир увлекается материей. Наконец, опыт Физо относительно этих увле-

чений эфира противоречит обоим первым и говорит по меньшей мере в пользу принятия того, что скорость эфира меняется на дробную часть скорости течения, а эта дробь зависит от показателя преломления среды. Если же принять гипотезу относительности Эйнштейна, то все эти явления объясняются из нее одной. Она представляет собою также новое и очень значительное усиление диалектического понимания естествознания. Очевидно, что гипотеза Лоренца о неподвижном эфире и гипотеза Герца об увлекаемом эфире противоречат друг другу. Гипотеза относительности примиряет это противоречие. Это, конечно, не есть еще доказательство, что сами процессы в природе протекают диалектически. Уничтожение одной гипотезы другою, более широкой, само предполагает постоянство течений природных процессов. О диалектике в природе можно иметь право говорить, только рассматривая естественную зависимость в целом, космологически. Ибо в каждый момент времени отношения зависимости мира являются постоянными, т.-е. подчиняются одним и тем же законам и, таким образом, эти законы для любого момента времени тождественны. Если же принять во внимание космические периоды, тогда возникнет и изменение законов, т.-е. процесс делается диалектическим. «Причины и следствия суть представления, которые, как таковые, имеют значение только в применении к отдельному случаю, но... как только мы этот отдельный случай станем рассматривать в его общей связи с мировым целым, эти представления совпадают, растворяются в картине мирового взаимодействия, где причины и следствия постоянно меняются местами» (Анти-Дюринг. Стр. 7—8).

Результат можно сформулировать так: в двухсторонние бесконечном ряде мирового процесса отдельные элементы его стоят в отношении причинности; выражающие эту причинность предложения стоят по отношению друг к другу в рациональной связи в отношении основания и следствия. Если не различать предложений и их вещественных содержаний, как это делают идеалисты, то мы никогда не сможем притти к причинной зависимости, т.-е. в природе, как к объективному, от предложений его выражающих и, следовательно, от наблюдателей и их сознания к независимому упорядоченному бытию. Только метафизически гипостазированное представление об общих понятиях и кроме этого смешение этих общих понятий с их предметами, совокупностей с элементами, могло породить идеалистическую философию.

Не иначе обстоит дело и с вопросом о применении принципа причинности к области общественных явлений. Если причинность с идеалистической точки зрения не имеет никакого значения уже в природе, тем менее может она претендовать на место в общественных процессах. Буржуазная социология, например, не хочет принять теории классов. Опираясь на то, что переход из одного класса в другой возможен, т.-е. мыслим, она провозглашает отсутствие классовых границ. Таким образом для нее нет установившихся классов. И если бы в обществе действительно происходило все формально логически, тогда они были бы правы. Но так как общество развивается диалектически, они ошибаются. И здесь фатально лежит в основе ступневывание прин-

ципального различия между предметом и представлением. Такое положение вещей указывает лишь на то, что представления, оценки и теории, одним словом, идеология, которую развивает определенный класс как о себе самом, так и обо всем обществе, отождествляется с фактическими законами, действующими на соответствующий класс и окружающее его общество.

Идеализм поэтому не в состоянии объяснить причинность и, будучи последовательным, должен отрицать его.

Проблема теории и метода.

Здесь с точки зрения исторического материализма существуют два вопроса: 1) определяют ли общественные отношения мнения классов или наоборот; 2) имеют ли эти мнения, т.-е. так называемая идеология, свои имманентные законы? В рядах самих материалистов существует много таких, кто думает, что, во-первых, не всякий род мыслительных образов данного класса относится к идеологии, и, во-вторых, что развитие идеологий течет, согласно двум, мало между собой связанным, рядам законов. Вообще говоря, идеологии, в последнем счете, определяются производительными силами. Но в отдельных случаях господствуют имманентные законы, определяющие историю идей. Согласно такому представлению, исторический материализм может объяснить содержание той или иной философской системы или физической теории лишь постольку, поскольку будут указаны соответствие данных идей времени и их практическое значение для определенных классовых интересов; однако, вывести посредством метода диалектического материализма содержание определенного учения нельзя.

Если бы последнее было верно, то это значило бы, что идеологические процессы определяются двоякого рода закономерностью: логическими законами—с одной, и историческими законами, с другой стороны.* Это не представляло бы двух различных видов закономерности только в том случае, если бы логические законы были бы выведены из исторических, либо были идентичны с ними. Если же их вывести так нельзя, то необходимо вообще отказаться от принципа причинности в этой области, ибо было бы противоречием, что теоретический результат и практическое значение теории, с одной стороны, и содержание ее в ее деталях—с другой, определяются принципиально различными родами законов. Такое недоразумение возникает, главным образом, потому, что исторический материализм обычно рассматривают только как метод, а не как теорию, при чем это имеет место и в наших собственных рядах.

Различие это лучше всего пояснить примером. Если я образу из некоторой функции производную, то я нуждаюсь в различных предпосылках: во-первых, в логических принципах и, главным образом, в законе достаточного основания, во-вторых, в математических аксиомах коммутации (перемещения), ассоциации (соединения), дистрибуции (распределения) и предельных процессов. Но между этими двумя родами предпосылок существует чрезвы-

чайно важное методическое различие. Производная образуется не из логических основоположений, а из математических аксиом. Математические аксиомы не могут быть выведены из формальной логики. Это положение вещей можно выразить следующим образом: логическая форма заключений вывода не является одной из предпосылок этого вывода. Но тут возникает невероятнейший парадокс. Если фигура умозаключения не относится к предпосылке, то она может быть не истиной, ибо для того, чтобы заключение было верным, требуется только верность посылок, а не предположительно форма умозаключения не включается в предпосылки. Тем не менее, если мы пользуемся неверной фигурой умозаключения, выводы, вообще говоря, делаются ложными. Формальная логика совсем не в состоянии разрешить этот парадокс, не в состоянии, потому что он диалектичен.

Чтобы устранить эту невязку, нужно в корне пересмотреть старую формальную логику. В действительности математика не может начаться с арифметических формул. Поэтому, целый ряд талантливейших математиков занялся построением такой совершенно новой логики, которая могла бы удовлетворить требованиям математики, т.е. логики, из которой могла бы быть выведена и арифметика и теория множеств. Эта в высшей степени серьезная и имеющая большое значение работа может считаться в настоящее время если и не совершенно законченной, то во всяком случае вступившей на правильный путь. Все чисто логические, т.е. идеалистические изыскания — включая калкулятивную логику — успокаивались на том положении, что математика не может быть выведена из формальной логики, и что для этого нужны арифметические аксиомы, причем, однако, само выведение происходит согласно логическим законам. Такое разделение — по духу формальной логики — однако, ложно в самой своей основе. Оно по существу означало бы, что логические законы отделены от математических предложений, и тем более от объективных естественных законов непреходимой пропастью, что представляло бы собою совершенно новый вид «логического» дуализма.

Когда хотят спасти имманентную законмерность в истории идей, тогда обычно (согласно результатам нашего общего диалектического опыта) проблему — является ли исторический материализм теорией или методом? — решают следующим образом: исторический материализм не является теорией в строгом смысле этого слова: он представляет собою только метод, учение о способах отыскания действительных исторических законов. Не из исторического материализма, но из самой истории, согласно историческому материализму, следует выводить отдельные исторические законы.

1. По этому вопросу очень поучительно то, что Маркс говорит в предисловии ко 2-му немецкому изданию *Капитала*: «Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может

быть надлежащим образом изложено действительное движение. Раз это удалось, и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то на первый взгляд может показаться, что перед нами амфиорная конструкция».

Что Маркс понимал исторический материализм, или, еще общее, диалектический материализм не только как метод, но и как теорию, ясно из его оценки, которую он дает о своем критике, авторе рецензии по 1-му тому Капитала в «Вестнике Европы» за 1872 г. Он говорит о нем таким образом: «Автор, очертив так удачно то, что он называет моим действительным методом, и отнесшись так благосклонно к моим личным идеям, применяя этого метода, тем самым очертил диалектический метод». Значит, он согласен с изложением рецензента. А рецензент говорит вот что: «Для Маркса важно только одно: найти закон явлений, исследованием которых он занимается». Но понятие закона имеет — по этому автору — два значения: 1) закон управляет явлениями в данное время и 2) закон изменяемости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, из одного порядка взаимоотношений к другому... Для него (Маркса, В.) вполне достаточно, если он, доказав необходимость современного порядка, доказал и необходимость другого порядка, к которому непременно должен быть сделан переход, все равно думают ли об этом или не думают, сознают ли это или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс». Отдельные частные законы, в какой бы то ни было области, имеют смысл только в определенной специальной обстановке. Так, например, увеличение народонаселения не подчиняется тем же законам во всех возможных обществах, независимо от времени и места. «Он утверждает, напротив, что каждая степень развития имеет свой закон разложения». Но есть один закон, который не изменяется: «То, что в экономической жизни происходит, зависит от степени производительности экономических сил... При различных производительности и последствия ее будут различны, а с ними и законы (курсыз мой), ими управляющие». Цель исследования, преследуемую Марксом, он рассматривает «в выяснении тех частных законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и замещение его другим, вышшим».

Ясно, что не все законы могут быть относительными. Должен быть такой закон, который не относителен. И Маркс нашел этот закон в изменении форм производительных сил, т. е. в их развитии и упадке. Но совершенно ясно и то, что этот закон не является лишь формальным принципом исследования, по которому мы обнаруживаем настоящие, т. е. частные законы; напротив, частные законы являются с марксистской точки зрения частными случаями одного общего закона, который уже независим от времени и места, т. е. который имеет значимость по отношению ко всем историческим эпохам. И это не может и быть иначе, так как простое содержание этого высшего закона высказывает факт изменения по определенной, независимой переменной. Если все течет, тогда не имеет смысла говорить о том, что это обстоятельство: всеобщее течение тоже изменяется, так как смена течения означает покой, т. е. отрицание движения. Иными словами: закон изменения производительных сил и наряду с этим и изменение всех других общественных констелляций, как результат изменения

производительных сил, является не только методом исследования, но и общим законом самого общества. Иначе бы мы не могли предположить, что этот метод имеет объективную значимость. В противном случае мы должны были бы стоять на точке зрения экономии мышления, по которой тот или другой принцип имеет лишь субъективную значимость, служа для нас принципом упорядочения явлений. Но находятся ли эти явления в действительности в этом данным нами порядке, есть вопрос, на который мы не сможем дать ответа, стоя на принципе экономии мышления. Резюмируя, мы должны сказать: частные законы суть частные случаи одного общего закона и поэтому они могут быть выводимы из него, если нам даны соответствующие, ограничивающие исторические условия. То же самое касается и природы, но с тем различием, что для нее подобный закон должен быть формулирован еще более обще.

Таким образом при изучении высших идеологических явлений мы должны всегда строго различать два вопроса. Данная научная теория является с исторической точки зрения, в первую очередь, историческим, скажем, культурным фактом. Исторический материализм должен дать ответы на то, при каких обстоятельствах и благодаря каким историческим условиям возникла данная теория. Он должен дать экзистенциальное объяснение этой теории. Между тем, как та наука, в область которой входит эта теория, дает ее логическое доказательство, т.-е. логическую связь ее с общими принципами этой науки. Верна или неверна пифагорова теорема, зависит от того, верны ли те аксиомы геометрии, из которых она следует. Но то, что она возникла в конце VI столетия до нашей эры в греческом обществе в нижней Италии, объяснимо лишь из исторических событий, из экономических условий этой эпохи и этой страны.

Понимание это, как будто, возвращает нас к тому взгляду, неправильность которого мы только что видели. Но это не так! Мы вернулись бы назад только в том случае, если бы мы изъели логику из общей рамки исторического развития (как это, правда, бессознательно до сих пор большей частью и бывало) и представляли бы логику как нечто раз навсегда данное, независящее от времени и места, как вечное состояние человеческого организма. Таким вечным достоянием является не та или другая логическая система, например, аристотелевская, — а самая мыслительная способность человека вообще. Логика не тождественна с этой способностью, а есть лишь рефлексия на нее. Но это не значит, что логическая способность не изменяется! Она, конечно, изменяется. Но еще сильнее изменяются теории о ней. И как каждая теория о действительности, в том числе и теории о мышлении, — логика, — является лишь приближенным отражением действительности, т.-е. ее большая или меньшая адекватность зависит от исторических условий. Эти теории о мышлении приспособляются к данному материалу и строятся так, чтобы из них можно было бы вывести как можно больше проверенных опытных истин, при этом наивысшим видом достоверности всех теорий считается способность предсказания из них будущего.

К уже сказанному надо еще добавить один, существенно важный, пункт. Самое человеческое мышление, — если мы понимаем его не в качестве потенциальной способности, а как актуальную деятельность, как

реальную практику,—подвержено развитию. Зачатки диалектики, например, уже налицо в гераклитовской философии и все-таки нельзя сказать, что эта диалектика такова же, как, например, Гегелева или Марксова. Логика,—в этом прав Кант,—со времени Аристотеля не сделала ни одного шага назад, т. е. все законы ее остаются и в настоящее время в силе. Но он не прав в том, что логика с того времени до него не сделала ни одного шага вперед, так как академическая логика, схоластика, логика Декарта, Лейбница, Канта, Гегеля и Маркса, чтобы упомянуть лишь самые важные моменты, означали крупные шаги вперед. Уже одно то положение декартовской логики, что формальная логика не в состоянии доставлять экзистенциальные доказательства, было в высшей степени важно и Кант сам использовал это положение. Развитие логики шло по такому пути, что первоначальные законы формальной логики, например, принцип противоречия, были подвергнуты основательной критике и было выяснено, что они не имеют безграничной значимости, а остаются в силе лишь в определенной, ограниченной области, например, для покоя. Вся идеалистическая путаница, по существу, сводится к тому предрассудку, что, будто бы, человеческий разум представляет собой какую-то раз навсегда данную, вечную систему, априорный остов всей вселенной. Но достаточно посмотреть хотя бы этнографические описания способа мышления первобытных людей и сравнить с ними наш собственный способ мышления в XX столетии, чтобы убедиться в абсурде такого рода взгляда (смотри весьма богатую литературу, напр., книгу Levy-Bruhl'a: *Les fonctions mentales des peuples primitifs*).

История общества и история логики.

Ход исторических событий свидетельствует о том, что формула, которой мы закончили предыдущий отдел, не верна. Исторические события представляют собою элементы того процесса, закономерность которого хотят выразить исторические теории. Фактические события являются объектом исследования и образуют последнюю инстанцию проверки теорий, подобно тому, как в физике найденные экспериментально факты дают как материал для теории, так и ее проверку. Вывести что-либо можно только из более общих объективных материальных отношений. Каковы бы ни были возникшие на основании опыта общие законы, остальные частные законы должны быть выводимы из этих общих законов. Мы сможем вывести из исторического материализма специальные законы только в том случае, если мы станем рассматривать его как теорию. Правда, исторический процесс часто протекает в обратном порядке. В большинстве случаев сначала находятся специальные законы и только позднее общий. Однако между простым нахождением закона и его систематическим выводением существует значительная разница.

Итак, если мы согласимся с тем, что исторический материализм представляет собою столь же теорию, сколько и метод, то мы должны будем отрицательно ответить на вопрос об имма-

нентной закономерности идеологии. Содержание идеологии нужно вывести имманентно из логических принципов, но эта имманентность всегда останется относительной. Она будет представлять собою следствие из принятой логики; но в этом случае сама, принятая в качестве масштаба, логика будет являться историческим продуктом, уничтожающим прежние логические теории, созданные для иных научных целей и уничтожаемые позднейшими, как устаревшее орудие, не удовлетворяющее больше новым достижениям науки. Так исчезает противоречие между логической имманентностью и исторической зависимостью.

История логики полностью подтверждает такой взгляд. В эпоху Аристотеля из естественных наук, если мы оставим в стороне математику, существовали только описательные. Для нужд описательной систематизации Аристотель и создал формальную логику. Однако уже в средние века последняя перешла в метафизическую логику. Со времени Ансельма главную заслугу логики стали усматривать в логическом выведении доказательств бытия божия. Это была формально старая, но по существу уже радикально другая логика, так как к имеющимся уже налицо аристотелевским принципам был прибавлен новый, а именно, что из понятия необходимого объекта или совершенной сущности следует бытие этой сущности. Лейбниц расширил круг логических основоположений важнейшим из них законом достаточного основания и был основателем калькулятивной логики. Гегель придал закону противоречия совершенно новый смысл. И нужно быть слепым, чтобы не видеть, что в ходе развития логика переживала не менее радикальные перевороты, чем положительные науки, и эти перевороты возникали из того же источника, а именно из общего расширения научного горизонта и из вновь открытых фактов.

Мы должны сказать, что исторический материализм может совершенно устранить предпосылку о логической имманентности. Однако, вполне естественно, что в этом случае он должен стать на чрезвычайно трудный путь. Историческим вопросом в строгом смысле является вопрос лишь о том, каким общественным потребностям отвечала данная научная теория или идеология, т.е. из какой исторической необходимости она возникла. Специальное содержание нельзя вывести непосредственно из общественных отношений. Подобная попытка была бы даже бессмысленной: как можно, например, вывести Лапласовское дифференциальное уравнение из производственных отношений начала XIX столетия? Лапласовское уравнение выводимо только из понятия правильной аналитической функции многих переменных, которая имеет производные первого и второго порядка. Чтобы иметь возможность оперировать с такими функциями, нужно развить аппарат исчисления бесконечно малых, что требует новой подходящей сюда логики. Однако целое этого исследования было обусловлено развитием техники. Итак мы упираемся здесь в развитие производительных сил.

Анализ бесконечно-малых возник в то время, когда предпосылки для перехода от мануфактуры к крупному машинному производству были уже налицо. Но мало этого, самая мануфактура не могла бы развиваться, если бы она не получила сильной помощи со стороны математики. Старая математика

не могла оказать ей этой помощи. Тем непосредственным источником, который вывел математику на широкую арену, было развитие военного искусства и производства вообще (Engels. 403. Ист. мат. Адоратский). Употребление пушек связано с исчислением траекторий снарядов, а последнее невозможно без исчисления скорости и ускорения или замедления. Галилей, открыв законы свободного падения и прямого и наклонного бросания тел, немедленно стал применять эти законы к военным целям. Связь между открытием физико-математических законов и общественными отношениями здесь ярко бросается в глаза. То, что Галилей еще не открыл общих законов дифференцирования и интегрирования, объясняется тем, что последние — как общие методы — не были необходимыми для исчисления бросания, которое представляет собою еще сравнительно простую проблему. Но существовала и другая наука, не менее связанная с практикой и необходимая для нее, чем военное искусство, это — астрономия. Она была необходимой для плавания в открытом море и для целого ряда других жизненных интересов. Небесные тела, как показал Кеплер, движутся по эллипсам, и вообще по коническим сечениям. Исчисление центростремительных сил и полученных от этих сил ускорений без анализа бесконечно-малых уже очень трудно и возможно только в элементарных случаях. Исчисление объема и контура круга, эллипса, параболы и гиперболы без знания общего метода интегрирования весьма сложно и требует много времени. В области же электро-динамической теории вообще нельзя обойтись без анализа бесконечно-малых.

Таким образом, доказывать какую-нибудь математическую теорему — как это само собой разумеется — возможно только из математических соображений. Но метод, употребляемый математикой, зависит от тех объектов и от тех отношений, которые математика должна исследовать. Каковы же те предметы, явления и отношения, которые исследует математика, это, в конечном счете, определяется всегда состоянием производительных сил. Итак, хотя и никак невозможно вывести лапласовское уравнение непосредственно из существовавшего в то время состояния производительных сил, но зато можно вывести потребность в исчислении бросания, объемов и контуров конических сечений и всех других проблем, являющихся условием открытия самого этого уравнения. Старая математика не могла удовлетворить этим требованиям. Необходимо было найти новый подходящий прием.

Что как раз метод бесконечно-малых ведет к цели, можно объяснить исключительно из самого содержания понятия бесконечно-малых. Но это вовсе не обозначает, что понятия дифференциала и интеграла какие-то априорные достояния нашего сознания. Идея непрерывного перехода явлений является отражением самой действительности, как она дана нашим чувствам и органам непосредственно. Трудовые процессы, будучи механическими или химическими, непосредственно дают образы и примеры непрерывности, даже и в том случае, если современное определение непрерывной функции должно уступить место какому-то другому, более отвечающему действительности (теории квант). Но ту же самую непрерывность наблюдал уже Архимед, и все же он не открыл общих правил бесконечных операций. Не открыл потому, что господствующим классом в его эпоху была

ратская аристократия, покорившая его родину, а не греческая буржуазия, которая нуждалась в этом открытии, но развитие которой как раз со времени Архимеда было прервано римским покорением. Имел бы этот класс те приемы военной и производственной техники, которые детерминируют и обуславливают развитие высшей математики и теоретической физики, римская аристократия или вообще не могла бы покорить Востока, или, даже, если бы она покорила его, ход исторических событий сформировался бы иначе. Римская аристократия была бы или свергнута, или растворилась бы в буржуазном обществе, приблизительно так, как это произошло 2000 лет спустя в Англии. Таким образом открытия, и даже самые решающие для человечества, не возникают случайно, как бы из головы гения, стоящего вне и независимо от того общества, в котором он живет.

Таким образом самая история математики дает наименее авторитетнейшее опровержение идеалистической догмы, будто бы математика развилась самостоятельно, оторванно от общественных детерминирующих факторов, как какая-то сверхнаука. И если даже в математике нельзя найти ничего априорного, то, само собой разумеется, еще меньше могут идеалисты надеяться найти его в какой бы то ни было другой области знания... (Об общем ходе диалектического развития человеческого мышления в XVII—XVIII веках мы дадим в дальнейшем подробный анализ.)

Глубоко характеризует гениальность мышления Маркса, с которой он всегда умел охватить сущность дела, его понимание математики. Из переписки Маркса и Энгельса мы знаем, что он долго и усердно занимался математикой. Надо прочесть письмо Энгельса к нему 18 августа 1881 г., где Энгельс с восторгом откликнулся на достижения Маркса в области анализа бесконечно-малых. Маркс в письме 8 января 1868 г. пишет Энгельсу, что при разработке вопроса о заработной плате ему помогало то, что в высшей математике часто встречаются подобные формулы. В письме 30 мая 1873 г. Энгельс рисует Марксу свои попытки применять диалектику в физике и химии. Из изданных сочинений он подробнее всего занимается вопросом о применении диалектики математике и естествознанию в своем «Анти-Дюринге».

Но из письма 18 августа 1881 г. уже ясно, что Маркс отправил Энгельсу свои математические рукописи, которые еще мало известны. Одна из них занимается теоремой Тэйлора и Мак-Лорена и теорией аналитических функций Лагранжа.

В целях общей характеристики математических работ Маркса необходимо констатировать следующее. Маркс стремился в них дать дифференциальным выражениям первоначальную простоту и ясность, чтобы с помощью этого вскрыть их таинственный характер, как это и всегда является задачей науки. Он пытался достигнуть этой ясности посредством сведения дифференциальных операций на арифметику дифференциального исчисления. Что он понимал под этим, можно установить только путем тщательного филологического анализа текста. Масса собственных выводов убеждает в том, что он старался каким-то образом свести Тейлор-процесс к более простой «первоначальной», т. е. ближе стоящей к опыту, идее.

Маркс ясно отдавал себе отчет в том, что здесь зарыта огромная и темная проблема, и он взял на себя попытку ее разрешить.

Наше стремление к принципу совпадает с Марксовым. Не зная раньше об аналогичных стремлениях Маркса, мы уже много лет пытались раскрыть эту тайну, идя методически по тому же пути, что и Маркс. Маркс — о чем можно догадаться из рукописи — надеялся найти корни исчисления бесконечно-малых в арифметике. Понятие предела не является арифметическим в обычном смысле этого слова, понятием и, следовательно, не может быть выведено из элементарных арифметических операций. Оно до сих пор не являлось ни теоремой арифметики, ни постулатом, ни определением; и притом таким определением, которое, будучи прибавлено к арифметическим, позволит дедуктировать математику бесконечно-малых без каких бы то ни было дальнейших допущений. Маркс, вероятно, думал, что к высшей математике можно подойти, исходя из одних только арифметических определений, не прибавляя к ним ничего нового (именно, определения предела). В этом убеждают многочисленные попытки и целый ряд выводов, которые он делал, направленных к тому, чтобы достигнуть понятия предела.

Маркс догадался, что арифметические аксиомы — хотя они и являются аксиомами в области математики — не представляют собой аксиом вообще, *par excellence*: они являются теоремами логики, где они выводятся из более общих истин (и действительно были выведены после Маркса), при чем последние в своей значимости не ограничиваются только числами. Мы думаем, однако, что никто не мог бы оспаривать у Маркса, который не был присяжным математиком, заслугу плодотворной идеи. Особенно, если мы припомним, что 40 лет позже Пеано вывел арифметику из аксиом натуральных чисел.

Маркс был основателем новой логики. И таким образом ему не препятствует и, наоборот, вполне гармонирует с его идеей вовлечь и логику в разрешение этого сложного вопроса. Маркс открыл, что логика не является раз навсегда данной готовой наукой и так же подтверждена историческому процессу развития, как и все другие области знания. Предметом логики являются те законы мышления, которые мы фактически применяем при анализе действительности. Вполне понятно, что эти действительные законы мы должны строго отличать от относящихся к ним формул, т.-е. от соответствующих им теорий. Здесь господствует та же критическая точка зрения, как и в области физики. Физические объекты и их отношения отличаются от выставленных для их объяснения теорий, являющихся их приблизительным отражением. Физическая действительность всегда истинна; она существует так, как она существует. Теории же могут быть неверными или недостаточными; и на самом деле мы видим, что они недостаточны. Точно так же обстоит дело и в области законов мышления. Это же означает, что логические теории являются продуктом общего состояния соответствующей эпохи и ни в коем случае не представляют собой чего-либо прочного и неизменного. Последнее убедительно показывает история логики.

Что исчисление бесконечно-малых невыводимо с помощью Аристотелевой логики, это математики предчувствовали уже давно. То обстоятельство, что им не удалось до настоящего времени ясно осознать это, является историческим фактом, который имеет свои сложные исторические причины. Они никогда не могли избавиться от ошибки смешения реальных законов мышления с относящимися к ним теориями. Весьма вероятно, что в рамках

классового общества для мыслителей из господствующих классов такое разграничение вообще невозможно.

Если же все-таки верно, что законы мышления и относящиеся к ним теории мышления не являются одним и тем же, то и проблема математики у Маркса получит неожиданное очевидное разрешение посредством выдвинутой Марксом идеи. Бином сделался известным для математиков после долгих и трудных эмпирических исследований и попыток. Но является ли он также общезначимым, а именно применимым и к тем случаям, которые по одиночке не исчисляются, так как эти отдельные случаи представляют бесконечность, можно решить только с помощью доказательства. Доказательство предполагает логику. Но какую? Дифференциальные операции и их законность невозможно доказать с помощью силлогизмов. Таким образом, если мы станем на ту точку зрения, что кроме аристотелевской логики нет никакой другой, более совершенной, т. е. вернее и полнее отражающей операции мышления, что аристотелевская логика есть не только теория мышления, но и само мышление, то мы должны будем последовательно отрицать за исчислением бесконечно-малых всякий смысл и значение (как, напр., вполне последовательно делал это Беркли. См. его «Трактат о началах человеческого знания»). Это же будет означать, что факты будут принесены в жертву ради теории, которой она противоречит.

Поэтому, если не хотят стать на такой бессмысленный путь, то не остается ничего, кроме признания, что каждая познаваемая из опыта и делающая эпоху истина, давая начало новой отрасли науки, вызывает тем самым революцию в логической теории. Наиболее крупной из всех этих логических революций было открытие диалектической логики в современном смысле этого слова. Но и она является продуктом развития и была создана с целью логически осветить те эмпирические истины, для которых аристотелевской логики было недостаточно.

С этой точки зрения, разумеется, нет никакого смысла говорить просто о ложности формальной логики с точки зрения Маркса. Формальная логика не неверна, а недостаточна. Она имеет значимость только для определенной области действительности, или, точнее, для определенной стороны действительности. Поскольку мы исследуем определенные свойства вещей самих по себе, независимо от предшествующего и последующего, она остается в силе. Таким образом она имеет значение для аристотелевского описания природы, но неспригодна, например, для современной биологии или для теории функции. Маркс старается дать основным теоремам исчисления бесконечно-малых новый фундамент, более прочный и «waldungsprünglich», чем дал Лагранж. Тем самым он уже предполагает недостаток старого метода, обоснованного на формальной логике. Логические теории всегда раскрывают только один сегмент действительности и для этого момента они имеют значимость. Если же в ходе исторического развития начинают активно выступать новые функции мышления или же значительно расширяется круг действия старых, то пересмотр существующих теорий логики делается неизбежным.

В высшей степени важно и даже удивительно, что Маркс указывает в качестве содержания уравнений на дифференциальные символы. Такое

представление вполне ясно не осознано большинством математиков и до настоящего времени. Последовательно приводимое это представление означает в математике новое понятие множества, гораздо более общее по сравнению с тем, с которым оперирует современная математика до настоящего времени. Символы являются символами целых множеств, а не единичных значений соответствующих множеств. Операции с ними (а это представляет собою вся теоретическая математика) дают нам возможность, вместо того чтобы заниматься отдельными значениями и их отношениями, оперировать в одном мыслительном акте сразу с целой совокупностью этих значений. Можно легко оценить всю огромную роль этого, если мы припомним, что математически важные множества (напр., натуральные числа, реальные числа и т. д.) всегда являются трансфинитными множествами.

Таким образом, математика свидетельствует об одной из замечательнейших способностей человека: именно—извлекать с помощью символов бесконечные заключения посредством конечного количества приемов.

Маркс строго различает объективный процесс мышления от тех теорий, которые человечество создает об этом процессе. (См. письмо к Кугельману. Русск. изд. Стр. 154). Это одна сторона дела. С другой стороны, он в том же письме указывает и на то, что этот объективный процесс сам не остается неизменным. Форма и проявление законов сами изменяются в зависимости от данного состояния производительных сил и всех вызванных ими социальных отношений, которые связывают производство с изменением законов идеологии.

Накопец, мы приведем одно место из сочинения современного крупного математика. Германа Вейля, чтобы доказать, что Маркс не гопился за химерами, а, напротив, его математические идеи только в настоящее время начинают приобретать то влияние, которое в недалеком будущем—если все признаки не обманчивы—будет давать сильно чувствовать себя в области математики. Работа Вейля вышла в 1918 г. с заглавием: «Das Kontinuum. Kritische Untersuchungen über die Grundlagen der Analysis. Вот что он говорит: «Erst im Zusammenhang mit allgemeinen philosophischen Erkenntnissen zu denen ich mich durch die Abkehr von Konventionalismus durchdrang,... gewann ich die feste Ueberzeugung (in Uebereinstimmung mit Poincaré, so wenig ich dessen philosophische Stellung im Uebrigen teile), dass die Vorstellung der natürlichen Zahlenreihe ein letztes Fundament des mathematischen Denkens ist,—trotz der Dedekindschen «Kettentheorie», die darauf hinzielte, die Definition und den Schluss durch vollständige Induktion syllogistisch ohne Benutzung dieser Anschauung zu begründen... Ich erblicke das grosse der Mathematik gerade darin, dass in fast allen ihren Theoremen das seinem Wesen nach Unendliche zu endlicher Entkleidung gebracht wird, diese «Unendlichkeit» der mathematischen Probleme beruht aber darauf, dass die unendliche Reihe der natürlichen Zahlen und der auf sie bezügliche Existenzbegriff ihre Grundlage bilden. (Seite 37.) (Курсив Вейля).

Нам думается, что каждому беспристрастному человеку ясно, что это то же самое, о чем говорит Маркс. Вейль, крупный современный математик, выдвигает в настоящее время идею сведения высшей математики, ее основного понятия — непрерывности, к элементарной арифметике, т.-е. к простым

законам натуральных чисел, и, таким образом, растворить понятие иррациональности в понятии рациональных чисел, которое представляет собой обобщение натуральных чисел.

Из переписки Маркса и Энгельса, главным образом из письма Энгельса 18 августа 1881 г. и из соответствующей главы Анти-Дюринга ясно и то, что между Марксом и Энгельсом в вопросе о диалектике в области математики и физики никакого разногласия нет, как бы ни усердно стремились некоторые марксисты конструировать такое разногласие. Вместе с этим будет и неизбежно порвать с легендой, будто Маркс ничего ценного не совершил в области математики.

Базис и психология.

Чтобы понять общественную причинность в ее основах, мы должны еще рассмотреть проблему и с другой стороны. Диалектический материализм исходит из основной предпосылки, что сознание по отношению к бытию есть вторичное явление. Ленин в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» говорит следующее: «Объективная логика этих изменений (в технике производства) и их исторического развития — объективная не в том смысле, чтобы общество сознательных существ, людей, могло существовать и развиваться независимо от существования сознательных существ (курсив В.), а в том смысле, что общественное бытие независимо от общественного сознания людей...» (Собр. соч., том X, стр. 274 — 5). И дальше: «сознание есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное), идеально-точное» его отражение» (там же).

Энгельс говорит об отношении бытия к сознанию в своем известном письме к Мерингу следующее: «Я должен указать только, что нехватает одного пункта, на котором ни Маркс, ни я в своих работах не останавливались достаточно подробно. В этом отношении мы все виноваты одинаково. А именно, мы переносили и должны были переносить центр тяжести на то, чтобы выводить политические, правовые и прочие идеологические представления и действия, на которые эти представления влияли, из экономических основных фактов. При этом из-за содержания не обращали должного внимания на формальную сторону, какими образом эти представления и т. д. возникают». И дальше он добавляет: «человек имеет дело исключительно только с материалом мыслительным... он считает, что этот материал порожден мышлением... так как всякое человеческое действие основано в последнем счете на мышлении, потому что совершается посредством мышления. (Курсив мой. А. В.)... У исторического идеолога в области каждой науки имеется известный материал, который образовался самостоятельно из мышления прежних поколений и прошел ряд ступеней самостоятельного развития в мозгу этих следовавших одно за другим поколений... Гегель «преодолевал» Канта и Фихте,... Руссо... Монтескье... Победа физиократов и Адама Смита над меркантилистами кажется простой победой мысли, а вовсе не отражением в области мышления изменившихся экономических фактов, и представляется достигнутым, наконец, истинным пониманием неизменно и повсюду существующих фактических условий... На эту сторону дела... все мы обратили внимания меньше, чем она того заслуживает. Это старая

история: вначале всегда из-за содержания не обращают внимания на форму. Я сам это делал, как уже сказано, и ошибка бросилась мне в глаза уже после».

Из этого, чрезвычайно важного замечания Энгельса можно очень ясно понять его мнение о связи общественного базиса и надстройки, по крайней мере в основных чертах. Общество состоит из двух основных составных частей: 1) из физической действительности, т.-е. из тех частей природы, которые могут вступить в область и круг действия данного общества в данное время; 2) из психо-физических субъектов, которые, с одной стороны, стоят под действием этих частей природы и изменяются под ее воздействиями, и с другой — при помощи своего труда непрерывно изменяет эту часть природы. Последний процесс и называется общественным производственным процессом. Энгельс говорит о формальной стороне проблемы этого взаимодействия, как о забытой Марксом и им, благодаря содержанию, которое заключено в этом процессе. Плеханов называет эту формальную сторону связи общественной психологией. «Чтобы понять историю научной мысли,—пишет он,—или историю искусства в данной стране, недостаточно знать ее экономию. Надо от экономики перейти к общественной психологии (курсив Плеханова), без внимательного изучения и понимания которой невозможно материалистическое объяснение истории идеологии... Раз возникнув на почве общественного бытия, формы их сознания составляют часть истории... Нет ни одного исторического факта, который своим происхождением не был бы обязан общественной экономике, но не менее верно, и то, что нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания. Отсюда — огромная важность общественной психологии... без нее нельзя сделать ни шагу в истории... философии и проч.» (Критика книги Лабриолы: «Essais sur la conception materialiste de l'histoire». Гл. V. 3 абзац).

У Энгельса есть и дальнейший шаг в направлении к такого рода психологическим исследованиям (именно, в социальной психологии). Он называет это исследование формальной стороной вопроса в отличие от материальной, под которой он понимает анализ экономической структуры общества.

Мы хотим несколько ближе рассмотреть эту формальную сторону вопроса. Психология и до сегодняшнего дня еще не развилась до того, чтобы стать точной наукой. И обычно различают между индивидуальной и общественной психологией. Из общественной психологии пока существует почти только одна психология первобытных народов (так называемая «Völkerpsychologie»). Но и эта последняя, по крайней мере в той форме, в какой она налицо перед нами, вряд ли может быть названа научной психологией. Большую часть ее составляют: этнография, описание обычаев, методов мышления, моральные, религиозные и юридические мировоззрения первобытных народов. Причинное объяснение возникновения и развития этой примитивной идеологии существует только в самом зачатке.

Энгельс счастливым чутьем гениального исследователя предначертал путь для плодотворнейших исследований. То, что он называет формальным исследованием, в современной психологии называется обычно исследованием психологических функций. Понятие психологической функции до сего времени очень туманно и неопределенно. В области психических явлений различают целый ряд этих функций: ощущения, восприятия, воображения, память.

представления, понятия, чувства, аффекты, волевые акты и т. д., так что, например, если я имею перед собою предмет в его телесности, то содержание возникшего таким образом индивидуального восприятия отличается от акта переживания, как функции. Таким образом психический акт и есть функция. Энгельс строго различает между двумя вещами. То, что все человеческие действия в последнем счете основаны в мышлении, означает совершенно иное, чем то, что эти действия совершаются посредством мышления. При этом различии ясно выявляется весь смысл и огромное значение формальной проблемы. Очевидно, что мы не можем произвести никакого сознательного действия без психо-физической деятельности связывания представлений. Эта зависимость действий от психических синтезов (ибо последние и есть эти функции) не означает еще, по Энгельсу, причинной зависимости. Уже понятие психического синтеза должно было бы направить идеалистов на правильный путь, если бы этому не воспрепятствовали ненаучные представления. Психические функции вообще не в состоянии вызвать причинно какого-либо действия. Было бы коренной ошибкой, объяснимой только благодаря неясности понятия психической функции, придерживаться, как само собою разумеющейся, противоположной точки зрения. Тем не менее эта ошибка долается весьма часто. Понятие психической функции представляет собою такую же совокупность, как понятие функции вообще. Смехотворно говорить, что содержания формулы, в которой выражается закон Ньютона, вызывает явления тяготения. Таким же абсурдом является подобное утверждение и относительно психических функций. Разумеется, при этом нельзя отождествлять оба понятия функций (математических и психических), однако в этом одном пункте они вполне совпадают.

Существуют только единичные представления, но не самостоятельная функция «представлять». Определенные группы переживаний мы называем восприятиями, представлениями и т. п.; они могут быть делимы на такие группы только потому, что они относятся к одинаковым психическим функциям (совокупностям). Отдельные содержания не производятся функцией, т. е. содержания переживаний и их функция не стоят в связи следствия к причине. Не функция создает отдельные содержания сознания, а, наоборот, отдельные содержания сознания дают повод для образования известных психологических совокупностей. Такое образованию совокупностей, разумеется, никоим образом не является произвольным. Чтобы иметь возможность быть сгруппированными в функцию, отдельные содержания сознания должны иметь одно и то же «формальное» свойство — принадлежать к одному и тому же виду функций. Однако не свойство вызывает предмет, а предмет — свойство. Поэтому порядок причинной зависимости представляется следующим образом: действие — содержание переживания — психическая функция. И таким образом различие, установленное Энгельсом между причинной зависимостью действий от мышления и совершением действий посредством мышления, является вполне обоснованным. Между тем идеалистическая концепция вынуждена принимать порядок зависимости: —

действие, — содержание переживания — функция — в обратной последовательности и в качестве *primus motor* ¹⁾ рассматривать функцию. (Однако такое, совершенно последовательное переворачивание ряда мы можем встретить только у наиболее последовательных великих идеалистов (другие, в том числе Кант, Мах, Авенариус стараются «примирить» эту альтернативу, — попытка, неминуемо обреченная на неудачу.) И в самом деле здесь неизбежно возникают чрезвычайно большие трудности для идеалиста. Они состоят в том, что идеализм, для того, чтобы представить причинную зависимость троицы — действие — содержание переживания — функция — в обратном порядке, т.-е. чтобы получить возможность из факта функции создать отдельные психические содержания, должен обратиться за помощью к чрезвычайно большим метафизическим гипотезам. Так, например, чтобы вывести материальное из формального, Платон должен был принять мистическую теорию анамнезиса, по которой наши знания представляют собою воспоминания из прошлой жизни души. Очень оригинальна, но не менее метафизична, попытка решения, сделанная Лейбницем. Согласно ему монады суть представляющие и устремляющиеся сущности, т.-е. нематериальные непротяженные субстанции. Каковы же содержания представлений этих сущностей? Они отражают универсум. Но так как это отражение возникает не благодаря действию универсума на монады (монады не действуют друг на друга. — «они не имеют «оков» друг против друга»), то нет никакого другого выхода, кроме принятия предустановленной гармонии монад. Эта гармония должна состоять в том, что монады устроены так, что хотя они и действуют друг на друга, но содержания их переживаний однородны и имеют свою основу в одной и той же организации универсума. Каждая отдельная монада есть не что иное, как «закон продолжения своих действий» (*lex continuationi ser. ei suarum operationum*). Это значит, что, в конце концов, все, что происходит в одной монаде, возможно понять только из нее самой, т.-е. из представляющего ее закона. Таким образом Лейбниц пытался вывести все содержания монад из вида ее функций (*lex continuationis*). Само собою понятно, что Лейбниц взял понятие функции, — поскольку он его превратил в понятие гармонии и обобщил, — в гораздо более широком смысле, чем его понимают в математике. Согласно ему, монада, как мы уже указали, представляет собою закон (*lex*), из которого выводится ее действия, где *lex*, однако, означает гораздо больше, чем в естествознании. Математическое выражение закона в естествознании представляет собою символ, не имеет никакого самостоятельного существования и является только сокращенным способом выражения двух параллельных числовых таблиц, из которых одна выражает значения независимой переменной, а другая — относящиеся к ним значения зависимой. Существуют только эти координированные отдельные значения; их отношение — закон — существует только вместе с явлениями и внутри их. Так как мировые явления принимаются за протекающие непрерывно, то разумеется, что непрерывные таблицы их содержат число отдельных значений, равномошное непрерывности (континууму). Благодаря этому и объясняется не только неощутимая польза, но и антропологическая неизбежность пользования символами — функциями. У Лейбница же понятие

¹⁾ Первого двигателя.

функции имеет метафизически расширенный смысл. Его *lex seriei* представляет собою не только закон, который выражает мировые явления и представляет собою сокращенную форму бесконечной таблицы этих явлений, но также и действующий закон, т.-е. такой, который сам вызывает отдельные явления. Чтобы быть в состоянии выставить такое смелое расширение понятия функций, он, конечно, должен был прокламировать господство одного единственного генеративного закона, ибо именно это и означает предустановленную гармонию.

Не будем долге останавливаться на критике лейбницевской концепции гармонии; это мы сделаем при изложении самой системы Лейбница. Заметим лишь, что после-лейбницевская философия только в виде исключения вынуждает мыслителей, которые с такой беспримерной неустрашимостью доводили до конца все логические следствия из исходной идеалистической точки зрения (например, Гегель). Заметим также, что монадология содержит в себе в зародышевой форме все элементы позднейших идеалистических систем, включая сюда и диалектику.

Возвращаясь к нашему исходному пункту, мы должны установить следующее. Если теория о порядке тройного ряда, в той форме, как она следует из монадологии, как из наиболее последовательного типа идеализма, неверна, то из этого следует истина материалистического учения. Как уже выше было рассмотрено, идеалистические следствия всякой априорной теории сознания не совместимы с реальной значимостью принципа причинности. И из монадологии тоже с полнейшей необходимостью следует невозможность всякой причинной связи. Закон причинности для нее может означать только феноменистический смысл. Как это очень выразительно сказал Лейбниц: причинность есть закон феноменов, хотя эти феномены представляют собою «*phaenomena bene fundata*».

Если трудность выведения отдельных событий из понятия функции так велика, что при последовательном проведении она влечет за собою отрицание пространственно-протяженной действительности, то трудность материалистической попытки выполнить обратную задачу не менее серьезна. Прежде чем приступить к этой работе, мы должны отдать себе ясный отчет в том, что и из чего требуется вывести. Мы уже говорили выше, что понятие психологической функции совершенно не совпадает с понятием математической. Математическая функция представляет из себя только символ. И теория математических функций исключительно номиналистична. Существуют лишь бесконечно параллельные ряды событий, а не обнимающая их формула. Но если мы выйдем из области математики и вступим в область физики, тогда на место математической функциональной зависимости вступает причинная зависимость. С точки зрения идеалистической они тождественны, но не с материалистической; ибо согласно последней реальны не только фигурирующие в таблицах отдельные события, но и связывающая их причинная зависимость. Само собою разумеется, что зависимость событий сама не может быть событием, ибо тогда было бы невозможно понять самую зависимость двух простейших событий. В самом деле, если *a* и *b* суть простые события, зависимость которых обозначим через *a*₁, при чем последняя сама представляет собою событие, тогда между *a* и *a*₁ должна будет существовать

зависимость a_2 , а между a_1 и b —зависимость a_3 , что влечет за собою *regressus in infinitum*. Что же такое тогда представляет собою зависимость? Ответ один—она есть отношение реальное между a и b .

Несмотря на то, что философское толкование понятия отношения еще долго не будет нами изложено, мы все же должны будем сейчас же сделать различие между физической и психической зависимостью. Отношение между физическими реальностями и их зависимостью, которая также действительна, как отношение, представляет собою нечто иное в сравнении с психическими данностями и их зависимостями. Как мы уже показали, физическая зависимость между событиями сама не является событием, а есть только реально существующее с ними отношение событий. В психологической же области зависимость есть и отношение событий и сама является событием среди остальных. Т. н. «пережиток» например, помимо того, что он представляет собою отношение, сам является некоторым психическим событием. Он является социально-психологической функцией и, как все психические функции, представляет собою действительное событие. Что это так, доказывает следующее соображение. Я констатирую, например, что я переживаю некоторое чувство; в таком случае я не только переживаю это чувство, но и воспринимаю его. При простом переживании чувства во мне палицо только чувство. Если же я его и воспринимаю, то это воспринятое чувство делается предметом восприятия, т.-е. кроме чувства существует еще также и восприятие чувства. Этот пример дает хорошее представление о сущности психической функции. Если я переживаю некоторое чувство, то я ничего не знаю о нем, ибо тогда я воспринимаю не чувство, а предмет, на который обращено чувство. Конечно, если я ничего не воспринимаю о чувстве,—я не могу воспринять и мою деятельность «чувствования». Если же я воспринимаю чувство, то содержание этого чувства сделалось предметом восприятия. И если я сравниваю между собою многие чувства, то я имею в качестве предметов одного направленного на них восприятия целый ряд чувственных содержаний. В этом последнем восприятии, резко отличающемся от восприятия единичного чувства, я непосредственно созерцаю, на основе различных чувственных содержаний, их общий функциональный характер, он является предметом моего самонаблюдения через внутреннее восприятие. Таким образом функция сделалась предметом непосредственного восприятия. Однако положение, что только события могут быть воспринимаемы, является элементарной психологической истиной. Отсюда вывод—психологическая функция есть событие, есть переживание чего-то реального. Но так как выше уже было выяснено, что психологическая функция означает прежде всего отношение, то мы встаем перед замечательным явлением, образующим специфическую черту психологии. Я должен обратить внимание читателя на то, что этот важный результат примыкает к различению т. н. Бухарина логических и реальных совокупностей (см. «Теория ист. материализма». Гл. IV).

Теперь мы уже сможем дать точный ответ о причинности психического. Выше мы выразили эту причинную зависимость в форме тройного ряда:—

действие,—содержание переживания—функция¹⁾. Мы обосновали направление причинной связи от содержания переживания к функции. Для этого мы выставили вспомогательную посылку, которая состоит в следующем: из двух психических явлений то является реально предшествующим, восприятие которого принадлежит низшей ступени. Так, восприятие отдельного чувства представляло собою акт более низкого порядка, по сравнению с восприятием, в котором мы сравнивали различные чувства. И так как восприятие функции, т.е. общего чувствам, представляет собою более сложный акт, а восприятие одного отдельного чувства уже предпосылается, как его составная часть, то из этого следует, что функция—восприятие—детерминировано содержанием отдельных переживаний. Ибо если два предложения одно по отношению к другому стоят в рациональной зависимости, то предметы их стоят в причинном отношении. Чтобы устранить возможные недоразумения, нужно еще добавить, что хотя психическая функция и должна быть рассматриваема, как нечто идентичное с общностью всех переживаний одного класса, но ни в коем случае не может быть понимаема, как нечто определенное через эту общность.

Исходя из изложенного, мы теперь сможем установить понятие функции значительно более строго. Согласившись с основным положением, что реально существующее сознанию имеет ступенчатую структуру, мы можем сказать, что психический акт (функция) представляет собою такое реальное переживание, наличие которого сообщается нам в восприятии следующей более высокой ступени, нежели самое содержание акта.

При помощи всех этих соображений мы достигли, наконец, того единственного пути, для по которому, как нам кажется, можно научно разрешить проблему. Нужно вывести психические функции из содержаний. Однако предварительно мы должны упомянуть еще одно существенное свойство психических функций, которым они резко отличаются от математических. Математика знает только рациональную, но не причинную связь. Если дана $f(x)$ однозначная функция y , тогда можно говорить и относительно обратной функции $x = \varphi(y)$. Это значит, что если у нас есть две таких бесконечных таблицы, что каждому значению x на одной существует одно определенное значение y на другой, то безразлично, какая из этих таблиц рассматривается, как таблица значений независимой переменной. В математике существуют, правда, необратимые однозначно функции, но они все-таки обратимы, хотя бы и многозначно. Иначе обстоит дело в области психологии. Здесь функции необратимы. Из понятия восприятия нельзя вывести отдельные восприятия. (Лейбниц был последователен, когда, пытаясь достигнуть этого и сознавая для себя это необходимым, он выдумал теорию предустановленной гармонии.) Но остается еще под большим вопросом, выводимы ли психические функции из психических содержаний, когда эти содержания рассматриваются как независимые переменные, а их классы,—как функции (что в математике не имело бы никакого смысла, ибо в матема-

¹⁾ Тем, которые изходят такого рода подход в области психологии чуждым, напоминаю то, что и Маркс пользуется тем же способом при анализе отношения между деньгами и товаром в I томе Капитала. Этот анализ является одним из самых блестящих примеров Марксовой диалектики.

тике отдельные значения переменной x не стоят в функциональной зависимости с этой переменной). Из одних только содержаний вывести психических функций, несомненно, нельзя. Но если мы примем, кроме того, ступенчатую структуру сознания, то мы, очевидно, получим все необходимые и достаточные условия для такого вывода.

Согласно нашему определению функций, она представляет собою предмет для акта третьего порядка и, таким образом, сама она относится ко второму порядку. Возможно, что предположение о ступенчатой структуре сознания представляет собою не только достаточное условие для существования функций, но и идентично с ними. Это же должно означать, что существование функций ни из чего другого не выводится. В этом случае решение проблемы психической причинности будет формулироваться следующим образом: общий процесс сознания представляет собою единство, где части вызывают общее единство всех переживаний, не по отдельности вызывая друг друга, но всегда в своей целостности, совокупности: иными словами, отдельные элементы вызывают друг друга только потому, что они составляют целое. Каждый отдельный элемент в ступенчатом строении единства сознания стоит в причинной зависимости со всеми другими элементами, но только с точки зрения целого. Иначе говоря: элементы теряют без целого всякий смысл и их существование и способ их взаимного отношения приобретают смысл только через постулат целого. Заметим, что это «целое» методом феноменологии совсем недостижимо. Таким образом попытка идеалистического решения должна претерпеть крах, так как понятие «целого» не может иметь места ни в какой чисто описательной системе, в том числе и Гуссерлевой.

Основное различие, установленное Энгельсом, сохраняет свой глубокий смысл. Человеческие действия совершаются через посредство мышления, но не базируются причинно на мышлении. Эти обе стороны совпадали бы только тогда, когда низшие ступени сознания определялись бы высшими. Но так как даже такой крайний идеалистический мыслитель как Гуссерль заявляет противоположное, хотя и не выводит из этого надлежащих заключений, то процесс детерминирования должен быть принят как твердо установленный снизу вверх. Таким образом содержания переживаний основываются в отношении ко всему сознанию направленные на них акты и составляют с ними общий поток в единстве. Единство всех этих сложных процессов и есть именно сознание. Ясно, что с этой точки зрения получается как раз обратное потому, что полагают идеалисты. Ведь только мировое целое делает возможной и целост психическую. Следовательно, мы совершаем наши действия посредством мышления, но мышление является лишь одним, хотя и весьма важным, из мировых процессов.

Тут я должен указать кратко на развитие такого понимания системы общественного сознания. В наиболее ясной форме выраженной я нашел эту идею в книге Бухарина «Теория исторического материализма». В главе IV (Общество) он занимается понятием совокупности, (то же самое обозначает у него, как у меня слово: система, и иногда употребляет его и он). Тут он строго различает логические и реальные совокупности. И хотя на свет

существуют только реальные совокупности. так как логические являются созданными нами, все-таки это различие оказывает большое влияние на представление сущности общества вообще и общественного сознания в частности. «Строго говоря, говорит тов. Б., весь мир есть бесконечная реальная совокупность, в которой все частички находятся в процессе постоянного и непрерывного взаимодействия... На этом основаны различия (т.-е. логических и реальных совокупностей, В.). Эти различия годятся, если их понимать диалектически т.-е. в определенных границах» (стр. 89 — 90).

И определил реальной такую совокупность, элементы которой теряют без целого, т.-е. без их совокупного существования, всякий смысл. Таким образом, исходя из этого, удалось, как я надеюсь, дать точное определение довольно туманному понятию: психической функции. Без понятия реальной совокупности дать его нельзя.

Яснее всего выразил тов. Бухарин эту мысль в стр. 102. «Точно так же как общество не есть простая сумма людей, точно так же и духовная жизнь общества не есть простая сумма идей и чувств отдельных людей, а это есть продукт их общения; нечто до известной степени особое, новое, что не может быть просто сведено к арифметическим слагаемым: новое, что возникает именно из взаимодействия людей.» (Курсив мой. В.).

Это понятие общественной совокупности на ряду с определением Энгельса, что наше действие совершается посредством мышления, но не основано на мышлении. может и будет служить основой марксистской теории общественной психологии. И вот почему.

Вышеупомянутый ряд и последовательность представляют собой одно из наименее существенных различий между идеалистическим и материалистическим взглядом. То обстоятельство, что расхождение между двумя взглядами выступает таким резким образом только у некоторых идеалистов, напр., у Лейбница, отличает лишь, что в этой резкой форме (которая, однако, единственно последовательна) даже идеалисты колеблются принять эту точку зрения и ищут увертки.

Этот результат бросает яркий свет и на структуру диалектического мышления. Ведь нельзя мыслить более непримиримого противоречия, чем ряд и противоряд нашей троицы. Элементы этого ряда, конечно, существуют одновременно, но их порядок есть причинная последовательность. Маркс доказывает, что первая форма товарооборота: «товар — деньги — товар» не объясняет происхождения прибыли, объясняет это лишь вторая форма: «деньги — товар — деньги», где слово «деньги» на конце троицы означает уже больше денег, чем первоначально: тут имеется скачок, переход количества в качество, так как в конце процесса мы видим превращение денег в капитал. То же самое у нас.

Ряд: «психическая функция — переживание (содержание) — действие» не выходит из психических рамок: действие под этим углом зрения остается психическим феноменом, стигмю не гарантирующим никакой реальности вне и помимо сознания. Совершенно иначе обстоит дело с нашим рядом. Здесь исходный пункт — реальный, внешний мир, а конец — психические акты. Значит: мы не вращались в круге, где исходный и конечный пункты совпадают, а вышли за пределы круга, достигши через реальный мир чего-то относительно нового: сознания. Оно образует часть совокупного мира и есть отдельная, чрезвычайно богатая область его.

Предпосылки для общественной психологии.

Вопрос о сущности идеологии.

Пока наши исследования двигались только в области так называемой индивидуальной психологии. Однако мы должны сказать, что разграничение между индивидуальной и общественной психологией нельзя считать правомерным. Ничего похожего на индивидуальную психологию вообще не существует. Люди живут в обществе, их сознание развивается внутри общества и под реальным воздействием общественного бытия. Нас завело бы очень далеко, если бы мы начали здесь трактовать о самых различных смыслах слова: индивидуальная психология. В действительности существуют только два вида психологии, не разграниченные пока строго только благодаря неясности понятия психологической функции, дающей толчок к неправильному представлению о психологии. Существует психология содержаний и психология функций. Первая занимается фактически имеющими место психическими содержаниями, а так как все психические акты имеют содержание, точнее материю, то мы можем сказать, что психология содержаний занимается актами первой ступени. В силу того, что все эти особые фактические переживания в целом являются общественными (даже тончайшие движения чувств лирического поэта, ибо они возникают только внутри общества и являются отражением влияния последнего на него), то психология содержаний есть общественная психология. Все фактические проблемы, включая сюда как вопросы возникновения примитивных идеологий (тотем, табу, боязнь и запрет incesta и т. п.), так и развитие идеологий развитых общественных структур, относятся к этой отрасли. Образование мировых религий, различные явления в области искусства, моральные представления, взгляды на сущность общества и государства, идеологии владычества и общественной иерархии и, наконец, философские и метафизические картины мира, появлявшиеся в определенной эпоху на определенной культурной ступени развития и выражающие настроения определенного класса, одним словом, все содержание так называемой социологии должно получить здесь свое освещение и анализ. Все эти явления должны быть объяснены здесь в их неразрывной причинной связи по приведенной выше формуле: «действие — содержание переживания — функция», при чем анализ должен будет начаться с самого низа, т. е. с производительных сил, ибо действие этих сил именно является решающим из всех видов человеческих действий. В этой области только исторический материализм дает полную возможность объяснения в причинном смысле. Поэтому со временем эта психология окончательно уступит место историческому материализму.

Если нам уже удалось установить общую причинную зависимость фактической идеологии от материального базиса, то тут все же остается не менее трудная проблема — формальная сторона этой зависимости, о которой Энгельс сказал, что он и Маркс не обратили на нее должного внимания благодаря материальной стороне дела. Между тем, эта сторона совершает некоторое обратное действие на общественный базис, ибо как

выражается Энгельс, исторический момент, который характеризуется через идеологию, тоже действует и на окружающую его «среду» и даже на породившие его причины может оказывать обратное действие (письмо к Мерингу).

Новая проблема состоит в том, чтобы раскрыть очень неясный путь от базиса к надстройке. Большинство идеологий не стоит в непосредственном соприкосновении с экономической основой. Некоторые из них, главным образом, так называемые отношения производства, т.-е. отношения собственности, тесно связываются с производительными силами и непосредственно определяются видом и характером этих производительных сил. Из определенной фазы положения и ступени развития производительных сил иногда можно непосредственно вывести отношения собственности, не прибегая к рассмотрению обще-идеологического содержания предшествующей фазы. Иначе обстоит дело с другими идеологиями. Все новое, что вырастает в ходе развития этого общества в идеологической области (право, мораль, религия, искусство), является опосредствованным следствием экономического базиса соответствующего периода, но не причиной его.

Тут разворачивается интересная, но непрочная и колеблющаяся картина всевозможных мыслимых направлений развития. Чтобы, при уяснении нового идеологического построения, довести анализ, насколько это возможно, до конца, нужны не только знания о тогдашних производительных силах и производственных отношениях и предшествующих экономических и идеологических структурах, но и нечто совсем другое. Нужно знать весь психологический механизм, который, образно выражаясь, является проводником от базиса к надстройке. Как сложен был бы, например, серьезный фактический анализ взятого нами в основу наших предшествующих рассуждений положения Энгельса, что хотя все наши (по меньшей мере общественные) действия опосредствованы мышлением и начинаются вместе с мышлением, они возникают все же не из мышления и свое происхождение берут не в мышлении. Вывод Энгельса связан со всем предшествующим культурным развитием человечества и мог возникнуть только в определенный период, лозунгом которого является технический прогресс, творческая практика и где рациональное (свободное от противоречий) и жизнь далеко разошлись между собою.

Быть в состоянии объяснить психический механизм (или, лучше сказать, динамику) является только далеким идеалом, носящимся перед глазами нашего времени, ибо пока что этот механизм, за исключением самых начальных его моментов, нам неизвестен.

Интересно, что вещи, по видимости тесно связанные в ходе их развития, исторической обстановкой через тысячелетие были отброшены далеко друг от друга. В четвертом веке до нашей эры Аристотель открыл первые логические законы. Однако мы знаем, что даже теперешняя психология еще далека от того состояния, в каком была логика во времена Аристотеля. Почему это так? Величайшие умы человечества: Августин, Декарт, Спиноза, Гегбе, Лейбниц, Локк, Юм и др. направляли свои силы на то, чтобы создать научную психологию. Однако только в наше время мы можем сказать, что психология начинает выходить из того младенческого состояния, в каком, например, физика была в эпоху того же Аристотеля.

Что психология теперь несравненно более богата научным содержанием, чем еще пару десятилетий тому назад, мы обязаны тому счастливому обстоя-

гольству, что к ней неожиданно пришла помощь из прикладной ее части. (Здесь снова подтвердилось положение, что практика представляет из себя последний источник всех наук.) Эта прикладная область была психиатрия. Французские и австрийские психиатры (Шарко, Бернгейм, Жако, Фрейд, Адлер, Ференци, Блеулер, Рапк, Рейк, Сакс, Зильберер и целый ряд других исследователей) занялись анализом душевных функций в той области, где они выступают в увеличенном масштабе, в области душевных болезней. Исходя из того основного убеждения, что нормальное, как это представлялось до сих пор, не отделено от ненормального пропастью, и что между нормальным и ненормальным существует непрерывный взаимный переход, они попытались применить найденные в этой области законы и на душевную жизнь здоровых людей. Таким образом они пролили новый свет на механизм сна, на психические расстройства, на образование мифов и религий, на примитивные учреждения людей: тотем, табу, брачные обычаи, ритуалы, религиозные представления и представления о душе, проблему смерти, первые образования авторитета власти и постановлений. Они также дали широкое применение этих результатов в области психического лечения и социальной педагогики (например, поучительные книги Альфреда Адлера «Ueber den nervösen Charakter. Heilen und Bilden». В области религиозных исследований работам, главным образом, Reikh, Abraham, Riklin).

Здесь не место подводить итоги основных результатов этих исследований. Они будут подробно изложены в третьем томе настоящей работы. Но так как некоторые из законов, открытых этими исследователями, являются индивидуалистически истолкованными законами общественной жизни Маркса и Энгельса, мы должны будем вкратце перечислить и осветить их.

Все новейшие психиатрические школы без исключения исходят из той основной предпосылки, что сознание не является единственной инстанцией душевной жизни и что кроме сознания существует еще бессознательная инстанция. Они восприняли в новой форме Лейбницеву теорию бессознательного. Маркс и Энгельс придавали большое значение мысли о существовании бессознательного. Уже с сороковых годов руководящим положением нового диалектического материализма было утверждение, что бытие определяет сознание, что бытие первично, а сознание вторично. В предисловии «Zur Kritik der pol. Oek. nomie» Маркс пишет: «Как нельзя судить об отдельном человеке по тому, что он о себе думает, точно так же нельзя судить о такой революционной эпохе по ее сознанию; скорее это сознание следует объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями».

Нам кажется, что из этих строк довольно ясно выявляется, что первые камни для современной теории сознания были заложены Марксом. Еще лучше будет видна тесная связь психологии бессознательного с основной идеей марксизма из определения, которое дает Энгельс относительно сущности идеологий. «Идеология — это процесс, который претворяет так называемый мыслящий человек, хотя и с сознанием, но с сознанием неправильным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом (курсив

мой. А. В.). Человек создает себе, следовательно, представление о ложных или призрачных побудительных силах». (Письмо к Мерингу.)

Поставим в предложение, в котором Энгельс говорит об истинных побудительных причинах, двигающих человека, вместо слова «неизвестный» слово «неосознанный», и мы получим одну из основных идей новой психологии. Позиция Маркса и Энгельса в этом вопросе так ясна, что историческая проблема состоит не в том, отчего некоторые одаренные врачи 50 лет спустя после великого открытия Маркса начали исходить из той же истины, но в том — почему на целых 50 лет замедлилось применение этого открытия в области психологии. Факт наличице. Эти исследователи и по сию пору имеют весьма смутное представление о марксизме. Они, вероятно, даже и не знают, что их руководящая идея есть идея марксизма. Тем не менее можно надеяться, что они — каким бы окольным путем они или шли — рано или поздно придут к марксизму.

Надо однако подчеркнуть, что эти бессознательные процессы имеют совершенно другое значение у Маркса и Энгельса, чем у этих врачей. Последние понимали психические функции, как вечное достояние человека, между тем, как Маркс и Энгельс рассматривали выступление всякого рода психической реакции, как исторически происходивший результат изменения в структуре производительных сил.

Законы бессознательной душевной жизни — поскольку это нам ныне известно — суть следующие:

1. **Сгущение** (*Verdichtung*). Под этим понимают процесс, который состоит в том, что сознательные явления, рассматриваемые как символы бессознательного, стоят не в однозначной связи с элементами бессознательного, но в такой, что каждый сознательный элемент является представителем многих бессознательных (а в некоторых случаях и наоборот). Если мы вместо слов «явления сознания» поставим слово «идеология», то мы получим положение, что идеология является искаженным выражением того, что протекает в действительности. И ясно также, что это сгущение есть отдельный случай марксистской концепции. А именно: бессознательное не относится к идеологии. Его элементы не суть представления. Мы не можем их себе иначе представить, как в форме инстинктов (*Triebregungen*), т. е. чисто биологических явлений, и, как таковые, они, вместе со своим субстратом, человеческой нервной системой, являются частями действительности, одним словом, относятся к биологическим составным частям производительных сил. Поэтому бессознательная функция сгущения, как и все другие, представляет собой материальный (физиологический) процесс, гораздо теснее и непосредственнее связанный с организмом, чем явления сознания.

2. **Смещение** (*Verschiebung*). Под этим подразумевают, что закон порядка сознательных элементов отличен от закона порядка элементов бессознательных. Пусть, например, элементы бессознательного суть *abcdef*, элементам *a* *b* в сознании соответствует α , элементу *c* соответствует β , и элементам *d*, *e*, *f*, соответствуют γ , δ , тогда обычно порядок сознательных элементов не будет таким, как это следовало бы ожидать, и в сознании появится какая-либо иная из возможных комбинаций (напр., обратное δ , γ , β , α).

3. Отношение к представляемости просто высказывает принцип, что бессознательное, так как оно есть система инстинктов, не знает никаких абстрактных логических категорий. В бессознательном вообще встречаются только такие элементы, которые представляют собою впечатления и отражения реальных событий окружающей обстановки. Бессознательное не знает никаких категорий, в роде, следовательно, противоречия, основания и следствие и т. п. Идеологии такой структуры возникали лишь в первобытных обществах. Мифы, однако, много сохранили из этой прищипанной структуры.

4. Вторичная обработка (*secundäre Bearbeitung*) означает логическую переработку продистиллированного через сгущение, смещение и представляемость бессознательного материала. Только результат вторичной обработки проникает в сознание. Эта обработка завершает дело превращения пропущенного через три предыдущих инстанции материала в сознательный и логически упорядоченный. Благодаря этому создается впечатление, что полученный образ самостоятелен и независим от какой бы то ни было тенденциозной переработки. Он как будто отражает объективный мир. Хороший пример такой обработки представляют буржуазные государственные теории. Возьмем для примера ту теорию, которая учит, что государством есть учреждение, стоящее над классами, и представляет собою прочную гарантию равновесия борющихся друг с другом классов. Это учение — прямая противоположность действительности, в которой государство является самым сильным оружием правящего класса в его борьбе с угнетенным классом. Эти две теории относятся друг к другу, как действительность к ее отраженному в кривом зеркале образу.

Трудно отрицать, что уже в образовании этой «государственной теории» принимали значительное участие функции сгущения и смещения. Почти необозримое количество противоречий и антагонизмов, классов и индивидов, которые так пестро вырастают на почве классовой борьбы, понимаются здесь в краткой формуле лабильного классового и индивидуального равновесия. Порядок исторической реальности поставлен здесь на голову. Согласно этой теории вначале должна была существовать борьба, но не классов, а индивидуумов, которая предшествует гражданскому состоянию. Эта теория является отражением капиталистической конкуренции — с одной, и классовой борьбы, с другой стороны. Таким образом авторы этой теории ставят своеобразную пародию конкуренции и классовой борьбы в начале общества и при помощи этого — в теории — элиминируют их из современной действительности. Логический фасад этой фикции теории имеет достаточно стройную форму. Создав в воображении необходимую для теории, но никогда не существовавшую в действительности картину начальной ступени развития человечества, называемую *bellum omnium contra omnes* (1866), они выводят из этого прямо для «теории» изобретенного «факта» свое учение логически безукоризненно. Логический фасад безупречен.

Послушаем, что пишет Энгельс по этому поводу (письмо к И. Блоху 21-го сентября 1890). «Экономическое положение — это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее (борьбы А. В.) различные моменты надстройки: поли-

тические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции... правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников — политические, юридические, философские теории, различные верования и их дальнейшее развитие в систему догм... традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую... Конечный результат получается от столкновений множества отдельных волей, при чем каждая из этих волей становится тем, чем она является, опять-таки, благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил и из этого перекрещивания выходит один общий результат — историческое событие. Этот исторический результат можно рассматривать, как продукт одной силы действующей, как целое бессознательно (курсив Энгельса) и невольно. Ведь то, чего хочет один, встречает противоречие со стороны всякого другого и, в конечном результате, появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом история, как она шла до сих пор, протекает подобно естественно-историческому процессу и подчинена в сущности тем же самым законам движения... К сожалению, сплошь и рядом полагают (молодые марксисты), что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, а это далеко не всегда правильно. В этот я могу упрекнуть многих новейших «марксистов», и благодаря этому возникала иногда удивительная путаница». Вкратце после этого он добавляет свое мнение о смысле и значении того, что искажается сознанием из действительности и как эта действительность искажается. Нам кажется, что Энгельса с полным научным правом можно рассматривать, как основоположника применения того метода, который утверждает, что все общественные действия, убеждения и стремления возникают не как прямое и непосредственное действие экономического базиса, но предварительно проходят от этого базиса через психо-физический котел и там перерабатываются. Об одном роде этой переработки Энгельс дает ясное представление в письме к Конраду Шмидту (27-го октября 1890). «С экономическими, политическими и другими отражениями дело обстоит так же, как и с отражениями в человеческом глазу. Они проходят через собирающую их чечевицу и поэтому представляются в перевернутом виде (курсив мой. А. В.), стоящими на голове... Деятели денежного закона... все хотели объяснить из денежных кризисов, которые сами по большей части были всего лишь симптомами».

Энгельс об'ясняет здесь процесс, который ведет от базиса к надстройным слоям, психо-физиологической аналогией, которая, однако, далеко выходит за пределы простой аналогии и фактически выражает применяемый к обществу общий закон, единичным случаем которого является образование сложных идеологий. Подобно тому, как отражаются в человеческих глазах предметы внешнего мира, так же обстоит дело в голове человека и с экономическими, политическими и т. п. отношениями. И подобно тому, как зрительные образы стоят на ретинэ в перевернутом виде, так и явления сознания, отражающие реальные общественные отношения, находятся в головах буржуазии в извращенном виде. Далее Энгельс поясняет также, в чем состоит логическое содержание этого сравнения. Он говорит, что бир-

жизни «объясняли» промышленный кризис 40-х годов денежным кризисом, т. е. простым симптомом кризиса, а не его причиной. Они перевернули причинную зависимость и сделали одно из следствий причиной.

Весь этот род «теорий», — поясняет Энгельс дальше в своем письме, — познают не в результате объективного анализа действительных производственных отношений, но имеют некоторую тенденциозную сторону, вызывающую их искажение. Биржевики хотели всеми силами избежать объяснения кризиса перепроизводством. Таким образом эти теории не являются продуктом объективного разума, изучающего действительность, а представляют собою порождения желаний. Они перевернули объективное положение вещей. Психический механизм этого извращения и перемещения состоит из сущности, смещения и вторичной обработки, которая, в конце концов, придает общему фантастическому построению логическую форму. При этом объяснении только технические выражения Энгельса отличались от тех, которыми пользуется современная психиатрическая школа.

Два остальных принципа новейшей психологии играют роль преимущественно только в области образования мифов и религиозных образов. Эти принципы суть: «интроекция и проекция» и «принцип меньшей ценности». (Minderwertigkeit. Адлер.)

Под интроекцией понимается душевный процесс, состоящий в том, что человек бессознательно отождествляет явления и закономерности внешней природы со своими психическими процессами. (Этот естественный процесс, если он примет ненормальные размеры, вызывает вместе с другими компонентами так называемый исторический характер.) Противоположность этой активности образует проекция, состоящая в склонности рассматривать природу и ее закономерность, как некоторый род или частный случай процессов сознания и его закономерности. Если эта склонность под влиянием общественной среды превращается в некоторую принципиальную точку зрения, если психические законы универсализируются и превращаются в метафизические законы космоса, то возникают различные формы идеализма. Так, например, по Лейбницу, мир состоит из мыслящих и стремящихся метафизических точек. Согласно Юму и современным юмистам, включая сюда и принцип экономии мышления, материя представляет собою (у Юза со смягчением: насколько мы о ней знаем) комплекс ощущений, а космический закон всеобщей причинной связи и взаимодействия — законы психики: причинность представляет собою функциональную форму ассоциации. Всего последовательнее провел другую вариацию проекции Гегель: весь универсум есть для самого себя абсолютный дух.

Последний принцип (Адлера) представляет из себя уже переходный принцип от чисто функциональной биологической стороны, к стороне содержания. Принцип этот утверждает, что отклонения человеческих действий, мыслей, чувств, желаний и стремлений от некоторой логически-идеальной меры, которая, конечно, нигде не существует, объясняются из принципа, противостоящего принципу рациональности и отчасти или совершенно его снимающего, который гласит: ни человеческое тело, ни человеческое сознание не представляют собою идеальных машин. И в том и в другом проявляются возникающие из органических оснований частичные функциональные нарушения. Однако

работоспособность в направлении минус в борьбе за существование должна компенсироваться, или даже больше чем компенсироваться, работоспособностью в другой области в направлении плюс. Например, люди, имеющие слабое телесное строение или неприятную наружность, но сильный ум, будут стремиться усовершенствовать свои дарования при помощи усердных занятий и приобретения фактических знаний. Слабые и болезненные и при этом не обладающие значительным интеллектом, станут на службу своих утробных телесных недостатков и чрезвычайной чувствительности ко всяким болезням. Кроме того, они будут работать с тенденцией обесценения всех тех благ, которыми они не обладают.

Адлер понимает свой принцип, как чисто индивидуальный, однако и этот принцип может быть обращен в общественный. Бессилие и малодушие также играют в истории классов важную роль. Так, например, Плеханов в своей критике Лабриолы замечает по этому поводу следующее: «В тех случаях, когда данное племя оказывается вынужденным признать над собою превосходство другого, более развитого племени, его расовое самодовольство исчезает и вместо него является подражание чужим вкусам, прежде считавшееся смешным, а иногда даже отвратительным». Таким образом видно, Плеханов гораздо яснее представил себе это явление, чем психологи.

Нам кажется, что то, что говорит здесь Плеханов об угнетенных расах, имеет значение и для угнетенных классов. Решающее при понимании идеологических пережитков состоит в том, что с покорением чуждой расой или угнетением чуждым классом и идеология поработенных приближается к идеологии поработителей, при чем часто даже бывают восприняты целые части чуждой идеологии. Самое вредное из всех таких идеологических «заимствований» представляет собою перенимание того убеждения угнетателей, что они имеют некую высшую сущность, а угнетенные являются только достойною презрения чернью. Если бы, например, в широких массах пролетариата не было в значительной мере робости и недостатка уверенности в себе, то социальная революция пошла бы вперед значительно более быстрым темпом. Естественно, что этот психологический тормоз пролетариата, принимающий его действительность, не является причиной, а представляет собою следствие его теперешнего положения. Тем не менее верно, что это обстоятельство оказывает в дальнейшем ходе влияние на активность пролетариата, и тогда он сам спешит со своими силами на помощь угнетателям.

Если бы действовали только эти функции недооценивающего чувства, то исторические события и, главным образом, революционные периоды человечества были бы трудно понимаемы. Если бы человек был только формально логическим, а не диалектическим существом, которое не было бы в состоянии воспринимать в себя все возможные противоречия и приводить их в своей голове в лабильное единство, то было бы понятно только вымирание человечества, но не его, путем жестокой борьбы совершающееся, историческое движение вперед. Если бы пролетариат в полном объеме, т.-е. без остатка, воспринял в себя идеологию буржуазии (что, конечно, с точки зрения исторического материализма является нелепостью), то речи о его стремлении к освободительной борьбе были бы бессмысленными. В действительности различные классы заражают друг друга своими идеологиями всегда только частично. Не только широкие массы пролетариата захвачены буржуазной идеологией, но также и некоторая часть буржуазии (так наз. радикальные элементы)

ильно заражены пролетарской идеологией. Существуют, кроме того, промежуточные между буржуазией и пролетариатом слои (мелкие служащие, живущая около рабочих и ежедневно с ними встречающаяся мелкая буржуазия, ремесленники и т. п.), которые не имеют никакой самостоятельной идеологии и поэтому могут быть рассматриваемы в известной мере как общественные элементы.

Принцип, который противодействует чувству недооценки, представляет из себя результат анализа течения аффектов. Аффект имеет свойство, что он в своем ходе распадается на два периода. Первый период есть рост аффекта, который достигает некоторой определенной ступени, своего максимума, а затем оттуда начинает убывать и приближается к нулю. Это было бы, таким образом, само собою разумеющееся течение аффектов. Однако такой вид их течения в действительности никогда не встречается. В действительности процесс идет так, что убывание аффекта никогда не может достигнуть нуля. Это значит, иными словами, что биологически, а не как сознательное явление, аффект никогда окончательно не может исчезнуть; часть его всегда остается и держит нервную систему в виртуальном, но конечно по своей величине возбуждении. Если мы примем эту гипотезу, хорошо гармонирующую с опытом, то из нее следует, что аффекты никогда не могут в нас быть окончательно затуплены и всегда останутся готовыми к тому, чтобы выступить актуально. Отсюда объясняется, например, что в нервной системе постоянно есть налицо склонность к активному противодействию против угнетения. Этот процесс объясняет зародыши готовности к конфликтам. Динамика душевной жизни не может быть правильно понимаема без этой потребности конфликта. Благодаря суммированию многих мелких аффективных возбуждений возникает, наконец, видимый аффект и сознание, конечно, отдает отчет себе только об этом готовом аффекте, а не об образующихся его частях. Между людьми существуют большие различия в отношении их способности возбуждаться к конфликтам. У революционных характеров эта способность больше, в то время, как обычно зародыши конфликта практически рассеиваются противодействием сознания, постоянным умощнением их инстинктивности. Резюмируя все эти процессы и понимая их не индивидуально, а социально, получится ясная картина игры диалектических, т.-е. друг другу противостоящих, сил, из которой, однако, результат отнюдь не нуль, а историческая борьба.

Те марксисты, которые не привыкли исследовать ту часть общественного процесса, которая хочет объяснить превращение чисто экономических явлений в явления сознания, может быть, выставят следующее возражение против принятия психических функций, объясняющих такое превращение: что могут объяснить также психологические анализы? Ответ на это может быть дан следующий: ничего о фактических исторических событиях, как таковых. Эти психические функции такие же константы (постоянные), как и логические законы. Мы выводим теоремы геометрии по тем же законам и приходим к таким же результатам, как и Евклид. Законы психической жизни (часть которых составляют и логические законы) также представляют собою константы, которые остались

одними и теми же, по крайней мере, в определенные исторические эпохи. И вообще не легко констатировать изменение этих функций. Для всякого такого сравнения необходимо иметь какое-то мерило, масштаб. Если бы мы на завтра, — говорит Пуанкаре, — сжались во всех трех измерениях наполовину, но так, чтобы ни один предмет окружающего нас мира, до которого мы могли бы достигнуть, не избежал бы такого же сжатия, то мы не были бы в состоянии, по крайней мере геометрическими средствами, констатировать изменение. Мы неизбежно вынуждены применять наши логические функции всюду, где мы хотим понимать. Мы должны, например, допустить, что высшие позвоночные животные действуют, как и мы, согласно принципу причинности. Конечно, они не сознают, что они действуют согласно принципу причинности. Но и дикари, как равно и много людей среди культурных народов, этого тоже не сознают. Поэтому мы думаем, что не исключено, что, если, например, какой-нибудь первобытный народ мыслит бы согласно иным принципам, нежели мы, то мы никогда не смогли бы этого констатировать, если не сохранились бы в нашей истории как бы геологические слои, остатки и памятники первоначальных эпох.

Но в чем же состоит тогда польза психологических анализов, если они не могут дать никакого объяснения фактически историческим событиям? Для чего они тогда? Однако они все же очень полезны и по следующим обстоятельствам.

1. Лучше всего объясняется это при помощи аналогии Энгельса. Подобно тому, как органы чувств представляют собою такой аппарат, который, воспринимая впечатления от природы, делает их готовыми для восприятия центральным аппаратом, так же точно обстоит дело и с гораздо более сложными воздействиями экономических и вообще общественных отношений. Они проходят через тот же аппарат и от этого воспринимающего и проводящего канала получают некоторую определенную форму. Основное содержание, разумеется, однозначно определено окружающей природой и обществом. Однако данное независимой от нас действительностью проходит через фильтр и трансформирующий аппарат нервной системы. Этот аппарат, вообще говоря, работает сегодня, в общем, так же, как и тысячу лет назад, и деятельность его не влияет на изменение результата, получающегося в конце этого трансформационного процесса. Этот результат со временем значительно изменяется, но, конечно, не потому, что аппарат стал работать иначе, а потому, что существенно изменилось общественное значение прорабатываемого им материала, являющегося следствием роста техники общества. Религия, обычай, нравы, этические и эстетические представления возникают у нас, вообще говоря, таким же путем, как и раньше, хотя различные психофизические функции не имеют одинакового значения в различные периоды истории. Они чередуются по своему влиянию, в зависимости от состояния материальных производительных сил следующих друг за другом эпох. Однако элементы действительности и их собственная объективная, первоначальная связь испытали большую эволюцию (вспомним, напр., значение железа ныне и тысячу лет назад); по меньшей мере такую, что мы без знания трансформационной работы и изменения развития техники, вряд ли будем в состоянии установить связь между оригиналом и деформированным отражением. Чтобы, например, понять, как связан ритуал причастия с экономическими отношениями людей в то время, как

он возник и как он сохранился до наших дней, отчасти благодаря идеологическим пережиткам, Робертон Смит должен был сначала открыть связь причащения с так называемым тотемическим ужином, т.е. прежде всего исследовать самый этот обычай дикарей и уяснить его смысл из их способа воспроизводства жизни. Если же этот самый Totemnachtsmahl неизвестен, тогда, может быть, ошибочно начнут пытаться понять этот ритуал из тех отношений, которые были налицо в период образования христианских догм. Таким образом при разборе отдельных проблем этнографические и психологические исследования о дикарях часто являются очень необходимыми. Что нового появилось в ходе развития общества в определенный период в идеологической области, можно объяснить только из предшествующих изменений экономического базиса, захватывая, разумеется, все относящееся сюда и из предшествующей идеологической надстройки.

2. Особенно большое значение имеет психологическое объяснение идеологических процессов, если, как сейчас, новый класс сознательно стремится к господству. Выработка необходимого нового мировоззрения могла, конечно, как это, действительно, большей частью и шло до сих пор, совершаться инстинктивно без рефлексии. Но уже, благодаря предварительному знанию, основной идеи нового мирозерцания: что идеологии представляют собою бессознательно возникшие и возникающие отражения экономических процессов, — неизбежно указывать, по которому должна идти эта философия — безоговорочное и беспристрастное разоблачение всего существующего налицо, без чего истинная критика его невозможна. Без такой критики нет никакой действительной борьбы, а без тщательного исследования протекшего, обусловленного изменением производительных сил, роста и обогащения психической деятельности людей такая критика не полна.

В заключение мы должны отметить еще одно. И по сие время, и в особенности в России, существует не мало людей и даже марксистов, которые хотят обеспечить солидное место биологическим объяснениям. Психо-физическая структура людей, конечно, представляет собою *conditio sine qua non*; без нее, разумеется, нет ни людей, ни общества. Однако эта структура столь же мало является объясняющим фактором в области социальных явлений, как, например, понятие потребительной ценности в политической экономии. Без благ, разумеется, нет меновых ценностей и, таким образом, капиталистического производства. Однако все же потребительная ценность относится к товароведению, а не к политической экономии. Дарвинистско-спенсеровские категории здесь бесполезны. Социальная-энергетика, рефлексология в применении к обществу ничего не объясняют. Конечно, биология, теория развития, равно как и рефлексология, представляют собою чрезвычайно важные и глубокие науки, однако они не доставляют даже того, что может дать психо-физика, хотя бы при разрешении отдельных сложных вопросов идеологии. Выводить из биологических законов законы общественной жизни, например, что сознание определяется бытием (в марксистском смысле, т.е. как общественное сознание) или понятия стоимости и прибавочной стоимости так же ненадежно, как и нелепо. Ибо хотя люди с тех пор, как живут на земле, всегда имели в общем одинаковую биологическую конструкцию, но не всегда имели стоимость и прибавочную стоимость. «Вся эта попытка от начала до конца

никуда не годится, ибо применения понятия «подбора», ассимиляции и дезассимиляции», энергии, энергетического баланса и проч. и т. п. в применении к области общественных наук есть пустая фраза. На деле никакого исследования общественных явлений, никакого уяснения метода общественных наук нельзя дать при помощи этих понятий. Нет ничего легче, как наклеить «энергетический или «биолого-социалистический» ярлык на явления, в роде кризисов, революции, борьбы классов и т. п., но нет ничего бесплоднее, схоластичное, мертвое, чем это занятие». (Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм». Стр. 277).

В чем состоит превосходство марксизма над новейшей психологией?

Все функции психики представляют собой перерабатывающий механизм. Впечатления являются непосредственными отражениями мира, но идеология тем отличается от объективного отражения действительности, что она всегда включает в себе кроме впечатлений еще и их связывающие элементы. Эти элементы являются в большинстве случаев несознательными или неосознанными. Все эти акты представляют собой отдельные виды абстрагирующей (хотя и часто ошибочно абстрагирующей) деятельности. Однако между взглядом Энгельса и взглядом современных психологов существует чрезвычайно важное различие. Оно касается двух пунктов.

1. Психологию считают эти формы абстракции и кажим-то вечным достоянием человеческого рода, всегда существовавшим и всегда существующим независимо от тех материальных условий, в которых данный народ живет. Мы уже в предисловии подчеркнули, что в истории можно констатировать три главных периода культуры, различающихся по своим экономическим структурам, которые влекли за собой особые, им соответствующие формы абстрагирующей функции. При более примитивных условиях производства жизни и эти функции проще. Было бы весьма интересно разыскивать глубокие связи между структурой техники и экономики данного периода и структурой абстракции, т. е. перерабатывающих и обрабатывающих функций, вызванных данной техникой и экономикой и обуславливающих изменение психики людей. Но нам придется ограничиться определенным периодом (XVII—XVIII веками). Анализ этот, по отношению к намеченной эпохе, читатель найдет при разборе отдельных систем.

Здесь понадобится еще одно замечание. Говоря об этих функциях, как о формах абстракции, нельзя понимать под этим абстракцию в узком смысле, как логическую абстракцию! Мышление, это — социально-психическое явление. Без общества нет языка и мышления. Другое условие мышления есть психо-физическая организация человека. Не всякая форма мышления является логической. Логическое мышление представляет собою лишь ограниченный случай психо-физической деятельности. Т. е., всякое логическое мышление есть психо-физическая деятельность, но не наоборот. При каких условиях функция абстракции ставится логической, это — вопрос, выходящий за пределы нашей теперешней задачи.

2. Второе важное расхождение между марксизмом и современной психологией заключается в следующем. Для нас самое понятие бессознательного вообще не совпадает с концепцией о нем современной психологии. Последняя понимает бессознательное гораздо уже, чем марксизм. Психологи предполагают, что элементы бессознательного вначале были сознательными для индивида. Они были вытеснены из сознания вследствие их несовместимости, непримиримости с условиями общественной жизни. Они представляют собой антисоциальные влечения, осужденные обществом (инцест, инверсии и т. д.). Тем самым они уже предполагают примат общества над индивидуумом. Что надо вытеснять, решается согласно Фрейд, в конечном счете, «общественным мнением», общими убеждениями людей, их взглядами на моральное и имморальное. Таков результат фрейдизма. Ведь это — возврат к материализму XVIII века. Марксист не может удовлетвориться таким взглядом. Нам надо поднять вопрос, почему именно такие-то и такие-то склонности, желания и т. д. стали вытесненными; какие общественные условия или, точнее, изменение каких общественных, в конечном счете, экономических условий определили вытеснение? Тем самым уже мы приходим к более широкому понятию бессознательного. Нам вообще не нужно, чтобы какая-нибудь идеология, возникшая обычно стихийно, была прежде сознательной и только впоследствии смысл ее был вытеснен и забыт. Человек вовсе не есть лейбнизова монада, не имеющая ничего общего со своей средой и историей этой среды. В подавляющем большинстве случаев дело обстоит так, что при возникновении определенных реальных общественных отношений их отражение в сознании людей было ясным, но в процессе изменения и осложнения этих объективных отношений это сознание «забывалось», т. е. искажалось и становилось ложным. Дальнейшее развитие снова приводило к тому, что сознание этих общественных отношений принимало ясную и истинную форму. Индивид обычно не сознает причин своей деятельности, действует стихийно, идет по уже миллион раз испытанному пути, не рефлексируя о нем. Так он видел у своих предков, так слышал от старого поколения, так учился в школе, так читал в газетах. Что эксплуатируемый пролетариат не получает эквивалента своего труда, что он часть результата своего труда принужден передать своим господам, это никогда не было совершенно забыто людьми; но только Маркс открыл снова для пролетариата эту истину, между тем как при рабовладельческой или феодальной системах это каждому было очевидно. Только в капиталистическом обществе, где эксплуатация приняла более отвлеченную форму, стало нужным снова вывести на свет эту истину. Тем же образом обстоит дело с другими идеологическими построениями (главным образом с религией, моралью, искусством и т. д.).

Забывшие причины данной идеологии для марксиста представляют собой поэтому не индивидуально забытые факты и события, а общественно забытые. Только и только посредством понимания этого обстоятельства и станет объяснимым знаменитое явление идеологического пережитка (*Remanenz der Ideologie*), то явление, что известная идеология остается еще в силе (по крайней мере, отчасти) и тогда, когда вызывающие ее причины, т. е. условия базиса, уже давно изменялись с ростом нового класса.

Если удастся провести эту линию в подробностях, то не может быть сомнения, что социальная психология превратится в часть, а именно, прикладную часть теории исторического материализма.

И фрейдизм выдвигает те бессознательные функции, которые открыл Маркс (фетишизация—объективация, гипостазирование, смещение, и т. д.). Но Маркс объяснил ими объективные (классовые) идеологии и дал этому объяснению твердую базу: анализ производительных сил. Фрейдизм старается подражать марксизму (смотри «Тотем и табу» Фрейда), но путается в своем стремлении, потому что он хочет вывести конституции и обычаи (напр., тотем) «первобытных» народов не из состояния их производительных сил, а из вечных человеческих свойств, из «вечных» категорий психики. Как мы уже указали, фрейдизм не выходит за пределы метафизического материалистического взгляда XVIII столетия.

В этом пункте лежит причина большинства его недоразумений, его странных результатов и частых слабых анализов.

Что относится к идеологии в точных науках?

Последней проблемой, которую нужно разрешить, чтобы прийти к самой истории философии, является вопрос — в чем состоит сущность идеологий и является ли математика и естествознание, с одной стороны, и общественные науки — с другой, идеологиями и почему?

Мы видели, что Энгельс определяет идеологию, как результат мыслительного процесса, действительные движущие мотивы которого остаются для самого человека неизвестными и неосознанными. Отсюда кажется необходимым логическое следствие, что идеология всегда состоит из ложных представлений, т. е. из таких, которые воспроизводят действительность неверно, ее искажают. В общем это так. Но это, однако, не означает того, что в известной идеологии не может быть частей, верно отражающих действительность. Точные науки тогда ни в коем случае не были бы идеологиями. Так как этот вопрос в высшей степени важен, то мы рассмотрим его несколько подробнее.

Ложность известной теории может вытекать из двух различных оснований: 1) либо потому, что те, кто создает теорию, или те, для кого создается теория, заинтересованы в том, каков должен быть результат исследования. В этом случае невозможно объективно воспроизводить действительность;

2) либо потому, что нет налицо необходимых предварительных научных предпосылок (в последнем счете общественных), которые нужны для открытия истины. Во время Кеплера было бы, например, невозможно открыть теорию квант, ибо еще не было чисто теоретических предпосылок (напр., точной электродинамики) и таких инструментов, измеряя которыми можно было бы контролировать математические выводы. Если бы даже какой-нибудь физик и открыл ее, он ничего не мог бы начать с ней. Такие исторические трудности, конечно, часто препятствуют открытию новых истин,

кроме того, что противоречивые классовые интересы всегда выступают как препятствие¹⁾.

Нас, разумеется, в первую очередь, интересуют ошибки первого рода.

Научные теории возникают из опыта и свою последнюю проверку находят в опыте. Иными словами, они являются обобщениями из исследованных связей фактов и приписываются за истинные при условии, что позднейшие новые опыты не опровергнут их (что, как мы знаем, случается весьма часто). Поскольку же таких противоположных инстанций нет налицо и все известные опыты говорят в пользу закона, мы считаем теорию истинной. Если же теория опровергается новыми или даже старыми, но до сих пор не использованными для этой цели, фактами, то возникает «почему» по отношению к этой открытой неправильности. Если ошибка произошла благодаря недостаточности, несовершенства измерительных приборов, статистики и т. п., то мы говорим, что хотя ошибка и была обусловлена исторически, но не является результатом вольной или невольной подстановки в рассмотрение классовых интересов.

На первый взгляд кажется, что как будто в области математики и естествознания нет места для ошибок первого рода. Но на самом деле это не так. Если Ньютон в основу своей натур-философии положил бесконечность мира, то это было у него ошибкой, ибо из его закона тяготения следовало либо прямо противоположное, либо, по меньшей мере, неопределенность вопроса с математической стороны. В самом деле, если мы примем бесконечность физического мира, то в каждом отдельном пункте тяготение должно быть или бесконечно велико или, по меньшей мере, неопределенно велико. Это же противоречит опыту, ибо мы знаем, что в достижимых для нас пунктах универсума тяготение конечно и определено. Здесь не может быть речи об ошибке второго рода, ибо вообще нет таких инструментов, при помощи которых можно было бы экспериментально доказать бесконечность мира. Не может быть также речи и об ошибке третьего рода, ибо для выведения закона тяготения необходимы только математические операции, а последние находятся в нашем распоряжении. Таким образом здесь ошибка первого рода. И нетрудно увидеть, почему это именно так. Со времени Ренессанса концепция бесконечности мира сделалась господствующей; Коперник, Кеплер, Галилей базировали свою натурфилософию на этом. Допущение бесконечности мира было необходимо для борьбы против средневекового мирозерцания и его представителей — духовенства, феодалов и феодального государства. Возникнув, таким образом, задолго до ньютоновской механики, эта концепция вступила в последнюю как реквизит и как нечто само собою разумеющееся, хотя и плохо гармонирующее с системой. Интересно еще то, что эта дилгармония оставалась незамеченной почти двести лет, а еще интереснее, что она была открыта в наше

¹⁾ Могут, наконец, быть и такие общие антропологические ограничения рамок зрения, которые вообще принципиально делают невозможным открытие некоторых истин. О последних мы, конечно, ничего не можем сказать, кроме отрицательного суждения, что если такие истины существуют, то они во всяком случае должны быть такой структуры, что для их открытия нужны были бы заключения из бесконечно многих посылок, при чем эти истины не могут быть истинами математического рода (ибо в этой последней области мы уже способны к тому, чтобы постоянно пользоваться в анализе трансфинитными операциями). Но, по всей вероятности, таких истин, принципиально недоступных математическому анализу — вообще не существует.

время. Ясно также и то, что заключение от конечного к актуально бесконечному, имевшее место у Ньютона, не может быть рассматриваемо как позволительное без предварительных доказательств.

Приведем еще пример из области высшей математики. Лейбниц, один из изобретателей дифференциального исчисления, иногда думал, что бесконечно малая величина представляет собою нечто действительно существующее. dx и dy являются поэтому ни конечными величинами, ни нулями, ни математическими фикциями, но бесконечно-малыми действительными величинами (разумеется, только в области динамики). С другой стороны, он категорически отрицал, что бесконечно-малые являются метафизической действительностью. Однако ему не удалось прийти в этом отношении к ясным и непротиворечивым взглядам (о теперешнем состоянии этого вопроса мы будем говорить при изложении развития исчисления бесконечно-малых). То, что и тут была ошибка первого рода, мы подробно покажем при изложении философии Лейбница.

Понятие об актуально-бесконечном большом числе тоже не свободно от противоречия. Об этом говорят парадоксы Бурали-Форти, Ресселя и т. д.

Итак, можно сказать, что в области точных наук бывают ошибки первого рода. В общем и целом они, однако, являются исключениями. Математика, физика, химия, биология и др. представляют собою такие создания человеческой пытливости, в которых интерес в неверных результатах может быть только бесконечно-малым. Гораздо большее значение имеет противоположное. Эти науки настолько важны, что без истинных, т. е. более или менее верно отражающих действительность, знаний в их области буржуазное общество не может жить. И если в этой области существуют ошибки, противоречия, недостатки и т. п. (а этого никто не может отрицать), то возникают они не благодаря сознательному или бессознательному желанию ошибиться, а вопреки желанию, благодаря трудностям, запутанности и т. п. самих рассматриваемых проблем, которые в конечном счете тоже означают их зависимость от общественных отношений.

Иначе обстоит дело с общественными теориями. Последние создаются, в первую очередь, не ради истины, но служат интересам того класса, из рядов которого теория вышла. Общественные теории не представляют собою результата беспристрастного исследования, но являются оружием в классовой борьбе. Большинство неверных положений буржуазной социологии и экономики именно поэтому и неверны. Противники марксизма на это ответят, что это утверждение относится также и к марксизму, ибо направление этой теории также определено общественным базисом. Тем не менее, они не будут правы и просто потому, что тот класс, для которого и в процессе развития которого возникла эта теория, не заинтересован в фальсификации результата. Скорее, наоборот. Большая часть успеха зависит от того, что теория верна, ибо она не хочет быть только ученою мудростью, но теорией массового действия. Если пролетариат делает ошибки (а это случается часто), то он тотчас же получает за это наказание от буржуазии. Но тут возникает вопрос, как это может быть, что буржуазия, которая выдумывает фальшивые теории, не делает грандиозных ошибок в своей практике. Да просто потому, что теории остаются теориями, а что касается действий, то действует она так, как обосновывает это марксистская теория. На практике буржуа тоже мар-

иссты, их действия верно отражает марксизм, а не их собственные теории.

Резюмируя, мы можем сказать, что хотя точные науки содержат в себе ошибки самого различного характера, из них только ошибки первого рода (неверности, вытекающие из непосредственного влияния классовых интересов), согласно определению Энгельса, можно назвать идеологическими ошибками, т.-е. искажениями. Однако такой род ошибок в точных науках представляет собою исключения, что, конечно, ничуть не значит, что об исторически встречающихся ошибках в этой области сразу же по первому взгляду можно сказать, что они не являются ошибками первого рода. Иначе обстоит дело с общественными науками. Там ошибки представляют собою почти всегда сознательные или бессознательные извращения. Это облегчается еще и тем, что общественные явления более сложны, чем явления, изучаемые естествознанием; они гораздо менее поддаются методам измерения и наблюдения. Возможностей для ошибок и поводов к возникновению фальшивых объяснений здесь гораздо больше. А эти объективные трудности самого предмета получают хорошее завершение в виде постоянного и незаметного проникновения ошибок первого рода. При неустойчивых отношениях, господствующих в этой области, возможности контроля и упорядочения здесь значительно затруднены, и для всякой контрбанды здесь легко открыть ворота. Поэтому в общественных науках почти все ошибки представляют собою ошибки первого рода.

Идеализм и материализм.

Блестящее доказательство такого положения вещей представляет собою история философии. В ходе развития философии существует только два основных направления. Все остальные представляют собою нечто переходное из одного в другое. Эти два направления — идеализм и материализм.

Уже при обсуждении проблемы, является ли исторический материализм теорией или только методом, мы очертили вопрос об отношении между логикой и историей. Этот вопрос является одним из важнейших. В постоянном ходе развития культуры, кроме логики, и другие отрасли знания завоевали себе относительно самостоятельность. Рост чисто фактического материала, трудности систематизации и приведения в единство эмпирическим путем найденных законов природы принудили исследователей отделить, и притом не только практически, но и теоретически, различные научные области одну от другой. Это деление стало рассматриваться не только как разделение труда между исследователями, но и как области значения известных законов, т.-е. как разделение труда между законами природы. Еще недавно различные части физики далеко расходились друг от друга. В различных областях ее господствовали различные законы, мало имеющие дела друг с другом. Первым успешным и значительным шагом в воссоединении обособленных областей были Максвелловские уравнения электродинамики. Благодаря им оптика, учение об электричестве и магнетизме сделались одной дисциплиной. С открытием теории относительности этот процесс большими шагами двинулся еще дальше. Последняя теория содействовала объединению всех физических дисциплин в единую науку, исходящую из единого принципа.

Таким образом, в то время как, начиная с александрийской культуры и до наших дней, мы наблюдаем один процесс, по которому, хотя и с колебаниями и временными отступлениями, из одной науки—философии—постоянно отрывались отдельные самостоятельные дисциплины, в наши дни мы замечаем неоспоримые симптомы обратного процесса. Получается впечатление, как будто палицо есть серьезная возможность вернуть отпавшие науки в лоно их старой матери — философии. Чертою этого процесса, который длится уже несколько десятилетий, является усиленное занятие крупнейших физиков нашего времени философскими и, главным образом, логическими и теоретико-познавательными проблемами. Распадение науки на области знания было неизбежно и строго детерминировано распадением общества на классы и дальнейшим развитием этих классов в классовом обществе. С логической стороны эта детерминированность выявляется в качестве необходимой благодаря тому, что отдельные результаты, т.-е. найденные в отдельных областях законы природы, пока не могут быть подведены под единый закон. В силу этого человечество располагало отдельными областями знания, с их специальными законами, но не единой наукой. Исторически же эта логическая детерминированность со своей стороны была определена жизненными интересами господствующих и, таким образом, располагающих наукою классов, которые должны были строго отделять технические вопросы от вопросов общего мировоззрения. В области техники и в теоретическом естествознании, образующем основу техники, достижение объективного знания, знания, с помощью которого можно было бы практически видоизменять природу и господствовать над обществом, было для них вопросом жизни и смерти. Если бы в этой области имели место ошибки первого рода, то техническая практика сделалась бы невозможной. Совершенно иначе обстояло дело в собственно идеологической области. Там их интересы были прямо противоположны. Дело в области естествознания объясняется интересом имущих классов к тем специальным законам, которые можно непосредственно сделать полезными для техники. Поэтому общий смысл и философское место специального закона имели для них меньшее значение, чем чисто практическое его значение.

Этот период культурного развития можно в общем обозначать как аналитический. Исходя из этих основ становится понятным возникновение идеалистической философии. Сократ формулировал оправдание идеалистической точки зрения следующим образом: все прежние философские школы занимались исследованием природы. Милетская, пифагорейская, элейская, анаксагорова и демокритова школы занимались, в первую голову, натурфилософией, однако, все эти попытки остались неудачными. Кажется, что природа непознаваема. Остается только та область, где сам человек творчески деятелен, т.-е. область общественная — право, мораль, политика, логика и т. п. Эта область представляет собою арену человеческой самодеятельности. Общество — продукт людей и так как мы сами сделали общество, то мы можем, рефлектируя, познавать, что и как мы сделали. Законы природы знает только Зевс, который сотворил природу, законы же общества можем знать и мы, ибо мы создали общество. С другой стороны, уже в элейской школе были точки, что природа не только не познаваема, но и вообще не существует. И до на-

шего времени эти два варианта идеалистических основоположений — природа либо не существует, либо непознаваема — повторяются все снова и снова.

Идеалистическая философия возможна только при более или менее резком отделении друг от друга общественных наук и естествознания, с одной стороны, и отдельных отраслей естествознания — с другой. Очевидно, что идеалистическая натурфилософия невозможна, если природа и общество не отделены друг от друга пропастью, ибо никакой исследователь не может стоять на такой точке зрения и уверять себя о том, что область, которую он исследует, принципиально не существует. Идеалистическая физика (одно из величайших логических чудес) сделалась возможной только потому, что идеалистические принципы из той области, где они не являются идеалистическими, были перенесены в ту область, где они скрывают действительность в субъективных и интерсубъективных явлениях. Однако как разрыв между природой и обществом дал исторические и логические возможности выразить материю, как определенное состояние и порядок представлений, так великие открытия, которые сближают взаимно природу и общество, должны непрестанно уменьшать перспективы для развития идеалистической философии. Тем не менее до ее окончательного исчезновения осталось еще много времени. Не может быть подвержено никакому сомнению, что процесс, который начался вместе с объединением физических дисциплин, растянется на много столетий. Осталось еще объединение физики и химии, затем химии и биологии, после биологии и психологии. Мы, таким образом, находимся только в самом начале этого периода. Покамест этого объединения не будет, идеалистические системы не отомрут окончательно; однако вместе с новыми положительными открытиями число их сотрудников будет все сильнее и сильнее убывать.

Идеалистические системы были и будут возможны лишь постольку, поскольку в силу естественной тенденции общественного развития не уничтожится пропасть между природой и обществом. Это долгий процесс, однако, до его окончания остатки идеализма не вымрут. Идеализм представляет собою попытку при помощи проекции душевных функций представить явления природы как некоторую несамостоятельную часть сознания, т.-е. как нечто психическое и притом так, что кроме психического не существует ничего действительного, т.-е. сущего в себе. Идеализм хочет представить целое по аналогии с частью, при чем, однако, часть (сознание) берется так, как она представляется непосредственному созерцанию. Как ошибочен такой род мышления, показывает уже то обстоятельство, что даже в области психического исключительно с сознанием, т.-е. с тем представлением, что все душевные процессы представляют собою явления сознания, далеко не уйдешь. Сознание должно быть дополнено бессознательным. Отсюда становится понятно, что не только природа не может быть уложена в сеть сознания, но даже бессознательная часть душевной жизни не может быть описана в характеристиках сознания. Сознание строится на ощущениях, восприятиях, воспоминаниях, понятиях и т. д. Ничего подобного нельзя предположить в бессознательном. Эта инстанция как будто является связующим звеном между физиологическим и психологическим, как функцией материи. Она представляет собою место жизненных инстинктов и инстинктивных побуждений человеческого организма, где, следовательно (внешние) воздействия природы проводятся через нервный аппарат и получают

первичную обработку, чтобы отсюда направиться в центральное место системы, в серое мозговое вещество, и там проявиться как сознание.

Материализм идет обратным путем. Не природа представляет собою явление сознания, но, наоборот, сознание есть часть природы. Материализм хочет понять эту часть, как часть целого, т.-е. из структуры и сущности целого. Он не отрицает существования сознания, но только не как какой-либо материальной самостоятельной субстанции, а как известной формы функций материи. Вследствие этого решение загадки идеализма есть материализм. Превосходство материалистического понимания проявляется в том обстоятельстве, что материализм не только в состоянии доказать недостаточность и мифологичность идеализма, но также умеет представить его исторически понятным и знает его относительное историческое значение. Идеализм (я именно старые варианты его, которые во всяком случае последовательны) содержит в себе много чрезвычайно важных истин. В области психологии сознания, где он исследовал синтезы и процессуальный характер (ибо это открытия идеализма), широкими словами, законы психических явлений, он имеет большие заслуги. Поскольку в проблемы не входит вопрос о внешнем мире, о причинах ощущений в виде внешних раздражений, т.-е. поскольку речь идет только о перерабатывающих процессах психического синтеза, во многих пунктах идеализм оказал пользу, и в этой области и материалист может научиться у него многому полезному для себя. Однако идеализм в корне ошибается, если дело касается вопроса о причинности всех процессов, ибо он не может принять причинности вне сознания. Если мы будем из него рассматривать только эти положительные части, то можно сказать, что в области психического идеалисты тоже — бессознательные материалисты, т.-е.: 1) они признают действительное существование исследуемой области; 2) они исследуют явления в их развитии, т.-е. диалектически, даже тогда, когда они сами этого не знают или знают плохо (за исключением Лейбница, Фихте и Гегеля).

Для избежания недоразумения я должен подчеркнуть, что надо различать между отдельными исторически возникшими идеалистическими системами и возможностью идеалистического взгляда вообще. Несомненно, что идеалистические системы так же, как и материалистические, возникли уже в историческое время, т.-е. тогда, когда человечество, отдельные племена и народы распались или начали распадаться на классы. Распад этот сделал возможным выделение отдельной научной касты. Без разделения труда, т.-е. сравнительно уже развившегося способа производства, возникновение касты, занимающейся наукой, невозможно, и, с другой стороны, без такой касты занятие наукой не может иметь места.

Анимистический период являлся непосредственно предшествовавшей научному периоду стадией, но сам по себе он еще не представляет собою источника и условия идеалистических систем. Сущность вопроса состоит в том, что оба мировоззрения — материализм и идеализм — выражали всегда отношение двух противоположных классов.

Пока эта противоположность не стала резкой и заметной для представителей этих самых классов, ни идеализм, ни материализм не замкнулись

в округленные системы. Первым мирозерцанием всех племен был анимизм. Хотя анимистические верования имели философские зачатки, они были в общем и целом накоплением всех знаний, которыми обладала каста жрецов. Священные книги, Библия, Веды и т. п., являются лишь сборниками первобытного опытного материала попеременно с фантазией. Они содержат нечто вроде истории народов, вступающих на политическую арену. Почти всегда они совпадают с той эпохой, когда эти народы перешли к кочевому скотоводству. (См., например, Исход евреев из Египта.) Резкое обособление мирозерцаний возникло лишь тогда, когда народы, уже давно прекратив кочевку, развили более совершенную форму разделения труда и распались на классы, т.-е., когда в лоне старого общества возле землевладельческой аристократии возник класс купцов и ремесленников. Идеализм как система выступает на историческую арену всегда как реакция на победу или на назревающую победу нового класса. Таким образом, можно сказать, что идеализм возникает как противодействие новой материалистической науке. Так, например, пифагоризм и элеатская философия возникли явно из противодействии милетскому материализму, с которым они и полемизируют. С этого времени господствующим принципом идеализма стало основное убеждение, что достоверность существования внешнего мира меньше, чем достоверность непосредственных психических данных. Что элеаты дошли даже до прямого отрицания внешнего мира (чего Пифагор еще не делал), указывает лишь на разгар классовой борьбы в южной Италии. Но то положение, что мир есть только явление сознания, образует и в настоящее время фундамент идеализма.

Тимирязев, А. К. (председательствующий). Позвольте, товарищи, ввиду позднего времени прений по докладу не открывать, а перенести таковые на следующее заседание. Возражений нет? Нет. Объявляю заседание закрытым.

Прения.

Аксельрод, Л. И. (председательствующий). Объявляю заседание открытым. В порядке дня нашего заседания — прения по докладу тов. Варьяша. Прежде, чем дать слово записавшимся товарищам, целесообразно было бы, если бы тов. Варьяш в небольшом слове дал краткие формулировки своего доклада. Возражений нет? Нет. Слово имеет тов. Варьяш.

Варьяш. Товарищи, три недели тому назад я читал доклад, но ввиду того, что уже прошло довольно много времени, я считаю, что нужно еще раз формулировать и резюмировать важнейшие результаты и решающие пункты этого доклада, чтобы иметь какую-нибудь точку опоры для дискуссии. Собственно говоря, я занимался в своем докладе двумя вопросами: первый вопрос, что такое причинность в истории (методологическая часть) и второй — и это является центральным пунктом, — каковы промежуточные звенья между производством и готовой идеологией. Вокруг этого вопроса и вращается мой доклад. Я хотел выяснить тот процесс, который начинается из производства, из трудового процесса, и представляет собой ту общественную деятельность людей, в результате которой получается идеология в своем готовом виде. Мы непосредственно, как опытный факт, имеем такие вещи:

во-первых, самое производство, во-вторых, определенные готовые идеологии, которые вырастают из этого производства. Но как раз те промежуточные звенья, которые связывают эти два конца одного и того же процесса, пока были окутаны довольно большим туманом; не в том смысле, что вообще не затрагивали этого вопроса, а в том смысле, что как раз эта часть была меньше всего разработана до сих пор.

Не надо думать, что наши учителя Маркс и Энгельс не думали о том, надо ли заниматься этим вопросом. В этом отношении они очень недвусмысленно выражают свою мысль. Это, например, видно из письма Энгельса к Мэрингу, которое каждый знает, письма, где Энгельс говорит о том, что Маркс и он занимались главным образом материальной частью этой задачи и из-за этой материальной части они должны были пренебрегать формальной ее частью, потому что они не имели достаточно времени для разработки этой стороны. Энгельс как раз упрекает Мэринга в том, что и он в своей книге довольно мало затронул эту часть вопроса.

Относительно первого вопроса — причинность в истории — я указывал на два момента: первый — отношение теории к методу, и второй — отношение логики к истории. Действительно, эти вопросы возникают не случайно, а органически связываются с этой проблемой. Это, я думаю, будет ясно, если мы подумаем, что философия марксизма, по нашему убеждению, является целым мирозерцанием.

Вопрос, является ли марксизм, диалектический материализм, только одним из возможных подходов, путем которого мы можем охватить более или менее адекватно действительность, или же — марксизм является не только методом, а и обширной теорией, которая уже определяет известный метод, как наилучшее соответствующий этой теории, этот вопрос возникает совершенно естественно. Раз теория дана, то она по своему внутреннему свойству уже определяет и метод, но нельзя сказать, что то же самое было бы и обратно. Если я употребляю определенный метод, то из него еще не вытекает определенная теория.

Что марксизм является, действительно, цельной теорией, а не только методом — для доказательства этого я указал на очень подробные исследования, которые, в сущности, сводятся к исследованию принципа причинности. Принцип причинности является исходным пунктом всех этих анализов, без этого принципа вообще невозможна наука, и как раз этот принцип, как показывает история, в течение исторического развития претерпел очень интересную эволюцию, интересную в том смысле, что определенное направление, которое называется идеализмом, пыталось разрешить проблему причинности очень странным образом, решить так, что, в конце концов, этот принцип уничтожается и растворяется совершенно в логическом принципе достаточного основания. Дело обстоит так, что для идеализма принципиального различия между принципом причинности и принципом достаточного основания не существует и не может существовать, потому что идеализм исходит из следующего твердого убеждения, если хотите, можно сказать, из следующей аксиомы: если мы рассматриваем окружающую нас среду или сферу действия не философски, а наивно, то мы наблюда-

даем, что вещи, о которых мы знаем, распадаются на две резко отличающиеся друг от друга части, — на часть, которая называется природой, и часть — называемую сознанием. Идеализм есть то мирозерцание, которое утверждает, что различно призрачно, что существование природы достоверно не так, как бытие сознания. Значит, выходит, что, несомненно, существует только сознание и его непосредственные данные. Это, как мы знаем, было исходным пунктом Декарта, который нашел свой принцип сознания в *Cogito*. Но, с другой стороны, чисто логически, этим путь уже предписан. Из этого абсолютного факта, из существования сознания как формы бытия, по отношению к которому не может быть сомнения, идеалисты должны вывести не только свойства этого самого сознания, но (путем тех логических и математических законов, которые нам даются «непосредственным переживанием определенного психического факта») нужно охватить посредством этих принципов всю природу, или, по крайней мере, природу в известном смысле, не как вещь в себе, а как у Канта, — мир феноменов, мир явлений. Но, во всяком случае, если им приходится охватывать мир только в феноменальном смысле, как у Канта, тогда только этот «мир» будет для них миром, который существует, потому что о другом мире, который, может быть, и существует, может быть, и не существует и который, во всяком случае, не охватывается логическими понятиями, вытекающими из абсолютного факта существования сознания, о таком трансцендентном мире мы ничего не знаем. Но раз мир есть только мир для нашего сознания, т.-е. мир, зависимый по своей структуре от нашего сознания, то ясно, что этот мир не есть нечто материальное, а представляет собою что-то психическое, и, таким образом, принцип причинности является таким же духовным принципом, как и принцип основания. В конце концов, получается, что различия между принципами причинности и достаточного основания не существует. Конечно, получается еще и другой вывод. Получается то, что предмет не является чем-либо независимым от нашего мышления, что предмет есть определенная функция психических или логических конструкций. или как один современный идеалист, Russell, выразился раз очень хорошо. «Предмет является определенной совокупностью логических аксиом», в самом широком смысле слова, где логика охватывает и математику. Это и есть точка зрения идеализма.

Против этого я выдвинул следующие аргументы: во-первых, что смешивание принципов причинности и достаточного основания происходит из-за другого смешивания, лежащего еще глубже первого: из-за неразличения предмета представления от самого представления. Идеализм исходит из того предрассудка, что предмет является функцией мышления и что он, в конечном счете, вообще растворяется в представлении. Ясно, что в этом случае между принципом причинности и принципом достаточного основания не может быть существенной разницы. Но если мы считаем этот исходный пункт идеализма несостоятельным, тогда можно и должно формулировать различие между этими двумя принципами следующим образом. Предметы стоят в причинной связи между собой, а те предложения, которые высказывают связь между этими предметами, находятся в связи

достаточного основания. Только предложения могут быть основаны на принципе достаточного основания, а самых предметов принцип достаточного основания вообще не касается. Мы говорим, что между двумя предложениями есть логическая связь достаточного основания, если между предметами, выраженными этими предложениями, существует причинная связь.

Это было первой частью моего доклада.

Теперь об отношении логики к истории. Здесь возникает следующий, довольно сложный вопрос. Если исторический материализм представляет собою теорию, а не только подходящий метод, то возникает следующее затруднение: мы должны объяснить из основных элементов этой теории все явления общественной жизни, — не только явления производства, распределения, циркуляции в тесном смысле слова, т.-е. экономические явления, но и надстройку, разные виды и формы идеологии в самом обширном смысле этого слова. Сюда входят не только общественная идеология, скажем, разные теории государства или искусства и т. д., но и естествознание, потому что оно тоже является определенным отражением действительности. Различные отражения действительности, конечно, в отношении адекватности, могут быть разнообразны, но это — вопрос второстепенный. Какая-нибудь теория может быть ложной и неправильной, но все-таки даже и эта неправильная теория (мы знаем, что на протяжении истории возникало очень много неправильных теорий) не может быть случайной. Ее неправильность должна быть объяснена из исторических обстоятельств. А если есть такие теории, относительно которых мы можем предполагать, что они истинны, или более или менее истинны, то спрашивается, в каком смысле и в каких пределах эти теории истинны. Ответ мы даем такой: это зависит от общественных отношений, на почве которых теории выросли. Значит, о нашем принципе, действительно, можно сказать то, что Спиноза думал о своем индивидуалистическом принципе: «Sicut lux se ipsam et tenebras manifestat, ita veritas pugna sui et falsi». (Как свет обнаруживает самого себя и тьму, так и истина является правилом и для себя и для лжи.) Наша теория должна являться таким мерилom, с помощью которого мы можем сказать о данной теории, если она истинна, почему она истинна и в каких пределах; — если она не истинна, то почему не истинна и поскольку не истинна.

Мы видим здесь логический дуализм, неизбежно влекущий за собою вывод, что исторический материализм является лишь одним из подходов, рядом с которым и кроме которого может существовать и еще целый ряд других хороших подходов, и, что самое существенное, что мы обладаем двумя логическими структурами.

Если нам даны эмпирические факты, из которых мы путем индукции создаем теории, то теория возникает как бы в результате одной из этих логических структур, являющейся творческим фактором построения как этих самых фактов, так и их связи. Это будет логическая структура № 1. Если мы применим это к математике, то должны будем сказать, что она развивается по своим имманентным, «чистым», — пи от чего не зависящим законам. После этого возьмем какую-нибудь проблему, скажем, какую-нибудь математическую

задачу, например проблему производной функции. Здесь возникает другой вопрос: почему возникло дифференциальное исчисление? Оно возникло в XVII столетии благодаря таким-то и таким обстоятельствам, т.-е. оно зависит от тех условий, которые в то время были в обществе. Его возникновение зависит от природы тех общественных сил, которые выдвинули проблему дифференциального исчисления. И ответ на первый вопрос, таким образом, должен сводиться к практическим вопросам, касающимся самого производства и фактов, непосредственно или опосредствованно связанных с производством. Вот вторая структура.

Если мы принимаем такое понимание марксизма, то неизбежно должны будем впасть в логический дуализм, т.-е. в еще более плохое положение, чем, например, метафизический дуализм, потому что логический дуализм не только разρίζει мир на две не связывающихся друг с другом части, но и в самом сознании принципиально устанавливает два способа понимания, две независимых друг от друга инстанции. И так как обе инстанции пужно будет объяснять двояким образом, то этот процесс идет в *regressus in infinitum*. В самом деле! Каждое идеологическое явление пужно было бы объяснять, во-первых, по историческому материализму в отношении его возникновения и, во-вторых, по имманентным логическим законам в отношении правильности и идеологической преемственности.

Это — первый вопрос, но, кроме того, есть и другой. Самое понятие дифференциала и производной функции — есть математическое вещь, и они вводятся в математику логическим путем. Исходя из элементарных понятий арифметики, понятия о пределах и т. д., мы создаем это новое, более сложное понятие. Выходит так, как будто здесь есть два способа объяснений, которые друг с другом имеют очень мало общего. Получается, наконец, своеобразная, новая форма дуализма, который является более коренным, чем метафизические формы дуализма, потому что последние уже вытекают из первого.

Я здесь указываю, как выйти из этого дуализма, как преодолеть этот дуализм. Мой ответ (я сейчас только резюмирую) заключается в том, что этот дуализм объяснения предполагает нечто, что не выдерживает основательной критики; именно — он предполагает раз навсегда данную структуру логического мышления, которой обладает человечество, и молчаливо допускает, что структура эта существует независимо от всех общественных обстоятельств и от природы. Но если мы взглянем на историю, на фактическое развитие самой логики, тогда мы увидим нечто совершенно другое. Мы увидим, что в действительности ничего подобного не было, мы видим целый ряд логических систем, целый ряд логических теорий. Начиная от Аристотеля до нашего времени можно указать, что существует, по крайней мере, уже несколько разных логических систем, которые, конечно, имеют определенную связь друг с другом, но никоим образом нельзя сказать, чтобы они были тождественны. Их связь сводится к следующему. Некоторые частные принципы этих разных систем оказывались неправильными, другие оказались правильными и были усвоены следующими периодами. Сейчас мы обладаем громадным аппаратом логического мышления, в которое входит огромное количество логических формул, логических правил, которые возникли в рамках предыдущих старых систем. Но входят, конечно, не механически,

а в преобразованном виде. Например, принципы тождества и противоречия входят и в диалектическую логику, но тут их смысл и, главным образом, их предел значимости уже совершенно другой. Они остаются в силе лишь при анализе таких проблем, где движению не играет роли. Поэтому диалектическая логика, как современная логика, логика, которая является самой совершенной, эта логика отнюдь не отбросила все те формулы, которые, скажем, были выдвинуты Аристотелем, или средними веками, или Лейбницем, Кантом и Гегелем и т. д. Эти разные логики охватывают и сохраняют все ценные результаты предыдущих систем. Это — путь развития, и поэтому мы можем сказать, что, конечно, мы пока не обладаем (и, по всей вероятности, никогда не будем обладать) такой логической системой о которой мы могли бы сказать, что это есть окончательная, и путем которой мы могли бы охватывать вселенную абсолютно. Но хотя абсолютно мы не можем этого делать, из этого не следует, что вся наша логика относительная вещь. Из этого вытекает только то, что отражение действительности с течением времени становится все точнее и точнее. Сейчас мы в состоянии описать действительность путем нашей логики гораздо точнее, адекватнее, чем мог делать Аристотель. Но это вовсе не значит, что его законы сейчас потеряли всякий смысл. Ничего подобного нет. Мы говорим только, что принцип тождества и принцип противоречия, это — известные принципы, остаются в силе и сейчас, но только они не могут схватывать всех явлений природы и, главным образом, не могут охватить явлений движения. Из этого ясно следует, что пользоваться логикой Аристотеля для решения наших современных проблем недостаточно. Человечество вынуждено было создавать все более сложную, более гибкую и более примыкающую к действительности логику, и оно создало не только одну, а целый ряд таких, которые чередовались друг за другом и охватывали друг друга. (Логика Канта, Гегеля и Маркса.) Если мы так поймем историю логики, тогда 1) исчезнет логический дуализм и 2) станет ясно, что диалектическая логика является самой сложной и самой адекватной из всех существовавших до сих пор. Почему исчезнет логический дуализм? Потому, что тогда ясно будет, что диалектическим материализмом объясняется не только то, почему данная теория возникла в данное время, а не прежде и не позже, и какие потребности общества выдвинули ее, но и то, почему логические доказательства этих истины пошли по такому пути, а не по другому. А именно: доказательства были созданы так, чтобы получить из них известные уже из опыта результаты. Значит: доказательство зависит от результата заключения.

Научные истины, вообще говоря, бывают налицо прежде, чем их доказательство. Только — постфактум — строят и создают такую логическую систему, путем которой было бы возможно логически установить уже индуктивно полученную теорию. Возьмем такой пример, как Эйнштейн, который в своем известном сочинении об общей и специальной теории относительности сам ставит вопрос: Почему мы перешли от галилеевского преобразования к лоренцовому? Потому что, исходя из некоторых предпосылок, например, из постоянства скорости света, и математически формулируя их, получим лоренцово преобразование. Он не дедуцировал каким-то мистическим образом свои формулы, а после получил результаты относительной физики; дело обстояло как раз наоборот, — и он сам сознается в этом. Безразлично, что Эйнштейн ничего не знает о диалек-

тической логике, о диалектическом материализме; для нас является самым ценным как раз то, что люди, которых нельзя подозревать, что они имеют предвзятое мнение в нашу пользу, стихийно поступают так, как поступил бы диалектический материалист. Если с ним говоришь, то выясняешь, что они примыкают к другим фронтам (напр., Вейль — к Гуссерлю, Эйнштейн — к Маху), а если мы будем наблюдать, как они действительно поступают, то они сами признаются в том, что поступают так, как этого требует диалектический материализм, потому что диалектический материализм не есть норма какого-нибудь категорического императива, который должен следовать, по которой нужно идти, чтобы получить хорошие результаты; он представляет собою, по возможности, точное описание того действительного пути, по которому действительно идет человечество. Диалектика не есть логический постулат, не норма, а фактический путь. Конечно, может быть, часто впоследствии обнаруживаются недочеты, это возможно, но это несколько не мешает тому, что действительный путь, это — диалектический путь.

Если мне удалось, хотя бы и бегло, изложить мой взгляд, то я могу сформулировать результат следующим образом. Мы, действительно, получаем результаты точных наук логическим путем, т.-е. логически выводим их. Нельзя сказать, что можно вывести дифференциальное уравнение Лапласа непосредственно из того состояния производительных сил, которое было в то время, когда жил Лаплас. Но исторический материализм объясняет и связывает с производительными отношениями тот логический прием, который был создан для той цели, чтобы вывести это дифференциальное уравнение. Это уравнение играет колоссальную роль в теоретической физике. Это уравнение тесно связано с теми отношениями, в среде которых оно возникло. Таким образом логический дуализм действительно исчезает, потому что логика сама является результатом, продуктом общественного развития. Между этим продуктом общности и между другими продуктами общности, т.-е. другими идеологиями, нет принципиального различия. Все подчиняются закону диалектического развития. Логика развивается благодаря тем же самым силам, как и другие явления идеологического порядка.

Но здесь остается еще один вопрос — как связать это с нашим исходным объективистским пунктом? Как обстоит дело с объективностью в области логики, где кроме логических представлений, как будто, ничего нет? Я по этому поводу старался строго различить между самой исторической линией развития логической структуры как объективным процессом, с одной стороны, и между теми логическими теориями, которые были созданы по отношению к этой структуре. Самое мышление, как оно исторически определено и исторически развивается, по тождественно с теми логическими системами, которые стараются описать это мышление как факт, как общественное явление. Эта разница здесь чрезвычайно важна. Конечно, нельзя отрицать — да, повидимому, никто из марксистов этого и не отрицает, — что не только логические теории, которые являются отражением логической действительности самого мышления, не только они развиваются и изменяются, но и самый предмет их, мышление, тоже изменяется под воздействием обстоятельств. Наше мышление не тождественно мышлению первобытных людей или диких племен, которые живут и сейчас.

Это значит, что логическая способность, которую можно характеризовать как известную совокупность абстрактных функций, постоянно изменяется, и различия в мышлении, без исключения, в конце концов, сводятся к различию видов абстракционных функций...

Мы имеем перед собой совокупности предметов, мы постигаем их путем меньшего количества понятий, чем количество этих предметов, потому что иначе мы не имели бы никакой практической пользы от абстракций. Сравнивая предметы, мы выдвигаем те их свойства, те их отличительные черты, которые для нас наиболее важны с практической точки зрения. Критерий практики играет решающую роль в создании совокупности этих предметов. Эти предметы можно сгруппировать в самых разных совокупностях, но мы исследуем из этих групп только те, которые практически для нас являются самыми интересными и важными. Различные функции абстракции, путем которых человечество вообще сумело покорить природу и стать владыкой этой природы, — эти абстракционные функции вовсе не являются чисто теоретическими вещами, а являются самым важным орудием в борьбе за жизнь. И эти разные функции являются продуктом того трудового процесса, который существовал в определенное время в человеческом обществе. Не случайность, что те дикари, которые живут сейчас, обладают отчасти теми логическими принципами, как и мы. Они, правда, не развили их дальше, и это объясняется тем фактом, что в той среде, в которой они живут, они не нуждаются в других функциях. Только борьба за жизнь и общественная борьба классов выдвигает новые и более сложные формы мышления. Наша диалектическая логика, например, немислима без существования классовой борьбы.

Эти выводы безо всякого насилия вытекают из учения Маркса. Но я думаю, что не безразлично и даже очень важно знать, как Маркс и Энгельс сами относились к этому вопросу. Сейчас этот вопрос уже стоит в порядке дня, и по нему собираются всевозможные материалы. Я мог бы привести из известного письма Маркса к Кугельману, где Маркс высказывает это почти теми же словами, как и я. Он говорит о том, что есть разница между естественными законами и их проявлениями и между процессом мышления, с одной, и теориями об этом процессе — с другой стороны. Каждый может в этом убедиться сам. (Письмо от 11/VI — 1868 г.)

О другой части моей задачи я буду говорить кратко. Я перечислю только результаты. Я указывал на то, что если мы хотим понимать вообще, что такое идеология, тогда надо знать, что всякая идеология возникает стихийно; возникает иногда, может быть, очень опосредственным путем из отношений производства, но, во всяком случае, стихийно. Это значит — бессознательно. Маркс и Энгельс часто употребляли это слово. Сейчас существует целая школа, которая оперирует этим понятием, Фрейдовская школа. Среди нас в этом отношении нет выкристаллизированной точки зрения относительно теории Фрейда. Я думаю, что эта индивидуалистическая психологическая школа не выдвигает принципиально новых взглядов на бессознательность, в сравнении с тем, что было уже выдвинуто Марксом и Энгельсом. Я даже могу сказать, т.т., что дело обстоит обратно, что фрейдисты сузили понятие бессознательного. Сейчас, к сожалению, я не могу распространяться об этой теории, но предполагаю, что каждый знает ее. Сущность этой теории, как вы знаете, сводится к тому, что отдельный индивидуум, живущий в обществе, подчиняется законам его. Это общество имеет определенные правила морали,

религиозные законы, а сам человек является социальным существом, которое выполняет эти законы и подчиняется им, хотя часто и не хочет этого подчинения. Из этого антагонизма рождается или преступление или, если индивидуум боится быть преступником, то разные формы психоза, нервоза, психических болезней. Эта формулировка не моя, а самого Фрейда. Из этой формулировки ясно, что она предполагает воздействие общества, потому что только общественные правила морального, этического, религиозного порядка являются, в конечном счете, причинами индивидуальных болезней. Но, конечно, мы не можем остаться на этом узком пути. Нам нужно идти дальше, исследовать и поставить вопрос, почему возникли такие правила, которые впоследствии вызвали такие-то индивидуальные явления, скажем, болезни, и тогда получается, что эти правила не являются абсолютными, раз навсегда данными мерами, а являются продуктами общественных отношений, из которых они возникают и с уничтожением которых они сами уничтожаются. Таким образом бессознательное в индивидуалистическом (Фрейденом) смысле предполагает бессознательное в общественном (Марксовом) смысле. Мало того. Понятие Марксова бессознательного не только шире этого индивидуалистического понимания, но богаче и с другой точки зрения. Мы учились в формальной логике тому, что чем общее одно понятие, тем меньшее содержания оно содержит. И это «правило» обозначает, что формальная логика не совсем состоятельна, потому что индивидуалистическое понятие бессознательного предполагает — и без этого оно не имеет вообще смысла, — что данные патогенные элементы, антисоциальные представления и желания возникли в данном индивидууме бессознательно. Они вначале должны быть сознательными. Но ввиду того, что, подвинуясь этим страстям, индивидуум постоянно грешил бы против общественных законов, постоянно спотыкался бы в этических и юридических отношениях, поэтому он должен был вытеснить эти антисоциальные влечения и вожделения, иначе он не мог бы жить. К этому «вытеснению» и сводится понятие бессознательного в индивидуалистическом смысле. А понятие же бессознательного у Энгельса и Маркса гораздо шире и гораздо богаче. Энгельс в одном письме говорит так, что идеология не должна быть во всяком данном индивидууме сознательной, иначе она не была бы идеологией в настоящем смысле, она возникла в индивидууме бессознательно. Только, если мы имеем в виду периоды общественной жизни, тогда мы видим, что определенные представления, которые сейчас образуют идеологию, во время феодализма были еще явлениями сознательными. Так, например, вассал живет трудом своих крепостных. Сам Маркс в одном письме говорит об этом, этот пример приводит. Было бы вздором говорить о том, что этот крепостной не знал, что он поддерживает своего вассала, что последний даром получает от него поборы, потому что он является монополистом земли. Но в другой период, тогда, когда осложнились общественные отношения, когда возник капитализм и, первые формы капитализма, тогда эти явления осложнились, и та эксплуатация, которая в первое время была ясным явлением, постепенно стала неясным, и, в конце концов, нужен был человек, который выяснил этот процесс. Этим человеком был как раз Маркс. Поэтому мы можем объяснить не только то, как возникло это бессознательное, но и то, какие условия создаются для того, чтобы это явление, как созна-

тельное, проявилось. В этом я вижу один из самых ценных результатов нашего мирозерцания, что наш материализм обладает силой приспособляться к новым фактам и отношениям жизни. Энгельс классически формулирует это положение в «Л. Фейербахе»: «Материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием, составляющим эпоху в естествознании».

Несомненно, что понятие бессознательного является крупным открытием, и оно непосредственно, без всякого насилия, входит в диалектический материализм, как составная часть этой теории.

Я говорил после того подробно о тех функциях, которые характеризуют отдельные периоды человеческого общества. Я различал четыре таких периода. Я не хочу сейчас говорить об этом, укажу только, что капиталистический период характеризуется фетишистским свойством не только товара, но вообще всех общественных отношений, а, с другой стороны, рационализмом. Создаются теории, которые претендуют на описание действительности, но которые в действительности более или менее искажают эту действительность, при чем они сами по себе как конструкции обнаруживают известную логическую стройность. Эту черту называл я рационалистической. Этим я хотел выразить только то, что рационалистический образ объяснения еще вовсе не является гарантией состоятельности анализа. Ясно, что он является одним из условий, т.-е. необходимым, но вовсе недостаточен. Нужен целый ряд критериев, и среди этих критериев некоторые являются решающими. Без знания того, что существуют фетишистские явления и логическая обработка, нельзя избежать фактических ошибок. Без такого знания нельзя диалектически подойти к серьезному анализу явлений.

(После перерыва.)

Аксельрод, Л. И. (председатель). Слово имеет А. Богданов.

Богданов. Доклад тов. Варьяш посвящен, собственно, вопросу о выработке форм мышления с точки зрения диалектического материализма, форм мышления в самом широком смысле этого слова, охватывающем логическую структуру и т. п. Тов. Варьяш цитировал несколько мест из Маркса, говорящих о том, что Маркс этим вопросом занимался. Я не знаю, почему он не цитировал одного самого решающего и яркого места из «Нищеты философии». Там говорится так: «Те самые люди, которые формируют социальные отношения сообразно своему материальному способу производства, формируют также и свои принципы, идеи, категории сообразно своим социальным отношениям».

Формирование категорий на основе социальных отношений. Это, собственно, формулировка того, что я назвал впоследствии «социоморфизмом», развивая эту идею и прилагая ее конкретно, выясняя, как социоморфно образовывались новые и новые категории мышления. Я анализировал с этой точки зрения развитие причинности в разных ее стадиях и другие разные вещи. Надо иметь в виду, что в понимании исторического материализма, идеология представляется с двух точек зрения. Часто говорят об идеологических моментах, как искажениях действительности, реальных отношений с точки зрения интересов, выгоды, в апологетическом смысле. Это есть преобладающее, обычное понимание. Но здесь, у Маркса, как и в его учении

о товарном фетишизме, выступает совершенно другая концепция, в которой дело идет о структуре мышления в его механизме, вырабатываемом на основе социальных отношений, которые, следовательно, определяют действующий в дальнейшем механизм идеологических форм. Если категории известным образом вырабатываются, то в эти категории дальше все и будет укладываться. Тов. Варьяш в своем первом докладе, говоря о происхождении идеализма, выразился так: надо было все обобщать, сводить к единству; оно уже было выработано для области сознания; его и распространили на все остальные области. Так было не только в этом случае: это относится ко всем случаям выработки форм мышления, и именно этот смысл имеет, как я полагаю, формулировка Маркса. Данные социальные отношения такие или иные, допустим — беру простейший пример — авторитарные отношения руководства — исполнения, власти — подчинения. Для них люди вынуждены необходимо выработать вполне определенные категории: руководства — исполнения, высшего — низшего, активного — пассивного. И раз такие категории выработаны, в них неизбежно пачинает укладываться весь мир, ибо нужно единство. Эти категории даны и необходимы, как данный механизм, и в них, если можно так выразиться, механически, но в общем, конечно, смысле, укладывается все. Это относится ко всей выработке форм мышления.

Совершенно иное значение имеют те апологетические моменты, к которым обычно сводят дело, и которые не имеют ничего общего с необходимыми формами мышления.

Там, где выступает сознательная или бессознательная, но связанная с историческим моментом, с данным соотношением сил апологетика, там обычно люди нарушают свои собственные формы мышления. Там, большей частью, можно логически-убедительно опровергнуть с точки зрения собственных принципов того, кто эту апологетику создает. Напротив, форма мышления ничего в сущности не искажает, а только все обрабатывает по-своему. Я приведу иллюстрацию, грубую, какими обыкновенно бывают мои иллюстрации, но которая может мою мысль вполне высказать. Это — разговор между дикарем и европейцем. Европейец хвалился результатами европейской культуры, и указал дикарю на такую вещь: «Вот лежит камень, весом пудов в 100. Ты можешь его сдвинуть?» — «Нет», — отвечает дикарь. — «А я могу с помощью знаний и техники». — Он взял рычаг, подложил другой камень и сдвинул камень с места. Дикарь говорит: «Да, ты владеешь большою властью над духами». Тот отвечает: «Никакой тут нет власти над духами, я это делаю с помощью другого камня и рычага». Дикарь ему в ответ: «Да, но ты приказал духу рычага сдвинуть камень и он подчинился». Европейец снова: «Ничего подобного», а дикарь отвечает: «Но ведь это совершенно ясно. Ты сколько сам мог сдвинуть? Пудов 10, не больше. Кто же сдвинул остальное?».

Совершенно неопровержимый аргумент. Опровергать форму мышления нельзя, раз она существует, ее только можно устранить. Нельзя опровергнуть каменный топор, а можно его заменить железным. Так работают формы мышления. Это точка зрения не только моя, но Маркса: как вы знаете, он о товарном фетишизме определенно говорит, что «эти формы мышления объективны в пределах товарного общества». Он поясняет, что объективные, это — значит общественно-значимые, и он вовсе не придает термину какому-нибудь ограничительного значения, нигде на это указания нет. Он рассматри-

вает эти формы, как действительно об'ективные в пределах товарного общества; они устраняются и опровергаются, но не в смысле логики, а в смысле жизненной борьбы, они преодолеваются, с точки зрения высшей общественной формации.

Вот как обстоит дело с формами мышления, и поэтому мне показалось странным отступление тов. Варьяша от этой точки зрения, когда он говорил о классовых искажениях, которые могут быть в математике. Я не думаю, чтобы в математике могли бы быть классовые искажения, связанные с интересами и выгодами. Я не думаю этого, потому что нужна очень большая цепь посредствующих звеньев, которые для этого вступали бы между самой жизнью и весьма далекой от жизни математикой. Но совершенно определительно математика в ее нынешних формах есть продукт определенной структуры мышления. Я приведу вам иллюстрацию. Тов. Варьяш взял пример из Эйнштейна, — понятие о конечности вселенной — и сказал, что тут есть что-то вроде классового искажения; т.-е. находил тут идеологию в более узком смысле слова, в смысле искажения. Я этого не думаю. Я не представляю себе, как тов. Варьяш ответил бы на такой вопрос: Эйнштейн вводит понятие о конечности пространства вселенной. Но ведь понятие об ограниченности количества материи во вселенной существовало и раньше. И если вы примете формулу Ньютона о тяготении mm'/l^2 , то совершенно необходимо и неизбежно признать, что количество материи в природе ограничено. Если в формуле показатель 2, то против этого ничего нельзя сделать, потому что тогда бесконечное количество материи означало бы бесконечное напряжение в каждом данном пункте, т.-е. всякая данная материя была бы неизбежным образом разорвана, потому что имелось бы бесконечное количество силовых линий, сходящихся в каждой данной точке. Но если ограниченность материи не представляет искажения, то я не вижу, почему понятие конечности пространства, также неизбежное с признанием кривизны пространства, в этом смысле хуже.

Конечно, может оказаться, что формула Ньютона не вполне удовлетворительна. Я лично интересовался вопросом об этом показателе 2, и с большим интересом прочитал отчет о работе Тольмана, которая дает очень серьезные теоретические основания, чтобы считать, что этот показатель не абсолютно точен. А между тем достаточно, чтобы показатель 2 был уменьшен на какую угодно малую величину, и бесконечность материи становится возможной.

Тольман применял метод «миниатюрных миров», т.-е. подобий действительного мира, получаемых его уменьшением по всем его измерениям в некоторой пропорции. Оказывается, что некоторые законы, большинство их, могут сохраниться в прежней форме при каком угодно уменьшении. Но Ньютонов закон тяготения не может удержаться в форме, связанной с точным квадратом расстояния; из этого, по Тольману, следует, что он не вполне точен, в нем потребуется поправка. Но теперь пока для нас это не важно. Вопрос в том, можно ли принять, что закон Ньютона с его выводом — искажение, буржуазному мышлению он удовлетворяет, а пролетарскому нет. И я думаю, что об искажении в идеологическом смысле здесь говорить не приходится. Со своей стороны, я хотел бы указать пример резкого противоречия старого буржуазного мышления и новейшего, может быть, даже не совсем пролетарского, может быть, мышления просто технической интеллигенции, к типу которой я в общем социальную принадлежу. Я помню, во времена моей молодости

сти, в университете преподавался векториальный анализ, в его старой форме. Возьмите обычное там выражение вектора: Вектор выражается величиной $i^{1/2}$, при чем i , это—мнимая величина, это корень из минус единицы. Берется степень мнимая. Мнимая степень, при обычном понимании слова «степень», совершенно немыслима и совершенно бессмысленна. На деле мнимую величину можно сделать понятной и уже целый ряд теоретиков, занимавшихся этим вопросом, дали более или менее конкретное объяснение смысла мнимой величины вообще; но мнимая степень, по обычному определению этого понятия, как числа множителей, как числа показывающего, сколько раз данная величина входит множителем,—конечно, это было бы совершенно бессмысленно и нелепо. И вот человек, который имеет дело с орудиями и который к познанию относится, как к орудию,—а таковым может быть и пролетарий и технический интеллигент, который все-таки к технике и борьбе с природой имеет касательство,—такой человек найдет непонятным, как возможно применять орудие противоречивое и немыслимое, как этот символ. Он знает, что если взять топор, у которого лезвие стальное, а топориче только тень, т.-е. который представляет противоречивую комбинацию, то этим орудием нельзя работать; и поскольку для него орудие есть орудие, он скажет: для меня непонятно, непостижимо, каким образом подобный комплекс, негодный в том смысле, что он противоречлив, невозможен в смысле его реализации, каким образом он может быть годным орудием; а орудие годное, потому что ряд задач можно решать очень хорошо и просто, с большой экономией времени и энергии с помощью этой элементарной формулы. И тут мы встречаем, как раз, глубокое противоречие этого нового мышления с буржуазным мышлением, как оно сложилось: его вполне удовлетворяет сознание, что это есть символ, только «мыслимое» понятие, и для него вполне понятно и ясно, что такие мыслимые понятия представляют, совершенно независимо от того, имеет подобный символ сам по себе какое-либо конкретно-практическое основание или нет. Он может быть вовсе не составлен из действительных, реализуемых соотношений и все-таки в некотором роде управлять ими, управлять в том смысле, что может руководить в решении задач. Идея для этого мышления не орудие, а нечто такое, что гораздо выше и к ней требования, которые предъявляются к орудию, неприменимы. Я полагаю, что всякий нормально устроенный пролетарский или вообще технически-настроенный мозг восстанет против этого и станет требовать объяснений.

Ю ш к о в и ч (с места). Я не вижу, что в этой формуле непонятного: мнимая степень так же мыслима, как и вообще мнимая величина.

Б о р д а н о в, А. Нам с вами спорить тут не о чем, я констатирую только то, что есть. Если для вас показатель $i^{1/2}$ так же просто мыслим, как показатель x , то незачем спорить. Чтобы это было так просто, нужно мышление, которое относится к познанию не как к орудию, а как к чему-то высшему, при чем принимается, что именно поэтому с помощью такого символа можно решать задачи, пользоваться им, как целесообразным орудием. И для меня, конечно, этот символ на самом деле не бессмыслен; но он требует расшифровки; я сам занимался расшифровкой этого символа и полагаю, что расшифровал, а когда такая отвлеченная формулировка расшифрована, то становится понятно, что можно геометрически выразить ее. Но дело в том, что математики, с которыми я имел дело, к которым я обращаюсь, когда был студентом, задавая вопрос об этом, постоянно мне отвечали: «вы задаете просто бессмысленный

вопрос. Это символ, формулировка написана, больше говорить не о чем». Я говорил им, «я этот символ понимаю, как его обычно понимают, но реального смысла в нем не вижу, потому что вы не можете же взять число множителем мнимое число раз». На самом деле вопрос заключается в том, чтобы найти реальную, не воображаемую основу самого понятия степени, и тогда символ расшифровывается и не представляет ничего бессмысленного. Но самая необходимость постановки этого вопроса вытекает из такой формы мышления, для которой символ есть орудие и не может быть внутренне противоречив, как пельзя применить орудия, состоящего из кусков света, звука и материи. Мышление техническое, конечно, не примирится с таким орудием и потребует его расшифровки. Все стремления расшифровать исходили из мышления технического, а не отвлеченного. Поэтому я и сказал, что к этому стремится не только пролетарское мышление, но всякое хорошее техническое мышление.

Далее, я не совсем понимаю, почему тов. Варьяш сделал оговорку, что логики не все относительны. Я боюсь, что понятие относительности здесь несколько неясно. Относительность вовсе не то, что просто неверно. Относительно — вовсе не значит неверно. Относительное, это значит соотносительное определенному комплексу условий. Относительная истина есть настоящая истина, и наилучшая истина в данной системе условий. Вот что значит относительность истины. В пределах этой системы условий, в пределах этой среды, этой обстановки это все-таки истина, и спорить против нее не приходится. Измените, расширьте обстановку, и она окажется недостаточной. Так было всегда. Это то же самое, что, как тов. Варьяш говорил, прежняя логика заменяется новой, потому что она недостаточна там, где новая логика становится достаточной. Старая соотносительна тем условиям, в которых она выработывалась, новая соотносительна той новой сумме условий, для которых она выработалась, но она опять может стать, с расширением условий, недостаточной, понадобится опять позая, более широкая, и это не значит, что та была абсолютно ложна.

Далее, если искажение истины умышленное, то это — апологетика, и формы мышления тут различать нечего. Это не форма мышления. А когда дело идет о мышлении, то пельзя просто сказать — там был фетишизм, а теперь его нет: надо еще спросить, что об этом скажут следующие поколения, они в нашей истине тоже найдут фетишизмы, только другие.

Затем я хочу сделать несколько частных замечаний, которые я делаю, потому что хочу указать на некоторые уклоны мысли тов. Варьяша. Тов. Варьяш объяснял идеализм, как реакцию против материализма. Он говорил, что выдвигались материалистические идеи классами угнетенными, а как реакцию против этого классы угнетающие выдвигали идеализм, и прибавил общее соображение: классы угнетенные идеализма не выдвигали. Я с этим совершенно согласиться не могу и думаю, что тов. Варьяш с позиции выработки форм мышления здесь тоже перешел на позицию апологетики. На самом деле угнетенные классы — не только пролетариат и крестьянство царской России и т. п., — угнетенными бывают разные классы и буржуазия, при угнетающей аристократии. Неужели, напр., вы себе представляете Фихте угнетателем? Нам известна его фигура, он в общем идеолог мелко-буржуазный, идеолог тогда поднимавшейся и, несомненно, угнетенной немецкой буржуазии. Фихте с его радикальными тенденциями никак не может рассматриваться как представитель реакции против материализма угнетен-

ных классов; это у меня в голове совершенно не укладывается. Вообще я считаю, что тут следовало бы анализ начать с точки зрения форм мышления и показать, как выработалась под влиянием таких-то социальных отношений такая-то форма мышления, которая должна была сделать для себя первичными идеологические элементы. А у тов. Варьяш тут опять есть уклон от понятия о выработке форм мышления, от той линии, которую наметил Маркс, к более упрощенному представлению об идеологии, к понятию об аэиологетике.

Другая неудачная формулировка: «существуют отдельные солдаты, а армии как реальной вещи не существует». Дело в том, что вопрос, существует ли армия или отдельные люди, это — вопрос праздный. Существует ли человеческий организм или 60 триллионов клеток, из которых он сформирован? Организм как целое существует. Армия не только математическая, арифметическая выразимая сумма своих элементов; но армия существует как целое; это выражается в той концепции, которая обыкновенно формулируется как «дух армии». Он реально существует; и отношение армии к потерям служит мерилом единства этого целого. Иногда при маленьких потерях армия разрушается; в других случаях этого не получается и при колоссальных потерях. Смысл суждения, высказанного тов. Варьяш, есть падение в атомистику. Атомистика тоже один из случаев социоморфизма, перенесение на природу понятия общественных отношений, именно индивидуалистических; недаром «атом» значит то же, что «индивидуум», индивидуалистическая форма мышления была необходима, и эта форма распространялась на всю природу. Атом в новейшем смысле не то. Это есть не что иное, как организационный центр; современный атом в сущности простирается на всю вселенную, хотя бы с точки зрения теории относительности.

Далее у тов. Варьяша выступает один уклон, который я отметил, как симпатичный для меня, значит «вредный» в общественном смысле, но который у него остался невыясненным. Это когда он говорил об интеграле, о представлении интеграла. Он говорил, что интеграл одно, а представление об интеграле другое, и может быть неверным.

В а р ь я ш. Интеграл, это реальное отношение между вещами, а представление о нем — дело иное, а именно отражение этого отношения.

Б о г д а н о в. Я вас не понимаю. Если существует реальное отношение, которое можно реально воспринимать, то есть ли это реальная вещь, или нечто иное?.. Какая разница между интегралом и представлением о нем? Я думаю, что это недостаточно вами выяснено. Если математическая категория исторически выработана на основе долгого развития, то у нее есть реальность, но только не индивидуальная реальность. Представление индивидуальное — это представление отдельного человека, между тем интеграл вырабатывается как приспособление общественное, которое охватывает не только всю сумму индивидуальных представлений, но всю сумму их соотношений, — словом, это то, что в свое время я называл термином — я теперь боюсь его повторить — «коллективно-организованный опыт». Вот в сущности что такое интеграл.

Еще один момент, который я хотел отметить. Я понял вас так, что отношение физических событий не есть событие.

В а р ь я ш. Отношение событий в физической цепи зависимости не есть событие из этой зависимости, не физическое событие из той же совокупности.

Б о г д а н о в. Если интеграл есть отношение физических событий, то,

значит, у вас интеграл не есть событие. Но тогда мне кажется, что вы тут произвели разграпичение, которое представляет не то чрезмерную тонкость, не то опасное смешение. А как вы объясните, если мы имеем соотношение психического и физического события — это событие или нет и из какого ряда?

Варьяш. Если мы возьмем какой-нибудь психо-физиологический процесс, то так как физиологический процесс является частью природы, то это будет событие.

Богданов. А соотношение актов сознания и физиологических процессов в нейронах мозга, с которыми они связаны, — это событие или нет?

Варьяш. Это физический ряд, часть физического мира, так как представления как функции нейронов являются результатом материальных отношений.

Богданов. Тогда я вас не понимаю; если вы представление относите к физическому миру, тогда отношение представлений для вас есть не событие, потому что отношение физических событий, как вы говорите, не есть событие. Тут дело в неясной формулировке, по я боюсь, что дело также и в другом. Отношение психических событий не всегда есть событие, даже психическое. Оно событием становится тогда, когда оно констатировано, попало в поле восприятия и в поле психики. А если имеется такое соотношение, что какой-нибудь первобытный дикарь мыслил таким-то образом, а я мыслю так-то, и если это соотношение не вошло ни в чье поле сознания, то события тут еще нет. Одно представление о спутнике Сириуса у его жителя, другое представление мое о том же спутнике Сириуса, который за последнее время привлек особое внимание ученых, — это представления разные. Но их соотношение не стало психическим событием, пока о нем никто не подумал, как подумали хотя бы в наше время. Отношение психических событий так же мало событие, как отношение физических, если они не попали в поле психики и не стали объектом сознания. Раз мы констатировали известную связь, то она стала психическим событием. А пока она не вошла в поле ничьей психики, такого события нет, ничего не случилось.

Варьяш. Конечно, если вы считаете, что вещи существуют постольку, поскольку мы о них знаем...

Богданов. Я вижу, что хотя вы еще не знакомы с моими работами, но уже успели получить ложное представление о моих взглядах. Я никогда не говорил, что вещи существуют постольку, поскольку мы о них знаем. Я говорил, что если вещь такова, что о ней ни мы, ни кто бы то ни было, ни при каких условиях узнать не может, то эта вещь не существует, и кончено.

Аксельрод, М. И. (председатель). Слово имеет тов. Юшкевич.

П. С. Юшкевич. Я ограничусь несколькими вопросами, на которые попрошу ответа у тов. Варьяша.

Во-первых, по поводу так называемого социоморфизма, по поводу проблемы логической структуры и связи ее с социальной подпочвой. Без сомнения, правильно указал тов. Варьяш, что основная, занимавшая Маркса все время, проблема касается вопроса о том, как небесные формы вывести из земных, как идеологию вывести из материальной подпочвы. Но Маркс вовсе не решал ее в духе теории социоморфизма. Он вовсе не утверждал, что каждому производственному комплексу соответствует и специфический умственный комплекс в смысле особенного типа мышления, особенных законов мышления. Можно ли, например, утверждать, что те четыре способа производства, о которых говорит Маркс в «Zur Kritik»

имеют каждый свою особую логику, свой резко отличный способ умственного подхода к миру? Аналогичная мысль есть у Шпенглера, утверждающего, будто каждая культура представляет органическое связанное целое с своеобразным умственным укладом, так что, скажем, наша эпоха характеризуется дифференциальным исчислением, музыкой и т. д., греческая культура — целым числом, архитектурой и т. д., и разные культуры со своими разными логиками как бы непроницаемы друг для друга. И вот думает ли тов. Варьяш, что существует в самом деле такого рода связь, соответствие между логическим аппаратом и материальной подпочвой, или этой связи нет. Есть теории, которые стоят в стороне от марксизма и которые признают в известной мере множественность логик. Напомню известную теорию французского социолога Леви-Брюля о первобытном до-анимистическом и мистическом периоде мышления. Согласно этой теории, разделяемой многими, существует радикальное, резкое различие между первобытной мыслью, не знавшей нашего закона тождества, нашего закона причинности и т. д., и мыслью, оперирующей знакомыми нам принципами логики. Судя по замечаниям тов. Варьяша о тотемистическом строе мышления первобытных обществ и по некоторым другим его рассуждениям я понял его в том смысле, что и по его мнению логическая структура в связи с ростом производства претерпевает такие же примерно революционные разрывы, как те, о которых говорит Леви-Брюль. Вот тут выходили молодые товарищи математики и говорили, поддерживая тов. Варьяша о серьезных разногласиях по ряду вопросов математики, что, повидимому, должно было свидетельствовать в пользу признания различных типов мышления. Но неужели если один ученый защищает теорию Эйнштейна, а другой оспаривает ее, если в ходе исторического развития произошло расширение понятия кривой и пр. — то это говорит о различии, принципиальном различии логик, а не о разногласиях, вполне естественных, в рамках одной и той же логики? Одно дело — накопление знаний и вместе с этим противоречий, разногласий в рамках одной и той же логики, другое дело — отличие нашей «евклидовой» логики от мышления первобытных людей, детей, сумасшедших и пр.

К этому можно подойти еще иначе. Логика, это — деятельность нашего мозгового аппарата. Не придет же в голову тов. Варьяшу говорить, что глаза средневекового человека отличаются от глаз человека капиталистической культуры. Несомненно, условия производства оказывают влияние на зрение; близорукость, может быть, — профессиональная болезнь ученых и т. д. Но физиологический аппарат зрения, он в целом един на протяжении веков, не меняясь в основном с ломкой производственных отношений. То же самое, я думаю, относится и к нашему мозговому аппарату. Тов. Богданов выдвигал здесь какую-то техническую логику — нечто, повидимому, промежуточное между буржуазной логикой и пролетарской. Мне это кажется огромным преувеличением, и мало вяжущимся с марксизмом, несмотря на цитату А. А. из Маркса о категориях, которые надо здесь понимать вовсе не в смысле логических принципов, законов.

Теперь другое. Я хотел бы выяснить себе мысль тов. Варьяша, когда он говорит о законе причинности и достаточного основания. Вы почему-то приписываете всем идеалистам, будто они отождествляли — не знаю: фактически или в смысле логической последовательности должны были бы отождествлять — оба эти начала. Я думаю, что фактически это не так. Неужели вы серьезно полагаете, что идеалист Кант отождествлял принцип каузальности,

это необходимое для построения естествознания начало, с связью достаточного основания, характерной хотя бы для сцепления между собой истин математики? Указываемое вами смещение характерно не для идеалистов вообще, а для известной группы философов рационалистического толка.

У тов. Варьяша есть далее своеобразная теорема, что там, где имеется причинная связь в вещах, там в предложениях об этом должна быть связь по принципу достаточного основания. Возьмем для проверки какое-нибудь положение Эвклида. Например, что сумма углов треугольника равна двум прямым, положение, выводимое из известной аксиомы о параллельных линиях. Тут между свойствами треугольника и свойствами параллельных прямых есть связь, по принципу достаточного основания. Но тогда, согласно вашему тезису, вы должны заключить, что между соответствующими предметами, т.-е. треугольниками и параллельными линиями, есть связь каузального типа. Не думаю, что вы решались принять существование такой причинной связи между идеальными объектами математики. Существование треугольников и пр. развертывается в совершенно иной плоскости, чем существование вещей обыкновенных, и связь между треугольниками и пр. — одного типа, а связь между материальными вещами — другого типа, связь идеальных объектов по принципу достаточного основания отнюдь не должна иметь непременно соответствующего эквивалента в мире каузальности.

В а р ь я ш. Такого взгляда никто не имел. Даже идеалисты не имели взгляда, что связь между треугольниками одного типа, и связь между материальными вещами — другого типа.

Ю ш к о в и ч. Если бы даже не имели, то неважно. Теперь еще несколько замечаний по поводу вашего преодоления дуализма. Это кардинальнейшая идея. Вы тут выдали вексель, но посмотрим, как вы уплатите по этому векселю. Это значит вот что: есть производственный ряд развития, такой-то трудовой процесс, и есть далее идеологический ряд развития, известное учение, теория, дифференциальное исчисление и т. д. Вы хотите установить между ними связь, но как? Вы не только беретесь доказать, что, скажем, благодаря потребностям производства в XVI веке возникла мысль о дифференциальном исчислении, а в XIX веке, в связи с социальной борьбой — дарвинизм и учение о борьбе за существование и т. д., как, скажем, еще А. А. в логической модели атомистики видит отражение структуры индивидуалистического, мелко-буржуазного общества. Вам этого мало, и вы — насколько я понял — беретесь и всю имманентную, формальную сторону дела, (т.-е., например, не только принципы дифференциального исчисления, но и всю теорию его) также объяснить соответствующим образом. Это — крайность. Такой марксист, как Плеханов, даже в искусстве находил свои формальные законы развития (например, начало антитезы). Что же сказать о научной дедукции? Известная материальная подпочва дает, скажем, начало известной системе идей, но как система, она имеет уже свою логику развития. Симуляцией обстановки борьбы, войны мы создали шахматную игру, но значит ли это, что вся теория этой игры, все внесенные в нее, например, Ласкером усовершенствования тоже соответствуют определенным импульсам социального порядка? Повторю: исходные пункты известной дедуктивной системы (дифференциальное исчисление, теория множеств, теория Эйнштейна и пр.) могут иметь свое начало в социальном бытии — допущу это, хотя и это утверждение требует ряда серьезных оговорок. Но во всяком случае формальное развитие всякой си-

темы имеет свою внутреннюю логику. Если вы назовете это дуализмом, то такой дуализм — факт, и я буду ждать, когда вы сумеете устранить его, т.-е. окончательно растворить формальное в материальном.

Теперь еще несколько слов по поводу Фрейда. Фрейдизм касается другого круга вопросов, чем марксизм, и его не приходится сравнивать с последним в смысле новизны, богатства или бедности идей и пр. Фрейдизм — это психологическая теория, но ее можно транспонировать и взять, так сказать, в социологическом ключе, как это делает сам Фрейд и его ученики, впадающие при этом нередко в грубейшие ошибки. Но вопрос в другом. Недавно в английской «*Nature*» по поводу Фрейда велась полемика, при чем в защиту его выступил известный этнолог Малиновский. Он говорил, что если брать его буквально, то получится чепуха, что если применить, скажем; учение об эдиповском комплексе к обществу, где нет патриархата, то получится бессмыслица, потому что он предполагает наличие патриархата. Но он ссылаясь на свои наблюдения нравов новогвинейских дикарей, где нет патриархата, а существует матриархат, где эквивалентом отца является брат матери. И оказывается, что в снах и легендах этих дикарей брат матери играет ту же самую роль, какая выпадает по Фрейду на долю отца (в связи с комплексом Эдипа) в наших обществах. Малиновский утверждал, что у Фрейда много ценного с социологической точки зрения, но что не нужно брать этого в буквальном изложении самого Фрейда и что результаты при этом могут получиться очень ценные. Я на это указываю потому, что здесь, в социологической интерпретации, а не в психологической теории, могут найтись нити, ведущие от Фрейда к Марксу, — вопрос интересующий теперь, как известно, многих марксистов, но получающий у них часто диаметрально противоположные ответы (см., например, замечание Троцкого в его книге «Литература и революция»).

Аксельрод, Л. И. (председатель). Слово имеет тов. Гросман-Рошин. Гросман-Рошин. Тов. Богданов говорил здесь о социоморфизме. Этот термин приемлем, конечно, и я его обычно употребляю. Но нужно здесь же сказать, что существуют различные виды социоморфизма. Есть социоморфизм формально-статичный и диалектический. Я знаю прекрасно социоморфизм Богданова, который есть производное, генетическое. Для меня было бы чрезвычайно интересно, как относится А. А. к диалектическому социоморфизму. Здесь был весьма серьезный обмен мнениями, так как это весьма важный вопрос, который затронул тов. референт. Я должен сказать, что с точки зрения диалектики те утверждения, которые здесь сделал А. А. Богданов, нуждаются в некоторой поправке, когда тов. Богданов говорил о том, что, в сущности говоря, искажений не бывает, что в тех случаях, когда это апологетика, тогда это простая ложь. Я думаю, что он не совсем прав. Дело в том, что вам прекрасно известны слова Маркса о том, что ученик-волшебник вызывает духов, с которыми не может справиться. В том-то и дело, что каждый общественный человек, поскольку он занимает часть социальной территории, черпает свою идеологию из своей ограниченной общественной среды, и поэтому неизбежно извращает действительность не в том смысле, что он что-то врет, а просто создаются такие гетерономные силы, по отношению к которым он обязательно является извращающим действительность. Это все, что я хотел сказать по поводу замечания тов. Богданова. Теперь относительно товарища Варьяша. Я не совсем согласен с тов. Варьяшем. Я не собираюсь с ним спорить, я только хочу сказать, что

и не все понял, и пусть он поймет мои указания не как критику, а как желание раз'яснить. Так, например, он заявил, что идеалисты не могут справиться с принципом причинности, что у них есть только принцип достаточного основания. (Варьяш с места. «Не верно»). Он говорит: «Не верно». Значит, я не понял. Лейбнизова монада проделывает определенный путь от темного к ясному, от ясного к прекрасному, от прекрасного к достоверному. Вы знаете, что тот момент, когда душа наша остановится, эта самая точка и объясняет принцип достаточного логического основания. Но, может быть, я вас не понял. У тов. Варьяша получается такая штука, такой обратный платонизм, ибо он думает, что существует адекватная полнозвучная сознающая себя идея и что существует какой-то инвалид бытия вещей. У него получается, таким образом, что существует плотная полнокровная материальная причинность, а потом существует еще инвалид, который, когда начинает строить принцип достаточного логического основания, то до адекватной цепи причин не добирается.

Я должен сделать еще одно замечание насчет того места, когда он говорит о диалектике. Тут опять-таки я не упрекаю методологически, но этот доклад должен быть жестче, крепче. Он говорит о формальной логике Аристотеля. Она была приспособлена для своего времени. Когда же мы ушли далеко от Аристотеля, имеем другую культуру, мы можем сказать, что — хотя там была логика Аристотеля, но и она все-таки была логикой. Но он забывает диалектику Гераклита, который очень многим отличался от Гегеля. А и эту логику нужно припомнить. Логика Аристотеля была нехорошая, сложная, и затем была хорошая логика. Это не есть Марксов анализ, подход. Затем еще одно замечание, хотя не в порядке дискуссии. Я этого не понимаю, может быть, мне тов. объяснит это относительно диалектики. Получается картина, которая заключается вот в чем. Была логика Аристотеля, она не анализируется, она входит в диалектическую логику и там растворяется. Это представление абсолютно анти-диалектическое. Это — бернштейнианизм и вот в каком смысле. Существует тут не противоположность, не недоразумение, а просто различие, когда один класс прогрессивно поднимается, другой умирает. Не думайте, что я хочу заниматься упреками докладчику, что он бернштейнианец, я хочу выяснить неточности. Мы имеем определенную формальную логику, и она относится к вещам и состояниям, а диалектика относится к процессам и универсальному движению... Поэтому — формальная и диалектическая логики — есть процесс совершенно иного подхода. Вот те скромные замечания, которые я хотел сделать.

Аксельрод, Л. И. (председатель). Слово имеет тов. Люстерник.

Люстерник. Доклад тов. Варьяша для меня, как математика, представлял собой в некоторых частях значительный интерес. Тов. Варьяш говорил в докладе о том, что логика не является чем-то постоянным и логические процессы изменяются и что логический аппарат, которым владеет наука в разные эпохи своего существования, строился применительно к трудам определенных исторически выступивших научных и практических целей. Если мы взглянем на историю математики, то она должна подтвердить мысль тов. Варьяша. Если бы логика была чем-то постоянным, если бы различные логические системы совпадали, то в математике могли бы быть споры о темпах, о целесообразности той или иной главы математики и т. д.

Между тем известно из истории математики, что всегда существовали школы, которые осуждали утверждения других школ. Особенно это видно, например, в последнее время. Если взять, например, последний период истории математики, то принцип индукции, как показал Пуанкаре, совершенно не вытекает из формальной логики, потому что требуются бесчисленные силлогизмы, и если взять теорию множеств, она совершенно не укладывается в рамках формальной логики. Теперь еще нет единой логики в математике. Здесь опять-таки мы встречаемся с мыслью, что современная математика все еще не имеет единого логического аппарата и математические теории, которые считались доказанными с точки зрения одной школы, другой школой не считаются доказанными. Есть теорема о том, что счетная совокупность счетных множеств есть множество счетное, и она признается школой Кантора, но отрицается польской школой, которая считает, что эта теорема не доказана.

Затем по поводу вопроса о том, что в абстрактных понятиях существует разница между объектом и представлением об объекте. Возьмем, например, понятие множества. Тут имеется некоторая реальность, но определения множества в математике не существует. Если брать такие сложные понятия, как интеграл, то здесь разница ступенчается, но если взять такие элементарные понятия, как понятие целого числа, то здесь разница между предметом и представлением о предмете очень выпукла, потому что ни у одного математика нет точного логического представления о целом числе, и никакой аксиоматики этого целого числа опять-таки нет. Поэтому до сих пор целью математических работ было только аксиоматически свести все к понятию целого числа. Значит, тут, по крайней мере, в математике, признавали реальность целого числа, не давая его определения, т.-е. различали целое число от его понятия, которым мы пока не обладаем.

Аксельрод, Л. И. (председатель). Слово имеет тов. Лихтенбаум.

Лихтенбаум. Я тоже математик и тоже хотел только констатировать факт. Во-первых, я хотел сказать относительно эволюции логики. По моему глубокому убеждению, прогресс математики достигался путем эволюции логического аппарата. Я хотел бы в качестве примера остановиться на понятии кривой. Понятие кривой, как одно из самых важных понятий математики, фигурирует в математике с самого ее основания, с первых попыток ее систематически изучить. Эвклид пытается выделить из всевозможных кривых, которые он называет линиями, — выделить прямые, которые ему нужны. Он говорит о кривой, что линия, это — длина без ширины. С таким понятием кривой математика работать не могла, она эволюционировала путем развития логического аппарата, и, наконец, математика пришла к определению Жордана. У Жордана кривая, это — две функции непрерывные, на отрезке от 0—1. Определяют кривую независимо от осей координата, ибо тогда мы обращаемся к более сложному, чем сама кривая. Математика добилась такого определения, но при этом она встретила с еще большими трудностями. Математике удалось дать определение кривой, которое близко к внутреннему определению, ибо без принятия мнимых чисел.

Аксельрод, Л. И. (председатель). Слово имеет тов. Тамзин.

Тамзин. Товарищи, я просто, как пролетарий, скажу несколько слов относительно замечаний тов. Богданова, будто бы нет существенной разницы

в отношении пролетариата к материализму и поднимавшейся в свое время буржуазии. Я совершенно не согласен. Поднимавшаяся буржуазия имела в своем диалектическом развитии объект своей эксплуатации — рабочего, который должен был около нее работать в находящихся в ее власти орудиях труда производства. Что касается пролетариата, то он ни в каком фетише не может быть заинтересован, как в товарном фетишизме, точно так же и в фетишизме идейном. Для него идея, это — орудие его борьбы, орудие его производства, если хотите, материализм в руках пролетариата не просто патристический фетиш, как для мелкой буржуазии, для пролетариата это есть определенное орудие для достижения определенных идеалов. Пролетариат сам по себе является синтезисом. Ведь мы диалектический процесс должны рассматривать не абстрактно. Ведь собственно диалектический процесс, если он происходит в каком-нибудь предмете, то он где-нибудь начинается и где-нибудь кончается. Но точно так же и в человеческом обществе диалектический процесс не является чем-то бесконечным, он заканчивается, имеет свой тезис, свой аптитезис, свой синтезис. Пролетариат со своим идеалом внеклассового общества является синтезисом в области общества. Так как он чувствует в себе зародыши будущего общества, для такого предмета ему нужны были какие-нибудь идеи. Но точно так же, как у него не может быть товарного фетишизма, точно так же у него не может быть и идеологического фетишизма. Пролетариат имеет перед собой машину, а машина не может явиться тем по отношению к пролетариату, как для буржуазии.

С победой пролетариата, с уничтожением классового общества возникает диалектический процесс общественного развития, диалектические законы продолжают действовать, но уже вне классового общества. Человечество овладевает диалектическим процессом, и человек, как высшая организованная материя, является доминирующей личностью. Конечно, можно говорить о человечестве специфически, но это касается общества, достигшего более высокого развития в области макрокосма или микрокосма — нам это не важно, — но по существу мы здесь имеем факт синтезиса. Приблизительно такое же, близкое к этому положение было, когда существовал первобытный коммунизм. Это был коммунизм, очень далекий от грядущего коммунизма, но все же там тоже противостояла человечеству природа, но, конечно, в более примитивной форме. Не было того технического прогресса, того прогресса научного и т. д. Не было научно-философского прогресса, и само человечество не было тем, которое существует сейчас. Во всяком случае, мы имеем факт синтезиса, и то замечание, которое сделал тов. Богданов, не у места.

Л. И. А к с е л ь р о д. Теперь и я позволю себе сделать несколько замечаний. Прежде всего приходится сказать, что такой серьезный, содержательный доклад, в котором поставлены интересные проблемы и где местами по необходимости проводится тонкая и отвлеченная мысль, нет возможности схватить при помощи слушания. По крайней мере, со своей стороны, признаюсь, что, выслушав этот доклад два раза и если угодно 2½ раза (один раз тов. Варьяш прочел его мне лично, здесь же сегодня было представлено резюме), я все же не уверена, что я усвоила его содержание с той исчерпывающей полнотой, которая даст возможность подвергнуть критике положительной или отрицательной, не оставляя никаких пробелов. Но вообще могу сказать, что проблемы, поставленные тов. Варьяшом, чрезвычайно серьезны, требующие их разрешения самым настоятельным образом. До сих пор в марксистской школе фило-

софская мысль занималась установлением того важного, основного положения, что в области гносеологии исходной точкой является объективная действительность природы и что эта объективная действительность в отличие от учения идеалистов, утверждающих ее духовность, есть действительность материальная. Эта проблема разрабатывалась нами, как мне кажется, с достаточной степенью обстоятельности. Она была вызвана необходимостью живой борьбы против вторжения различных оттенков идеалистической мысли в наш марксистский лагерь, искажавшей истинную природу марковского учения. Представители ортодоксального марксизма находили, естественно, необходимым вести защиту объективного метода по всей линии, т.-е., начиная с объективного метода в области исследования природы и кончая объективным методом в области исследования исторической действительности. Но есть другая важная проблема, это—проблема причинности. Причинность в природе и причинность в истории. Конечно, общие положения, высказанные на этот счет, в произведении теоретиков-марксистов имеются там и тут. Конечно, в различных исследованиях марксистской литературы применяется принцип причинности в материалистическом смысле, но гносеологически, детально, она не разработана. Эту попытку сделал в настоящее время в своей работе тов. Варьяш. Готовые рецепты или трафареты, как решать проблему причинности в ее детальной разработке, не даны. Эта проблема может считаться поэтому дискуссионной. Это — во-первых; во-вторых, насколько я усвоила все содержание доклада тов. Варьяша, я нахожу, что ход его мысли соответствует в общем и целом материалистическому методу. Это вообще. В частности же перейду к некоторым отдельным пунктам. Я совершенно согласна с тов. Варьяшом в том, что сущность идеализма сводится к утверждению тождества мышления и бытия и что с этой точки зрения причинность, в смысле причины и действия, невозможна. Действительный закон причинности возможен и имеет смысл и значение лишь с материалистической точки зрения. Я также согласна с взглядом тов. Варьяша на тесную, неразрывную связь между методом и общим мировоззрением. Метод, в обширном смысле этого слова, обусловлен основными философскими предпосылками и вытекает из них с абсолютной необходимостью. Возьмем основную формулу марксизма: «сознание определяется бытием». Эта формула гласит, во-первых, что есть бытие, независимое от сознания; во-вторых, что бытие не есть сознание; в-третьих, что сознание зависит от бытия. Ясно, что тут даны основные предпосылки общего мировоззрения, которыми определяется метод исследования. Ибо метод исследования должен, согласно этим философским предпосылкам, как в теории, так и в практике, добираться до бытия, которое является первичным и обуславливающим все формы сознания как индивидуальные, так и общественные. Ясно, думается мне, что метод является необходимым следствием общих философских предпосылок. Теперь вкратце отмечу пункты несогласия. Тов. Варьяш утверждает, что материализм всегда был идеологией революционного класса. На мой взгляд, это не совсем так. По существу материализм является революционной теорией. Почему? Во-первых, потому, что материализм, даже согласно признанию добросовестных идеалистов, всегда был и остается до сих пор основой положительной науки. А наука всегда имеет прогрессивное значение. Во-вторых, материализм, как жизнепонимание, исключает всякую религию и всякую мистику. Отвергая самым решительным образом фантастический потусторонний мир, материализм учит

нас строить нашу жизнь как можно лучше, как можно более исчерпывающе, всестороннее и полнее в нашей земной действительности. Материализм, следовательно, насквозь проникнут революционным действенным содержанием. Тем не менее были моменты в истории, когда материализмом увлекался господствовавший, падающий класс. Как на пример, можно указать на популярность эпикуреизма среди господствовавшего класса падавшего Рима. Не могу, с другой стороны, также согласиться с тем, что идеализм на всех ступенях исторического развития служил всегда орудием реакции. Подробно останавливаться на этом вопросе я, к сожалению, не имею возможности. Рассмотрение идеализма с точки зрения его исторической роли представляет собой чрезвычайно сложную задачу. Но тут же считаю, однако, нелишним заметить, что идеализм, в противоположность материализму, является по своему внутреннему существу реакционным мировоззрением. Изображая мировую действительность в извращенном, фантастическом виде, идеализм всегда стоял в противоречии к положительному знанию. Это — с одной стороны. А с другой — идеализм как жизнепонимание, так же, как и религия, с которой он всегда находился в брачном союзе, рассматривает земную жизнь, как злой проходящий сон, как бледную копию истинной действительности, находящейся за пределами земного существования и за пределами нашего познания. Такое мировоззрение по своему своему внутреннему содержанию всегда было регрессивным и всегда являлось защитительным орудием в руках господствующих классов. Тем не менее были условия — и в том числе созерцательный характер механического старого материализма, ограничивавшегося главным образом областью естествознания, — благодаря которым идеализм впитывал в себя в некоторые исторические периоды революционные и положительные стороны. Словом, повторяю, анализ идеализма с исторической точки зрения является весьма сложным делом, и историческая оценка его не укладывается в общую и краткую формулу. Заканчивая свои беглые замечания, еще раз повторяю, что доклад тов. Варьяша содержательный и интересный и может послужить стимулом для работы философско-марксистской мысли.

Заключительное слово имеет тов. Варьяш.

Аксельрод, Л. И. (председатель). Список записавшихся исчерпан. Варьяш. Я отвечу по порядку выступавших. Во-первых, тов. Богданову. Тов. Богданов оспаривает, что по отношению к таким отвлеченным объектам, как, напр., интеграл, имеет место различие между предметом и понятием. Но письмо Маркса к Кугельману указывает ясно на необходимость такого различия с точки зрения последовательного материализма. Маркс пишет здесь: «если бы в моей книге вовсе не было главы о «стоимости», то анализ реальных отношений, который я даю, содержал бы в себе данные и доказательства действительных отношений стоимости... Раз понята связь вещей, — рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится раньше того, чем они развалятся на практике». (К Кугельману, Лондон, 11 июля 1868 г.) Из этого письма Маркса ясно, что стоимость у Маркса, это — реальное отношение, а вовсе не коллективно-организованный труд, как у Богданова. Наоборот, коллективно-организованный труд невозможен без реальных предшествующих всевозможным организациям отношений природы самой по себе. И у тов. Орлокс есть вполне

льное место по отношению к этому: «Марксова система, как и вся современная опытная наука, исходит из признания существования внешнего мира и внутренней закономерной связи между его предметами». («Филос. Очерк», стр. 137).

Что это значит? Это значит, что объективные, реальные отношения сосуществуют с самими вещами, от которых отрывать их нельзя. Отношения вещей, конечно, изменяются. Но «измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь форма, в которой эти законы проявляются». (Маркс к Кугельману, *ibid.*). Таким образом тов. Богданов не прав, утверждая, что различие отношений от понятий этих отношений не марксистское; из собственных слов Маркса совершенно ясно, что пренебрежение этим различием противоречит и духу и букве марксизма. Конечно, наше знание о внешнем мире зависит от опыта, т.е. в первую голову от наших трудовых процессов, но знание наше о мире и самый мир вовсе не тождественны.

Разногласие у нас в том, что тов. Богданов не хочет различать между нашим знанием об отвлеченных отношениях, т.е. об естественных законах, с одной, и самими отношениями — с другой стороны, он не различает предмета от понятия. Тогда, и только тогда, можно говорить о правильности нашего основного принципа: «бытие определяет сознание», если бытие и сознание не совпадают, если они не тождественны. Не признавая, что отношение и понятие о нем различны, нельзя и говорить о том, что данное понятие является отражением какого-то отношения.

Этот вопрос, как мне кажется, является самым существенным, так как все другие разногласия между мною и тов. Богдановым, — а число таких не мало, — представляют собой лишь следствия из основного разногласия.

Берем их по пунктам. Тов. Богданов толкует Маркса так. Для Маркса объективность познания означает «общественную значимость», т.е. познание, формы мышления, объективные в пределах данного общества. Ясно, что если бы это утверждение было верно, то было бы верно и то, что «форма мышления ничего в сущности не искажает, а только все обрабатывает по-своему». (Пример тов. Богданова об объяснении рычага дикарем и европейцем.) Но я думаю, что тут тов. Богданов уже не стоит на точке зрения Маркса. Раз «форма мышления ничего в сущности не искажает», то спрашивается, откуда берется идеология как искажение действительности, как «представления, которые человек создает себе о ложных или призрачных побудительных силах» (письмо Энгельса к Мерингу). Правда, тов. Богданов делает оговорку, что эти формы, по Марксу, объективны лишь в пределах товарного общества. Но очевидно, что Маркс под выражением: «объективность формы мышления в пределах товарного общества» — понимал, что эта форма мышления (напр., овеществление общественных отношений) проявляется в обусловленной товарным обществом идеологии; однако причиной такой идеологии вовсе не является функция мышления (в данном примере — овеществление). Самое товарное производство является причиной как и этой самой полной идеологии, так и той части ее, которую называет Маркс формой мышления и которая представляет собою не что иное, как общие черты в разных идеологических построениях, относящихся к тому же способу производства.

Из этого следует, что тов. Богданов не различает между идеологией, более или менее адекватно отражающей действительность, и идеологией как искажением. Я как раз наоборот утверждал, что в области математики и естествознания нет умышленных искажений. Ошибки, которые все-таки там бывают, совершенно другого порядка, ибо буржуазия не имела никакого сознательного или даже бессознательного интереса исказить истины, относящиеся к технике. Это, конечно, вовсе не мешает тому, что и в этих областях существует целый ряд ложных теорий, затрогивающих философские основы ее миросозерцания, напр., современное учение о конечности вселенной.

Третье возражение тов. Богданова касается его примера: понятие вектора. Он утверждает, что $\vec{v}$ есть орудие техническое. Несмотря на то, что в этом понятии $\vec{v}$ заключается противоречие, ибо «мнимая степень совершенно не мыслима и совершенно бессмысленна» (из его возражения). Я разделяю мнение тов. Юшкевича, ибо я в формуле $\vec{v}$ ровно не вижу никаких противоречий, вытекающих якобы из того, что здесь $\vec{v}$ поднимается на мнимую степень. Здесь не место разбирать теорию мнимых чисел, но я утверждаю, что если бы тов. Богданов был бы прав, т.-е., что если бы здесь имелось противоречие, то и иррациональные числа должны были бы заключать в себе противоречие, и, таким образом, пала бы вся математика. Разве тов. Богданов думает, что с точки зрения диалектики противоречия в общем допустимы? Я думаю, что они допустимы лишь тогда, если нам удалось снять эти противоречия посредством более общего понятия, чем прежнее, противоречащее. Мало того! Эти противоречия обнаруживают себя лишь тогда, когда их примирение в каком-то высшем (более общем их обнимающем) понятии уже стало возможным. Ведь противоречия капиталистического общества стали вполне ясны только после исследований Маркса. Преодоление этих противоречий и есть именно социализм, и открытие Марксом этих противоречий и их преодоление посредством нового общественного строя исторически (т.-е. и логически) неразделимы друг от друга.

Что $\vec{v}$ есть техническое орудие, это, по-моему, хотя и верно, но не выражает сути дела. Тов. Богданов смешивает причину и следствие. Раз $\vec{v}$ значит вектор, а вектор в физике играет крупную роль, то ясно, что он для нас хорошее орудие. Но прежде всего он должен быть реальным отношением между вещами, только вследствие этого он может быть для нас орудием. Все, что существует, может быть для нас орудием для какой-нибудь цели, но вектор не является результатом нашего умственного акта, а есть реальное отношение. Только понятие о нем есть умственный акт. Неразличение вектора от понятия вектора ведет неминуемо к теории экономии мышления. Из дальнейшего получается впечатление, что тов. Богданов обладает каким-то «более глубоким» техническим понятием вектора, чем обыкновенное. Он будто расшифровал его, но не сообщил нам результата его расшифровки.

Четвертое его возражение: относительность логики. Он подчеркивает, что относительность вовсе не означает ложности. Но я никогда и не утверждал такого положения. Я доказал, что следующие друг за другом великие логические системы обнимают предшествующие и дополняют их. Так, диалектика вовсе не отрицает правильности формальной логики, а ограничивает ее область значимости. Точнее, — сама диалектическая логика возникает лишь тогда, когда выступает на первый план новая проблема, и этой проблемой является именно движение. Формальная логика была формальной

именно потому, что исследовала лишь явления покоя (или предполагала его). Она сразу стала неудовлетворительной, как только развитие производства выдвинуло необходимость изучения движения. Таким образом формальная логика не неверна, а лишь недостаточна.

Пятое возражение. Один из моих результатов заключается в утверждении, что идеалистические системы (а не сам идеализм, как понял тов. Богданов) выступали на историческую арену всегда как орудие реакции против материализма, который является мировоззрением не всякого угнетенного класса вообще (как понимает меня Б.), а угнетенного класса в состоянии классовой борьбы против угнетающих. Но я не вижу, какие контр-инстанции мог бы тов. Богданов выставить против этого тезиса. Он выдвигает пример Фихте. Но он не замечает, что Фихте, — хотя и был идеологом революционной мелкой буржуазии, — но вместе с этим он представлял и интересы этой самой мелкой буржуазии против пролетариата. Как революционер, он был диалектик, а как представитель борьбы мелкой буржуазии против пролетариата — он остался идеалистом. Типы чистого материализма возможны лишь тогда, когда революционный класс имеет перед собой лишь угнетающих (французская революция), но еще не имеет другого угнетенного им класса за спиной или — как в настоящее время — нет вообще другого такого класса. Поэтому-то только пролетариат вообще может развить последовательный материализм. Он и по этому поводу (как и почти во всех пунктах) обвиняет меня в апологетике в пользу пролетариата. Но факт, что он не может опровергать мое утверждение ни одним историческим указанием. Конечно, еще громадные слои пролетариата не добились материалистического мировоззрения, они живут в традиционных идеях, внушенных им господствующим классом. Но в этом-то и дело, что они еще не вступили в ряды борющегося авангарда. Таким образом, верно то, что революционный класс, как актуально борющийся, может приобрести только материалистическое мировоззрение.

Шестое возражение. Я будто сказал, что существуют только отдельные люди, а не их совокупность, напр., армия, как реальная вещь, не существует. Тут явное недоразумение. Армия, общество и т. д. суть реальные совокупности. Различие между реальными и логическими совокупностями можно найти в «Теории ист. мат.» тов. Бухарина, и я очень рад, что нашелся человек, который подчеркнул уже это важное положение. Конечно, не может быть и речи, что я хочу отбросить различие между логическими и реальными совокупностями. Ведь оно служит основой моих исследований. Сознание отдельных солдат о том, что они образуют армию, является одним из самых важных условий, чтобы они значили, как армия.

Седьмое возражение. Тов. Богданов считает «уклоном», что я различаю интеграл от понятия интеграла. Об этом больше не буду говорить, потому что вопрос сводится к последовательному различению предмета и представления «в области отвлеченных отношений» (см. выше, что было сказано о векторе). Мы видели, как высказался Маркс по этому поводу. Ни вектор, ни интеграл не являются ни «коллективно-организованным опытом», ни орудием. Опытом будет только их понятие. Поэтому нужно строго различать между предметом и понятием о нем даже у таких отвлеченных объектов, как интеграл и т. д. Тов. Богданов впадает как раз в ошибку со своей теорией о коллективно-организованном опыте, потому, что он этого различия не делает,

Восьмое возражение. Отношение физических событий само не есть событие. И тов. Богданов спрашивает: соотношение физического и психического события само является событием или нет. Ответ: Тут вступают в соотношение, в причинную связь внешний мир и нервная система. Оба события физические, т. е. пространственны и материальны. Их связь, скажем, закон Вебера-Фехнера, сама—не событие, а отношение реальное. Тем же образом, как закон свободного падения $s = g_2 t^2$ сам ни падение, ни тяготение, а их числовое соотношение. Если я говорю, что такой-то поезд движется в десять раз быстрее, чем ходок, то соотношение их скорости само не есть ни поезд, ни ходок, ни скорость, а число 10. Что же касается того, что отношение психических событий и само является событием лишь тогда, если они сознательны, если нет, то «ничего не случилось» (из речи Б—а), то это, конечно, фактически не верно. Ведь, идеологии почти всегда возникают, создаются классами бессознательно. Но сказать, что в случае возникновения идеологии «ничего не случилось», было бы слишком странно.

Что касается моих знаний о философии тов. Б—а, я должен сказать, что я занимался ею и тщательно прочел его важнейшие сочинения. Что я не понял их, тоже не думаю. Одно дело понимать, а другое принимать. Тов. Б. предполагает, что я понимаю его так, будто он отождествлял существование вещей с нашим знанием о них. В одном месте «Философия живого опыта» тов. Б. делает следующее различие. Закон тяготения «действовал до человечества, это не то же самое, что независимо от человечества» (стр. 227). В том-то и дело, что причина (действительный мир) не может в своем существовании зависеть от своего следствия (опыта). Следствие может иметь, конечно, обратное действие на причину (производство, трудовой процесс), но эта причина должна, во-первых, существовать, чтобы возможно было обратное действие на нее, или: мир не может быть результатом никакого коллективно-организованного опыта, так как последний обусловлен первым. Здесь мы видим у тов. Богданова смешение причины и следствия. Зависимо от человечества не самое тяготение, а лишь наше понятие о нем.

Что касается возражений тов. Гросмана-Рощина, то о них трудно говорить. Я не знаю прежде всего, откуда тов. Г.-Р. взял, что я предполагаю, что аристотелевское время предполагает аристотелевскую логику. Конечно, подобного рода «объяснение» было бы очень простой вещью. Время Аристотеля имело различные научные течения, например, занимались классификацией описательного естествознания и т. д. Гераклит же имел в виду совершенно другие цели, и поэтому имел и другую логику. Сказать, что только формальная логика существовала у греков, конечно, было бы вздором. Но я этого никогда и не говорил. Само собой разумеется, что Гераклит не мог бы обосновать свою систему путем формальной логики. Поэтому-то он и пользовался ею, а создал диалектику. Из моих основных положений ясно вытекает, что принятая логическая теория зависит от тех конкретных научных и практических целей, которые данные мыслители имели в виду. Этого чрезвычайно важного пункта тов. Гросман-Рощина вовсе не понял.

Что касается того, что есть идеалист, у которого существует различие между принципом достаточного основания и причинностью, и этот идеалист—

Лейбниц, то это фактически не верно. В каждом учебнике тов. Гросман-Рошин мог бы получить сведения о том, что монады Лейбница суть субстанции, абсолютно независимые друг от друга, и что Лейбниц не только буквально отрицает всякую причинную связь между ними, но и не мог поступать иначе, так как, если монады не действуют друг на друга, то между ними нельзя устанавливать причинной связи. Об этом не может быть и речи. Но тов. Гросман-Рошин сам допускает, что он не понял меня. Это тем легче, потому что он моего доклада не слышал и присутствует только на прениях.

Другое возражение тов. Гросмана-Рошина, возражение, что я «обратный платонист», возникло потому, что, опять-таки, «как он меня понял», он приписывал мне утверждение какой-то адекватной идеи вещи и какого-то «инвалида бытия вещи». Он утверждает, что у меня существует «плотная, полнокровная материальная причинность, и только после этого вещи». Аллах ведаёт, откуда взята эта чепуха. Я вполне ясно утверждал, что раз существуют реальные вещи, то тем самым существуют уже и их отношения, т.-е. и их причинная связь. Что вещи и причинная связь их существуют будто бы оторванно друг от друга (т.-е. вещи отдельно и их отношения отдельно), об этом я не говорил, потому что это прямо противоречит и самой действительности, и моим принципам, т.-е. принципам диалектического материализма.

Но есть у тов. Гросмана-Рошина и другое недоразумение. Опять-таки, сам допуская недоразумение, он обвиняет меня в бернштейниизме, потому что я будто утверждал, что логика Аристотеля была «не хорошая», а наша — «хороша». Еще раз недоразумение из-за того, что товарищ не был на моем докладе. Он учит меня тому, что «формальная логика относится к вещам и состояниям, а диалектика — к процессам и универсальному движению». Я указываю на мою статью «Под знаменем марксизма» («Формальная и диалектическая логика» 1923, июльский номер), где я подробно излагаю связь между формальной и диалектической логикой. Говорить о том, что логика Аристотеля «не хорошая», совершенно не верно, ибо и мы пользуемся этой логикой и считаем ее частным случаем диалектики. Мы не отбросили ценных результатов прежних логических теорий, как не отбросили основных элементов прежней техники, а они и сейчас входят в состав наших производительных сил.

Мне не приходится говорить о таких слабых возражениях тов. Г.-Р., как его утверждение, будто лейбнизова монада проделывает «определенный путь от темного к ясному, от ясного к прекрасному, от прекрасного к достоверному». Тут у тов. Г.-Р. просто не хватает фактических знаний; рекомендую ему обратить внимание на какой-нибудь хороший учебник о Лейбнице, где он может познакомиться с учением Лейбница о монадах.

Что касается его возражения, что мой доклад не был достаточно жесток и кропок, я отвечаю: я считал моей главной задачей доказывать, и апологетика поэтому — вопреки возражению тов. Богданова — отступила на задний план. Стилль должен зависеть всегда от той цели, которая преследуется, и от публики, перед которой стоишь.

Что касается выступления двух товарищей — математиков: Люстерника и Лихтенбаума, я очень рад, что как раз математики подтвердили правильность моей точки зрения по отношению к развитию логики. В математике

Восьмое возражение. Отношение физических событий само не есть событие. И тов. Богданов спрашивает: соотношение физического и психического события само является событием или нет. Ответ: Тут вступают в соотношение, в причинную связь внешний мир и нервная система. Оба события физические, т. е. пространственны и материальны. Их связь, скажем, закон Вебера-Фехнера, сама—не событие, а отношение реальное. Тем же образом, как закон свободного падения $s = g_2 t^2$ сам ни падение, ни тяготение, а их числовое соотношение. Если я говорю, что такой-то поезд движется в десять раз быстрее, чем ходок, то соотношение их скорости само не есть ни поезд, ни ходок, ни скорость, а число 10. Что же касается того, что отношение психических событий и само является событием лишь тогда, если они сознательны, если нет, то «ничего не случилось» (из речи Б—а), то это, конечно, фактически не верно. Ведь, идеологии почти всегда возникают, создаются классами бессознательно. Но сказать, что в случае возникновения идеологии «ничего не случилось», было бы слишком странно.

Что касается моих знаний о философии тов. Б—а, я должен сказать, что я занимался ею и тщательно прочел его важнейшие сочинения. Что я не понял их, тоже не думаю. Одно дело понимать, а другое принимать. Тов. Б. предполагает, что я понимаю его так, будто он отождествлял существование вещей с нашим знанием о них. В одном месте «Философия живого опыта» тов. Б. делает следующее различие. Закон тяготения «действовал до человечества, это не то же самое, что независимо от человечества» (стр. 227). В том-то и дело, что причина (действительный мир) не может в своем существовании зависеть от своего следствия (опыта). Следствие может иметь, конечно, обратное действие на причину (производство, трудовой процесс), но эта причина должна, во-первых, существовать, чтобы возможно было обратное действие на нее, или: мир не может быть результатом некакого коллективно-организованного опыта, так как последний обусловлен первым. Здесь мы видим у тов. Богданова смешение причины и следствия. Зависимо от человечества не самое тяготение, а лишь наше понятие о нем.

Что касается возражений тов. Гросмана-Рощина, то о них трудно говорить. Я не знаю прежде всего, откуда тов. Г.-Р. взял, что я предполагаю, что аристотелевское время предполагает аристотелевскую логику. Конечно, подобного рода «объяснение» было бы очень простой вещью. Время Аристотеля имело различные научные течения, например, занимались классификацией описательного естествознания и т. д. Гераклит же имел в виду совершенно другие цели, и поэтому имел и другую логику. Сказать, что только формальная логика существовала у греков, конечно, было бы вздором. Но и этого никогда и не говорил. Само собой разумеется, что Гераклит не мог бы обосновать свою систему путем формальной логики. Поэтому-то он и не пользовался ею, а создал диалектику. Из моих основных положений ясно вытекает, что принятая логическая теория зависит от тех конкретных научных и практических целей, которые данные мыслители имели в виду. Этого чрезвычайно важного пункта тов. Гросман-Рощина вовсе не понял.

Что касается того, что есть идеалист, у которого существует различие между принципом достаточного основания и причинностью, и этот идеалист—

Лейбниц, то это фактически не верно. В каждом учебнике тов. Гросман-Рошин мог бы получить сведения о том, что монады Лейбница суть субстанции, абсолютно независимые друг от друга, и что Лейбниц не только буквально отрицает всякую причинную связь между ними, но и не мог поступать иначе, так как, если монады не действуют друг на друга, то между ними нельзя устанавливать причинной связи. Об этом не может быть и речи. Но тов. Гросман-Рошин сам допускает, что он не понял меня. Это тем легче, потому что он моего доклада не слышал и присутствует только на прениях.

Другое возражение тов. Гросмана-Рошина, возражение, что я «обратный платонист», возникло потому, что, опять-таки, «как он меня понял», он приписывал мне утверждение какой-то адекватной идеи вещи и какого-то «инвалида бытия вещи». Он утверждает, что у меня существует «плотная, полнокровная материальная причинность, и только после этого вещи». Аллах ведаёт, откуда взята эта чепуха. Я вполне ясно утверждал, что раз существуют реальные вещи, то тем самым существуют уже и их отношения, т.-е. и их причинная связь. Что вещи и причинная связь их существуют будто бы оторванно друг от друга (т.-е. вещи отдельно и их отношения отдельно), об этом я не говорил, потому что это прямо противоречит и самой действительности, и моим принципам, т.-е. принципам диалектического материализма.

Но есть у тов. Гросмана-Рошина и другое недоразумение. Опять-таки, сам допуская недоразумение, он обвиняет меня в бернштейнщизме, потому что я будто утверждал, что логика Аристотеля была «не хорошая», а папа — «хороша». Еще раз недоразумение из-за того, что товарищ не был на моем докладе. Он учит меня тому, что «формальная логика относится к вещам и состояниям, а диалектика — к процессам и универсальному движению». Я указываю на мою статью «Под знаменем марксизма» («Формальная и диалектическая логика» 1923, июльский номер), где я подробно излагаю связь между формальной и диалектической логикой. Говорит о том, что логика Аристотеля «не хорошая», совершенно не верно, ибо и мы пользуемся этой логикой и считаем ее частным случаем диалектики. Мы не отбросили ценных результатов прежних логических теорий, как не отбросили основных элементов прежней техники, а они и сейчас входят в состав наших производительных сил.

Мне не приходится говорить о таких слабых возражениях тов. Г.-Р., как его утверждение, будто лейбнизова монада проделывает «определенный путь от темного к ясному, от ясного к прекрасному, от прекрасного к достоверному». Тут у тов. Г.-Р. просто не хватает фактических знаний; рекомендую ему обратить внимание на какой-нибудь хороший учебник о Лейбнице, где он может познакомиться с учением Лейбница о монадах.

Что касается его возражения, что мой доклад не был достаточно жесток и крепок, я отвечаю: я считал моей главной задачей доказывать, и апологетика поэтому — вопреки возражению тов. Богданова — отступила на задний план. Стиль должен зависеть всегда от той цели, которая преследуется, и от публики, перед которой стоишь.

Что касается выступления двух товарищей — математиков: Люстерника и Лихтенбаума, я очень рад, что как раз математики подтвердили правильность моей точки зрения по отношению к развитию логики. В математике

особенно очевиден намеченный мною путь развития логических взглядов и поэтому математика является лучшей свидетельницей того, что логика не представляет собой какой-то сверх-науки, раз навсегда данной, самостоятельной и равноправной умственной инстанцией по отношению к природе. Логика является переменной, зависимой от тех задач, которые выдвигают положительные науки и трудовая практика. Примеры этих товарищей содействовали такому пониманию. Относительно других примеров я указываю на свой доклад. (Возникновение исчисления бесконечно-малых.)

Теперь тов. Тамзин. Он указал на то, что диалектика исчезает, и если я хорошо понял, тогда, когда буржуазное общество погибнет. Я думаю, что это совершенно не по-марксистски. Я не знаю, как думают другие, но я думаю, что диалектическая философия и логика и вообще диалектический материализм остаются в силе все равно, будет ли классовое общество или нет. Конечно, в классовом обществе господствуют другие частные законы, но это не значит, что во внеклассовом обществе не будет диалектики.

Теперь перейду к вопросам тов. Юшкевича.

1. Тов. Юшкевич отрицает, что социоморфизм относится к развитию логики. Я вполне согласен с ним в отрицании того взгляда тов. Б — а, будто каждый исторически выступивший новый способ производства вызывает вместе со всей идеологией, связанной с данным способом производства, и новую логику, якобы совершенно отличную от предыдущих и последующих. Он указывает на книгу Levy-Bruhl'a, которая тоже защищает точку зрения социоморфизма. Разногласие между мною и тов. Ю. состоит вот в чем. Он полагает, что основные законы логики оставались на протяжении всех периодов истории одними и теми же, между тем как производство, техника революционно изменились. Если бы это было так, тогда марксов кардинальный принцип «бытие определяет сознание» допускал бы исключения и логика осталась бы в этом вечном потоке изменений тождественной, что другими словами и выражает тов. Ю — ч, нет «различных типов мышлений».

Дело обстоит, по-моему, вот как. Разные периоды производства действительно выдвигали разные типы мышления, т.е. разные логические теории, с одной, и разные логические закономерности не в смысле теории, а в смысле практики действительного умственного процесса, с другой стороны. Об этом напрасно спорить, так как история культуры это ясно показывает.

С другой стороны верно и то, что эти логические теории и самое практическое пользование ими не оторваны друг от друга так, будто один период мыслит по-своему, по совершенно другим правилам, нежели другой период. Как решить это противоречие? История сама решила его. И вот как. Каждая эпоха имеет свою, характеризующую ее, технику. Но в эту технику входит целый ряд приемов из старой техники, при чем новая техника укладывается в рамках старой, строится на старой. То же самое относится и к «разным типам мышления», и это именно так, потому что объективный базис, производство так определяет развитие идеологии вообще и развитие логики в частности. Противоречие, таким образом, исчезает.

Тов. Ю. возражает против этого взгляда и еще следующим аргументом. Физиологический аппарат глаза у средневекового человека тот же, как и сейчас. То же самое относится к нашему мозговому аппарату. Но тов. Ю.,

кажется, забывает, что пыле существуют телескопы и микроскопы и, таким образом, мы мир видим иначе, чем в средневековье. Никто не отрицает, что формальная логика и диалектика представляют собою два разных типа мышления. Все же между ними не зияет пропасть, во всяком случае не большая, чем между естественными глазами и микроскопом. Диалектика не отрицает формальной логики, как и микроскоп не делает излишними глаза, а, наоборот, предполагает их.

2. Тов. Ю. отрицает, что для всех идеалистов характерно неразличие принципа причинности и достаточного основания. Больше всего характерно это, по его взгляду, для известной группы рационалистов. Я спрашиваю, считает ли тов. Ю., например, Беркли рационалистом? Потому что и у него эти два принципа не различены. И «фактически и логически» (последнее сводится, впрочем, к историческому) это так. И не может быть и иначе, раз бытие обозначает бытие в сознании, а эта аксиома является кардинальным пунктом для всех идеалистов.

Тов. Ю. задает мне трудную задачу. Он приводит пример, который на первый взгляд противоречит моему тезису. Я утверждал, что, по-моему, различие между принципами причинности и достаточного основания заключается вот в чем. Когда события а и b находятся в причинной связи, то предложения об а и b представляют собою связь по достаточному основанию. Он спрашивает меня, как применять эту дилекцию к геометрии. Ведь, например, существует связь (по принципу достаточного основания) между свойствами треугольника и параллельных прямых, между тем, какой смысл имеет утверждать, что между этими предметами (треугольник и параллели) имеется причинная связь. Таким образом связь идеальных объектов геометрии отнюдь не должна иметь соответствие в мире казуальности.

Тут тов. Ю. опять смешивает отношение и его понятие (признак того, как трудно освободиться от этого фетиша). Я утверждал, что между понятиями и треугольника и параллельных прямых существует связь по принципу достаточного основания, между тем как по отношению к их объектам есть причинная связь. Геометрия не занимается этой связью, так как вообще не занимается отдельными объектами. Треугольник, как реальность, единичный предмет, есть предмет физический и, как такой, подчиняется всеобщему закону причинности. Попробуйте производить треугольник из какого-то материала, сумма углов всегда будет 180° . Ведь чертеж на доске — тоже физический, а не геометрический объект, и подчиняется закону по причинности, что, конструируя треугольник мелом, мы тем самым, конструируем и 180° . Тов. Ю., конечно, мог бы возражать, что это не есть треугольник, а только приблизительное его изображение. Но геометрия занимается как раз пределом таких приближающихся фигур, от которых требует лишь, чтобы их расхождение от 180° было меньше, чем ϵ , т. е., какого-либо, произвольно избранного, малого положительного числа. На самом деле, все предметы геометрии являются пределами таких рядов физических объектов, так что при любом из объектов O_n отношение $(O_n - O) < \epsilon$, где O предмет геометрии, при чем O принципиально не может быть членом ряда (O_n) . Я думаю, что этим трудность, выдвинутая тов. Ю.—чем, решена.

3. Относительно решения проблемы логического дуализма. Тов. Ю. правильно видит, что вся суть лежит в этом пункте. Он считает «крайностью» мою точку зрения. Я хочу об'яснить, например, не только

идею дифференциала из базиса, но дать отдельные теоремы, все содержание учения бесконечно-малых. Он хорошо понял меня. Но он говорит, что я выдал вексель, но увидим, как я уплачу по векселю. Лучшим доказательством будет, конечно, проведение такого взгляда в жизнь. Поэтому и я допускаю, что и ко мне относится пословица: *Hic Rhodus, hic salta*. Если это тебе удастся, то хорошо. Поэтому и указываю на свое сочинение, где целый ряд таких сложных истин объясняется указанным путем (напр., понятие непрерывности, маленьких представлений и т. п.). Сам Ю. признает, что если мы в состоянии объяснять лишь исходные пункты известной системы из социального бытия, но дальнейшее развитие имеет свою «внутреннюю логику», то логический дуализм остается, и он не видит никаких перспектив устранить этот дуализм, т.-е. «окончательно растворить формальное в материальном». Он ссылается на Плеханова, который «даже в искусстве находил свои формальные законы развития». Я не собираюсь объяснять искусство с этой точки зрения. Существуют ли там имманентные законы развития (т.-е. не вытекающие из базиса) или нет — это не моя задача и я не мог бы выполнить ее. Я говорю только о своей задаче. Там возможно и, я убежден, что будет время, когда то же самое будет и в области искусства, как далеко мы ни стояли бы пока от решения этой проблемы. Структура всего, и в том числе и искусства, однородна, а именно, диалектична.

4. По поводу Фрейда. Тов. Ю. напоминает мне о том, что фрейдизм-де можно применять к объяснению социальных явлений под тем условием, если мы бросим его крайности и преувеличения (напр., «Комплекс Эдипа»), что «могут найтись нити, ведущие от Фрейда к Марксу». Не знаю, как думает это тов. Ю. По-моему, фрейдизм относится к марксизму, как теория Брауновских движений к электродинамике. Как всякая психология, так и фрейдизм вкладывается в диалектическом материализме, как выработка его для какого-то частного случая. Постольку, поскольку фрейдизм дал положительные результаты для лечения психических болезней, он является теорией об известном отрезке всеобщей диалектической природы. Если он оправдывается в практике, мы так же примем его, как принимаем химию или биологию, значит, как положительную науку, так как наш материализм никогда не стоял и не будет стоять в противоречии с положительными знаниями. Однако надо подчеркнуть, что если он оправдывается, его законы будут относиться к диалектическому материализму, как, напр., закон Ома к дифференциальным уравнениям Максвелла. (См. во введении фрейдовское понятие бессознательного и марксово понятие.)

Сейчас о тов. Ортодоксе. Я буду говорить лишь о тех пунктах, в которых она не согласна со мной. Относительно пункта о материализме. Я очень много думал над этим пунктом. Тут я могу указать на то, что я сказал на возражение тов. Богданова по этому вопросу. Русская буржуазия во время 80—90 годов уже не имела материалистического мирозерцания, хотя она в то время и была угнетенным классом. Но она была, с другой стороны, и угнетающим классом по отношению к пролетариату. Я не говорю о классе во всем его развитии вообще, так как буржуазия тоже была когда-то революционным классом. Я только утверждаю, что класс меняет свою идеологию. Буржуазия имела свою материалистическую идеологию во время французской революции, т.-е. идеологию совершенно другую, чем она имеет сейчас во Франции.

Поэтому я думаю, что материалистическая идеология может быть выдвинута только в лоне революционного класса во время острой революции, если нет под ним другого класса, угнетенного им. Данная идеология, конечно, изменится с изменением вызывающего ее производственного базиса. Но не надо забывать, что во внеклассовом обществе даже и смысл идеологии изменится, так как не будет повода и интереса для искажения действительности. Например, материализм Гоббеса (говорят) был реакционным. Но надо думать, что идея, представленная Гоббесом, в известном смысле была революционной идеологией, потому что он хотел ввести в Англию тот же самый строй, который был во Франции при Ришелье и Мазарини, и который представлял с исторической точки зрения революцию по отношению к феодализму.

Относительно того, что идеализм является реакцией против материализма, это так. Я говорил, что идеалистические системы, как они исторически выступили, и идеалистические, логические принципы — это реакция против революции.

Тов. Аксельрод согласна со мной по существу. Она утверждает лишь, что эта проблема очень сложна и как будто здесь есть исключение, хотя в общем и целом она согласна, что материализм является революционной, а идеализм — реакционной теорией. Это как раз то, что я утверждаю. Но тов. Аксельрод все же считает, что история дает и исключения. Так, например, указывает на то, что в среде упадочной римской аристократии философия Эпикура пользовалась популярностью. Это верно, и можно было бы выдвинуть даже еще более яркие контр-примеры. Но дело обстоит вот как. Я сказал, что идеализм, как философская система, является всегда реакцией против материалистического мировоззрения борющегося нового класса против старого (см. цитированную статью Меринга), который не хочет сдаться, не хочет сойти с исторической арены. Ничего подобного в указанном тов. Аксельрод примере нет. Этот период есть медленное отмирание обоих классов, не находивших выхода из исторического тупика. У них вообще не было собственной философии, а было лишь бесплодное занятие старыми философиями. Я же, говоря об идеализме, думал о новых системах, выдвинутых старым, но еще сильным классом против нового класса.

Новые философские системы — по собственному существу классовой борьбы — возникают только в обостренном состоянии этой борьбы, когда среди борющихся классов война доходит до самого разгара, но когда старый господствующий класс еще далеко не потерял своей жизнеспособности. Само собой разумеется, что даже и после решающей победы господствовавший ранее класс еще долго может сохранять свою жизнеспособность и волю и при благоприятных условиях снова начинать борьбу. В таком случае и его идеалистическая философия еще не иссякнет. Но каждой новой фазе классовой борьбы соответствует новый оттенок философии. Так, например, после решающего поражения буржуазная идеалистическая философия делает еще один шаг дальше и еще ярче выдвигает мистическую сторону, скрывавшуюся до тех пор под маской рационализма. Надо только обозреть русское эмигрантское философское движение. Его мистицизм существовал уже в предыдущий период (когда еще не была потеряна власть). Новейшее развитие философии буржуазии в Германии доказывает то же самое, но очевидным станет этот процесс только после окончательного поражения.

Конечно, были и такие случаи в истории, что класс, господствовавший когда-то или господствующий в идущем к полному уничтожению обществе,

как поздний римский период, уже вообще не имеет своих собственных философий, так как принятие и реставрация какой-то старой системы вообще не является идеологическим творчеством его. Но это обстоятельство не противоречит моему взгляду, а, наоборот, подтверждает его. Ведь я сказал, что новые системы возникают только до, во время и непосредственно после разрывания решающей борьбы: у угнетенного класса—материализм, у господствующего—идеализм. Изменяется положение бывшего угнетенного класса,—например, он сам станет угнетающим классом,—изменится и его мировоззрение. Если нет другого лишнего класса, то принципы материализма остаются, и материализм окончательно вытесняет идеализм. Если эта борьба не кончается победой ни одного класса, то отомрет общество, как это случилось с римским миром, и отомрут и их идеологии, в том числе и их философия.

Картина, следовательно, довольно сложна и анализировать ее подробно тут не приходится. Но я думаю, что мое основное положение и в этом выдвинутом тов. Аксельрод проблемном случае остается в силе.

Аксельрод Л. Товарищи, разрешите сегодняшнее собрание считать закрытым.

III.—БИБЛИОГРАФИЯ.

Ленинский сборник. I. Под редакцией Л. Б. Каменева Москва — Ленинград 1924 г. стр. 252. Институт Ленина при Ц. К. Р. К. П. (6).

Первый «Ленинский сборник» — одна из лучших книг, вышедших за последнее время. Вероятно, даже — самая лучшая. Сборник ценен: — 1) С теоретической стороны, 2) как исторический источник, 3) как сборник чрезвычайно ценного материала для биографии Владимира Ильича и характеристики его личности.

Из документов в нем напечатаны: 1) Письмо Ленина к П. Б. Аксельроду 1897 г., в котором В. И. пишет, что «ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих» (157). 2) Ряд документов 1900 г., из которых исключительный интерес представляет рукопись о том, «как чуть не потухла «Искра». В. И. говорил, что он прошел Плехановскую школу. В этой рукописи описано одно из первых практических занятий в этой школе. В рукописи как живые все действующие лица: Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и др., 3) 34 письма к Горькому за время от начала 1908 г. до апреля того же года и от апреля 1910 до декабря 1913 г. Очень много они дают в отношении теоретическом. Тов. Каменев прав, называя их «замечательнейшими документами нашей замечательной эпохи» (79). В них много места отведено философии, вопросу о религии и ряду других теоретических вопросов.

Широко известно письмо от 14 ноября 1913 г. (письмо 32) с его «бешеными» нападениями на «богостроительство». Оно было опубликовано в марте 1924 г. в «Правде». В нескольких письмах В. И. возвращался к вопросам религии. Он любил Горького за его художественный талант и не мог равнодушно видеть, когда этот талант служил не на пользу рабочего класса, а во вред ему. «Приукрасив идею бога, Вы приукрасили цепи, коими они [дворяне, буржуа, цари и попы, т.-е. все рабовладельцы и их слуги. В. А.] сковывают темных рабочих и мужиков» (150). «Идея бога всегда усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи всегда идеей рабства (худшего безысходного рабства)» (151).

Очень хорошо письмо 14-е от 3 января 1911 г., где говорится о колониальной политике. Ленин учит там как надо бороться против капитализма, не сбиваясь на реакционное отрицание его, как это делают идеологи мелкой буржуазии и других реакционных слоев, и не скатываясь к его оправданию, как оппортунисты — Струве и др. «Мы говорим: капитал жрет вас [рабочих В. А.], сожрет персов, сожрет всех и будет жрать, пока вы его не свергнете. Это правда. И не забываем добавить: кроме как в росте капитализма нет залога победы над ним. Ни одной реакционной меры вроде запрещения трестов, ограничения торговли и т. п. марксисты не защищают. Но каждому свое:

Хомяковы и К° пусть строят жел. дороги через Персию, пусть посылают Ляховых, а марксистов дело — перед рабочими обличать. Жрет-де и сожрет, душит и задушит, сопротивляйтесь» (115). В 1911 г. положение было таково, что задача пока сводилась к тому, что надо было обличать. Война обострила борьбу классов, создала революционную ситуацию и наступила новая историческая эпоха—эпоха социалистических революций. Эту эпоху В. И. предвидел, он ее ждал. «Демократический [европейский В. И.] капитал—последыш. Дальше ему идти некуда. Дальше ему капут» (116).

В краткой заметке нет возможности коснуться всех теоретических вопросов, затронутых в письмах, и исчерпать все их богатое содержание. В кратких характеристиках, брошенных вскользь определениях, оценках, замечаниях — необыкновенное богатство содержания. Чем больше думаешь над этими письмами, чем больше вникаешь в их слова, тем больше раскрывается это богатство. Эти письма полны бодростью и энергией, они заражают революционной страстью и дают необыкновенно много в теоретической области. Ценны они и для истории партии. Период, за который писались письма В. И. к Горькому, был полон трудной, мелкой, неблагоприятной, но тем не менее необходимой борьбы за партию. Этот период отразился в письмах. «Сидеть в гуще этого «анекдотического», — писал В. И. 11/IV 1910 г., —этой склоки и скандала, маэты и «накипи» тошно; наблюдать все это тоже тошно. Но непозволительно давать себя во власть настроению. Эмигранщина теперь в сто раз тяжелее, чем было до революции. Эмиграция и склока неразрывны... Могу себе представить, как тяжело наблюдать этот тяжелый рост нового с.-д. движения тем, кто не видел и не пережил тяжелого роста конца 80-х и начала 90-х годов. Тогда подобных с.-д. были десятки, если не единицы. Теперь сотни и тысячи. Отсюда кризис и кризисы. И с.-демократия в целом изживет их открыто и изживет их честно» (109).

В особом отделе «Основные вещи (краткая выдержка из календаря жизни Владимира Ильича)» дана часть большой, очень ценной работы устанавливающей даты из жизни В. И. Здесь имеется 104 даты: — от рождения (10/22 апреля 1870 г.) до мая 1909 г. При каждой дате указаны источники, проверяющие и подтверждающие эти даты. Это хорошо тем, что помогает устранить досадные опечатки. Например, первое публичное выступление В. И. в Петербурге в 1906 г. помечено 9/22 марта вместо м а я. В 1905 г., начало февраля ошибочно указан Л о н д о н, тогда как В. И. был тогда в Женеве. «Основные вехи» — лишь начало работы, дат установлено еще очень мало. — Например в 1905 г. всего четыре. Новые источники, становящиеся доступными, дадут возможность в ближайшее время значительно пополнить эту ценную работу.

Необходимо отметить прекрасные воспроизведения оригиналов: — одного листка рукописи, «Как чуть не потухла «Искра» и одного письма к Горькому с точным воспроизведением бумаги, ее цвета и вообще всего-внешнего вида документа. Такие воспроизведения дают полную иллюзию подлинника. Вот их-то и можно выставлять в музеях и на выставках и таким образом избавить оригиналы от порчи светом и пылью на выставках. Оригиналы надо хранить так, как подобает для того, чтобы сберечь их в возможно более неприкосновенном виде для чтения и изучения, помня, что подлинник рукописи, как и всякий архивный документ, это — единственный экземпляр и если его загубить, то он потерян навсегда. Поэтому выставление подлинников в музеях недопустимо.

Техника издания очень хороша. Каждому документу или однородной группе документов дается описание, а также дается и пояснение знаков, упо-

требований при печатании документов. Знаки эти вполне целесообразны. Примечания составлены очень подробно и дают все необходимые разъяснения и указания. Жаль только, что книга не свободна от опечаток.

Настоящий том, как несомненно, и последующие томы «Ленинских сборников» явятся незаменимым источником для изучения ленинизма. В распоряжении института Ленина — исключительное по богатству литературное наследство Владимира Ильича.

В своей вдумчивой статье «Литературное наследство и собрание сочинений Ильича», помещенной в начале сборника, тов. Каменев совершенно правильно говорит о том, что невозможно создать для ленинизма такое руководство, которое содержало бы сборник рецептов, годных для всех вопросов и для каждого момента. «Ничто не было более чуждым Ленину в его работе, чем стремление к катехизированию» (22). Ничто не является более противоречащим материалистической диалектике, чем застывшие формулы. Надо изучать конкретную действительность во всей ее полноте, сложности и развитии и на примере Ленина всего лучше учиться тому, как это надо делать. Изучение ленинизма без изучения истории партии и истории всей эпохи невозможно. Материалы ленинских сборников, это — первоклассный источник изучения как истории, так и теории и практики ленинизма.

В. Адоратский.

8/VII 1924 г.

Из теории и практики денежного обращения в Германии.

Вопрос о том, какая теория более правильна, решается в конечном счете тем фактом, какая из них дает более приемлемое объяснение действительности. Другими словами, теория должна быть доказана еще дальнейшей практикой жизни, выдержать испытание фактов. Это особенно применимо к экономическим теориям, которые выводятся абстрактным путем на основании предыдущего опыта и которые имеют только целью объяснять нам дальнейшее развитие. Поэтому вопрос о том, какая из теорий более соответствует экономической действительности, может быть, в конце концов, решен при проверке на практике. В этом отношении война послужила тем испытательным огнем, который во многих отношениях не только очистил отжившую социал-политическую наслойку на современной действительности, но и показал, насколько устойчивы те или другие мировоззрения. В области экономической теории война вызвала сначала целый ряд новых теорий, которые, поспешно построенные, были, однако, дальнейшим ходом развития опровергнуты, как карточные домики.

Теория денег пользовалась в Германии особым вниманием и, казалось, что после Адольфа Вагнера и Вильгельма Лексиса, которые считались в буржуазных профессорских кругах незыблемыми авторитетами в этой области, никакие теоретические штатания не мыслимы. Много лет до войны (1864 году) было возможно такое заявление со стороны Принса Смита, что в Германии «благодаря экономическим познаниям, даже в минуты самой тяжелой государственной нужды сумеют найти экономические средства и никогда не потерпят неразменных принудительных денег». Между тем с самого начала войны Германия не только «потерпела» неразменные деньги, но там еще ожили старые теории, которые, казалось, были уже давным-давно похоронены. Вдруг стали утверждать что именно неразменные бумажные деньги—самые настоящие деньги.

Прежде чем, однако, перейти, к разбору денежных теорий, необходимо остановиться на некоторых других моментах, характерных для умонастроения военного времени. Как в Англии вместе с началом войны ожили старые традиции торговых войн, так и в Германии, вынужденной замкнуться в своей скорлупе, ожили старые представления меркантилизма, по которым именно такое положение изолированного государства признавалось идеальным. Целый ряд экономистов, которые пользовались до войны крупными именами, оказались с самого начала войны вульгарными теоретиками, переживающими старые теории меркантилистов. К таким экономистам относятся: F. Oppenheimer (*Weltwirtschaft und Nationalwirtschaft*, 1915), Würfel в *Zeitschrift f. Sozialwissen-*

schaft, 1916), K ö p p e (в Jahrbücher f. Nationalökonomie, 1915), J. Wolf (Finanzwirtsch. Kriegsaufsätze, 1915), S c h u m a c h e r (в сборнике Deutschland und der Weltkrieg, 1915), K a s s e l ь и др. Все они стали восторгаться тем обстоятельством, что Германия отрезана от всего остального мира и что она не делает расходов за границей на войну. Благодаря тому, что деньги, затраченные на войну, остаются в самой стране, Германия может бесконечно долго вести войну, так как деньги совершают только кругооборот из рук государства в руки частных лиц и потом снова возвращаются путем военных займов из рук частных лиц в руки государства, которое имеет возможность таким образом начать тот же процесс снова. Стали утверждать, что по существу «война сама себя питает» и может продолжаться бесконечно долго (Шумахер). О том, что война уничтожает материальные богатства страны, что фактически страна беднеет с каждым днем и совершенно естественно, что она не может бесконечно жить за счет своего старого капитала, названные экономисты совершенно забыли, видя, подобно старым меркантилистам, в деньгах единственную форму богатства. Критику этих воззрений дал Генрих Дигель в своей книжке «Национализации военных миллиардов», вышедшей в 1919 г.¹⁾, когда военный утар уже стал проходить. Дигель и Диль, ближе стоящие к классической политической экономии, сумели сохранить известную ясность взгляда на все то, что происходило за время войны. В этом снова отразилось, как высоко в теоретическом отношении стояла классическая экономия над предшествующими и последующими за ней вульгарными буржуазными теориями, которые снова обанкротились, в виду военных событий.

Мы не намерены разбирать всех денежных «теорий», появившихся в Германии за время войны и после нее, а остановимся только на наиболее крупных из них и посмотрим, как они справляются с объяснением действительного положения вещей. Прежде всего, стоит остановиться на теории Кнаппа, на так называемой государственной или картальной теории денег. Она возникла за 10 лет до войны, нашла в Германии слабый отклик; большим вниманием и распространением пользовалась она в Австрии. Только во время войны эта теория стала усиленно пропагандироваться, как в самой Германии, так и в других странах, и даже в России, где роль пропагандиста учения Кнаппа выполнялось русским «Экономистом». Совершенно верно замечает по этому поводу Лансбург в его книжке «Военные расходы и источник их покрытия»,²⁾ что «воюющим странам картальная теория, которая признает возможность образования денег без помощи мирового товара (в настоящее время, золото), явилась чрезвычайно заманчивой, видя основу денег в государственной власти, которая в состоянии одним решением создать необходимые денежные средства, как бы из ничего, извлекая их из четвертого измерения»³⁾. На самом деле, на практике все государства прибегали к тому, что сами создавали «деньги», и нет ничего удивительного в том, что буржуазная теория пыталась возвести эту военную практику в абсолютный закон. Однако создавшееся за время и после войны положение отнюдь не говорило в пользу этой теории. В следующих изданиях своей книги, появившихся за время

¹⁾ Die Nationalisierung der Kriegsmilliarden, 1919.

²⁾ Die Kriegskostendeckung und ihre Quellen. Berlin. 1916.

³⁾ Имеются еще другие причины увлечения Кнаппом; на один из них указал совершенно открыто Schmidt в брошюре: «Nationale Währungspolitik. Los von England», в которой открыто дается лозунг борьбы против Англии путем отказа от золотой валюты, и Кнапп сравнивается в этом отношении с Фр. Листом.

войны, в 20 §, Кнапп пытается ответить на вопрос, возникший за время войны. Сущность его теории, как известно, заключается в том, что государство своей властью определяет не ценность денег — о ценности денег Кнапп вообще не говорит, — то, по крайней мере, платежную способность их, другими словами, право должника расплачиваться теми или другими деньгами; именно это право основывается по Кнаппу исключительно на том, что государство придает этим деньгам определенную платежную способность. Взаимоотношение между деньгами и товарными ценами не рассматривалось Кнаппом, Кнапп не устанавливал «платежной силы» денег, а исключительно платежеспособность их, т.-е. способность их служить платежным средством. Однако, отворачиваясь от того, что есть, от факта обесценения денег, было невозможно, и в последней главе, прибавленной во втором издании, Кнапп пытается дать ответ на проклятый вопрос: откуда взялось обесценение денег? Решает он его совершенно просто, указывая на недостаток в товарах и на возросший спрос со стороны государства. Тем не менее, совершенно очевидно, что одним только недостатком в товарах нельзя объяснить их вздорожание в два, три раза во время войны, а после войны в много тысяч раз. Никто не станет утверждать, что в Германии количество товаров на рынке уменьшилось до одной бильярдной части, а между тем покупательная способность бумажных денег уменьшилась именно до такой величины. Что касается возросшего спроса со стороны государства, то, поскольку он совершался бы взамен спроса обывателей, т.-е. если бы государство получало средства для своих расходов путем налогов или займов, то фактически никакой новый спрос не возникал бы, на что указал уже в свое время Тук. Если же появляется новый спрос, то он вызывается именно созданием новых денег. Кнапп фактически признает банкротство своей теории, когда он говорит на странице 447 четвертого издания своего труда, что решение вопроса о том, правильно ли государство покрыло свои расходы во время войны — задача финансовой науки, а не теории денег, которая рассматривает государство исключительно как высшую инстанцию, устанавливающую средства платежей. Кнапп, следовательно, сам признает, что «картальная теория» фактически ничего в действительной жизни, в меновых отношениях объяснить не в состоянии.

Отметим тут же, что его замечания по поводу некоторых отдельных проблем хозяйственной жизни, связанных с теорией денег, также оказались неправильными. Так, напр., его указания на то, что цена серебра определяется состоянием вексельных курсов между странами с золотой и странами с серебряной валютой, оказываются не соответствующими действительности. В то время как валюта Индии на американском рынке, напр., в 1919 и 1920 г.г. составляла всего 80 % номинальной величины, цена на серебро как раз в это время была значительно выше довоенного уровня, а именно на 83 и 66 % выше, чем в 1913 г. В последующие годы курс рупии продолжает еще падать и в 1922 г. доходит до 59 % довоенного уровня, между тем как цена серебра все еще на 11 % выше довоенного уровня.

Более интересными представляются сторонники и последователи Кнаппа. Они пытаются на основе опыта войны доказать правильность картальной теории. Остановимся прежде всего на Гейне¹⁾, который выступил задолго до Кнаппа (еще

¹⁾ Имеется в виду, помимо его многочисленных статей в *Konrad'schem Jahrbücher für Nationalökonomie* и в *Weltwirtschaftsarchiv*, еще его брошюры: *Heyn, Unser Geldwesen nach dem Kriege*, Stuttgart 1916, и *Ueber Geldwesen und Inflation*, Stuttgart. 1921.

в 1894 г.) с сходной теорией денег, но не развил ее в целую систему. Гейн в многочисленных работах за время войны пытается учесть опыт войны в том направлении, что нужно отказаться от золотого обеспечения выпускаемых банкнот. Как известно, с самого начала войны почти всюду был прекращен обмен банкнот на золото. В Англии это законом не было установлено, но фактически обмен был прекращен. На это обстоятельство указывает Гейн и другой последователь Кнappa Бендиксен и оба видят в нем доказательство правильности характерной теории денег. Гейн говорит: «Если банкноты во время войны, т.-е. в момент наиболее тяжелого кризиса, были в состоянии вполне удовлетворить потребность денежного обращения, то они, следовательно, должны и в мирное время быть в состоянии выполнить эту функцию¹⁾. Отметим, что с точки зрения марксовой теории денег металлическое обеспечение банкнот является необходимым для правильного функционирования кредитной системы капиталистического общества, что золото, играя роль меры стоимости и масштаба цен, может при нормальных условиях фактически не появляться на рынке, но в минуты кризисов, неизбежных в капиталистическом обществе, золото из идеальной формы меры стоимости должно превращаться в реальную и выступать на рынке. «С развитием кредитной системы капиталистическое производство непрерывно стремится разрушить металлическую границу — эту одновременно вещественную и фантастическую границу богатства и его движения, — но все снова и снова разбивает себе голову об эту границу. Во время кризиса возникает требование, чтобы все векселя, ценные бумаги, товары могли быть сразу превращены в банковые деньги, а все банковые деньги, в свою очередь, — в золото». (Капитал т. III, ч. II, стр. 114). Гейн, правда, сначала не отказывается целиком от золотого обеспечения банкнот. Он только хочет, чтобы обратный обмен был прекращен. Он требует, чтобы все золото было сосредоточено в кассах центрального банка, который своей девизной политикой регулирует курсы валюты. Точно так же Гейн признает, что деньги должны иметь собственную ценность; но он стоимость денег не связывает с их материальной субстанцией, а с той функцией, которую они выполняют, как средство обращения. В этом отношении он близко сходится с функционалистами, при чем Гейн требует, чтобы государство было очень осторожно в выпуске бумажных денег, признавая, что слишком большой выпуск их ведет к их обесценению. Этим самым он становится на почву количественников, определяющих стоимость бумажных денег в зависимости от их количества в обращении. Мы видим, таким образом, что теория Гейна — смесь целого ряда теорий, эклектизм. Однако нас не интересует в данном случае теория Гейна, сколько его практические предложения, а последние сводятся по существу, как мы уже говорили, к тому, чтобы отменить обязательный размен банкнот на золото.

Надо сказать, что Гейн в этом отношении ссылается на пример Австрии, которая до войны не имела у себя обязательного размена банкнот на золото, а регулировала курсы кроны путем девизной политики своего центрального банка. Пример Австрии сбил с толку очень многих и не только Лосевский, но

¹⁾ Мы теперь знаем, как мало банкноты удовлетворяли потребности обращения в деньгах во время войны. Они не только потеряли в курсе (фунт стерлингов упал в 1918 г. на 2%, фр. франк на—8%, итальянская лира потеряла—31%, германская марка больше половины и т. д.), но и подвергались сильнейшим колебаниям. В первые дни войны курс фунта превышал паритет на 45%. Шведская крона временно котировалась в Голландии на 49% ниже паритета. Даже доллар стоял в Стокгольме в мае 1918 г. на 15% ниже паритета.

в последнее время, даже тов. Красин, повидимому, предлагают России ввести Golddevisenwährung подобно тому, как она была в Австрии до войны, (т.-е. обмен червонцев на инвалюту). Диль совершенно справедливо указывает на то, что в Австрии фактически далеко не было устойчивой валюты, и что как раз в критический момент, когда необходимость реального выступления золота на рынке проявляется с особой силой, т.-е. во время военных осложнений на Балканах, отклонение курса австрийской кроны от золотого паритета было довольно значительным. Правильно также указание его на то, что во время войны Австрия не была в состоянии удержать курс своей кроны даже на уровне, на котором держался курс марки. Однако, может быть, гораздо более важным надо считать то обстоятельство, что в Австрии фактически произошло внутреннее обесценение денег. По отношению к курсу других стран обесценение кроны не могло быть значительным, поскольку австрийский банк всегда готов был давать за крону определенное количество иностранной валюты, т.-е., иначе говоря, платить золотом. В этом отношении мировое золото фактически являлось регулятором взаимоотношений между Австрией и другими странами, так как, покупая доллары или фунты стерлингов, покупали золото, ибо за эти валюты, как и за валюту других стран, можно было до войны получить любое количество золота. На внутреннем же рынке, несомненно, произошло обесценение кроны. Для того, чтобы это доказать, достаточно констатировать следующее: в Австрии цена хлеба и других сельскохозяйственных продуктов повысилась гораздо больше, чем в России или в Германии. Так, напр., цена ржи в Вене поднялась за 1903 — 1912 г.г. на 52,5%, в Одессе всего на 43%, в Берлине на 40%; цена пшеницы в Австрии поднялась за это десятилетие на 44%, а в Берлине на 34%. Точно так же цена на крупный рогатый скот увеличилась в Австрии на 46%, а в Берлине приблизительно на 28,7% ¹⁾. Этот более значительный рост товарных цен в Австрии, чем в Германии, несомненно, связан с внутренним обесценением бумажной австрийской кроны.

Дело в том, что бумажные деньги, как и по существу кредитные билеты (банкноты) могут замещать металлические деньги в процессе обращения тогда, когда золото фактически выступает только идеально и играет роль средства обращения. «В своей золотой или серебряной плоти, следовательно, как денежный товар, значит не просто идеально, как в случае с мерилем стоимости», денежный знак должен выступать и не может быть замещен своим представителем, когда прерывается процесс обращения, когда деньги превращаются в сокровище или когда наступает денежный кризис. При развитой кредитной системе банкноты могут служить и в роли сокровища, так они могут быть заменены полноценными деньгами. В данном случае, когда существует нормальный и непрерывный обмен на инвалюту, последняя играет роль золота; но в минуты политических кризисов инвалюта теряет в значительной мере свое значение, и тогда вопрос о золотом покрытии выступает с особой резкостью. Это чувствовалось в Австрии в моменты политических конфликтов на Балканах. Важнее еще то обстоятельство, что банкноты играют роль не только кре-

¹⁾ Эти данные взяты из Stat. Jahrb. f. d. D. R. за 1914 г. По данным «Сборника Ст. Эк. Свед. по Сельскому Хоз.» С.ПБ. 1913 г. цены на овес поднялись за 1901/5 по 1911 в Кенигсберге с 98,7 до 121,3 коп. за пуд, в Веме — с 90,9 до 126,2 коп. за пуд; на ячмень: 94,9 и 119,9 в Кенигсберге и 80,2 и 110 к. за пуд. в Вулапште, на пшен. муку в Берлине с 172,6 к. до 206 к. в Триесте с 211,5 до 266/289 коп. за пуд.

данных билетов в оптовом торговом обращении, но превращаются в обычные бумажные деньги, проникая в розничный оборот, и становятся средством накопления для средних классов, в особенности крестьянства, у которого они часто сохраняются в натуральном виде, переполняют постепенно все каналы обращения и сбережения до степени их полного насыщения и обесцениваются при малейшем изменении положения рынка.

Особенно в такие моменты, когда товарные цены, хотя бы под влиянием причин, лежащих на стороне товаров, начинают повышаться, так что реальная покупательная способность денег понижается, — отношение к бумажным деньгам становится другим, чем к золотым; бумажные деньги тогда в большом количестве выбрасываются на рынок, скорость их обращения увеличивается, вместе с тем уменьшается потребность в них, отсюда и их обесценение. Вот почему система «Golddevisenwährung» или «Goldkernwährung», которую рекомендовал Гейн и которая применялась до войны в Австрии и Бельгии, оказалась далеко не устойчивой.

Впрочем, Гейн во время войны ушел дальше в своем реформаторском рвении. Если раньше он еще считал необходимым сохранить большой золотой запас в центральном эмиссионном банке, то во время войны он предлагал: во-первых, ограничить выпуск бумажных денег в размере обращения золотых денег до войны, во-вторых, не выпускать больше никаких бумажных денег, а удовлетворять спрос на средство обращения сверх этого количества исключительно выпуском банкнот. При этом он, однако, не указывает, чем должен определяться по существу выпуск банкнот.

В своих последних статьях, написанных в 1920 г. в «Банк-архиве», он, повидимому, имеет в виду идею «создания денег», пропагандируемую Бендиксеном, т.-е. выпуск банкнот на основе учета товарных векселей. В этом отношении Гейн может считаться предшественником защитников теории параллельного обращения двух бумажных валют — казначейских денег и банковых билетов; при чем Гейн предлагал установить определенную норму для казначейских билетов, не превышающую золотое обращение до войны.

Еще характернее для влияния войны на теоретиков денежного обращения представляется нам тот поворот, который сделал Бендиксен ¹⁾. Как известно, учитель его, Капп, практически признавал необходимость золотого покрытия банкнот и золотого обращения, несмотря на свою теоретическую приверженность к номиналистической теории денег, отрицающей связь денег с металлом. Бендиксен придерживался до войны той же точки зрения; в своей брошюре, появившейся в 1908 г., он определенно требует сохранения золотого обращения. В его работах за время и после войны у него совершенно другая ориентация. Он считает, что «война доказала правильность теоретического положения равноценности бумажных и металлических денег» («Валютная политика и денежная теория в свете мировой войны», Мюнхен и Лейпциг, 1919 г. стр. 35) и дальше, на странице 37, он говорит: «познание, которое принесла нам война и которым необходимо воспользоваться и в мирное время, заключается в том, что нет необходимости держаться металлического денежного

¹⁾ У него имеются, кроме статей в *Jahrbücher f. Nationalökonomie* в 1919 г. и в *Bankarchiv* того же года, еще следующие работы: *Das Wesen des Geldes*, 1-е изд. 1903, второе — 1918 г.; *Geld u. Kapital* — изданы в 1912, 1920 и 1922 г.г., *Währungspolitik u. Goldtheorie im Lichte des Weltkrieges*. 1916 и 1919 г.г. *Das Inflationsproblem* 1917 г. *Kriegsanleihen und Finanznot* 1919 г.

обращения и обмениваемости бумажек, чтобы удержать денежное обращение на высоте совершенства». Такие замечания можно у него встретить много раз. Он видит в том, что во время войны не только был прекращен обмен бумажек на золото, и что многие по зову правительства приносили свое золото и отдавали банку взамен на бумажки, доказательство правильности своей теории, что деньги по существу не имеют никакой внутренней ценности, что они представляют из себя только «общий знаменатель», по которому сравниваются товары между собой. В других местах он называет деньги только «знаками стоимости» или «государством признанными знаками стоимости». Отсюда естественно его требование перехода исключительно к бумажно-денежному обращению. Характерно, как Бендиксен объясняет изменение свой точки зрения. Цитируя отчет одного из крупных банков Германии «Disconto-Gesellschaft», в котором этот банк высказывается за возвращение к золотому обращению после войны, он говорит, что в 1908 г. он стоял еще на такой же точке зрения, т.-е. признавал, что необходимо считаться с предрассудками массы, которая привыкла видеть в деньгах нечто материальное; теперь же после опыта войны, он считает совершенно излишней подобную политику.

Суть предложенной им реформы сводится в общем и целом к следующим основным положениям: центральный эмиссионный банк не обязан обменивать банкноты на золото, стараясь поддерживать денежный рынок в равновесии путем своей учетной политики, а девизной политикой поддерживает курс валюты. По существу, следовательно, он исходит из того же положения, как и Гейн (о котором уже была речь), что можно исключительно девизной политикой поддерживать курс валюты. Новое он внес исключительно в том смысле, что он требует строгой учетной политики со стороны центрального эмиссионного банка, который должен учитывать исключительно товарные векселя. И на этом он строит свою теорию «классического создания денег». Против того, что можно путем учетной политики регулировать денежное обращение, высказался, между прочим, и один из крупных банкиров Германии, Макс-Шинкель, указывая на то, что один и тот же товар переходит из рук в руки и что вместе с этим может быть целый ряд векселей учтен на основании одного данного товара. Важнее еще указание Дилля, что денежное обращение в розничном обороте совершенно не подчиняется законам кредитного обращения, регулируемого учетом векселей центральным банком. Последнее, т.-е. денежное обращение в стране, не зависит от спроса на товар. На самом деле, если бы всякая покупка должна была непременно сопровождаться продажей или наоборот, если за всякой продажей неминуемо следовала бы покупка, как это думали классики, то можно было еще говорить о регулировании денежного обращения таким путем; на самом же деле, в самом характере денег лежит возможность, как Маркс указал, прерыва этих отношений и, следовательно, задержки в товарообороте¹⁾. В таком случае банку приходится пролонгировать вексель или заменить один вексель другим, несмотря на то, что

¹⁾ Даже в том случае, если даны цены, быстрота денежного обращения и экономия платежей, то все же масса денег, находящаяся в обращении в течение известного периода, напр., одного дня, не совпадает с массой обращающихся товаров... С другой стороны, ежедневно заключаемые и ежедневно погашаемые платежные обязательства представляют совершенно неизмеримые величины (Капитал т. I, стр. 108). Отсюда видно, чего стоят все проекты регулирования бумажно-денежного обращения в соответствии с рыночным спросом.

товар еще не реализован. Таким образом на рынке на самом деле накапливается бумажная масса в каналах обращения и последствием этого является неминуемое их обесценение. Будет ли это последнее вызвано кредитной инфляцией, т.-е. превышением размеров кредита по отношению к действительному товарному обращению или непосредственно инфляцией денежного обращения, все равно обесценение бумажек является неминуемым в том случае, если они не обмениваются на золото или на инвалюту. В этом последнем случае, когда они обмениваются на инвалюту оптовый товарооборот с заграницей может сохранить свои деньги от обесценения, поскольку нет налицо крупных политических кризисов, но на внутреннем рынке, как мы уже говорили, все равно легко наступает инфляция.

Относительно Э. Эльстера, написавшего большую книгу «Душа денег» в 1920 г., в которой он пытается привести в систему взгляды Кнаппа и в особенности Бендиксена, говорить не приходится. Трудно себе представить более легковесную работу, чем эта выступающая с таким большим апломбом. Основная идея Э., что деньги, «это—число» или что «деньги — возможность участия в социальном продукте», есть не больше, как простое пустословие. Ибо он ничего не говорит о характере этого «социального продукта», еще меньше о характере участия в нем. В одном только месте он делает кое-какие намеки на определение последнего, т.-е. характера участия в «социальном продукте». «Не стоимость производительных затрат труда, говорит он, и не стоимость продуктов потребления дает масштаб для определения участия отдельных членов хозяйства в социальном продукте и в фонде средств потребления» (стр. 54); другими словами, Эльстер отрицает за рабочими право требовать себе долю участия в социальном продукте соразмерно затрате труда. Вообще, этот «теоретик» насквозь проникнут реакционным духом и не мог удержаться, чтоб не высказать своих симпатий реакционеру. Кнаппу, пытавшемуся в начале 1920 г. произвести реакционный переворот в Германии.

Предложения его относительно будущего, по существу, не представляют из себя ничего серьезного. Нужно ему было написать целую книгу в 23 печатных листа, чтобы заявить о том, что нечего нам беспокоиться насчет инфляции, так как Имперский банк уже сам об этом беспокоится. Это звучит особенно легкомысленно после того, как мы пережили в Германии стадию тяжелой кредитной инфляции как раз в 1923 г. и теперь, когда введена рентная марка и когда вопрос о кредитной инфляции не сходит со столбцов газет и журналов. Характерно еще его предложение, чтобы Имперский банк давал кредит под обеспечение инвалютой. Здесь он, по существу, вскрывает сущность своей «теории», которая оказывается теорией биржевых спекулянтов, играющих на понижение германской марки и прячущих иностранную валюту. Они берут кредит в той или другой форме под обеспечение иностранной валютой и расплачиваются за эти кредиты совершенно обесцененными деньгами.

Приблизительно такую же мысль как Эльстер высказывает относительно «социального продукта» Шумпетер. («Социальный продукт и расчетный пфенниг» Зомбартский Архив 1917/18 г.). И для него деньги — это только ассигновка на участие в социальном продукте. Однако, он не решает отказаться от золотого обращения и пытается объединить номиналистическую с металлической теорией.

Гораздо более интересным представляется нам план К. Дилля¹⁾, который ближе подходит, как мы уже говорили, к классикам, но под влиянием, видимо, последних денежных теорий приписывает в значительной мере психологический момент к объяснению сущности денег и денежного обращения. Теория его нас мало интересует, его критика номиналистов в общем и целом правильна. Наиболее интересным нам кажется его указание относительно реформы денежного обращения в Германии. Он вначале считал необходимым восстановить золотую валюту в полном объеме, т.-е. даже восстановить полную покупательную способность марки. Впоследствии он увидел, что при той степени обесценения, которой достигла в Германии марка, избежать девальвации невозможно. Однако он считает, ссылаясь на пример Австрии и России в XIX столетии, что девальвация, которая ограничивается исключительно тем, что заменяет один бумажный знак другим меньшей номинальной величины, т.-е. фактически совершается только деноминации, не может иметь успеха. Только введением металлического обращения, т.-е. по крайней мере восстановлением металлического размена можно оздоровить денежное обращение. Ибо «даже при уменьшенном выпуске бумажных денег обесценение не прекратится, так как причина обесценения лежит исключительно в выпуске бумажек и не только в количестве их», (стр. 200). Мы также считаем, что бумажное обращение должно неминуемо подвергнуться сильному колебанию в своей ценности. Нет возможности точно учесть потребность рынка в денежных знаках, так как эта потребность сильно меняется. Так как недостаток в деньгах является крупным злом для товарного обращения, то естественно, что этот недостаток должен быть преодолен, что достигается обыкновенно дальнейшим выпуском бумажных денег до тех пор, пока все каналы заполнятся. Как только наступает сокращение товарного обращения, на рынке образуется излишнее количество бумажных денег, которое давит на курс всей массы. Таким образом недостаток в деньгах чередуется при бумажно-денежном обращении с излишком в знаках, отсюда курс их то выше, то ниже их номинальной стоимости.

Дилль отвергает также все многочисленные проекты регулирования денежного обращения в международном масштабе, но об этом в другой раз.

Если в начале войны большим успехом пользовались номиналистические теории, то уже в 1916 г. на сцену выступает новый вопрос, от которого номиналисты сначала пытаются совершенно отделаться, именно вопрос о сильном обесценении бумажных денег. Гейн, как и другие, напр., Федерн, еще продолжает искать причину вздорожания товаров исключительно на стороне товаров, но все больше и больше оживает старая количественная теория, по которой ценность денег зависит от количества их в обороте по отношению к спросу на них. Нет необходимости давать здесь анализ и критику количественной теории. Она дана исчерпывающим образом Марксом в его «К критике политической экономии» и в «Капитале». По существу современные количественники повторяют ошибки первых представителей этой теории, о которых Маркс говорит, что по их представлению товары вступают в процесс обращения без цены, а деньги без стоимости, и что в этом процессе «известная часть этой мешанины обменивается на соответствующую часть металлической горы». Почти ни у кого из современных представителей количественной теории нет

¹⁾ «Ueber Fragen des Geldwesens und der Valuta während des Krieges und nach dem Kriege», Jena, 1921.

представления ни об образовании цен товаров, ни о ценности денег. Правда, различают, помимо номиналистов, вообще отрицающих, что деньги имеют какую-нибудь ценность, еще функционалистов, по которым ценность денег определяется функцией их в товарном обороте. Даже ценность золота определяется, по их мнению, этим моментом. Однако, как те, так и другие при разборе фактов вздорожания товаров на самом деле отказываются от этого положения и становятся на почву чистых количественников, для которых цены товаров и ценность денег определяются их взаимным количественным отношением. Характерным примером в этом отношении является тот же Бендиксен, который, полемизируя против количественников и считая, что деньги не имеют своей собственной ценности, все же говорит о необходимости правильного выпуска денег, для того, чтобы не наступило их обесценение, хотя казалось бы, что то, что не имеет ценности, не может и обесцениться. Или возьмем функционалистов, которые заявляют, что ценность денег определяется их функцией в обороте; казалось бы всякая единица денег, выполняя ту же функцию как другие, должна иметь одинаковую ценность с ними. Почему же происходит обесценение?

На самом деле мы видим, что большинство представителей номиналистов или функционалистов сначала отрицали или не признавали момента обеспечения денег под влиянием их количества. Например, не только Бендиксен или Эльстер, но и Шумпетер, который в своем труде, вышедшем в 1908 г., «Сущность и главное содержание теоретической и национальной экономики» старается еще связать теорию денег с основами австрийской субъективной школы. Впоследствии, в Зомбартовском Архиве (44 том 1917 — 1918 г.г.), он становится уже на точку зрения количественников, отчасти Лифмана, для которого ценность денег зависит от доходов, совершенно забывая о своих прежних теоретических постулатах.

Прежде чем дать анализ современных количественников, необходимо установить следующий момент. Как первые представители этой теории, так и новейшие их последователи не делают различия между бумажными деньгами и металлическими, для всех них и ценность золота в такой же мере зависит от количества его, как и ценность бумажных денег. Далее, расхождение между отдельными представителями этой теории сводится почти исключительно к следующим моментам: приходится ли считать, что изменение товарных цен происходит непосредственно под исключительным влиянием увеличения количества их или это изменение является уже результатом целого ряда моментов, вызванных увеличением количества денег; другими словами, одни понимают количественную теорию механически, другие стараются обосновать ее еще различными психологическими моментами. Далее одни признают полную ответственность между количеством денег и товарными ценами и считают, что можно даже благодаря этому регулировать товарные цены, если установить определенные принципы выпуска бумажных денег. Главным теоретиком последней версии количественной теории является американец Фишер, труд которого, переведенный на немецкий язык, имел большое влияние на немецких представителей этой теории. Но по существу этой же точки зрения держатся и все те, которые говорят о необходимости правильного регулирования денежного обращения, напр., Бендиксен и отчасти даже Кассель, который, правда, отрицает пропорциональность взаимоотношений между количеством денег и товарными ценами, но по существу возвращается именно к этой точке зрения. Затем, многие спорят о том,

имеет ли ценообразующее влияние скорость обращения денег. Если отвлечься от этих различий понимания отдельных проблем, то по существу все писавшие по этому вопросу в последние годы войны становились на количественную точку зрения.

Для того, чтобы выяснить себе теоретическую ошибочность и неприменимость этих теорий к объяснению действительности, нужно сказать несколько слов по существу проблемы, как она ставится Марксом. По Марксу металлические деньги имеют свою собственную ценность. Товарные цены зависят от стоимости товаров, которая получается в процессе производства. Бумажные деньги представляют из себя только отражение стоимости заменяемого ими в процессе обращения количества золота. Отсюда вытекает, что стоимость бумажных денег в сумме представляет из себя только стоимость того количества золота, которое они замещают, поскольку вообще можно говорить о стоимости бумажных денег. «Если бумажки, говорит Маркс, переступили свою меру, т.-е. то количество одноименных золотых монет, которое действительно могло бы находиться в обращении, то, не говоря уже об опасности их общего дискредитирования, они теперь представляют в товарном мире лишь то количество золота, которое вообще может быть ими представлено, т.-е. количество, определяемое имманентными законами товарного мира. Если, напр., данная масса бумажек представляет по своему названию 2 унции золота, а реально замещает 1 унцию, то фактически 1 ф. ст. становится денежным названием, скажем, $\frac{1}{2}$ унции золота. Результат получится тот же самый, как если бы золото потерпело изменение в своей функции меры цен. Те самые стоимости, которые раньше выражались в цене равной 1 ф. ст., выражаются теперь в цене равной 2 ф. ст.» Отсюда, однако, не следует тот вывод, что Маркс тоже был сторонником количественной теории денег в применении к бумажным деньгам, как это считают многие русские экономисты, писавшие по этому вопросу, напр., Миклашевский, Туган-Барановский и друг. На самом деле, ведь для Маркса цены товаров не создаются в процессе обращения и ценность бумажных денег не зависит от их количества, так как ценность их есть только отражение ценности золота. Впрочем, этот вопрос в настоящий момент нас менее интересует, так как никто из немецких авторов, писавших по этому вопросу, не ищет подтверждения своих мыслей у Маркса. Важнее вопрос о том, как влияет увеличение количества бумажных денег на цены товаров. Из приведенной цитаты из «Капитала» следует как будто сделать тот вывод, что влияние это непосредственное, механическое и пропорциональное. Однако, это отнюдь не так. Мы знаем из второго и третьего томов «Капитала», что влияние изменения цены одного какого-нибудь товара на общий уровень цен происходит исключительно путем перераспределения капиталов при процессе воспроизводства под влиянием изменения среднего уровня нормы прибыли. Другими словами, можно представить себе этот процесс только следующим образом. При выпуске новых бумажных денег создается возрастающий спрос на какие-нибудь товары. Вследствие этого поднимаются цены этих товаров и отсюда также возрастает норма прибыли производителей данных товаров. Благодаря этому обстоятельству, происходит перемещение капиталистов из области с относительно более низкой нормой прибыли в область с более высокой нормой прибыли, или, что почти то же самое, увеличивается производство в той области, которой предъявляется требование на новые товары, тем самым вызывается спрос на предметы, производимые в других областях, следствием чего и является

общий подъем цен. Отсюда вытекает, что процесс поднятия цен есть продолжительный и далеко не равномерный; то, что Маркс в первом томе говорит о пропорциональном повышении товарных цен, это есть только выражение общей тенденции влияния нового выпуска бумажных денег, но отнюдь не констатирование факта. Поэтому неверно также предположение, что по Марксу изменение цен на отдельные товары не может сопровождаться абсолютным ростом уровня цен, а непременно понижением цен на другие категории товаров. Наоборот, процесс роста уровня товарных цен может происходить исключительно путем постепенного повышения целого ряда товарных цен, которое в последнем итоге ведет к общему повышению всех товарных цен. Что же касается возражения против этого положения, что при повышении цен на отдельные товары проявляется несоответствие между количеством бумажек и суммой товарных цен, то оно было бы правильно, если бы мы исходили из предположения, что общая сумма бумажек и скорость их обращения не изменяются, как и сумма проданных товаров. Последнее почти никогда, при нормальных условиях, не бывает, так как с вздорожанием товаров рынок их сокращается. Итак мы считаем, что влияние нового выпуска бумажных денег на товарные цены является процессом медленным, как это Марксом подчеркивается в его полемике против Юма: «Уравнение, говорит Маркс, между количеством денег на рынке и товарными ценами во всяком случае не происходит одновременно с возрастанием количества обращающихся наличных денег» («К критике политической экономии», стр. 149), т.-е. процесс этот происходит путем повышения сначала отдельных товарных цен, потом всех остальных цен.

Теперь рассмотрим современные количественные теории. Специально теоретически этим вопросом занимается, с одной стороны, уже упомянутый нами Фишер, затем Кассель, а из немцев Кирмайер. Последний дает разбор различных теорий по этому вопросу, сам стоит на точке зрения Лифмана и вообще номиналистов, что деньги это только средство участия в общем социальном продукте, и попадает при разборе этих теорий в чрезвычайно странные, если не сказать резко, положения. Мы указываем на Кирмайера исключительно потому, что он против количественников, считающих, что даже скорость обращения является ценообразующим фактором, заявляя, что, если повышение цен зависит от скорости обращения денег, то отсюда следует заключить, что скоростью обращения денег возможно заплатить разницу в повышении цен¹⁾. Так как он разбором положения вещей не занимается, то мы и не будем дольше останавливаться на нем.

Интереснее Вискель и Кайнес. Вискель, выступивший уже до войны с своеобразной теорией влияния учетного процента банков на товарные цены, в своем труде («Лекции по политической экономии на основе краевого принципа»)²⁾, заявляет, что война в общем и целом доказала правильность классических количественных теорий и что товарные цены зависят от взаимоотношений между учетной ставкой банков и естественным процентом. В своих статьях, помещенных в Зембартовском Архиве, он объявил повышение цен след-

¹⁾ Интересный анализ проблемы скорости обращения денег мы находим у Dr. J. F. Feiler «Die Umlaufgeschwindigkeit des Geldes» Berlin und Leipzig 1923 г., хотя у него все же нет ясности в понимании роли денег; отсюда и его полемика против Маркса.

²⁾ Knut Wicksel, Vorlesungen über Nationalökonomie auf Grundlage des Marginalprinzips.

ствием слишком низкой учетной ставки банка и дешевого кредита и требовал повышения последнего. Если кредитная инфляция не только возможна и даже обычное явление в капиталистическом обществе, но и на самом деле имела место, то противодействовать ей исключительно повышением учетной ставки банков, конечно, невозможно в особенности во время войны, когда главным кредитором банков является государство, вынужденное для целей войны брать кредит при любых условиях, следовательно, повышение учетной ставки не повело бы к уменьшению кредита, не имело бы никакого влияния; на это указали Випселю Мизес и Будже в том же Архиве.

Кассель по существу держится той же точки зрения относительно роли учетной ставки банков в инфляции. Кассель, — шведский экономист, пишущий и на немецком языке; он — глава германских количественников, он устанавливает для всего XIX столетия, что движение товарных цен зависело от количества вновь прибавленного золота в обращении, при чем он высчитывает общее количество золота в начале данного периода и в конце его, делит общее повышение на количество лет, считает это повышение нормальным и всякое отклонение от него он считает относительным увеличением или уменьшением, которым определяются, по его мнению, цены на товары. Надо сказать, что по Касселю, цены на товары, вообще, определяются их редкостью, и чем больше увеличиваются покупательные средства, тем относительно реже количество товаров, хотя Кассель отнюдь не объясняет нам, почему соответственно не увеличивается их производство. Сама по себе эта теория не выдерживает никакой критики и, повидимому, не имела никакого влияния на дальнейшие теоретические построения даже его последователей, между тем как указание его на то, что цены товаров определяются исключительно количеством выпущенных новых денег и что для того, чтобы уменьшить это количество, необходимо не только приостановить выпуск бумажных денег, но и сильно поднять учетную ставку эмиссионных банков, при помощи которой можно регулировать спрос на деньги, имело огромное влияние на дальнейший ход борьбы против инфляции в Европе. Как известно, Кассель является также главным теоретиком Лиги Наций в этом вопросе¹⁾.

Это весьма характерно. Если прогрессивная буржуазия имела своим выразителем классическую политическую экономию, представлявшую из себя бесспорный прогресс по отношению к предыдущей политической экономии и истолковывавшую характер капиталистических отношений, то современный отмирающий капиталистический строй выбирает себе в истолкователи теоретиков, которые пережевывают ошибки старых представителей политической экономии, опровергнутых уже классической политической экономией. Что, напр., представляет из себя определение стоимости товаров их редкостью по сравнению с трудовой стоимостью Рикардо? Как мы видим дальше, в своей теории вексельного курса Кассель тоже делает шаг назад по отношению к Рикардо, беря теорию Мак-Куллоха. Его количественная теория ценности денег точно так же представляет значительный шаг назад по сравнению даже с количественной теорией Рикардо. По Касселю выходит, что ценность денег определяется массой товаров или услуг, которые можно купить за эти деньги. Последнее, ценность товаров, в свою очередь, определяется ценностью денег, и получается

¹⁾ Мы говорим здесь о его труде "Theoretische Sozialökonomie". Третье изд. 1923 г. и об его записке: "Das Geldproblem der Welt", München. 1922.

таким образом круг, из которого выхода нет. В этом отношении Кассель повторяет Джемса Милля, критику которого Маркс дал в «Критике политической экономии» 166—167 стр. Мы поэтому не считаем нужным останавливаться на критике этой теории, а только попытаемся указать, как мало применима эта теория к современной действительности. Кассель в прибавлении к новому изданию своего труда (3-е издание «Теоретическая социал-экономика», 1923 г., стран. 474—475) заявляет, что золото, переставшее играть роль денег и мало применяемое, также как предмет роскоши, значительно обесценилось. Этим он объясняет повышение товарных цен в различных странах. Как на пример, он указывает на Соед. Штаты, где товарные цены в 1920 г. значительно повысились. Далее, он ссылается на пример Швеции, которая во время войны сократила свободный доступ золота в страну. Однако, пример Соед. Штатов говорит как раз противоположное тому, что хочет доказать Кассель. После 1920 г. цены в Соед. Штатах значительно упали и, если они еще теперь в среднем приблизительно на 50% выше довоенного уровня, то это во всяком случае не может быть объяснено увеличением количества золотого запаса в Соед. Штатах, так как золотой запас увеличился гораздо значительно, он возрос больше чем в два раза (общее обращение денег в стране увеличилось по сравнению с довоенным временем всего на 40%). Другими словами, соответствие с возрастанием золотого запаса не может быть установлено. Гораздо важнее, однако, то обстоятельство, что не все товарные цены поднялись; наоборот, на целый ряд предметов цены стоят теперь ниже, чем до войны, так например, на многие сельскохозяйственные продукты, затем в особенности цены на серебро, которые теперь стоят почти на довоенном уровне. Чем может быть объяснена такая цена на серебро? Если бы обесценилось золото, то соответственно должна была повыситься цена на серебро, тем более, что как раз спрос на серебро значительно увеличился за время и после войны.

Что касается Швеции, то в настоящий момент, когда Швеция вернулась к золотой валюте, не приходится совершенно доказывать того, что она никогда не думала отказаться от нее. Во время войны, когда Швеция нуждалась в реальных товарах больше, чем в деньгах, совершенно естественно было, что она затруднила ввоз золота для того, чтобы тем самым оказать давление на Англию и заставить ее дать Швеции нужные ей товары взамен получаемых от нее продуктов. Это была совершенно правильная политика борьбы против истощения товарных ресурсов Швеции воюющими странами. В настоящий момент эта опасность наплыва золота взамен продуктов прошла. Поэтому Швеция одна из первых европейских стран возвращается снова к золотой валюте. Между тем Кассель утверждает (см. «Франкфуртскую Газету» от 17 апреля 1924 г.), что «в стране, где относятся с полным доверием к существующей денежной системе, ценность денег определяется исключительно недостатком в снабжении страны средствами платежа по отношению к потребностям оборота. Так называемое покрытие средств обращения не имеет никакого влияния на ценность денег»; только при создании новой валюты необходимо покрытие для того, чтобы создать доверие к новым деньгам. Казалось бы, отечество Касселя должно было следовать его указанию, ведь никто не сомневается и не сомневался в прочности шведской валюты, и необходимости возвращаться, с точки зрения Касселя, к золотой валюте не было. Тем не менее, Швеция это сделала, опровергнув тем самым теорию Касселя. На самом деле, до последнего времени крона стояла ниже паритета; хуже того, она значительно колебалась в курсе

и отнюдь не потому, что увеличилась инфляция в стране. Швеция ведет дефляционную политику, неустойчивость ее валюты объясняется исключительно неустойчивостью бумажноденежной валюты вообще. Далее, совершенно непонятно, как Кассель связывает понятие о редкости бумажных денег с понятием о доверии. Если бумажных денег будет меньше потребности в них, то тем самым спрос превысит их предложение и «доверие» к ним восстановится. Почему же он все же считает необходимым при создании новой валюты обеспечить ее чем-нибудь? Очевидно, что если в первые годы после войны на первом плане стоял вопрос о борьбе против инфляции и Кассель тогда выдвинул теорию редкости, определяющей ценность денег, то в последние годы стали переходить к восстаповлению твердой валюты, которой нельзя добиться без фактического золотого обращения. Поэтому Кассель уже признает необходимость покрытия. Немецкий последователь Касселя, доктор Вальтер Эйкен, в своей книге, появившейся в 1923 г., «Критический разбор германской денежной проблемы»¹⁾ уже определенно говорит о том, что введение золотой валюты является вторым этапом оздоровления валюты вообще. Это уже полный отказ от всех номиналистических и тому подобных теорий, навешенных последними годами войны и первыми годами после войны.

Чтобы покончить с Касселем, скажем еще несколько слов о его теории вексельного курса. «Вексельный курс между двумя странами с бумажным обращением», говорит он — и это он считает главным результатом изучения военных и послевоенных событий на международных рынках — «определяется отношениями между ценностью денег в одной и другой стране». Эта «ценность» измеряется покупательной силой денег внутри данной страны. Другими словами, паритет вексельных курсов определяется по Касселю покупательной силой денег каждой страны. Этот результат, по его словам применим и к случаю золотого денежного обращения.

Кейнс в I-м приложении к «Manchester Guardian», «Восстановление Европы», разбирая эту теорию «покупательной силы», замечает совершенно справедливо, что она может иметь применение только по отношению к товарам, имеющим международный рынок. Но в таком случае эта «теория» само собою понятная вещь. Цены на такие товары устанавливаются именно на международных рынках, и доллар, напр., повсюду имеет по отношению к ним почти одинаковую покупательную силу. Относительно товаров внутреннего обращения легко констатировать довольно продолжительные отклонения от мирового уровня. Объяснение этому факту Кейнс ищет в отсутствии свободного передвижения капиталов. Может быть, более важным является регулирование внутренних цен на хлеб, на квартиры и т. д. (давление на поземельную и городскую ренту), незначительная покупательная способность масс населения и т. д.

Кейнс думает, что «основа теории паритетов покупательной силы, объясняющей движение курсов, может быть найдена, если мы будем рассматривать внутреннюю покупательную силу в конце концов (auf die Dauer) решающим фактором для определения внешнего курса какой-нибудь валюты». Но и эта улучшенная формулировка совершенно не верна. До войны стоимости жизни в Америке была больше, чем на 41%, выше, нежели в Англии²⁾. Будет ли Кейнс утверждать, что существовала такая же разница

¹⁾ W. Eucken, „Kritische Betrachtungen zum deutschen Geldproblem“. Jena. 1923.

²⁾ См. М. Nachimson, „Die Weltwirtschaft vor und nach dem Kriege.“ Bd. I. S. 205.

между курсами фунта и доллара? Ясно, что последние определялись исключительно взаимоотношениями между количествами золота, выраженными в фунте и в долларе. Далее, неверно также, что «изменение в покупательной силе вызывает соответственное изменение курсов валюты». Как раз перед войной стоимость жизни в Германии поднялась значительно, чем в Англии, между тем паритет марки в Лондоне не изменился.

Критику этой теории Касселя и Кейнса дает проф. А. Ю. Ф и н н - Е н з - т а е в с к и й в 7-м выпуске «Новые идеи в экономике». Финн правильно указывает, что эта теория — шаг назад к Мак-Куллоху по сравнению даже с теорией Рикардо. «Паритет вексельного курса, говорит Финн, определяется отношением ценности денег в сравниваемых странах, измеряемых ценой представляемого ими металла, сейчас золота». Нам кажется, что девизы, это — международные бумажные (кредитные) деньги, ценность которых определяется ценностью, представляемую замещаемым ими золотом. Для нас вексельный курс по существу ничем не отличается от курса бумажных денег внутри страны; как одно, так и другое представляет только замещаемое золото. Не трудно доказать, что и на самом деле вексельные курсы отнюдь не соответствовали покупательной силе этих денег. Если мы, например, возьмем уровень товарных цен в различных странах, выраженных в золоте, то мы легко убедимся, что он значительно разнится между собой. Так, например, в феврале 1924 г. уровень товарных цен, выраженных в золоте, в Соед. Штатах был на 63 % выше довоенных цен, в Англии — на 60 %, во Франции — на 7 %, в Канаде — на 44 % и в Японии — на 82 %. Вычислены эти уровни цен на основе курса доллара в этих странах. Это означает, что покупательная способность доллара во Франции, например, значительно выше, чем в самой Америке. Отсюда ясно, что нельзя говорить о том, что курс векселей определяется покупательной способностью их в этих странах. Указание Кейнса и Эйкена, что подобное отклонение вызывается торговой политикой этих стран, неверно, так как ничем нельзя объяснить отклонение покупательной способности доллара во Франции и в Англии. Во Франции покупательная способность доллара значительно, чем в Англии, несмотря на то, что Франция оградила себя значительными таможенными пошлинами.

После войны в Германии долгое время усиленно обсуждался вопрос о том, чем вызвано повышение товарных цен. Гельферих, бывший министром финансов Германии во время войны, старается в новом издании своего труда «Деньги» объяснить повышение цен исключительно моментами, лежащего на стороне товара. Более того, даже усиленный выпуск бумажек он считает следствием, а не причиной повышения цен (см. 644—645 стр.). Против такого объяснения выступил в свое время уже профессор В. Прион в своем труде «Инфляция и обесценение денег»¹⁾. Прион придерживается теории, что основой обесценения денег явилось создание новой покупательной силы. Он не оригинален, а придерживается, в конце-концов, точки зрения Бендиксена и Лифмана. Гораздо более интересным представляется его предложение о мероприятиях для стабилизации цен. Подробно разобрал вопрос о повышении товарных цен уже цитированный нами приват-доцент Эйкен. Дело в том, что после войны в Германии стало модой объяснять повышение товарных цен ухудшением положения производства и последствиями Версальского мира. Это было одной из форм борьбы

¹⁾ „Inflation und Geldentwertung“. 1919.

против последнего и поэтому эту точку зрения мы встретим больше и чаще всего в официальных заявлениях Имперского Банка, Центрального Статистического Комитета и даже министра иностранных дел, Ратенау и т. д. Сводится это объяснение к следующим основным положениям: во-первых, упала производительность труда, уменьшилось производство, а во-вторых, Германия вынуждена закупать за границей больше товаров, чем она продает туда; кроме того она отягчена большими платежами; вследствие этого курс марки неблагоприятен для нее. Отсюда и повышение цен и внутри страны. Эйкен справедливо указывает, что все это, правда, может быть и верно, хотя он и отрицает, что германский торговый баланс был пассивным, еще более, что платежный баланс был пассивным, но весь вопрос заключается в том, что ведь не потребность определяет величину действительных закупок, а именно платежная способность. Следовательно, для того, чтобы Германия могла закупать в других странах, она должна была иметь чем оплатить свои закупки. Откуда берется последнее? Далее, он указывает, что спрос исходил преимущественно от богатых классов на предметы роскоши. Очевидно, что это не было спросом, вызванным Версальским миром, а скорее спросом, явившимся следствием или инфляции, или просто обогащения отдельных слоев, т.-е. по существу следствием той же инфляции. Тем же обстоятельством он объясняет также бегство капитала из страны, как и неправильное распределение капитала между отдельными отраслями производства. Вместо того, чтобы работать при относительно низком строении капитала для того, чтобы употреблять как можно больше живой рабочей силы, весьма дешевой, вкладывали большой капитал в отдельные отрасли производства, повысив строение капитала и тем самым вызвав большой спрос как на капитал, так и на товары, что вызвало, в свою очередь, повышение цен. Такое неправильное распределение капитала в стране является, по его мнению, моментом, не дающим возможности ясного сознания действительных потребностей страны в производстве. Далее, он обвиняет Имперский Банк в том, что он своей политикой низкой учетной ставки содействовал инфляции. Тут, несомненно, чувствуется влияние борьбы против учетной политики Имперского Банка, разыгравшейся в 1923 г. в Германии, в особенности во время рурских событий. Эта политика Имперского Банка действительно содействовала инфляции. Но ясно также, что повышением учетной ставки, что Имперский Банк пытался сделать впоследствии, нельзя угадать за обесценением марки, раз последняя в течение одного дня падала иногда на 50 и более %.

Основную причину всего зла он видит в инфляции, как мы уже говорили. Все-таки он не в состоянии объяснить одного крайне важного момента, а именно: почему обесценение денег пошло в последние годы гораздо быстрее, чем увеличилось количество обращающихся бумажных денег. Сам по себе этот факт признается им, хотя он пытается уменьшить величину его. Однако если мы вспомним, что бумажная марка обесценилась в биллион раз, то естественно, что не может быть речи о том, что бумажно-денежное обращение увеличилось соответственным образом. Даже если принять во внимание бесконечное увеличение скорости обращения и вследствие этого уменьшение потребности в деньгах, нельзя дать объяснения этому факту.

На самом деле, что означает увеличение скорости обращения денег с точки зрения количественников, для которых цены товаров, с одной стороны, и ценность денег, с другой, — определяются только при сопоставлении одних с другими.

Другими словами, должен произойти определенный акт купли и продажи для того, чтобы произошло взаимное действие товаров на деньги и денег на товары. На самом деле, всякая покупка на деньги соответствует продаже товаров совершенно независимо от того, много или мало раз делают деньги оборот в течение какого-нибудь периода времени. Следовательно, общая сумма товарных цен не зависит от количества оборотов денег. По какой же причине происходит повышение этих товарных цен? Если предполагать, что возрастающему вследствие скорости обращения денег спросу не соответствует предложение, то-есть на рынке вообще не происходит ни купли, ни продажи, то с точки зрения количественников деньги не соизмеряются с товарами и, следовательно, опять-таки не должно происходить обесценения их. Только с точки зрения марксовой теории бумажных денег, по которой товары имеют свои цены раньше, чем они появились на рынке, а бумажные деньги являются представителями золота и имеют отраженную ценность постольку, поскольку они замещают определенное количество золота, можно говорить о сумме товарных цен на рынке независимо от количества сделок, так как товарные цены, уже раньше установленные, не изменяются в зависимости от количества бумажек. Ведь речь идет не о бумажных, а о золотых ценах. В таком случае, отношение количества бумажек к сумме золотых цен, или к сумме золота в обороте есть в каждый данный момент величина совершенно определенная. С точки зрения количественников, Гельферих имел возможность отрицать в рейхстаге существование инфляции в Германии, указывая на то, что по существу не слишком много денег в обращении, а, наоборот, слишком мало их, так как цены товаров возросли в гораздо большем размере, чем количество обращающихся бумажных денег¹⁾. Однако, возросли-то бумажные цены, не золотые, между тем как приходится принять во внимание отношение между количеством бумажек и золотыми ценами товаров.

С точки зрения марксовой теории бумажных денег ясно, почему процесс возрастания цен, выраженных в бумажках, должен идти быстрее, чем возрастает количество бумажных денег, если увеличивается скорость обращения денег. Дело в том, что бумажные деньги сначала замещают золотые деньги не только в роли средств обращения, но также в их функции сокровища. Они тогда исчезают с рынка и не влияют на товарные цены. Только в том случае, когда все каналы бумажно-денежного обращения переполнятся и начнется обесценение бумажных денег, выбрасываются на рынок и те бумажки, которые раньше служили средством накопления. Только тогда начинается усиленная борьба за реальные ценности. Чем быстрее обращаются деньги, тем быстрее сокращается общее количество золота, необходимое для оборота при данной величине товаров, другими словами, так как процесс воспроизводства товаров не может следовать с такой же быстротой за процессом товарооборота, то на рынке оказывается гораздо меньше товаров, чем имеется на них спрос, отсюда происходит повышение цен этих товаров.

Что касается выводов Эйкена, то мы уже упоминали о том, что он считает необходимым восстановление золотого обращения и прекращение инфляции. Возможно ли однако достигнуть некоторой стабилизации валюты раньше, чем удастся восстановить в полной мере золотое обращение? На этот вопрос он не

¹⁾ На самом деле к концу ноября 1923 г., напр., количество денег в обращении составляло всего 26% довоенного числа.

дает категорического ответа, но, повидимому, исходя из общего положения, что если ценность денег зависит от их количества, то можно добиться стабилизации уменьшением количества выпускаемых бумажных денег на рынок и к этому по существу сводится практически его предложение, которое он правильно называет первым этапом по пути денежной реформы. Однако, как мы уже говорили, установление бумажно-денежной валюты никогда не дает полной стабилизации и не даром президент германского Имперского Банка Шахт заговорил последнее время о том, что необходимо понижение товарных цен, так как последние стали в Германии подниматься, что указывает на внутреннее обесценение якобы стабилизированной марки. В своей книжке «Инфляции и обесценение денег» профессор Прион занимается специально вопросом о понижении цен на товары. Он считал к концу войны необходимым понизить товарные цены, если не до довоенного уровня, то, во всяком случае, значительно, для того, чтобы этим закрепить восстановленную валюту. Последнего он надеялся достигнуть путем финансовых мероприятий, в особенности путем поимущественного налога. Для того, чтобы, повлиять на внутренние цены, он рекомендовал «товарную интервенцию», ввоз товаров из-за границы. Повидимому, точка зрения Приона имела влияние на финансовую и валютную программу Гильфердинга, который пытался провести ее в свою бытность министром финансов. Теоретически точка зрения Приона нами уже охарактеризована; он примыкает к точке зрения Лифмана, по которой цены определяются покупательной способностью. Заметим мимоходом, что Лифман «*Die Geldvermehrung im Weltkriege und die Beseitigung ihrer Folgen, 1918*» считает возможным регулирование денежного обращения, приспособляя количество денег к доходам страны. Как он себе это мыслит практически, неясно; во всяком случае, для нас совершенно ясно, что никакого отношения между этими двумя понятиями нет, поскольку речь идет о доходах отдельных классов, а не об общем производстве страны. Доходы отдельных классов отнюдь не определяют их покупательной способности. Совершенно очевидно это по отношению к богатым классам страны, ибо часть доходов идет на накопление капитала, может и не реализоваться на рынке, по крайней мере в данный момент, может быть вывезена за границу и т. д.

Но и покупательная способность масс населения не определяет цен, хотя от нее и зависит величина спроса. Цены определяются стоимостью товаров и величиной среднего уровня прибыли.

Таким образом мы рассмотрели главнейшие современные теории денежного обращения в Германии и видели, что они не только логически не выдерживают никакой критики, но и не дают объяснения современной действительности. Это не больше, не меньше, как попытка воскресить старые теории, давно опровергнутые в науке, отчасти под влиянием войны, отчасти под общим влиянием регрессирующего за последние годы капитализма.

Спектатор.

Психологизм в американской экономике.

Настоящий библиографический обзор посвящается одному из наиболее значительных течений в области современной американской экономической мысли, течению, известному в Европе под наименованием «психологического».

Не останавливаясь здесь на особенностях развития американского хозяйственного быта, надо однако заметить, что этот быт во многом резко отличается от европейского. Самая главная особенность американского капитализма, это — отсутствие в нём исторической традиции: он не проходил предварительных ступеней столь долго господствовавших в Европе поземельной феодальной аристократии, цеховой системы ремесла, придворной мануфактуры и т. д. Капитализм был перенесен из Европы в Америку уже в готовом, вполне сложившемся виде. Он был перенесен сразу на девственную почву примитивного хозяйства туземных племен и беспощадной, хищнической эксплуатации их со стороны европейских плантаторов.

Темп развития американского капитализма после междоусобной войны известен как «сказочный». А после мировой войны Америке удалось занять господствующее положение на мировом рынке.

Гигантский рост «американизма» всецело определяет собою и развивающуюся в Америке экономическую теорию.

Течение, которому посвящается данный библиографический обзор нашло для себя довольно полное освещение в двух работах современного французского исследователя Мориса Рош-Агюссоля: M. Roche-Agussol, *La psychologie économique chez les Anglo-Américains*, R. Darsac, Montpellier, 1918 p. 407, и работа чисто библиографического характера *Etude Bibliographique des sources de la psychologie économique chez les Anglo-Américains*, 1919, R. V. Darsac, Montpellier, 127 p.

Основная работа Мориса Рош-Агюссоля «Экономическая психология» может явиться весьма полезным пособием для изучения современной американской (и английской) экономической теории.

Автор не ограничивается одним только общим обзором зарождения и развития данного направления в истории экономической мысли Америки; он подробно останавливается на главнейших понятиях экономики, испытавших на себе наибольшее влияние со стороны современного экономического психологизма. Из таких понятий автор более подробно анализирует полезность, стоимость, ценность и богатство; в особой главе довольно подробно разбирается теория предельной полезности. Этому предшествует глава о методе в экономике. В особом прибавлении автор дает дополнительный анализ четырех «теорий»:

теории цен, теории предельной полезности по отношению к процессу распределения, теории ренты и теории прибыли на капитал. Начало своего исследования (введение), как и конец его (заключение) Рош-Агюссоль посвящает истории экономической мысли вообще и «психологической экономике» в частности, предсказывая этому направлению большое будущее.

В своей библиографической работе автор дает историко-критический обзор главнейших трудов не только экономистов, но и американских психологов (Джемса, Балдвина) и социологов (Гиддингса).

Остановимся ближе на этом обзоре и постараемся дополнить его имеющимися у нас под руками позднейшими данными.

Как исходное начало, приходится признать следующее общее положение: современное течение (психологическое) в истории развития американской экономической мысли имеет своим источником не столько учения европейских сторонников психологического экономизма (с его теорией предельной полезности), сколько учения своих же, американских, весьма крупных, оригинальных психологов и социологов.

Знакомство с новейшими трудами американских экономистов заставляет признать как бесспорный факт, что направление, созданное в Европе в 70-х годах прошлого столетия Джемсом в Англии, Карлом Менгером в Австрии и Вальрасом во Франции — нашло для себя в Америке почву, весьма к тому подготовленную трудами Джемса, Балдвина, Гиддингса и многочисленных их последователей, приведших к объединению экономической теории с хозяйственной практикой, между прочим, в так назыв. «тэйлоризме», или «системе научной организации труда («НОТ»).

Эта система («НОТ») имеет в настоящее время настолько универсальное значение, что без ее теоретического анализа нельзя вовсе понять современной экономической мысли в Америке. Но, с другой стороны, и самую систему «НОТ» можно себе усвоить, как следует, только зная хорошо те научные предпосылки, из которых она вытекла как исторически-необходимый процесс экономического «американизма».

Вильям Джемс (W. James, 1842 — 1910) известен прежде всего как автор двухтомного исследования «Принципов психологии»¹⁾, позже переделанного в популярный учебник психологии²⁾, переведенный и на русский язык (пер. И. И. Лапина). Психология Джемса имела несомненное влияние на развитие мысли в Америке, как в области социологии («массовой психологии»), так и экономики.

Так, напр., устанавливаемое Джемсом понятие «потока сознания» (stream of consciousness) перешло в научную статистику, как «поток жизни» (в демографии), в экономике — как поток (личного) дохода (Ирв. Фишер); и «богатство», конструируемое Адамом Смитом, как «фонд» (статически), понимается теперь, как непрерывный процесс (динамически). Чисто психологи-

¹⁾ The Principles of Psychology, Macmillan, 1890.

²⁾ Psychology: Briefer Course, Macmillan, 1892. Сюда же следует отнести: Talks to teachers on psychology; and to students on some of life's ideals, Longmans, 1899.

ческие понятия, как «выбор», «оценка» вошли во все построения «субъективной» (психологической) теории ценности.

Влияние Джемса на экономику и социологию, еще далеко не оцененное, не ограничивалось одними только психологическими построениями. Основанная Джемсом новая попытка «прагматической»¹⁾ теории познания имеет едва ли не еще большее влияние на американскую мысль в области социальных явлений. В прагматизме Джемс выдвинул начало того прагматизма, который в теории нашел себе отражение между прочим в течении, известном под названием «бихевиоризма» отт английск. слова behaviour поведение, поступок, действие), о котором более подробно будет сказано в другом месте.

Одним из самых крупных последователей Джемса в настоящее время в Америке является Джемс Балдвин (James Mark Baldwin, род. в 1861 г.) — редактор «Psychological Review» (осн. в 1893) и очень известного трехтомного «философского словаря» с весьма ценным библиографическим указателем²⁾, весьма важным и для экономиста-теоретика.

То, что Джемс дал для освещения субъективной (или индивидуальной — психологической) стороны экономических понятий, то Балдвин пытается дать для обоснования социально-психологической основы хозяйственных явлений и процессов. Отсюда, Балдвин, отчасти под влиянием франц. психолога Тарда (H. Tarde, «Les Lois de l'imitation», «La Logique sociale», «L'Opposition universelle» и др.), является основателем в Америке «психо-социологического» метода, получившего признание и дальнейшее развитие у американских социологов и экономистов.

В этом отношении прежде всего заслуживают внимания труды знаменитого американского социолога Франклина Гиддингса (Fr. H. Giddings, род. 1885 г.), основателя «American Economic Association» (в 1885 г.). В этом обществе Гиддингс выступил с одной из первых своих работ: «Sociology and Political Economy (Publications of the Am. Ec. Ass. March 1888, v. 3, № 1). В том же году Гиддингс в сотрудничестве с молодым тогда еще экономистом Джон Кларком выпустил исследование: «The modern Distributive Process» (Studies of competition and its limits, of the Nature and Amount of Profits, and of the determination of Wages, in the industrial Society of to-day) Boston Ginn, 1888 p. VIII, 69.

1) См. Pragmatism; a new name for some old ways of thinking. Popular lectures on philosophy. p. XIII—309, Longmans, 1907. Еще раньше свой «прагматизм» Джемс выразил в журн. статье «Philosophical Conceptions and Practical Results», в The University Chronicle (Berkeley, California) vol. I № 4 (позже вошла в сборник статей Джемса: Collected Essays and Reviews, Longmans 1926 p. XX+513). Продолжением и общесоциологическим обоснованием прагматизма служат два позднейших исследования Джемса: «The Meaning of Youth» (Longmans, 1909 p. XXIV+298), в котором он полемизирует со своими единомышленниками — англ. философом Шиллером (основ. «гуманизма») и амер. психологом Девью и др., и «Essays in radical empiricism», изданное уже после смерти автора (Longmans, 1912 p. XIII+283) с предисл. R. B. Perry. В 1920 г. вышла переписка Джемса: The letters of William James, ed. by his son Henry James, 2 vols, Longmans, Green.

2) Dictionary of Philosophy and Psychology, Macmillan, 1911. К главнейшим научным трудам Балдуина относятся: «Social and Ethical Interpretations in Mental Development»; A Study of Social Psychology, Macmillan 1897, p. XIV+574. «The Individual and Society or Psychology and Sociology», London, Rebman, 1911, p. 210. Основанием к этому труду послужил курс лекций по «Психо-социологии», читанных автором в 1910 г. в народном университете в Мексике.

Эта небольшая работа оказала огромное влияние на американскую экономическую теорию в лице Кларка и его многочисленных последователей.

В своих «психо-социологических» исследованиях¹⁾ Гиддингс пытается заменить индивидуалистическую природу «хозяйствующего субъекта» (Homo oeconomicus классической школы или «естественного человека» у Гоббеса) понятием «социального существа» на основе массовой (социальной) психологии и коллективного сознания.

Первым представителем «психологического» направления в американской экономике является проф. Гарвардск. унив. Джон Кларк²⁾ (J. Bates Clark, род. в 1847 г. Не смешивать с его сыном J. Maurice Clark). Он выступил почти одновременно с европейскими создателями теории ценности, как предельной полезности, Джевонса, Менгера и Вальраса.

Основной труд Джевонса (St. Jevons, «Theory of Political Economy», вышел в 1871 г. одновременно с трудом Карла Менгера «C. Menger, «Grundsätze des Volkswirtschaftslehre», но приоритет принадлежит английскому экономисту, как то бесспорно доказывает Викстэд³⁾). Главный труд Леона Вальраса (не смешивать с более старым экономистом Огюст Вальрасом) опубликован в 1874 г. («Elements d'économie politique pure, ou théorie de la richesse sociale»), но некоторые свои положения автор высказывал еще раньше (см. «Principe d'une théorie mathématique de l'échange», Mémoire lue à l'Académie des sciences morales et politiques, Séance de 16 et 23 août 1873, Orléans, et Journal des économistes, Paris N° du 15 juin 1874).

Основной труд Кларка («The Philosophy of Wealth: Economic principles newly formulated», Boston, Ginn 1886 p. XIII+235), вышел много позже вышеуказанных европейских представителей «психологизма» в экономике, но как сам Кларк указывает в предисловии к своему труду, основные положения своего учения он опубликовал еще в 1877 г. в ряде статей, печатавшихся в журнале «New Englander». Вместе с этим автор не без оснований отрицает непосредственное влияние на него европейских представителей экономического психологизма. Отличительной особенностью Кларка является его определенное стремление к фактической действительности и к практицизму. Экономическая теория его интересует не сама по себе, но лишь постольку, поскольку она помогает разбираться в существующем. А существующее ему рисуется лишь в плоскости господствующего капиталистического строя. С этой точки зрения и освещаются им интересующие его экономические проблемы в нижеследующих исследованиях:

«The Distribution of Wealth: A Theory of Wages, Interest and Profits» Macmillan, 1899, p. XXVIII+442.

«Essential of Economic Theory, as applied to modern problems of industry and public policy», 1907 p. XIV+566.

¹⁾ Кроме известных: «Principles of Sociology», Macmillan 1896 (есть русск. пер.), сюда относятся: «Readings in Descriptive and Historical Sociology» Macmillan, 1906—сборник хрестоматического характера и новейший труд: «Studies in the Theory of Human Society», Macmillan, 1922 p. VI+308.

²⁾ Неправильно относить сюда Франсиса Уокера (Fr. A. Walker 1840—1897), как то делает Рош-Агюссель.

³⁾ Wickstead, «Alphabet of Economic Science», Macmillan 1888 (см. предисловие p. XI.)

Вместе с «философией богатства» все три труда представляют то, что принято называть экономической «теорией». Но Кларк выступает с исследованиями и из области экономической политики. Сюда относятся:

«The Control of Trusts: An Argument in Favor of Curbing the Power of Monopoly by a Natural Method». (2-е изд. дополн. вышло в 1912 г. в сотрудничестве с сыном Др. Морисом Кларком, р. IX+202).

«The Problem of Monopoly. A Study of a grave danger and of the Natural Mode of averting it» (Курс лекций в Колумбийском универ.). р. VI+128, Macmillan, 1904.

В последнее время Джон Кларк вместе с другими экономистами принимает участие в многоотомной истории рабочего движения в Америке¹⁾.

Из журнальных статей Дж. Кларка можно указать на следующие:

«The Relations of the Social Sciences: A Symposium», см. Amer. Journ. of Sociology, Nov. 1907 и «Economics of War», см. Atlantic Monthly, Sept. 1915.

Экономические воззрения Кларка довольно подробно разобраны в журнальных статьях:

Th. Veblen, Professor Clark's Economics, см. Quart. Journ. of Economics, vol. XXII, 1907—1908 и еще раньше: Th. Carver, Clark's Distribution of Wealth, в том же журнале, т. XV, 1900—1901.

Оба сейчас поименованные критики Кларка сами являются крупными современными американскими экономистами, приверженцами «психологического» течения в экономике (о них см. дальше).

Симон Паттен (S. Nelson Patten, род. в 1852 г., ум. в 1922 г.), профессор Пенсильванского университета (с 1888 г. по 1917 г.), является старшим последователем Кларка в его учении о психологическом моменте в экономике. Доктор философии университета в Галле, Паттен в первой своей работе²⁾ выступает последователем классической школы, но с заметным уклоном к историзму. Этот последний элемент навеян германской исторической школой, одному из представителей которой (проф. Конраду) он и посвящает свой труд. Однако тяга к «практицизму» отвлекает его от чисто исторических

¹⁾ «A Documentary History of American Industrial Society». 10 vols, Cleveland, Ohio. Arth. H. Clark Co. 1910—11. Собрание материалов, относящихся к первым заселениям и рабочему движению в Америке до настоящего времени. Это собрание документов издано при содействии American Bureau of Industrial Research и Института имени Карнеги в Вашингтоне.

Общая редакция и руководство изданием принадлежит пяти лицам: John R. Commons, Ulrich B. Phillips, Eugene A. Gilmore, Helen L. Sumner and John B. Andrews.

Изданию предпосылается предисловие, написанное Richard T. Ely и обширное введение John B. Clark'a. В предисловии говорится о том, как возникло это издание; во введении дается общий очерк экономического развития Сев. Соед. Штатов.

Самое содержание распадается на три части:

1. Тома 1 и 2 касаются заселения страны и установления ее политических границ под влиянием невольничества; эпоха господства плантаторского хозяйства: 1649—1863 г.г.

2. Тома 3 и 4.—Период тайных рабочих выступлений: 1806—1842 г.г.

3. История рабочего движения излагается в последних 6 томах, захватывая три периода: 1820—40, 1840—60 и 1860—80 г.г. Издание доведено только до указ. года, что значительно умаляет его ценность, как источника.

²⁾ «The Premises of Political Economy; being a re-examination of certain fundamental Principles of Economic Science», Philadelphia. 1885, p. 244.

исследований в область «хозяйственной психики» и под этим влиянием он издает свой второй труд: «The Consumption of Wealth» (см. Publications of the University of Pennsylvania, № 4. Philadelphia, 1889).

Под влиянием Кларка, Паттен знакомится с австрийской школой и посвящает ей небольшое исследование: «Fundamental Idea of Capital» в Quart. Journal of Economics, Jan., 1891.

Исходя из того, что не природа, а человек (класс, общество) является основным фактором экономики, он становится ярким сторонником экономического психологизма и на его основе пытается дать новые начала экономической теории. Сюда относятся его следующие труды: «The Theory of Dynamic Economics», Publ. of the Univ. of Pennsylvania. Vol. III № 2, 1892, p. VIII+153. Это исследование состоит из 23 отдельных очерков, связанных общей мыслью «психологического развития»: «The Reconstruction of Economic Theory, Suppl. to The Annals of The Amer. Academy of Pol. and Soc. Science», November, 1912, p. 99.

Этот труд состоит из 16 очерков на различные темы. В них отражается более отчетливо подход автора к экономике. В этом отношении обращают на себя внимание две основные мысли автора:

«XIX век, — говорит он в предисловии, — заканчивается не теориями Милля, но более логическими системами Карла Маркса и Генри Джорджа. («The Nineteenth Century epoch ends not with the theories of Mill, but with the more logical systems of Karl Marx and Henry George.»).

И в другом месте того же предисловия автор отражает на себе указанное в начале настоящего обзора влияние Джемса на американскую экономику:

«Новая эпоха в американской научной мысли начинается с борьбы прагматизма с рационализмом». Этим автор хочет подчеркнуть примат факта над теорией, т.-е., что экономист более чем кто другой должен быть чуток к требованиям жизни и не жертвовать их во имя отвлеченной догмы.

Сюда же следует еще отнести вышедшие уже после смерти автора: «Essays in Economic Theory», Knopf, New York, 1924, весьма объемистый том в 400 стр., изд. его учеником R. G. Tugwell'ем с кратким биографическим очерком — H. R. Seager'a. В этот том вошли 23 очерка, появившиеся еще раньше в виде журнальных статей.

Паттен был большим защитником системы таможенного покровительства и посвятил этому вопросу специальную монографию: «The Economic Basis of Protection и The Principles of Rational Taxation».

Уклон к психологизму нашел себе наиболее полное выражение в обширном исследовании по развитию английской мысли, как попытки экономической интерпретации истории. «The Development of English Thought», Macmillan, 1899 p. XXVII+415 и более раннем труде — «The Theory of Social Forces», 1896. Далее, сюда следует отнести: — The Theory of Prosperity». Macmillan, 1920, p. XI+237. Этот труд посвящается Гиддингсу и разбивается на две части. Первая часть посвящается вопросу о «доходе, как он определяется личными условиями» и вторая часть — «о доходе, как он обуславливается исторически». Эти названия частей мало выражают самое содержание книги, затрагивающей множество вопросов экономики с социально-психологической точки зрения.

«Heredity and Social Progress», Macmillan 1903, p. 214. Книга состоит из 16 главок самого различного содержания по социальной психологии в приложении ее к экономике.

«The New Basis of Civilization» (из American Social Progress Series), Macmillan, 1907, p. 220. В этой работе разбираются психические основы наследственности, семейной жизни, удовольствий, характера и т. д., в том числе и социальных классов, социального сознания, общественного контроля и т. д.

Последними трудами автора являются: «Product and Climax», 1909, «Culture and War», 1916 и полубеллетристическое исследование с мистическим оттенком: «Mud Hollow. (название местности). From Dust to Soul.» Dorrance, Philadelphia, 1922, p. 384.

Разбор трудов Паттена дан в двух биографических очерках: «Notes on the Life and Work of Simon Nelson Patten», by R. G. Tugwell in «The Journ. of Pol. Econ.» April, 1923, vol. XXXI, № 2 и «A Biographical Sketch», by R. C. Me-Crea, см. Appendix к майскому номеру The Annals of the Amer. Ac. up. Pol. and Soc. Science, 1923 № 196.

Франк Тауссиг (Fr. Williams Taussig (родился в 1859 г.), профессор Гарвардского университета, выступил в области экономики, как представитель историко-этической школы. В этом отношении характерен его выбор переводного руководства Эмиля Лавеля, к которому он предпослал собственное предисловие (см. «The Elements of Political Economy, by Emile de Laveleye», N. Y. Putnamis 1884). Под влиянием этой школы первые свои труды автор посвящает вопросам экономической политики, куда относится небольшая: «The History of the Present Tariff (1860—1883) Putnamis» 1885 p. XI+III, позже превратившаяся в объемистое исследование: The Tariff History of the United States, 6 th. ed. Putnamis, 1914, p. XI+465.

Тому же вопросу посвящаются: «Some Aspects of the Tariff Question» 2 nd. ed. 1917, «Free Trade, The Tariff and Reciprocity», 1920.

Большой знаток тарифной политики, автор одно время состоял председателем федеративной тарифной комиссии.

В области экономической теории Тауссиг выступил с монографией по вопросу о заработной плате, как критик учения классиков о фонде заработной платы, см. «Wages and Capital, An Examination of the Wages Fund Doctrine», N. Y. Appleton, 1896 p. XVII+329.

В этой работе Тауссиг впервые подходит к теории предельной полезности; критику труда Тауссига см. в ст. «J. G. Thomspson's Present Work and Present Wages», Qu. J. Eeon vol. XXIV, 1910.

С точки зрения экономической теории наибольший интерес имеют его «Principles of Economics», в 2-х томах вышедшие в 1911 году и выдержавшие три издания (посл. 3-е издание Macmillan, в 1921). По своему содержанию (с американской точки зрения) и по системе расположения материала «принципы» Тауссига выгодно отличаются от других однородных «руководств» и «учебников». Весь труд состоит из 2-х обширных томов (более 1000 стр.) или 8 книг (books) расчлененных на 70 глав.

Кн. I. — Организация производства (проблемы труда и капитала).

Кн. II. — Ценность и обращение (между прочим критика теории предельной полезности).

Кн. III. — Деньги и механизм обращения.

Кн. IV. — Международная торговля.

Кн. V. — Распределение богатства.

Кн. VI. — Проблемы труда (тред-юнионизм, рабочее законодательство, кооперация).

Кн. VII. — Проблемы хозяйственной организации (железнодорожное хозяйство, публичные предприятия, торгово-промышленные объединения, социализм), и

Кн. VIII. — Налоги.

Психологического элемента в экономике автор касается во многих местах его «Принципов», хотя он и относится критически к «австрийской школе». В этом отношении заслуживает большего внимания специальная работа Гауссига: «*Inventors and Money-Makers*» Macmillan, 1915, p. IX + 138. Она посвящена специально вопросу о соотношении между экономикой и психологией.

Ирвинг Фишер (Irving Fisher, профессор Иальского (Yale) университета, р. в 1867 г.) является одним из самых последовательных сторонников «психологизма в экономике» в духе индивидуалистической «австрийской» школы. Вместе с тем он примыкает к «математическому» направлению в экономической науке.

Труды Ирвинга Фишера весьма многочисленны и разнообразны. Их можно расценить на три категории (не считая чисто математических его исследований), а именно:

Труды по приложению математики к экономическим проблемам, куда относятся:

«*Mathematical Investigations in the Theory of Value and Prices*», см. «*Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences*», vol. IX, New Haven, 1892, p. 124.

«*Appreciation and Interest, A Study of the Influence of Monetary Appreciation and Depreciation on the Rate of Interest, with applications to the Bimetallic Controversy and the theory of Interest*», см. Publ. of the Amer. Econ. Ass. vol. XI № 4, August 1896 p. X + 100.

Обе работы требуют от читателя знания основ высшей математики.

К этой же категории трудов следует отнести очень ценное исследование главнейших систем «индексов чисел»: «*The Making of Index Numbers. A Study of Their Varieties, Tastes and Reliability*». H. Muffin, 1922, p. XXXI + 526.

Другую категорию работ Ирв. Фишера составляют труды по вопросам экономики. Сюда относятся два исследования по политике цены денежного обращения.

«*Why is the dollar shrinking. A Study in the high cost of living*», Macmillan, 1914, p. XIV + 233.

«*Stabilizing the dollar, A Plan to stabilize the general price level without fixing individual prices*», Macmillan, 1920 p. XLIX + 305.

Сюда же следует отнести и его наиболее известную монографию:

«*The Purchasing Power of Money*», 1911, хотя по существу она является исследованием по экономической теории, к которой относятся еще следующие труды Фишера:

«*The Nature of Capital and Income*», 1906, Macmillan, p. XXV + 426, its determination and relation to credit interest and crises, Macmillan 1911, p. XXII + 505.

«*The Rate of Interest, its nature, determination and relation to Economic Phenomena*», Macmillan, 1907, p. XXII + 442.

Эта категория трудов заключается общим популярным курсом: «Elementary Principles of Economics», Macmillan, 1912, p. XXVIII+531.

Наконец, особую серию исследований Ирв. Фишера составляют труды в области социальной гигиены и демографии, куда относятся:

«National Vitality, its wastes and conservation», представлен автором в качестве доклада на заседании National Conservation Commission и опубликовано в качестве сенатских документов, см. 61 st. Congress 2-d Session Senate Document, № 419, Washington, 1910, p.p. 620 — 751.

«How to live. Rules for healthful living based on modern science». Funk and Wagnalls, 1915, p. XIX + 345. интересное исследование, написанное весьма популярно, оно стоит в связи с работами Hygiene Reference Board of the life extension, председателем которой является сам автор.

«The Effect of Diet on Endurance», Milford, 1918 (первоначально появилась в Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences, vol. XIII, May, 1907). Небольшая, но очень интересная работа по вопросу о влиянии питания на выносливость и напряженность труда.

Томас Карвер (Th. Nixon Carver, р. в 1865), проф. Гарвардского университета, выступил в самый разгар движения психологического учения о ценности с двумя статьями:

«The Place of Abstinence in the Theory of Interest», см. Qu. Journ. of Econ. Oct. 1893 и «The Theory of Wages abjusted to recent theories of value».

Главный теоретический труд Карвера — «The Distribution of Wealth», Macmillan, 1904 — отражает в большей степени взгляд европейских сторонников теории предельной полезности, чем одноименный труд Кларка. С другой стороны, этот труд имеет характер учебного пособия (элементарное изложение и указатель литературы для студентов).

Учебный характер имеют и следующие труды:

«Principles of Political Economy», N. Y. Ginn (1919), p. IX + 588.

«Elementary Economics», N. Y. Ginn (1920), p. VIII + 400.

«Principles of National Economy», N. Y. Ginn (1921), p. VI + 773.

Все три книги имеют разные наименования, но почти однородное содержание.

Большой интерес привлекают труды Карвера в области прикладной экономики и социологии.

Под влиянием Гиддингса автором издано обширное исследование: «Sociology and Social Progress», N. Y. Ginn (1906), p. IV + 810.

На ряду с этим Карвер принимает очень видное участие в двух чрезвычайно интересных коллективных изданиях:

«The Foundations of National Prosperity», Studies in the Conservation of Permanent National Resources, N. Y. Macmillan, 1918, p. XXIX+378.

Общая редакция издания принадлежит проф. R. Y. Ely, Карвером написана часть IV «Conservation of Human Resources». Кроме Карвера, в этом издании приняли участие: R. Hess и Ch. Leith. В то время, как другие авторы отмечают значение естественных ресурсов, Карвер подробно останавливается на исследовании человеческой энергии, противопоставляя разумное ее использование непроизводительной ее растрате; особая глава посвящена убыточности различных категорий праздных людей и хозяйственному вреду невеже-

Кн. VII. — Проблемы хозяйственной организации (железнодорожное хозяйство, публичные предприятия, торгово-промышленные объединения, социализм), и

Кн. VIII. — Налоги.

Психологического элемента в экономике автор касается во многих местах его «Принципов», хотя он и относится критически к «австрийской школе». В этом отношении заслуживает большего внимания специальная работа Тауссига: «*Inventors and Money-Makers*» Macmillan, 1915, p. IX+138. Она посвящена специально вопросу о соотношении между экономикой и психологией.

Ирвинг Фишер (Irving Fisher, профессор Йельского (Yale) университета, р. в 1867 г.) является одним из самых последовательных сторонников «психологизма в экономике» в духе индивидуалистической «австрийской» школы. Вместе с тем он примыкает к «математическому» направлению в экономической науке.

Труды Ирвинга Фишера весьма многочисленны и разнообразны. Их можно расценить на три категории (не считая чисто математических его исследований), а именно:

Труды по приложению математики к экономическим проблемам, куда относятся:

«*Mathematical Investigations in the Theory of Value and Prices*», см. «*Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences*», vol. IX, New Haven, 1892, p. 124.

«*Appreciation and Interest, A Study of the Influence of Monetary Appreciation and Depreciation on the Rate of Interest, with applications to the Bimetallic Controversy and the theory of Interest*», см. Publ. of the Amer. Econ. Ass. vol. XI № 4, August 1896 p. X + 100.

Обе работы требуют от читателя знания основ высшей математики.

К этой же категории трудов следует отнести очень ценное исследование главнейших систем «индексов чисел»: «*The Making of Index Numbers. A Study of Their Varieties, Tastes and Reliability*». H. Muffin, 1922, p. XXXI+526.

Другую категорию работ Ирв. Фишера составляют труды по вопросам экономики. Сюда относятся два исследования по политике цены денежного обращения.

«*Why is the dollar shrinking. A Study in the high cost of living*», Macmilan, 1914, p. XIV + 233.

«*Stabilizing the dollar, A Plan to stabilize the general price level without fixing individual prices*», Macmillan, 1920 p. XLIX+305.

Сюда же следует отнести и его наиболее известную монографию:

«*The Purchasing Power of Money*», 1911, хотя по существу она является исследованием по экономической теории, к которой относятся еще следующие труды Фишера:

«*The Nature of Capital and Income*», 1906, Macmilan, p. XXV+426, its determination and relation to credit interest and crises, Macmilan 1911, p. XXII + 505.

«*The Rate of Interest, its nature, determination and relation to Economic Phenomena*», Macmilan, 1907, p. XXII + 442.

Эта категория трудов заключается общим популярным курсом: «Elementary Principles of Economics», Macmillan, 1912, p. XXVIII+531.

Наконец, особую серию исследований Ирв. Фишера составляют труды в области социальной гигиены и демографии, куда относятся:

«National Vitality, its wastes and conservation», представлен автором в качестве доклада на заседании National Conservation Commission и опубликовано в качестве сенатских документов, см. 61 st. Congress 2-d Session Senate Document, № 419, Washington, 1910, p.p. 620 — 751.

«How to live. Rules for healthful living based on modern science». Funk and Wagnalls, 1915, p. XIX + 345. Интересное исследование, написанное весьма популярно, оно стоит в связи с работами Hygiene Reference Board of the life extension, председателем которой является сам автор.

«The Effect of Diet on Endurance», Milford, 1918 (первоначально появилась в Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences, vol. XIII, May, 1907). Небольшая, но очень интересная работа по вопросу о влиянии питания на выносливость и напряженность труда.

Томас Карвер (Th. Nixon Carver, р. в 1865), проф. Гарвардского университета, выступил в самый разгар движения психологического учения о ценности с двумя статьями:

«The Place of Abstinence in the Theory of Interest», см. Qu. Journ. of Econ. Oct. 1893 и «The Theory of Wages abjusted to recent theories of value».

Главный теоретический труд Карвера — «The Distribution of Wealth», Macmillan, 1904 — отражает в большей степени взгляд европейских сторонников теории предельной полезности, чем одноименный труд Кларка. С другой стороны, этот труд имеет характер учебного пособия (элементарное изложение и указатель литературы для студентов).

Учебный характер имеют и следующие труды:

«Principles of Political Economy», N. Y. Ginn (1919), p. IX + 588.

«Elementary Economics», N. Y. Ginn (1920), p. VIII + 400.

«Principles of National Economy», N. Y. Ginn (1921), p. VI + 773.

Все три книги имеют разные наименования, но почти однородное содержание.

Большой интерес привлекают труды Карвера в области прикладной экономики и социологии.

Под влиянием Гиддингса автором издано обширное исследование: «Sociology and Social Progress», N. Y. Ginn (1906), p. IV + 810.

На ряду с этим Карвер принимает очень видное участие в двух чрезвычайно интересных коллективных изданиях:

«The Foundations of National Prosperity», Studies in the Conservation of Permanent National Resources, N. Y. Macmillan, 1918, p. XXIX+378.

Общая редакция издания принадлежит проф. R. Y. Ely, Карвером написана часть IV «Conservation of Human Resources». Кроме Карвера, в этом издании приняли участие: R. Hess и Ch. Leith. В то время, как другие авторы отмечают значение естественных ресурсов, Карвер подробно останавливается на исследовании человеческой энергии, противопоставляя разумное ее пользование непроизводительной ее растрате; особая глава посвящена убыточности различных категорий праздных людей и хозяйственному вреду невеже-

ства: политика в деле воспитания должна диктоваться социальными потребностями.

Менее ценным является труд автора, навеянный на него психологией войны: «War Thrift» в серии: Preliminary economic studies of the war», ed. by D. Kinley, издание «Carnegie Endowment for international Peace, Division of Economics and History под общим руководством Дж. Кларка-отца, N. Y. Oxford University Press, 1919, p. 192. В своей работе Карвер противопоставляет «расчетливое расходование средств» (thrift) «расточительному» (extravagance).

Из более молодых американских экономистов, сторонников экономического психологизма, наиболее значительным следует признать Торстейн Веблена (Th. Veblen, p. 1884). Ученик Кларка, он в то же время примыкает к движению «бихэвнистов», на котором более подробно мы становимся в следующем библиографическом обзоре.

Тут мы ограничимся одним только перечнем работ этого весьма плодотворного исследователя:

«The theory of the leisure class, an economic study in the evolution of institutions», Macmillan, 1899, p. VII+400.

«The theory of business enterprise», N. Y. Scribner, 1904, VI+400.

«The theory race and the Aryan Culture», Univ. of Missouri Bull. Science Series, vol. 11, № 3, 1913.

«The instinct of workmanship and the state of the industrial arts», Macmillan, 1914, p. VIII+355.

«Imperial Germany and the industrial revolution», N. Y. Huebsch, 1918, p. VIII+324.

«The higher learning in America. A memorandum on the conduct of universities by business men», N. Y. Huebsch, 1918, p. VIII+286.

«An inquiry into the nature of peace and the terms of its perpetuation», N. Y. Huebsch, 1919, p. VII+367.

«The vested interests and the common man» («The modern point of view and the New Order»). N. Y. Huebsch, 1920, p. 183.

«The Engineers and the price system», N. Y. Huebsch, 1921, p. 169.

«The Place of science in modern civilisation and other essays». (1920).

Кроме того автору принадлежит целый ряд статей по экономической теории (с. т. зр. экономического психологизма) главн. обр. в Qu. Journ. of Econ. (vol. XII, XIII, XXII, XXIII и др.).

В заключение, укажем еще на труды некоторых других сторонников психологического направления в американской экономике.

Фредерик Хаули. (Fr. B. Hawle, род. в 1843). Выступил как последователь классической школы, к которой, однако, он относился не без критики, см. «Capital and Population, A Study of the Economic effects of their relations to other», N. Y. Appleton, 1882, p. IV + 267.

Более оригинальна другая работа Хаули под следующим длинным названием: «Enterprise and the Productive Process, a theory of economic productivity presented from the point of view of the entrepreneur

and based upon definitions secured through deduction and presumably, therefore, precise and final of the scope and fundamental temps up the science of economics». Putnam's Son, 1907, p. XII+467.

В своем учении Хаулл выдвигает в качестве основного фактора социального производства капиталиста-предпринимателя; его интересы, мотивы, стремления и, главное, связанный с ними риск являются основными психологическими предпосылками экономики. Отсюда, «теории риска» автор посвящает сугубое внимание, см. «The Risk Theory of Profits», Qu. Journal of Econ. vol. VII, 1892—93, p. 459—79; «Reply to final objections to the Risk Theory up Profits», *ibid.*, vol. XV, 1900—1901, p. 603 и др. статьи в том же журнале.

Франк Феттер, (Fr. A. Fetter, p. 1863), профессор Пенсильванского университета, в ряде журнальных статей приняли участие в споре о приложении психологического метода к экономике:

«Recent Discussion of the Capital Concept», (Qu. Journal of Econ., vol. XV, 1900—1901, p. 1—45). «The passing up the Old Rent Concert» (*ibid.* p. 416—55); «The Roundabout Process in the interest Theory» (*ibid.* vol. XVII, 1902—1903, p. 163—80).

Более подробно свои теоретические воззрения автор развивает в двух исследованиях: «The Principles of Economics with applications to practical problems», N. Y. Century, 1904, p. XVI+610. Исследование состоит из трех частей: I. Ценность материальных благ. II. Ценность услуг. III. Социальная сторона ценности.

«Economics» в двух томах: том I. «Economic principles», N. Y. Century, 1915, p. X+523; он состоит из шести глав с своеобразными заголовками: I) Elements of value and Price; II) Usance and Rent; III) Valuable Human Services, and wages; IV) Time-value and Interest; V) Enterprise and Profit; VI) Dynamic Changes in Economic Society.

Том. II. «Modern Economic Problems», N. Y. Century, 1916 p. XI+498—состоит тоже из шести глав: 1) естественные источники и экономическая организация; 2) деньги и цена; 3) банки и страховое дело; 4) тариф и налоги; 5) проблемы заработной платы и 6) проблемы промышленной организации (с критикой социализма).

Наконец заключим свой настоящий обзор трудами сына Кларка — Джона Мэриса Кларка (J. M. Clark p. в 1884), ныне профессора Чикагского университета.

Он дебютировал журнальными статьями: «The Concept of Value», см. Qu. Journ. of Econ. vol. XXIX, 1914—1915, p. 663—73 и «A rejoinder» (*ibid.*, p. 709—23), в которых он всецело примыкает к учению отца в области экономического психологизма. Как почти большинство американских экономистов, Кларк-сын принимает большое участие в изучении самой хозяйственной жизни с точки зрения «практицизма». Сюда относится его обширный труд по железно-дорожному тарифу: «Standards of reasonableness in local freight discriminations, с St. in History, Econ. and Publ. Law», Columbia Univ., vol., XXXVII, № 1. 1910.

Свои более широкие теоретические воззрения автор высказывает более подробно в обширной монографии, посвященной отцу: «Studies in the Economics of overhead costs», Chicago Press, (1923) p. XII+502, где он

широко развивает «начала экономической динамики» в приложении главным образом в сфере стоимости и издержек производства. Основанием всего учения Кларка-сына служит идея разумного отношения и сбережения живой человеческой силы. Тут он вплотную подходит к тому, что так резко отличает американскую экономическую теорию — к слиянию экономической науки с научной экономикой — о чем подробнее будет сказано в следующем библиографическом обзоре.

Г. Г. Швигтау.

Британский музей, Лондон.

Редакционная коллегия:

Н. И. Бухарин, А. М. Деборин, Ш. М. Дволайцкий, Л. Н. Крицман, В. П. Милютин, М. Н. Покровский, Е. А. Преображенский, Ф. А. Ротштейн.

Приложение.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

(Указатель литературы на русском языке ¹⁾).

II. Отдельные профессионально-производственные группы.

17. Служащие (конторские, канцелярские и низшие технические служащие).

Отдельные издания.

Воронов, Б. К вопросу о положении служащих и рабочих в потребительской кооперации. Прилож. к № 11 ж. „Наше Дело“. Киев. Изд. ж. „Наше Дело“. 1913. 26 стр. Ц. 25 к.

Воронов, Б. Наемный труд в потребительской кооперации. Москва. Изд. Центросоюза. 1918. 56 стр.

Горбачев, И. А. Общественное и научное значение счетоводства и правовое положение бухгалтеров в России. Москва. Изд. „Просвещение“. 39 стр. Ц. 10 р.

Мамонов, В. Н. Заболеваемость сотрудников НКПС и членов их семей за 1918—1921 г. г. и некоторые особен-

ности болезней революционного времени. По данным отчетов Врачебного Отдела Управления Делами НКПС. Москва. Изд. Нар. Комиссар. Путей Сообщения. 1922. 56 стр.

Мамонов, В. Туберкулез среди сотрудников Центральных Управлений НКПС за 1918—1921 годы и меры борьбы с ним. Москва. [1921]. 16 стр.

Ривов, О. Технический пролетариат в Германии. СПб. Изд. журн. „Труд Инженера и Техника“. 1907. 40 стр. Ц. 20 к.

Урманов, Ив. Банковские служащие. СПб. [1911]. 44 стр.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Алексеев, А. Служащие в кооперативах. „Вестник Приказчика“. СПб. 1914. № 19.

Антошкин, Д. Очерк движения служащих в России (со второй половины XIX века). Москва. Изд. ЦК Всер. Проф. Союза соработников. 1921. Глава: Условия труда и быт торговых служащих.

Бсбылев, Д. Волостные писаря в Пермской губернии. „Сборник Пермского Земства“. 1905. № 1—2.

К вопросу о положении волжских служащих. „Конторщик“. СПб. 1906. № 8.

Кооператор. Опасные признаки. [Правовое и материальное положение кооперативных служащих]. „Вестник Кооперативных Служащих“. Москва. 1916. № 1.

Лагунов, С. Служащие и рабочие в нашей потребительской кооперации. „Заветы“. 1912. № 9.

¹⁾ См. кн. 3—4 „Вестника“. — В настоящий указатель не вошла периодическая пресса за 1924 год.

широко развивает «начала экономической динамики» в приложении главным образом в сфере стоимости и издержек производства. Основанием всего учения Кларка-сына служит идея разумного отношения и сбережения живой человеческой силы. Тут он вплотную подходит к тому, что так резко отличает американскую экономическую теорию — к слиянию экономической науки с научной экономией — о чем подробнее будет сказано в следующем библиографическом обзоре.

Г. Г. Швиттау.

Британский музей, Лондон.

Редакционная коллегия:

Н. И. Бухарин, А. М. Деборин, Ш. М. Дволайцкий, Л. Н. Крицман, В. П. Милютин, М. Н. Покровский, Е. А. Преображенский, Ф. А. Ротштейн.

Приложение.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

(Указатель литературы на русском языке ¹⁾).

II. Отдельные профессионально-производственные группы.

17. Служащие (конторские, канцелярские и низшие технические служащие).

Отдельные издания.

Воронов, Б. К вопросу о положении служащих и рабочих в потребительской кооперации. Прилож. к № 11 ж. „Наше Дело“. Киев. Изд. ж. „Наше Дело“. 1913. 26 стр. Ц. 25 к.

Воронов, Б. Наемный труд в потребительской кооперации. Москва. Изд. Центросоюза. 1918. 56 стр.

Горбачев, И. А. Общественное и научное значение счетоводства и правовое положение бухгалтеров в России. Москва. Изд. „Просвещение“. 39 стр. Ц. 10 р.

Мамонов, В. Н. Заболеваемость сотрудников НКПС и членов их семей за 1918—1921 г. г. и некоторые особен-

ности болезней революционного времени. По данным отчетов Врачебного Отдела Управления Делами НКПС. Москва. Изд. Нар. Комиссар. Путей Сообщения. 1922. 56 стр.

Мамонов, В. Туберкулез среди сотрудников Центральных Управлений НКПС за 1918—1921 годы и меры борьбы с ним. Москва. [1921]. 16 стр.

Рявош, О. Технический пролетариат в Германии. СПб. Изд. журн. „Труд Инженера и Техника“. 1907. 40 стр. Ц. 20 к.

Урманов, Ив. Банковские служащие. СПб. [1911]. 44 стр.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Алексеев, А. Служащие в кооперативах. „Вестник Приказижа“. СПб. 1914. № 19.

Антошкин, Д. Очерк движения служащих в России (со второй половины XIX века). Москва. Изд. ЦК Всер. Проф. Союза соработников. 1921. Глава: Условия труда и быт торговых служащих.

Бсбылев, Д. Волостные писаря в Пермской губернии. „Сборник Пермского Земства“. 1905. № 1—2.

Н вопросу о положении волжских служащих. „Конторщик“. Спб. 1906. № 8.

Кооператор. Опасные признаки. [Правовое и материальное положение кооперативных служащих]. „Вестник Кооперативных Служащих“. Москва. 1916. № 1.

Лагунов, С. Служащие и рабочие в нашей потребительской кооперации. „Заветы“. 1912. № 9.

¹⁾ См. кн. 3—4 „Вестника“. — В настоящий указатель не вошла периодическая пресса за 1924 год.

Машонов, В. Н. Туберкулез среди сотрудников Центральных Управлений НКПС за 1918—1921 гг. и меры борьбы с ним. „Из у л“—изд. НКПС. 1922. № 34.

Новиков. О школьной прислуге. „Врачебно-санитарный обзор Костромской губернии“. 1908. № 7—8.

Одессит. Из Одессы. Условия труда служащих в Одессе „Начало“. 1899. № 5. (Письма из провинции).

Опальный, С. Условия труда служащих в Омском отделении Московского Народного Банка. „Сибирский Рабочий“. Иркутск. 1919. № 10 (Рабочая Жизнь).

Положение низших служащих в правлениях железных дорог. „Голос Жизни“. Москва. 1905. № 4.

Р., В. Положение служащих и рабочих в Центросоюзе „Объединение“. Москва. 1918. № 20.

Савин, В. К вопросу о положении служащих в кооперативах. „Профессиональный и Кооперативный Вестник“. Новгород. 1918. № 1.

Салозубов, Н. Волостные писаря Красно-Уфимского уезда. Статистический очерк. „Сборник Пермского Земства“. 1894. № 4.

Смирнов, А. Анкета о положении рабочих и служащих Новгородского Т-ва Кооперативов по поср. дичеству. „Професс. и Кооперативн. Вестник“ Новгород. 1918. № 4—5.

Смирнов, А. К вопросу о положении служащих в рабочих кооперативах. „Вестник Рабоч. Кооперации“. Москва. 1918. № 5—6.

Титов, И. Бюджеты служащих. „Русская Школа“. 1910. № 7—8.

Условия службы в учреждениях страховых касс. (Разработано Отделом личного состава). Петерб. Общегор. Больничн. Касса. „Вопросы Страхования“. 1918. № 5.

Условия труда в кооперативных предприятиях Финляндии. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли“. 1912. № 47.

Ц. Положение служащих в кооперации. „Вестник Кооперативных Служащих“. Москва. 1916. № 1.

Штерин, С. Рабочие кооперативы и служащие. „Рабочий Мир“—орган Московск. Централн. Рабоч. Кооперат. 1918. № 11.

18. Строительные рабочие ¹⁾.

Отдельные издания.

Иванов, П. Кормление рабочих в касс на строительных работах. Спб. Изд. Собрания инженеров путей сообщения. 1895. 32 стр.

Нинитин, А. Ф. Водолазы на Волге. 1905.

Святловский, В. Очерк санитарного положения рабочих, находившихся на постройке Мстинского моста на Николаевской железной дороге. Спб. 1881.

Чинилов, А. Н. Статистика несчастных случаев при строительных работах. 1911.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Александров, Г. П. О положении рабочих на постройке железных дорог. „Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены“. 1905. № 1.

Арефьев, Н. Рабочие на Сибирской железной дороге [на постройке дороги]. „Северный Вестник“. 1895. №№ 10, 11. (Областной отдел).

Арнольдов, В. А. О жилищных условиях рабочих ремонта пути на Николаевской жел. дор. „Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины“. 1906. № 4.

Блюм, А. И. Обзор заболеваемости среди контрактных рабочих на постройке восточной части Амурской жел. дор. в 1912 г. „Вестник железнодорожной медицины и санитарии“. 1913. № 4.

Богданов (Федосов), Н. Организация строительных рабочих в России и других странах. Москва. 1919. Глава V.—Социально-экономические условия рабочих.

Васенко, П. Рабочие на постройке Уссурийских и Амурской железных дорог, и участие каторжан в работах. „Архив истории труда в России“. 1923. Кн. 6—7.

Е. Калечат и убивают. [Строительные катастрофы]. „Дело Жизни“. Спб. 1911. № 6.

¹⁾ Сюда же входят кессонные рабочие и водолазы.

Емов, В. Расхищение человеческой жизни. (К положению рабочих на Амурской жел. дор.). „Дело Жизни“. 1911. № 8.

Жилищные условия в Симплоне во время постройки туннеля в 1898—1906 г.г. „Журнал Русского Общ. Охр. Нар. Здравия“. 1907. № 3—4 (Рефераты).

Из жизни архитектурно-строительных рабочих. „Строительный Рабочий“ — прилож. к № 16 „Профессии. Союз“. Спб. 1906.

Израэль, М. Л. Кизелстрой. [Тяжелые жилищные условия рабочих на постройке Кизеловской электрической станции, нарушение норм охраны труда и пр.]. „Рабочий Журнал“. Екатеринбург. 1922. № 4.

Калита, В. Т. и Разниченко, Б. М. Санитарные условия и заболеваемость при кессонных работах для опор нового железнодорожного моста Владикавказской жел. дор. через р. Дон в г. Ростове-на-Дону, на второй версте „Вестн. обществен. гигиены, судебной и практической медицины“. 1914. № 11.

Наргин, Д. Рабочие на постройке Петербурго-Московской жел. дороги. „Архив истории труда в России“. 1922. Кн. 3.

Наргин, Д. Условия труда рабочих при постройке С.-Петербурго-Московской жел. дороги. „Архив истории труда в России“. 1922. Кн. 5-я.

Нипричев, Н. Л. Новый рабочий квартал в порте Специя для 7.800 рабочих, занятых постройкой порта. „Инженерный Журнал“. 1892. № 10.

Нолычев, Ал. Подрядчики и рабочие на постройках железных дорог. (Письмо с линии Вологда-Ватка). „Правда“. 1905. № 4.

Н., С. Санитарное положение рабочих на постройках. „Вестник Саратовского Отделения Имп. Русского Техническ. Общества“. 1903. № 5.

Ласточкин. Жизнь и заболеваемость рабочих на III участке перестройки Сибирской железной дороги. „Сибирская Врачебная Газета“. 1910. № 28, 29, 30.

Листов, С. В. Санитарное положение рабочих при постройке Москворецкого водопровода. „Записки Моск. Отд. Имп. Русск. Технич. Общества“. 1902. № 9.

М. Несчастные случаи на постройках. „Рабочее Эхо“. Спб. 1910. № 2.

На Амурской железной дороге. [Из писем рабочих на постройке дороги]. „Рабочее Эхо“. Спб. 1910. № 2.

Наши землекопы. „Неделя“. 1873. № 47. Наши землекопы. „Неделя“. 1886. № 45. Никитин, А. Ф. Водолазы на Волге. „Врачебная Газета“. 1905. № 46.

Никитин, Д. Рабочие на железнодорожных постройках. (Из заметок врача). „Русское Богатство“. 1904. № 6.

Никитин, Д. В. К вопросу о санитарных условиях работ на строящихся железных дорогах (аутореферат). „Восьмой Пироговский Съезд“. Москва. 3—10 января 1902 г. Выпуск 6-й, группа V, секция 22.

Новицкий, Е. К вопросу о несчастных случаях с рабочими при постройках в Петербурге. „Промышленность и Здоровье“. 1902. № 2.

О санитарных условиях Сурамского туннеля. „Вестник железнодорожной медицины и санитарии“. 1913. № 7.

Положение рабочих на Кругобайкальской дороге. [На постройке]. „Железнодорожное Дело“. 1912. № 36 (Новости).

Перембровский. Отчет о болезнях и больных при работах нового Ладозского канала 1864 года. „Журнал Министерства Пут. и Сообщения“. 1865. Т. 45. (Смесь).

Работы по сооружению Екатеринбург-Тюменской железной дороги и санитарно-врачебная часть на этой линии. [Сведения о санитарных условиях работ и заболеваемости рабочих]. „Техник“. Москва. 1885. № 98.

Санович, С. В. Водолазные работы по подъему подводной лодки „Камбала“. [Профессиональные заболевания водолазов]. „Медицинские прибавления к Морскому Сборнику“. 1910. № 11.

Святловский, В. В. Очерк санитарного положения рабочих, находившихся на постройке Мстинского моста и обходной линии на Николаевской железной дороге. „Врач“. 1881. № 37 и 39.

С., Г. Строительные рабочие. „Заря Поволжья“—Самара. 1914. № 19.

Смирнов, А. Рабочие в строительных промыслах. „Промышленность и Здоровье“. 1903. № 6.

Соколов, П. Лето на железобетонных работах во Франции. „Зодчий“. 1910. № 23—26.

[Статистика несчастных случаев в строительной артели Берлина]. „Врач“. 1899. № 17. (Хроника).

Тейковцев, А. Подрядчики и рабочие на Амурской жел. дор. „Сибирские Вопросы“. 1909. № 46—47.

Французский плотник. „Промышленность“. Спб. 1861. Т. 4. Кн. 2.

Храбростин, М. Н. Работа под водой и заболеваемость водолазов. „Медицинские Прибавления к Морскому Сборнику“. 1888. №№ 1—5.

Чечулин, С. Д. Несчастные случаи на постройке средней части Амурской железной дороги с 1910 г. по 1913 г. „Вестник железнодорожной медицины и санитарии“. 1915. № 5.

Чечулин, С. Д. Несчастные случаи на постройке средней части Амурской жел. дор. „Совещательный съезд врачей постройки средней части Амурской жел. дор.“. 1914.

Чиколев, А. Н. Статистика по несчастным случаям при строительных работах. Матер. алы. к страхованию рабочих от несчастных случаев. „Труды II Всероссийского съезда фабричных врачей и представ. ф.-з. промышл.“. Вып. 2—4. Москва. 1911.

Швация. Условия труда каменщиков. „Бюллетень Исполнит. Бюро Красного Интернационала Профсоюзв“. Москва. [1921]. № 5.

Шляпников, А. Строительные рабочие в Париже. „Просвещение“. 1913. № 7—8.

19. Табачники.

Отдельные издания.

Белоусов, В. В. Изучение труда в табачном производстве. Птб. Гос. Изд. 1921. 189 стр.

Валицкая, М. Н. Исследование здоровья рабочих на табачных фабриках. Наблюдения произведены на 12 табачных фабр. юга России. Спб. 1883. 47 стр.

Розенбаум, Н. Д. Табачное производство. Санитарно-гигиенические очерки. С предисловием С. И. Каплуна. Москва. Изд. НКТ „Вопросы Труда“. 1924 г. 223 стр. (Ц. К. Всер. Союза Раб. пищевой и вкусовой промышл.).

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Амстердамский, А. В. Табачные плантации России. „Труды областного съезда юга России по борьбе с эпидемиями“. Киев, 16—25 августа 1913 г.“ Т. III. Киев. 1914.

Амстердамский, А. В. Табачный промысел в Ялтинском уезде. „Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины“. 1913. № 8.

Амстердамский, А. В. Табачный промысел в Ялтинском уезде. „Труды XI губ. съезда земских врачей и представит. земских учреждений Таврической губ.“ Симферополь. 1913.

Баранов, Е. На табачных плантациях [Кубанской обл.]. „Жизнь для всех“. Птб. 1913. № 2.

Баскин, С. Состав рабочих и экономические условия труда на табачных фабриках Петрограда в 1918 г. „Материалы по статистике труда“—изд. Наркомтруда. Москва. 1921. Вып. 9.

Белоусов, В. Изучения труда в табачном производстве. (Автореферат). „Вопросы изучения труда“. Сборник статей. Птб. 1922 (Рефераты и рецензии).

Валицкая, М. Исследование здоровья рабочих на табачных фабриках. „Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины“. 1889. Кн. 9.

Занис, Н. М. Положение рабочих на табачных плантациях. „Кавказский

Вестник Практического Садоводства“. 1900. № 50.

Звягин, А. Табачная барщина. (Письмо из Крыма). „Неделя“. 1893. № 43.

З., Г. Крымские пленницы. (Письмо из Ялты). [Положение рабочих на табачных плантациях]. „Неделя“. 1897. № 21.

Из-за границы. Из жизни табачников в Германии. „Жизнь Табачника“. Птб. 1907. № 1.

Лзкевич, П. Д. О положении рабочих, занятых в табачных плантациях в Крыму. „Труды I-го Всеросс. съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, происходившего в Спб. 21—25 апреля 1910 года“. Том I. Спб. 1911.

Л., М. Очерки санитарного состояния фабрично-заводских предприятий гор. Одессы. 2. „Гостабакфабрика“. „Профессиональная жизнь“. Одесса. 1923. № 31—32.

О табачных фабриках в С.-Петербурге. „Журнал Министерства Внутренних Дел“. 1852. Часть 40-я.

Положение рабочих на крымских табачных плантациях. „Гигиена и Санитарно-Дело“. 1914. № 7—9 (Хроника).

Положение рабочих в производствах табачной монополии в 1907 г. в Австрии. „Вестник Финансов, Промышл. и Торговли“. 1909. № 10.

Положение рабочих на сигарных фабриках в Бадене. „Юридический Вестник“. 1891. № 1 (Разные известия).

Святловский, В. В. Материалы для оценки здоровья рабочих на свеклосахарных и табачных фабриках. „Земский Врач“. 1889. №№ 31 и 32.

Ш., Ф. Санитарное состояние рабочих на австрийских табачных фабриках. „Еженедельник Практической Медицины“. 1899. № 40 (Рефераты).

Я. О положении рабочих и работниц табачного производства в Германии. „Голос Табачника“. Птб. 1907. № 2.

20. Текстильщики.

Отдельные издания.

Астрахан, И. Д. Травматизм рабочих ситценабивной фабрики за 10 лет (1902—1912). Москва. 1913.

Баканин. Санитарные условия льнопрядильных фабрик. Москва. 1882.

Богословский, С. М. Заболеваемость фабричных рабочих Богородско-Глуховской и Истоминской Мануфактур Богородского уезда за 1896—1900 г.г. Москва. Изд. Москов. Губ. Земства. 1906. VII+174 стр. Ц. 50 к.

Богословский, С. М. Заболеваемость фабричных рабочих Богородско-Глуховской и Истоминской Мануфактур Богородского уезда за 1896—1905 г.г. Москва. Изд. Моск. Губ. Земства. 1908.

Богословский, С. М. Заболеваемость фабричных рабочих Богородско-Глуховской Мануфактуры за 1906—1910 г.г.

Давидович, М. Людкет петербургских текстильных рабочих. Спб. 1912.

Давидович, М. Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах. Изд. 2-е. Москва. 1919.

Козьминных-Ланин, И. М. Артельное харчевание одной шелко-крутильной фабрики в Москве. Москва. Изд. Моск. Отдел. Русского Технического Общества. 1914. 35+1 стр. Ц. 75 к.

Козьминных-Ланин, И. М. К вопросу о грамотности и экономических условиях труда на суконных и бумаготкацких фабриках Московской губ. Москва. 1912. 15 стр. Ц. 35 к. (Вестник Мануфактурной Промышленности).

Кренгольмская Мануфактура близ Нарвы. Описание фабрики и жилых помещений для рабочих. Спб. 1876.

Михайлов, Н. Ф. Опыт исследовании болезненности рабочих на бумагопрядильной фабрике Хлудова. Москва. 1882.

Песков, П. Некоторые результаты санитарного исследования ткацких фабрик в Лефортовской части г. Москвы. Москва. 1881.

Песков, П. А. Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве. Москва. 1882. Вып. 1—279 стр. Вып. 2—203 стр. (Труды Комиссии, учрежденной Московским генерал-губернатором, кн. В. А. Долгоруковым, для осмотра фабрик и заводов в Москве).

Пегожев, А. В. Бумагопрядильное и ткацкое производство Богородского уезда. Москва. 1888. 379 стр. (Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. III. Вып. XVI).

Селин, И. Анализ статистических данных о несчастных случаях с рабочими на прядильной фабрике Тверской М-ры за десятилетие с 1908 по 1917 г. Тверь. Госиздат. 1921. IX+18 стр.

Смирнов, А. В. Несколько данных для характеристики заболеваемости фабричного населения. (Результаты обследования двух прядильно-ткацких фабрик). Владимир на Клязьме. 1890. III+39 стр.

Шапшиников, Д. Бюджеты рабочих одной из фабрик Богородского уезда. Москва. 1910.

Шестанов, П. М. Рабочие на Мануфактуре Т-ва „Эмиль Циндель“ в Москве. Статистическое исследование. Москва. 1900. 78+14 стр. Ц. 1 р.

Юферов, В. Труд в хлопковом хозяйстве Туркестана. (Опыт характеристики рабочего вопроса в хлопковых районах Туркестанского края). Спб. Изд. Департамента Земледелия. 1914. 60 стр.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Абрамов, Я. Хлудовщина. [О порядках на ф-ке Хлудова—по поводу пожара на ф-ке]. „Отечественные Записки“ 1882. № 5.

Аким, Н. Е. Инвалидность костромских текстилей по данным Костромского Бюро Экспертизы за 1920 и 1921 г., „Труд и Хозяйство“—орг. Костромского

Губерн. Экономического Совещания. 1922. № 4—5.

Аким, Н. Е. Инвалидность костромских текстилей. „Текстильщик“. Москва. 1922. № 5—6.

Аким, Н. Инвалидность костромских текстильщиков по данным Костромского Бюро Экспертизы за 1920 и 1921 г.г. „Социальная Гигиена“. Вып. I. Москва. 1922.

Александров, С. А. Очерк болезненности населения фабрики Городищенской Мануфактуры за 1884 г. „Труды восьмого губернского съезда врачей Московского земства. Сентябрь 1885 г.“. Москва. 1886.

Алядин, П. К. вопросу о питании и заболеваемости рабочих на ситцепечатных фабриках в Иваново-Вознесенске. „Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины“. 1900. № 5.

Алядин, П. А. К вопросу о санитарном значении ситцепечатных фабрик в г. Иваново-Вознесенске. „Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины“. 1912. № 1.

Аносов, Н. П. Обзор заболеваемости и смертности рабочего населения фабрики Романовской Льняной Мануфактуры по данным больницы за 1911—1913 г.г. „Труды VI съезда врачей и представителей земств Ярославской губ.“. Т. II. Ярославль. 1914.

Астрахан, И. Д. Травматизм рабочих ситценабивной фабрики за 1^ю лет (1902—1912 г.г.). „Двенадцатый Пировский съезд“. Петербург, 29 мая—5 июня 1913 г. Вып. II. Спб. 1913.

Астрахан, И. Д. Травматизм рабочих ситценабивной фабрики за 10 лет (1902—1912 г.г.). „Общественный Врач“. 1913. № 5.

Баманин, А. И. Санитарные условия льнопрядильных фабрик. „Труды Комиссии, учрежд. московским генерал-губернатором для осмотра фабрик и заводов в Москве“. Вып. I, под ред. М. Л. Лосева. Москва. 1882.

Бегальский. Санитарное состояние фабрик джутовых мешков в Бленше близ Ченстохова. „Земский Врач“. 1890. № 2 и 3.

Беренштейн, М. О распространении глазных болезней на фабриках по обработке волокнистых веществ в гор. Лодзи. (Статистический опыт). „Вестник общественной гигиены, судебной и практической гигиены“. 1901. № 3.

Б., Л. Положение рабочих текстильной промышленности. Ход стачки в цен-

тральном промышленном районе „Совершенно Мир“. 1907. № 9.

Благовощенский, Н. На ткацкой фабрике. (Из заметок и наблюдений конторщика). „Неделя“. 1870. №№ 19—21, 29.

Богословский, В. Г. Болезненность и смертность населения фабрик товарищества Реутовской Мануфактуры в 1881—1882 г.г. „Труды седьмого губернского съезда врачей Московского земства. Март 1883 г.“. Москва. 1884.

Богословский, С. М. Санитарное описание ручного шелкоткацкого промысла в Богородском уезде, Московской губ. „Вестник обществ. гигиены судебной и практич. медицины“. 1909. № 4.

Борисов, М. М. К характеристике рабочих шелкового производства в профессионально-бытовом и санитарном отношениях. „Сведения о заразных болезн. и sanit.-врач. организ. Московского губ.“. 1909. № 4.

Борисов, М. М. Физическое состояние и заболеваемость рабочих бумагопрядильного производства. „Сведения о заразных бол. и sanit.-врач. организ. в Моск. губ.“. 1907. № 11.

Борисов, П. В. Медико-статистический очерк по заболеваемости на фабриках В. Ф. Демидова — льнопрядильной и ткацко-полотняной в г. Вязниках и при д. Ярцево близ Вязников. „Труды одиннадцатого съезда членов и представ. земских учрежд. по врач.-санитарн. части во Владимирской губ. 27 мая—5 июня 1904 г.“. Владимир на Клязьме. 1905.

Брагинский. Доклад об условиях труда в текстильной промышленности. „Отчет о работах 5-го Всероссийского съезда профессионального союза текстильщиков 6—11 октября 1922 г.“. Москва. 1922 (Заседание 10 октября“).

В., А. Фабричный труд и грамотность на Кренгольмской Мануфактуре в Нарве. „Русский Инвалид“. 1865. № 10.

Вадновский, В. В. Отчет Гусевской фабричной больницы... Ю. С. Нечасва-Мальцева, Владимирской губернии, Мценковского уезда за 1893—1894 и 1895 годы. [Статистич. данные о заболеваемости и травматических повреждениях]. „Труды восьмого губ. съезда врачей Владимирского земства“. Владимир. 1896.

Веселовский, Н. О фабрикации полотей в г. Вязниках, Владимирской губ. [О фабричных рабочих из местных крестьян]. „Труды Воляного Экономического Общества“. 1874. Т. II. Вып. 4.

В., М. Сарпинское производство в саратовских колониях. (Сведения о наемном труде у колонистов-фабрикантов). „Труды Имп. Вольного Экономического Общества“. 1873. Т. II. Вып. 3.

Гаузер, И. Санитарные условия нанкового производства в Егорьевском уезде. „Общественно-санитарное Обозрение“. 1896. № 17.

Глебовский, С. А. Фабрики Нерехтского уезда (санитарный очерк). „Врачебно-санитарный Обзор Костромской губ.“. 1911. № 8 и 1912. № 4.

Гринфельд, Ю. Рабочие казармы московских ткачей. „Текстильщик“. Москва. 1918. № 3—4 (май).

Давидович, М. Петербургский текстильный рабочий и его бюджет. „Записки Имп. Технического Общества“. 1912. № 12.

Дебрянский, С. О положении рабочих в Клинцах [на суконных фабриках]. „Труды Имп. Вольного Экономического Общества“. 1869. Т. 2. Вып. 5.

Донлад врачей, осматривавших жилища служащих на Николаевской железной дороге и рабочих на фабрике Рождественской Мануфактуры. „Протоколы IV съезда земских врачей Тверской губернии (в декабре 1874 года)“. Тверь. 1875.

Дьяченко, А. Краткий обзор труда бытовых условий и болезней ткачей г. Иваново-Вознесенска (русского Манчестера). „Фельдшерский Вестник“. 1907. № 6.

Жертвы русской промышленности. Письмо из Духовщинского уезда. „Неделя“. 1885. № 21.

Заболелость рабочих шелкового производства. „Вестник общества н. гигиены, суд. и практ. медицины“. 1909. № 10 (Хроника).

Зверев, Д. М. Отчет о деятельности Дубасовской больницы М. Г. Комиссарова за 1899 и 1900 г. г. [Данные о заболеваемости, травматизме и пр.]. „Труды десятого губ. съезда врачей Владимирского земства“. Владимир на Клязьме. 1901.

Золотавин, Н. А. Кулетканное и роговое производство в Рождественской волости, Оханского уезда, Пермской губернии. „Вестник обществен. гигиены, суд. и практич. медицины“. 1893. № 3.

Из отчетов за 1911 год германских страховых товариществ по страхованию от несчастных случаев лиц, занятых в текстильной промышленности. „Известия Общества содействия улуч-

шению и развитию мануфактурной промышленности“. 1913. № 5.

Натенина, Л. К вопросу о положении рабочих в текстильной промышленности. (Из личных впечатлений). „Общественный Врач“. 1914. № 3.

Нац, Я. Ю. Население Покровской Мануфактуры Дмитровского уезда и его жилищные условия. „Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации Московской губ.“. 1910. № 10.

И Духовщинской истории. „Неделя“. 1884. № 6.

Мозинцев, М. Трепанье пеньки в санитарном отношении. (Санитарно-статистическое исследование пенько-трепанья в г. Новозыбкове). „Вестник обществен. гигиены, суд. и практич. медицины“. 1899. Март.

Мострова, Никольская Мануфактура Чешера [и др.]. „Рабочая Мысль“ [орган Спб. К-та РСДРП]. 1900. № 10.

Н., П. Очерк условий жизни и труда рабочих на бумаго-прядильной фабрике „Саратовская Мануфактура“. „Саратовская Земская Неделя“. 1903. № 6—7.

Нритская, Н. А. Жизнь и быт рабочих Франции. Москва. 1924. Глава 3-я: В стране ситца и полотна.

Мулатов, М. Краткие сведения о рабочих на фабрике Б. Г. и А. Горбуновых в селе Колосове, Ковровского уезда. „Врачебно-санитарная хроника Владимирской губ.“. 1913. № 6.

Лосев, М. Л. Несколько слов о санитарных условиях наших ситцевых фабрик. Доклад. „Труды Комиссии, учрежден. Моск. ген.-губерн. для осмотра фабрик и заводов в Москве“. Вып. I. Москва. 1882.

Малюженко, Д. М. Санитарное и экономическое состояние шелко-мотальных заводов в Елисаветпольской губ. „Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины“. 1905. № 1.

Маслов, Д. Как жилось рабочему в 90-х годах. (Рассказ рабочего). „Рабочий Манчестер“. Иваново-Вознесенск. 1918. № 2.

Михайлов, Н. Опыт исследования болезненности рабочих на бумагопрядильной и ткацкой фабрике Ярцевского товарищества Духовщинского уезда, Смоленской губернии. „Земство“. Москва. 1882. № 20.

Михайлов, Н. Ф. Опыт исследования фабричной болезненности на Ярцевской Мануфактуре Духовщинского уезда, Смоленской губ. „Шестой губ. съезд

врачей Московского Земства. Февраль—март (22 февраля — 3 марта) 1882 г.⁴. Москва. 1882.

Муравлева, М. На Московско-Новгородской парусной фабрике. (1696 — 1772—1829 г.г.) „Архив истории труда в России“. 1921. Кн. 2.

Никольский, Д. П. Санитарный очерк по обработке волокнистых веществ в Англии. „Медицинская Беседа“. 1896. № 1.

Сглоблин, А. Рабочие на Топальской Мануфактуре 1771 г. „Архив истории труда в России“. 1923. Кн. 6—7.

О положении рабочих на рогожных фабриках Московской губ. „Вестник обществен. гигиены, судебн. и практ. медицины“. 1889. № 5 (Хроника).

[О смертности текстильщиц в С.-А. Соединенных Штатах]. „Врачебная Газета“. 1914. № 11 (Вопросы обществен. гигиены за границей).

Пафнутьев, С. Рабочие на рогожных мастерских. „Начало“. 1899. Март.

Песков, П. Некоторые выводы по санитарному исследованию ткацких фабрик в Москве. „Врач“. 1881. № 23.

Песков, П. Некоторые результаты исследования ткацких фабрик Лефортовской части г. Москвы. „Известия Московской Городской Думы“. 1881. № 23.

Песков, П. Санитарное обследование фабрик волокнистых веществ в Москве. „Известия Московской Городской Думы“. 1882. №№ 4—6, 9, 12, 14.

Письменный, Н. Н. Некоторые статистические данные о травматизме рабочих в выработке хлопка вообще, в ткачестве и прядении. „Медицинское Обозрение“. 1909. № 5.

Поездка по району хлопчатобумажной промышленности Северной Америки. Перев. с немец. под ред. Н. Н. Кукина. [Главы: Продолжительность рабочего времени. Работа малолетних. Пища, одежда, жилище рабочих]. „Известия Общества для содействия улучш. и развитию мануфактурной промышленности“. 1909. № 6.

Положение рабочих в текстильной промышленности в Англии. „Вестник Финансов, Промышленн. и Торговли“. 1906. № 16.

[Положение рабочих на Ярцевской фабрике купца Хлудова]. „Врач“. 1885. № 22 (Хроника).

Полянский, Н. Санитарное значение текстильных фабрик Тверской Мануфактуры. „Наше Хозяйство“ — орган Тверского Губ. Эконом. Собрания. 1922. №№ 1 и 2.

Попов, А. В. Обеспечение медицинской помощью и заболеваемость рабочих на ткацких и прядильных фабриках Ковровского уезда в 1909 г. „Труды четырнадцатого Съезда членов и представ. земских учреждений по врач.-санитарн. части во Владимирской губ. 10—19 мая 1911 г.“. Ч. II. Владимир. 1912.

Посадский, Я. Как добывали себе волю казанские суконщики. Сборник „Первый шаг“. Казань. 1876.

Профессионально-бытовые условия жизни и заболеваемость рабочих платочных фабрик. „Вестник обществен. гигиены, судебн. и практ. медицины“. 1909. № 6 (Хроника).

Рабочие текстильной промышленности. „Современный Мир“. 1907. № 9. (На родине).

[Рейбо, Луи.] Нравственное, умственное и вещественное состояние рабочих на шелковых фабриках. „Вестник Промышленности“. Москва. 1858. №№ 4 и 5.

Рейслер, В. П. Сведения о фабриках Т-ва Мануфактур В. Е. и А. Ясюнянских в селе Кохме, по программе X съезда врачей Владимирской губернии. „Труды десятого губ. съезда врачей Владимирского Земства“. Владимир на Клязьме. 1901.

Реформатский, Н. Н. О здоровье рабочих льнопрядильной фабрики [в Юрьеве, Костромской губ.]. „Дневник Общества врачей при Имп. Казанском университете“. 1889. № 1 (январь—май).

Рогожики. [Условия работы]. (Письмо из Рославля). „Неделя“. 1878. № 13.

Ростовцев, Г. И. О санитарном состоянии крупных фабрик Нерехтского уезда [по обработке волокнистых веществ]. „Врачебно-санитарный обзор Костромской губ.“. 1907. № 8.

Руклянец, И. Д. Санитарное состояние шерстобитных и шерстокатных заведений в г. Барнауле. „Вестник Общественной Ветеринарии“. 1912. № 22.

Самцов, Ф. Санитарно-гигиенические условия жизни рабочих текстильщиц. „Рабоче-Крестьянское Хозяйство“. Иваново-Вознесенск. 1919. № 1.

Санитарно-техническое состояние некоторых фабрично-заводских предприятий Иваново-Кинешемской области: (Из отчетов инспекторов труда). „Рабоче-Крестьянское Хозяйство“. Иваново-Вознесенск. 1919. № 2—3.

Салурин, Д. Поездка в Манчестер. (Письмо из Англии. Среди рабочих). „Жизнь“. 1901. № 3—4.

Сидоров, И. П. Раменская фабрика. „Юридический Вестник“. 1886. № 1, 2, 3.

Симон, Ж. Работница. Ч. I. Женщины на шелковых фабриках. Приложение к журн. „Промышленность“. 1861. № 19.

Смертность среди текстильных рабочих в Германии. „Вестник Финансов, Промышл. и Торговли“. 1910. № 34.

Смирнов, А. В. Несколько данных для характеристики заболеваемости фабричного населения. „Труды VI губ. съезда врачей Владимирского Земства 26 апреля — 4 мая 1890 г.“. Владимир на Клязьме. 1890.

Смирнов, Ал. Ручной ткач или фабрика (во Владимирской губернии). Статистический этюд. „Русская Мысль“. 1903. № 9.

Смирнов, В. (Малнов). Положение текстильщиков нашего района в 80-х годах. „Рабочий Манчестер“. Иваново-Вознесенск. 1918. № 1.

Степун, С. Ф. Фабрика Ставровской Мануфактуры Родиона Бажанова. „Труды десятого съезда врачей Владимирского земства“. Владимир на Клязьме. 1901.

Стерлинг, С. Я. Условия профессионального труда на суконных фабриках гор. Томашова (Петровской губернии). „Вестник общественн. гигиены, судебн. и практ. медицины“. 1895. Т. 28.

Томашовский, М. Доклад Городской Управе о шерстомойных заведениях г. Харькова — в 1883 году. „Харьковский Календарь и Памятная книжка на 1885 г.“. Харьков. 1884.

Травматизм в текстильном производстве. „Вестник общественной гигиены, судебн. и практ. медицины“. 1909. № 9 (Хроника).

Тун, А. Суконная промышленность в Ахенском округе. [Сведения о фабричных рабочих]. „Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России“. Вып. 6. Спб. 1880.

Тун, А. Хлопчатобумажная промышленность в Гладбахе и Рейдте (в Германии). II. Положение фабричных рабочих. „Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России“. Вып. VII. Спб. 1881.

Тун, А. Шпиковая и бархатная промышленность на левом берегу Рейна. „Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России“. Вып. 4. Спб. 1881.

Угрюмов, Н. А. Организация медицинской части на фабриках Т-ва Ма-

нуфактур Вилулы Морозова с С-ми в местечке Никольском, Покровского уезда, Владимирской губернии в 1898 г. [Сведения о гигиенической обстановке фабрик и казарм при них и о заболеваемости]. „Труды девятого губ. съезда врачей Владимирского земства 9—18 марта 1899 г.“. Владимир на Клязьме. 1900.

Успенский, Н. В. Медицинское дело на фабриках Т-ва Меленковской Льяной Мануфактуры в г. Меленках за 1896—1898 г.г. [Сведения о заболеваемости]. „Труды девятого губ. съезда врачей Владимирского земства 9—18 марта 1899 г.“. Владимир на Клязьме. 1900.

Успенский, Н. Г. Медицинское дело на фабрике Т-ва Меленковской Льяной Мануфактуры в г. Меленках за 1894 и 1895 годы. [Сведения о заболеваемости]. „Труды восьмого губ. съезда врачей Владимирского земства“. Владимир на Клязьме. 1896.

Фабрика купца Хлудова. „Неделя“. 1880. № 39.

Фабрика Морозовых. „Неделя“. 1886. № 25.

Фабрика Паля. [Администрация и условия труда]. „Рабочая Мысль“. — [Орг. Спб. К-та РСДРП]. 1899. № 6.

Цветополов, А. Суконная промышленность и ее рабочие на Нижнем Рейне. Историко-экономический очерк по А. Тулу. „Вестник Промышленности“. 1896. № 1. Январь (Иностранное обозрение).

Чернобоковцев, С. А. Отчет за 1899 и 1900 годы по приемному покою при фабрике г-жи Новиковой в г. Иваново-Вознесенске. „Труды десятого губернского съезда врачей Владимирского земства“. Владимир на Клязьме. 1901.

Чернобоковцев, С. А. Отчет за 1899 и 1900 г. г. по приемному покою при фабрике К. И. Марокушева в г. Иваново-Вознесенске. „Труды десятого губ. съезда врачей Владимирского земства“. Владимир на Клязьме. 1901.

Шляпошников, И. М. Бюджет рабочих одной из фабрик Богородского уезда в связи с питанием и заболеваемостью. „Сведения о заразных болезнях и сан.-врачебн. организации Московской губ.“. 1910. № 1.

Шляпошников, И. М. Профессионально-бытовые условия жизни и заболеваемости рабочих платочно-набывных фабрик. „Сведения о заразн. болезн. и санитарно-врачебной организации Московской губернии“. 1909. № 1.

Шапошников, И. Санитарное положение рабочих на одной фабрике Богородского уезда. Болезненность рабочих шерстопрядильной фабрики. „Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации Московской губ.“. 1903. № 1.

Шваробович, А. Ф. Статистика различного рода повреждений на бумагопрядильных фабриках. [Приложение к статье „Ограждение машин бумагопрядильного производства“]. „Вестник Общества Технологов“. 1903. № 6.

Шебунин, А. Рабочие из „шатающихся“ людей на Шлиссельбургской ситцевой фабрике. „Архив истории труда в России“. Кн. 4-я. Пгр. 1922.

Шелгунов, Н. [Промышленный пролетариат ветлужских рогожников и калужских кожевников]. „Дело“. 1870. № 6 (Внутреннее обозрение).

Ширард, Р. Белые рабы в Англии. Москва. 1904. Гл. IV. Шерсточесальщики.

Шульце-Геверниц-фон, Г. Крупное производство. Его значение для экономического и социального прогресса. Эюд из области хлопчатобумажной промышленности. Перев. с нем. Л. Б. Красина. Спб. Изд. Пантелеева. 1897. Гл. II, п. III. Труд.

Шульце-Геверниц, Г. Крупное производство в России. (Московско-Владимирская хлопчатобумажная промышленность). Перев. с немецк. Б. В. Ави-

лова. Москва. Изд. „Книжное Дело“. 1899. Гл. IV. Фабричный труд в средней России.

Экземпларский, Н. Ф. Медицинская часть бумагопрядильной и ткацкой фабрики наследников И. А. Треумова в гор. Коврове, Владимирской губ. в 1901, 1902 и 1903 годах. [Статистические данные о заболеваемости]. „Труды одиннадцатого съезда членов и представителей земских учреждений во врач.-санитарной части во Владимирской губ. 27 мая—5 июля 1904 г.“. Владимир на Клязьме. 1905.

Экземпларский, Н. Ф. Медицинская часть бумагопрядильной и ткацкой фабрики н—ков И. А. Треумова в г. Коврове, Владимирской губ. в 1899 и 1900 годах. [Статистические данные о заболеваемости]. „Труды десятого губ. съезда врачей Владимирского Земства“. Владимир на Клязьме. 1901.

Эки, В. В. К вопросу о фабричном травматизме в текстильном производстве. „Сведения о заразн. болезн. и санитарно-врачебной организации в Московской губ.“. 1909. № 3.

Яворский, Ф. Н. Производство бечевы и канатов в пригородной г. Воронежа слободе. Придаче. [Имеются сведения о рабочих в веревочных и канатных заведениях]. „Памятная книжка Воронежской губ.“ на 1878—1879 г. Отдел I.

Яковлева, Н. Рогожные люди (Письмо из Калуги). „Неделя“. 1897. № 9.

21. Торгово-промышленные служащие ¹⁾

Отдельные издания.

Витковский, И. Десять лет службы одного приказчика в трех крупных фирмах в С.-Петербурге. Спб. 1913. 152 стр.

Гордеев, М. Г. Сборник писем и статей о положении официантов и половых, и на каких условиях они служат у своих хозяев. Москва. 1905. 160 стр. Ц. 50 к.

Гудван, А. В царстве тьмы и эксплуатации. Спб. 1909. 80 стр. Ц. 60 к.

Гудван, А. Приказчики в Одессе. Результаты специального исследования. Одесса. Изд. Ф. И. Максимова. 1903. 55 стр.

Гудван, А. Приказничий вопрос. (Жизнь и труд приказчиков). Одесса. Изд. Вармаса. 1905. 123 стр. Ц. 80 к.

¹⁾ Сюда же вошли служащие трактиров, ресторанов и гостиниц.

Иуда Мытарь (Т. Ефимов). В защиту приказчиков. Омск. 1906. 109 стр. Ц. 20 к.

Новальский, Л. Т. О пользах хозяев и нуждах служащих. Москва. 1908. Ц. 15 к.

Молычев, Ал. 2 очерка. Что такое приказчик и как обеспечить старость приказчиков. Томск. 1905. 71 стр.

Молычев, Ал. Приказчики и их нужды. Ярославль. Книгоизд. „Северное Эхо“. 1905. 59 стр. Ц. 20 к.

Листов, С. В. К вопросу о положении служащих в торговых заведениях. Москва. 1904. 46 стр. Ц. 50 к. (Русское Техническое Общество. Московское Отделение. Санитарный Отдел).

Лосев. Торговые служащие. Москва. Кни-ство „Труд и Воля“. 1906. 46+2 нен. стр. Ц. 8-к.

Муромский, Н. Быт и нужды торгово-промышленных служащих. Москва. Изд. „Жизнь и Правда“. 1906. 31 стр. Ц. 10 к.
Новицкий, Е. Приказчий вопрос. Ростов н/Д. Изд. Парамонова. 1906. 20 стр. Ц. 4 к.
Резен, М. Очерки положения торгово-промышленного пролетариата в России.

Спб. Книгоизд. „Вперед“. 1907. 68 стр. Ц. 20 к.

Рудин, П. Законодательство и жизнь. Заметки и статьи по приказничьему вопросу. Петропавловск. 1913. 86 стр. Ц. 20 к.

Сокольский, Б. Приказчий вопрос за границей и у нас.

Статьи, отдельные заметки, главы и т. п.

Атоев, Н. Из жизни приказчиков на Кавказе (Корреспонд. из Тифлиса). „Голос Приказчика“. Спб. 1906. № 5.

Вив. Труд приказчиков и законодательная его охрана. „Просвещение“. 1913. № 10.

Винокуров, А. Н. Труд приказчика и законодательная его охрана. „Двенадцатый Пироговский Съезд. Спб. 29 мая—5 июня 1913 г.“. Вып. I. Спб. 1913.

Германские торговые служащие. „Вестник Финансов. Промышленности и Торговли“. 1913. № 50.

Иуда Мытарь. Компания Зингер и ее рабы. [Об агентах]. „Сибирский Приказчик“. Омск. 1906. № 1.

Колычев, А. О положении торговых служащих. „Русская Мысль“. 1905. № 2.

Моляев, Д. Положение служебного персонала в коммерческом быту. [Об отношениях приказчиков и хозяев]. „Колосья“. 1889. Кн. 5.

Крыжский, Марк. Из жизни портовых казенных приказчиков. „Голос Приказчика“. Спб. 1906. № 8.

Листов, С. К. вопросу о положении служащих в торговых заведениях. „Записки Московского Отделения Русск. Технич. О-ва“. 1904. Вып. 5.

Лондонские стачки. Причины стачки и положение торговых рабочих в Лондоне. „Северный Вестник“. 1889. № 10.

Максимович, А. К. правовому положению торговых служащих. Труд и закон. „Вестник Кооперативных Служащих“. 1916. № 2.

М... В... Купеческие приказчики. „Вестник Промышленности“. 1859. № 2 и 3.

Муромский, Н. Рабы труда. [Условия труда и жизнь торговых служащих]. „Контрторщик“. Спб. 1906. № 8.

Н., Е. Нужды приказчиков. „Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены“. 1905. № 1.

Носов, Н. Из жизни приказчика. „Контрторщик“. Спб. 1906. № 5.

Один из малых сих. Картинки из быта приказчиков. Внутри Ново-Александровского рынка. „Голос Приказчика“. Спб. 1906. № 13.

Озеров, Ф. Как жизнь уродует приказчика. „Голос Ириказч.“. Спб. 1906. № 4.

Петров, С. Положение приказчиков в капиталистическом строе. „Голос Приказчика“. Спб. 1906. № 11.

Положение приказчиков и благодетельные Столыпина. „Тернии Труда“. Спб. 1906. № 2—3.

[Положение служащих в торгово-промышленных предприятиях]. „Промышленность и Здоровье“. 1903. № 6 (Хроника).

Правдист. Служащие трактирного промысла.—Мои воспоминания. Из записок официанта. „Вестник Приказчика“. Спб. 1914. № 20.

Приказчики — аристократы и приказчики-пролетарии. „Голос Приказчика“. Спб. 1906. № 9.

Результаты анкеты об экономическом положении торговых служащих в Германии. „Вестник Финансов, Пром. и Торговли“. 1910. № 39.

Резен, М. Очерк положения торгово-промышленных служащих в России. „Голос Приказчика“. Спб. 1906. № 1.

С-ии. Не все то золото, что блестит. (Несколько слов о положении служащих в фирме Мюр и Мерилиз). „Дело Жизни“. Спб. 1911. № 4.

Филиппович. Приказничье жительство. „Сибирский Приказчик“. Омск. 1906. № 1.

Экономическое и социальное положение торговых служащих в Германии. „Вестник Финансов, Пром. и Торг.“. 1910. № 47.

Я., А. Правовое положение приказчика. „Жизнь Приказчика“. Спб. 1907. № 2.

Яковлев, А. Фруктовые благодетели. [Положение служащих бакалейно-фруктовых магазинов в г. Омске]. „Сибирский Приказчик“. Омск. 1906. № 5.

22. Транспорта местного рабочего (бурлаки, грузчики, извозчики, сплавщики леса)¹⁾.

Отдельные издания.

Вернадский, Ив. Исследования о бурлаках. Спб. 1875. 89 стр.

Лощилов, П. А. О профессиональном труде волжских грузчиков. Нпжний-Новгород. 1903. Ц. 25 к.

Минин, А. Ф. Очерк санитарно-экономического положения грузчиков на Волге. Спб. Изд. Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог. 1904. III+206 стр.

Решетников, Ф. Подлиповцы. Этнографический очерк из жизни бурлаков Спб. 1867.

Тягловый промысел на Марининской системе в пределах Олонецкой губ. Петрозаводск. 1901.

Шенгелидзе, В. В. Извозопромышленные заведения Петербурга. 1 02.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

А-в, А. „Иностранное обозрение“. [Отчет гамбургской сенатской комиссии по исследованию условий портовой работы]. „Русское Экономическое Обозрение“. 1898. № 2.

Англия. Заработная плата и условия работы докеров (грузчиков) в главнейших портах. „Транспортный Рабочий“—орг. Ц. К. В. С. Т. Р. 1922. № 22—23.

Благовещенский, И. И. Тягловый промысел на Марининской системе. „Олонецкий Сборник“. Петрозаводск. Изд. Олонецкого губ. статистического комитета. 1894. Вып. 3.

Бурлачество в Астраханской губернии. „Вестник Имп. Русского Географического Общества“. 1851. Ч. 2. Кн. 3. Отдел X.

Бялко, В. А. Лесной промысел в Орловском уезде (Вятской губернии). [Бурлаки-плотовщики]. „Русский Лесопромышленник“. 1888. № 28.

Вернадский, И. Исследование о бурлаках. (Отчет чиновника особых поруч. при Мин. Внутр. Дел). „Журнал Министрства внутр. дел“. 1857. Ч. XXIII, кн. 4 и ч. XXIV, кн. 5.

Гаревский, П. Бурлаки-онежане. Бытовой очерк. „Известия Архангельского Общ. изучения русского севера“. 1913. № 2.

Гессен, Ю. Бурлаки в первой половине XIX века. „Архив истории труда в России“. Спб. 1921. Книга II.

Г., И. С. Шала, Пудотского уезда Бурлаки. Условия бурлацкой жизни.

„Вестник Олонецкого Земства“. 1911. № 7.

Д., П. К. характеристике бурлацкого промысла. „Вестник Новгородского Земства“. 1906. № 19.

Жизнь извозчиков за границей. „Голос Извозчика“. Спб. 1906. №№ 2, 5, 6.

Жуковский, Ф. О. Условия жизни и труда грузчиков на Волге. „Фельдшер“. 1904. № 23.

Заработки крючников на Волге. „Сельский Вестник“. 1889. № 29.

Из жизни и борьбы извозчиков в России. „Голос Извозчика“. С 6. 1906. № 5—6.

Канакишанин. Незавидный промысел. [Бурлачество в Олонецкой губ.]. „Вестник Олонецкого Земства“. 1911. № 1.

Клейн, Н. Н. Лечебно-продовольственный пункт для волжских судовых рабочих в г. Царицыне в 1910 г. [Имеются данные об условиях работы по погрузке, возке бревен, откачиванию воды и пр.]. „Врачебно-санитарная хроника Саратовской губ.“. 1911. № 1.

Корнилов, И. П. Волжские бурлаки. „Морской Сборник“. 1862. Ч. 60, № 7 и ч. 63, № 7.

Н., П. Двинские бурлаки. (Письмо из Риги). „Неделя“. 1897. № 30.

Лазаревский, Ф. Тяга с дов. „Экономический Журнал“. 1891. № 2.

Л-в, А. Л. Бурлачество. „Родина“. 1880. № 7.

Лощилов, П. А. Из наблюдений над волжскими грузчиками. [О влиянии профессионального труда грузчиков на их здоровье]. „Врачебная Газета“. 1905. № 28.

¹⁾ О сплавщиках леса см. также литературу о рабочих в лесных промыслах, 16 в группе „С.-х. рабочие“—кн. 7. В. А.“. 1923 г.

Лухианов, Д. С берегов Каспия. [Груд „амбалов“ (грузчиков)]. „Русское Судостроение“. 1903. № 5.

Н. Опасный заработок. [Об извозе леса в Черниговской губ.]. „Неделя“. 1901. № 19.

Н., Е. Условия жизни и труда портовых рабочих. „Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены“. 1905. № 3. (Сообщения из области обществ. экономии).

Небольсин, П. Заметки о волжских бурлаках. „Журнал министерства внутренних дел“. 1852. Ч. 36. Кн. 2.

Никитин, А. Ф. Нагрузка и разгрузка речных судов. „Собрание отчетов и докладов врачей санитарного надзора по р. р. Волге и Каме и на Мариинской системе за 1903 год“. Спб. 1904.

Оглоблин, Н. Ветлужские бурлаки. „Русское Судостроение“. 1904. № № 6 и 7.

Покровская, М. И. Санитарные условия извозного промысла в Спб. „Городское Дело“. 1911. № 11—12.

Прохоров, А. Жизнь извозчиков. „Голос Извозчика“. Спб. 1906. № № 2, 5—6.

Работа волжских грузчиков. „Промышленность и Торговля“. 1917. № 40—41 (Рабочий вопрос).

Руше, Н. Вопрос о кули. „Всемирный Путешественник“. 1876. № 5.

Савинов, П. Нормы и условия труда автомобильных тружеников, тариф, категории и 8-часовой рабочий день. „Всероссийский съезд шоферских союзов и автомобильных частей фронта и

тыла (31 декабря 1917—6 января 1918“). Пгр. 1918. (3-е и 9-е заседания).

Сазонов, Г. П. Ростовщичество-кулачество. Спб. 1894. Статья I. Главы: 1, 2, 3, 4. Крючники. Рабочий муравейник. На Нижегородской яр арке. Батыри.

Сальников, А. Бурлацкая лямка. (Этнографический очерк). „Иллюстрированная Неделя“. 1875. № 1.

Семенов. Как живут казанские грузчики. „Транспортный Рабочий“—орг. И. К. В. П. С. Трансп. рабоч. (местного транспорта). Москва. 1922. № 26—27.

Сиворцов, Н. А. Материалы по исследованию труда и быта грузчиков. „Правда“. 1904. № 8.

Тихомиров, В. С. Петербургская драгильская артель. „Русское Судостроение“. 1903. № 6.

Травматизм среди грузчиков Н.-Новгорода. „Гигиена Труда“. 1923. № 12 (хроника).

Труд грузчиков. „Голос Жизни“. Москва. 1905. № 3. (В провинции).

Федоров, М. С. Драгильская компания в Архангельске. [Артель „драгильей“]. „Сборник материалов об артелях в России“. Вып. I. Спб. 1873.

Чириков, В. Грузчики. (Заметка к отчету за навигацию 1903 года). „Сборник отчетов и докладов врачей санитарного надзора по р. р. Волге и Каме и на Мариинской системе за 1903 год“. Спб. 1904.

23. Химики.

Отдельные издания.

Завойский, Н. Завод азотной кислоты в санитарно-гигиеническом отношении. Казань. 1912. II. + 187 стр. Ц. 1 р.

Мурочкин, Н. Н. Санитарно-статистический очерк заводского населения за 1888—1902 г. г. (Релинский хрустальный завод Переяславского уезда, Владимирской губ.). Владимир губ. 1905. 30 стр.

Смирнов, А. В. Уршальский хрустальный завод Судогодского уезда. Санитарно-статистический очерк 1873—1884.

Филиппов, Ф. Фабрикация сернофосфорных и фосфорных зажигательных спичек в Новгородской губернии. Спб. 1871.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Артошев, А. А. Условия работ в технических заведениях Артиллерийского Водомства и постановка здесь медицинской помощи рабочим [Охтенский завод взрывчатых веществ]. „Труды 2 Всеросс. съезда фабричных

врачей и представит. фаб.-завод. промышленности“. Вып. I. Москва. 1911.

Бабин, П. П. Посад Погорелос Городице, Зубцовского уезда, и вымирание его населения под влиянием спичечных фабрик посада. „Протоколы

5-го Тверского губ. съезда земских врачей Тверской губернии в 1875 г.". Тверь. 1876.

Богоявленский, Н. К. Вопрос о положении рабочих на ртутном заводе Ауэрбаха. „Врач“. 1899. № 12.

Вадковский, В. В. Описание Гусевской больницы и жилищ помещений для рабочих на Гусевской фабрике... Ю. С. Нечаева-Мальцова. „Труды восьмого губ. съезда врачей Владимирского Земства“. Владимир на Клязьме. 1896.

Вондаловский, В. Спичечные заводы в Рязанской губернии. „Здоровье“. 1880. №№ 134—136.

Герцонштейн, Г. М. Гигиеническая обстановка спичечного производства в России. „Вестник общественной гигиены, суд. и практ. медицины“. 1889. № 8.

Гусев, В. А. Суричное производство в Нерехтском уезде. „Врачебно-санитарный обзор Костромской губ.“. 1914. № 8—9.

Дубянская, М. П. Суричное производ. в Нерехтском уезде Костромской губ. „Врачебно-санитарный обзор Костромской губ.“. 1909. Вып. 8.

Иванов, В. П. О пороходелнии в Казани с гигиенической точки зрения. „Военно-Медицинский Журнал“. 1874. № 1.

Нурочкин, Н. Н. Релинский хрустальный завод Перемышлянского уезда, Владимирской губернии. Санитарно-статистический очерк заводского населения за 1888—1902 г. г. „Труды одиннадцатого Съезда членов и представителей земских учреждений по врач.-санит. части во Владимирской губ. 27 мая—5 июня 1904 г.“. Владимир на Клязьме. 1905.

Кушаковский, Л. Н. и Охштейн, И. А. Характеристика условий труда на государственном костеобрабатывающем заводе в г. Амур-Нижнеднепровске, Екатеринославской губернии. „Сборник работ санитарной инспекции на Украине“. Вып. 2. Харьков. 1924.

Лазаревский, Ф. Ижорские спичечные фабрики. „Северный Вестник“. 1886. № 12.

Ландезен, А. Э. Доклад комиссии, избранной 16/VIII—1890 г. для разработки вопроса о мерах предохранения здоровья рабочих на спичечных фабриках. [Результаты обследования Екатеринбургских спичечных заводов]. „Записки Уральского Медицинского Общества в г. Екатеринбурге“. 1892. Вып. 1.

Лукиянов, П. И. О санитарных условиях обстановки пунцового производ-

ства. „Труды Комиссии, учрежденной московским ген.-губернатором для осмотра фабрик и заводов в Москве“. Вып. 1. Москва. 1882.

Макарьев, П. Ф. Санитарное состояние спичечных фабрик Тамбовской губернии. „Тамбовское санитарное обозрение“. 1903. № 5.

М., Е. Профессиональная заболеваемость на газовых заводах. „Общественный Врач“. 1912. № 2.

Никольский, Д. П. Из области профессиональной гигиены. (Несчастные случаи с химическим производством). „Медицинская Беседа“. 1904. № 17—18.

Оливье, Л. О вредных и неблагоприятных условиях при фабрикации соды в профессиональном и общественном отношениях. Перев. с франц. П. И. Кольского с примеч. и медико-топографическим очерком Березниковского содового завода Пермской губернии, Соликамского уезда. „3-й губ. съезд врачей в г. Перми в августе 1886 г.“. Т. II. Пермь. 1887.

Полугородник, В. С. Стеклоплавильные заводы: „Уршал“ — Нечаева-Мальцева и „Гасовский“ — Панфиловых. „Труды одиннадцатого Съезда членов и представителей земских учреждений по врач.-санит. части во Владимирской губ. 27 мая—5 июня 1904 г.“. Владимир на Клязьме. 1905.

Р., М. Спичечные фабрики. [Условия труда на спичечных фабриках Грузинской волости, Новгород. губ.]. „Слово“. 1880. Август.

Своя. Желтая каторга. [Женский труд в мелниновом отделе Охтенского завода взрывчатых веществ]. „Работница“ — орг. ЦК РСДРП. Пгр. 1917. № 1—2. (Хроника).

Сухой, Ф. Жизнь Барановского Госфармзавода имени тов. Ленина. „Рабочий Химик“. Москва. 1923. № 12.

Олиппов, Ф. Фабрикация сернофосфорных и фосфорных зажигательных спичек в Новгородской губернии. „Архив судебной медицины и общественн. гигиены“. 1871. Кн. I.

Ширард, Р. Белые рабы в Англии. Москва. 1904. Гл. I. Рабочие содового производства. Гл. V. Ньюкестльские рабочие на заводах свинцовых белил.

Шор, А. Труд и жизнь рабочих на ртутном заводе Ауэрбаха и К^о. „Вестник Знания“. 1905. № 12.

Шустов, А. Спичечные заводы [в Тверской губ.; антисанитарное состояние двух спичечных заводов, условия труда]. „Тверской Вестник“. 1880. № 15.

24. Швейники.

Отдельные издания.

Олюнина, Е. А. Портновский промысел в Москве и в деревнях Московской и Рязанской губ. Материалы к истории домашней промышленности в России.

Москва. 1914. XI+368 стр. Ц. 1 р. 50 к. (Семинарий по политической экономии, под рук. И. М. Гольдштейна при Московск. Высш. Женск. Курсах Вып. X).

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

А—в. Условия труда Владимирских рабочих по изготовлению одежды и ближайшие задачи профсоюза. „Портной“.—Спб. 1907. № 5—6.

Андреева, Л. О положении петербургских и московских работниц, занятых в производстве одежды. „Труды 1-го Всеросс. женского съезда при русском женском обществе в Спб. 10—16 декабря 1908 г.“. Спб. 1909.

Богословский, С. Сапожные и портновские заведения Богородского уезда. „Вестник обществ. гигиены, судебной и практической медицины“. 1901. Октябрь.

Друнов, С. Пошехонские портные. „Вестник Ярославского Земства“. 1880. № 3.

Иванов, Н. И. Нижегородский портной и портниха. (По данным статистического исследования городского санитарного надзора 1903—1904 г. г.). „Вестник обществ. гигиены, суд. и практич. медицины“. 1907. Август.

Кому вверена охрана труда и куда же теперь обращаться? [Об условиях труда на ф-ке Военно-Хозяйственного ведомства]. „Швейник“. Москва. 1923. № 4.

Критская, Н. А. Жизнь и быт рабочих Франции. Москва. 1924. Глава 4. Жизнь рабочих и работниц швейной промышленности.

Н., Р. Положение рабочих портных дамского платья. „Начало“. 1899. № 4.

О. Женский труд в американской конфекционной индустрии. „Вестник фабричного законодательства и проф. гигиены“. 1905. № 2. (Сообщения из области обществ. экономии).

Погожев, А. Ph. Stein und Fleisch.— К вопросу о положении рабочих в портняжном и сапожном промыслах. „Медицинское Оозрение“. 1898. Сентябрь. (Отдел IV).

Портновские мастерские гор. Харькова. „Вестник обществ. гигиены, судебной и практической медицины“. 1914. № 8 (Хроника.)

Работниц в модных и шляпных мастерских в Одессе. „Работник“ изд. „Союза Русских Социал-демок. атов“. 1897. № 3—4.

Р., Л. Портняжный и конфекционный промыслы в Париже. „Новое Слово“. 1897 № 9 (июнь).

С. Труженицы иглы. (Письмо из Могилева губ.) „Неделя“. 1899. № 1

Соколов, И. Сестрорецкие перчаточницы. „Мир Божий“. 1902. № 8.

Титов, А. Романовские и пошехонские портные в Ростовском уезде. „Вестник Ярославск. Земства“ 1876. № 1.

Условия труда портных г. г. Киева и Одессы. „Пролетарий Иглы“. — Всероссий. орган рабочих портновского, скорняжного и вообще конфекционных произв.“. Спб. 1914. № 2—3

Шатенштейн, Е. Санитарное состояние фабрик и мастерских швейной промышленности г. Москвы „Пролетарий Иглы“—орг. Цен. Ком. Всер. Союза Раб. Швейной Промышл. 1921. № 5—6.

Ширард, Р. Белые рабы в Англии. Москва. 1904. Гл. III. Лидские башмачники и портные.

Шумахер, В. Положение портных в Германии. „Пролетарий Иглы“. Москва. 1920. № 2—3.

25. Разные профессионально-производственные группы.

Отдельные издания.

Богословский, С. М. Санитарное описание заведений мелкой промышленности Богородского уезда. [Хлебопечкарни, сапожные и портняжные заве-

дения и гребешечный промысел.] Москва. Изд. Моск. Губ. Земства. 1907 157 стр. Ц. 50 к.

Бюжеты рабочих технических заведений военного ведомства. Спб. 1904.

Мурзин, С. В. О некоторых условиях жизни населения Хитрова рынка. Москва. 1898. 37+III стр. (И. Р. Т. О. Моск. Отдел. Санитарн. Группа).

Лисовский, Н. М. Рабочие в военном

ведомстве. (По поводу "Трудов" Высочайше учрежденной Комиссии по улучшению быта рабочих военного ведомства). Спб. 1906. II+239 стр.

Мурзин, Я. Безвинно угнетаемые или что значит полотор. Спб. Изд. автора. 16 стр. Ц. 15 коп.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Борисович, В. Общественные работы в Петербурге. [Организация работ Советом безработных, порядок работ, рабочий день, оплата труда]. "Народно-Социалистич. Обзорение". Спб. 1906. Вып. 2 (Хроника).

Васильев, В. Н. Положение портвых рабочих в Одессе. "Журнал Русского О-ва охранения народного здравия". 1904. № 8—9.

В.. М. Промыслы Могилевской губернии. Еврей-кустарь. [Работа на дому и рабочие "табасной" фабрики]. "Экономический Журнал". 1896. № 20—21.

В д а з в. В. Общественные работы в Самаре [есть об условиях работы]. "Юридический Вестник". 1902. № 3 (Разные известия).

Д. Н. Рабочие в пол-акционных предприятнях. "Наше Хозяйство". Спб. 1901. № 12.

З—в, А. Бельгия. Условия труда в монастырских мастерских. "Борьба". Спб. 1914. № 4 (Обзор международного рабочего движения).

Мапустин, М. Я. О состоянии городского завода для обработки падали в о тряпочном промысле в Одессе. "Сведения о врачебно-санитарной организации и эпидемических заболеваниях г. Одессы". 1897. № 10.

Портовья пролетариат и портовая чернь. "Русское Судовоходство". 1906. № 5 (Русская летопись).

Субб.т н. А. Мальцовский заводский район. [Сведения об экономическом быте рабочих]. "Экономический Журнал". 1892. № 5.

У.. Н. Л. Несколько дней на заводах г. Мальцева. "Морской Сборник". 1857. № 12.

III. Ремесло и работа на дому.

Отдельные издания.

Анныферов, А. Система домашней промышленности. (Sweating System). Пробная лекция, читанная в Харьковском университете 21 марта 1903 года. Б. о. м. и г. 17 стр.

Гельд, Алольф. Фабрика и ремесло. Перев. с нем. Ю. Спасского. Москва. (Историч. очерк.) 1895. 48 стр. Ц. 25 к.

Лисенко, С. И. Очерки домашних промыслов и ремесел Полтавской губернии. 1900—1904 г.

Рабочая кабала в Англии. Причины этого экономического зла и меры к его устранению. Перев. с англ. Яновского под ред. М. Туган-Барановского. Спб. Изд. Звонарева. 1900. 40 стр. Ц. 25 к.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Алишев, В. К. вопросу о положении труда в ремесленном производстве. "Народное Хозяйство". 1904. Кн. 6.

Анкет о работе на дому во Франции. "Вестник Финансов. Промышленности и Торговли". 1914. № 25.

Анкет о работе на дому во Франции. "Гигиена и Санитарное Дело". 1914. № 7—9 (Научная хроника.)

Анкет о состоянии домашней и кустарной промышленности в Бельгии.

"Вестник Финансов. Промышленности и Торговли". 1909. № 31.

Благосветлов. О том, что может содействовать развитию ремесленного класса во Франции. "Отечественные Записки". 1859. № 10.

Богословский, С. М. Санитарное описание ручного шелкоткацкого промысла. "Вестник обществен. гигиены, суд. и практ. медицины". 1909. № 4.

Бондаренко, Ив. Из Азова. О сетко-вязальном промысле. „Начало“. 1899. № 3. Борьба с потогонной системой. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли“. 1914. № 30.

Булиин. О московских ремесленниках. „Русский Вестник“. 1860. № 2.

Бухер, К. Возникновение народного хозяйства. Пгр. 1923. Гл. V. Упадок ремесла.

Валино-сапожная промышленность и валино-сапожники. „Нижегородская Земская Газета“. 1908. № 10.

Воллиз, С. „Вор он, а все спасибо ему, — от него кормимся“. (Работа на дому от фабриканта). „Русская Мысль“. 1902. № 8.

Гассен, В. Д. К истории ремесленного труда в древней Руси. (X—XV в. в.). „Архив истории труда в России“. 1922. Кн. 4, 5 и 8.

Глебов, А. Конгресс по вопросам городской домашней промышленности. „Известия Московской Городской Думы“. 1904. Май.

Губсон, Джек. Задачи бедности. Киев—Харьков. 1901. Гл. IV. „Система потения“ (Sweating). Гл. V. Причины потения. Гл. VI. Средства для уничтожения потения.

Гольдштейн, И. Из экономической жизни иностранных государств. Германия. Борьба рабочих с потогонной системой. „Народное Хозяйство“. 1900. № 5.

Григорьев, Н. И. Чахотка и пьянство среди рабочих и мастеровых в ремесленно-промышленных заведениях гор. С.-Петербурга. „Трудовая Помощь“. 1902. № 7 (сентябрь).

Гу — н, М. Среди ремесленников. [Экономич. положение]. „Народно-Социалист. Обзорение“. 1906. Вып. 2. (Хроника).

Дмитрюков, А. Ремесла в городах Судж и Рильске. „Вестник Имп. Русск. Географического Общества“. 1854. Ч. 12 (Географическ. известия и смесь).

Дм — в, Н. Законодательная борьба с работой на дому. „Портной“. Спб. 1907. №№ 5—6, 7—8.

Д — в, Н. Рабочий вопрос на первом ремесленном съезде. „Рабочее Эхо“. Птб. 1910. № 4.

Дмитриев, И. Ремесленные рабочие. „Памятная книга рабочего“. Сборник статей под редакцией В. Ежова. Петроград. Изд. „Книга“. 1918.

Дриль, Д. А. Положение ремесленников и ремесленное законодательство. „Юридический Вестник“. 1891. № 1.

Ефименко, Г. П. Очерк организации городских ремесл в Московском Государстве XVI и XVII веков. „Журнал Министерства Юстиции“. 1914. № 4.

Зиновьев, Г. Ремесленный съезд. „Мысль“. 1911. № 3.

З — и, А. Быт ремесленников и мастеровых с медико-полицейской точки зрения. „Журнал Землевладельцев“. 1858, 9. Т. 4. № 16.

Зомбарт, В. Домашняя промышленность. В кн. „Промышленность“. Статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Спб. Изд. Водовозовой. 1905.

Зомбарт, В. Домашняя промышленность в Германии. История труда в связи с историей некоторых форм промышленности. Спб. Изд. Водовозовой. 1897.

Иоллов, Г. Б. Немецкие ремесленники. К характеристике труда в германской промышленности. „Русское Богатство“. 1895. № 6.

Исаев, А. А. Кустари и ремесленники. Исторически-бытовой очерк. „Новь“. 1885. № 6.

И вопросу о домашней промышленности и ее нуждах в Германии. „Вестник Финансов, Пром. и Торг.“. 1906. Т. I. № 9.

И., Н. Из Франции. [О парижских ремесленниках: игрушечное производство и портновско-швейные мастерские]. „Русское Богатство“. 1896. № 1.

Иовров, А. Из Германии. [Работа на дому в конфекционной индустрии]. „Русское Богатство“. 1896. № 3.

Иозлов, П. Развитие рогожого промысла в Приунженском Крае. „Лесопромышленный Вестник“. 1915. № 51 (Хроника).

Иропотники, А. Поля, фабрики, мастерские. Спб.—Москва. 1921. Гл. VI—VII. Мелкое производство и промышленные поселения.

Мулишер, М. И. Из истории цехов и у нас и в Европе. „Вестник Европы“. 1888. Август.

Леонтович, Ф. И. Сельские ремесленники в Литовском государстве. „Варшавские Университетские Известия“. 1898. №№ 2, 3.

Липский, А. А. Кустарно-ремесленные промыслы в С.-Петербургской губернии. „Спб. Земский Вестник“. 1903. Январь—февраль.

Марголин, С. О. Условия труда в ремесленной и домашней промышленности. „Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены“. 1905. № 2.

Маркс, К. Капитал. Т. I. Кн. I. Процесс производства капитала. Харьков. 1923. Отд. 4, гл. 13, п. 8: Современный домашний труд.

Маслов, Л. Об основах экономической науки. Ремесло и кустарное производство. „Правда“. Москва. 1904. № 6.

Материальный быт наших ремесленников и средства к его улучшению. „Народная Ремесленная Газета“. 1871. № 7.

Мелине промыслы. (Письмо из Могилева.) „Неделя“. 1901. № 6.

Мир-и, Нох. Домашняя промышленность в Германии. (По поводу берлинской выставки изделий домашней индустрии). „Истина“. Спб. 1906. № 3.

Надеждин, М. А. О нашей ремесленной промышленности. „Экономист России“. 1911. № 4.

Нинальский, Д. П. Ремесленная промышленность в Финляндии. „Гигиена и санитарное дело“. 1916. № 1—2 (Научная хроника).

Ностиц, Ганс. Рабочий класс Англии в XIX столетии. Москва. 1902. Гл. II, доб. I-е. Система выжимания пота.

Озеров, И. Как борются с Sweating System? „Русское Экономическое Обозрение“. 1901. № 8.

П., А. Наши ремесленники. „Русское Богатство“. 1900. Кн. 4.

Пашиковский, М. Е. Санитарное состояние ремесленных заведений гор. Богородска, Московской губернии. „Труды 4 съезда русских врачей в память Н. И. Пирогова в Москве 1892 г.“. № 8. (Отдел общественной медицины и гигиены). Москва. 1892.

Пискунов. Еще несколько слов о наших ремесленниках. „Современник“. 1859. № 4.

Покровский, П. Система выжимания пота и борьба с ней. „Вестник Европы“. 1914. № 8.

Положение ремесленного труда в Японии. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли“. 1913. № 37.

Р., Л. Портняжный и конфекционный промысел в Париже. „Новое Слово“. 1897. № 9 (июнь).

Святловский, В., 2-й. Рабочий вопрос в ремесленном производстве. „Народное Хозяйство“. 1900. № 5.

Смирнов, А. Ручной ткач или фабрика (во Владимирской губернии). Статистический этюд. „Русская Мысль“. 1903. № 9.

Смирнов, Е. К. вопросу о свободе ремесленного труда. [Свобода от приписки к цеху мастеров в Прибалтийских губерниях]. „Вестник Права“. 1901. № 2.

Соколов, И. Сестрорецкие перчаточники. „Мир Божий“. 1902. № 2.

Сталь, Л. Условия труда в домашней промышленности во Франции. „Вопросы Страхования“. 1915. № 10.

Тун, А. Укудная промышленность в Ахенском округе. [Ремесленное ткачество, положение рабочих в домашней и фабричной промышленности]. „Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России“. Вып. VI. Спб. 1880.

Тун, А. Шелковая и бархатная промышленность на левом берегу Рейна. „Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России“. Вып. 4. Спб. 1881.

Ульянов, М. Новейшая иностранная литература о домашней (кустарной) промышленности. „Вестник Европы“. 1911. № 5.

Ф., Ю. Привилегированное положение охтенских (в Петербурге) ремесленников. „Архив истории труда в России“. 1923. Кн. 4 (Заметки архивистов).

Шелковое ткачество во Владимирской губернии. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли“. 1909. № 33.

Шульце-Геверниц-фон, Г. Крупное производство. Его значение для экономического и социального прогресса. Этюд из области хлопчато-бумажной промышленности. Перев. с нем. Л. Б. Красина. Спб. Изд. Пантелеева. 1897. Гл. II, п. II, В: Ткачество [Сведения о домашних ткачах].

Юзефович-Шпинана, И. Домашний труд (квартирничество) и его защита. „Вестник Кожевенного Труда“ — Сборник статей. Москва. Изд. Всер. Совета Проф. Союзов раб. кожев. производ. 1918. № 1.

IV. Внеземледельческие отхожие промыслы.

Отдельные издания.

Брещинский. Промыслы кустарные, местные и отхожие в Калужской губернии. 1902. 75. стр.

Жбанков, Д. Бабыя сторона. Статико-этнографический очерк. Кострома 1891.

Жбанков, Д. Н. Влияние отхожих работ на движение народонаселения в Костромской губ. по данным 1866—1883 г. г. Кострома. 1887.

Жбанков, Д. Н. Отхожие промыслы в Смоленской губ. в 1892—1895 г.г. (Приложение к материалам о распространении сифилиса в Смоленской губ.). Смоленск. Изд. Смоленского губернского Земства. 1896.

Зародыш сельского пролетариата в Ярославской губернии. Ярославль. 1884. 40 стр.

Зверев, П. Н. Гранитный промысел на Урале. Екатеринбург. Изд. Екатеринбургского уездного Земства. 1887. II+94+XXVII стр.

Ирилов, А. А. Отхожие промыслы крестьян. Раздел I. „Районы отхода“. Ярославль. 1896. (Обзор Ярославской губернии. Вып. II).

Иртак очерк местных отхожих промыслов населения Харьковской губернии. (По сведениям добровольных корреспондентов и по данным волостных правлений о числе выданных паспортов). Харьков. Изд. Харьковский Губ. Земства. 1905. 168 стр.

Максимов, С. В. Лесная глушь.—Картины народного быта. [Жизнь костромских маляров в Питере]. Ч. I и II. СПб. изд. Плотникова. 1871.

Молессон, И. И. Санитарно-статистические материалы Тамбовской губернии. Краткие очерки некоторых данных об отхожих промыслах Тамбовской губ. в 1899 году. Тамбов. 1901.

Молессон. Отхожие промыслы в Калужской губернии в санитарном отношении.

Микитин, А. Волжский отход в Нижегородской губернии. 1905.

Отхожие промыслы, переселенческое и богомольческое движение в Воронежской губернии в 1911 году. Составлено санитарными врачами Воронежского губернского Земства под ред. д-ра А. Н. Мееркова. Воронеж. Изд. Губернской Земской Управы. 1914. 3+304 стр.

Отчет об исследовании отхожего промысла между Харьковом и Таганрогом. Харьков. Изд. Харьковского Статистического Комитета. 1882.

Промыслы и внеземледельческие занятия крестьян центрального района. Курск. 1885. II+228 стр.

Сведения об отхожих промыслах в Воронежской губернии за 1897 г. Воронеж. Изд. Губ. Земской Управы. 1899. 53 стр.

Тезиков, Н. И. Сведения об отхожих промыслах в Воронежской губ. за 1898 г. Воронеж. Изд. Губ. Управы. 1899. 53 стр.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Андреев, В. Калужский плотник. „Друг Народа“. Киев. 1875. № 21.

Бзлов, А. Отхожие промыслы в Ярославской губ. и их значение в хозяйственной жизни местного населения. „Земледельческая Газета“. 1905. № 37, 38.

Безобразов, В. П. Край отхожих промыслов. Из путевых воспоминаний. „Новь“. СПб. 1885. № 10, 11.

Белозерский. Отхожие промыслы в Леонтьевской волости Мологиного уезда. „Вестник Ярославского Земства“. 1903. № 10, 13—14.

Бентковский, И. Отхожие промыслы. „Экономический Журнал“. 1886. Кн. 19.

Бернштейн-Моган, С. Экономический обзор. (К характеристике и оценке промыслового отхода на Западе и в России). „Московский Ежедневник“. 1910. № 2.

Бернштейн-Моган. Отхожий промысел. „Известия Петроградского Политехнического Института“. 1914. № 21; 1915. № 24.

Боголюбов, А. Н. Отхожие промыслы, передвижение рабочих и рынки найма

в Калужской губернии. „Четвертое губ. совещание земских врачей и председателей управ Калужской губернии. 13—18 июня 1910 г.“ Вып. I. Калуга. 1910.

Бойко. Материалы об отходе крестьянского населения Минской губ. на заработки. „Вестник Сельского Хозяйства“. Москва. 1904. №№ 20, 21, 23.

Бондаренко, М. Корреспонд. из села Васильевки, Кобелянского уезда об отхожем промысле. „Хуторянин“. Киев. 1910. № 1.

Вагин, В. Заметки об общинном быте забайкальских казаков III пешего отдела. (Отхожие промыслы на прииске). „Известия Сибирск. Отдел. Географического общества“. Иркутск. 1881. Т. 12. № 1.

Васин, Л. П. Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства. „Дело“. 1886. № 7; 1887. №№ 2 и 5.

Вихляев, П. Устойчивость внеземледельческих отхоже-промысловых заработков сельского населения в России. „Народное Хозяйство“. 1900. № 3.

Внеземледельческие промыслы Вологодской губ. „Вестник Финансов, Промышл. и торговли“. 1901. № 50.

Вскресенский, Н. В. Кустарные промыслы в Нижнедевицком уезде, имеющие характ.р. отхожих промыслов. „Памятная книжка Воронежской губернии на 1878—1879 г.г.“. Воронеж. 1878.

Гвоздев, Р. Кулачество - ростовщичество. Его общественно - экономическое значение. Спб. Изд. Н. Гарина. 1899. Глава V. Ростовщичество-кулачество и отхожие промыслы.

Герценштейн, Г. М. К вопросу об отхожих промыслах. „Русская Мысль“. 1887. № 9.

Грузинов, М. Из с. Заозерья. [Корреспонд. об отхожих промыслах населения]. „Вестник Ярославского Земства“. 1903. № 11—12.

Дерунов, С. Пошехонские портные. „Вестник Ярославского Земства“. 1880. Май—июль. № 95—96.

Дубровский, Н. Около земли. [Об упадке земледелия и стремлении деревенского населения в город на отхожие промыслы]. „Вестник Олонецкого Земства“. 1911. №№ 17, 18.

Жбанков, Д. Н. Бабыя сторона [Отхожие промыслы Солигаличского и Чухломского уездов]. „Материалы для статистики Костромской губ.“. 1891. Вып. 8.

Жбанков, Д. Влияние отхожих заработков на движение народонаселения. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практ. медицины“. 1885. № 1.

Жбанков, Д. Влияние отхожих заработков на движение народонаселения Костромской губ. по данным 1866—1883 г. г. „Материалы для статистики Костромской губернии“. Вып. 7. 1887.

Жбанков, Д. О городских отхожих заработках в Солигаличском уезде Костромской губ. „Юридический Вестник“. 1890. № 9.

Жбанков, Д. Н. Санитарные условия отхода. „Русский Врач“. 1902. №№ 46, 47—48.

Зембрицкий, В. В. Летний лесной промысел в Шлиссельбургском уезде. „Спб. Земский Вестник“. 1903. Май.

Иванович, В. Лишние руки в Псковской губернии. [О развитии местных отхожих промыслов]. „Хозяин“. Спб. 1903. № 52.

Исрамашико. О санитарном значении отхожего промысла. „Врач“. 1894. № 48.

Карелин, А. А. Земледелие и промыслы крестьян Яренского уезда Воло-

годской губернии. [Охота, рыболовство, местные и отхожие промыслы]. „Вологжанин“ — литературно-научный сборник. Вологда. 1895.

Марышев, Н. Народно-хозяйственные наброски. XXXV. К изучению наших отхожих промыслов. „Русское Богатство“, 1896. № 7.

Марышев, Н. Народно-хозяйственные наброски. XXXVII. Отхожие промыслы Смоленской губ. „Русское Богатство“. 1897. № 6.

Н вопросу об отхожих промыслах. „Экономический Журнал“. 1886. № 16. (Экономическое обозрение).

Н вопросу об отхожих промыслах в Псковской губернии. „Вестник Псковского Земства“. 1903. № 5.

Мириллов, Л. А. К вопросу о внеземледельческом отходе крестьянского населения. „Труды Имп. Вольного Экономического Общества“. 1899. № 3.

Мратий очерк отхожих промыслов Калужской губернии в 1903 году. „Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины“. 1903. № 6. (Хроника).

Мрасноперов, И. Отхожие промыслы. Письмо из Твери. „Неделя“. 1901. № 8.

Крестьянские неземледельческие промыслы Калужской губернии. „Экономический Журнал“. 1886. № 11.

Мунгуцев, А. Щеточное производство в Кривской волости Шадринского уезда [Отхожий промысел]. „Сборник Пермского Земства“. 1888. № 21.

Лебедев, В. С. Доклад комиссии по выработке программы исследования отхожего промысла. „Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губ.“. 1901. № 12.

Лебедев, В. С. К вопросу об изучении отхожих промыслов в санитарном отношении. Доклад комиссии санитарных врачей. „Сведения о заразн. бол. и медико-санитарной организации в Моск. губ.“. 1901. № 11.

Лебедев, В. С. По вопросу об изучении отхожих промыслов Московской губ. „Сведения о заразных болезнях и врачебно-санитарной организации в Московской губернии“. 1900. № 9.

Лонский, Б. Отхожие неземледельческие промыслы в России. „Отечественные Записки“. 1877. №№ 10, 12.

Лисицин, Н. Брейтовская волость Мологского уезда. [Корреспонд. об отхожих промыслах]. „Вестник Ярославского Земства“. 1903. №№ 11—12.

Матросов, Н. С. Кузаранда, Петрозаводского уезда. [Корреспонд. о заработках местных крестьян-возчиков на лесных промыслах]. „Вестник Олонцкого Земства“. 1911. № 12.

Минорский, В. Движение персидских рабочих на промыслы в Закавказье. (Донесения из Азербейджана). „Сборник консульских донесений“. 1905. Вып. 3.

[Новые данные об отхожих промыслах]. „Русская Мысль“. 1896. № 11 (Внутреннее обозрение).

Доников, Об отхожих рабочих. (Письмо из Рождественск. волости, Земл. у., Ворон. г.) „Сельский Вестник“. 1890. № 12.

О., П. Отхожие промыслы. „Новое Слово“. 1896. № 11 (Обозрение внутренней жизни).

Отход Осеневской волости, Ярославского уезда и отхожий плотничий промысел. „Вестник Ярославского Земства“. 1905. № 5.

Отхожие промыслы. „Экономический Журнал“. 1885. № 7 (Экономическое обозрение).

Отхожие промыслы в Архангельской губернии (с 1899 по 1905 год). „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли“. 1908. № 44.

Отхожие промыслы в Богодуховском уезде, Харьковской губернии. „Южно-Русская Сельско-Хозяйственная Газета“. 1902. № 1.

Отхожие промыслы в Курской губ. „Вестник Финансов, Пром. и Торговли“. 1908. Т. II. № 21.

Отхожие промыслы и кустарничество. „Труды Имп. Вольн. Эконом. Общества“. 1878. Вып. 4 (Сельско-хозяйственное обозрение).

Обзор промыслов крестьянского населения. „Вестник Финансов, Промышл. и Торговли“. 1910. № 13 (Внутренние известия).

Отхожие промыслы из неурожайных губерний. „Сельский Вестник“. 1891. № 52.

Офенин промысел во Владимирской губернии. „Вестник Владимирского губернского земства“. 1900. № 22.

Панов, А. В. Санитарные и экономические условия отхожих промыслов. „Хуторянин“. Полтава. 1901. № 47.

Панов, А. Санитарные и экономические условия отхожих промыслов. „Саратовская Земская Неделя“. 1901. № 34—37.

П., М. Опять на заработки в чужие края. [Об отхожих промыслах крестьян]. „Сельский Вестник“. 1910. № 90.

По вопросу об урегулировании отхожих заработков. „Вестник Симбирского Земства“. 1892. № 9.

Пришли рабочие. „Неделя“. 1897. № 27.

Промыслы (местные и отхожие) крестьян Псковской губернии. „Вестник Псковского Земства“. 1902. № 3.

Регламентация отхожих промыслов. „Вестник Европы“. 1891. № 5.

Романов, А. Е. О влиянии отхожих промыслов на распространение сифилиса в Кузнецком уезде. „Протоколы заседаний третьего съезда земских врачей и уполномоченных уездных земств Саратовской губ.“ Саратов. 1887.

Романов, Н. Статистическое описание Орловского уезда Вятской губернии. Вятка. 1876. [В 5 главе дана характеристика отхожих промыслов].

Руднев, В. М. Изучение отхожих промыслов в земской статистике. „Труды Имп. Вольного Экономического Общества“. 1898. Кн. 5.

Руднев, С. Ф. Промыслы крестьян Европейской России. „Сборник Саратовского Губ. Земства“. 1894. № 6 и 11.

Сазонов, Г. П. Кабала в отхожем промысле. „Наблюдатель“. 1889. Март—апрель.

Синдерицкий, Ф. И. Народные скитания. 2 т. III [Об отхожих промыслах]. „Земский Сборник Черниговской губ“. 1890. № 2.

Сналозубов, Н. Некоторые сведения об отхожих промыслах крестьян Красноуфимского уезда. „Сборник Пермского Земства“. 1891. № 3—4.

Сний, И. Внеземледельческие промыслы крестьян Вятской губернии. „Вятская Газета“. 1902. № 18.

Скульский, А. В. Зародыш сельского пролетариата. [Отхожие промыслы Любимского уезда]. „Вестник Ярославского Земства“. 1878. № 75—76.

Слюницкий, Г. Несколько слов о местных и отхожих промыслах в Киевской губернии. „Земледелие“. 1905. № 2.

С. С. К. вопросу о значении отхожих промыслов для крестьянского хозяйства. „Наше Хозяйство“. Спб. 1900. № 72, 73.

Состояние местных и отхожих промыслов населения Владимирской губернии в 1898—1899 г. „Вестник Владимирского Губернского Земства“. 1899. № 21.

Состояние местных и отхожих промыслов населения Владимирской губернии весной и летом 1899 г. „Вестник Владимирского Земства“. 1900. № 2.

Состояние местных и отхожих промыслов во Владимирской губернии зи-

мой 1903 — 1904 г. п весной 1904 г. „Вестник Владимирского Земства“. 1905. № 23—24.

Статистическое описание Ананьевского уезда. Отдел I, § 17. Отхожие промыслы. „Сборник Херсонского Земства“. 1890. № № 1 и 2.

Т-но. Отход крестьян в земледельческой полосе России. „Труды Имп. Вольного Экономического Общества“. 1888. № № 9 и 12.

Уваров, М. С. О санитарном значении отхожих промыслов Тверской губернии. „Журнал Русского Общества охранения народного здоровья“. 1895. № 2.

Успенский, П. Минусы отхожих промыслов. „Вестник Олонского Земства“. 1909. № 12.

Уход на заработки в Тульской губ. „Известия Имп. Русского Географического Общества“. 1879. № 3.

Чахотин, С. Русские отхожие промыслы в Сербии. „Сборник консульских донесений“. 1898. Вып. III.

Чупров, А. И. Речи и статьи. Т. III. Москва. 1909. Статьи на разные темы: V. Передвижение рабочих на заработки.

Ш., Г. К. вопросу об отхожих промыслах в России. „Трудовая Помощь“. 1913. № 8.

Шлыков, Л. А. Влияние отхожих промыслов на сельское хозяйство. „Вестник Сельского Хозяйства“. Москва. 1915. № № 2, 3 и 5.

Шнейдер. Об отхожих рабочих. [Исьмо из с. Ягодная Поляна, Саратовского уезда]. „Сельский Вестник“. 1890. № 7.

Ярославские отхожники. „Сельский Вестник“. 1889. № 50.

С. Наплун.

(Окончание в следующем №).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Об основном историзме политической экономии.

Вопрос об историческом понимании политэкономии за последнее время нередко выступает в литературе, главным образом при обсуждении желательного типа учебников. Три учебника, написанные мною единолично или в сотрудничестве с другими авторами, подвергались критике в том смысле, что это учебники, собственно, не политической экономии, а истории народного хозяйства. По существу я ответил на это подробным обоснованием своей точки зрения в новом издании «Общей теории капитализма» (написанный всецело мною 4-й выпуск II тома «Курса полит. экономии» Богданова-Степанова; данному вопросу посвящена первая глава книги).

Но дело вступило теперь в новую фазу, в значительной мере выходящую за пределы простой критики. Мой историзм в способе изложения политической экономии начинают уже характеризовать, как ревизионистский, контр-революционный. На такую тему я знаю пока одну статью, в журнале «Большевик» № 5—6, 1924 г.), за подписью «Петров» (С «исправленным» Марксом). По существу полемизировать с этой статьей мне кажется излишним; по я вынужден сделать указание, которое, быть может, сведет вопрос с почвы, столь неудобной для научного работника, желающего спокойно и безпрепятственно работать.

О первом моем учебнике, построенном на исторической схеме, — о «Кратком курсе экономической науки» дал подробную рецензию В. И. Ленин. Она была напечатана в журнале «Мир Божий» 1898 г., за апрель, без подписи, по обычаю этого журнала. Тот ее настолько горячо-сочувственный, что мне несколько

затруднительно даже ее цитировать; но все же я приведу места, относящиеся к данному вопросу.

Автор с самого начала дает ясное и точное определение политической экономии, как науки, изучающей общественные отношения производства и распределения в их развитии (3), и нигде не отступает от такого взгляда, нередко весьма плохо понимаемого учеными профессорами политической экономии»... (стр. 98).

Воззрение на политическую экономию, как на науку о развивающихся исторических укладах общественного производства, положено в основу порядка изложения этой науки в «Курсе» г-на Богданова¹⁾. Изложив вначале краткие «общие понятия» о науке (стр. 1—19), а в конце краткую «историю экономических воззрений» (стр. 235 — 290), автор излагает содержание науки в отделе В. «Процесс экономического развития», излагает не догматически (как это принято в большинстве учебников), а в форме характеристики последовательных периодов экономического развития, именно: периода первобытного родового коммунизма, периода рабства, периода феодализма и цехов, и, наконец, капитализма. Именно так и следует излагать политическую экономию. Возразят, пожалуй, что таким образом автору неизбежно приходится дробить один и тот же теоретический отдел (напр. о деньгах) между разными периодами и впадать в повторения. Но этот чисто формальный недостаток вполне искупается основными достоинствами исторического изложения. Да и недостаток ли это? Повторения получаются весьма незначительные, полезные для начинающего, потому что он тверже усваивает себе особенно важные положения. Отнесение, напр., исторических функций денег к различным периодам экономического развития наглядно показывает учащемуся, что теоретический анализ функций основан не на абстрактной спекуляции, а на точном изучении того, что происходило в историческом развитии человечества. Представление об отдельных, исторически-определенных укладах общественного хозяйства получается более цельное. А ведь задача руководства к политической экономии состоит в том, чтобы дать изучающему эту науку основные понятия о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы; вся задача состоит в том, чтобы человек, усвоивший себе начальное руководство, имел в руках надежную путеводную нить для дальнейшего изучения этого предмета, чтобы он получил интерес к такому изучению, поняв, что с вопросами экономической науки связаны важнейшие вопросы современной общественной жизни. В девяносто девяти случаях из ста именно этого и недостает руководителям по политической экономии»... (стр. 99).

Как видно, не только нет речи о «вредном направлении», скрывающемся под историческим способом изложения, но нет намека даже и на то, что это — не политическая экономия, а история народного хозяйства. Просто — «именно так и следует излагать политическую экономию».

Так высказывался Ленин. А из экономистов меньшевистских и ревизионистских я не могу припомнить ни одного, который выражал бы согласие в этом вопросе с моей точкой зрения. На противоположной же, как известно, стоят экономисты крайне различных оттенков: Бухарин, Гильфердинг, меньшевистский теоретик И. Рубин, Туган-Барановский и почти все буржуазные экономисты. Для них это вполне естественно, — и даже тем в большей мере, чем последовательнее их буржуазная тенденция; потому что, сводя политическую

¹⁾ Слово «г-н» было тогда, 26 лет тому назад, обязательной формой вежливости в таком журнале, как подцензурный «Мир Божий» (А. Б.).

экономия в теории капитализма, они тогда не перестают от этого считать ее общей экономической наукой; в их глазах, капитализм — единственная нормальная система, все предшествующие формации — ее зародыши, а высших быть не может.

Все сказанное я отнюдь не рассматриваю, как обоснование и доказательство моей точки зрения: оно, как я упоминал, дано в моем «Курсе», в общей теории капитализма; здесь же моя задача гораздо уже, и в ее пределах сказанного, я думаю, достаточно. Воспользуюсь только случаем сделать одну чисто фактическую поправку. Автор статьи в «Большевике», по поводу главы о военном коммунизме в моей части большого «Курса» (т. II, вып. 4) утверждает:

Ни слова о рабочем движении, как определяющем моменте нашей революции. Указание на то, что пролетариат стал руководящей силой, отсутствует даже в той глухой форме, как это сделано Богдановым в последнем издании «Науки об общественном сознании»... (стр. 100).

В действительности же в основу изложения вопроса о военном коммунизме мною положен анализ трудового рабоче-крестьянского блока, начинающийся так:

«Какие же классы и группы образуют этот блок? Во 1) конечно, рабочий пролетариат, в природе которого лежит тенденция и к коллективизму труда, и к коммунизму распределения». Далее поясняется, почему даже отсталые слои рабочего класса тяготеют к коммунизму; и следует заключение: «Таким образом на этой почве легко об'единяется вся пролетарская масса. А ее авангард, по своей организованности, становится естественным руководителем блока» (стр. 264).

Думаю, что к такой поправке прибавлять ничего не требуется.

А. Богданов.

4 сентября 1924 г.

СОДЕРЖАНИЕ

I отдел. Статьи:

Стр.

Крицкий, И. Героический период великой русской революции (опыт анализа т. н. военного коммунизма)	3
Митрохин, Г. Промышленная депрессия в России 1906—1909 г.г.	147
Рейнор, М. Условная символика как социальный раздражитель	175
Руденко, И. Лунач, как теоретик классового сознания	193

II отдел. Стенограммы докладов, читаемых в Комм. Академии.

Доклад Верыкина. История философии и марксистская философия истории	243

III отдел. Библиография.

Аверинский, В. Ленинский сборник I. Под редакцией Л. В. Канторовича	345
Бухарин, Н. Из теории и практики денежного обращения в Германии	346
Шенкман, Г. Психология в американской экономике	348

Приложение.

Коллун, С. Положение рабочего класса. Указатель литературы на русском языке (продолжение)	377
Войтин, А. Прислано в редакцию (об основном историческом политическом экономии)	393